

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — КНИГА 12.

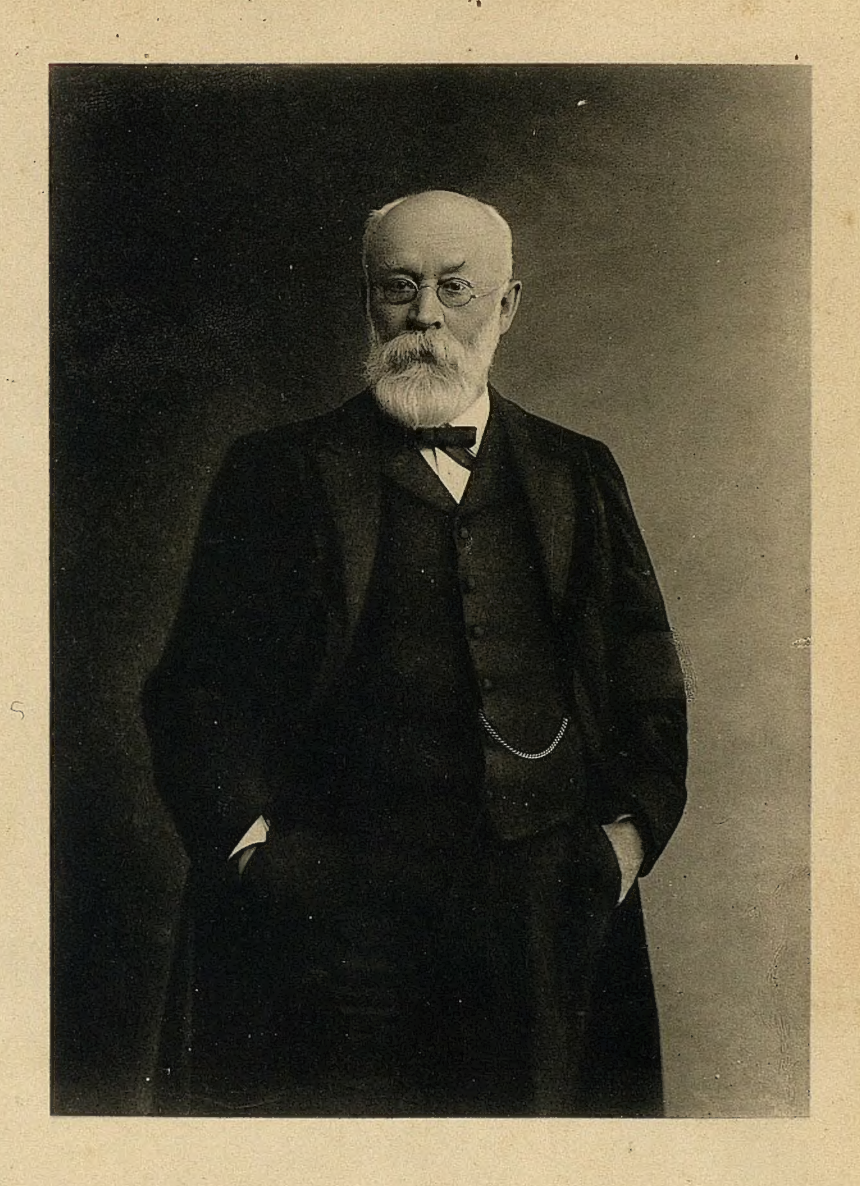
ДЕКАБРЬ, 1907.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

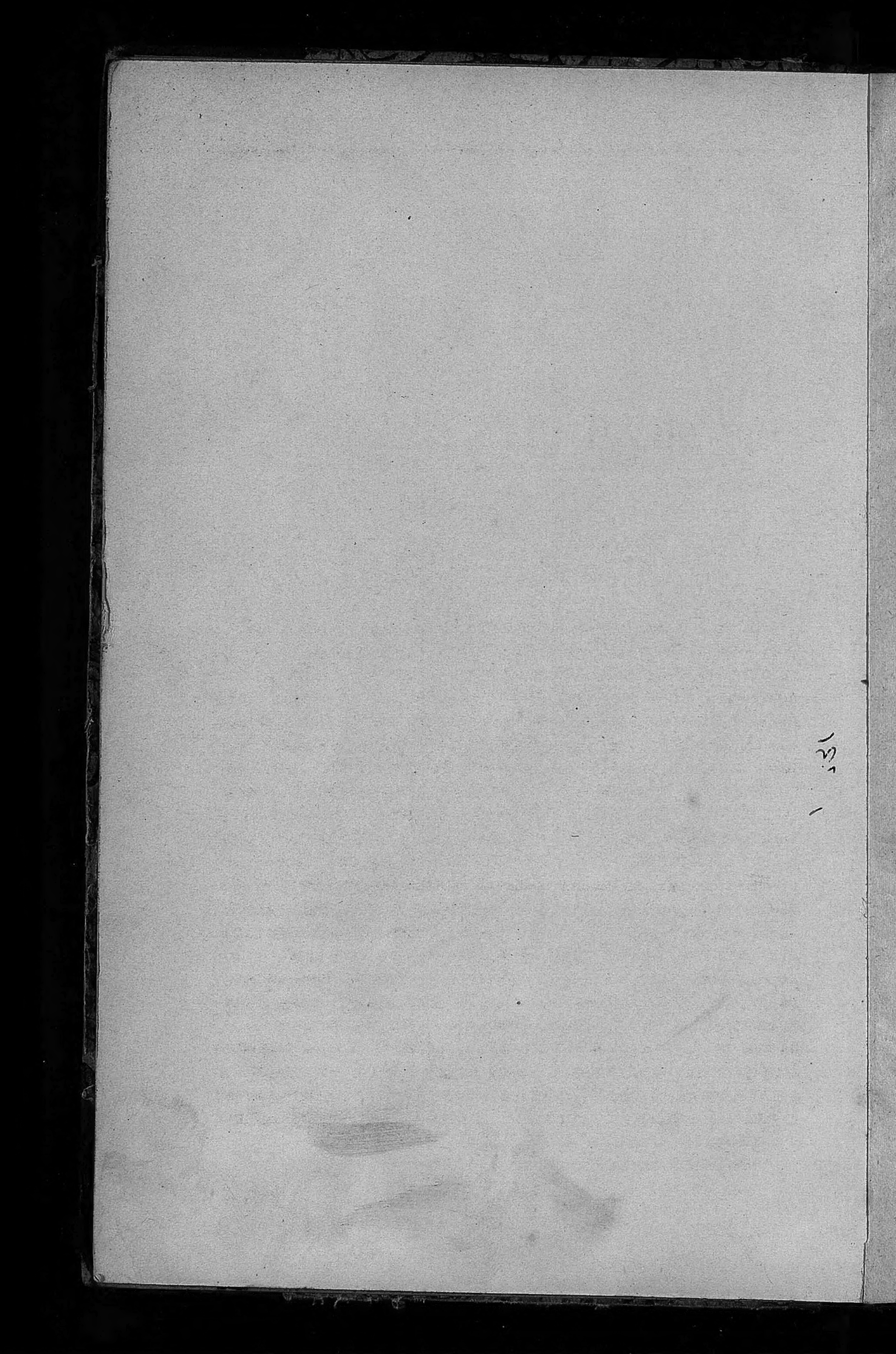
КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1907.

К. Арсеньевъ

1866 $\frac{15}{XI}$ 1907.

Фототипія Я. Классонъ, С.-Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.
Преемн. Н. Каминскій.

Н. П. ОГАРЕВЪ

И

ЕГО ЛЮБОВЬ

Въ концѣ мая 1842 г., Огаревъ, наконецъ, собрался въ дорогу—за-границу, въ Карлсбадъ, гдѣ, какъ мы видѣли [1]), думалъ встрѣтиться съ женой, Марьей Львовной; но онъ хотѣлъ прежде повидаться съ Герценомъ и, пріѣхавъ къ нему въ Новгородъ, провелъ съ нимъ одиннадцать дней. Говорили они, разумѣется, и о Марьѣ Львовнѣ. Съ какими мыслями ѣхалъ къ женѣ Огаревъ, видно изъ записи Герцена въ его дневникѣ, подъ 10-мъ іюня (день отъѣзда Огарева изъ Новгорода): „Онъ намѣренъ разойтись съ нею. Дай Богъ, но врядъ ли найдетъ достаточно силы. Она хитростью, притворствомъ можетъ еще овладѣть его тихой и благородной душой“... Огаревъ, повидимому, и самъ далеко еще не былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи. Нѣсколько дней спустя, размышляя о призракахъ, которые часто властвуютъ надъ человѣкомъ, Герценъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Оттого человѣкъ кажется рабомъ страстей болѣе, нежели онъ есть, что его не выпускаютъ изъ смѣшного рабства „sui generis“ предразсудки, напр., монашескіе обѣты. Примѣръ передъ глазами. Огаревъ понимаетъ ясно, когда бракъ есть что-нибудь, и когда онъ дѣлается нелѣпой формой, взаимнымъ рабствомъ, отвратительнымъ соединеніемъ гетерогеннаго; такой бракъ in facto уже распался, а если нѣтъ дѣтей, онъ—безслѣдно прошедшее. *Онъ* именно въ этомъ случаѣ—а не смѣетъ разойтись. Боится общественнаго мнѣнія,

---

[1]) См. выше: ноябрь, стр. 5.

говоритъ онъ; но тутъ есть и другая боязнь — отъ совѣсти timorée". Эти послѣднія слова не совсѣмъ точны; Огаревъ боялся общественнаго мнѣнія не за себя: онъ боялся, что открытый разрывъ обречетъ Марью Львовну на мучительно-ложное положеніе въ обществѣ. Но это соображеніе, какъ увидимъ ниже, далеко отступало передъ иными мотивами, и прежде всего — передъ сознаніемъ собственной вины въ отношеніи М. Л. Въ одномъ изъ писемъ этого же года Сатинъ совершенно вѣрно характеризовалъ положеніе дѣла [1]): „Что сказать тебѣ на твои обвиненія противъ М. Л.? Всѣ они справедливы, и самъ я ихъ повторялъ много разъ, но все-таки я имѣю къ ней сострадание и повторяю, что Огаревъ поступилъ бы неблагородно, бросивъ ее. Она дурна, но кто виноватъ въ этомъ? Отчасти она, но гораздо болѣе судьба, бросившая ее въ эту колею, а не въ другую... Огаревъ *по-неволѣ* виноватъ въ одномъ — въ своей слабости. Онъ никогда не могъ бы передѣлать натуры своей жены, но могъ бы остановить ея дурныя наклонности. Ну, да что дѣлать, онъ слабъ. А потому для него выходъ невозможенъ и страданія неизбѣжны"...

Во второй половинѣ іюня, Огаревъ, повидимому, моремъ, изъ Кронштадта, выѣхалъ за-границу, и, вѣроятно, въ началѣ іюля въ Майнцѣ встрѣтился съ Марьей Львовной, поспѣшившей къ нему навстрѣчу изъ Неаполя. О томъ, что произошло здѣсь между ними, мы узнаемъ только изъ несовсѣмъ яснаго разсказа Анненкова, основаннаго на письмахъ присутствовавшаго при этомъ свиданіи Сатина къ русскимъ друзьямъ. „Произошло объясненіе между ними, и свидѣтель (т.-е. Сатинъ) прибавляетъ, что онъ измучился въ теченіе двухъ недѣль, пока оно длилось. Сурово оттолкнутая и оскорбленная на первыхъ порахъ раздраженнымъ мужемъ, Марья Львовна обнаружила гордость женщины, грубо призванной къ отвѣту въ то время, какъ она пришла съ сознаніемъ своей опрометчивости и раскаяніемъ. Далѣе разсказчикъ повѣствуетъ, что вскорѣ роли перемѣнились: изъ подсудимой Марья Львовна сдѣлалась такой рѣшительницей участи Огарева, что послѣдній искалъ сдѣлки, примиренія, унижался, льстилъ, прибѣгалъ къ хитростямъ — и получилъ отпущеніе. Теперь — поясняетъ разсказчикъ — „они связаны тѣснѣе, нежели когда-нибудь, и не любовью, а обстоятельствами".

Какъ показываетъ приводимое дальше Анненковымъ письмо Сатина, миръ состоялся на условіяхъ замѣны любви дружбою и

---

[1]) „Анненковъ и его друзья", стр. 95 и далѣе. Отсюда же и всѣ дальнѣйшія выдержки изъ писемъ Сатина.

взаимной свободы; Огаревъ выдалъ женѣ вексель въ 30.000 руб. серебромъ и назначилъ ей ежегодное содержаніе. Это же письмо открываетъ мотивы, которыми руководился въ настоящемъ случаѣ Огаревъ. Во-первыхъ, онъ хотѣлъ избавить жену отъ ложнаго положенія въ свѣтѣ; далѣе, самъ пріучивъ ее къ роскоши, онъ не могъ оставить ее безъ средствъ, а отъ человѣка, который оттолкнулъ ее, она не взяла бы денегъ; наконецъ, онъ разсчитывалъ, что его нравственная поддержка, при ея полномъ одиночествѣ, будетъ ей полезна.

По заключеніи мира, супруги направились въ Карлсбадъ, гдѣ М. Л. собиралась продолжать свое леченіе. Здѣсь Огаревъ, 19 іюля ст. ст., принялся писать обширное письмо къ московскимъ друзьямъ [1]). О своемъ примиреніи съ женою онъ говоритъ глухо. „Жизнь моя легче, чѣмъ была, — пишетъ онъ. — Я вижу выходъ. Отнынѣ я свободно буду гулять по свѣту. Марія — благороднѣйшій человѣкъ въ мірѣ; мы всегда останемся друзьями... Итакъ, мои отношенія обрисовались, я былъ откровененъ, сколько могъ. Во всемъ этомъ много горькаго и тяжелаго; но опредѣленность спасительна и жить хотя не радостнѣе, но легче“.

Однако въ Карлсбадѣ Огаревъ оставался недолго: 4-го августа ст. ст., онъ уѣхалъ на Рейнъ, а жена его перебралась въ Эмсъ, чтобы пользоваться ваннами. Поѣздка Огарева продолжалась недѣли три. Нижеслѣдующія письма писаны именно во время этой отлучки. Они все еще полны любви и нѣжнаго состраданія. Огаревъ точно ищетъ забыться въ быстрой смѣнѣ впечатлѣній; видно, что ему очень тяжело, что для него все кончено, — но онъ старается согрѣть *ее* теплымъ словомъ братскаго участія.

38.

Гейсенгеймъ. Четвергъ.

Происшествія этого дня удивительны. Въ просонкахъ ты простилась со мною. Мнѣ стало грустно — и ночь мы были врозь. Въ 6 час. пришелъ я на паровозъ. Возлѣ меня молодой человѣкъ — Крюднеръ — одинъ изъ друзей Галахова и его сестеръ, дерптскій нѣмецъ, человѣкъ неглупый и милый; жаль, что на пароходѣ мы съ нимъ не познакомились. Онъ любитъ Гал. чрез-

---

[1]) „Изъ переписки недавнихъ дѣятелей“, „Русск. Мысль“, 1889, XI, стр. 9. Анненковъ (указ. соч., стр. 96) невѣрно изображаетъ маршрутъ Огаревыхъ: въ Италію они уѣхали только осенью, а не тотчасъ послѣ майнцскаго свиданія.

вычайно. Они вмѣстѣ были въ Дерптѣ; и Фролова онъ хорошо знаетъ и понимаетъ. Мы съ нимъ пошли къ Бетману. Такъ какъ надо было явиться не прежде $8^1/_2$, то я взялъ у Крюд. денегъ и пошелъ расплатиться съ Бингомъ, да справилъ всѣ твои коммиссіи. Потомъ къ Бетману—въ ту минуту, когда отворяли дверь конторы,—что однако не помѣшало опоздать 10 минутъ. Вотъ отчего я къ тебѣ не пріѣхалъ. Бетм. надулъ на 100 фр., несмотря на живую протестацію съ моей стороны. Потомъ мы пошли съ Крюд. въ домъ Гёте и въ картинную галерею. Я провелъ время хорошо. Въ 12 час. отправились мы оба въ Майнцъ. Обѣдали. За обѣдомъ подходилъ и говорилъ Тучковъ. Да, во Франкфуртѣ я закричалъ: Гоголь!—и Гоголь явился; мы вмѣстѣ ѣхали на паровозѣ.—Чудакъ онъ! Въ Майнцѣ я осмотрѣлъ достопримѣчательный соборъ и въ 5 час. на маленькомъ пароходѣ уѣхалъ сюда, въ Гейсенгеймъ. Видъ Рейна въ лунную ночь несравненъ. Былъ концертъ стиріанцевъ на берегу Рейна въ Wirths Theater.—Я пилъ рейнвейнъ въ погребѣ Lade. Чудо хорошъ! И до 10 гулялъ. Завтра въ 4 час. утра ѣду въ Johannisberg, а въ 7 на пароходѣ въ Bonn.—Вотъ все.—Я невеселъ и не невеселъ. Какъ-то мы сухо разстались. Вотъ отчего и невеселъ. Прощай. Иду спать. Перо ужасное! Ужаснѣе чернилъ и чернильницы—а это много сказано. Прощай! Обнимаю и благословляю тебя. Это идетъ на почту въ Кобленцъ.—Сталю цѣлую. Онъ обѣщался быть уменъ. Прощай!...

39.

Кельнъ. 5 час.

Вчера я не писалъ къ тебѣ. И въ самомъ дѣлѣ, мудрено успѣвать писать во время путешествія, которое нѣмцы называютъ flüchtig. Ну! что ты дѣлаешь? Скучаешь? лечишься? Помнишь друга иль забыла? Эмсъ такъ хорошъ, что мнѣ подчасъ жалко, что я не остался тамъ. Я былъ бы съ тобою, покоенъ и наслаждался бы природой. Но вотъ тебѣ отчетъ путешествія, изъ котораго ты увидишь, что я не даромъ жалѣю, что уѣхалъ, потому что часть времени провелъ въ безполезной скукѣ.

Я остановился въ Боннѣ. 1-е—пошелъ къ „Henry et Cohen libraires“ и спросилъ про Ж.-З., которой здѣсь ни въ Боннѣ, ни около Бонна никогда не бывало. Мнѣ было жаль, что я ее не увижу, потому что глубоко ее уважаю, еще болѣе какъ человѣка, чѣмъ какъ писателя, и жаль было, что ты ее не увидишь. Потомъ пошелъ въ университетъ. — Зала съ фресками, изображающими

четыре факультета, мнѣ не очень понравилась. Натянутыя фигуры великихъ людей и еще болѣе натянутыя аллегорическія фигуры, и только. Библіотека огромна, но едва ли очень достопримѣчательна. Библіотекарь—лифляндецъ, говоритъ по-русски и радъ, когда выйдетъ случай сказать русское слово; онъ былъ солдатомъ въ 14-мъ году и съ тѣхъ поръ остался, и уже 23 года смотрителемъ библіотеки въ Боннѣ и побраниваетъ Русь. Онъ показывалъ мнѣ древности. Вообрази себѣ, что здѣсь почва до такой степени историческая, что стоитъ начать копать землю, чтобъ тотчасъ вырыть римскую древность. Я съ тайнымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на остатки надгробныхъ памятниковъ, вазъ и предметовъ роскоши римлянъ. Остатковъ среднихъ вѣковъ мало. Церковь—въ византійскомъ стилѣ. Она строена въ IX-мъ вѣкѣ Еленой, женою Константина Великаго. Мѣсто des alten Zelts на берегу Рейна восхитительно, съ видомъ на Siebengebirge. За ужиномъ я имѣлъ несчастіе сойтись съ Погребовымъ, учащимся въ Боннѣ. Анета про него говорила и хвалила. Но это такая непроходимая с......, какихъ рѣдко бываетъ. Онъ на другой день звалъ меня съѣздить на Drachenfels. Въ 5 час. утра я съѣздилъ верхомъ на Крейцбергъ, откуда славный видъ, а въ 9 отправились мы на Drachenfels. Дождь не допустилъ насъ доѣхать, и я только потерялъ время. Въ 4-мъ часу я прибылъ въ Кельнъ и пошелъ бродить. Соборъ—!! Это удивительная вещь. Ты еще никогда не видала готической архитектуры: ну, просто хочется стать на колѣни и молиться. Ахъ, Маша, — я наслаждался и въ первый разъ понялъ архитектуру. Сверху— видъ дивный! Лонъ-лакей очень надоѣлъ мнѣ. Молодой человѣкъ, очень хорошенькій, племянникъ Мейендорфа, лифляндецъ, ходилъ со мной, мы говорили по-русски. Не знаю, какъ его зовутъ. Другія церкви также примѣчательно хороши. Въ картинной галереѣ много хорошаго, но не отличнаго. Вечеромъ видъ на Кельнъ съ того берега Рейна очарователенъ. Жаль, что тебя нѣтъ со мною. Здѣсь пробуждаются ощущенія небывалыя. Природа и исторія вмѣстѣ дѣйствуютъ сильно. Черезъ часъ ѣду въ Дюссельдорфъ.

Я къ тебѣ не писалъ по вечерамъ отъ чрезмѣрной усталости, которую чувствую отъ дороги и ранняго вставанья, т.-е. невыспанныхъ ночей.—На пароходѣ я говорилъ съ бельгійцами. Въ Брюсселѣ теперь выставка всякаго рода произведеній. Желѣзная дорога изъ Кельна въ Ахенъ открывается только завтра. Въ Дюссельд. я пробуду не болѣе 3 час.—Крюднеръ былъ моей лучшей встрѣчей. Замѣть, что судьба меня сводитъ со всѣмъ,

что̀ лучшаго въ Россіи. Иногда много надежды въ душѣ — но рѣдко. Маша! Богъ знаетъ, что̀ такое жизнь. Еще я никому не доставилъ истиннаго счастья—ни даже себѣ. Зачѣмъ страданіе привязывается съ дѣтства и грызетъ всю жизнь? Зачѣмъ столько дурного видишь и дѣлаешь?— Гоголь не вѣритъ смерти Лермонтова, ибо дуэль давно извѣстна и извѣстно, что никто въ ней не погибъ. Слава Богу, если такъ! Страшно видѣть, что все лучшее гибнетъ. Куда выводитъ жизнь насъ?

Грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,—

а почти такъ. Я вялъ, Маша, — правда; но, ей Богу, давно я не проводилъ цѣлаго дня спокойно. — Что-то внутри мучитъ и кричитъ — напрасно была дана молодость. — Въ какомъ-то ты расположеніи духа?

Благословляю тебя и обнимаю, друга моя. Цѣлую Станю. Ну! поцѣлуй меня! Прощай!.. До Брюсселя.

40.

Un retard imprévu m'a fait aller à Wiesbad, et au lieu de continuer mon voyage sur Rhin, je reste ici 2 jours. J'ai rencontré — comment pense-tu qui?—Sasonoff! Странны встрѣчи съ людьми, съ которыми не видался 9 лѣтъ. Я нашелъ его, какъ думалъ, чрезвычайно умнымъ и современнымъ человѣкомъ. Онъ пережилъ въ себѣ многое, и многое мнѣ симпатично. Мы обрадовались другъ другу, какъ давно не радовались.

Ну! а ты, моя бѣдная, измученная Маша! Еще разъ прошу тебя—забудемъ все, что̀ было, и благословимъ другъ друга по прежнему. Напрасно ты думаешь, что ты мнѣ не нужна. Если ты чувствуешь, что я тебѣ нуженъ, то повѣрь, что и наоборотъ то же. Дай мнѣ ручку и давай любить другъ друга. Сколько бъ я передъ тобой ни былъ виноватъ — ты забудь это. Я съ своей стороны не нахожу, чтобъ ты въ чемъ-нибудь была передо мной виновата. Ergo: будемъ жить вмѣстѣ въ мирѣ и любви. Не такъ ли? Напиши мнѣ въ Бахарахъ или Бонпортъ. А я уже дальше Кобленца не поѣду и прибуду къ тебѣ, chère enfant, чтобъ успокоить тебя.

Вчера я былъ въ концертѣ m-lle Giorgi, римской primadonn'ы. Norma меня растрогала. Видишь, если-бъ ты возлѣ меня сидѣла и у тебя навернулась бы слеза — мнѣ было бы лучше.

Потомъ я нашелъ имя Сазонова въ курлистѣ и отыскивалъ его—и не отыскалъ, что̀ сегодня сдѣлалъ съ помощью Lohndiener'а. Но ужиналъ вчера съ русскими (дураками). Господи Боже мой! какіе есть на Руси люди—это ужасъ!

Жарко, и я становлюсь самъ глупъ.

Что̀ за великое дѣло „Исторія“! Сазоновъ и я—9 лѣтъ врозь совершаемъ одинаковое развитіе. Вѣдь надо, чтобъ общее современное такъ въѣлось въ насъ—иначе нѣтъ возможности одинаковаго развитія при разныхъ отношеніяхъ. А что̀ современность, какъ не дѣлающаяся „Исторія“?

Но прощай, Маша! Пойду бродить ногами, а рука не ходитъ. Будь спокойна и здорова. Je t'embrasse et te bénis. Ton Nicolas.

Jeudi.

41.

Дюссельдорфъ. 5 сент. веч. 6 ч.

Я пріѣхалъ въ 10 час. утра. Осмотрѣлъ, въ короткое время, что̀ стоитъ вниманія, и долженъ до 8 час. вечера дожидаться отъѣзда Eilwagen'а — въ Ахенъ. Въ Ахенѣ я буду въ 4 часа утра. Къ обѣду—въ Брюсселѣ, гдѣ пробуду до обѣда 8-го числа. 9-го буду въ Ostende, а 10-го, не останавливаясь, пущусь въ Кобленцъ, и 12-го, много 13-го—у тебя. Какъ скучно не получать отъ тебя писемъ! Все что-то тревожитъ. Странно! Часто мы смотримъ двуглавымъ орломъ, но что-то, un je ne sais quoi—такъ сильно привязываетъ насъ другъ къ другу, что мы никогда не разлетимся. Даже ежели бы и что̀ важное пробѣжало между нами, и тогда мы не можемъ разорва̀ться и скорѣй все простимъ другъ другу, лишь бы быть вмѣстѣ. Желалъ бы я знать, что̀ ты дѣлаешь.—Я скучаю въ Дюссельдорфѣ. Жуковскій еще здѣсь, но не хочется идти къ нему. Къ чему? Онъ не интересенъ; придти и сказать: я также пописываю стишки — глупо; искать себѣ мецената — еще пошлѣе. Пошатался по саду, который лучше всѣхъ садовъ, т.-е. парковъ, которые я только видѣлъ: огроменъ и что̀ за растенія, т.-е. деревья! Всего примѣчательнѣе картина проф. Зона — Тассо сочиняетъ im dunklen Laube, гдѣ Goldorangen blühen, и обѣ Элеоноры смотрятъ на него изъ-за-куста, давая другъ другу знакъ, чтобы не мѣшать ему. Славная картина! Лица женщинъ хороши, и лицо Тасса чрезвычайно выразительно. Сегодня на пароходѣ я зябъ, какъ собака. Встрѣтилъ юношу, очень похожаго на Сатина, и англи-

чанку, очень напоминающую Душеньку Коб.—хотѣлъ съ обоими познакомиться, но всѣ преглупо сидѣли въ каютѣ; да, впрочемъ, я былъ d'une humeur de chien, что, я думаю, давеча отразилось въ моемъ письмѣ. Я въ припадкѣ самообвиненій, а эта тема—самая мучительная и безконечная. — Сейчасъ бродилъ по лавкамъ. Здѣсь славные пистолеты, но поскупился вынуть 60 талеровъ изъ кармана, и купилъ очень миленькую пороховницу. Спрашивалъ cassolette — нѣтъ. Кельнъ и Дюссельдорфъ представляютъ почти на всѣхъ улицахъ движеніе, какъ на Невскомъ проспектѣ. Это принадлежность торговыхъ городовъ.—Мнѣ надо было еще смотрѣть церковь—но всѣ лонъ-лакеи такъ мнѣ опротивѣли, что я сижу въ комнатѣ и ужасно мосаденъ [1]. Что-то такое тревожное, дикое въ душѣ, что я не радъ самъ себѣ; все противно, и бѣготня на улицахъ, и холодъ, и жирныя голландскія рожи, и аффектированныя лица нѣмецкихъ идеалистовъ, и все движеніе торговое кажется такимъ обманомъ, и люди въ блузѣ такъ жалки—и самъ себѣ такъ наскучилъ, что не знаю, куда дѣваться! Европа! да—здѣсь привольнѣй для насъ, а для европейца такъ же тягостно. А я отчасти европеецъ, и потому мнѣ отчасти тягостно. Столько язвъ въ обществѣ, и когда это все залечится, и какъ? Христіанство и фурьеризмъ — два противорѣчія—этого еще Г(ерценъ) не замѣтилъ. Христіанство все основано на внутренней жизни, на Gemüth, на идеализаціи, а фурьеризмъ—на голой реальности. Христосъ не удовлетворяетъ оттого, что людямъ надо реальной жизни, дѣйствительнаго, а не заоблачнаго блаженства; а фурьеризмъ не удовлетворяетъ потому, что когда Gemüth не живетъ, плохъ человѣкъ бываетъ. Что же наконецъ? Философія примиряетъ въ мысли — такъ! да фактъ-то, дѣло-то намъ надо, подавай сюда счастье въ дѣйствительной жизни, да и только. А гдѣ оно? Что дѣлать? Какъ вытащить страдающихъ изъ страданій? Христосъ это сдѣлалъ актомъ des Gemüths, сказавъ: „Пріидите, всѣ плачущіе, и азъ упокою вы". А теперь этого мало, мало царствія небеснаго; не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки. Гдѣ вѣра? Гдѣ надежда? — Разорванность — вотъ еще черта нашего времени. Гадко! А Рейнъ при лунѣ тихій, величавый. — Маша! да зачѣмъ же нѣтъ примиренія съ людьми? Прощай! Цѣлую и благословляю и обнимаю тебя и будь здорова и не уставай отъ ваннъ. Спрошу чаю и отправлюсь на почту и въ Eilwagen. Addio, carissima. Завтра напишу изъ Брюсселя.

---

[1]) Maussade.

42.

Брюссель. 8-го.

Уже два дня я не писалъ къ тебѣ. Сегодня справлялся на почтѣ, не вздумала ли ты написать ко мнѣ—но нѣтъ. Это мнѣ грустно. Какая-то тоска и безпокойство меня преслѣдуютъ, какъ cauchemar. Вижу, что мое возвращеніе въ Русь будетъ мнѣ тягостно. Но не надо сѣтовать и смущать другъ друга. Слушай реляцію моего путешествія. Изъ Дюссельдорфа въ Ахенъ я ѣхалъ съ очень скучными людьми, и съ однимъ изъ нихъ осматривалъ городъ. Соборъ—странное, но прекрасное сочетаніе готическаго стиля съ византійскимъ. Тутъ похороненъ Карлъ Великій. Не знаю, почему есть люди огромнаго историческаго значенія, которыхъ память меня нисколько не тревожитъ. Carolus Magnus—изъ ихъ числа. Видъ съ горы Луисбергъ хорошъ, и поваръ въ гостинницѣ хорошъ; я былъ очень радъ и тому, и другому. Смотря на желѣзную дорогу, я упалъ въ канаву — и потомъ всталъ, разумѣется. А потомъ въ дилижансѣ (желѣзн. дор. еще нѣтъ) отправился въ Люттихъ (Liège), гдѣ ночевалъ въ одной комнатѣ съ моимъ compagnon de diligence—von Houlthieu, очень порядочнымъ человѣкомъ, большимъ другомъ Venedey, который писалъ брошюру о рейнскихъ дѣлахъ. Въ 7 час. уѣхалъ на желѣзную дорогу и въ 12 былъ въ Брюсселѣ. Тьеръ правъ— Брюссель не сколокъ съ Парижа умственнымъ движеніемъ, а только промышленнымъ, Брюссель—une contrefaçon belge Парижа; ему хочется быть французскимъ, но онъ и малъ, и мелокъ, какъ его книги. Однако улицы шумны, лавки многія богаты. Я заказалъ платье, купилъ сапоги, нашелъ кассолетку à ressort, причесался, купилъ примочку, которая моетъ голову, и помаду, которая пачкаетъ бакенбарды, обѣдалъ и былъ въ театрѣ St.-Firmine; актеръ de la Comédie Française изъ Парижа—превосходенъ. Здѣшняя актриса—забылъ, какъ ее зовутъ — хороша, еслибъ не монотонность голоса. Давали „École de vieillards"—пьеса шла весьма хорошо и сдѣлала на меня впечатлѣніе, потому что я чувствую: старикъ, ребенокъ и я — одно и то же: во мнѣ всѣ глупости, страсти, необузданность стариковъ, дѣтей и юношей такъ слились, что я, можетъ быть, отъ того не знаю, куда двинуться, и кажусь вялымъ. Потомъ давали „Сильфиду", которая идетъ настолько глупѣе нашего, что я не сталъ смотрѣть и пилъ чай au café des 1000 colonnes, и пошелъ домой пѣшкомъ, одинъ, насилу нашелъ дорогу и легъ въ часъ. Сегодня былъ въ

картинной галереѣ музея, гдѣ 2 картины Рубенса удивительны и 2 новыя картины, на которыя можно долго смотрѣть. Но я про нихъ разскажу лично, ты же не любишь читать картино-описанія. Наконецъ, скажу тебѣ, что мнѣ скучно шляться одному, и, проживъ завтрашній день въ Брюсселѣ, — я послѣ завтра отправлюсь опять въ Ахенъ, и въ Кельнъ, и въ Кобленцъ — и въ Эмсъ, ни на мигъ не останавливаясь. Итакъ, скоро увидимся. Слава Богу! Я всю дорогу былъ d'une humeur de chien, чортъ знаетъ съ чего.

Сейчасъ отправлю письмо на почту и отправлюсь справлять твои коммиссіи. Прощай, Маша, другъ мой,—дай ручку. Скоро увидимся и обнимемся—мнѣ нуженъ покой, нужно забыться, я мученикъ и самъ себѣ палачъ, и не знаю, куда убѣжать отъ себя. Можетъ быть—въ твои объятія. Съ нѣкотораго времени все для меня можетъ быть, и ничему я не вѣрю. Прощай! Цѣлую тебя. Извини, что скверно писалъ — пора на почту. Addio!

Сталю цѣлую. Жор. и Ан. Петр. кланяюсь. Два раза не поспѣлъ къ концерту Рубини съ проклятыми Eilwagen'ами. Сегодня Concert d'harmonie и Opéra comique; буду и тутъ, и тамъ. Объ выставкѣ донесу лично—это чудо девятое—жаль, что тебя не было. Такъ бы вотъ все и закупилъ.

Повидимому, вскорѣ по возвращеніи Огарева изъ этой поѣздки, въ концѣ сентября или началѣ октября по новому стилю, онъ двинулся съ женою въ Италію. Каково было въ это время его настроеніе, показываетъ его письмо къ Сатину, писанное въ Цюрихѣ, т.-е. на пути въ Италію [1]): „Измученный пошлостью моего поведенія, съ ненавистью въ душѣ, я ѣхалъ и пріѣхалъ сюда... Зачѣмъ я унижался подъ-конецъ? Затѣмъ, что я видѣлъ въ этомъ возстановленіе и спасеніе отъ всѣхъ преслѣдованій женщины, которую я глубоко оскорбилъ... Но битва не кончена. Во мнѣ разрушенъ цѣлый міръ, къ которому я былъ привязанъ... Всѣ униженія, которыя я понесъ, лежатъ на сердцѣ... Въ призваніи художника я не отчаялся; остальное все погибло. Ширь жизни, жажда наслажденій и блаженства будутъ тщетны, свято затаены... Мой путь унылъ, но я буду силенъ“...

Сообщая эти строки московскимъ друзьямъ, Сатинъ прибавляетъ: „Марья Львовна съ своей стороны пишетъ ко мнѣ, что

---

[1]) „Анненковъ и его друзья“, стр. 97.

она поняла теперь совершенно свои отношенія къ мужу, и клянется, что она измѣнится и никогда не стѣснитъ его ни словомъ, ни дѣломъ... Чѣмъ все это кончится—Богъ знаетъ! Одно только вѣрно, что Огаревъ теперь страдаетъ такъ, какъ никогда еще не страдалъ. Теперь обѣщается быть сильнымъ... Дай-то Богъ! А онъ можетъ быть силенъ. Въ самомъ этомъ униженіи, перенесенномъ имъ добровольно для возстановленія женщины, онъ явилъ силу огромную, но только некстати употребленную".

Письма Сатина были въ эти мѣсяцы, повидимому, единственнымъ источникомъ, откуда друзья, жившіе въ Россіи, получали свѣдѣнія объ Огаревѣ. Самъ Огаревъ, стыдясь своей жалкой роли, либо подолгу молчалъ, либо—какъ въ карлсбадскомъ письмѣ—говорилъ о своей семейной исторіи вскользь и больше намеками.

Герценъ узналъ подробности примиренія между Огаревымъ и Марьей Львовной только въ началѣ ноября, изъ письма Сатина. 2-го ноября, онъ записалъ въ свой дневникъ [1]): „Письмо отъ Сатина изъ Ганау. Огаревъ опять надѣлалъ глупости въ отношеніи къ женѣ, снова сошелся съ нею, поступалъ слабо, обманывалъ, унижался и опять сошелся послѣ всего бывшаго. Вотъ что я писалъ къ Огареву: „Бѣдный, бѣдный Огаревъ, я грущу о твоемъ положеніи, но ни слова,—когда дружба истощила безуспѣшно все, чтобъ предупредить, отвратить; ея дѣло остаться вѣрною въ любви. Дай руку, какъ бы ты ни поступилъ, не хочу быть судьей твоимъ, хочу быть твоимъ другомъ; я отворачиваюсь отъ темной стороны твоей жизни и знаю всю полноту прекраснаго и высокаго, заключеннаго въ ней. У тебя широкія ворота для выхода изъ личныхъ отношеній—искусство, міръ всеобщаго; я хочу не знать жалкой борьбы, отъ которой раны, конечно, будутъ не на груди"... „Для хладнокровнаго наблюдателя,—продолжаетъ Герценъ,—это психологическій феноменъ, достойный изученія. Чѣмъ эта ограниченная, неблагородная, некрасивая наконецъ, женщина, противоположная ему во всѣхъ смыслахъ, держитъ его въ илотизмѣ? Любовью?—онъ не любитъ ее, даже не уважаетъ. Абстрактной идеей брака?—онъ давно не признаетъ власть его. Чѣмъ же? Отталкивающее ея существо такъ сильно, что все, приближавшееся къ ней, ненавидитъ ее; вездѣ, на Кавказѣ, въ Москвѣ, въ Неаполѣ, Парижѣ, она возбуждала смѣхъ и негодованіе. Сожалѣніе и слабость, безпредѣльная слабость,—вотъ что затягиваетъ цѣпь, которую должно было сбросить,—такъ

[1]) Дневникъ Герцена цитируется по женевскому изданію его сочиненій, 1875 г., т. I.

далеко зашелъ ея эгоистическій, дерзкій нравъ. Такая ли будущность ждала Огарева? И въ такомъ-то омутѣ теряетъ онъ силы на глупую борьбу, теряетъ здоровье, жизнь. Это ужасно! Но теперь-то ему и нужна дружба".

Приблизительно то же, что Герценъ, писали Огареву, вѣроятно, и московскіе друзья—Кетчеръ, Грановскій и др. Только въ мартѣ (т.-е. 1843 г.) Огаревъ, наконецъ, собрался съ духомъ дать имъ отчетъ въ своемъ поведеніи. Это письмо показываетъ намъ Огарева на высокомъ уровнѣ самосознанія. Въ томъ, что онъ говоритъ здѣсь о себѣ, нечего измѣнить — такъ отчетливо вскрылъ онъ двойственность своей натуры, свою слабость въ дѣйствіи и свою силу въ сознаніи. „Откровенный самъ съ собою,— пишетъ онъ [1]), — я знаю всѣ пружины, которыя заставляютъ меня дѣйствовать, и, къ великому моему прискорбію, я, въ самомъ дѣлѣ, похожъ на машину, которую разныя пружины приводятъ въ движеніе, и она идетъ непроизвольно, покорная ихъ толчкамъ. Конечно, хозяинъ, сирѣчь сознаніе, понимаетъ, что, почему и какъ,—но ничѣмъ не распоряжается, не останавливаетъ и не двигаетъ, а только смотритъ—больше ничего. Но давайте, кончимъ сначала всѣ разговоры, въ которыхъ можетъ отзываться горечь. Я ребенокъ—это несомнѣнно; вслѣдствіе этого, несмотря на свѣтлое сознаніе (котораго дѣло сторона), я дѣлаю и надѣлаю тысячи глупостей. Въ эти глупости могутъ войти равныя доли добраго и гадкаго. Но я не вѣрю въ *безвыходности* и не признаю никакого положенія безвыходнымъ. Ergo, я живу съ полнымъ упованіемъ въ жизнь. Какъ всѣ люди, не имѣющіе „гордаго чела и непреклонной воли", я приношу въ поступки нерѣшительность, медленность или младенческое своеволіе и не обрѣтаю въ себѣ силъ стать выше этого. Но если нѣтъ непреклонности воли — есть непреклонность сознанія. Это есть выходъ, передъ которымъ должны пасть нерѣшительность и своеволіе, и тогда настанетъ время святости жизни... Теперь довольно объ этомъ. Я надѣюсь, что ваши ясные взоры изъ сихъ штриховъ составятъ себѣ всю картину моей жизни. Одно только еще замѣчу: отнесите въ моихъ глупостяхъ долю гадкаго къ поступкамъ, а долю добраго къ внутреннимъ побужденіямъ и намѣреніямъ. Иначе вы меня оскорбите несправедливо. Будетъ съ меня обидъ, наносимыхъ мнѣ самимъ собою. Но также не вините никого въ моихъ обстоятельствахъ, кромѣ меня самого. Изъ двухъ страдающихъ лицъ одно благородно, другое нѣтъ. Это другое лицо—я. Не сердись,

---

[1]) „Изъ переп. нед. дѣят.", „Р. М." 1889, XII, стр. 7—8.

баронъ [1]),—это правда. Узнаешь—повѣришь. Я думаю, Ritter [2]) скорѣй могъ вамъ задать задачу о гадостяхъ, мною учиненныхъ, чѣмъ о моей безвыходности".

Въ отвѣтъ на апологію Марьи Львовны, заключавшуюся въ послѣднихъ строкахъ, Герценъ писалъ потомъ Огареву [3]): „Я торжественно протестую противъ твоихъ самообвиненій и противъ титула „благородное существо". Какъ ты назовешь существо, которое по сухости души въ состояніи съ утонченнымъ эгоизмомъ давить и тѣснить семилѣтняго ребенка [4])? Моего отпущенія тому существу нѣтъ. Я многое узналъ отъ различныхъ противоположныхъ лицъ".—Огаревъ разумѣлъ, можетъ быть, нѣчто другое. Онъ естественно могъ себя спрашивать: вправѣ ли онъ осуждать Марью Львовну за ея легкомысленное поведеніе, когда онъ самъ все это время подчасъ сильно кутилъ?

Огаревы прожили въ Италіи всю зиму 1842—43 гг., Марья Львовна, повидимому, безвыѣздно въ Римѣ, Огаревъ — сначала во Флоренціи, потомъ съ нею въ Римѣ. За эту зиму М. Л., окончательно и, такъ сказать, уже формально сошлась съ извѣстнымъ русскимъ художникомъ Сократомъ Воробьевымъ, симпатичнымъ и слабовольнымъ человѣкомъ, пріятелемъ Огарева. Тѣмъ не менѣе, Огаревъ не разставался съ нею, все по тѣмъ же причинамъ. „Изъ письма къ нему Сатина (Франкфуртъ, 2 марта) видно, что Огаревъ писалъ ему о необходимости для него „выхода" изъ его отношеній къ женѣ и о страхѣ „разрушить чужое существованіе". Сатинъ отвѣчаетъ ему вопросомъ: „избѣгнешь ли ты раскаянія, ежели не разрушивъ, то стѣснивъ свое собственное существованіе?"—и говоритъ дальше: „впрочемъ, мнѣ кажется, ты пишешь слово разгадки: не *рвать* нужно, а *распутать*. Дай тебѣ Богъ успѣха" [5]).

По веснѣ Огаревы переѣхали въ Неаполь, откуда предполагали, съ наступленіемъ лечебнаго сезона, снова перекочевать за Альпы, М. Л.—опять на воды въ Карлсбадъ, а Огаревъ—куда его направитъ извѣстный тогда врачъ Коппъ, лечившій всѣхъ русскихъ—и Гоголя, и А. П. Елагину, и др. Но еще изъ Неаполя Огаревъ въ началѣ нашего мая (т. е. 1843 г.) предпринялъ небольшое путешествіе на сѣверъ, чтобы повидаться съ Фроло-

---

[1]) Кетчеръ.

[2]) Сатинъ.

[3]) „Изъ переп. нед. дѣят.", тамъ же, 1890 г., III, стр. 1.

[4]) Герценъ имѣетъ въ виду, безъ сомнѣнія, того племянника М. Л., взятаго ею на воспитаніе, о которомъ неоднократно говорится въ этихъ письмахъ.

[5]) „Изъ переп. нед. дѣят.", тамъ же, 1889 г., XII, стр. 6.

вымъ, жившимъ тогда въ „Bagni di Lucca". Отъ этой поѣздки сохранились слѣдующія шесть его писемъ къ М. Л. Она оставалась въ Неаполѣ и должна была съѣхаться съ нимъ въ сѣверной Италіи.

43.

20 мая. Civitta Vecchia.

Человѣкъ располагаетъ, а Богъ распоряжаетъ,—сказала какая-то непроходимая скотина, и не соврала. Я только сейчасъ сюда пріѣхалъ, т.-е. ровно 24 часа позже, чѣмъ думалъ. Противный вѣтеръ продержалъ насъ цѣлую ночь на якорѣ въ Байѣ и помѣшалъ скоро ѣхать далѣе. Вчера качка была такъ велика, что я даже былъ боленъ съ полчаса.—Ну! вотъ я путешествую, Маша! Лучше ли мнѣ? Богъ вѣсть. Дорога меня разстроила: я весь будто расклеенъ, и теперь все еще кажется—земля ходитъ подъ ногами. Хуже всего то, что я пріѣду сегодня вечеромъ въ Римъ, а завтра воскресенье, ergo, lascia passare и дѣла съ Валентини не кончатся прежде понедѣльника, и вы днемъ слишкомъ будете задержаны въ Неаполѣ. Какъ твое здоровье, Маша? Напиши мнѣ скорѣе въ Livorno или въ Пизу; адресуй въ Livorno съ первымъ пароходомъ въ Hôtel Tomson. Что̀ тебѣ—скучно, грустно? или ты спокойна? Меня мучили твои слезы, и мучатъ, хотя я тебя не вижу. Но не хочу ничего говорить, что̀ бъ могло тебя болѣе тревожить. Пусть что̀ происходитъ во мнѣ, во мнѣ и останется. Обнимаю тебя крѣпко—и сейчасъ ѣду въ Римъ.—Кажется, я забылъ письмо къ m-me Kenny и мою печать, да бусы. Письмо перешли мнѣ по почтѣ въ Лукку, а вещи привези сама въ Liv. Прощай! спѣшу. Цѣлую и обнимаю тебя еще разъ. Будь здорова.

Грекъ, котораго ты видѣла на пароходѣ,—французъ,—Arago, племянникъ астронома, находится на службѣ Мегемеда-Али. Довольно милъ и не глупъ. Прощай!

44.

Римъ. Hôtel Maykoff [1]. *21 (мая).*

Сейчасъ получилъ твое письмо, другъ мой, и спѣшу написать нѣсколько строкъ. Я обрадовался Риму, и, право это самый

---

[1]) Т.-е. въ квартирѣ Майкова (Аполлона, поэта).

симпатичный городъ изъ всѣхъ городовъ Европы, то же, что Москва въ Россіи. Я пріѣхалъ въ субботу вечеромъ довольно поздно. Воскресенье дѣлать было нечего, и мы ѣздили верхомъ въ Остію. Сегодня все обдѣлалъ. Деньги Валентини взялся выдать съ удовольствіемъ; ergo, ты отъ него получишь до шести тысячъ франковъ и дашь ему вексель на Ценкера и Колли въ Москву, а я перепишусь съ Ценкеромъ и Колли. Если же деньги придутъ въ Неаполь послѣ тебя, то пусть Michel перешлетъ ихъ на твое имя въ Карлсбадъ. Но, къ сожалѣнію, „lascia passare“ не можетъ быть высланъ прежде четверга. Скарятинъ его вышлетъ. Ты получишь въ пятницу, и въ субботу можешь выѣхать. Ты скучаешь, другъ мой! Маша—право, твоя тоска меня мучитъ, и я ношу двѣ тоски—твою и свою разомъ—и страхъ тяжело подчасъ. Завтра я ѣду въ Лукку и надѣюсь поспѣть къ отходу „Монжибелло“. Гриффи видѣлъ у Скарятина. Онъ носитъ бѣлую шляпу съ широкими бѣлыми лентами. Майковъ и Воробьевъ письма получили. Они вамъ кланяются, а не пишутъ оттого, что все сбирались написать что-нибудь поумнѣй, и для того выпивали извѣстное количество вина, и оказывалось, что совсѣмъ нельзя писать.

Прощай! Бѣгу брать мѣсто въ дилижансѣ.

Будь здорова! Обнимаю и цѣлую тебя крѣпко и благословляю.

Изъ Лукки напишу въ Римъ на имя Майкова.

Извини, что пришлось печатать печатью Майкова, которая есть наперстокъ.

Я писалъ къ тебѣ изъ Civitta Vecchia, что я плылъ два дня. Пароходъ ночевалъ въ Байѣ.

45.

22 мая. Римъ. Hôtel Franz.

Вчера понесъ письмо на почту, но нашелъ ее запертою. Только выдали мнѣ билетъ на полученіе какой-то посылки, адресованной къ тебѣ. Я ее сегодня достану и отдамъ Бирбичатамъ или Скарятину. Ѣду я сегодня въ 8 час. вечера, а завтра на „Касторѣ“ далѣе. Буря совершенно переиначила мою поѣздку, тоже и вашу.—Какъ же ты, Маша? Не свыкаешься съ Неаполемъ? Грустишь, или стала спокойнѣе? Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя писемъ въ Лукку... Жизнь вообще проходитъ странно, нелѣпо и мучительно. Еще и я не дошелъ до того разумнаго спокойствія, которое смотритъ на вещи сверху, потому что но-

ситъ въ себѣ вѣру и убѣжденіе, при которомъ можно съ любовью принимать участіе въ жизни людей, но самому не увлекаться волненіемъ страстей. Еще я попрежнему въ сомнѣніяхъ, отрицаніяхъ, въ волненіи, etc., etc... и только ищу минутнаго отдыха.—Ну! что жъ тебѣ сказать объ Римѣ? Все какъ и было, только Maillart пустилъ въ походъ бороду и сталъ еще уродливѣе. Здоровье мое поправляется. Скарятинъ перемѣнилъ квартиру и живетъ Piazza della Toretta, № 26,—квартира очень элегантна. Но о дѣлѣ! Пойми же, что тебѣ надо дѣлать съ Валентини: ты къ нему поѣзжай или попроси сходить Скарятина; ты подпишешь Валентини вексель въ 6 тыс. фр. на имя Ценкера и Колли и тогда перешлешь имъ, т.-е. Ценкеру и Колли, мое письмо, которое я оставлю у Скарятина; если же ты получишь деньги въ Неаполѣ, то дай знать Валентини, что тебѣ занимать не нужно. Въ Неаполѣ же бери кредитивъ на Миланъ, Мюнхенъ и Карлсбадъ или Дрезденъ; тоже и у Валентини возьми часть денегъ и часть кредитивъ. Если же деньги въ Неаполь не придутъ при тебѣ, то проси Устинова переслать ихъ въ Карлсбадъ. Да справляйся хорошенько на почтѣ о письмахъ, и если есть ко мнѣ, то перешли въ Bagni di Lucca. Хорошо, если ты придумала средство заѣхать въ Лукку. Оно и ради Галахова хорошо, и ради меня тоже хорошо. Привези четки и письмо отъ Сухт(еленъ) къ m-me Kenny, которое я, кажется, забылъ въ Неаполѣ. Я тебѣ объ этомъ писалъ изъ Civitta Vecchia, но не увѣренъ, дошло ли письмо, потому что поручилъ отдать его камерьеру.

Итакъ, ѣду! Но на душѣ ужасно тревожно. Можетъ быть, успокоюсь съ Фроловымъ. Но чего желаю—это чтобъ ты была спокойна. Думаю о тебѣ и опять пріучаюсь къ слезамъ. Богъ тебя благослови, Маша! Пожалуйста, не тревожься и вѣрь въ жизнь такъ, какъ бы и мнѣ хотѣлось вѣрить, да не могу.

Прощай! Зайду къ Бирбичатамъ, а потомъ на почту и къ Скарятину. Обнимаю и цѣлую тебя. Прощай!

Mes amitiés à Annette.

Lascia passare непремѣнно вышлется въ четвергъ и потому въ пятницу непремѣнно будетъ у васъ.

46.

Пиза. 26-го мая.

Въ Пизѣ я нашелъ Фролова и думалъ, что, проживши здѣсь нѣсколько дней, отправлюсь съ нимъ въ Лукку. Но сегодня отпустилъ ихъ однихъ, а самъ на день остался въ Пизѣ, для до-

кончательнаго излеченія руки, которую я какъ-то зашибъ въ Остіи. Вчера мнѣ ставили къ оной рукѣ піявки, сегодня лучше; завтра поѣду въ Лукку, т.-е. въ Bagni di Lucca. Не ошибайся адресомъ, потому что Bagni отъ Лукки—часа два. Зачѣмъ же ты не написала мнѣ въ Livorno или въ Пизу? Экая ты какая! Меня мучитъ желанье знать о тебѣ, о твоемъ физическомъ и нравственномъ здоровьи. Теперь ты должна выѣзжать изъ Неаполя по моему разсчету. Опять увидишь Римъ. Я самъ имѣю нѣжность къ Риму, но не хочу регретировать. Изъ Civitta Vecchia море было чудесное. Я ѣхалъ на „Касторѣ". Качка была такая, какъ на рейнскихъ пароходахъ. Я насладился моремъ. Общество было премерзкое; такая грусть была глядѣть на англичанъ и не-англичанъ. Напиши мнѣ тотчасъ, какъ возьмешь деньги у Валентини, чтобъ я могъ скоро переписаться съ Тучковымъ. Да вышли мнѣ франковъ четыреста. Какъ извѣстно, я поѣхалъ съ двумя стами, и здѣсь занялъ нѣсколько у Фролова. Леченіе кой-чего стоитъ. Но ты не безпокойся о моемъ здоровьи; этотъ ушибъ скоро пройдетъ, хотя и больно было, и теперь еще долго сидѣть не ловко; но часъ отъ часу лучше, и завтра я оставлю Пизу. Надѣюсь, что ты выдумала средство пріѣхать въ Bagni di Lucca, чѣмъ сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе. Кончаю, потому что трудно писать. Это не моя вина, а вина Провидѣнія, а я бы и въ духѣ писать. Читаю Вальтеръ-Скотта.

Прощай, Маша, будь здорова. Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя. Послѣ-завтра еще напишу. Прощай!!

47.

Bagni di Lucca. 31 мая.

Какъ быть, другъ мой! Человѣкъ располагаетъ, а Богъ распоряжаетъ. Ты непремѣнно должна пріѣхать въ Bagni di Lucca, потому что я едва ли могу ихъ оставить прежде десяти или пятнадцати дней. Я долженъ тебѣ признаться, что у меня въ рукѣ было жестокое воспаленіе; я страдалъ много; теперь лучше, но рука еще не двигается, и едва ли прежде 10 дней приду въ нормальное положеніе, и въ дальнѣйшій путь пускаться страшно. Пріѣзжай пожалуйста! Мнѣ хочется тебя видѣть. Но отчего ты не пишешь ко мнѣ? Неужели въ самомъ дѣлѣ ты адресуешь въ Лукку, а не въ Bagni? Посылаю сегодня въ Лукку.—Пріѣзжай и потому, что Bagni di Lucca—одно изъ самыхъ чудесныхъ мѣстъ Италіи. Я живу у Фролова (Bagni caldi, casa Pierini).

Домъ на горѣ. Хожу гулять на четверть часа въ день. Болѣе— меня утомляетъ. Мѣста чудесныя, растительность богатая. Жизнь идетъ тихо; но мнѣ что-то на душѣ неловко. Когда кончится все это полу-тревожное, полу-апатическое состояніе? Богъ вѣсть.— Ну! ты какъ? Гдѣ ты? Что твое здоровье? Вообрази себѣ, что всѣ мои обычныя болѣзни исчезли безъ всякихъ медицинскихъ пособій—не знаю почему. Только рука—рука ужасно надоѣла. Такъ нужно людей съ этой рукой, потому что самъ ничего не можешь сдѣлать, а мнѣ всегда оскорбительно нуждаться въ людскихъ пособіяхъ.—Какъ твое нравственное состояніе? Развлеклась ли ты римской Кампаньей? Ѣдешь-ли, или гдѣ ты? Какъ досадно— ничего не знаю и не могу ѣхать самъ въ Лукку, потому что лечусь. Посылаю это письмо въ Лукку, къ Мери, которая должна знать, гдѣ вы, и перешлетъ его. Сейчасъ стану писать нѣсколько строкъ къ Галахову. Письмо твое черезъ m-me Pl. онъ получилъ и сбирается отвѣчать; но онъ, кажется, теперь занятъ хозяйствомъ и разъѣздами по разнымъ деревнямъ.

Я просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ немедля написать мнѣ, заняла ли ты денегъ у Валентини, ибо мнѣ тогда нужно снестись съ Тучковымъ. Да просилъ прислать мнѣ франковъ 400. Послѣднее, если сама привезешь, то время терпитъ, а первое нужно дѣлать скорѣй.

Итакъ, я жду тебя въ Bagni. Совѣтую карету (если оная выгрузится) оставить въ Пизѣ или въ Луккѣ (на доганахъ piastre избавляетъ отъ осмотра) и пріѣхать въ наемномъ экипажѣ, ибо на нашу гору карета не взъѣдетъ. Въ двухъ шагахъ отъ Фролова есть Pension Suisse, гдѣ можно намъ будетъ остановиться. Письмо мое отчасти пусто. Болѣзнь меня немного притупила. Вотъ 10 дней, изъ которыхъ 4 мнѣ лучше, а 4 я страдалъ какъ сумасшедшій (въ Пизѣ).

Прощай, другъ мой, жду тебя скоро. Обнимаю, цѣлую и благословляю. До свиданія, Маша. Твой Николай.

48.

Bagni di Lucca. 2-го іюня.

Сегодня получилъ отъ тебя три письма, изъ которыхъ два адресованы въ Пизу. Вчера, не зная, какъ и гдѣ ты можешь быть, отправилъ тебѣ письмо въ Лукку, къ m-lle Méry. Теперь спѣшу отвѣчать тебѣ въ Римъ, надѣясь, что письмо еще тебя застанетъ. Я потому тебя звалъ пріѣхать въ Лукку, что мнѣ никакъ

прежде 15-го іюня не удастся выѣхать, и то еще я буду не совсѣмъ здоровъ, но надѣюсь, что около того времени уймется боль и рука начнетъ отчасти двигаться. Съ завтрашняго дня начинаю брать ванны—увидимъ, что изъ этого будетъ. Скверно, что Майковъ такъ боленъ; это похуже моей руки; но я ему напишу развѣ завтра, а сегодня до смерти усталъ; уже писалъ письмо къ Тучкову, извѣщая его о сдѣланномъ займѣ у Валентини. Не забудь тотчасъ отправить письмо къ Ценкеру и Колли (ихъ контора на Маросейкѣ).

Ты тоскуешь, другъ мой. Когда же мы успокоимся оба? Я самъ большею частью не знаю, куда дѣваться, хотя знаю, что жизнь моя могла бы быть совсѣмъ иною; да еще чего-то мнѣ недостаетъ, чтобъ вступить въ новую жизнь.

Сейчасъ меня прервали. J'ai eu la visite de m-me et m-lle Bollviller, m-lles Méry et Loulou. Эта любезность мнѣ доставила удовольствіе. Но, къ сожалѣнію, я не могъ быть довольно любезенъ, потому что къ вечеру всегда мнѣ больнѣе, и я нахожусь между физическимъ страданіемъ и желаніемъ любезничать. Завтра мнѣ ставятъ еще піявки. Эта боль меня тѣмъ болѣе оскорбляетъ, что она такъ же ничтожна и такъ же мучительна, какъ зубная.—Méry ужасно выросла, въ восторгѣ отъ будущей художнической дѣятельности, etc... Старушка была очень мила. Напиши мнѣ, какъ же ты намѣрена—пріѣхать въ Лукку, или еще остаться въ Римѣ, или что. Меринькинъ учитель не можетъ ей давать уроковъ до 20 іюня. Что Монигети?

Какой я сбродъ пишу. Усталъ. Надо прилечь. Прощай, другъ мой. Цѣлую и благословляю тебя. Будь здорова—все-жъ не опаздывай къ водамъ. Выѣхавши 15-го, мы тамъ будемъ не прежде конца мѣсяца. Хорошо ли тебѣ? Я все успѣю—потому что маріенбадскія воды холодныя.

Прощай! Жму руку Майкову и Воробьеву. Завтра имъ напишу.

Mes amitiés à Annette.

Аннѣ Петровнѣ кланяйся.

Пришли Сатинское письмо, здѣсь аккуратны.

Развязка, очевидно, приближалась. Самая поѣздка Огарева къ Фролову, совершенно ненужная (они вовсе не были очень близки), показываетъ, какъ тяжело было ему возлѣ Марьи Львовны. Отсюда, изъ Bagni di Lucca, онъ писалъ друзьямъ въ началѣ іюня: „Близка минута, когда я стряхну всю внѣшнюю горечь

жизни, и убѣжденъ, что еще отыщу въ себѣ довольно силы, чтобъ жить полно и свято". Какъ уже сказано, онъ располагалъ провести лѣто врозь отъ М. Л. Онъ надѣялся, что Коппъ пошлетъ его въ тихій курортъ Ганау на Майнѣ, и заранѣе радовался этому. „Мнѣ нужно нѣсколько времени совершеннаго одиночества. Нужно омыть душу отъ скверны, приготовиться къ новой жизни". И, намекая на прошлогоднюю свою встрѣчу съ женой въ Майнцѣ, онъ пишетъ: „Есть многія мѣста на Рейнѣ, которыя мнѣ непріятны по воспоминаніямъ, но въ томъ и забота теперь—внутренно такъ очиститься, чтобы стать выше горькихъ воспоминаній и смотрѣть на нихъ спокойно, какъ обновленный человѣкъ на дурно прожитое прошедшее, изъ котораго онъ вышелъ чистъ и свѣтелъ. Даже тѣ минуты, когда я унижалъ свое человѣческое достоинство, не должны отзываться удручительно,—такъ сильно надо обновиться" [1]).

Въ началѣ іюля, съѣхавшись съ женой и довезя ее до Карлсбада, Огаревъ отправился во Франкфуртъ для консультаціи съ Коппомъ. Отсюда онъ и писалъ женѣ.

49.

Пятница.

Вотъ третій день какъ я, наконецъ, во Франкфуртѣ, т.-е. я пріѣхалъ третьяго дня вечеромъ. Видѣлъ Станю, который толстъ и румянъ, бѣгаетъ и лазитъ по столбамъ, читаетъ по-нѣмецки и ужасно любимъ всѣми. Онъ былъ такъ радъ мнѣ, что это меня удивило: онъ ни слова не могъ сказать отъ радости и только смѣялся и жался ко мнѣ. Сегодня везу его гулять.—Убри обѣщался уговорить Бетмана дать денегъ. Все это не легко. Банкиры не любятъ давать денегъ, это ихъ принципъ. Но если это не удастся, Гейзовъ обѣщался хлопотать, какъ только можетъ. Я думалъ, что деньги и письмо мое придутъ къ тебѣ разомъ, но, видно, еще дня три не добьешься ничего. Сатинъ въ Крейцнахѣ; жду его съ часу на часъ сюда.

Мое письмо—ничто иное, какъ записка, чтобъ сказать тебѣ, что я живъ и здоровъ. Мнѣ сказали, что почта сейчасъ отходитъ, и я спѣшу. Путешествіе мое было очень непріятно. 1-е: въ Эгерѣ наша карета опоздала, и я долженъ былъ дожидаться 24 часа. Разумѣется, я отправился въ Франценсбадъ. 2-е: M-me Schütz, франкфуртская нѣмка, Herr Rittmeister и разные тол-

[1]) „Изъ переп. нед. дѣят.", тамъ же, 1890, III, стр. 6.

стые нѣмцы до такой степени мнѣ надоѣли, что я остался ночевать въ Вюрцбургѣ и пробылъ тамъ день, чтобъ отдохнуть, посмотрѣть и вылечить насморкъ, который и оставилъ меня. Изъ Вюрцбурга отправился пароходомъ по Майну, чтобъ избѣжать почтовыхъ каретъ, самаго тряскаго и неудобнаго произведенія германской индустріи.—Наконецъ, я—„Zum Römischen Kaiser". Маленькій Kellner, который говоритъ des lumières,—теперь Hr. оберъ-Kellner. Больше здѣсь не видно перемѣнъ. Но вообрази себѣ мое удивленіе, когда я, возвращаясь отъ Гейзова, услыхалъ, что кто-то меня зоветъ изъ мимоѣдущей коляски; подхожу —и кто же? ты никогда не отгадаешь...—Обуховъ и *Гриффи!!!* Сегодня пойду къ нимъ и тогда дамъ тебѣ свѣдѣнія о томъ, какъ и зачѣмъ Гриффи во Франкфуртѣ.—Я читаю и пишу—выхожу мало. Думаю. Думаю о тебѣ—и—Маша—мнѣ такъ тяжело, такъ тяжело, какъ ты себѣ представить не можешь. Но не хочу безплодно тревожить нашихъ ранъ. Лучше твердить Гётевскій стихъ:

Seel'ge Ruhe, komm in meine Brust!

Но напиши мнѣ, что̀ ты дѣлаешь въ Карлсбадѣ. Кончила ли повѣсть? Какъ тебѣ? Гм! сказалъ бы Галаховъ. Прощай, Маша, дай руку.—Addio—спѣшу. Твой Н.

50.

19-го іюля. Франкфуртъ.

Деньги такъ долго задержали меня, что я только теперь могу оставить Франкфуртъ. Вексель отъ Бетмана на 3.000 франковъ посылается къ Гетлю сегодня, и ты можешь идти къ нему и получить деньги. Я себѣ занялъ около 500 гульд. у Гейзова. Вотъ и все. Сегодня я отправляюсь въ Крейцнахъ, гдѣ долженъ пробыть мѣсяцъ, а потомъ въ Швальбахъ, гдѣ также долженъ пробыть мѣсяцъ. Вотъ леченіе, предписанное Коппомъ.

До сихъ поръ я отъ тебя не получилъ ни строчки, но имѣю дѣйствительную потребность знать, что̀ ты дѣлаешь, Маша. По крайней мѣрѣ, спокойна ли ты? Я съ нетерпѣніемъ жду минуты моего отъѣзда изъ Франкфурта. Ужасно здѣсь надоѣло. Хочется быть на мѣстѣ и вести благоразумную жизнь. Многое во мнѣ можетъ казаться тебѣ смѣшнымъ и уродливымъ. Мои потребности тебѣ иногда кажутся сумасшествіемъ. О, Маша! если-бъ ты знала, какъ я далекъ отъ безумія! но если-бъ ты также

знала, сколько мнѣ нужно выжить нечистаго изъ души и забыть много горькаго, ты меня не слишкомъ бы винила. Но такъ и быть!.. Думай, что я безумецъ. Иногда это мнѣ больно. Сегодня больше больно, потому что я какъ-то унылъ сегодня. Скучно! Люди, къ которымъ я имѣю странныя отношенія, вчера мнѣ встрѣтились, а Аф. Ал. Столыпинъ [1]. Я имѣю много за душой противъ этого человѣка, но мы между тѣмъ въ пріязни. Это также меня бѣситъ. Ему дѣлаютъ операцію сегодня; рѣжутъ косточку и жилку въ ногѣ. Онъ много интереснаго разсказывалъ о Руси. Мар. Ал. глупѣе, чѣмъ когда-нибудь. Обо всѣхъ плачетъ, всѣми восхищается, увѣряетъ, что ей хорошо только въ Италіи, и ужасно довольна, что Bien Aimé въ Римѣ сказалъ ей, что ужасно былъ бы радъ, еслибъ имѣлъ для своихъ статуй такую модель, какъ она. Хастатовъ въ Эмсѣ. Гриффи возвращается въ Римъ; ergo, свадьба его вздоръ. Онъ много тебѣ кланяется. Тоже и Столыпинъ, которому ужасно хочется тебя видѣть. Но онъ только недолго пробудетъ въ Висбаденѣ; а Marie St. хочетъ еще видѣть Брюссель и купить кружева. Столыпинъ не ѣдетъ въ Парижъ оттого, что, заѣхавъ туда, захочетъ пробыть тамъ зиму, что помѣшаетъ ему ѣздить съ собаками! Я забылъ, что ты велѣла сказать Marie St. Напиши ей въ Крейцнахъ, пока она тутъ.

Коппъ тебя вспомнилъ и ждетъ. Находитъ, что очень хорошо, что ты въ Карлсбадѣ.

Еще здѣсь Иваненко, который въ Парижѣ много поправился и очень не глупъ.

У меня голова трещитъ отъ займа у Бетмана и ходатайства Убри, который очень хорошъ со мною, но какъ-то ужасно противно и непріятно имѣть всѣ эти дѣла—и одолжаться людьми, которымъ ужасно не хочется быть обязаннымъ.—Прощай, Маша! je t'embrasse, ma bonne amie.

Изъ Крейцнаха Огаревъ, 21-го іюля ст. ст., писалъ московскимъ друзьямъ: „Я нахожусь *solo* и, видно, останусь уже *solo*. Какое впечатлѣніе это на меня производитъ, едва ли я могу дать и вамъ, и себѣ ясный отчетъ. Съ одной стороны, участіе и сознаніе, что поступалось все же не такъ, какъ бы должно, заставляетъ страдать. Съ другой — успокоеніе, развязка заставляютъ надѣяться на лучшую жизнь. Я убѣжденъ, что выходъ

[1] Такъ въ подлинникѣ.

изъ ложнаго положенія не ограничится самимъ собою; вмѣстѣ долженъ быть для меня и выходъ изъ праздной, безпутной (почти распутной) жизни. Я убѣжденъ, что этотъ мѣсяцъ будетъ временемъ покаянія и сосредоточенія въ самомъ себѣ, и тогда мнѣ будетъ возможно вступить въ жизнь съ новою силой, спокойно и сознательно".

Изъ Крейцнаха Огаревъ въ августѣ перебрался въ Швальбахъ, отсюда въ сентябрѣ — въ Ганау; Марья Львовна послѣ Карлсбада купалась еще въ Остенде. Въ теченіе этого лѣта они, кажется, не видѣлись. Отношенія становились все мучительнѣе, раздраженіе съ обѣихъ сторонъ росло, оба то-и-дѣло договаривались до открытаго разрыва; но Огаревъ все еще жалѣлъ М. Л. и даже, будучи вынужденъ поставить предѣлъ ея расточительности, старался сдѣлать это какъ можно деликатнѣе, съ извиненіемъ и ласкою.

51.

Швальбахъ. 21-го августа.

Я ждалъ сегодня Егора, но онъ не явился. Я бы хотѣлъ его видѣть.

Если мое послѣднее письмо тебя какъ-нибудь оскорбило, Marie, или растревожило—прости мнѣ.

Но что же еще сказать? Послѣ твоего письма—нечего.

Фроловъ всегда будетъ знать, гдѣ я; сдѣлай такъ, чтобъ онъ зналъ, гдѣ и ты будешь.

Одного еще прошу—дай мнѣ знать, долго ли ты, или, по крайней мѣрѣ, когда будешь въ Парижѣ? и куда мнѣ выслать тебѣ денегъ, если я получу вскорѣ? Прощай, Маша! Que Dieu te protège.—Твой другъ всегда—Николай.

Запечаталъ—и еще распечатываю, чтобъ сказать, что моя квартира—„Zur Friedrichshöhe", второй домъ отъ въѣзда.

52 [1]).

Швальбахъ. 11 сентября.

Начну съ дѣловой части, чтобы не запутаться потомъ въ вещахъ, которыя требуютъ точности. Я послалъ тебѣ недавно

---

[1]) Подлинникъ—по-французски.

7.500 фр., значитъ, ты получила въ Остенде 14.500 франковъ. Сообразивъ свои дѣла, я высчиталъ, что̀ я могу тратить, не разстраивая ихъ. Согласно этому разсчету, я прошу тебя тратить по 2.250 фр. въ мѣсяцъ; это составитъ 27.000 фр. въ годъ. О пенсіонѣ для ребенка [1]) не безпокойся,—этотъ расходъ я беру на себя. Итакъ, считая годъ съ 1-го сентября, я долженъ доставить тебѣ въ теченіе нынѣшняго года (который кончится 1-го сентября 1844 г.) еще 12.500 фр. Dixi! Будемъ говорить о другомъ. Еще одно слово: разумѣется, если у тебя будутъ какіе-нибудь чрезвычайные расходы, вродѣ кареты и т. под.,—дай мнѣ знать и не трать на это денегъ, предназначенныхъ на жизнь.

Ради Бога, не оскорбляй меня сомнѣніемъ въ своемъ правѣ брать эти деньги. Повторяю тебѣ—надо стать выше этого, и когда дающій даетъ ихъ такъ чистосердечно и съ искреннимъ желаніемъ устранить всѣ мелкія матеріальныя заботы жизни,—ихъ надо брать *безъ угрызеній совѣсти* и *безъ благодарности*, а *съ нѣжностью*. Такова моя теорія денежныхъ отношеній между людьми, основанная на сознаніи неравномѣрнаго распредѣленія собственности въ современномъ обществѣ. Не смѣйся надъ этимъ, Маша, потому что, клянусь тебѣ,—въ ней больше правды, нежели въ томъ, полномъ вражды и недоброжелательства, дѣлежѣ, который опредѣляется словами: *твое* и *мое*.

Первая моя просьба въ отвѣтъ на твое письмо отъ 4-го—сообщить мнѣ, чѣмъ ты была напугана въ Остенде? что̀ это за происшествіе? Я непремѣнно хочу это знать. Касается ли оно лично тебя, или это вещь посторонняя? Заклинаю тебя написать мнѣ объ этомъ.

Что до твоего мнѣнія обо мнѣ, то я покоряюсь ему, но оно не совсѣмъ вѣрно. Я былъ твоимъ идеаломъ... Но что̀ же ты находишь во мнѣ, мое бѣдное дитя, во мнѣ, который *оставался безстрастнымъ, когда ты боялась, сомнѣвался, когда ты жаждала, отворачивалъ голову, когда ты хотѣла открыть свое сердце?* Что̀ же это за граница между нами, которой никто изъ насъ не могъ перешагнуть? Призракъ, говоришь ты! Нѣтъ, Маша, между нами нѣтъ призрака, или развѣ онъ въ насъ самихъ. Это печально, но это такъ. Что̀ дѣлать!

Ты любила во мнѣ гармоническую натуру. Она не такъ гармонична, какъ ты думаешь. Она могла бы быть такою—но теперь слишкомъ поздно. Отнынѣ тишина самоотреченія замѣнитъ мнѣ спокойствіе вѣры. Моя гармонія—это гармонія похоронной

---

[1]) Станя жилъ въ пансіонѣ во Франкфуртѣ.

пѣсни, пьеса въ минорномъ тонѣ; что же касается иной гармоніи — той, которую я ощущаю лишь при восходѣ солнца, — для нея слишкомъ поздно!..

Я не вооружилъ моей слабой руки, я не хотѣлъ сокрушать личностей. Такъ далеко мой эгоизмъ не шелъ. Я удалился съ поля битвы, потому что предвидѣлъ одни пораженія,—вотъ и все. Не столько страсти побудили меня это сдѣлать, — напротивъ, мнѣ пришлось для этого бороться съ самимъ собой. Но еще разъ: я знаю, что ты признаешь меня виновнымъ тамъ, гдѣ я невиненъ, и невиновнымъ тамъ, гдѣ я виноватъ. Я и съ этимъ примиряюсь.

Ты не хочешь дружбы, потому что дружба требуетъ равенства и пр. Что-жъ! замѣни это слово *нѣжностью*. Я чувствую, что во мнѣ есть къ тебѣ нѣжность и будетъ всегда. Можешь ли ты вѣрить этому и принять это и протянуть мнѣ руку?.. Или ты довольно любила меня, чтобы имѣть право меня ненавидѣть? Я не вѣрю въ эту старую поговорку,—она къ лицу развѣ только пятнадцатилѣтнему влюбленному школьнику.

Во всякомъ случаѣ, когда-нибудь одинъ изъ насъ опомнится, потому что, очевидно, кто-нибудь изъ насъ ошибается.

Въ концѣ этого письма находимъ и нѣсколько словъ о Воробьевѣ: „Воробьевъ—не лучшій твой другъ въ Римѣ. Онъ, можетъ быть, увлеченъ тобою, но по натурѣ (говорю это, хотя и потому, что люблю его) онъ никогда не можетъ стать тебѣ *настоящимъ* другомъ. Ужъ скорѣе Скарятинъ. Прости—но я долженъ говорить тебѣ *правду* ради моей *нѣжности*".

Вслѣдъ за этимъ письмомъ въ нашихъ матеріалахъ наступаетъ долгій перерывъ—почти въ годъ. Огаревъ прожилъ эту зиму (1843—44), кажется, въ Парижѣ, Марья Львовна — съ Воробьевымъ въ Италіи. По веснѣ Огаревъ направился въ Берлинъ и заѣхалъ во Франкфуртъ, навѣстить Станю, который воспитывался тамъ въ пансіонѣ. Отсюда и писано нижеслѣдующее письмо.

53.

Франкфуртъ. 20 мая.

Жду и не дождусь отъ тебя письма, Маша! Хочется узнать, какъ ты приняла мое посланіе—приняла ли его какъ правду, сказанную отъ души, или только встревожилась. Въ послѣднемъ случаѣ я жалѣю, что писалъ. Но опять повторяю—поступай по

своему желанію, усмотрѣнію. Я отнюдь не хотѣлъ бы ни тревожить тебя, ни мѣшать тебѣ; я желалъ бы, чтобъ тебѣ было спокойнѣе. Отъ этого я полагалъ, что далёкость сплетней для тебя спасительнѣе, чѣмъ неотразимая ихъ близость. Дѣло вотъ въ чемъ: если ты убѣдишься, что остаться за-границей лучше, и—ради медицинскихъ пособій—во-время захочешь переѣхать въ Парижъ, то я останусь за-границей и явлюсь къ тебѣ въ Парижъ—когда нужно. Это, по моему мнѣнію, всего благоразумнѣе. Если же хочешь ѣхать въ Русь, то вотъ что̀: я не могу вернуться въ Русь прежде конца августа. Сегодня я ѣду въ Берлинъ, гдѣ Сатину будутъ рѣзать обѣ ноги, и потому я его не могу оставить; его леченіе, вѣрно, продолжится мѣсяца два. Пока я и самъ буду лечиться.

Сейчасъ получаю твои письма. Маша, Маша! Право мнѣ обидно, что я тебя огорчилъ. Ты почитаешь меня жесткимъ, тогда какъ я не хочу и не думаю быть жесткимъ, тогда какъ я готовъ сдѣлать все, что̀ могу. Какъ бы прошедшее ни было прошедшимъ—я забылъ его горечи, но помню прекрасное. Холодъ не доступенъ мнѣ и живое участіе осталось и останется въ душѣ. Я никогда не думалъ говорить что-либо par dérision. Что̀ разбито во мнѣ, то дѣйствительно разбито; но я чувствую силу жить дальше, и это правда. Живи и ты, Маша! Не мучься, ради Бога не мучься. Руку я тебѣ всегда протяну. Сердце мое не глухо на твои скорби; я не думаю быть жесткимъ. Все, что̀ я могу—я принесу. Но жизнь надавала намъ обоимъ страшные уроки; послѣ нихъ волею или неволею пристальнѣе разсматриваешь дорогу и ищешь путей, на которыхъ бы не разрушился остатокъ жизненныхъ силъ. Если я тебѣ писалъ о страхѣ, который меня беретъ за твое пребываніе въ Россіи, то я писалъ откровенно и съ участіемъ, а не по жесткости. Но если ты рѣшилась, —то да будетъ! Только, ради Бога, не слушай, когда тебѣ захотятъ говорить о тебѣ. Не людскія пересуды страшны, а страшно знать ихъ и безполезно. Я едва ли могу быть къ августу въ Руси, какъ уже писалъ давеча, а къ концу августа. Изъ Берлина я опять вернусь за Сталинькой и тогда уже явлюсь въ Россію. Если ты будешь прежде меня, то займи у Кулона квартиру такъ, чтобы и я имѣлъ комнату; если послѣ, то я сдѣлаю то же. Пиши къ роднымъ, какъ говоришь, о своихъ надеждахъ. Я не совѣтую ѣхать тебѣ на Таурогенъ, потому что дальше и дорога хуже; съ Вѣны на Варшаву ближе и покойнѣе, и съ Варшавы на Петербургъ лучше. Тучковъ выслалъ тебѣ десять тысячъ рублей. Если разочтешь, что *можно*, *вручи отъ моего имени*

Клыкову, если онъ у тебя спроситъ, тысячу франковъ, а если усмотришь, что̀ тебѣ *недостаточно*, то *пятьсотъ франковъ только*. Но пятьсотъ прошу тебя ужъ непремѣнно ему вручить.

Еще разъ прошу тебя, не тревожься. Береги свое здоровье. Но что̀ значитъ въ письмѣ твоемъ вотъ это: „Черезъ двѣ недѣли еще напишу. Тогда скажу ужъ: *я не одна*".—Это уже меня начинаетъ тревожить. Я желаю быть съ тобой, когда это будетъ нужно, и быть какъ другъ дѣйствительный и помогающій. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя извѣстій. Прости мнѣ, Маша, если въ моихъ письмахъ что̀ противъ воли прорвется у меня такого, что̀ можетъ огорчить тебя. Я буду стараться избѣгать этого. Повѣрь, я не хочу тебя печалить и тревожить ничѣмъ. Пиши мнѣ поскорѣе въ Берлинъ. Прощай пока! Обнимаю тебя и цѣлую. Не сѣтуй на меня, не брани меня. Не всегда принимай жизнью навѣянный на меня холодъ разсудка за жесткость. Ты знаешь, что я внутри души не могу быть жесткимъ. Дай же и ты мнѣ руку и будь спокойна. Прощай!

Сталинька здоровъ, толстъ, румянъ и веселъ и тебя цѣлуетъ.

Прилагаю письмо̀ отъ m-me Duloux и моей сестры. Я распечаталъ письмо m-me Duloux, не замѣтя, что это не ко мнѣ; впрочемъ, ты не придашь этому важности.

Маша! кто около тебя? Кто тебя сколько-нибудь развлекаетъ? Или тебѣ лучше одной безъ m-me Bollviller? Напиши мнѣ. Какъ бы хотѣлось знать всю твою внутреннюю жизнь и сказать тебѣ что-нибудь о тебѣ же.

Мы говорили уже, что со времени охлажденія къ Марьѣ Львовнѣ Огаревъ велъ весьма разсѣянный образъ жизни, граничившій подчасъ, какъ онъ самъ выражался, съ „распутствомъ". Вообще, половая нравственность „идеалистовъ 30-хъ годовъ" стояла, какъ извѣстно, не высоко; даже лучшіе изъ нихъ были отравлены ядовитой атмосферой крѣпостного права: у Станкевича въ Берлинѣ (въ 1839 г.) была своя Берта; Сатинъ привозитъ съ собой изъ Парижа „маленькую жену", краткосрочную, конечно, и т. д. Такія связи, оплачиваемыя или нѣтъ, считались тогда въ порядкѣ вещей среди людей порядочныхъ и чистыхъ, и о нихъ говорили безъ стѣсненія. Это считалось данью „der Naturgewalt" и даже до извѣстной степени средствомъ обезпечить себѣ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ ясность сознанія и чувства. Какъ-разъ въ то время, когда писалось приведенное сейчасъ

письмо, Огаревъ переживалъ періодъ такихъ чисто-чувственныхъ увлеченій, и любопытно, какъ онъ сообщалъ объ этомъ друзьямъ: они должны были видѣть здѣсь спасительный клапанъ, благодаря которому онъ, насытивъ, хотя бы только чувственно, свою жажду женской любви, тѣмъ легче освободится отъ власти надъ нимъ Марьи Львовны. Вотъ что онъ писалъ имъ 13 іюня изъ Берлина [1]): „Я больше спокоенъ внутри себя. Пережилъ эпоху страданій отъ внѣшнихъ происшествій личной жизни; шрамъ остался послѣ раны, но я чувствую, что переломилъ боль. Пережилъ также эпоху безумнаго круженія, молодечества, своенравія, и пережилъ ее недавно—и... съ удовольствіемъ! Но не чувствую, чтобъ она оставила дрянь на душѣ; она была даже полезна, стряхнувъ совершенно всякую возможность возвращаться къ ложнымъ отношеніямъ въ жизни, выходъ изъ которыхъ мнѣ стоилъ стольких усилій и даже насилія надъ самимъ собою вслѣдствіе моего характера, а можетъ быть, и *чувства*“.

Между тѣмъ, таинственныя слова Марьи Львовны: „я не одна“ скоро объяснились—и самымъ неожиданнымъ образомъ: въ августѣ она вдругъ явилась изъ Италіи въ Берлинъ, къ Огареву, въ близкомъ ожиданіи родовъ,—и Огаревъ согласился признать ребенка своимъ. 22 августа нов. ст., онъ написалъ Герцену, что по причинѣ разныхъ обстоятельствъ принужденъ еще на нѣкоторое время отсрочить свой пріѣздъ въ Россію [2]). „Но эти обстоятельства не суть съ моей стороны ни подчиненіе „der Naturgewalt“, ни подчиненіе сердечнымъ воспоминаніямъ, но сознательный поступокъ, и потому нисколько не опасны для моей будущности; за это можетъ поручиться и мой ученый другъ Сатинъ. Призываю его поруку не ради оправданія себя передъ вами, но ради успокоенія васъ насчетъ меня. Дѣло въ томъ, другъ мой, что Marie здѣсь, въ Берлинѣ, и я скоро буду отцомъ. Этимъ происшествіемъ я займусь спокойно и съ участіемъ. Съ участіемъ благословлю моего ребенка, и его существованіе никогда не останется для меня чуждымъ. Но себя я не отдамъ никакому чужому произволу, въ этомъ можете быть увѣрены“. Дальше, сообщая о своихъ занятіяхъ, онъ пишетъ: „Это мнѣ не мѣшаетъ часто бѣситься, т.-е. бѣсноваться. Что же касается того, что держитъ меня въ Берлинѣ, т.-е. жизнь будущаго ребенка, это, право, для меня серьезно и также нисколько не стѣсняетъ меня. Жаль только, что долго съ вами не увижусь, carissimi, хотя

[1]) „Изъ переп. нед. дѣят.“, тамъ же, 1890, IX, стр. 9.
[2]) Тамъ же, 1890, X, стр. 9—10.

чувствую въ этомъ не только потребность, но и нужду, необходимость. Но что дѣлать? Фактъ требуетъ съ этой стороны пожертвованія, и я его дѣлаю охотно и сознательно".

Какъ отнесся къ этому извѣстію Герценъ, показываютъ строки, написанныя имъ вскорѣ затѣмъ къ Кетчеру [1]): „Марья Львовна скоро подаритъ Огареву наслѣдника, привезеннаго изъ Италіи, и le bon mari преміей за такое усердіе признаетъ его и, вѣроятно, отдастъ имѣніе. Для чего это?... Всякая вѣсть о немъ меня глубоко огорчаетъ и разстроиваетъ. Да когда же предѣлъ этимъ гнусностямъ ихъ семейной жизни?"

О томъ, что произошло дальше, Анненковъ разсказываетъ слѣдующее [2]): „Ребенокъ родился мертвымъ, и Огаревъ оповѣщалъ друзей объ этомъ обстоятельствѣ такими словами: „17-го октября. Берлинъ. Мое намѣреніе быть отцомъ рушилось... Родился недоносокъ, мертвый ребенокъ, съ такой жалобной физіономіей, что я до сихъ поръ забыть не могу. Сегодня уже 8 дней. Жена здорова. Странная діалектика судьбы — мѣшаетъ жизни, разрушаетъ возможности нравственнаго прогресса, etc... Но ты самъ все это знаешь, и знаешь, какъ много надо внутренней силы, чтобы становиться выше случайностей"... Между тѣмъ, погибшій младенецъ составилъ послѣдній актъ этой семейной драмы. Супруги разъѣхались, и навсегда... Въ половинѣ декабря 1844 года, М. Л. покинула мужа и болѣе уже не встрѣчалась съ нимъ. Огаревъ передавалъ событіе очень просто: „Marie на дняхъ уѣхала. Позволь уже не говорить объ этой печальной комедіи. Развязка была суха: для меня прискорбна, для нея мучительна. Я ожидалъ лучшаго. Но я и самъ не выдержалъ и не могу считать себя правымъ: равнодушіе доходило во мнѣ до эгоизма. Я не предполагалъ въ себѣ такого холода и недоволенъ имъ. Впрочемъ, все обошлось по наружности спокойно; только внутренно я недоволенъ, самимъ собой недоволенъ. Но едва ли могло быть иначе. Я бы зналъ это напередъ, если бы умѣлъ откровенно измѣрить въ себѣ, насколько температура ниже нуля. Затѣмъ—конецъ ложнымъ отношеніямъ".

Въ нашемъ распоряженіи есть небольшая французская записка, посланная Огаревымъ въ догонку Марьѣ Львовнѣ, во Франкфуртъ, гдѣ она должна была остановиться ради Сталиньки, отъ 16 декабря 1844 г. „Шлю тебѣ привѣтъ, милая Маша, и еще разъ искренно желаю тебѣ всего, что можетъ дать тебѣ

---

[1]) „Анненковъ и его друзья", стр. 100

[2]) Тамъ же, 100—101.

спокойствіе. Пишу только два слова; не хочу ничего сказать лишняго и хочу, чтобы мои слова были ласковы. Если ты чувствуешь, что во мнѣ нѣтъ желчи и что мною руководитъ только участіе къ тебѣ, а не злоба, — я буду доволенъ. Надѣюсь, что ты сообщишь мнѣ, какъ ты ѣдешь. Погода улучшается, мое здоровье тоже. Прощай. Жму твою руку и обнимаю тебя. Кланяюсь Аннушкѣ и Егору. Поцѣлуй за меня Станю и напиши намъ о немъ".

Онъ простился съ М. Л. еще иначе — стихотвореніемъ „Къ ***", носящимъ эпиграфъ изъ Байрона:

Farewell! and if for ever,
Still for ever far thee well!

Разстались мы—то, можетъ, нужно,
То, можетъ, должно было намъ—
Ужъ мы давно не дѣлимъ дружно
Единой жизни пополамъ;
И, можетъ, врозь намъ будетъ можно
Еще съ годами какъ-нибудь
Устроиться не такъ тревожно
И даже сердцемъ отдохнуть.
Я несть готовъ твои упреки,
Хотя и жгутъ они, какъ ядъ.
Конечно, я имѣлъ пороки,
Конечно, въ многомъ виноватъ;
Но было время—вѣдь я вѣрилъ,
Вѣдь я любилъ, быть счастливъ могъ,
Я будущность широко мѣрилъ,
Мой міръ былъ полонъ и глубокъ!
Но замеръ онъ среди печали;
И кто изъ насъ виновенъ въ томъ,
Какое дѣло—ты ли, я ли—
Его назадъ мы не вернемъ.
Еще слезу зоветъ съ рѣсницы
И холодомъ сжимаетъ грудь
О прошломъ мысль, какъ у гробницы,
Гдѣ въ мукахъ дѣтскій вѣкъ потухъ.
Закрыта книга—наша повѣсть
Прочлась до крайняго листа;
Но не смутятъ укоромъ совѣсть
Тебѣ отнюдь мои уста.
Благодарю за тѣ мгновенья,
Когда я вѣрилъ и любилъ;
Я не далъ только бъ имъ забвенья,
А горечь радостно бъ забылъ.
О, я не врагъ тебѣ... Дай руку!
Прощай! не дай тебѣ знать Богъ
Ни пустоты душевной муку,

Ни заблужденія тревогъ...
Прощай! На жизнь, быть можетъ, взглянемъ
Еще съ улыбкой мы не разъ,
И съ миромъ оба да помянемъ
Другъ друга мы въ послѣдній часъ.

Теперь Огаревъ дѣйствительно былъ свободенъ—не внѣшне, а внутренно,—такъ, какъ онъ понималъ свободу. Онъ такъ долго тянулъ эту мучительную исторію, потому что не хотѣлъ насиловать ни своего чувства, ни своей совѣсти. Въ дѣлѣ чувства онъ былъ убѣжденный детерминистъ. Въ 1845 году онъ писалъ Грановскому: „Мы всѣ—не логическія, а физіологическія явленія"; и годъ спустя—Герцену: „Ты не можешь ни отъ чего избавиться, пока внутренно съ чѣмъ-нибудь не разорвался; тогда это только прошедшій актъ твоей жизни".

Разумѣется, онъ продолжалъ высылать Марьѣ Львовнѣ деньги на жизнь, и немалыя, продолжалъ также выдавать пенсію ея отцу. Отношенія между ними оставались дружественными попрежнему. Вотъ для примѣра его письмо къ М. Л. изъ Парижа отъ 25 августа 1845 г. (въ Неаполь).

54.

Парижъ. 25 августа.

Твое письмо, любезный другъ, залежалось во Франкфуртѣ, между тѣмъ какъ я ѣздилъ на океанъ и теперь опять въ Парижѣ. Но черезъ нѣсколько дней я ѣду въ Швейцарію на мѣсяцъ и оттуда въ Россію. Вотъ мое намѣреніе. Въ Швейцаріи я встрѣчу Галахова. Сатинъ теперь въ Пиренеяхъ на водахъ и также пріѣдетъ въ Швейцарію. Мнѣ нужно посмотрѣть на этотъ край прежде возврата въ Россію. Надо отдохнуть отъ скуки парижской жизни, въ которой я на этотъ разъ находилъ много развлеченія, но ни одного дѣйствительнаго наслажденія. Видно, я уже старъ сталъ и надоѣло ребячиться. Но станемъ говорить о тебѣ. Marie! одно въ твоемъ письмѣ мнѣ было довольно обидно, это то, что вздумала лишиться Егора и Аннушки [1]). Зачѣмъ же это? Если я былъ волею и неволею нѣсколько времени неаккуратенъ, то это не резонъ, чтобъ я всегда былъ неаккуратенъ; а пріѣхавши домой, я устрою такъ, чтобъ не могло быть ни малѣйшей неаккуратности. Нѣтъ! не стѣсняй себя,

---

[1]) Слуги Марьи Львовны.

ради Бога! Это мнѣ было бы слишкомъ больно и обидно. Но теперь довольно объ этомъ. Посылаю тебѣ 2.800 франковъ черезъ Ротшильда.

Смерть Марьи Алекс. [1], я знаю, должна была поразить тебя; она совсѣмъ распуститъ по сторонамъ уже и такъ ничѣмъ не связанное семейство. Но вѣдь это и безъ того бы сдѣлалось. Ты была къ ней привязана—но все же не дружна; однако я хорошо понимаю твое огорченіе; даже и на меня эта смерть произвела странное впечатлѣніе. Я не очень привязанъ къ жизни, но въ смерти есть столько оскорбительнаго, что я имѣю къ ней отвращеніе.

Хороша Сицилія! жаль, что я ее не видалъ. Можетъ, когда-нибудь еще увижу, хотя и не вѣрится. Италія мнѣ запрещена медиками по климату; но я на это не много бы обратилъ вниманія. Но меня всегда будетъ больше увлекать та часть Европы, гдѣ больше движенія и дѣла. Этотъ годъ былъ для меня послѣднимъ годомъ путешествія безъ цѣли и безъ большого удовольствія. Я не имѣю жажды видѣть новаго, но часто хочется на тѣ мѣста, гдѣ уже бывалъ, съ которыми друженъ...

Ты хочешь жить посредствомъ пера! Полно, Marie! Это чистая фантазія. Обойдешься безъ этого и перо останется свободно. Трудъ за деньги связываетъ человѣка и насилуетъ его душу. Что касается до твоего отрывка, я желалъ бы поболѣе опредѣленности въ выраженіяхъ и оригинальности въ образахъ. Впрочемъ, объ Италіи такъ много писали, что ничего новаго не скажешь.

Пиши ко мнѣ въ Женеву; я думаю пробыть съ мѣсяцъ на озерѣ и много работать. Буду ждать съ нетерпѣніемъ твоего письма: хочу узнать, гдѣ ты, какъ воротилась изъ Сициліи, и гдѣ хочешь расположиться. Но пиши поскорѣе, я больше мѣсяца не пробуду.

Marie Stolipine въ Крейцнахѣ; говорятъ, будто сюда пріѣдетъ. Ѳедоръ ко мнѣ часто ходитъ, онъ при мѣстѣ у Трубецкой, жены Сергѣя Тр., но, кажется, не слишкомъ доволенъ. Сестра моя родила еще дочь. Вотъ тебѣ всѣ мелкія новости. Въ большомъ свѣтѣ также все мелкія вещи и говорить не о чемъ.

Addio, cara mia. Стучатъ въ дверь и мѣшаютъ писать. Спѣшу отослать это письмо, чтобъ не задерживать тебя.

Обнимаю тебя. Будь здорова и спокойна насколько можешь. Успокоеніе—своего рода счастіе,—для меня, за неимѣніемъ никакого другого, дѣло важное; только достичь его мудрено.

---

[1]) Вѣроятно, М. А. Ребиндеръ, кузина Марьи Львовны.

О книгахъ могу распорядиться только въ Россіи. Прощай еще разъ. Кланяйся Егору и Аннушкѣ.

Послѣ разрыва съ женою Огаревъ еще больше года прожилъ за-границей, преимущественно въ Берлинѣ и Парижѣ, и вернулся въ Россію только въ началѣ 1846 года. Марья Львовна жила съ Воробьевымъ въ Римѣ, лѣтомъ лечилась въ Карлсбадѣ и Эмсѣ, пріѣзжала какъ-то и въ Петербургъ, а съ конца сороковыхъ годовъ, кажется, прочно поселилась въ Парижѣ. За эти дальнѣйшіе годы сохранилось довольно много писемъ Огарева къ ней [1]). Въ нихъ больше всего говорится о деньгахъ; онъ пишетъ, что посылаетъ столько-то, что за нимъ до такого-то срока остается еще столько-то, постоянно извиняется за промедленія, и т. п. Эти письма полны нѣжнаго участія и дружбы. Вся тяжелая драма, дѣйствительно, стала для Огарева „прошлымъ актомъ“ его жизни — остались только жалость къ несчастной женщинѣ, да сознаніе своего матеріальнаго долга по отношенію къ ней.

Сохранилось и нѣсколько писемъ М. Л. къ нему отъ этихъ лѣтъ. Вотъ для образца два изъ нихъ, въ полной неприкосновенности. Они читаются съ трудомъ; ихъ почеркъ такъ же безпорядоченъ и растрепанъ, какъ содержаніе.

„Римъ, 2 іюля 1847 г.—Nicolas, на дняхъ я къ тебѣ посредствомъ Eudoxie [2]) писала, но такъ какъ недѣли черезъ двѣ я собираюсь оставить Римъ и что въ посольствѣ не получены еще упомянутыя 5.000 руб., то рѣшаюсь тебя объ этомъ увѣдомить. Безъ меня будутъ навѣдываться объ этихъ деньгахъ, и какъ только я объ нихъ что-нибудь узнаю, тебѣ напишу.

„Записка твоего управляющаго была отъ 6-го апрѣля, а получена въ Петербургѣ 20-го, вотъ почему Eudoxie медлила присылкою 2.500 руб., которые мнѣ очень помогли. Долгъ мой потерпитъ до будущихъ.

„Прошу тебя, Nicolas, мнѣ сдѣлать великое одолженіе: когда m-me Sailhas воротится въ Россію — попросить ее, чтобъ она отыскала въ оставленныхъ мной у нея вещахъ портретъ моей матери (miniature), и переслать мнѣ его съ оказіей въ Парижъ. M-me Sailhas ужъ давно уѣхала.

---

[1]) Нѣсколько выдержекъ изъ нихъ приведено въ „Переп. нед. дѣят.“, „Р. М.“ 1891, авг., стр. 13—14 и 24—25.

[2]) Авдотья Як. Панаева.

„Прощай, Nicolas, протяни мнѣ руку — не хочу надоѣдать тебѣ долѣе, потому что на дняхъ писала, и болѣе еще потому, что я ужъ нѣсколько дней въ хандрѣ.

„Письмо твое (обѣщанное) жду. Живу скромно, уединенно.

„Ставассеръ опять былъ боленъ и медленно поправляется".

Другое письмо помѣчено такъ: „Парижъ, heure du crépuscule, 6/25 Janvier 49".

„Nicolas, я вижу, что мы съ тобой начинаемъ быть людьми аккуратными, солидными, существенными. Прости мнѣ, я смѣюсь, а бѣсъ у меня въ ребрѣ и мнѣ невесело. Я тебѣ буду разсказывать, а ты слушай.

„1. О дѣлахъ. 1.000 руб. сер., посланные тобой, я получила. Но Герценъ, моя нянюшка, о нихъ заботится. Значитъ, ты хочешь мнѣ каждые 3 мѣсяца присылать по 1.000 руб. сер.— и такимъ образомъ наши дѣла изъ сложныхъ дѣлаются простыми. Ты мнѣ долженъ ежегодно 4 тысячи сер. безъ 200 мѣдью, потому что отцу даешь 100 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Но нынѣшній годъ, какъ я ужъ писала, и всѣ 4 тысячи серебромъ мнѣ заплатишь, ибо за тобой недоимки за прошлый оказалось 100 руб. сер. — Кромѣ шутокъ, я тебѣ ихъ не дарю; а годъ начинается съ 25-го октября 48 г. по вашему.

„Merci, что ты меня вывелъ изъ затрудненія, приславши во-время. Ты скажешь: „Marie, что-жъ у тебя на душѣ?" Разсказывать въ письмахъ—длинно и ненужно. Свидимся, разскажу. Но вотъ что я про себя записала на клочкѣ бумаги вчера: „Девяноста лѣтъ мало для такой дурочки, какъ я, чтобъ разставаться, оторваться отъ даже и не очень любимыхъ людей. Сколько же надо бы было, чтобъ отъ очень много любимыхъ?" Потомъ пишу: „O, mes défauts, vous êtes mes amis, je vois vous encore (plus) que qui ce soit sur la terre, o, embrassons nous, ne nous quittons pas". Мистицизма тутъ ни на полушку нѣтъ—je traduis l'empreinte que me laissent certains événements dont je ne suis pas maître.

„Merci за обѣщаніе любить моего племянника.

„Слушай еще: была у меня собака-другъ, прелесть что за собака, — и съ той разсталась! Je sens bien à présent qui tu étais vis-à-vis de la logique de la vie—lorsque tu me quittais; mais, folle, enfant gaté par la nature,—eh bien, moi, je suis devenue, malgré mon air candide, implacable comme la logique. Je t'embrasse—adieu.

„Ты въ деревнѣ—я тебѣ завидую. Если бъ мнѣ съэкономить

и купить весной клочокъ земли и съ работникомъ распахивать ее, я бы за счастіе сочла.

„Забыла тебѣ разсказать, что потому, что тебя со мной нѣтъ и твоей procuration у меня нѣтъ, — то я для одного дѣла должна идти въ tribunal de 1-re instance съ моимъ avoué. Вотъ законы свободной Франціи для илотовъ-женщинъ.

„Еще горе — Gabriel, съ которымъ я было подружилась, умеръ“.

Это послѣднее письмо писано, вѣроятно, не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ: Марья Львовна тогда уже сильно пила.

Денежныя отношенія М. Л. къ Огареву за эти послѣдніе годы ея жизни неоднократно подвергались позднѣе обсужденію въ печати, особенно въ связи съ характеристикой Некрасова, игравшаго въ этомъ дѣлѣ видную и, надо прибавить, незавидную роль. Мы не будемъ останавливаться на этомъ эпизодѣ и ограничимся только сообщеніемъ главныхъ фактовъ. Они сводятся вкратцѣ къ слѣдующему. Въ 1846 году, когда Марья Львовна на короткое время пріѣхала въ Петербургъ, Огаревъ—очевидно, для обезпеченія ей правильнаго полученія пенсіи — выдалъ ей крѣпостныя заемныя письма на послѣднее имѣніе, уцѣлѣвшее у него отъ милліоннаго наслѣдства, суммою въ 85.000 руб. сер., съ обязательствомъ уплачивать ей по этой суммѣ шесть процентовъ въ годъ. Деньги эти и высылались ей періодически или непосредственно Огаревымъ, либо чрезъ ея пріятельницу А. Я. Панаеву, съ которою Некрасовъ былъ, какъ извѣстно, очень близокъ. Въ 1848 году М. Л., по совѣту Некрасова, выдала Панаевой полную довѣренность на веденіе своихъ дѣлъ, а вскорѣ затѣмъ Панаева, несмотря на данное ею Огареву обѣщаніе не дѣйствовать противъ него, уговорила Марью Львовну передать эти заемныя письма нѣкоему Шамшіеву, съ тѣмъ, что Шамшіевъ ей деньги выплатитъ въ два года, а имѣнье возьметъ на себя. Съ тѣхъ поръ М. Л. получала гроши, и деньги, слѣдовавшія ей, прилипли къ чьимъ-то рукамъ—Панаевой или Некрасова, неизвѣстно. Эта исторія была главной причиной позднѣйшей вражды Огарева и Герцена къ Некрасову.

Прямыя письменныя сношенія между Огаревымъ и М. Л. прервались, надо думать, въ 1849 году. По возвращеніи изъ-заграницы въ 1846 году, Огаревъ скоро уѣхалъ въ свою пензенскую деревню. Часто бывая у своего сосѣда и пріятеля, А. А. Тучкова, онъ полюбилъ его младшую дочь, Наталью Алексѣевну, и встрѣтилъ взаимность. Въ половинѣ 1849 года, они соедини-

лись, разумѣется, не вѣнчаясь, такъ какъ Огаревъ былъ женатъ. Около этого же времени Сатинъ женился на старшей дочери Тучкова, Еленѣ Алексѣевнѣ.

Въ это время Марья Львовна уже жила въ Парижѣ. Здѣсь съ нею возобновили знакомство Герцены, и первое впечатлѣніе, произведенное ею на нихъ, было, повидимому, не очень дурно. Въ ноябрѣ 1848 года Н. А. Герценъ писала Тучковымъ: „Новое знакомство у насъ—Marie Ogareff и Воробьевъ. Marie я знала и не знала, теперь начинаю ее узнавать: бездна хорошаго въ этой натурѣ, бездна,—и что сдѣлала съ ней жизнь... Я люблю ее, и нельзя не любить, но мучительно ее знать. Воробьевъ теплый, благородный юноша; мы часто видаемся" [1]).

Чрезъ Герценовъ и Огаревъ началъ дѣйствовать на М. Л., чтобы добиться ея согласія на разводъ. Отвѣтныя письма Герценовъ къ Огареву, напечатанныя въ воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ, живо рисуютъ Марью Львовну этого времени [2]).

„Александръ сдѣлалъ все, что можетъ,—пишетъ Н. А. Герценъ,—т.-е. Александръ и я, но ты знай, Огаревъ, что Марья Львовна послѣднее время вела себя невыразимымъ образомъ отвратительно: трезваго часа не было; Александръ ей замѣтилъ это, она разсердилась и возненавидѣла его и меня, перестала къ намъ ходить и стала насъ бранить; это—погибшее, но не милое созданье".

Затѣмъ, Герценъ пишетъ Огареву: „Любезный другъ, я начинаю рѣшительно убѣждаться, что Марья Львовна безумная, т.-е. не par manière de dire, а въ самомъ дѣлѣ. Она обругала m-me Георгъ, она даже тебя не пощадила, о ней и говорить нечего. Но что всего замѣчательнѣе, она кое-что знала и не черезъ насъ; мнѣ кажется, Авд. Яковл. пописываетъ не одни романы [3]). Впрочемъ, Марья Львовна притомъ такъ лжетъ, что не знаешь, чему вѣрить. Я постараюсь всемѣрно, чтобъ она не вступила въ переписку съ тобой, но удастся ли—не знаю. Какъ глубоко жаль, что ты не послушался меня—я чувствовалъ, что много дурного выйдетъ изъ этого опыта; по сію минуту не вижу границы, на чемъ она остановится; это грязная Messaline

---

[1]) Т. П. Пассекъ. „Изъ дальнихъ лѣтъ", т. III, 1889 г., стр. 112.

[2]) Тамъ же, стр. 114—123. Хронологическій порядокъ этихъ писемъ у Пассекъ перепутанъ, но всѣ они относятся къ первой половинѣ 1849 года.

[3]) Герценъ намекаетъ на то, что Панаева, вѣроятно, уже сообщила Марьѣ Львовнѣ о сближеніи Огарева съ Н. А. Тучковой.—Панаева, какъ извѣстно, писала романы въ сотрудничествѣ съ Некрасовымъ.

d'un carrefour,—она говоритъ, что разочтется за всѣ прошлыя горести, etc., etc.".

„Вчера вечеромъ говорили съ Воробьевымъ,—пишетъ Н. А. Герценъ, — онъ вчера же долженъ былъ говорить съ ней; сегодня Александръ идетъ къ нему узнать, можно ли надѣяться (Воробьевъ не слишкомъ обнадеживалъ), или я сама сейчасъ же отправляюсь и надежды не теряю, лишь бы она пустила меня къ себѣ,—я не думаю, чтобъ она захотѣла непремѣнно помѣшать тебѣ; но это зависитъ отъ минуты, а не отъ нея, такъ поди же, лови минуту".

Переговоры не привели ни къ чему. Черезъ нѣсколько дней Герценъ сообщалъ Огареву результатъ. „Никакой нѣтъ надежды, рѣшительно нѣтъ, что-нибудь сдѣлать auprès de m-me. Мозгъ ея разстроенъ окончательно; неудовлетворенное самолюбіе принимаетъ различныя формы, иногда весьма благородныя, наивныя даже, но остается все самолюбіемъ; къ тому же ни минуты трезвой, она *кричитъ* о своей любви къ тебѣ, но не сдѣлаетъ ради нея ничего. Мнѣ больно писать тебѣ это, но не время нѣжничать; надо, чтобъ ты зналъ то, что есть, для того, чтобъ знать, какъ дѣйствовать". Была сдѣлана еще одна попытка—повліять на М. Л. чрезъ общихъ друзей—Гервеговъ,—но такъ же безуспѣшно. „Маска спала,—писала Н. А. Герценъ,—и эгоизмъ, одинъ жгучій, страшный эгоизмъ, явился во всей формѣ своей. Не только осторожно, но быстро, какъ можно быстрѣе надо дѣйствовать. Вѣрь мнѣ и слушайся непремѣнно, непремѣнно. Мнѣ грустно, больно и страшно. Мщеніе найдетъ вездѣ дорогу и средство повредить".

Отказъ М. Л. ставилъ Огарева въ трудное положеніе. Не говоря уже о настояніяхъ А. А. Тучкова, котораго фактъ незаконной связи его дочери съ Огаревымъ повергалъ въ ужасъ и отчаяніе,—дѣло было по тогдашнему времени опасное. Если и раньше Николаевское правительство строго оберегало семейные устои, то послѣ европейской революціи 1848 г. внѣбрачное сожительство могло навлечь на виновныхъ тяжелую кару. А тутъ какъ-разъ, въ концѣ апрѣля этого же 1849 года, разразилась гроза надъ петрашевцами; теперь каждую минуту можно было ждать ареста Огарева и Натальи Алексѣевны по обвиненію въ „фурьеризмѣ".

Въ виду этихъ обстоятельствъ Огареву, послѣ отказа Марьи Львовны, не оставалось другого выхода, какъ предпринять тотъ отвратительный процессъ о разводѣ, котораго онъ всячески ста-

рался избѣгнуть. Приходилось, значитъ, доказывать *вину* Марьи Львовны. Сохранилось письмо Огарева къ Сатину въ Москву по этому дѣлу, отъ 3 мая, безъ сомнѣнія 1849 года. „Перечитывалъ мою корреспонденцію съ М. Л. Вотъ два письма, въ которыхъ упомянуто о Воробьевѣ. Но едва ли они могутъ быть яснымъ доказательствомъ. Что касается до свидѣтелей, то всѣ русскіе артисты, бывшіе въ то время въ Римѣ,—свидѣтели. Кажется, въ реальности образа жизни моей жены никто изъ нихъ не сомнѣвается. Захочетъ ли кто принять участіе въ дѣлѣ—это другой вопросъ. Прошенія самъ я не берусь писать. Пункты же слѣдующіе:

„1. Она живетъ съ Воробьевымъ съ 1843 года.

„2. Имѣла отъ него ребенка, котораго упросила меня принять на свой счетъ.

„3. Послѣ того по-прежнему жила съ В.

„Я желалъ бы, чтобъ вы мнѣ прислали черновое прошеніе по симъ пунктамъ“.

Вѣроятно, въ это же время написано Огаревымъ одно изъ лучшихъ его стихотвореній—„Моей Наташѣ“:

На нашъ союзъ святой и вольный—
Я знаю—съ злобою тупой
Взираетъ свѣтъ самодовольный,
Бродя обычной колеей.
Грозой намъ вѣетъ съ небосклона!
Уже не разъ терпѣла ты
И кару дряхлаго закона,
И кару пошлой клеветы.
Съ улыбкой грустнаго презрѣнья
Мы вступимъ въ долгую борьбу,
И твердо вытерпимъ гоненья,
И отстоимъ свою судьбу.
Еще не разъ весну мы встрѣтимъ
Подъ говоръ дружныхъ намъ лѣсовъ
И жадно въ жизни вновь отмѣтимъ
Счастливыхъ нѣсколько часовъ.
И день придетъ: морскія волны
Опять привѣтъ заплещутъ намъ,
И мы умчимся, волей полны,
Туда—къ свободнымъ берегамъ.

Это—намекъ на отъѣздъ за-границу, куда настойчиво звали ихъ Герцены.

Пророчество Н. А. Герценъ и предчувствіе Огарева оправдались: гроза разразилась въ февралѣ 1850 года, и она была очень похожа на месть. Дѣло въ томъ, что мѣстный, т.-е. пен-

зенскій губернаторъ, А. А. Панчулидзевъ, былъ дядею Марьи Львовны, и, какъ мы знаемъ, въ его домѣ она жила передъ замужествомъ и тамъ же познакомилась съ Огаревымъ. Вѣроятно, по его доносу (а онъ могъ быть освѣдомленъ Марьей Львовной) Третье Отдѣленіе предписало ему произвести обыски и арестовать Тучкова, Огарева и Сатина. Надо прибавить, что Третье Отдѣленіе къ тому же имѣло свѣдѣнія о сношеніяхъ Огарева и Сатина съ Герценомъ, а самъ Панчулидзевъ ненавидѣлъ Тучкова, съ которымъ у него были постоянныя столкновенія (Тучковъ много лѣтъ былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и стойко охранялъ интересы крестьянъ противъ чиновничьей и помѣщичьей власти). Но первый вопросъ, предложенный Н. А. Тучковой жандармскимъ генераломъ, пріѣхавшимъ дѣлать обыскъ, касался именно „фурьеризма": „Въ какихъ вы отношеніяхъ съ дворяниномъ Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ?"

Въ „Воспоминаніяхъ" Н. А. Тучковой-Огаревой [1]) можно найти разсказъ о кратковременномъ заключеніи Тучкова, Огарева и Сатина въ Третьемъ Отдѣленіи. Продержавъ нѣсколько недѣль, ихъ выпустили безъ обиды, только Тучкову—конечно, по представленію Панчулидзева,—было приказано жить въ одной изъ столицъ безъ права въѣзда въ его деревню, на томъ основаніи, что его „слишкомъ любятъ" крестьяне. Во время этого заключенія Огаревъ написалъ свое стихотвореніе „Арестантъ", которое позднѣе стало одною изъ самыхъ популярныхъ пѣсенъ, сначала у интеллигентной молодежи, потомъ и въ народѣ. При первомъ свиданіи послѣ освобожденія изъ тюрьмы, Огаревъ отдалъ его Н. А. Тучковой, вынувъ листокъ изъ сапога.

Огаревъ оригинально отомстилъ Панчулидзеву за доносъ. Повидимому, тотчасъ по возвращеніи въ деревню, онъ послалъ Панчулидзеву письмо, черновикъ котораго сохранился среди прочихъ бумагъ Огарева въ его бывшемъ имѣніи пензенской губерніи, которое въ 1849 г. перешло къ Сатину и до сихъ поръ принадлежитъ дочери послѣдняго [2]). Вотъ этотъ любопытный документъ.

„Милостивый Государь, Александръ Алексѣевичъ. Обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшей просьбою. Вѣроятно, Ваше Превосходительство не забыли—о чемъ вы неоднократно и сами упоминали мнѣ впослѣдствіи,—что вы у меня

[1]) М. 1903. Стр. 83 и далѣе.

[2]) Въ числѣ этихъ бумагъ находились и печатаемыя здѣсь письма Огарева къ Марьѣ Львовнѣ; они были переданы намъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, Н. А. Тучковой-Огаревой.

занимали деньги, а именно: въ 1838 году 5.000 руб. асс., именно въ томъ году, когда я, по милостивому ходатайству Вашего Превосходительства, получилъ Высочайшее разрѣшеніе ѣхать къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ для излѣченія, и въ 1839 году 5.000 руб., именно въ томъ году, когда я, по милостивому ходатайству Вашего Превосходительства, былъ переведенъ на службу въ Москву. Нынѣ, имѣя по моимъ торговымъ дѣламъ надобность въ деньгахъ, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство возвратить мнѣ, хотя бы и безъ процентовъ, занятый вами у меня въ означенныхъ годахъ капиталъ 10.000 р. асс. или, по крайней мѣрѣ, часть онаго, а на остальное благоволите дать мнѣ срочное заемное письмо. Я увѣренъ, что Ваше Превосходительство, какъ по благородству души вашей, такъ и по справедливости, не откажете мнѣ въ этой покорнѣйшей и убѣдительной просьбѣ.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ...“

Еще два года продолжалъ Огаревъ хлопотать о разводѣ съ М. Л.—все безуспѣшно. Наконецъ, въ іюнѣ 1853 года, онъ обратился по этому дѣлу къ петербургскому стряпчему, А. А. Бильбасову, который взялся устроить разводъ за пять тысячъ руб. серебромъ и три тысячи получилъ наличными. Это была, вѣроятно, афера, такъ какъ Марьи Львовны тогда уже не было въ живыхъ: она умерла 28 марта этого года въ Парижѣ, и Бильбасовъ, безъ сомнѣнія, зналъ объ этомъ. Огаревъ узналъ о смерти жены только въ августѣ. Изъ полученныхъ трехъ тысячъ Бильбасовъ вернулъ ему только 500 р., заявивъ, что остальныя деньги истрачены имъ на чиновниковъ Третьяго Отдѣленія. По полученіи оффиціальнаго извѣстія о смерти Марьи Львовны, Огаревъ тотчасъ обвѣнчался съ Н. А. Тучковой.

Такъ кончилась эта семейная драма, необыкновенно характерная для нашего передового общества 30-хъ годовъ.

Въ 1839 году, тотчасъ послѣ женитьбы на Марьѣ Львовнѣ, Огаревъ такъ воспѣлъ свою любовь на фонѣ провинціальнаго, губернаторскаго бала [1]):

„Въ залѣ, освѣщенной огнями, толпились люди и думали—веселиться. И въ шумномъ говорѣ звенѣло бездушное слово, и жалкая мысль выливалась въ многосложныя рѣчи. Раздавалась музыка, и въ таинственныхъ звукахъ говоря о небес-

[1]) „Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ“. „Р. Мысль“, 1902, XI, стр. 146.

номъ, отличалась ярко отъ пустыхъ восклицаній дѣтей праха и тлѣнья.

„Вдалекѣ отъ толпы сидѣли дѣва и юноша. Ихъ взоры съ любовью тонули во взорахъ другъ друга. Они говорили о мірѣ небесномъ, о томъ же свѣтѣ грядущемъ. И сознаніе симпатіи глубокой — электрической искрой пробѣжало по душамъ ихъ и сердца ихъ забились съ одинакою силой. И разомъ изъ устъ ихъ сорвалось слово: люблю! Это мгновеніе ангелы записали на небѣ, и оно радостно откликнулось въ великой душѣ міра.

„Съ хохотомъ люди смотрѣли на чету, благословенную любовью. Но дѣва и юноша бросились въ объятія другъ другу — и то мгновеніе, когда сказали: люблю! — свято росло въ ихъ душахъ въ безконечность".

А четверть вѣка спустя, уже въ Лондонѣ, десять лѣтъ послѣ смерти Марьи Львовны, онъ подвелъ скорбный итогъ этой давно минувшей любви:

Я томъ моихъ стихотвореній
Вчера случайно развернулъ,
И, весь исполненный волненій,
Я до разсвѣта не заснулъ.
Вся жизнь моя передо мною
Изъ мертвыхъ грустной чередою
Вставала тихо день за днемъ,
Съ ея сердечной теплотою,
Съ ея сомнѣньемъ и тоскою,
Съ ея безумствомъ и стыдомъ.
И я нашелъ такія строки—
Въ то время писанныя мной,
Когда не разъ блѣднѣли щеки
Подъ безотрадною слезой:
„Прощай! На жизнь, быть можетъ, взглянемъ
Еще съ улыбкой мы не разъ,
И съ миромъ оба да помянемъ
Другъ друга мы въ послѣдній часъ" [1]).
Мнѣ сердце ужасомъ сковало:
Какъ все прошло! какъ все пропало!
Какъ все такъ выдохлось давно!
И стало ясно мнѣ одно,—
Что безъ любви иль горькой пени,
Какъ промелькнувшую волну,
Я просто вовсе бѣдной тѣни
Въ послѣдній часъ не помяну.

М. Гершензонъ.

---

[1]) Изъ того стих. къ Марьѣ Львовнѣ, которое приведено выше.

НАШИ ДНИ

Семейная исторія.

Окончаніе.

IX *).

Великій подъемъ народнаго духа, стремившагося свергнуть съ себя путы вѣкового безправія и добиться давно жданной свободы, достигъ апогея. Вся жизнь страны на время замерла, съ тѣмъ, чтобы съ первымъ дуновеніемъ свободы воспрянуть вновь съ новой силой. Наступилъ день манифеста 17-го октября. Все, что было на Руси угнетеннаго или просто недовольнаго, всѣ, кто свыклись съ своимъ и общимъ безправнымъ положеніемъ, какъ съ чѣмъ-то роковымъ, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжно-необходимымъ для поддержанія того великаго цѣлаго, что съ благоговѣніемъ называли родиной, за предѣлами чего не видѣли ни счастья, ни самой возможности существованія, а только нѣчто чужое, чуждое, а слѣдовательно и страшное; всѣ тѣ, кто годами, вѣками были пріучены и привыкли не смѣть проявлять своей воли, своихъ неразрѣшенныхъ желаній,—всѣ встрепенулись, всѣ подняли головы.

Не раздумывая о томъ, откуда и какъ она идетъ, радостно встрѣтили они новую вѣсть о свободѣ вѣрить, мыслить, говорить, дѣйствовать. Вѣками укрѣплялась въ нихъ вѣра въ могучій, недосягаемый источникъ всѣхъ чаемыхъ и ожидаемыхъ на землѣ благъ, и теперь, „воздавая божіе Богови, а кесарево кесарю“, они и тѣломъ и духомъ поклонились своему царю. Это для *нихъ*

*) См. выше: ноябрь, стр. 164.

раздалось царское слово, это *имъ* сказано, что они отнынѣ, не боясь не жалующаго ихъ „псаря“, могутъ открыто говорить, что они тоже хотятъ свободы, что если они безропотно, съ легкимъ сердцемъ покорялись до сихъ поръ, то только въ смиренной вѣрѣ, что покорность нужна для охраненія ихъ отъ безправія еще горшаго—отъ униженія святой Руси ордой басурманской,—покорялись въ смиренной вѣрѣ, что будетъ день, когда ихъ царь скажетъ имъ: „Настало время свободы и для васъ“.

И этотъ день наступилъ для нихъ сегодня. И они подняли сегодня свои старые хоругви и стяги, и, объединившись всѣ вмѣстѣ, понесли ихъ, какъ эмблемы своей вѣры, понесли, чтобы всѣмъ показать, что свобода желанна и для нихъ, что и они ее ждали, что дождались, что терпѣливое ожиданіе не пропало для нихъ даромъ. Ликующіе, они шли, возвѣщая ея наступленіе, вновь укрѣпившее въ нихъ вѣру въ *ихъ* догматъ: терпѣніе и покорность.

Но тѣ, кто за эту свободу боролись всю жизнь; кто преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе принимали завѣтъ не ждать, а брать съ бою; кто, извѣрившись во всякія ожиданія, надѣялся только на свои силы; всѣ, кто не признавалъ дарованной свободы—свободой; кто, слѣдуя примѣру погибшихъ мучениковъ за свободу, готовъ былъ самъ пожертвовать и личной свободой, и жизнью, чтобы свобода—не дарованная, а добытая свободнымъ народомъ, стала неотъемлемымъ отнынѣ общимъ достояніемъ,—всѣ тѣ, для кого могущество родины еще не было непремѣннымъ источникомъ свободы, кто не пріурочивалъ ее къ одному своему народу, къ однѣмъ границамъ, а считалъ равно принадлежащей всѣмъ народамъ и народностямъ, всему міру,—тѣ не захотѣли сегодня признать, что день ликованія для нихъ уже наступилъ. То, что для однихъ казалось вѣнцомъ ихъ желаній, для другихъ было лишь брешью въ неприступной стѣнѣ. Тѣ, кто только-что сейчасъ проснулись, встали и пошли, не понимали уже давно выступившихъ въ путь, а эти не поняли проснувшихся и увидали въ ихъ выступленіи подъ старыми стягами только новые ряды защитниковъ безправія и произвола.

И въ этомъ взаимномъ непониманіи родилась великая трагедія. Борцы за *общую*, за всемірную свободу встрѣтили, какъ враговъ, тѣхъ, за *чью* свободу они боролись, кому они сами же хотѣли обезпечить право вѣрить, мыслить, говорить и дѣйствовать свободно, по убѣжденію, безъ чьего бы то ни было разрѣшенія или наставленія. А эти—со старымъ знаменемъ стойкости и вѣрности своимъ святынямъ, еще не переставшимъ быть для

нихъ святынями,—пошли навстрѣчу блеснувшему имъ первому лучу свободы и, не встрѣтивъ себѣ ни сочувствія, ни простого пониманія въ передовыхъ отрядахъ арміи свободы, принимали эти отряды за враговъ всякой свободы вообще. Столкновеніе непонимающихъ-враждующихъ было неизбѣжно. И опять, какъ во тьмѣ вѣковъ былыхъ, во имя одной и той же вѣковѣчной идеи истинной свободы и свободной истины нагромоздились горы кровавыхъ жертвъ, зажглись массовые костры живыхъ людей. Точно и въ самомъ дѣлѣ откуда-то явился дьяволъ, позавидовавшій возможности улаженія всѣхъ вѣковыхъ недоразумѣній путемъ безкровной борьбы, и бросилъ въ сердце народа, достигшаго въ эти дни высшаго духовнаго напряженія, сѣмена самаго нелѣпаго раздора,—точно дьяволъ хотѣлъ показать, что человѣчество, никогда нигдѣ не сумѣвшее возвыситься до божескаго пониманія смысла жизни, останется игрушкой его дьявольскихъ козней и на этотъ разъ. Въ эти дни, когда слово свобода ни у кого не сходило съ языка, достаточно было ничтожнаго повода, ничтожнаго разномыслія, чтобы друзья дѣлались врагами. Не оставалось никого, кто бы не принималъ участія прямо или косвенно въ словесной борьбѣ идей, готовившейся каждую минуту перейти въ физическую борьбу страстей. Старики съ дѣтской вѣрой, съ юношескимъ трепетомъ, въ экстазѣ, въ самозабвеніи, готовы были пойти на всякія жертвы; дѣти, выроставшія въ одинъ день на цѣлые года, крѣпшія духомъ въ общемъ духовномъ подъемѣ, забывали свой возрастъ, устремлялись туда, гдѣ горѣло яркимъ пламенемъ слово *свобода*, и съ мужественной энергіей становились въ ряды борцовъ, готовыхъ на всякіе подвиги для достиженія цѣли, казавшейся имъ уже столь близкой-близкой: еще одно послѣднее усиліе—и всѣ преграды будутъ сломаны!..

Зина, со времени разгрома ихъ усадьбы жившая въ Петербургѣ, была всѣ эти дни сама не своя. И дома, и въ гимназіи, она не находила себѣ мѣста, волновалась, ко всему прислушивалась и, по своему обыкновенію, переживая все про себя, молча горѣла, сжигаемая внутреннимъ огнемъ. Бывало, прежде, послушная вліянію матери, послушная привычкамъ своего круга, она и въ гимназіи сближалась премущественно съ дѣвушками, принадлежавшими къ „ихъ кругу“. Но между ея гимназическими подругами изъ разночинцевъ были двѣ,—дочь почтоваго чиновника Попова и дочь учителя ихъ гимназіи, Ивановская,—къ которымъ Зина всегда чувствовала особое влеченіе. Теперь ее болѣе чѣмъ когда-либо потянуло къ нимъ; и, наоборотъ, съ каждымъ днемъ

ея подруги изъ великосвѣтскихъ дѣлались ей какъ-то все болѣе и болѣе чуждыми, почти враждебными.

Она не могла бы дать себѣ отчета, чѣмъ это влеченіе къ Поповой и Ивановской вызвано и чѣмъ оно до сихъ поръ поддерживалось, — оно явилось какъ-то само собой. Оно началось въ пятомъ классѣ: именно, когда у Зины впервые началъ пробуждаться серьезный интересъ къ окружающему ее міру, лежащему за предѣлами „ихъ круга“. Это началось съ того, что Зина стала ѣздить въ гимназію уже одна, а не въ сопровожденіи гувернантки, какъ было до сихъ поръ, когда француженка отвозила ее и пріѣзжала за ней и во время переѣздовъ болтала безъ умолку, не давая своей ученицѣ ни на чемъ сосредоточиться. Когда Зина, выходя по окончаніи уроковъ, прощалась у подъѣзда съ Поповой и Ивановской, и когда къ гимназическому крыльцу Кукурановскій кучеръ Никифоръ подавалъ щегольскія дрожки или сани съ тяжелой медвѣжьею полостью, и Зина, усаживаясь въ нихъ, кивала на прощанье съ дружеской улыбкой своимъ подругамъ, направлявшимся домой пѣшкомъ, ей было всегда какъ-то неловко, стыдно. Больше чѣмъ стыдно—ей было больно, что она не смѣла предложить ни одной изъ нихъ довезти ее до дому. Не смѣла даже довезти до перекрестка—ей было строжайше запрещено и матерью, и отцомъ, брать кого бы то ни было въ свой экипажъ. Уже тогда Зинѣ начало казаться страннымъ, какъ это она и ея подруги изъ „ихъ круга“ не только могутъ, но должны ѣхать домой въ экипажахъ и не могутъ, *не должны* идти однѣ по улицѣ пѣшкомъ; а вотъ тѣ — бѣдныя, несмотря ни на какую погоду, несмотря на усталость, не могутъ даже нанять извозчика. Зинѣ всегда хотѣлось, чтобы было какъ разъ наоборотъ: чтобы она могла посадить Попову и Ивановскую въ свой экипажъ, велѣть Никифору отвезти ихъ по домамъ, а самой дойти къ себѣ пѣшкомъ — это вѣдь было много ближе, чѣмъ ея подругамъ. Но она знала, что говорить объ этомъ съ матерью — обидѣть маму, а она такъ любила ее. Сдѣлать же что-нибудь самовольно и не сказать объ этомъ, солгать — никогда!

И эти маленькія думы, эти еще полудѣтскія чувства оставались ея большой сердечной тайной.

И онѣ росли, разростались, осложнялись, съ каждымъ днемъ захватывали все бо̀льшую и бо̀льшую сферу впечатлѣній, наблюденій, чувствованій. Зина все чаще и чаще стала замѣчать, что Попова и Ивановская и всѣ тѣ гимназистки, съ кѣмъ онѣ дружны, живутъ совсѣмъ другими интересами и иначе относятся ко всѣмъ явленіямъ жизни, чѣмъ она. Зина поняла, что у себя дома онѣ

слышатъ не тѣ рѣчи, какія слышитъ у себя она. Два разныхъ другъ другу враждебныхъ міра открывались передъ ней. И чѣмъ рѣзче выяснялась ей ихъ противоположность, тѣмъ труднѣе становился для нея выборъ, тѣмъ меньше она рѣшалась высказывать свои мнѣнія и тутъ и тамъ. Шла внутренняя, глубокая, душевная борьба: вложенное въ душу воспитаніемъ умирало, но еще не умерло; — занесенное туда жизнью, давшее ростки, росло, но еще не выросло, не окрѣпло настолько, чтобъ вытѣснить все прежнее.

Мать обращала вниманіе на ея задумчивость, на ея молчаливость, съ тревожной лаской спрашивала ее о причинахъ, — Зина обыкновенно отвѣчала съ искреннимъ недоумѣніемъ:

— Да ничего, мама.

И въ самомъ дѣлѣ, для нея это было „ничего". Думать и молчать, переживать, чувствовать и пока ничѣмъ не проявлять этихъ чувствованій — казалось ей такимъ естественнымъ, простымъ.

И эта же задумчивость и молчаливость долгое время мѣшали ея окончательному сближенію съ тѣми двумя подругами, къ которымъ она чувствовала теперь все большее влеченіе.

Попова и Ивановская обыкновенно сливались въ представленіи Зины въ одинъ нераздѣльный образъ. Непохожія одна на другую по внѣшности, онѣ были такъ близки другъ другу по духу, что Зина не могла себѣ представить, чтобъ онѣ могли быть двухъ разныхъ мнѣній въ какомъ бы то ни было случаѣ. Если она обращалась за разрѣшеніемъ какого-нибудь смущавшаго ее жизненнаго вопроса къ Поповой, ей уже незачѣмъ было бы спрашивать еще о томъ же Ивановскую — отвѣтъ былъ бы одинъ, хотя бы и сказанный разными словами. И отвѣты эти всегда были такіе увѣренные, ясные, простые. Ни сомнѣній, ни колебаній. Вся жизнь, казалось, была имъ уже хорошо извѣстна, какъ хорошо выученный урокъ. Это подчиняло Зину, внушало ей довѣріе и уваженіе къ подругамъ, но это же настраивало ее иногда необъяснимо грустно. Когда, послѣ разговоровъ съ ними, Зина возвращалась домой, гдѣ ей было такъ хорошо, такъ уютно, гдѣ она всѣхъ любила и всѣ любили ее, ей иногда дѣлалось такъ больно-больно, точно она была одинокой, забытой и никому ненужной. Ея сердце, ея мысли возвращались опять къ подругамъ, съ которыми она только-что разсталась, и она опять въ своихъ мысляхъ говорила съ ними о томъ, какъ тяжело быть одинокой, забытой, никому ненужной, и какъ несправедливо устроенъ этотъ міръ,

гдѣ до сихъ поръ нѣтъ общаго равенства и братства. И хотѣлось сейчасъ же уйти изъ своего уютнаго угла къ одинокимъ и обиженнымъ, отдать имъ все, что у нея было, и остаться бѣдной изъ бѣдныхъ, чтобы возстановить хоть этимъ, хоть немного, возмутительное неравенство.

Такой была она, когда перешла въ шестой классъ,—такой засталъ ее разгромъ усадьбы; и когда она, вернувшись въ Петербургъ, начала опять ѣздить въ гимназію, атмосфера общихъ забастовокъ захватила ее, робкую, задумчивую, молчаливую, больше, чѣмъ, можетъ быть, многихъ другихъ. Интересъ къ политической жизни охватилъ всѣ учебныя заведенія; когда въ перемѣнахъ между уроками ученицы старшихъ классовъ стали собираться въ кружки и стали образовываться политическія партіи даже между учащимися, настроеніе Зины дѣлалось все болѣе и болѣе опредѣленнымъ: уничтожить несправедливое неравенство можетъ только революція—значитъ, надо быть готовой на всякія жертвы. Она не умѣла вести разговоровъ на эту тему, она неясно различала разницу программъ эс-эровъ и эс-дековъ; она еще не умѣла выразить болѣе или менѣе опредѣленно въ словахъ и дѣйствіяхъ своего сочувствія общему движенію; но въ душѣ, въ тайныхъ помыслахъ, она съ каждымъ днемъ все больше и больше горѣла нетерпѣніемъ осуществить всѣ тѣ желанныя свободы, рѣчами о которыхъ былъ насыщенъ, кажется, самый воздухъ Петербурга. Съ тѣхъ поръ, какъ любимый ею братъ, Всеволодъ, ушелъ изъ дому, Зина твердо рѣшила, что и она пойдетъ той же дорогой. Всеволодъ до сихъ поръ скрывался невѣдомо гдѣ, лишь изрѣдка присылая матери письма о томъ, что онъ живъ и проситъ его не искать, а Зина еще не могла дать себѣ отчета, какъ и когда она „активно выступитъ на революціонный путь“. Это дѣло представлялось ей такимъ великимъ, такимъ святымъ, что она еще не считала себя достойной выйти на него, не хотѣла пойти „въ работу“ ученицей, отнимающей время на ея обученіе у тѣхъ, кому въ это дорогое время надо дѣлать что-то болѣе важное. Она хотѣла встать въ ряды борцовъ за свободу подготовленной, нужной. Чрезъ Попову и Ивановскую она стала доставать книжки,—всѣ, какія попадались подъ руку подъ общимъ девизомъ „нелегальной литературы“,—и читала ихъ и днемъ, и ночами напролетъ, скрывая это отъ своихъ домашнихъ.

Теперь уже не съ однѣми Поповой и Ивановской искала Зина сближенія: всѣ, кто были побѣднѣе, на комъ лежала печать тяжести жизни, кто въ эти дни рѣшительнѣе другихъ

выступалъ съ протестомъ противъ всего существующаго, тѣ и казались теперь Зинѣ самыми близкими, дорогими ей, и она подходила къ нимъ и съ вдохновеннымъ лицомъ молящейся прислушивалась къ ихъ рѣчамъ.

Но тѣ, къ кому ее такъ влекло, встрѣтили ее сначала недовѣрчиво, почти недружелюбно. Страсти начинали разгораться, классовая ненависть обострялась, — а вѣдь она принадлежала именно къ тому общественному классу, господство котораго нужно было ниспровергнуть. Даже Попова и Ивановская, всегда ласковыя съ ней, стали теперь какъ будто менѣе ласковыми. Зина готова была объяснить себѣ нѣкоторую перемѣну въ ихъ отношеніяхъ къ ней тѣмъ, что онѣ слишкомъ были поглощены интересомъ къ совершающимся событіямъ. Но было и нѣчто другое: въ случайныхъ разговорахъ, въ случайныхъ намекахъ, ей иногда казалось, что ее боятся,—боятся, что она можетъ предать ихъ волей или неволей. Горько было сознавать, что она для нихъ никогда не станетъ своей, пока совсѣмъ не порветъ съ тѣмъ міромъ, гдѣ живутъ отецъ и мать. И чѣмъ сильнѣе бился пульсъ государственной—политической жизни, чѣмъ сильнѣе революціонная лихорадка охватывала всѣ слои общества, тѣмъ яснѣе казалась Зинѣ необходимость уйти изъ своего круга, изъ своей семьи, какъ ушелъ братъ Всеволодъ. Куда? зачѣмъ? — она все еще не понимала, все еще не знала этого. Но только одно казалось такимъ яснымъ, такимъ неизбѣжнымъ,—что нужно покончить со всѣмъ прошлымъ. Она уже часто твердила теперь самой себѣ: „Отрѣшимся отъ стараго міра, отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ“. Слово „свобода“ она произносила теперь съ такимъ чувствомъ, съ какимъ въ дѣтствѣ, когда она была еще по-дѣтски религіозна, произносила, бывало, слово „Богъ“ и слова „Пресвятая Матерь Божія“. Всякое напоминаніе теперь о борцахъ за свободу вызывало у нея умиленіе, экстазъ.

Точно опьяненная небывалой радостью встрѣтила Зина наступленіе момента, когда съ началомъ всеобщей забастовки всѣ, рѣшительно всѣ стали какъ-то смѣлѣе. Зина почувствовала, что тѣ товарки, которыя еще чуждались ея, теперь какъ будто перестали ея бояться, и ее, восторженную, вѣрующую въ грядущую побѣду пролетаріата, признали своей.

Зина отказалась слушаться мать и стала ежедневно посѣщать тѣхъ подругъ, знакомство съ которыми ей всегда запрещалось. Софья Петровна, напуганная потерей сына, дрожала теперь за судьбу дочери. Но принимать слишкомъ крутыя мѣры противъ ея начавшагося своеволія не рѣшалась. Она со сле-

зами умоляла Зину поберечь ея старость, поберечь отца,—подумать о томъ, что̀ будетъ съ ними, стариками, если дочь попадется подъ арестъ въ обществѣ какихъ-нибудь революціонеровъ. Она брала съ нея слово, что Зина не участвуетъ ни въ какихъ партіяхъ, ни въ какихъ организаціяхъ. И Зина давала ей это слово тѣмъ охотнѣе, что сама еще ничего не могла рѣшить, къ какой партіи, къ какой организаціи она примкнула бы: ко всѣмъ, въ каждую данную минуту теперь и въ будущемъ, ко всѣмъ, гдѣ будетъ развѣваться знамя свободы, гдѣ будетъ нужна лишняя единица, переходящая „изъ стана ликующихъ въ станъ погибающихъ"!

Въ стачечномъ движеніи, охватившемъ въ половинѣ октября всю Россію, всѣ слои общества и народа, Зина не могла не принять участія такъ, какъ ей это было доступно: вмѣстѣ со всѣмъ классомъ не учиться—забастовать. Когда Софья Петровна стала упрекать ее, что она сдѣлала это какъ всѣ лѣнтяйки, и стала доказывать ей, что ихъ забастовка — дѣтское баловство, пользованіе случаемъ полѣниться, Зина уже съ недѣтской твердостью сумѣла отвѣтить ей:

— Нѣтъ, мама, нѣтъ! Я буду заниматься дома, если у меня хватитъ силъ. Но и я, какъ всѣ, волнуюсь, мама. Развѣ можно теперь оставаться равнодушной и заниматься, когда міръ переворачивается! Мы забастовали въ гимназіи — это не лѣнь, мама. Это протестъ противъ постояннаго повиновенія чужой волѣ. Въ гимназіи никогда не хотѣли считаться съ нашими желаніями. Въ насъ никогда не признавали *человѣка*. Дѣти — это вѣдь не люди, дѣти — это дѣти. Пока мы учимся, каково бы ни было наше умственное развитіе — для нашихъ родителей и для учителей мы — дѣти, мы — не люди. Самое это слово „учащіеся" — точно лишаетъ насъ общихъ правъ человѣка. Мы не можемъ выбирать, чему намъ учиться, какъ учиться, у кого. Черезъ годъ каждой изъ насъ предстоитъ сдѣлаться самостоятельной,—выйдя изъ гимназіи, самой сдѣлаться учительницей. *По вашимъ* законамъ, мы въ шестнадцать лѣтъ можемъ быть женами, въ семнадцать—матерями семейства. Но въ семнадцать лѣтъ мы еще не смѣемъ разсуждать, худо ли, хорошо ли, худому ли, хорошему ли насъ учатъ.

Софья Петровна слушала съ широко раскрытыми глазами и—ушамъ не вѣрила: этотъ языкъ въ устахъ Зины былъ для нея новъ. Она не могла понять, какъ, воспитанная подъ ея опекой и учащаяся въ одной изъ самыхъ популярныхъ въ высшемъ свѣтѣ гимназій, Зина могла заразиться такимъ революціоннымъ

духомъ. Правда, Софья Петровна знала, что уже были открыты революціонерки даже въ институтахъ, что и тамъ начинались волненія; но чтобы Зина—ея Зина!—вдругъ сдѣлалась такой—это ей казалось совершенно незаслуженно обрушившимся на нее несчастіемъ. Первая мысль—сказать мужу, посовѣтоваться. Но какъ потрясетъ его это сообщеніе! А онъ теперь былъ и безъ того такъ взволнованъ, такъ занятъ въ своемъ департаментѣ. Всѣ эти стачечные вопросы касались и его—и очень близко. И что онъ скажетъ ей? „Что же ты смотрѣла? гдѣ же ты была?..“ И нечего будетъ ему отвѣтить!..

Софья Петровна рѣшила пока промолчать и принять все на свою отвѣтственность: она знала, что пока—безполезно вносить эту тревогу еще и въ душу мужа; она чувствовала, что отцовская власть и отцовское слово не будутъ имѣть для дочери никакого значенія.

И она была права: Зина болѣла душой только за мать. Иногда легче бываетъ пожертвовать собой, чѣмъ быть причиной страданій близкихъ и дорогихъ людей, и Зина, любившая мать, ломала теперь голову, какъ подготовить ее къ неизбѣжному разрыву. Зина страдала, молчала, принимала то одно рѣшеніе, то другое,—но рѣшимость „отречься отъ стараго міра“ не ослабѣвала, а крѣпла. Все больше и больше охватывало ее доходившее до влюбленности влеченіе къ тѣмъ, кто, какъ ей казалось, открывалъ ей пути въ новый міръ, въ міръ народной свободы, народной воли, общаго благоденствія, общаго счастія на развалинахъ всего стараго строя. Зина считала теперь этотъ строй виноватымъ не только предъ всѣми обездоленными, но и предъ ней самой—виноватымъ въ томъ, что онъ не давалъ ей нравственнаго удовлетворенія.

Правдами и неправдами Зина стала уходить изъ дому одна. Сначала это было ненадолго; потомъ, когда Софья Петровна увидала, что Зина возвращается цѣла и невредима, ея отлучки сдѣлались продолжительнѣе. Подъ предлогомъ совмѣстныхъ занятій Ивановская, въ послѣднее время не разъ посѣщавшая Зину, произвела на Софью Петровну недурное впечатлѣніе, и знакомство съ „дочерью учителя“ было признано допустимымъ. Поэтому теперь Зина уѣзжала обыкновенно къ Ивановской, отпускала кучера домой часа на два, на три, и затѣмъ, вмѣстѣ съ Ивановской или, если ея не было, одна пользовалась случаемъ пойти къ Поповой, въ семьѣ которой всегда можно было услыхать, что дѣлается въ „новомъ мірѣ“, увидать людей, говорящихъ новымъ смѣлымъ языкомъ о классовой борьбѣ, о соціа-

лизмѣ, о ниспроверженіи устоевъ стараго строя, вплоть до необходимости вооруженнаго возстанія, если нельзя будетъ мирнымъ путемъ достичь желанной цѣли.

Зинѣ страстно хотѣлось попасть на митинги, но пока еще не было рѣшимости уйти изъ дому на продолжительное время. А въ тѣ часы, когда ей удавалось устроить этотъ уходъ, не вызывая домашнихъ бурь, не представилось еще случая попасть на какой-либо митингъ. И ей не разъ было досадно на самоё себя за это двойственное настроеніе. Съ одной стороны — всѣ ея помыслы, все сочувствіе ея на сторонѣ тѣхъ, кто желаетъ разрушить старый міръ со всѣми его аттрибутами; съ другой — она все еще чувствуетъ себя дѣвочкой, боящейся разрушить даже свой семейный очагъ, даже просто разсѣять иллюзіи любящей ее матери, иллюзіи, будто ея дочь еще послушна ей. Въ одну изъ такихъ минутъ тревожнаго сомнѣнія, когда эта мысль особенно угнетала ее, она робко, какъ духовнику, призналась въ ней Поповой, ища духовной поддержки, чтобы принять то или другое рѣшеніе. У Поповой вся семья, отъ старшихъ до самыхъ младшихъ членовъ, была проникнута революціоннымъ духомъ, на всякіе митинги не разъ ходила всей семьей въ полномъ составѣ. Попова уже принимала дѣятельное участіе въ распространеніи нелегальной литературы, и когда она въ кругу своихъ иногда говорила, что она по первому приказу партіи эс-эровъ готова пойти на какое угодно дѣло, это встрѣчалось всѣми членами семьи безъ смущенія, но и безъ восторга, какъ нѣчто естественное для своего времени. Семья чиновника, по своему классовому положенію невольно отражающая въ себѣ классовую мораль, гдѣ постоянно слышится проповѣдь вѣрности служебному долгу, не могла не проявить готовности самоотверженно исполнить то, что̀ дѣлалось для нея новымъ долгомъ, новымъ догматомъ. И Зина почти была увѣрена въ томъ, каковъ будетъ отвѣтъ Поповой. И все-таки какими-то неожиданными показались ей слова Поповой, когда та на обращеніе къ ней Зины, не задумываясь, отвѣчала:

— Да это же такъ просто! Ты вмѣстѣ со всѣми такъ легко готова идти разрушать весь старый строй потому, что это принесетъ всѣмъ счастье. Ты сознаёшь, что если неизбѣжны жертвы, то ихъ цѣной пріобрѣтается нѣчто великое. Ты и сама вмѣстѣ со всѣми готова стать одной изъ этихъ жертвъ. А тутъ, когда ты, именно ты, наносишь ударъ въ сердце только одной твоей матери, — ты чувствуешь себя одну виновной. Виновной предъ однимъ человѣкомъ, да еще и какимъ — тѣмъ, кто имѣетъ свои

основанія ожидать отъ тебя не обиды, а любви. На твоемъ мѣстѣ я бы тоже, можетъ быть, до поры до времени воздерживалась отъ нанесенія такого удара. Но въ рѣшительный моментъ, когда я сознала бы, что отъ моего выбора между спокойствіемъ матери и будущностью цѣлаго народа зависитъ удача или неудача какого-нибудь массоваго выступленія, я бы, конечно, ни на минуту не задумалась, что мнѣ дѣлать.

Эти слова были сказаны безъ всякаго паѳоса, просто, даже тихо, но съ такой твердостью убѣжденія, что Зина, какъ стояла предъ Поповой съ устремленнымъ на нее восторженнымъ взглядомъ, такъ и осталась—точно застыла—когда та замолчала.

А Попова, въ свою очередь любовно смотря на Зину, немного помолчавъ, добавила:

— Да думаю, что и тебѣ твое сердце сразу подсказало бы настоящее рѣшеніе.

Зина крѣпко обняла и поцѣловала подругу и вдохновенно сказала ей:

— Да.

X.

Въ послѣдніе дни все рѣшившихъ октябрьскихъ забастовокъ, Зина попала, наконецъ, на одно изъ тѣхъ партійныхъ собраній, гдѣ въ большой частной квартирѣ собралось многочисленное общество учащейся молодежи обоего пола, разносословной передовой интеллигенціи и „сознательныхъ“ фабричныхъ рабочихъ и работницъ. Впервые услыхала здѣсь Зина тѣ рѣчи, которыя ей давно хотѣлось слышать не въ передачѣ изъ вторыхъ рукъ, не въ пересказахъ о томъ, какъ эти рѣчи произносились на митингахъ, а въ ихъ подлинномъ видѣ. Здѣсь, предъ толпой внимательныхъ слушателей, когда ораторъ наэлектризовывалъ толпу и самъ наэлектризовывался ея настроеніемъ, громко говорилось о вѣковой неправдѣ, о гнетѣ капиталомъ труда, говорилось, что грядущее царство соціализма есть осуществленіе того, что проповѣдуется въ Евангеліи; говорилось о необходимости пойти умереть съ оружіемъ въ рукахъ, лишь бы добыть желанную свободу, которая отнынѣ будетъ неотъемлемымъ достояніемъ не только всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, но всего міра.

Зина видѣла вокругъ себя восторженныя лица, сіяющіе глаза, видѣла своихъ подругъ, воодушевленныхъ этими рѣчами, видѣла незнакомыхъ ей людей такихъ же восторженныхъ, какой становилась въ эту минуту она сама. И эти незнакомые—сразу дѣ-

лались ей близкими, родными, любимыми. Она чувствовала, что вотъ сейчасъ въ этой залѣ каждая стоявшая около нея дѣвушка становилась ея сестрой, каждый юноша — братомъ, и каждаго она готова была обнимать и цѣловать беззавѣтно.

Къ тому столику въ концѣ залы, который изображалъ трибуну ораторовъ, пробрался чрезъ толпу пожилой человѣкъ съ довольно коротко подстриженными волосами, темными съ большой просѣдью, и небольшой почти черной бородкой. По костюму — черной суконной блузѣ, подпоясанной ремнемъ,—это могъ быть рабочій; но по выраженію лица, по первымъ же фразамъ, какъ только онъ началъ свою рѣчь—нельзя было не признать въ немъ интеллигента и профессіональнаго оратора. И по тому шопоту, который при его появленіи пробѣжалъ по залѣ, Зина почувствовала, что это долженъ быть человѣкъ извѣстный. Все насторожилось, всѣ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ смотрѣли въ сторону оратора, старались не проронить ничего изъ сказаннаго имъ. Зина вмѣстѣ съ другими ловила каждое его слово, и все ей казалось въ этой рѣчи такимъ яснымъ и простымъ, такимъ вѣковѣчно-справедливымъ.

Она тихонько спросила стоявшую рядомъ съ ней Ивановскую:

— Кто это?

Та, не оглядываясь на нее, только слегка толкнула ее локтемъ и такъ же тихо прошептала:

— Потомъ!.. Молчи!.. Слушай!..

Зина чуть-чуть вспыхнула, покраснѣла и опять умомъ и сердцемъ впилась въ оратора.

Онъ говорилъ объ аграрномъ вопросѣ, о крупномъ и мелкомъ землевладѣніи, объ общинѣ, о націонализаціи земли, о распредѣленіи ея между трудящимися на землѣ классами. Зина ни потомъ, ни теперь не смогла бы передать точно содержаніе его рѣчи; у нея не запоминалось ничего изъ многочисленныхъ цифровыхъ данныхъ, приводимыхъ ораторомъ; всѣ эти вопросы, до сихъ поръ совершенно ей чуждые и незнакомые, оставались для нея неясными въ своихъ подробностяхъ и теперь. Но зато какъ понятенъ казался ей общій смыслъ всего услышаннаго! Вѣдь это было стремленіе создать общее счастье, устранить все, что было несправедливаго въ общечеловѣческихъ отношеніяхъ. Такъ развѣ могла она допустить хотя бы возможность сомнѣнія въ осуществимости того, что этотъ ораторъ говорилъ съ такой искренностью и убѣжденіемъ? Всякая мысль о какомъ бы то ни было критическомъ отношеніи къ его словамъ каза-

лась ей недостойной. Земельные участки ей не нужны; даже хорошенько разобраться, въ чемъ разница между трудовой и потребительной нормой, она сразу не могла и не старалась,—но развѣ не все равно это? Для нея, какъ и для всѣхъ тутъ, нужна была только правда, та вѣчная божеская правда, ради одной которой стоитъ жить на землѣ и за которую можно умереть. И, конечно, именно эта правда и была для нея въ эту минуту въ тѣхъ его словахъ, которыя вызвали теперь вотъ такое горячее сочувствіе у слушателей, когда всѣ они какъ одинъ человѣкъ дружнымъ взрывомъ апплодисментовъ какъ бы говорили оратору:—Мы съ тобой!

Развѣ всѣмъ имъ не было ясно въ эту минуту, что дорогой, родной народъ страдаетъ оттого, что до сихъ поръ еще не осуществленъ соціалистическій строй, въ которомъ одномъ человѣчество только и можетъ стать счастливымъ? Жестокіе угнетатели не хотятъ дать народу ни земли, ни воли, и народъ долженъ пойти и взять и то, и другое. Правительство — вотъ виновникъ общихъ бѣдъ; правительство, опирающееся на кучку эгоистовъ, овладѣвшихъ могущественнымъ орудіемъ порабощенія — капиталомъ,—вотъ причина всѣхъ страданій трудящагося пролетаріата. Народъ долженъ быть освобожденъ отъ этой кучки насильниковъ, долженъ управляться самъ, выражая свою волю чрезъ своихъ лучшихъ людей, своихъ избранниковъ, поставленныхъ во главѣ народа на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права...

Зина чувствовала, какой горячей вѣрой бились — не одно только ея сердце — сердца всѣхъ, кто слушалъ эти слова, кто, какъ и она, опускали серебряныя монеты въ ходившіе по рукамъ присутствующихъ кошельки и фуражки съ билетиками „на оружіе". И, не отдавая себѣ отчета въ своихъ чувствахъ, она пошла бы въ эту минуту на какой угодно подвигъ, чтобы осуществить тотъ земной рай, который былъ обѣщанъ въ этихъ словахъ, и въ наступленіи котораго не могло быть никакихъ сомнѣній, если только всѣ захотятъ этого такъ, какъ хочетъ въ эту минуту она, какъ хотятъ всѣ, кто здѣсь. Да и какъ не вѣрить, когда ораторъ съ такой дѣловитостью въ теченіе цѣлаго часа, съ цифрами въ рукахъ, доказывалъ, какъ ариѳметическую задачу, легкость осуществленія теорій соціализма, — когда, убѣжденный самъ, онъ убѣждалъ всѣхъ послѣдовать его страстному призыву пойти на освобожденіе народа отъ всѣхъ тѣхъ, кто мѣшаетъ наступленію въ нашей странѣ соціалистическаго строя. Онъ говорилъ:—Если кто-нибудь у васъ на глазахъ убьетъ или

хотя бы тяжко оскорбитъ вашу мать, вашу сестру, вашу жену, вашу дочь—кто изъ васъ останется спокойнымъ и равнодушнымъ при этомъ? Кто не бросится на насильника и, рискуя собственной жизнью, не постарается предотвратить насиліе надъ дорогимъ вамъ существомъ или отомстить за смерть или обиду! Каждаго, кто возстанетъ такимъ защитникомъ или мстителемъ, мы благословимъ какъ героя, мы оцѣнимъ въ немъ величіе души, мы преклонимся передъ красотой его самопожертвованія. Во сколько же разъ прекраснѣе самопожертвованіе, во сколько сильнѣе геройскій духъ, во сколько величественнѣе душа тѣхъ, кто, идя на борьбу съ насиліемъ, отдаетъ свою жизнь не за себя, не за своихъ родныхъ и близкихъ, не въ минуту аффекта, вызваннаго видомъ совершоннаго насилія, а идетъ на смерть за другихъ, за невѣдомыхъ ему, за ту общую мать, которую мы называемъ страдающей родиной, за тѣхъ сестеръ и братьевъ, которыхъ мы называемъ человѣчествомъ. Эти герои сознательно совершаютъ уже не акты возмездія, а подвиги, приближающіе насъ къ наступленію царства свободы. Жертвуя собой, эти мученики за идею расчищаютъ дорогу намъ... Благословимъ ихъ имена. Благословимъ павшихъ, отошедшихъ отъ насъ, ставшихъ незабвенными... Но благословимъ и всѣхъ тѣхъ, кто и въ ближайшіе, и въ болѣе отдаленные дни съ такимъ же самоотверженіемъ пойдетъ на геройскую борьбу, пока не будетъ проложенъ широкій путь къ свободѣ и свѣту.

Со слезами восторга слушала Зина этотъ призывъ, и душа ея сливалась съ восторженнымъ настроеніемъ всей аудиторіи. Не говоря себѣ никакихъ словъ, не формулируя своего рѣшенія, Зина чувствовала одно: куда бы ни пошла сейчасъ эта толпа, она пойдетъ за нею. Что̀ ей за дѣло до отца, до матери, до всѣхъ старыхъ предразсудковъ,—она не помнитъ, не думаетъ о нихъ въ эту минуту. Ничего этого не существуетъ: есть только движеніе впередъ, къ свободѣ, къ свѣту, заодно со всѣми, кто встаетъ подъ знамя борющагося за свои права пролетаріата.

И только сильно бьющееся въ груди сердце острой болью напоминаетъ Зинѣ о себѣ и заставляетъ ее прижать его рукой, надавить на него. Этимъ давленіемъ Зина старается заглушить боль внутреннюю, чтобы она не тревожила ее, чтобы она не отвлекала вниманіе.

Въ состояніи экстаза вернулась Зина домой съ этого митинга. Она заперлась въ своей комнатѣ, сѣла въ кресло и долго-долго сидѣла, не видя ничего окружающаго, смотря черезъ стѣны своей комнаты куда-то далеко-далеко впередъ. Ей рисовался въ

далекомъ грядущемъ какой-то неопредѣленный миражъ, безъ ясныхъ очертаній, безъ красокъ, миражъ чего-то свѣтлаго, радостнаго, звучащаго ей гармоніей, вѣющаго на нее чистымъ дыханіемъ горныхъ вершинъ.

Когда ее позвали обѣдать, она вошла въ столовую уже значительно успокоенная. Будничная жизнь взяла свое, возбужденіе прошло; но тѣмъ прочнѣе укрѣпилось въ головѣ сознаніе, что высочайшая правда заключается въ томъ, чѣмъ этотъ экстазъ былъ вызванъ. Зинѣ казалось, что вотъ теперь она уже должна что-то осуществить, что теперь она вступаетъ на тотъ путь, по которому пошелъ Всеволодъ, путь, по которому идетъ все, что есть въ Россіи лучшаго, молодого, вдохновеннаго.

На вопросъ матери, гдѣ она была, Зина отдѣлалась незначительными фразами, молча сѣла за столъ и, сосредоточенная, спокойная, старалась не обращать на себя ничьего вниманія. Съ равнодушнымъ видомъ слушала она то, что говорилось за обѣдомъ по поводу совершающихся событій, — говорилось во враждебномъ тонѣ. Отецъ, только-что вернувшійся изъ своего департамента, сообщилъ, какъ достовѣрную вѣсть, что уже написанъ и чуть ли даже не подписанъ манифестъ, дарующій Россіи конституцію. Въ глазахъ Зины вспыхнулъ огонекъ радости; отецъ пытливо посмотрѣлъ на нее. Но, какъ всегда, молчаливая, она сдержала себя и ничѣмъ не отозвалась на это извѣстіе. Не отозвалась она ничѣмъ и на то, когда отецъ съ презрительной усмѣшкой сказалъ:

— Что-жъ, если и приходится сдѣлать теперь уступку,—потѣшатъ толпу, поиграютъ въ конституцію, а тамъ опять скрутятъ по старому—и пикнуть не дадутъ. Нашли чѣмъ запугать — забастовками! Ну, конечно, лучше, чѣмъ допустить кровопролитіе, потѣшить ихъ бумажкой... Потѣшатся, поиграютъ, устанутъ—и отстанутъ.

XI.

Зина тотчасъ послѣ обѣда ушла въ свою комнату, потомъ легла спать раньше обыкновеннаго, чтобъ забыться отъ всѣхъ пережитыхъ волненій, но именно отъ волненій-то долго и не могла уснуть въ эту ночь.

Когда, проснувшись утромъ довольно поздно, она позвала горничную, та вошла какъ-то особенно сіяющая, и первыми ея словами было:

— Барышня, свобода! Вышелъ царскій манифестъ: всѣмъ свобода, и всѣ мы теперь *граждане!*

Не сознавая всей полноты значенія этого послѣдняго слова, она такъ подчеркнула его, какъ будто именно въ немъ заключались мечты всей ея жизни.

Зина вскочила и въ радостномъ порывѣ обняла и поцѣловала дѣвушку. Сущности содержанія указа она добиться отъ нея не могла и спѣшила скорѣе одѣться, чтобы узнать что-нибудь отъ матери. Выйдя въ столовую, Зина застала Софью Петровну за кофе. Отца уже не было, онъ сегодня рано всталъ и куда-то уѣхалъ.

По недовольному виду матери Зина могла заключить, что манифестъ, напечатанный въ нумерѣ „Правительственнаго Вѣстника“, лежавшаго тутъ же на столѣ, былъ написанъ въ духѣ, противномъ убѣжденіямъ ея родныхъ. Это заставило Зину сразу повѣрить, что совершилось что-то необычайно счастливое.

Пока она пила кофе и читала и перечитывала манифестъ и всеподданнѣйшій докладъ графа Витте, Софья Петровна молча смотрѣла пытливымъ взглядомъ на дочь. Потомъ спросила:

— Ну, что, нравится тебѣ?

Зина вспыхнула, покраснѣла, и, помолчавъ, нерѣшительно отвѣтила:

— Мама, какъ тутъ сказать — нравится или не нравится. О такихъ вещахъ такъ нельзя судить. Я не знаю, все ли тутъ такъ, какъ нужно, но я чувствую, что тутъ народъ побѣдилъ... и, по-моему, это хорошо.

Софья Петровна печально посмотрѣла на дочь и, тихо покачавъ головой, грустнымъ тономъ сказала:

— А я боюсь, что ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ. По-моему...

Ея голосъ началъ было повышаться, но она вдругъ сразу же оборвала начатую фразу. По прежнимъ опытамъ съ Зиной, а въ особенности, бывало, съ Всеволодомъ, она знала, что увѣщаніями дѣтей она обыкновенно достигала не тѣхъ результатовъ, какихъ желала. Поэтому она предпочитала уже не обращаться въ такихъ случаяхъ къ нимъ прямо, а тактично заводила въ ихъ присутствіи разговоръ съ отцомъ на тему, по которой надо было внушить дѣтямъ тотъ или иной взглядъ. Такъ и теперь, — прервавъ разговоръ, она только добавила:

— По-моему, будетъ, что сказалъ сейчасъ отецъ: будетъ сумбуръ.

И встала, поцѣловала Зину въ голову и ушла къ себѣ.

А Зина, оставшись одна, еще разъ перечитала манифестъ, стараясь дать себѣ отчетъ, какъ ей надо отнестись къ нему. И опять ей казалось, что тутъ, несомнѣнно, есть что-то хорошее, что, во всякомъ случаѣ, эти оффиціальные документы выражаютъ торжество всѣхъ тѣхъ борцовъ за народную свободу, съ кѣмъ она въ послѣднее время жила однѣми думами, однимъ настроеніемъ. Правда, въ манифестѣ она еще не видѣла утвержденія соціальной республики, но думала, что это, можетъ быть, именно такъ и надо, — вѣдь не правительству же самому провозглашать ее. Во всякомъ случаѣ, манифестъ этотъ вызвалъ у нея увѣренность, что теперь все пойдетъ по новому, по другому, все впередъ и впередъ.

И поспѣшно покончивъ пить кофе, она стала собираться къ своимъ подругамъ, чтобы узнать, что „тамъ“ говорятъ и думаютъ о совершившемся фактѣ.

XII.

Зина застала Попову на порогѣ.

— Куда?

— На митингъ.

— Гдѣ?

— Въ университетѣ. Идемъ?

— Идемъ.

Онѣ вышли вмѣстѣ. Зина испытывала подъемъ духа, какого у нея, кажется, никогда не бывало. Когда она ѣхала къ Поповой, она замѣтила на улицахъ необычайное оживленіе, и это дѣйствовало на нее, уже дома подготовленную чтеніемъ манифеста, особенно возбуждающе. Теперь, осуществляя давнишнюю мечту попасть на большой митингъ, она готова была бѣжать бѣгомъ, и не столько догоняла, сколько подгоняла торопливо шагавшую рядомъ съ ней Попову. А та все время твердила:

— Ахъ, опоздаемъ, опоздаемъ!

Она объяснила Зинѣ, что и она ничего не знала, и ей только сейчасъ прислали сказать о митингѣ, собравшемся неожиданно, чтобъ обсудить вышедшій манифестъ.

Попова, привыкшая всегда ходить пѣшкомъ, какъ-то не догадалась вспомнить о томъ, что надо бы извозчика,—а извозчики и не попадались; — Зинѣ же и подавно было не подумать объ этомъ, и онѣ шагали и шагали, подгоняемыя боязнью, что не застанутъ чего-то очень важнаго.

Но Зину съ самаго начала поразило одно: она пріѣхала къ Поповой въ радостномъ настроеніи, а у той не радость, а скорѣе раздраженіе и тревога. Но какъ только Попова заговорила о манифестѣ, Зинѣ съ первыхъ же словъ все стало ясно: какъ это она, точно неграмотная, сама не поняла того, что оказалось такъ понятно для Поповой. И Зина краснѣла и стыдилась за себя, слушая, какъ Попова на ходу объясняла ей, что вѣдь манифестъ не даетъ никакихъ гарантій обѣщанныхъ свободъ, что нельзя надѣяться, что изъ этихъ негарантированныхъ обѣщаній что-нибудь выйдетъ; да и вообще нужно идти дальше, гораздо дальше, пользуясь теперешней побѣдой и небывалымъ подъемомъ народнаго духа, когда вся Россія, думалось ей, настроена такъ революціонно.

— Помириться съ этимъ манифестомъ, — горячо говорила ей Попова, — значитъ — уступить уже завоеванное, значитъ — дать себя одурачить, потерять удобный случай достичь настоящей народной воли и водворить новый соціальный строй. Осуществленія соціализма ожидаетъ весь міръ, а въ Россіи-то при теперешнихъ обстоятельствахъ ввести его легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ цѣломъ мірѣ. Было бы непростительно, преступно упустить такой случай, какъ теперешній. Удачный моментъ можетъ не повториться, надо ковать желѣзо, пока горячо. Вотъ увидишь, митингъ придетъ непремѣнно къ такой резолюціи, — я увѣрена.

И Попова все ускоряла и ускоряла шаги.

Зина слушала эти рѣчи подруги и, всей душой соглашаясь съ ней, мысленно обзывала себя „дурой": обрадовалась сегодня манифесту, когда отецъ еще вчера сказалъ при ней, что „дадутъ дѣтямъ поиграть, одурачатъ всѣхъ бумажкой, а потомъ опять скрутятъ въ бараній рогъ"! Кажется, ясно!

И вотъ теперь у нея уже начинаетъ подниматься озлобленіе, чувство ненависти къ этому самому манифесту, который давеча, казалось, открывалъ ей новый міръ. А это чувство враждебности сейчасъ же переходило уже въ новое чувство: сдѣлать что-то такое, чтобы скорѣе осуществить то, къ чему *всѣ* стремились, чего *всѣ* хотѣли. Какъ, какимъ путемъ, — она этого не знала, но какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ей, что стихійно надвигаются событія, въ которыхъ ея личная роль, маленькая, ничтожная, становится великой: вѣдь отъ того воодушевленія, съ которымъ она рука объ руку съ другими борцами пойдетъ ниспровергать темный произволъ, чтобъ водворить на его мѣсто свѣтлую правду, — отъ ея готовности погибнуть или побѣдить, — будетъ зависѣть успѣхъ, будетъ зависѣть побѣда. И она готова!..

Попова сказала ей немного словъ, но Зинѣ было достаточно теперь и намека, достаточно и искры: горючій матеріалъ былъ внутри ея самой.

Подходя къ Полицейскому мосту, онѣ увидали густую толпу, двигавшуюся имъ навстрѣчу. Смотрятъ: красные флаги, поютъ „Марсельезу“.

Онѣ остановились. Спрашиваютъ первыхъ же встрѣчныхъ: какая это толпа? Оказывается—демонстранты, идутъ съ окончившагося митинга: демонстрація должна выразить протестъ противъ „никого неудовлетворившихъ формы и содержанія манифеста“, выразить готовность народа на дальнѣйшую упорную борьбу для завоеванія истинной свободы и доподлинныхъ правъ.

Толпа, все возраставшая и возраставшая, приближалась. Людской потокъ залилъ всю ширину Невскаго и двигался впередъ съ неудержимой силой, вбирая въ себя всѣхъ, попадавшихся на пути.

Повернувъ назадъ, примкнули къ нему и Зина съ Поповой. Когда около нихъ раздалось пѣніе, и онѣ запѣли, сливаясь съ общимъ могучимъ хоромъ.

Зина, теперь уже опять радостная и ликующая, двигалась впередъ, не слыша подъ собою ногъ, несомая народной массой. Куда? почему?—она не думала объ этомъ; но *зачѣмъ?*—это она хорошо знала: за правдой, за святой правдой!

По дорогѣ, какія-то, стоявшія на открытомъ балконѣ, дамы сбросили въ толпу два трехцвѣтныхъ флага, украшавшихъ балконъ. Шедшіе вблизи Зины и Поповой студенты подхватили флагъ и стали отрывать синія и бѣлыя полосы, оставляя одну красную. Съ увлеченіемъ бросилась Зина помогать имъ. О, да! она не сомнѣвалась въ эту минуту, что этотъ трехцвѣтный флагъ — это символъ всего отжившаго, стараго, угнетающаго. Только подъ новымъ краснымъ знаменемъ можно придти въ обѣтованную землю свободы. Вся раскраснѣвшаяся, съ горящими глазами, она шла, ни на шагъ не отставая отъ той группы студентовъ, которые понесли теперь эти два новыхъ красныхъ знамени. Они шли и пѣли, забывая обо всемъ окружающемъ. Какъ лавина двигалась вся масса демонстрантовъ—безъ опредѣленной цѣли, безъ вѣдомаго отдѣльнымъ участникамъ направленія; задніе за передними, передніе подъ напоромъ заднихъ, двигались туда, гдѣ просторнѣе—по линіи наименьшаго сопротивленія.

На Литейномъ встрѣтилась другая такая же толпа. Обѣ сразу сомкнулись въ одно цѣлое и двинулись по Владимірской къ Загородному. Кто-то сказалъ, что идутъ къ Технологическому —

освобождать осажденныхъ тамъ студентовъ. Но кто-то другой говорилъ, что „нѣтъ—хотятъ только совершить круговое шествіе по главнымъ улицамъ".

Толпа, не встрѣчая никакихъ преградъ на своемъ пути, въ величавой торжественности, не нарушая порядка, не дѣлая никому зла, шла и шла, вдохновляемая своимъ пѣніемъ, все впередъ и впередъ. Приближаются къ Семеновскимъ казармамъ. Остановка. Что такое? Тамъ, впереди взводъ солдатъ съ направленными на толпу ружьями. Электрической искрой пробѣжала эта вѣсть отъ головы къ хвосту демонстраціи. Толпа немного дрогнула. Нѣкоторые бросились назадъ, другіе отшатнулись въ сторону. Но ядро толпы—громадное большинство—не остановилось, пошло опять впередъ, надвигаясь плотнѣе другъ на друга. Толпа не разрѣжается, толпа сгущается. Раздастся гдѣ-нибудь крикъ: „назадъ!"—упадетъ, какъ камень въ воду, всколыхнувъ поверхность и вызывая концентрическіе круги, и опять все сравняется, опять вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, давитъ всей своей массой впередъ и впередъ.

Вотъ первые изъ толпы уже подошли къ Гороховой, они—противъ Семеновскихъ казармъ.

Тутъ, въ первыхъ рядахъ—и Зина съ Поповой. Часть толпы повернула на Гороховую; другая, напирая другъ на друга, подавалась впередъ по Загородному. Зина не хотѣла отступать ни на шагъ отъ Поповой и тѣхъ студентовъ, которые ихъ окружали. Кто-то около нея сказалъ, что въ нихъ сейчасъ могутъ начать стрѣлять. И Зину вдругъ охватило какое-то необычайное чувство: не страхъ, а радость, священный трепетъ, восторгъ, испытывала она. О, она не боялась выстрѣловъ! Въ эту минуту даже самая смерть казалась ей желанной. Когда ей раньше приходилось слышать о необходимости вооруженнаго возстанія, о необходимости съ оружіемъ въ рукахъ пойти навстрѣчу сильному старому врагу, она всегда думала, что она не могла бы взять оружіе и кого-нибудь убивать. Стать убійцей! ей!—нѣтъ, это невозможно. Но въ то же время она горячо сочувствовала всѣмъ, кто призывалъ къ этому вооруженному возстанію; всѣмъ, кто готовъ былъ пойти, кто дѣйствительно пошелъ бы въ бой... И вступить въ ряды вмѣстѣ съ другими, чтобъ вмѣстѣ съ ними умереть,—вотъ что она могла бы сдѣлать. Въ этомъ чувствѣ готовности пожертвовать собою безъ борьбы, безъ опредѣленной цѣли было что-то смутное, что казалось Зинѣ и очень высокимъ, и очень смѣлымъ: точно ей думалось, что гибель ея молодой беззащитной

жизни нанесетъ рядамъ солдатъ такой уронъ, какой произвела бы упавшая туда бомба.

И теперь, въ этомъ грандіозномъ демонстративномъ шествіи, имѣвшемъ для нея все значеніе боя, она шла на бой, какъ бы вооруженная съ головы до ногъ — вооруженная своей вѣрой въ то, что вотъ сейчасъ же вслѣдъ за этимъ кровавымъ столкновеніемъ, когда она, можетъ быть, погибнетъ, дрогнутъ сплоченные ряды народныхъ враговъ, произойдетъ необычайное: солдаты сами побросаютъ оружіе и, соединившись съ народомъ, — съ народомъ, изъ котораго и они вышли, — пойдутъ съ народомъ въ торжественной процессіи къ святой правдѣ. Въ эту минуту не жаль умереть, потому что только для торжества вѣры въ правду и стоило жить на свѣтѣ, потому что иначе незачѣмъ было бы и жить! И если, жертвуя своей жизнью, можно было приблизить наступленіе этой минуты великой радости, — жертва прекрасна, жертва легка.

Зина видѣла, что какой-то студентъ — черноватый, кавказскаго типа — влѣзъ на фонарный столбъ и оттуда что-то громко говорилъ окружавшей его толпѣ. Она не знала, что̀ онъ сказалъ; но это было все равно: она знала, что онъ могъ сказать только что-нибудь хорошее и что онъ могъ призывать только на тотъ путь, по которому надо идти. Куда бы ни двинулась послѣ его словъ окружавшая его толпа, на штыки ли, подъ выстрѣлы ли, Зина чувствовала, что она пойдетъ съ этой толпой радостная, въ первыхъ рядахъ. Она крѣпко сжимала руку стоявшей рядомъ съ ней Поповой и въ экстазѣ шептала:

— Идемъ!.. Идемъ!..

И выстрѣлы грянули. Зазвенѣли стекла фонаря, и студентъ, говорившій съ толпой, взмахнулъ руками, какъ птица крыльями, и, мертвый, свалился на тротуаръ.

Глаза Зины широко раскрылись. Она ахнула, ея рука еще крѣпче сжала руку Поповой, — потомъ сейчасъ же сразу ослабѣла и выпустила.

Попова взглянула на подругу. Лицо Зины поблѣднѣло, вѣки закрылись. Зина какъ-то неловко, странно присѣла среди тѣсно обступавшихъ ее людей, тѣ немного подались въ сторону, и Зина опустилась на колѣни.

— Зина!.. Зина!.. — окрикнула ее Попова: — Что̀ съ тобой? Очнись!

Не замѣтно было, чтобы она была ранена.

Попова, забывъ на мгновеніе все окружающее, стараясь расшевелить Зину, трясла ее за плечо.

Но Зина уже бездыханная лежала у ея ногъ.

А большинство демонстрантовъ, только-что за минуту передъ тѣмъ стойко поддерживавшихъ общее движеніе впередъ, уже поддалось паникѣ и расходилось-разбѣгалось. Стоявшіе около Зины студенты удерживали толпу, чтобъ она не наступила на упавшую дѣвушку.

XIII.

Не рѣка, море—Волга подъ Саратовомъ въ весеннее половодье. Нагорный берегъ здѣсь не высокъ, но прекрасенъ въ своихъ очертаніяхъ. Мѣстами—холмы, покрытые свѣжей зеленью, мѣстами — сѣрый камень, изрытый бурями и непогодой, точно отвѣсная стѣна надъ рѣкой, точно развалины старой крѣпости, старыхъ палатъ. По гребню — свѣтятъ полу-разрушенныя бойницы, у подножья—будто обвалившіяся ворота, а вотъ высокія, узкія окна, столбы—и опять стѣна... подобіе башни... и опять бойницы.

А на луговомъ—безконечный просторъ для воды, и залиты ею луга, и залитъ прибрежный тальникъ, залиты цѣлыя рощи—ивы, елки, березы.

Пароходы смѣльчаковъ-капитановъ, знающихъ родную Волгу, какъ свою душу, знающихъ всѣ ея изгибы, всѣ мели и всѣ глубины, идутъ въ полую воду и по разливамъ, идутъ тамъ, гдѣ меньше, слабѣе теченье, гдѣ меньше приходится преодолѣвать напоръ воды. Идутъ близъ затопленныхъ рощъ, идутъ почти у самыхъ деревьевъ. И любо смотрѣть съ пароходовъ въ тихіе ясные дни на эту безконечную неподвижную водную гладь, гдѣ деревья, какъ поставленныя на зеркалѣ, отражаютъ внизъ свои едва начинающія зеленѣть вершины. Точно огромные древесные стволы безъ корней, зато съ двумя вершинами по концамъ, выросли прямо въ воздухѣ и плывутъ мимо съ облаками надъ ними, съ облаками подъ ними. Какъ въ сказкѣ красиво, но на жизнь непохоже. Чудно. Только на Волгѣ и увидать это.

Пароходъ Волжскаго Общества „Боярыня“ шелъ полнымъ ходомъ кверху. По галереѣ, охватившей отъ носа до кормы всѣ каюты, ходили двое молодыхъ людей. Одинъ былъ въ студенческой тужуркѣ и фуражкѣ, другой—въ темныхъ полосатыхъ панталонахъ, въ черной блузѣ рабочаго и въ старой поярковой широкополой шляпѣ. Студентъ былъ Савельевъ, блузникъ—Всеволодъ Кукурановъ. Они сѣли въ Царицынѣ. Оба возвращались съ партійной работы: Савельевъ съ Кавказа, Всеволодъ съ Дона.

Предполагая возможность всегдашняго надзора, они при первой встрѣчѣ не обратили вниманія другъ на друга, какъ бы не замѣтили другъ друга въ толпѣ. Потомъ встрѣтились съ глазу на глазъ у перилъ галереи, сошедшись и заговоривъ другъ съ другомъ, какъ бы впервые знакомясь, и съ этого момента уже не разставались. Исполняя порученіе революціоннаго комитета, оба ѣхали теперь къ новому назначенію: Савельевъ въ Саратовъ, Всеволодъ въ Москву. Встрѣча была для нихъ неожиданна, и они были рады подѣлиться пережитымъ и передуманнымъ. Въ теченіе дня они имѣли время наговориться, и теперь, подъвечеръ, когда пароходъ уже приближался къ Саратову, они, стоя на галереѣ, любовались красотою Волги и дѣлились уже не фактами изъ своей партійной дѣятельности—дѣлились настроеніями. Изъ того, что̀ они успѣли разсказать другъ другу, имъ уже было ясно, что̀ они оба сильно разочарованы, — разочарованы не столько въ томъ, что̀ они дѣлали, сколько въ томъ, что̀ изъ всего этого вышло. Но каждый изъ нихъ какъ будто не хотѣлъ еще сразу признаться въ этомъ другому, быть можетъ, не хотѣлъ признаться даже и самому себѣ. Но изъ того, какъ ими передавались другъ другу самые факты, въ концѣ концовъ невольно сказалось, что нѣтъ у нихъ ни прежняго энтузіазма, ни прежней увѣренности въ себѣ, въ своихъ излюбленныхъ теоріяхъ, въ представителяхъ своей партіи. Оба настоящіе русскіе не только по происхожденію, но и по чувству, они были представителями двухъ прямо противоположныхъ классовъ, и оба одновременно и умомъ и сердцемъ отреклись отъ идеи національизма, оба всей душой отдались соціалистическимъ грезамъ, и теперь оба чувствовали, что правда есть „и тутъ, и тамъ", или ея „нигдѣ" нѣтъ. Ничему изъ тѣхъ вѣрованій революціоннаго катехизиса, съ которыми они недавно вступили на революціонный путь, они не измѣнили; въ теоріи они все готовы были попрежнему признавать вѣрнымъ, возможнымъ, достижимымъ; и въ то же время видѣли, какъ въ дѣйствительности ничто не осуществляется. Не осуществляется не только въ массахъ, не только въ складѣ народной жизни, но не осуществляется въ ихъ собственныхъ душахъ. Ихъ умъ постоянно говорилъ имъ одно, ихъ чувство часто влекло ихъ къ другому. Вотъ они сейчасъ оба вмѣстѣ на Волгѣ, по которой они не разъ проплывали и вверхъ, и внизъ, и прежде, и во время ихъ дѣтства. Родная, великая русская рѣка—прообразъ всей русской жизни, то широко разливающейся, то мелѣющей; изъ глубины дикихъ лѣсовъ, изъ маленькихъ озеръ вытекающая маленькими ручьями,

и чрезъ всю великую равнину, вбирая въ себя много большихъ и малыхъ рѣкъ, бѣгущая къ отдаленному морю, словно стремящаяся къ той Индіи, которая всегда грезилась мечтательнымъ умамъ русскихъ государственныхъ людей, стремящаяся къ открытому южному океану и... попадающая въ тупикъ — въ глухое Каспійское озеро, съ его песчаными печальными берегами. Не такова ли и вся русская жизнь со всѣми ея порывами, со всѣми ея размахами, съ ея красотами и безобразіемъ, громадная и увлекательная, многообѣщающая, манящая—и роковымъ образомъ заканчивающаяся въ пескахъ пустыни. И вотъ теперь эта самая Волга навѣвала имъ своей красотой, своимъ величіемъ, безсмертностью этой красоты и этого величія тяжелыя мысли,— мысли, полныя чисто русской печали, какой не понять никакому иностранцу, никакому „всечеловѣку". Волга! Чего-то не видала она на своемъ вѣку—чего-то еще не увидитъ!

Савельевъ еще раньше просилъ матроса предупредить, когда пароходъ пойдетъ мимо „Утеса Стеньки Разина". Теперь матросикъ подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Вотъ.

Но и безъ этого предупрежденія нельзя было не обратить вниманія на этотъ большой красивый бугоръ, высоко-высоко поднявшійся надъ водой и своими красивыми закругленными очертаніями рѣзко выдѣлявшійся среди другихъ бугровъ. Пассажиры парохода съ биноклями въ рукахъ любовались „Утесомъ". А матросикъ сказалъ Савельеву:

— Большой кладъ, сказываютъ, зарытъ въ немъ.

Савельевъ вполголоса сталъ декламировать, подражая въ декламаціи мотиву пѣсни:

...Пусть тотъ смѣло идетъ,
На утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,
И утесъ-великанъ,
Все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ...

А Всеволодъ, смотря на утесъ, сказалъ:

— А что—можетъ быть, именно съ этого бугра Разинъ и сбросилъ въ Волгу свою любовницу, свою дорогую персидскую княжну?—И, помолчавъ, задумчиво добавилъ:—Если только эта легенда не выдумка.

Савельевъ замѣтилъ:

— Да тутъ, пожалуй, не особенно-то удобно сбрасывать. Развѣ ужъ только размахнуться хорошенько, да швырнуть да-

леко. — И, тоже помолчавъ, добавилъ немного грубоватымъ, искусственнымъ тономъ:—Что-жъ, сила, поди-ка, у мужика была большая.—Усмѣхнувшись, онъ продолжалъ:—Впрочемъ, я слыхалъ эту легенду въ такомъ варіантѣ, что онъ выбросилъ персіянку изъ лодки. Помню даже, есть чья-то картина: Волга, Разинъ съ пьяными товарищами въ лодкѣ, убранной коврами; онъ одинъ стоитъ и, вытянувъ обѣ руки кверху, поднялъ персіянку высоко надъ головами сидящихъ въ лодкѣ разбойниковъ, и тѣ спокойно смотрятъ своими посоловѣлыми пьяными глазами на эту жертву, приносимую ихъ атаманомъ Волгѣ.

Всеволодъ, продолжая любоваться утесомъ, сказалъ:

— Дѣло не въ томъ, какъ это было, а въ смыслѣ легенды. И мнѣ варіантъ съ утесомъ нравится больше. Вѣдь онъ разсказывается такъ: послѣ кутежа съ своими приближенными на этомъ утесѣ, когда уже всѣ уснули, когда уснула и княжна, лежа на землѣ у его ногъ и положивъ ему голову на колѣни, Разинъ долго сидѣлъ и смотрѣлъ своей любовницѣ въ лицо, потомъ взялъ ее, сонную, поднялъ и сбросилъ съ утеса.

Савельевъ сморщилъ брови и съ презрительной усмѣшкой сказалъ:

— По той ли, по другой ли версіи, все равно—безобразная выходка пьянаго мужика. Одна изъ тѣхъ выходокъ, которыми такъ богата семейная мужицкая жизнь. Отчего надъ бабой не потѣшиться! Моя воля! На, вотъ, любуйся православный міръ, какой я есмь молодецъ!

— О, какъ ты не правъ, какъ ты не правъ, Савельевъ!— нервно прервалъ его Всеволодъ. — Ты самъ не понимаешь, что̀ ты говоришь! И, знаешь, это именно потому такъ невѣрно, что ты—мужикъ. Да, прости,—ты мужицкую жизнь понимаешь по-мужицки.

— Ну, а по-твоему, по-барски, какъ?—дружески смѣясь, сказалъ Савельевъ.

Всеволодъ, не задумываясь, нервно, быстро отвѣчалъ:

— Да мнѣ это такъ ясно, какъ нельзя больше. Да неужели ты не понимаешь, что это-то самое, что̀ вотъ сдѣлалъ я, что̀ дѣлаютъ въ настоящее время тысячи русскихъ людей, что̀ больше, чѣмъ кому-нибудь, свойственно именно русскому человѣку. Вѣдь ты пойми: что̀ такое Разинъ? Гордый пролетарій, гордый своей свободой, гордый своей любовью къ своему брату пролетарію. Онъ ведетъ своихъ братьевъ во имя этой свободы впередъ, онъ дѣлаетъ ихъ царями на доступномъ имъ пространствѣ земли и самъ дѣлается ихъ царемъ. И все царское становится ему до-

ступно. Онъ чувствуетъ, что онъ уже не пролетарій больше, что онъ—владыка, и все, что доступно сильнымъ міра, все въ эти минуты доступно ему, все дѣлается его достояніемъ. И было достаточно малѣйшаго упрека его сотоварищей въ томъ, что онъ возвысился надъ ними, что онъ не тотъ, какимъ былъ прежде, не тотъ, какимъ нужно бы быть; что изъ общей добычи онъ своею властью сильнаго, не спрося никого, взялъ себѣ лучшую часть—эту персидскую княжну; что онъ полюбилъ ее, что она для него стала уже не просто добычей, что она его полюбила, что онъ „обабился“ съ нею. Въ этомъ грубомъ словѣ, оказалось, сказано многое. И чуткій умъ, чуткая душа гордаго своей свободой пролетарія, ставшаго вождемъ, не могла не понять этого. И какой выходъ? Что онъ сдѣлаетъ? Будетъ ли онъ продолжать идти по этому пути, будетъ ли онъ пользоваться благами жизни, или опять отдастъ всего себя на служеніе своимъ товарищамъ-пролетаріямъ? Конечно, онъ не измѣнитъ тому, что было задачей его жизни, что было его сущностью. Ну, хорошо. Но кому же отдастъ онъ эту свою дорогую, любимую персидскую княжну, если онъ захочетъ съ себя стряхнуть бремя этой любви? Жребій что-ли о ней метать? Онъ зналъ своихъ молодцовъ. Для нихъ она была бы только вещью, только частью добычи, равной для всѣхъ. Онъ понималъ, что уже одной этой любовью къ ней онъ уходилъ изъ ихъ рядовъ и возвышался надъ ними. Какую страшную душевную муку долженъ былъ онъ пережить, смотря на эту женщину, любимую, любящую, безпечно спящую у его ногъ...

Всеволодъ произнесъ послѣднія слова съ такой страстной нѣжностью, какъ будто онъ говорилъ о самомъ себѣ, о своей любви къ кому-то, въ эту минуту далекой отъ него, но вѣчно близкой въ мечтѣ, въ сердцѣ. Савельевъ только искоса пытливымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него, и въ этомъ взглядѣ соединились и легкая усмѣшка, и дружеское сочувствіе. Всеволодъ въ раздумьи смотрѣлъ вдаль и съ минуту молчалъ. Потомъ, какъ бы очнувшись, онъ заговорилъ съ тѣмъ же увлеченіемъ, продолжая смотрѣть вдаль и какъ бы говоря именно этой дали:

— А подъ ними была Волга—широкая, разлившаяся, какъ широкъ разлившійся по всей Руси, пролетаріатъ. Пойми, вѣдь эта брошенная въ Волгу княжна — великолѣпный символъ того, какъ сильный духомъ человѣкъ, стоящій на высотѣ, способенъ бросить въ дань великой идеѣ свободы, равенства и братства все, что у него есть самаго дорогого и самаго милаго, что могло бы помѣшать ему беззавѣтно служить великой идеѣ.

И, опять на мгновенie помолчавъ, онъ взглянулъ открытымъ добрымъ взглядомъ на товарища и спросилъ тѣмъ тономъ, въ которомъ былъ уже и утвердительный отвѣтъ:

— Послушай, Савельевъ, развѣ я не сдѣлалъ то же самое?

— Что же, ты раскаиваешься въ этомъ? — умышленно спокойнымъ, безстрастнымъ голосомъ спросилъ Савельевъ.

— Что ты! Нѣтъ, нѣтъ! Ни одной минуты! — поспѣшилъ возразить Всеволодъ.

Онъ точно боялся быть заподозрѣннымъ въ ренегатствѣ, въ отреченiи отъ той новой вѣры, на которую онъ смѣнялъ старую вѣру своего класса. Лицо его приняло страдальческое выраженiе, и онъ нѣкоторое время точно искалъ въ умѣ доводовъ для самооправданiя. Потомъ сказалъ:

— Можно ли говорить о раскаянiи, когда я сейчасъ говорилъ тебѣ въ такомъ сочувственномъ тонѣ о поступкѣ Разина! Вѣдь я въ немъ вижу красоту душевнаго порыва! Да, онъ, можетъ быть, былъ прекрасенъ... самъ по себѣ, да, — но...

Всеволодъ прiостановился и потомъ съ какой-то тайной тревогой, съ такой поспѣшностью, какъ будто боялся, что если вотъ не сейчасъ, то онъ не рѣшится высказать свою мысль до конца, онъ заговорилъ возбужденно, порывисто:

— Нѣтъ, если я иногда надъ чѣмъ задумываюсь теперь, такъ вотъ надъ чѣмъ: да стоили ли разбойники Стеньки Разина такой жертвы, какъ его персидская княжна? Что — лучше ли они ея, что-ли? Въ мiровомъ балансѣ нужнѣе ли, что-ли, ихъ существованiе, чѣмъ существованiе этого образа народной легенды — поэтичнаго, незлобиваго — образа плѣнницы-невольницы, полюбившей своего насильника, — который въ свою очередь становился рабомъ этой любви. Я взвѣшиваю и тѣхъ и другихъ на чашахъ вѣсовъ моего сознанiя, и чаши колеблются. Я не могу рѣшить, которая изъ чашъ перетягиваетъ. Въ этомъ — трагедiя моего существованiя.

Савельевъ промолчалъ. Потомъ, закуривъ папиросу, выпустилъ нѣсколько колецъ дыму и, будто не обращаясь къ товарищу, а глядя куда-то вдаль по рѣкѣ, сказалъ:

— Ты — баричъ, баричемъ и останешься. Ты любуешься красотой своего поступка, какъ эстетикъ. И трагедiя твоей души — эстетика. А я — мужикъ, и тамъ, гдѣ ты нашелъ красивый или прекрасный поступокъ, я говорю — мужичья это выходка. Ты боишься и подумать, что могъ ошибиться, отказавшись отъ своего прежняго положенiя во славу пролетарiата. Ты и Разина-то въ его безобразномъ поступкѣ оправдываешь,

чтобъ себя еще больше украсить. А я такъ думаю, что эта Разинская жертва Волгѣ—не только мужичья, но и рабья выходка. Въ эту минуту онъ по духу былъ рабомъ своихъ рабовъ-разбойниковъ. Ты, баринъ, еще спрашиваешь самъ себя: да стоили ли Разинскіе молодцы такой жертвы? А я, мужикъ, прямо тебѣ скажу: мнѣ иногда просто дѣлается страшно при мысли о томъ, что мы въ это послѣднее время дѣлали. Вѣдь мы разрушаемъ культуру стараго строя, вмѣсто того, чтобы приспособить ее къ себѣ и самимъ приспособиться къ ней. Вѣдь еще вопросъ, что дадимъ мы взамѣнъ ея. Что построитъ новый царь міра — пролетаріатъ,—когда у него не будетъ другихъ царей, кромѣ все нивеллирующаго царя-Равенства?

Всеволодъ не отвѣтилъ ничего. Онъ видѣлъ, что Савельевъ шелъ дальше его въ отрицаніи того, что еще недавно казалось имъ обоимъ путеводной звѣздой къ общему счастью. И теперь оба долго молчали и въ раздумьи смотрѣли на Волгу. Рѣка жила своей кипучей весенней жизнью. Широкій просторъ разлива не оставался ни на одну минуту безжизненнымъ.

Повстрѣчалась огромная бѣляна. Всеволодъ встрепенулся и, провожая ее восторженнымъ взглядомъ, любовно заговорилъ:

— Въ цѣломъ мірѣ не найдешь такихъ судовъ. Какая оригинальность и какая простота!.. Знаешь, мнѣ иногда ужасно хочется,—проплыть бы на такой бѣлянѣ, вонъ въ этой избѣ, что на ней, такъ прямо съ верховьевъ, откуда она плыветъ, до самой до Астрахани.

Сейчасъ же вслѣдъ за бѣляной попадаются плоты, сплавляемые съ Ветлуги и Кокшаги на безлѣсныя низовья Волги. Цѣлый городъ плотовъ. Только на одномъ просторѣ половодья и можно пустить такую массу.

„Боярыня“ близко обогнула плоты, и отъ валовъ ея колесъ они всколыхнулись, закачались, точно нервной дрожью дрогнула вся ихъ масса. Волны обдали крайніе плоты, обдали брызгами стоявшаго у плотового руля бурлака, и тотъ послалъ пароходу вдогонку крѣпкое русское ругательство. „Боярыня“ быстрымъ ходомъ бѣжитъ дальше, выше, не считаясь съ вызваннымъ ею волненіемъ. Мимолетнымъ видѣніемъ мелькнуло оно и уже смѣняется новыми картинами, — новымъ впечатлѣніямъ отдаются Савельевъ и Всеволодъ, молча смотрящіе впередъ.

Вонъ вдали показался идущій сверху пароходъ. Надъ нимъ сверкнулъ бѣлый дымокъ, за дымкомъ, какъ за огнемъ выстрѣла, послышался свистокъ, и въ отвѣтъ ему загоготала-зарычала и „Боярыня“. Матросъ вышелъ на край капитанскаго трапа, по-

махалъ флагомъ въ отвѣтъ на такое же маханіе верхòваго парохода, и „Боярыня“ взяла рулемъ поворотъ налѣво. Оба парохода, бѣгущіе другъ другу навстрѣчу, начинаютъ приближаться, и уже ясно видны очертанія и окраска верхòваго. Ясно видна красная полоса поперекъ трубы, и Всеволодъ, тономъ знатока, говоритъ:

— „Самолетъ“.

Съ дѣтства, каждый годъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ имѣнье, онъ видитъ Волгу, онъ сроднился съ ней, привыкъ любить ее, онъ знаетъ ее, онъ любитъ узнавать при встрѣчѣ знакомые пароходы, онъ хорошо помнитъ всѣ ихъ названія.

Верхòвый пароходъ подходитъ ближе и ближе, его корпусъ всей своей громадой поворачиваетъ вправо, и Всеволодъ читаетъ на кожухѣ яркую надпись:

— „Гоголь“.

И, повернувшись лицомъ къ Савельеву, онъ какъ-то мечтательно-грустно произнесъ:

— Хорошія нынче названія у пароходовъ пошли. Въ каждомъ чувствуется „сознательность“.—Помолчавъ, онъ продолжалъ:—На Волгѣ я всегда чувствую себя страшно русскимъ. Кажется, въ этихъ пароходахъ, въ ихъ названіяхъ, передо мной проходитъ вся русская жизнь—и прошлая, и настоящая.

— Можетъ быть, и будущая?—усмѣхнулся Савельевъ.

— Не смѣйся,—покачавъ головой, серьезно сказалъ Всеволодъ.—Какъ знать: „быть можетъ, и будущая“. Развѣ не отражается въ этихъ надписяхъ народное сознаніе? Ты только вдумайся, вглядись въ нихъ — можетъ быть, въ нихъ найдется что-нибудь пророческое. Я помню, прежде волжскіе пароходы носили другія имена. Теперь посмотри—всѣ они стали демократичнѣе. Посмотри на „Самолеты“: все имена писателей — и какихъ! Тутъ и Тургеневъ, и Некрасовъ... а вотъ и Гоголь.

— Ну, а на пароходахъ Волжскаго Общества: „Государь“, „Государыня“, вотъ наша „Боярыня“ — все это тоже демократія?—добродушно съязвилъ Савельевъ.

Всеволодъ не склоненъ былъ къ шуткѣ въ эту минуту, и къ ироніи товарища отнесся равнодушно. Спокойно, серьезно, онъ отвѣтилъ:

— Не демократія, нѣтъ! Но это—русская жизнь.

Немного подумавъ, онъ сказалъ:

— У нихъ есть и „Купецъ“, и „Мужикъ“—всѣ сословія отъ вершины до основанія. Видно, что здѣсь строители не подчинились какой-либо тенденціи, а просто воспроизвели въ этихъ

названіяхъ всю народную жизнь, и имъ было нужно, чтобы тутъ всѣ имѣли своихъ представителей.

Продолжая думать про себя надъ этой мыслью, онъ чрезъ нѣкоторое время сказалъ:

— А вотъ развѣ не любопытно, что у того же „Самолета“ на верховомъ плесѣ всѣ пароходы носятъ названія великихъ князей удѣльно-вѣчевого періода: „Василій Костромской“, „Андрей Боголюбскій“, „Юрій Суздальскій“, „Михаилъ Тверской“... все старатели, печальники земли русской, все—мученики за родную землю. Юрій Суздальскій убитъ татарами, Михаилъ Тверской замученъ въ Ордѣ... И какъ это символично, что именно въ верховомъ плесѣ Волги—они! Тамъ—мѣсто, гдѣ началась русская жизнь, гдѣ начинается Волга...

Савельевъ не отвѣчалъ ничего. Онъ, какъ и Всеволодъ, въ раздумьи смотрѣлъ на Волгу.

XIV.

Буфетный лакей пришелъ сказать, что онъ подалъ имъ въ столовую заказанное ими кушанье, и они пошли за нимъ. Оба ѣхали въ третьемъ классѣ, но столовались во второмъ. Рано пообѣдавъ, они теперь, передъ высадкой Савельева въ Саратовѣ, рѣшили напослѣдокъ вмѣстѣ попить чаю и закусить. Въ столовой было нѣсколько человѣкъ пассажировъ, и въ ихъ присутствіи разговоръ вести можно было только незначительный. Зато было интересно прислушиваться. Какой-то старикъ, худощавый, восковой, благообразнаго вида, — такими пишутъ угодниковъ, — говорилъ сидѣвшему противъ него священнику:

— Я ее и спрашиваю: ну, что̀, говорю, Николиха, какъ у васъ въ деревнѣ о будущей Думѣ говорятъ? А она мнѣ въ отвѣтъ: „Какая, батюшка, тамъ Дума! До Думы ли намъ! Вотъ въ нашей деревнѣ праздникъ престольный подходитъ, такъ теперь каждый думаетъ, чѣмъ его встрѣчать будетъ—у всѣхъ все нехватки. Гости со всѣхъ деревень понаѣдутъ, всѣхъ принять надо, всѣмъ хоть по два стаканчика поднести, хоть пирога кусокъ въ глотку-то сунуть. А гдѣ взять, какъ нѣтъ-то ничего? Вотъ у одной дочери—въ кухаркахъ служитъ—была, за полмѣсяца жалованья ея взяла, да у другой, да своихъ приложишь, что̀ есть, а все какъ будто мало“.

Благообразный старецъ разсказывалъ все это съ искусствомъ хорошаго разсказчика, видимо самъ любуясь своимъ искусствомъ

подражать голосу и интонаціямъ старой деревенской бабы. Священникъ слушалъ его съ видимымъ удовольствіемъ, поглаживая свою холеную русую, еще небольшую бородку. Старикъ продолжалъ:

— Ну, тутъ я ее спрашиваю: ну, хорошо, праздникъ справить надо, Богу помолиться, свѣчку поставить, а зачѣмъ же вы такъ на угощеніи-то ужъ очень роскошествуете? Такъ, извольте видѣть, говоритъ: „Какъ же, у насъ безъ этого никакъ нельзя. Ужъ хоть расшибись, да сдѣлай. Другъ за дружкой тянемся, а ничего не подѣлаешь. Гости пріѣдутъ—не выгонишь. Чѣмъ больше въ домъ народу валитъ, такъ у тебя больше сердце щемитъ. А думаете—говоритъ—шутка ли: у меня въ прошломъ году двадцать-четыре человѣка три дня гостили, такъ ужъ какъ я и жива осталась".—Кто же такіе?—спрашиваю я ее. И отвѣчаетъ, что все, дескать, родня. „Которые свои, которые невѣсткины, а которые и такъ прилѣзутъ. Прошлый—говоритъ—годъ сдвуродный братъ пріѣзжалъ съ женой и съ тремя дѣтьми. На всѣхъ все наготовить надо. Одной водки три четверти вышло, а она нонѣ вонъ какая дорогая: десять рублей ведро-то. Вотъ и сейчасъ должна купить въ городѣ муки полтора пуда пшеничной, сахару пятнадцать фунтовъ, двадцать-девять фунтовъ баранокъ, компота сухого фунтовъ десять". Я опять къ ней съ вопросомъ: что̀ такъ? зачѣмъ сухой компотъ покупаете? Баба опять свое: „Какъ же, сладкій супъ изъ него варимъ. Постъ вѣдь приходитъ, со Спасова-то дня. Кабы коровій праздникъ былъ, такъ я легохонько бы управилась, тутъ бы все у меня—и сметана, и молоко свое бы пошло. И яицъ, и барана зарѣзала бы. Ну, а постное вѣдь все купить надо, все купить! Рыбки купить, масла къ ней надо постнаго купить—одно разоренье! Въ прошломъ-то году, какъ родные-то отъ меня уѣжать стали, такъ я и не знаю, какъ узелки-то ихъ торопилась собрать—такъ вотъ вьюномъ и бѣгаешь, только бы поскорѣе спровадить. Думаешь, „уѣзжайте вы, голубчики, поскорѣе, одна-то я съ хлѣбомъ и водой останусь, только бы вы всѣмъ удовлетворены были". Такъ и глядишь каждому въ глаза-то—доволенъ ли? У насъ вѣдь еще такъ: наберемъ у лавочника—ладно хоть вѣритъ—иной разъ къ празднику-то рублей на тридцать заберутъ, а потомъ и отрабатываются. Гнёшь, гнёшь горбъ-то въ полѣ—и все на нихъ, да и то спасибо, хошь вѣрятъ-то. Вонъ въ сосѣдней деревнѣ, тамъ мужики какъ-то умѣютъ: придутъ къ нимъ, они чайку поставятъ, да ситника положатъ, да сахару по два кусочка—и все тутъ. А у насъ требуютъ... у насъ, чтобы и пироги, и рыбки—все бы чтобы было". Спрашиваю ее: отчего же

такъ у васъ-то?—„А вотъ что-же,—говоритъ—у насъ у одной невѣстки братъ въ Питерѣ живетъ, извозчикомъ ѣздитъ на своей лошади, а у другой самъ лавочникъ въ родняхъ-то, ну и привыкли, чтобы все по-хорошему. Такъ вотъ и замотаешься къ празднику-то. Гдѣ ужъ намъ о Думѣ думать. Сядешь вотъ на завалинку, подопрешь кулакомъ щеку-то, да свою думушку горькую и думаешь: „праздникъ престольный подходитъ“. До Думы ли намъ!“

Старикъ замолчалъ. На его длинный и живой разсказъ священникъ неопредѣленно промычалъ:

— М-м-да!

Всеволодъ и Савельевъ переглянулись между собой и улыбнулись. А старикъ-разсказчикъ сдѣлалъ заключеніе:

— Такъ по ихнимъ же словамъ вотъ гдѣ разореніе-то—въ праздникахъ. А не въ малоземельѣ.

Батюшка опять промычалъ:

— М-м-да...

Онъ видимо сочувствовалъ всему, что говорилъ его собесѣдникъ, но и боялся выразить сочувствіе, чтобъ какъ-нибудь не умалить важности празднованія престольныхъ праздниковъ со всѣми ихъ традиціонными послѣдствіями.

А вниманіе Савельева и Всеволода уже привлекла другая пара пассажировъ, сидѣвшихъ за чаемъ у того же стола, ближе къ концу: молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти и старуха, его мать. Съ перваго же взгляда на молодого человѣка можно было сказать, что онъ въ злѣйшей чахоткѣ, и пожалуй протянетъ не долго. Между глотками чаю онъ поминутно кашлялъ и, отплевывая въ платокъ мокроту, внимательно разсматривалъ ее. Потомъ тѣмъ же платкомъ вытиралъ потъ, при каждомъ приступѣ кашля выступавшій у него на лбу, блѣдномъ, морщинистомъ. Свѣшивавшіяся на лобъ короткія прядки жидкихъ бѣлокурыхъ волосъ мѣшали ему, и онъ то и дѣло раздраженно отбрасывалъ ихъ кверху. Отъ времени до времени онъ вскакивалъ, подходилъ то къ одному окну, то къ другому — посмотритъ, выскочитъ на минуту на галерею,—и опять къ столу за чай. А мать говоритъ ему:

— Вася!.. Вася!.. не волнуйся.

Вася опускалъ голову, мрачно задумывался и говорилъ:

— Да... передъ смертью все равно досыта не наглядишься.

Мать качала головой и, видимо давно уставшая отъ возни съ своимъ больнымъ, скорбная и въ то же время апатичная, утѣшала:

— Зачѣмъ такъ говорить! Какая смерть, когда лечиться надо и поправиться!

Вася опять вскакивалъ и порывисто подходилъ къ окну.

Въ ложбинѣ между горами онъ увидалъ деревню. Домики крѣпкіе, чистые, но вокругъ и около—огромныя кучи навозу и мусору. И онъ въ отчаяніи всплеснулъ руками, закачался изъ стороны въ сторону и вернулся къ столу. На лицѣ его была горькая ироническая улыбка. Мать смотрѣла на него печальнымъ задумчивымъ взглядомъ и молчала. И онъ сейчасъ же заговорилъ самъ, заговорилъ нервно, возбужденно, весь подергиваясь:

— Подлецы!.. Прямо—подлецы!.. Ты посмотри, мама, ты посмотри—этакій пейзажъ, и что они изъ него сдѣлали! Вѣдь это одна красота—эта долина! Вѣдь это Тироль! И ты посмотри, ты посмотри—они, какъ свиньи, окопались кругомъ навозомъ. Вѣдь они мнѣ весь пейзажъ испортили!

Мать, немного повернувши голову, бросила бѣглый взглядъ въ окно и успокаивающимъ тономъ сказала:

— Вася! Да вѣдь ты понимаешь же, что мужикамъ навозъ нуженъ въ хозяйствѣ, что они вотъ сейчасъ будутъ вывозить его на поле, — такъ куда же имъ дѣваться съ нимъ?

— Куда? — возразилъ Вася тономъ оскорбленнаго. — Куда угодно, но только не подъ самый носъ себѣ! Спрячь, прибери! Отчего же у насъ въ имѣньи нѣтъ этого безобразія? А вѣдь и мы—земледѣльцы.

Онъ глухо закашлялъ, кашлялъ долго, отплюнулъ мокроту, посмотрѣлъ на нее и безпомощно опустилъ голову.

— Ну, хорошо,—опять успокаивала его мать:—у насъ такъ, у нихъ иначе. Какое тебѣ дѣло до того, какъ устроилась эта неизвѣстная тебѣ деревня? Всѣхъ не передѣлаешь.

Вася опять заволновался.

— Не передѣлаешь! Не передѣлаешь! У насъ всегда такъ. „Какое тебѣ дѣло?“ Никому ни до кого никакого дѣла нѣтъ. Мужика опекаютъ, мужика обираютъ, на мужикѣ верхомъ ѣдутъ, а культуру въ деревню внести—это не наше дѣло! Тутъ—никого не передѣлаешь! А потомъ въ результатѣ—революція.

Онъ обращался теперь уже не столько къ сидѣвшей противъ него матери, сколько къ стоявшему передъ нимъ наполовину отпитому стакану чаю, какъ къ кому-то незримо присутствующему, отвлеченному, но говорилъ все такъ же нервно, возбужденно:

— Да-съ, вотъ если-бъ вы своевременно заботились о томъ,

чтобъ въ деревняхъ была культура, у васъ не было бы революціи, да-съ! Народъ долженъ быть сытъ не только физически, но и духовно, да-съ! Онъ долженъ жить человѣческой, а не свинской жизнью. Онъ пейзажъ не долженъ портить, онъ пейзажемъ долженъ наслаждаться, любить долженъ пейзажъ! Потому и помѣщичьи усадьбы жгли, что понятія не имѣютъ о пейзажѣ. Хлѣбъ, дрова и водка—имъ больше ничего не надо!

Савельевъ съ Всеволодомъ въ это время уже расплачивались съ лакеемъ за чай и кушанье и встали, чтобы уйти опять на галерею, но между тѣмъ продолжали пока еще прислушиваться.

Вася говорилъ:

— И само правительство—развѣ оно понимаетъ что-нибудь въ пейзажѣ? Развѣ оно любитъ его, заботится о немъ? Защитные лѣса—это оно, спустя лѣто, наконецъ поняло. Додумалось. Доросло. А пейзажъ...

Онъ отчаянно махнулъ рукой и усиленно закачалъ головой. Потомъ, обращаясь уже прямо къ матери, саркастическимъ тономъ сказалъ:

— Помнишь, я въ прошлогоднюю поѣздку тебѣ показывалъ гдѣ-то въ Жегуляхъ, какъ они тамъ известнякъ добываютъ.

И опять волнуясь и подергиваясь, онъ говорилъ:

— Вѣдь Жегули-то эти цѣлому міру извѣстны! Вѣдь это позначительнѣе нѣмецкаго Рейна будетъ. Англичане смотрѣть пріѣзжаютъ,—съ ироніей произнесъ онъ послѣднюю фразу, сдѣлавъ удареніе на словѣ „англичане". Съ горькой усмѣшкой онъ продолжалъ:—А мы что̀ изъ нихъ дѣлаемъ? Ломаемъ! Варвары! Вандалы! Фасадъ драгоцѣннѣйшаго зданія, воздвигнутаго для насъ, дураковъ, Господомъ Богомъ, мы ломаемъ на известку. Попробовали бы колонны Исакія или каріатиды Эрмитажа сломать на мостовую. Не позволятъ. А ломать фасадъ Жегулей можно? Я васъ спрашиваю: можно вмѣсто Божьей красоты водворять человѣческое безобразіе? Точно нельзя было добывать вашъ известнякъ шахтами, не трогая фасада горы. А вѣдь они, подлецы, весь фасадъ мнѣ испортили! Вѣдь когда они съ топоромъ да съ киркой пройдутъ такъ по всему фасаду Жегулей, англичанинъ смотрѣть ихъ не пріѣдетъ и шиллинги свои къ намъ не повезетъ! Къ чорту правительство, которое допускаетъ это!

Мать, все время покорно молчавшая, чтобы возраженіемъ не дать сыну новаго повода для волненія, теперь, робко оглянувшись по сторонамъ, тихо сказала:

— Вася, да правительство, можетъ быть, тутъ совсѣмъ ни

причемъ. Этотъ берегъ, вѣроятно, частная собственность того, кто устроилъ тутъ каменоломню.

Сынъ посмотрѣлъ на нее, на мгновеніе помолчалъ, но сейчасъ же закипятился снова:

— А! Частная собственность! Къ чорту частную собственность! Надъ народомъ, который не умѣетъ бережно обращаться съ такой рѣкой, какъ Волга, надо назначить международную опеку. Жегули—міровая собственность! А не частная! Да!..

Жестокій приступъ кашля заставилъ его остановиться. Онъ кашлялъ до слезъ. Потомъ, положивъ локти на столъ, опустилъ голову на ладони и замолчалъ.

Всеволодъ и Савельевъ вышли изъ столовой на галерею.

— Маніакъ!—съ сочувственной улыбкой сказалъ Всеволодъ.

— Что-жъ, онъ по-своему правъ,—въ раздумьи отозвался Савельевъ.

И Савельевъ мысленно продекламировалъ первыя строки любимаго имъ стихотворенія:

— „Люди живы—красотою,
Въ Божьемъ мірѣ разлитою“...

Они пошли по галереѣ, обошли пароходъ кругомъ и снова пошли отъ кормы къ носу, ища мѣстечка, гдѣ никто не мѣшалъ бы имъ разговаривать; но пришлось остановиться, гдѣ пришлось: вездѣ были сидѣвшіе на скамейкахъ или гулявшіе по галереѣ пассажиры.

Начало вечерѣть. Солнце уже стояло невысоко надъ нагорнымъ берегомъ, и во всю высоту этого берега уже легла на воду тѣнь. Зато тѣмъ ярче горѣла отъ солнца вся луговая сторона, вся ширь разлива. Точно серебряный съ прозолотью покровъ былъ надернутъ надъ всѣми буграми и ямами, скрытыми теперь подъ водой. Было тихо-тихо, вся рѣка задремала, и только быстрый ходъ „Боярыни“ нарушалъ стукомъ своихъ колесъ эту тишь, рѣзалъ острымъ носомъ эту гладь и, вздымая волну, оставлялъ за собой далекій слѣдъ.

Савельевъ и Всеволодъ стояли рядомъ у перилъ галереи и смотрѣли на медленно развивавшуюся передъ ними панораму. Около нихъ теперь уже никого не было: стоявшая тутъ дама съ двумя дѣвочками отошла на другую сторону галереи, и никакому разговору никто бы не помѣшалъ. А они оба молчали. Не хотѣлось говорить. Обоимъ не хотѣлось поднимать со дна души всю муть, которая неизбѣжно поднималась при всякомъ воспоминаніи о пережитомъ, въ этотъ тяжелый годъ, при всякой

мысли о томъ, что̀ сулитъ ближайшее будущее. Кругомъ въ эту минуту все было такъ хорошо-хорошо, такъ чудно хорошо. Родная природа ласкала, какъ любящая мать, убаюкивала, и изъ-за ея ласкъ родная жизнь во всемъ ея разнообразіи казалась такой родной, такой нужной во всѣхъ ея мелочахъ, что̀ хотѣлось все обнять и все и всѣмъ простить. Весна будила неясныя желанія; обоимъ хотѣлось жить, не думая ни о чемъ, жить, какъ живетъ растеніе, невидимо сосущее изъ земли питательные соки и отдающее пролетающему надъ нимъ вѣтру ароматъ своихъ цвѣтовъ. А оба ѣхали на „дѣло", ѣхали по назначенію „пославшихъ" ихъ продолжать ту „работу", на которую они вышли сначала съ увлеченіемъ и въ которую постепенно теряли вѣру. И они, на мгновеніе отдавшись созерцательному настроенію, молчали.

Но неугомонная мысль не хотѣла подчиниться молчанію. Одно за другимъ всплывали въ памяти воспоминанія, одно за другимъ наростали сомнѣнія.

Савельевъ думалъ:

„...Оно именно такъ и есть: онъ живетъ *красотою*. На немъ самомъ уже печать смерти. Не сегодня-завтра онъ умретъ, и ничего уже ему не будетъ нужно. А онъ волнуется и кричитъ: „они *мнѣ*, подлецы пейзажъ испортили". Для него Красота—богъ. Онъ знаетъ, что богъ безсмертенъ. Съ вѣрой въ бога—въ какого бы то ни было бога—не страшно умирать. Смерть соединяетъ тебя съ нимъ въ его безсмертіи. Но надо молиться своему богу. И онъ молится. Этотъ вопль его о сохраненіи фасада Жегулей—это его предсмертная молитва. А я? А мы? Мы съ настоящимъ вандализмомъ разрушаемъ всѣ фасады ради призрачной побѣды сегодняшняго дня. И добро бы хоть съ вѣрой въ *своего*, въ новаго бога. А то и этого нѣтъ!.. О, я не дезертирую, я стойко умру на своемъ мѣстѣ, умру рядовымъ солдатомъ, но верните мнѣ вѣру въ геній нашихъ вождей и хотя бы въ простую толковость нашихъ вожаковъ!"

И одна за другой стали воскресать въ его воображеніи картины всего пережитого имъ въ качествѣ участника вооруженнаго возстанія въ Москвѣ, откуда удалось скрыться за „предѣлы досягаемости"...

Всеволодъ думалъ:

„...Надо же мнѣ, наконецъ, уяснить себѣ, что̀ я: соціалистъ или индивидуалистъ?.. На кой чортъ мнѣ соціализмъ, если онъ сдѣлаетъ меня рабомъ общества и лишитъ меня возможности проявлять мои индивидуальныя свойства? И другое—могу ли я

въ качествѣ соціалиста допустить, чтобъ кто-нибудь вообще жилъ несогласно съ нормами, выработанными большинствомъ?.. Хочу ли я этого? За что я борюсь?.. Я готовъ сложить голову за „прямое, всеобщее, равное, тайное" безъ различія пола, а какая-нибудь баба подастъ свой избирательный бюллетень за любого невѣдомаго ей кандидата, во имя котораго ей отвѣсятъ нѣсколько фунтовъ сухого компота къ престольному празднику. Да, престольные праздники и все, что входитъ въ сферу ихъ вліянія, мы вѣдь не упразднимъ безъ насилія, а прибѣгнуть къ насилію для блага вѣрноподданныхъ соціализма—значитъ упразднить свободу. О, тысяча противорѣчій!"

И ему противъ его воли вспоминается родная усадьба и привольная жизнь, которую онъ велъ тамъ, вспоминаются ихъ квартеты, скрипка, прогулки верхомъ, вспоминается, его лихой вороной — все брошенное, оставленное; вспоминается, съ какимъ спокойствіемъ самоотреченія встрѣтилъ онъ извѣстіе о разгромѣ ихъ имѣнья, когда это извѣстіе косвеннымъ путемъ дошло и до него. И какъ хотѣлось бы ему вотъ теперь, въ эту минуту душевнаго общенія съ родной Волгой, знать, что онъ, какъ бывало, ѣдетъ опять туда же, домой, въ Кукурановку, а не въ Москву, исполнять порученія партіи, въ успѣхъ и цѣлесообразность которыхъ онъ не вѣритъ и отъ исполненія которыхъ не отказывается только по тому же чувству, по какому солдатъ не бѣжитъ съ поля сраженія.

Воспоминанія бѣгутъ за воспоминаніями, и передъ нимъ рисуется образъ покойной сестрёнки Зины, которую онъ такъ любилъ, что, противорѣча самому себѣ, самъ оберегалъ ее отъ возможности заразиться революціоннымъ духомъ. И вдругъ, какъ будто совсѣмъ некстати, вспоминается старая газетная замѣтка о какомъ-то гимназистѣ въ Вѣнѣ, застрѣлившемся съ горя при извѣстіи, что буры признали себя окончательно побѣжденными, сдались англичанамъ и заключили съ ними миръ. Бѣдный мальчикъ такъ горячо вѣрилъ въ ихъ правоту, вѣрилъ, что *весь міръ* не допуститъ совершиться этому насилію сильнаго надъ слабымъ, что и буры скорѣе умрутъ всѣ до одного, чѣмъ сдадутся,—и вдругъ все кончилось такъ, какъ всегда все въ мірѣ кончалось.

И Всеволодъ подумалъ: „Да, для мальчика кончился весь созданный имъ въ его воображеніи идеальный міръ справедливости и остался ненавистный ему міръ насилія, міръ, который надо разрушить. И онъ разрушилъ его единственнымъ доступнымъ ему средствомъ—разрушить его въ себѣ самомъ, вмѣстѣ съ нимъ уничтожаясь".

А стоявшій рядомъ съ Всеволодомъ Савельевъ думалъ о томъ, съ какимъ хладнокровіемъ революціонные комитеты посылали боевыя дружины на бойню. И сами вѣрили, и всѣхъ шедшихъ на смерть съумѣли увѣрить, что и войска-то къ нимъ пристанутъ, и Петербургъ вслѣдъ за Москвой возстанетъ... Но войска безпощадно избивали дружинниковъ, и Петербургъ съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ и революціонные комитеты, распоряжался кровавымъ представленіемъ. Савельеву вспоминается тотъ подъемъ духа, который былъ у него тогда въ Москвѣ,—и какъ далеко все это отъ его теперешняго настроенія! Видъ крови возбуждаетъ, вызываетъ озвѣрѣніе—да, но реакція неизбѣжна. Правительство безцѣльными убійствами, ссылками и казнями революціонеровъ озлобило самыхъ косныхъ обывателей и увеличило армію революціонеровъ сотнями тысячъ новообращенныхъ; но терроръ революціонный даетъ лучшіе результаты: онъ этихъ новообращенныхъ возвращаетъ въ лоно стараго режима. Терроръ правительственный питаетъ революцію, терроръ революціонный истощаетъ ее. О, какъ хотѣлось бы чего-то другого, свѣтлаго, умиротворяющаго! Вѣдь если революція на нелѣпый терроръ правительства не можетъ отвѣтить ничѣмъ, кромѣ террора, ея дѣло сведется къ нулю. Ханы, триста лѣтъ владычествовавшіе на Руси, не удержали ее. Христіанство разрушило древнюю культуру не терроромъ, не насиліемъ...

Со времени московскаго возстанія Савельеву не разъ приходило въ голову, что въ борьбѣ дружинниковъ съ войсками было не только истинно революціонное настроеніе, но была примѣсь чего-то спортивнаго. Вѣдь совсѣмъ еще не такъ давно перевелись на Руси кулачные бои. И въ Москвѣ „стѣнка на стѣнку ходили“.

И теперь Савельевъ говоритъ Всеволоду:

— Знаешь, мнѣ сейчасъ пришло въ голову: какъ могли мы думать во время московскаго возстанія, что „армія“, только-что проигравшая „партію“ въ войнѣ съ Японіей, не будетъ отстаивать свою „боевую честь“ въ борьбѣ съ революціонерами? Вѣдь это былъ для нея тогда вопросъ не просто *долга*, а и вопросъ азарта, тѣмъ болѣе для остававшихся дома лучшихъ полковъ.— И, помолчавъ, онъ добавилъ: — Наши революціонные стратеги оказались на этотъ разъ плохими психологами.

Всеволодъ, выбитый его замѣчаніемъ изъ колеи своихъ мыслей, отвѣтилъ ему не сразу и какъ-то нехотя и растягивая слова:

— Да и вообще они плохіе стратеги и руководители.

Савельевъ чрезъ нѣкоторое время сказалъ:

— А я такъ думаю, что вообще все человѣчество до сихъ поръ оказывалось страшно бездарнымъ въ исканіи земли обѣтованной. Я прежде думалъ, что это только русскій народъ никакъ не умѣетъ порядочнымъ образомъ устроить свою жизнь, а теперь, провѣряя на своей шкурѣ западныя теоріи, убѣждаюсь, что человѣкъ, „вѣнецъ созданья", „царь природы", въ сущности недалеко ушелъ отъ слѣпого крота.

Оба опять замолчали и надолго погрузились въ созерцаніе величавой красоты Волги, и только Всеволодъ на мгновеніе нарушилъ молчаніе, тихо, точно про себя, сказавъ:

— А природа-то все-таки хороша... и жизнь прекрасна!..

На низовьяхъ Волги чаще другихъ груженыхъ баржъ на буксирахъ попадаются глубоко сидящія, низко-палубныя баржи-нефтянки. Щедрый даръ Кавказа—нефть—везутъ въ нихъ въ среднюю Россію. Вотъ сейчасъ „Боярыня" обгоняетъ буксирный пароходъ съ двумя тянущимися за нимъ баржами. Всеволодъ уже присмотрѣлся къ нимъ и по башенкамъ на палубѣ ихъ узнаетъ нефтянки. Обѣ одинаково построены, одинаково окрашены: двѣ красавицы-сестры въ одинаковыхъ нарядахъ. Всеволодъ любуется ими и всматривается въ нихъ по мѣрѣ того, какъ „Боярыня" догоняетъ ихъ.

По галереѣ проходитъ какой-то франтовато одѣтый, пожилой, довольно полный господинъ южнаго типа. Опредѣлить въ точности его національность было бы трудно: на Кавказѣ такіе не рѣдкость, на югѣ Россіи—тоже. Всеволодъ, взглянувъ на его самодовольное, сытое лицо, подумалъ про него: „армянинъ-рыбопромышленникъ", а Савельевъ—„грекъ-экспортеръ". Господинъ остановился около нихъ и посмотрѣлъ въ бинокль на нефтянки. Всеволодъ обратился къ нему:

— Позвольте на минуту вашъ бинокль.

Господинъ не совсѣмъ дружелюбно окинулъ взглядомъ блузу Всеволода и нехотя протянулъ ему бинокль. Всеволодъ поблагодарилъ его кивкомъ головы и сталъ смотрѣть на красивыя баржи, и потомъ громко прочиталъ надписи, сдѣланныя крупными черными буквами на башенкахъ нефтянокъ, на одной—„Рахиль", на другой—„Эсѳирь".

И съ легкимъ поклономъ онъ возвращаетъ бинокль его владѣльцу.

Тотъ нисходитъ до нѣкоторой степени внимательности къ блузнику и, принимая бинокль, съ достоинствомъ произноситъ, кивнувъ въ сторону нефтянокъ:

— Ротшильдовскія.

Всеволодъ продолжаетъ смотрѣть на эти красивыя суда и любуется огромными тяжелыми канатами, соединяющими нефтянки съ буксирующимъ ихъ пароходомъ. „Боярыня“ теперь уже обгоняетъ ихъ, потомъ обгоняетъ и ихъ буксиръ-пароходъ, и Всеволодъ уже безъ бинокля различаетъ на кожухѣ этого, такого же красиваго, вылощеннаго, холенаго, какъ и сестры-нефтянки, парохода, крупную жирную надпись: „Горный Инженеръ Юлій Аронъ“.

— Ротшильдовскій! — опять съ достоинствомъ произноситъ снисходительный господинъ съ биноклемъ, и, отходя отъ молодыхъ людей, продолжаетъ свою прогулку по галереѣ.

Всеволодъ смотритъ ему вслѣдъ, переглядывается, молча, съ Савельевымъ, и они по одному этому взгляду понимаютъ другъ друга. Въ господинѣ „южнаго типа“ теперь оба улавливаютъ что-то еврейское, и то, какъ онъ произносилъ слово: „ротшильдовскія“, показалось имъ до смѣшного самодовольнымъ. Савельевъ улыбнулся злой улыбкой, а Всеволодъ, опершись о тонкую желѣзную колонку навѣса галереи, на минуту закрылъ глаза рукой. У него защемило на сердцѣ. И снова—и въ который разъ!— вставалъ передъ нимъ вѣчно разрѣшаемый и никогда никѣмъ неразрѣшенный еврейскій вопросъ. Вопросъ о равноправіи людей всѣхъ расъ и религій, съ еврействомъ включительно, былъ для него давно рѣшеннымъ. Осуществленіе этого равноправія всегда казалось ему только дѣломъ времени—и притомъ болѣе или менѣе близкаго. Сколько разъ приходилось ему выдерживать горячіе споры, защищая равноправіе евреевъ, и никогда ни на одну минуту не колебался онъ высказаться въ положительномъ смыслѣ по этому вопросу. И вотъ теперь опять—на этой родной Волгѣ—этотъ вопросъ заставляетъ сжиматься его сердце и противъ его воли волнуетъ его.

— Знаешь, о чемъ я думаю сейчасъ? — обратился онъ къ Савельеву.

— Ну?

— А вотъ гляжу я на эти грандіозныя нефтянки и думаю: когда я давеча сказалъ тебѣ, что на пароходныхъ надписяхъ написана прошлая и настоящая жизнь Россіи, ты, смѣясь, прибавилъ: „можетъ быть, и будущая“. И вотъ она, эта *будущая*, уже написана. Гляжу я на этихъ сестеръ „Рахиль“ и „Эсѳирь“, буксируемыхъ этимъ прекраснымъ Ротшильдовскимъ „Инженеромъ“, который своей вылощенностью превосходитъ всѣ русскіе буксиры, и чувствую я, какъ какой-то голосъ около меня на-

смѣшливо шепчетъ: „Посторонитесь, вы, мученики Орды, благовѣрные князья тверскіе, суздальскіе, черниговскіе — строители, печальники земли Русской! Посторонитесь, вы, господа, русскіе духовные вожди — писатели — господинъ Некрасовъ, господинъ Жуковскій, Тургеневъ; посторонитесь и вы, господинъ Гоголь, вы, который писали о Руси, неудержимо мчащейся впередъ, какъ птица-тройка, заставляющая всѣ другіе народы и государства давать ей дорогу, — посторонитесь, господа: господинъ горный инженеръ Юлій Аронъ идетъ!“

Савельевъ сначала ничего не отвѣтилъ; потомъ медленно, тихо, точно съ какой-то мрачной покорностью, сказалъ:

— Придется — посторонимся. Ничего не подѣлаешь! Что-жъ, если русскій человѣкъ оказывается негоднымъ для новой жизни. Всякому овощу свое время. Мало ли что было хорошо и прекрасно прежде, и что жизнь вытѣсняетъ теперь. Переживаютъ только сильные. Быть можетъ, и русскій человѣкъ станетъ опять сильнымъ, а пока-что, эхъ! надо сказать правду — не годны мы для современной жизни.

Онъ закурилъ папиросу, затянулся и немного раздраженно продолжалъ:

— Посмотри ты на русскую натуру — что это такое! Чуть что не по немъ — духомъ упалъ, сейчасъ за водку, напился, какъ дѣло сдѣлалъ! А потомъ охи, ахи: „какія силы погибаютъ“!.. А по-моему, коли ты сила, стой, не ной, не выкидывай пьяныхъ выходокъ. И ужъ коли ты овладѣлъ персидской княжной — держи ее крѣпко, люби ее, умѣй постоять за нее. Эка невидаль, что ты умѣешь отрѣшиться отъ культуры, умѣешь умереть! А ты вотъ съумѣй, какъ этотъ жидъ Ротшильдъ, завладѣть этой культурой, сдѣлать ее мощнымъ орудіемъ твоей силы... и блага другихъ. Съумѣешь — большой ты народъ! Не съумѣешь — посторонись! Посторонись — Юлій Аронъ идетъ!

Въ отчаянныхъ нотахъ, звучавшихъ теперь въ его голосѣ, было что-то какъ бы пьяное. И какъ бы совсѣмъ пьяный стукнулъ онъ кулакомъ о барьеръ галереи, произнося послѣднія слова:

— И посторонимся, чортъ насъ всѣхъ побери!

Всеволодъ посмотрѣлъ ему въ глаза и съ улыбкой, немного задорно произнесъ:

— Ну, а ежели не посторонюсь?..

Савельевъ также улыбнулся и такъ же задорно отвѣтилъ:

— Врешь, посторонишься!

— Сомнительно! — отозвался Всеволодъ.

Оба помолчали. Заговорилъ теперь Савельевъ; и заговорилъ

уже не въ тонѣ мрачнаго уничиженія, а въ тонѣ серьезной озабоченности:

— Эхъ, Всеволодъ! Хоть и революціонеры мы съ тобой, хоть и на всякіе подвиги готовы, но и сантиментальные же мы, братъ, съ тобой люди. А прогрессъ жизни—ты знаешь—сантиментальности не признаётъ. Прогрессъ—штука жестокая. Онъ не шутитъ. Онъ уничтожаетъ все слабое и оставляетъ только сильнаго. И вотъ, повторяю тебѣ: бариномъ ты родился, бариномъ и умрешь, хотя бы и на рабочей койкѣ. И вся наша интеллигенція, хотя бы и изъ мужиковъ вышедшая, вся русской барственностью заражена. И эта наша любовь къ русскому народу, къ его разнымъ тамъ особенностямъ,—все это, братъ, барская роскошь, все пережитки старины, отрыжка крѣпостной культуры. Давно вѣдь извѣстно, что добрый интеллигентъ мужика-то любитъ патріархально, какъ и старые добрые баре его любили. Любишь ты въ немъ патріархальность, доброту, сдержанность, смиреніе его любишь, незлобивость, нетребовательность. А вѣдь, согласись, этихъ качествъ для прогресса недостаточно,—недостаточно ихъ, чтобы человѣкъ могъ вырости въ самодовлѣющую личность.

Всеволодъ не отвѣчалъ, и Савельевъ чрезъ минуту заговорилъ снова:

— Надо не только внѣшне знать, но всѣмъ существомъ своимъ чувствовать мужицкую жизнь, чтобы понять всю невозможность русскаго мужицкаго прогресса. Въ смыслѣ того, что̀ можно было бы назвать эволюціей культуры, мы бездарны до ужаса. Укажи мнѣ, что̀ сдѣлалъ русскій мужикъ хорошаго, что̀ онъ внесъ новаго, оригинальнаго въ культуру; что̀ есть у него культурнаго, чему бы не научили его, иногда изъ-подъ палки, инструкторы-нѣмцы или тѣ же баре. Вѣдь ты пойми весь ужасъ: у мужика *потребностей* нѣтъ! Никакихъ культурныхъ интересовъ, ничего кромѣ инстинктовъ. Вѣдь самъ по себѣ онъ въ полномъ смыслѣ слова дикарь, на какой бы ступени благосостоянія онъ ни стоялъ. Всякое просвѣщеніе принято имъ извнѣ. Какъ въ промышленномъ отношеніи Россія была до сихъ поръ страной сырья, такъ и въ смыслѣ духовныхъ силъ она всегда поставляла только сырье, которое, какъ иностранными машинами, обрабатывалось иностранными идеями.

— Мы отстаемъ, это правда,—прервалъ его Всеволодъ:—но не наша вина, что мы въ исторической жизни моложе другихъ народовъ.

Савельевъ остановилъ его и продолжалъ:

— Хочешь искать оправданія въ томъ, что мы вышли на арену культурной жизни много позднѣе западныхъ народовъ— ищи; но оправданіе факта не отвергаетъ его существованія... Ты подумай: отъ насъ ни одинъ народъ ничего не заимствовалъ самобытнаго, русскаго. Потому что нѣтъ ея — этой русской самобытности. А та, которая есть, она обречена на вымираніе. Безобразенъ русскій народъ въ своей самобытности. Предоставь ему одному весь міръ — онъ весь міръ превратитъ въ хаосъ. Только пинки со стороны другихъ народовъ всегда заставляли и будутъ заставлять его идти съ другими въ ногу по пути всякаго, и внѣшняго, и внутренняго прогресса.

— Постой, — прервалъ его Всеволодъ: — мнѣ кажется, ты черезчуръ преувеличиваешь значеніе внѣшней культуры на счетъ культуры духовной, а вѣдь въ сущности только духовная сторона жизни и цѣнна; безъ внѣшней культуры,—той, въ которой насъ всегда опережалъ Западъ,—можно бы и обойтись, а въ области духовной и русская культура дала таки кое-что Западу.

— Полно, пожалуйста, — возразилъ Савельевъ: — оставь ты эти бредни. Прежде всего — никакой русской культуры нѣтъ. Русскую духовную самобытность уничтожилъ до тла Владиміръ Красное Солнышко, а русскую самобытность внѣшнюю—Петръ Великій. А затѣмъ — это величайшее заблужденіе думать, что возможна культура духовная безъ внѣшней. Именно развитіе-то внѣшней культуры всегда и переворачивало вверхъ дномъ всѣ нравственныя понятія, всю духовную жизнь. Мы потому и пользуемся только иностранными идеями, что ничего не изобрѣли въ области внѣшней культуры.

Увлеченные разговоромъ, Савельевъ и Всеволодъ не замѣтили, какъ около нихъ остановился и облокотился на перила, прислушиваясь къ ихъ словамъ, молодой человѣкъ въ сѣрой пиджачной парѣ, въ сапогахъ бутылками, въ черномъ шолковомъ картузѣ. По виду это могъ быть купчикъ. Лицо чисто русское. Здоровый, даже упитанный. Его замѣтилъ сначала Всеволодъ, потомъ обернулся на него и Савельевъ. Молодой человѣкъ не смутился, а напротивъ, былъ какъ будто обрадованъ обращеннымъ на него вниманіемъ. Онъ легкимъ кивкомъ поклонился имъ и скромно, но съ достоинствомъ, сказалъ:

— Извините, позвольте вамъ объяснить... это, конечно, обидно русскихъ ругать,—и уже давно насъ всѣ за это не хвалятъ,—а что вы говорите—правда-такъ-правда. Только, конечно, не всѣ русскіе люди такіе. Есть которые и съ пониманіемъ,

тѣ стало-быть и живутъ хорошо, и всякое дѣло дѣлаютъ какъ быть ему слѣдуетъ. Ну, а что касательно мужика, такъ это правда — все у него черезъ пень въ колоду. Въ особенности ежели взять мірское дѣло. Я вотъ служу по лѣсной части. Приказчикомъ.

Онъ назвалъ имя своего хозяина лѣсопромышленника и спросилъ:

— Можетъ быть, доводилось слыхать?

Всеволодъ отвѣтилъ за обоихъ:

— Нѣтъ, не знаемъ.

Приказчикъ съ тѣмъ же скромнымъ достоинствомъ сказалъ:

— Извѣстная фирма-съ,—и продолжалъ: — Вотъ я сейчасъ въ Царицынѣ плоты сдавалъ, а теперь опять вверхъ за другой партіей бѣгу.

Онъ на мгновеніе замолчалъ, чтобъ уловить нить прерваннаго разговора, и сейчасъ же опять заговорилъ:

— Такъ вотъ, я теперича хочу сказать: вотъ я все думаю, у насъ теперь революцію производятъ... оно понятно, я не хочу говорить, что это тамъ жиды или что, — это все, конечно, къ хорошему. Я хоть и при капиталѣ работаю и ни въ чемъ въ этомъ бунтѣ не участвую, а понимать все-таки могу. Только я такъ думаю, по моему разумѣнію, что тутъ все это дѣлается зря. Оно, для мужиковъ — отчего-же — хорошее дѣло сдѣлать можно. Да дѣлается-то оно неправильно, по-мужицки. Такъ я думаю, что тутъ въ этомъ дѣлѣ люди не практичные, не коммерческіе. Вы извините, господа, вы какъ: изъ революціонеровъ или нѣтъ?

Савельевъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Ну, такихъ вопросовъ не задаютъ. Ежели вамъ для вашего разговора надо насъ считать революціонерами—считайте. А ежели хотите, чтобы мы въ черносотенцахъ состояли,—будь и это по вашему.

— Слушаю-съ,—шутливо отозвался приказчикъ.—Самъ-то я по желанію хозяина къ октябристской партіи причисленъ и голосъ мой за нихъ подавалъ. Ну, а въ мысляхъ-то я такъ чуточку полѣвѣе буду.

Онъ усмѣхнулся, и въ его немного лукавомъ взглядѣ Савельеву показалось, что онъ говоритъ искренно.

Приказчикъ продолжалъ:

— Такъ вотъ я такъ думаю: коли бы да ежели этую самую революцію поручить настоящему торговому человѣку, онъ бы это все совсѣмъ иначе обработалъ. Я вамъ такой анекдотъ

для примѣра скажу. Вотъ мы лѣсъ для сплава вырубаемъ, такъ у насъ такой порядокъ заведенъ. Купленъ, скажемъ, лѣсъ на вырубку смѣшанный. Тутъ все есть: и крупный соснякъ—такой, что два человѣка еле обхватятъ; и жердинникъ попадаетъ—молоднякъ; и липки—маленькія и покрупнѣе—въ смѣшанномъ старомъ лѣсу всего найдется, все равно, какъ, скажемъ, въ нашемъ государствѣ: чего хочешь, того просишь.

Онъ на минуту пріостановился и сейчасъ же дѣловитымъ тономъ продолжалъ:

— Ну вотъ, мы стало-быть по коммерчески приступаемъ къ вырубкѣ. Сначала я велю рубить самыя маленькія липки. Это мы стало-быть уберемъ и сложимъ прямо въ кубическія сажени. Эти липки у насъ свое мѣсто найдутъ: шкурки мы съ нихъ сдеремъ на лыки, лыки на лапти продадимъ, или на другія тамъ потребы, а мелкій липнячокъ еще и на уголья пристроить можно. Потомъ липнякъ покрупнѣе вырубаемъ. Съ этого опять кору сдеремъ, эта кора ужъ на лубокъ пойдетъ. Лубокъ либо на подѣлки, на крыши, на короба, либо на мочало. А дерево-то самое годится на дрова,—дрова-то эти на пороховые заводы продаемъ,—а которое дерево получше, такъ и не на дрова, а тамъ куда свое примѣненіе найдетъ. Потомъ, значитъ, рубимъ мелкій молоднякъ—елку или, тамъ, сосенку. Это у насъ на плетень или на частоколъ идетъ. Покрупнѣе—на колья. Потомъ опять начнемъ рубить все которое потоньше да потоньше. Стало-быть—жерди, слеги, а потомъ ужъ всякій мелкій лѣсъ пойдетъ. И ужъ только, какъ все-то вокругъ очистимъ, тогда и начнемъ рубить, пилить отъ корня самое что ни на есть крупное дерево.

Онъ произнесъ послѣднія слова какъ-то особенно внушительно и съ видимой любовью къ своему дѣлу. Потомъ, пристально посмотрѣвъ въ глаза обоимъ товарищамъ, спросилъ:

— Видали вы, господа, какъ лѣсъ рубятъ?

Оба отозвались:

— Видали... немного. Не крупный.

Приказчикъ съ достоинствомъ знающаго человѣка продолжалъ разсказывать:

— Такъ вотъ, я вамъ доложу, этакое-то большое дерево, какъ подрубятъ его съ одной стороны, а съ другой пилить начнутъ, вотъ оно на подрубленную-то сторону потомъ и качнется. Тутъ ужъ отъ комля сторонись—потому, какъ ежели онъ сажени на три съ пенька-то отскочитъ, да попадешь подъ него—тебя, какъ лягушку ногой, раздавитъ. Какъ грохнется этакая-то

штука на землю, такъ не только суки въ три-четыре вершка толщиной, а ежели вдругъ попадетъ ему на пути паденія-то его другое большое дерево, такъ оно и у другого вершину въ пять-шесть вершковъ такъ и снесетъ, какъ обрубитъ.

Помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Вотъ, стало-быть, и надо этихъ большихъ великановъ-то такъ рубить и въ такую сторону ронять, чтобы ужъ они по дорогѣ другихъ-то не ломали. А срубишь его толкомъ-то—изъ него уже всякаго лѣсу наберешь: тутъ на брусья, на выпилку—комли пойдутъ, тутъ толстущее бревно изъ середины выйдетъ, а изъ вершины да сучьевъ—дрова, ну, словомъ, вотъ вы видите, какъ при нашемъ дѣлѣ никакая самая мелкая штука не должна пропасть. А все оттого, что въ порядкѣ дѣло начинаютъ, по-коммерчески. А посмотрите-ка въ какомъ порядкѣ лѣсъ у мужиковъ. Въ мужицкомъ лѣсу—кому что надо, тотъ пошелъ и вырубилъ. Понадобилось одно бревно — вырубилъ, повалилъ, а сколько другого лѣсу переломалъ-перепортилъ—это не въ счетъ. Бревно вырубилъ, вершину тутъ же бросилъ, сучки бросилъ,—все лежитъ, гніетъ. Вотъ нашему брату, торговому-то человѣку, какъ придти въ крестьянскій лѣсъ, такъ сердце, глядя, надрывается, до чего онъ испакощенъ. Нѣтъ такого мірского лѣса, въ которомъ бы трущобъ не было.

Приказчикъ говорилъ это съ такой досадой, точно это касалось его близко. А у Савельева мелькнуло воспоминаніе о лѣсѣ родной деревни, гдѣ и онъ встрѣчалъ эти безпорядочныя порубки.

Приказчикъ продолжалъ:

— Намъ, конечно, крестьянскій лѣсъ на вырубку покупать не приходится. Такъ онъ испакощенъ, что и вырубка-то его не всегда коммерческій разсчетъ оправдаетъ.

Всеволодъ понималъ уже, къ чему онъ клонитъ, но, чтобъ сократить его словоохотливость, онъ прервалъ его словами:

— Позвольте, мы лѣсомъ торговать не собираемся. Почему вы посвящаете насъ въ ваши коммерческія тайны?

Приказчикъ немного смутился, покраснѣлъ, сбавилъ самоувѣренности и уже скороговоркой поспѣшилъ высказать свою мысль:

— Извините, если что лишнее сказалъ. Ужъ какъ умѣю. Изъ пѣсни слова не выкинешь. А рѣчь моя была собственно къ тому, что вотъ теперь стало-быть вся наша революція, она вотъ какъ крестьянскій лѣсъ: кому какое дерево надо, тотъ то и валитъ. Не разбирая, что по дорогѣ сколько онъ добра пере-

портилъ, а то еще свалитъ да и вовсе не увезетъ. Не подъ силу. Возьметъ да и броситъ. Такъ же вотъ теперь всю Россію, можно сказать, въ трущобу превратили. И трудно будетъ въ ней послѣ разобраться—не пролѣзешь. То-есть, настоящему коммерческому человѣку и подступаться теперь къ этому дѣлу не захочется.

Онъ перевелъ дыханіе и, снова впадая въ тонъ свѣдущаго въ своемъ дѣлѣ человѣка, съ большой увѣренностью произнесъ:

— А кабы спервоначалу люди съ умомъ взялись, кабы этимъ дѣломъ, скажемъ, настоящіе коммерсанты руководствовали, они бы и себѣ, и людямъ большую пользу принести могли.

Всеволодъ выслушивалъ всѣ эти разсужденія съ немного иронической добродушной улыбкой, а Савельевъ все время очень серьезно глядѣлъ приказчику въ глаза. Но пускаться съ нимъ въ разговоры о революціи они не хотѣли, боясь провокаторства. И пользуясь тѣмъ, что къ ихъ случайному собесѣднику подошелъ другой такой же молодецъ, вѣроятно, его знакомый, заговорившій съ нимъ о времени вечерняго чаепитія, они оставили ихъ вдвоемъ и отошли.

Остановясь опять на свободномъ мѣстѣ, они нѣкоторое время простояли молча. На дали разлива догоралъ закатъ, всѣ оттѣнки красновато-золотистыхъ лучей, смѣняя другъ друга, пробѣгали по зеркалу воды и разсѣяннымъ на немъ буграмъ и кустамъ. Картина своей красотой заставила ихъ на минуту оторваться отъ мыслей, навѣянныхъ только-что бывшимъ разговоромъ. Первымъ заговорилъ Савельевъ. Тономъ горькой ироніи онъ сказалъ:

— Распроклятая русская жизнь! Вотъ она: отвергаешь ее, бранишь русскій народъ, отвергаешь у него всякую способность къ оригинальности, а онъ возьметъ, да и поднесетъ тебѣ что-нибудь неожиданное. Слушалъ я сейчасъ, слушалъ, да и думаю: а вѣдь этотъ дуракъ правъ.

Всеволодъ, которому разсужденія приказчика казались только забавными, спросилъ:

— Почему ты думаешь?

Савельевъ помолчалъ, исподлобья взглянулъ на товарища и спросилъ:

— Вѣришь ты вообще въ соціализмъ?

Всеволодъ отвѣтилъ не сразу, но зато съ увѣренностью:

— Вѣрю. — И сейчасъ же прибавилъ: — А ты?

— И я.

— Такъ въ чемъ же дѣло? — спросилъ Всеволодъ.

Савельевъ спросилъ:

— А въ русскій соціализмъ вѣришь?

— Въ какой русскій? Въ чемъ его сущность?

— Не въ особенный, а въ способность русскаго человѣка къ соціализму.

— Ну, — вѣрю.

— А я нѣтъ.

— Почему же? Сейчасъ же сказалъ ты про приказчика, что „этотъ дуракъ“ поднесъ тебѣ что-то оригинальное, такъ почему же ты не допускаешь способности такихъ русскихъ дураковъ къ соціализму?

— Потому что этотъ дуракъ—онъ умный. Онъ—исключеніе. А масса—они будутъ бездарны. Этотъ и теперь въ правящихъ классахъ—или, по крайней мѣрѣ, около нихъ—и въ новомъ соціальномъ строѣ будетъ тамъ же. А я говорю о всемъ русскомъ народѣ. Соціализмъ—это штука нѣмецкая. Русскій мужикъ обращаться съ этой машиной не привыкъ — да его и не пріучишь. Вдумайся только хорошенько, что̀ это такое—вся эта соціальная механика. Вѣдь это будетъ гораздо сложнѣе и труднѣе для каждой отдѣльной личности съумѣть найти свое мѣсто въ этомъ *справедливомъ* строѣ. Тамъ ты будешь не просто человѣкъ самъ по себѣ, тамъ ты — еще слагаемое той суммы общаго труда, которую безнаказанно никто не имѣетъ права уменьшать. Ты будешь отвѣтственъ за самого себя, за свою долю-судьбу не только предъ самимъ собою, ты отвѣтственъ передъ всѣми за успѣхъ общаго дѣла.

— Хорошо, — сказалъ Всеволодъ:—но я не вижу, въ чемъ тутъ разница условій для русскаго народа и въ чемъ преимущество нѣмца.

— А вотъ въ чемъ, — отвѣтилъ Савельевъ: — вникни. И въ соціалистическомъ строѣ, какъ и теперь, будутъ руководители и будутъ исполнители. На долю однихъ — забота, на долю другихъ—трудъ. На трудъ русскій человѣкъ еще окажется способнымъ, на заботу—нѣтъ. А такъ какъ идеальное развитіе соціалистическаго государства предполагаетъ уничтоженіе границъ и объединеніе всѣхъ народовъ въ одно государство, то въ той части Европы, которая теперь называется Россіей, *заботу, руководительство* возьметъ на себя нѣмецъ. Въ *справедливомъ* строѣ блага жизни будутъ распредѣляться по заслугамъ, по талантамъ и важности труда. Руководитель цѣннѣе чернорабочаго. И мѣста, гдѣ будетъ хорошо вознаграждаться умѣлая забота, всѣ будутъ розданы и взяты нѣмцами. На долю русскихъ останется только

роль рядовыхъ. Можетъ быть, въ общемъ благосостояніе массъ настолько улучшится, что тогдашняя роль рядового будетъ лучше, чѣмъ его положеніе теперь, но во всякомъ случаѣ это положеніе будетъ подчиненное. Русакъ всегда будетъ на заднемъ планѣ, за исключеніемъ немногихъ единицъ, тѣхъ истинныхъ талантовъ, характеровъ, которые и при всякомъ строѣ умѣли пролагать себѣ дорогу къ независимости и благосостоянію. Вотъ я сейчасъ возвращаюсь съ Кавказа. Мы, русскіе, покорили Кавказъ, мы завладѣли имъ. Наша геройская борьба съ геройскимъ народомъ горцевъ кончилась нашимъ владычествомъ. Но что̀ собственно получилъ отъ этого на Кавказѣ русскій человѣкъ? Посмотри на Тифлисъ, Батумъ, Баку, — все лучшее, все наиболѣе прибыльное въ рукахъ армянъ, евреевъ, татаръ. Посмотри на русскаго мужика, пришедшаго на Кавказъ, — онъ тамъ чернорабочій. Посмотри на русскую культуру на Кавказѣ — стыдно сказать, до чего мало сдѣлано. Вѣдь будь Кавказъ въ рукахъ иностранцевъ, тѣхъ же англичанъ, развѣ онъ былъ бы тѣмъ, что̀ онъ теперь. Вотъ, насмотрѣвшись на все это, я и думаю, что когда русская земля обратится въ совершенную, стройно-работающую соціальную машину, русскому народу будетъ отведено въ этой машинѣ очень мало почетное мѣсто. И по справедливости! Даже и грустить объ этомъ не приходится. Потому что машина эта будетъ требовать величайшей точности, ибо машина будетъ вырабатывать *справедливость.* И нѣмцы не допустятъ ни малѣйшаго нарушенія ея точности. Не допустятъ!

— Допустимъ, что это такъ, — сказалъ Всеволодъ: — и что это очень грустно, если твоя гипотеза вѣрна. Но во всякомъ случаѣ ты самъ признаешь, что общій уровень благосостоянія массъ даже, какъ ты говоришь, бездарнаго русскаго мужика, будетъ значительно выше, чѣмъ теперь. Слѣдовательно, у него, будетъ возможность развиваться и совершенствоваться. И тогда та бездарность, которая является теперь слѣдствіемъ его сквернаго матеріальнаго положенія, можетъ быть, окажется совсѣмъ не такой безнадежной, какъ ты думаешь, а напротивъ — тогда-то именно русскій народъ и проявитъ всю мощь русскаго духа.

Савельевъ усмѣхнулся.

— Дай Богъ нашему теленку волка съѣсть, — сказалъ онъ. — Пора бы давно оставить это сваливаніе собственной вины на вину обстоятельствъ. Ну, пусть русскій народъ будетъ развиваться въ благопріятныхъ условіяхъ новаго строя не по днямъ —

по часамъ, пусть, проспавъ тридцать лѣтъ и три года и проснувшись, сразу надѣнетъ нѣмецкаго производства семимильные сапоги и пойдетъ-пойдетъ шагать. Ну, а что же ты думаешь — въ это время другіе-то отставать, что-ли, будутъ? Вѣдь они въ свою очередь будутъ идти дальше и дальше; и, уже теперь занимая привилегированное положеніе болѣе умныхъ, талантливыхъ и работоспособныхъ единицъ, съумѣютъ же они не только удержаться на высшемъ уровнѣ, но и подниматься еще выше. Вѣдь введеніе новаго соціальнаго строя дѣлается не для того, чтобы принизить талантливую личность, а чтобы дать ей болѣе благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія безъ различія національности. Такъ тѣ, кто это сможетъ, тѣ и пойдутъ впередъ, а кто отстанетъ — отстанетъ. Съ горечью надо сознаться, что этими отсталыми скорѣе всего будемъ мы. И я даже думаю, что мы будемъ не только отсталыми, но и вѣчно возмущающимися противъ соціалистическаго строя и вѣчно укрощаемыми. И чѣмъ будетъ онъ сложнѣе, чѣмъ справедливѣе, тѣмъ больше мы будемъ вносить въ него безпорядка, тѣмъ больше будемъ *мы* страдать отъ *него*, а *онъ*—отъ *насъ*.

— Почему?—съ недоумѣніемъ сказалъ очень серьезно Всеволодъ.—Кажется, до сихъ поръ русскій народъ считался самымъ справедливымъ.

— Считался! — повторилъ за нимъ Савельевъ протестующимъ тономъ. — Да, считался. И пусть его считается! Но ты вдумайся-ка хорошенько въ русскую справедливость: она особенная. Справедливость должна быть въ концѣ концовъ такъ неопровержима, какъ математика: дважды два — четыре. А въ понятіи русскаго народа справедливость — это то, что у нихъ называется „спасеніе души“, и то, что Ницше назвалъ бы величайшей несправедливостью по отношенію ко всякому сильному индивидууму и по отношенію къ прогрессу, который, какъ мы давеча говорили, не знаетъ сантиментальности. Въ будущемъ соціалистическомъ строѣ русскій народъ столкнется съ двумя понятіями о справедливости: съ жестокой справедливостью прогресса и съ распускающей нюни справедливостью русскаго великодушія. Онъ и тогда станетъ возмущаться и съумѣетъ, какъ и теперь, геройски умереть за свое право быть сантиментально лѣнивымъ, неаккуратнымъ, распущеннымъ. Вотъ почему я не вѣрю въ *русскій* соціализмъ.

— Что же, неужели ты готовъ былъ бы отречься отъ всего, что мы съ тобой до сихъ поръ дѣлали?—сказалъ Всеволодъ.

— Отречься? — Нѣтъ! — отвѣтилъ Савельевъ. — Отрекаться

поздно! Да и не къ чему. Я вѣрю въ торжество сильнаго. Вѣрю, что ницшеанство совмѣстимо съ соціализмомъ. Вѣрю, что эволюцію идеи, ея воплощеніе въ жизнь, ничѣмъ остановить нельзя. Но въ моей душѣ сидитъ моя русская наслѣдственность, любовь ко всему родному, и я не могу не страдать, сознавая, что этому народу, къ которому я принадлежу, который я такъ люблю, придется еще долго и долго страдать.

Послѣ минутнаго молчанія Всеволодъ спросилъ Савельева:

— Послушай, ты сказалъ, что не вѣришь въ русскій соціализмъ. Такъ за что же ты въ такомъ случаѣ борешься?.. А въ революцію — вѣришь?

Савельевъ въ раздумьи помолчалъ и потомъ заговорилъ сначала медленно, слово за словомъ, точно самому себѣ уяснялъ свой отвѣтъ:

— Я вѣрю въ то, что необходимо было проснуться. Необходимо было стряхнуть все то безобразное, что вѣками накопилось на русской жизни. Необходимо было очиститься, переболѣть. Я признаю, что совершился страшный подъемъ народнаго духа, что мы выросли, что мы стали другими и, несмотря на всѣ признаки тяжкой болѣзни, внутренно мы крѣпнемъ, здоровѣемъ. Но въ успѣхъ революціи, въ томъ духѣ, какъ она была начата, не вѣрю. Мы опять отброшены назадъ, и опять придется много-много лѣтъ дѣлать черную работу подготовки къ новой попыткѣ устройства лучшаго будущаго. Теперь дѣло соціальной революціи на Руси въ худшемъ положеніи, чѣмъ оно было въ началѣ ея.

Сказавъ это, онъ рѣзко остановился, какъ будто обдумывая, не взять ли свои слова обратно. Но, помолчавъ, уже съ бо̀льшей горячностью, быстрѣе и громче продолжалъ:

— Сколько горькихъ истинъ можно было бы сказать всѣмъ, кто являлся ея руководителями! Но гдѣ они, эти главные? Гдѣ виновники, на кого можно возложить отвѣтственность за всю неудачу, за весь неуспѣхъ?.. Развѣ только на самый народъ. Стихійно выступилъ, показалъ всѣ недостатки стихійныхъ выступленій въ такомъ дѣлѣ, какъ организація новаго строя, стихійно же и проваливается... Неудача нашей революціи служитъ, можетъ быть, косвеннымъ подтвержденіемъ, что на Руси еще невозможно сейчасъ осуществить соціальныя теоріи чрезъ народъ. Если бы у насъ соціалистическій строй вводилъ Петръ Великій—онъ бы осилилъ это, сдѣлалъ. У русской революціи не хватало диктатора или диктаторовъ-олигарховъ. Въ этомъ—ея народное величіе, но въ этомъ же и ея слабость. Разгару рево-

люціи содѣйствовали ошибки *отсталаго*, но *властнаго* правительства. Безъ этихъ ошибокъ революціонная волна не поднялась бы такъ высоко...

— Святая истина!—съ усмѣшкой замѣтилъ Всеволодъ.

— Даже труизмъ,—равнодушно согласился Савельевъ.—Но труизмъ и то, что ошибки революціи вызвали прочную реакцію въ самомъ народномъ сознаніи, и теперь—и надолго—никакой революціонный геній не въ состояніи былъ бы исправить испорченное.

— Ты забываешь *отсталое* и *властное* правительство,—съ прежней усмѣшкой замѣтилъ Всеволодъ:—оно опять заботливо сжимаетъ пружину, чтобъ возстановить ослабѣвшій духъ революціи.

— Ну, теперь и правительство кое-чему научилось.

— И выученное сейчасъ же забыло.

— Не настолько, чтобъ не съумѣть еще выдержать долгую борьбу.

Сказавъ эти слова, Савельевъ съ видомъ безнадежности покачалъ головой. Потомъ спокойнымъ тономъ сказалъ:

— Мнѣ теперь иногда кажется яснымъ, какъ день, что всѣмъ партіямъ пора заключить общій миръ. Для всѣхъ равно безумно стремиться къ недостижимому, а все, что осталось еще возможнымъ достичь той или другой сторонѣ, можетъ быть разрѣшено уже третейскимъ судомъ,—въ широкомъ смыслѣ этого слова,—будетъ ли этимъ судомъ Дума, или свободная печать—все равно. Кровавая борьба съ той и съ другой стороны безцѣльна. Остановитесь!—вотъ что иногда хочется сказать и чужимъ, и своимъ.

Онъ на минуту задумался, потомъ тихо, грустно произнесъ:

— Но... да, вотъ проклятое но: сказать этого нельзя, потому что *война* продолжается. Моментъ, когда воюющія стороны признàютъ, что пора обратиться къ третейскому суду, еще не наступилъ. И до тѣхъ поръ съ болью въ сердцѣ идешь, какъ на враговъ, на тѣхъ, съ кѣмъ хотѣлъ бы примиренія.

Всеволодъ задумчиво смотрѣлъ въ лицо товарищу и молчалъ. Потомъ сказалъ:

— Да! Грустно влачить эту жизнь! Жизнь человѣка, понимающаго безысходность безуспѣшной борьбы. Чувствуешь, что ты погибнешь зря—и въ то же время не можешь, не хочешь отречься отъ этой гибели!.. Знаешь, что всѣ наши усилія побороть сейчасъ правительство безсильны, но знаешь также, что безсильно и оно уничтожить элементы революціи. По мнѣ—пра-

вительство находится въ положеніи тѣхъ канониковъ, которые заставляли Галилея отречься отъ великой истины.

Савельевъ такъ же съ глубокой задумчивостью смотрѣлъ теперь въ лицо Всеволоду. И при послѣднихъ словахъ его взялъ его руку въ свою и крѣпко пожалъ ее. Потомъ спокойнымъ, увѣреннымъ тономъ сказалъ:

— Да... Но вотъ не правительство, не каноники, а сама жизнь—все совершающееся сейчасъ вокругъ меня заставляетъ меня отречься отъ надежды на успѣхъ...

Онъ сдѣлалъ паузу и потомъ рѣшительно произнесъ:

— И все-таки я чувствую, какъ внутри, въ душѣ моей, мощный голосъ говоритъ мнѣ: „а все-таки она вертится“!

Пароходъ подходилъ къ Саратову. На берегу уже свѣтились огоньки и уже давно начали обрисовываться береговыя зданія,— теперь они были видны отчетливо и ясно. При высокой водѣ никакія мели не отдѣляли городъ отъ пароходныхъ пристаней, и пловучія пароходныя конторки издали сливались съ жилыми постройками на берегу.

Савельевъ пошелъ собирать свои вещи. Всеволодъ, чтобы не обратить на ихъ близость ничьего вниманія, остался пока на галереѣ. Но онъ рѣшилъ проводить товарища на берегъ, тѣмъ болѣе, что они вмѣстѣ уже выходили погулять на берегу при остановкахъ парохода на предыдущихъ попутныхъ пристаняхъ.

Конторка волжской пристани была переполнена народомъ: тутъ были и встрѣчающіе, и уѣзжающіе, и масса гуляющей публики. Весной пароходныя пристани служатъ здѣсь любимымъ мѣстомъ прогулки, а пароходы—пловучими ресторанами. Пароходы стоятъ по нѣскольку часовъ. Гуляющая публика наполняетъ на это время столовыя и галереи перваго и второго класса, пьетъ, ѣстъ, шумитъ, смѣется. Въ этой суетѣ отдѣльный человѣкъ легко затеривается.

Никто, повидимому, не обращалъ вниманія на Савельева и Всеволода, когда они сходили съ пароходнаго трапа на пристань. Савельевъ, держа одинъ узелокъ, а Всеволодъ,—помогая ему,— другой. Помощникъ капитана, стоявшій у сходней и отбиравшій билеты уходящихъ пассажировъ, отобралъ билетъ Савельева и запримѣтилъ лицо Всеволода, когда тотъ сказалъ, что вернется на пароходъ и что ѣдетъ до Нижняго.

Полиція въ это время на пристани всегда неизбѣжна,—сегодня она была въ усиленномъ составѣ: тутъ оказался и полиціймейстеръ, и частный приставъ, и нѣсколько городовыхъ, и жандармы.

Савельевъ и Всеволодъ, не обращая на нихъ вниманія, шли мимо нихъ, какъ будто не замѣчая никого. Савельевъ поспѣшилъ нанять извозчика и, прощаясь съ Всеволодомъ, всталъ ногой на подножку. Узлы его положили—одинъ на колѣни извозчику, другой — въ дрожки на сидѣнье. Всеволодъ протянулъ ему на прощанье руку.

Но въ это время передъ извозчичьей лошадью выросъ городовой, а около дрожекъ выступили изъ толпы еще городовой и жандармы и вслѣдъ за ними частный приставъ.

Обращаясь къ молодымъ людямъ, приставъ рѣзко, повелительно сказалъ:

— Я васъ обоихъ арестую.

— Это за что?—воскликнулъ Всеволодъ, блѣднѣя.

Савельевъ спустилъ ногу на землю, хладнокровно посмотрѣлъ на полицейскаго, оглянулся по сторонамъ и, не сказавъ ни слова, машинально протянулъ руку къ карману.

Но уже жандармы схватили его за обѣ руки, а въ его карманѣ шарилъ городовой и, вытащивъ оттуда великолѣпный parabellum, показалъ его, какъ трофей, приставу.

— Но позвольте же, за что? за что? — продолжалъ волноваться Всеволодъ, теперь тоже схваченный мускулистыми руками жандармовъ и обыскиваемый.

— Объ этомъ узнаете потомъ,—сказалъ ему приставъ спокойно и вѣжливо.—Прошу не противиться.

Рука пристава все время лежала на кобурѣ револьвера, рука стоявшаго около него казака—на эфесѣ шашки.

Всеволодъ взглянулъ на Савельева, на его освѣщенное отсвѣтомъ уличнаго фонаря, хотя спокойное, но поблѣднѣвшее лицо и понялъ, что приходится подчиниться. Онъ все-таки пробовалъ протестовать:

— Здѣсь, вѣроятно, недоразумѣніе... Позвольте... я ѣду въ Нижній, тутъ въ карманѣ мой билетъ.

— Потрудитесь садиться!—сказалъ приставъ, указывая ему на подъѣхавшаго извозчика, на которомъ уже сидѣлъ городовой.

Всеволодъ пожалъ плечами, нервно усмѣхнулся и сказалъ:

— Позвольте, но у меня тамъ на пароходѣ мои вещи.

Приставъ отвѣтилъ:

— Уже сдѣлано распоряженіе взять ихъ.

Всеволодъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и сказалъ:

— Но позвольте, я долженъ указать ихъ.

Приставъ съ улыбкой отвѣтилъ:

— Уже безъ васъ знаютъ.

Всеволодъ опять посмотрѣлъ на него. Потомъ, переведя взглядъ въ сторону, онъ вдругъ замѣтилъ за спиной пристава чьи-то знакомые сѣрые глаза: Глаза нагло смѣялись изъ-подъ козырька бѣлой чичунчовой фуражки, и Всеволодъ сразу узналъ ихъ. Этотъ господинъ въ чичунчѣ ѣхалъ съ ними на „Боярынѣ“, ходилъ тамъ и по галереѣ, проходилъ раза два и по нижней палубѣ между койками третьяго класса, гдѣ Всеволодъ съ Савельевымъ занимали мѣста, и потомъ, кажется, былъ въ числѣ первыхъ сошедшихъ здѣсь съ парохода на пристань.

„Шпикъ“,—подумалъ только теперь про него Всеволодъ.

— Вотъ это ваши вещи?—обратился съ вопросомъ къ Всеволоду приставъ, заставивъ его оглянуться назадъ, туда, гдѣ съ пароходной конторки сходилъ матросъ, неся чемоданъ и свертокъ въ ремняхъ. А рядомъ съ матросомъ шелъ грубаго вида парень-чернорабочій. Всеволодъ узналъ и свои вещи, и этого чернорабочаго. На пароходѣ парень сидѣлъ наискось отъ мѣста, занятаго Савельевымъ, и все время молчалъ. Его лицо казалось Всеволоду такимъ непріятнымъ, въ его молчаливости была такая животная тупость, что Всеволодъ сразу замѣтилъ его и запомнилъ; но во все время пребыванія на пароходѣ онъ относился къ этому парню съ тѣмъ безразличіемъ, съ какимъ относятся ко всякой, стоящей у васъ на пути, но нисколько для васъ не интересной вещи. Теперь ему было ясно, что и это былъ сыщикъ, и что пока они съ Савельевымъ рѣшали будущія судьбы Россіи, ихъ собственная судьба была уже предрѣшена наблюденіями за ними двухъ агентовъ тайной полиціи.

Всеволодъ посмотрѣлъ теперь приставу въ лицо и съ внезапно охватившимъ его озлобленіемъ рѣзко произнесъ:

— Чортъ знаетъ, что такое! Когда же, наконецъ, кончится эта охота за живыми людьми!

А приставъ смотрѣлъ ему въ глаза съ безмятежной улыбкой человѣка, подстрѣлившаго хорошую дичь. Въ этомъ взглядѣ Всеволодъ читалъ торжество, этотъ взглядъ безъ словъ говорилъ ему: теперь на нашей улицѣ праздникъ!

Всеволодъ въ свою очередь зло улыбнулся ему, потомъ, не помня себя отъ озлобленія, рѣшительно вскочилъ на дрожки, сѣлъ рядомъ съ городовымъ и, топнувъ о дрожки ногой, вызывающимъ тономъ произнесъ:

— А все-таки „она вертится“!..

Ал. Луговой.

АНГЛІЙСКІЕ РАДИКАЛЫ

ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX-го ВѢКА

Изъ исторіи борьбы за парламентскую реформу.

I.

Наканунѣ парламентской реформы.

Борьба за свободу и расширеніе политическихъ правъ всюду и вездѣ представляетъ много сходнаго, несмотря на глубокую разницу въ условіяхъ, при которыхъ въ разныхъ странахъ борьба эта происходитъ. Трудно представить себѣ болѣе глубокое различіе, чѣмъ то, какое существуетъ еще между Россіей начàла XX-го вѣка и Англіей начàла XIX-го. Современная Россія въ политическомъ отношеніи далеко еще не догнала Англіи начàла XIX-го вѣка. Самая, конечно, глубокая разница состоитъ въ пониманіи законности, этой основы всякаго благоустройства и общественнаго роста. Въ наиболѣе даже мрачныя свои эпохи Англія не знала произвола. Она знала реакцію, тяжелую, несправедливую реакцію, пытавшуюся извратить и исказить законъ, сдѣлать его средствомъ корыстныхъ и кастовыхъ цѣлей, но все же державшуюся въ предѣлахъ закона, освященнаго формальными и ненарушимыми условіями. Судъ, со всѣми его гарантіями и формами, не переставалъ дѣйствовать, и судебный приговоръ всегда оставался единственно рѣшающимъ и общепризнаннымъ авторитетомъ. Какія-нибудь произвольныя репрессивныя и административныя кары со стороны властей казались бы немыслимыми въ

Англіи даже временъ Стюартовъ съ ихъ „звѣздными палатами“, гдѣ все же засѣдали не полицейскіе или военные чиновники, а компетентные высшіе судьи, дѣйствовавшіе, худо ли, или хорошо, на основаніи закона. Отсутствіе произвола въ Англіи начала XIX-го вѣка и откровенное господство его еще въ Россіи XX-го вѣка и составляетъ основное различіе въ условіяхъ борьбы за свободу въ обѣихъ странахъ. Отсутствіе свободы еще не такъ страшно, какъ отсутствіе законности, т.-е. отсутствіе защиты отъ произвола.

Но, признавая это коренное различіе между теперешней Россіей и Англіей даже прошлаго времени, мы все же найдемъ и много сходства между средствами, къ которымъ правительства обѣихъ странъ прибѣгали для противодѣйствія освободительному движенію. Старая Англія, какъ и современная Россія, знала также шпіонство и доносы, обыски, аресты, разгонъ митинговъ военной силой, недопущеніе подачи петицій скопомъ, какъ это было, напримѣръ, при попыткѣ „бланкетировъ“ [1]), преслѣдованія печати, и другія гоненія со стороны органовъ правительства. Правда, все это продѣлывалось въ Англіи въ крайне малыхъ дозахъ, и то лишь урывками, причемъ каждый отдѣльный случай поднималъ шумъ и вызывалъ волненіе во всей странѣ. Но для „страны свободы“, какою Англія, и вполнѣ справедливо, считалась уже во времена Монтескьё, пріостановленіе дѣйствія „Habeas Corpus“ и другихъ гарантій личныхъ и гражданскихъ правъ, хотя бы и на кратчайшій срокъ и въ самой ограниченной и мягкой формѣ, является столь же неправильнымъ и для многихъ столь же тягостнымъ, какъ и постоянныя, вошедшія въ обыкновеніе, „усиленныя охраны“ въ Россіи.

Въ виду этого сходства нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій и проявленій борьбы за гражданскія и политическія права въ Россіи и въ Англіи, намъ кажется нелишнимъ вспомнить дѣятельность выдающихся англійскихъ борцовъ за парламентскую реформу въ Англіи, о которыхъ въ русской литературѣ до сихъ поръ почти ничего не было напечатано. Такъ-называемое „Reform movement“, движеніе въ пользу избирательной реформы, можетъ съ полнымъ правомъ считаться освободительнымъ движеніемъ, такъ же, какъ въ Россіи борьба за законность и огражденіе личной и имуще-

[1]) „Blanketeers“—одѣяльщики. Такъ прозваны рабочіе, которые съ наивностью русскихъ челобитчиковъ-гапоновцевъ отправились 9-го марта 1817-го года изъ Манчестера въ Лондонъ съ петиціей объ улучшеніи экономическаго положенія и расширеніи избирательнаго права. Каждый изъ нихъ запасся въ дорогу одѣяломъ для ночлега на полѣ. Отсюда—прозвище „одѣяльщики“.

ственной безопасности. Конечно, „Reform movement“ вовсе не имѣло въ виду тѣхъ элементарныхъ правъ, которыхъ еще по настоящій день тщетно жаждетъ русскій обыватель. Дѣло шло лишь объ упорядоченіи избирательнаго права для выбора членовъ въ искони существовавшій парламентъ. Но вполнѣ свободнымъ можетъ все же считаться лишь тотъ народъ, который самъ собою управляетъ. Лишь тогда онъ избавленъ отъ чужого усмотрѣнія и грабительства. Въ Англіи же до 1832 года народъ, несмотря на представительный образъ правленія, почти не участвовалъ въ государственной власти. Палата общинъ, благодаря крайне устарѣвшему законодательству о выборахъ, обратилась почти вся въ собраніе ставленниковъ опредѣленной группы лэндлордовъ и двора и сдѣлалась пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ министерства, которое номинально какъ бы зависѣло отъ этой же палаты общинъ. Главный недостатокъ дѣйствовавшей тогда въ Англіи избирательной системы состоялъ въ томъ, что избраніе депутата совершенно не зависѣло отъ количества населенія въ избирательномъ участкѣ и ни въ какомъ отношеніи къ этому количеству не находилось. Право избранія принадлежало мѣстности, а не населенію. Избирали депутатовъ разные графства, города, мѣстечки, а не граждане. Номинально правомъ голоса пользовалось огромное большинство домовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ, владѣвшихъ своимъ имуществомъ пожизненно или на правахъ полной собственности. Были также многочисленные разряды налогоплательщиковъ, которые подъ разными наименованіями въ немаломъ числѣ городовъ обнимали почти все взрослое мужское населеніе, такъ что теоретически старинное избирательное право въ Англіи почти совпадало съ общей подачей голосовъ. На практикѣ, однако, дѣло обстояло какъ нельзя хуже. Множество городовъ, получившихъ въ глубокую старину право на посылку депутатовъ, продолжали сохранять это право и въ началѣ XIX-го вѣка, когда отъ этихъ городовъ осталось только одно имя; а съ другой стороны, такіе города, какъ Манчестеръ, Бирмингамъ, Лидсъ и другіе, выросшіе лишь къ концу XVIII-го вѣка и не имѣвшіе старинныхъ правъ, никакимъ представительствомъ не пользовались. Но, кромѣ этого, даже и тѣ города, которые пользовались стариннымъ правомъ избранія депутатовъ и имѣли большое торговое или иное значеніе, далеко не всегда сохраняли за собою истинное представительство, такъ какъ, благодаря остаткамъ средневѣкового устройства и разнымъ спеціальнымъ хартіямъ, во многихъ городахъ избирательная коллегія состояла лишь изъ нѣсколькихъ лицъ, пользовавшихся званіемъ „гражданъ“ даже по

наслѣдству. Самъ вопросъ о „гражданствѣ“ былъ такъ запутанъ вслѣдствіе разныхъ вѣковыхъ наслоеній, что даже парламентскіе комитеты, специально назначавшіеся для разбора жалобъ разныхъ „гражданъ“, не разъ въ отчаяніи опускали руки и предоставляли дѣло волѣ Божіей.

„Вашей почетной палатѣ хорошо извѣстны,—заявлялось въ петиціи, поданной въ палату общинъ въ 1793 году отъ имени членовъ „Общества друзей народа“, основаннаго съ цѣлью достиженія парламентской реформы,—утомительныя, сложныя и дорого-стоющія тяжбы, въ которыхъ вы пытались дать законное опредѣленіе разнымъ наименованіямъ, столь мѣшающимъ нынѣшнему праву голоса. Сколько мѣсяцевъ вашего драгоцѣннаго времени было потрачено на выслушиваніе адвокатскихъ споровъ о разныхъ видахъ владѣнія землей! Сколько комитетовъ изучали значеніе терминовъ: „scot“ и „lot“ (родъ податей), „potwallers“, „commonalty“, „populacy“, „жительствующій“ и „не-жительствующій“ обыватель! Сколько труда и исканій ушло на то, чтобы установить законныя права бороуменовъ, ольдерменовъ, портменовъ, селектменовъ, бургеровъ и „людей совѣта“! И какую путаницу внесли противорѣчивыя хартіи, разница между имѣющими осѣдлость и не имѣющими осѣдлости фрименами и разные способы полученія гражданства (freedom) корпорацій, какъ по рожденію, службѣ, браку, выкупу, избранію или покупкѣ!“

При такихъ условіяхъ къ концу XVIII-го вѣка образовалось въ Англіи множество такъ-называемыхъ „гнилыхъ городовъ“, одни изъ которыхъ, какъ Gatton и Old Sarum, существовали лишь по имени, а другіе, какъ избирательные участки, состояли изъ замкнутыхъ и тѣсныхъ кружковъ привилегированныхъ „фрименовъ“, очень часто находившихся всецѣло подъ вліяніемъ мѣстнаго лэндлорда-магната. Въ такихъ мѣстахъ о „выборахъ“ члена парламента не могло быть и рѣчи: онъ просто назначался по рекомендаціи лэндлорда или за предложенную имъ сумму. Тамъ же, гдѣ дѣйствительно происходило голосованіе, подкупъ избирателей практиковался почти открыто, несмотря на разные законы, ограждавшіе чистоту выборовъ. И было бы мудрено ожидать отъ парламента, въ которомъ большинство членовъ состояло изъ ставленниковъ разныхъ лэндлордовъ и замкнутыхъ корпорацій, чтобы онъ особенно зорко слѣдилъ за правильностью выборовъ и неподкупностью избирателей.

Палата общинъ, избранная при такихъ условіяхъ, менѣе всего могла считаться представительницей народа и была ниже всякой критики. Каждый изъ членовъ парламента ожидалъ отъ

правительства и двора какой-нибудь денежной или почетной награды лично для себя, для членовъ своей семьи и для друзей. Поддержка министерства оказывалась дѣломъ доходнымъ и выгоднымъ, и поэтому лишь въ рѣдкихъ случаяхъ парламентское большинство не оправдывало надеждъ министерства. Система синекуръ, пенсій и разныхъ другихъ подачекъ настолько развилась въ Англіи къ началу XIX вѣка, что даже само правительство поняло, что въ своихъ подкупахъ и расшвыриваніи народныхъ денегъ оно зашло слишкомъ далеко, и въ разныя времена повторялись обѣщанія экономіи. Однако, несмотря на эти обѣщанія, тайное казнокрадство и открытая раздача народныхъ денегъ продолжались попрежнему, и, напримѣръ, одинъ перечень разныхъ синекуръ и подачекъ, пенсій и доходовъ, существовавшихъ еще въ 1820 г., занялъ два тома знаменитой въ свое время „Черной книги", изданной дѣятелями реформы съ подзаголовкомъ „Corruption Unmasked" (разоблаченный подкупъ). Главная доля синекуръ попадала, конечно, въ карманы вліятельныхъ лордовъ и ихъ безчисленныхъ родныхъ. „Многіе благородные лорды—говорится въ этой „Черной книгѣ",—и ихъ сыновья, весьма почтенные (Right Honourable) и почтенные джентльмены занимаютъ мѣста клерковъ, „наблюдателей прилива и отлива", смотрителей гаваней, таможенныхъ осмотрщиковъ, измѣрителей, упаковщиковъ, служащихъ при лебедкахъ, при верфяхъ, „протонотаріевъ" (старшіе клерки) и другихъ мелкихъ должностей. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ числятся за женщинами, при томъ довольно изящными; нѣкоторыя — за дѣтьми, но, конечно, дѣтьми „высокой крови", обладающими, какъ извѣстно, необычайными способностями. Одна лэди, баронесса, считается подметальщицей парка, получая 340 ф. стерл. въ годъ. Лэди Арабелла Гениджъ занимаетъ должность пристава въ палатѣ гражданскаго суда, а почтенныя Луиза Броунингъ и лэди Г. Мартинъ состоятъ custos brevium (архиваріусами) въ палатѣ другого суда", и т. д.

Многіе изъ этихъ доходовъ, синекуръ и пенсій переходили изъ рода въ родъ, продавались какъ личная собственность или переуступались пожизненно въ видѣ подарковъ.

Уже въ петиціи 1793 г., упомянутой нами выше, прямо указывалось на тѣсную связь, которая существовала тогда между стремленіемъ многихъ лицъ попасть въ парламентъ и желаніемъ поживиться на государственный счетъ. Авторы петиціи указывали даже на параллельный ростъ государственныхъ расходовъ и проступковъ по нарушеніямъ законовъ о выборахъ. Но это

былъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ. Ни экономіи, ни реформъ избирательнаго права нельзя было ожидать отъ правительства и парламента, державшагося лишь однимъ подкупомъ. Какъ вполнѣ вѣрно говорится во введеніи къ книгѣ „Black Book“, реформа и экономія, это—синонимы. Совершенно не важно, какая изъ нихъ предшествуетъ другой, такъ какъ обѣ приводятъ къ одному и тому же результату. За парламентской реформой обязательно идетъ экономія, а за экономіей неминуемо должна послѣдовать реформа, потому что не будетъ денегъ, чтобы противодѣйствовать ей. Деньги, это — аммуниція реакціи. Когда самохозяйничающіе министры не имѣютъ чѣмъ подкупать, они неизбѣжно теряютъ своихъ сторонниковъ. Вотъ почему ни одно реакціонное правительство никогда искренно не идетъ на дѣйствительныя урѣзки своихъ расходовъ. И такимъ, конечно, мало-экономнымъ было и англійское правительство, покуда парламентская реформа не сдѣлала палаты общинъ настоящимъ представительствомъ народа, когда вся эта система подкуповъ, подачекъ и синекуръ была выметена изъ англійской жизни разъ навсегда.

II.

Агитація въ пользу реформы.

Борьба за парламентскую реформу была упорная и продолжительная. Она началась съ первыхъ дней войны съ американскими колоніями и продолжалась вплоть до 1832 г., т.-е. до принятія билля о реформѣ. Неудачныя и несправедливыя войны имѣютъ, повидимому, вездѣ одинъ и тотъ же результатъ, а именно: пробужденіе народа и раскрытіе глазъ его на недостатки государственнаго механизма. До войны съ колоніями почти и помину нѣтъ о необходимости улучшенія избирательныхъ порядковъ. Мы ничего не слышимъ о какихъ-либо жалобахъ на плохое парламентское представительство въ спорахъ между Карломъ I и его подданными. Ни въ петиціи о правахъ, ни въ актахъ, принятыхъ послѣ изгнанія Якова II, нѣтъ и намека на какія-либо перемѣны въ законѣ о выборахъ. Общество какъ будто ничего не имѣло противъ того, чтобы его представителями считались ставленники богатыхъ лэндлордовъ или избранники маленькихъ кружковъ самозванныхъ „фрименовъ“. Правда, въ началѣ XVII вѣка жизнь въ Англіи еще не настолько ушла впередъ отъ закона, чтобы послѣдній обратился въ анахронизмъ. Но въ

XVIII вѣкѣ, когда городская жизнь уже сильно развилась, недостатки избирательной системы, несомнѣнно, сдѣлались очевидными для всѣхъ, и все-таки не раньше, какъ лишь къ началу 70-хъ годовъ этого вѣка, начинаютъ раздаваться голоса въ пользу перемѣны закона.

Разъ начавшись, агитація въ пользу реформы уже не остановилась, несмотря на всѣ репрессивныя мѣры и на все упорство и противодѣйствіе парламента и его друзей. И приходится только удивляться, что при всей очевидности несостоятельности системы потребовалось слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ на борьбу съ нею. Но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать и того, что даже при самомъ плохомъ избирательномъ правѣ и при наиболѣе послушной, подкупной и невѣжественной палатѣ общинъ, англійскій парламентъ выдѣлилъ изъ своей среды такихъ государственныхъ людей, какъ Питтъ, Кастльри, Каннингъ, Боркъ, Фоксъ, Пиль; флотъ далъ Нельсона, армія—Веллингтона; войны съ Наполеономъ кончались побѣдоносно, несмотря на то, что Англіи пришлось бороться противъ цѣлой коалиціи европейскихъ державъ; свободная печать и свободная жизнь продолжали свое дѣло, и народъ, даже подъ тяжестью недостаточнаго и поддѣльнаго представительства, не оставался совсѣмъ нѣмымъ и безучастнымъ. Общественное мнѣніе, хотя и не столь властное, какъ нынѣ, существовало и тогда. И этимъ, конечно, объясняется, сравнительно говоря, медленное теченіе агитаціи, которая лишь къ концу сдѣлалась болѣе нетерпѣливой и бурной.

При этомъ нельзя не отмѣтить явленія, наблюдаемаго во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, а именно, огромнаго значенія энергичнаго и талантливаго меньшинства. Библейское сказаніе о какихъ-нибудь десяти праведникахъ, которыхъ было бы достаточно для спасенія Содома и Гоморры, вполнѣ подтверждается практикой европейскихъ парламентовъ. Прогрессъ націи и характеръ ея администраціи часто гораздо болѣе зависятъ отъ меньшинства членовъ парламента, чѣмъ отъ большинства. Правительство, опирающееся даже на послушное и преданное большинство, не можетъ пренебрегать мнѣніемъ меньшинства, разъ послѣднее находитъ широкій откликъ въ странѣ. Оно обязано да и вынуждено защищаться и оправдываться и такимъ образомъ держаться такъ, чтобы не подавать поводовъ къ упрекамъ. Вотъ почему парламентъ и въ до-реформенной Англіи, хотя больше чѣмъ на три-четверти состоялъ изъ представителей „гнилыхъ городовъ“, все же не оставался безъ широкаго вліянія на общественную и политическую жизнь страны. Даже въ этомъ парла-

ментѣ попадались лица, которыя отдавали всю свою жизнь, всѣ свои таланты, все свое богатство на благо страны, на пользу реформъ, на политическое и экономическое улучшеніе народа. Въ большинствѣ случаевъ члены меньшинства состояли представителями такихъ избирательныхъ участковъ, въ которыхъ населеніе дѣйствительно участвовало въ выборахъ и которые не попали подъ вліяніе какихъ-либо магнатовъ. Такими самостоятельными и дѣйствительно „избирательными" участками были, напр., Вестминстеръ и Миддльсексъ, на окраинахъ тогдашняго Лондона, выборы въ которыхъ всегда сопровождались жаркой борьбой партій и составляли крупнѣйшее политическое событіе. Но попадались истинные радѣтели о благѣ народномъ даже и среди ставленниковъ лэндлордовъ. И, напримѣръ, извѣстный въ свое время дѣятель парламентской реформы попалъ въ парламентъ, какъ представитель наиболѣе осмѣяннаго участка, сдѣлавшагося нарицательнымъ именемъ для всѣхъ фиктивныхъ представительствъ, а именно Old Sarum, поселка, существовавшаго еще при римскомъ владычествѣ, но уже не считавшаго ни одного жителя къ началу XIX вѣка. Этотъ избирательный участокъ составлялъ собственность лорда Кэмельфорда, по добротѣ своей и „избравшаго" Джона Горна Тука въ парламентъ.

Но, конечно, строй жизни, въ которомъ воля большинства народа находитъ своихъ выразителей не въ большинствѣ, а въ меньшинствѣ членовъ парламента, даже и при крупномъ вліяніи послѣдняго, не можетъ считаться нормальнымъ и желательнымъ. Поддѣльное представительство всегда бываетъ однобокимъ и тяготѣетъ не въ сторону обще-народныхъ интересовъ, а въ сторону одного какого-нибудь класса. Нужда въ реформѣ созрѣла, и естественно, что тогдашній англійскій радикализмъ почти всецѣло направился въ сторону агитаціи за парламентскую реформу. Собственно говоря, другого „радикализма" тогда и не было. Кличка „радикалъ" въ Англіи впервые и была дана тѣмъ лицамъ, которыя требовали исправленія избирательнаго закона. Многія изъ этихъ лицъ начали работать въ пользу этой реформы еще въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія, но главнымъ образомъ вопросъ о реформѣ выдвигался въ первыя десятилѣтія XIX-го вѣка, и о дѣятеляхъ именно этого періода у насъ и пойдетъ дальше рѣчь.

III.

Сэръ Франсисъ Бардеттъ.

Первымъ „радикаломъ“ въ англійской палатѣ общинъ слѣдуетъ считать сэра Франсиса Бардетта, вступившаго въ парламентъ въ 1796 г., на двадцать-шестомъ году отъ роду, представителемъ Бороубриджа, какъ ставленникъ герцога Ньюкестльскаго. Несмотря на то, что онъ попалъ въ парламентъ по милости вига и самъ принадлежалъ къ очень древнему аристократическому роду и богатой семьѣ, онъ съ первыхъ же дней своего депутатскаго званія показалъ, что въ политическомъ отношеніи онъ принадлежитъ къ народу, а не къ богатой аристократіи. Онъ не примкнулъ ни къ вигамъ, ни къ торіямъ, а пошелъ своей дорогой. Въ парламентѣ онъ оказался наиболѣе энергичнымъ критикомъ разныхъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію свободы, и настойчивымъ преслѣдователемъ всякихъ злоупотребленій властью. Повидимому, онъ обладалъ выдающимся ораторскимъ талантомъ, но во всякомъ случаѣ тѣ рѣчи его, которыя сохранились въ печати, обнаруживаютъ въ немъ глубокаго знатока государственнаго права Англіи. Онъ очень любилъ театральные эффекты какъ въ отношеніи ораторскаго стиля, такъ и вообще въ своей жизни, далеко не чуждой позированія и ломанья. Но рядомъ съ этимъ богатая содержательность и неопровержимо-строгая логичность аргументаціи дѣлали его краснорѣчіе высоко-интереснымъ и убѣдительнымъ.

Онъ выступилъ съ требованіемъ избирательной реформы вскорѣ послѣ своего перваго избранія въ парламентъ, въ 1797 г., поддерживая предложеніе Грея (потомъ графа Грея, которому, какъ главѣ правительства въ 1832 г., удалось-таки осуществить реформу). И затѣмъ, на протяженіи тридцати-пяти лѣтъ, до принятія реформы, онъ состоялъ неизмѣннымъ защитникомъ ея въ парламентѣ и внѣ его. Онъ самъ дѣлалъ многократныя попытки внести билль о реформѣ, и въ своихъ избирательныхъ адресахъ, съ которыми онъ обращался къ своимъ новымъ избирателямъ сначала въ Миддльсексѣ и затѣмъ въ Вестминстерѣ, онъ всегда выставлялъ необходимость измѣненій въ избирательномъ законѣ и расширеніе избирательнаго права первымъ и нужнѣйшимъ дѣломъ страны. Относительно деталей реформы, онъ къ концу періода борьбы сдѣлался значительно менѣе требовательнымъ.

Онъ началъ съ общаго избирательнаго права и годичныхъ парламентовъ, но потомъ, въ проектѣ билля, предложеннаго имъ въ 1809 г., право голоса даруется лишь плательщикамъ налоговъ, а въ 1819 г. онъ уже заявляетъ, что вообще „степень распространенія права голосованія значительно менѣе важна, чѣмъ то, чтобы это право было расширено на ясныхъ, опредѣленныхъ и вполнѣ понятныхъ принципахъ, которые предоставили бы широкой массѣ народа право представительства“.

Въ той же красивой и интересной рѣчи онъ возражаетъ министрамъ Кастльри и другимъ, заявившимъ, что страна процвѣтаетъ и что народъ въ общемъ очень доволенъ. „Благородный лордъ и его коллеги—сказалъ онъ—говорятъ, что мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ обманчиваго призрака и что все обстоитъ благополучно. Такое заявленіе вполнѣ естественно изъ устъ людей, питающихся иллюзіями, создающихъ себѣ воображаемые замки. Повидимому, министры вполнѣ довольны собою, и поэтому, нужно полагать, доволенъ и народъ. Временами, конечно, они удивляются, откуда берутся эти жалобы, когда кругомъ нихъ все благоухаетъ и они покоятся на ложѣ, устланномъ розами. Моя задача, какъ въ стѣнахъ парламента, такъ и за стѣнами его, именно въ томъ и состоитъ, чтобы убѣдить господъ „boroughmongers [1]) въ томъ, что если министры счастливы, то это еще не означаетъ, что и народъ счастливъ. Вотъ гдѣ настоящая иллюзія, и я увѣренъ, что если boroughmongers не придутъ къ какому-либо соглашенію съ народомъ, то вскорѣ наступитъ конецъ не только ихъ господству, но и ихъ существованію, и они погибнутъ въ упорствѣ своемъ“.

Но долгое время, какъ рѣчи радикаловъ въ самомъ парламентѣ, такъ и петиціи, сыпавшіяся туда со стороны, имѣли очень слабое дѣйствіе. „Отъ палаты, составившейся изъ депутатовъ, три-четверти которыхъ купили свои мѣста или сами куплены, можно въ такой же мѣрѣ ожидать принятія резолюціи въ пользу реформы, какъ отъ проститутокъ въ публичномъ домѣ—принятія предложенія о цѣломудріи“,—заявлялось въ предисловіи къ выше-цитированной рѣчи, которая была издана отдѣльно. Вообще слѣдуетъ прибавить, что, начиная съ окончанія Наполеоновскихъ войнъ, когда, наконецъ, для англичанъ наступила полная возможность серьезно позаняться внутреннимъ благо-

[1]) Т.-е. мастера по части представительства отъ гнилыхъ городовъ. Подъ этимъ именемъ или подъ выраженіемъ „borough faction“ были извѣстны приверженцы старой системы представительства.

устройствомъ, отношеніе народа къ парламенту сдѣлалось прямо презрительнымъ, и никогда раньше не писали и не говорили о до-реформенномъ парламентѣ съ такимъ пренебреженіемъ и сарказмомъ, какъ въ эти тринадцать или четырнадцать лѣтъ между 1816 или 1817 и 1830 гг. Ужъ очень дѣйствительно презрѣнной казалась та шайка олигарховъ, которая всѣми силами старалась удержать отжившую и выродившуюся систему парламентскихъ выборовъ. Тогдашнее правительство, состоявшее изъ одеревенѣлыхъ торіевъ, какъ лордъ Эльдонъ, лордъ Сидмоутъ, лордъ Ливерпуль, лордъ Кастльри, и правившее Англіей съ 1812 по 1827 г., знало только одинъ отвѣтъ на требованія народа: это—репрессіи. Народное недовольство было для нихъ не симптомомъ болѣзни, а самой болѣзнью, какой-то гангреной, которую нужно было вырѣзать ножомъ,—благо парламентъ самъ совалъ ножъ министрамъ въ руки, и когда послѣдніе предложили въ февралѣ 1817 г. временный билль объ ограниченіи права собраній, то за него было подано 190 голосовъ, а противъ него—всего 14 голосовъ.

Но о томъ, какъ англійская до-реформенная палата общинъ вообще смотрѣла на себя и на свою роль въ странѣ, лучше всего свидѣтельствуетъ дѣло, отъ котораго лично пострадалъ самъ Бардеттъ. Дѣло это хорошо извѣстно въ исторіи Англіи новаго времени, и на немъ стоитъ остановиться болѣе подробно, какъ на очень характерномъ эпизодѣ парламентской жизни.

Это происходило въ 1810 г., и дѣло началось съ того, что правительство, боясь общественнаго негодованія за свою неудачную экспедицію въ Флиссингенъ противъ французовъ, склонило палату общинъ къ тому, чтобы запросы и дебаты по поводу этой несчастной экспедиціи происходили при „закрытыхъ дверяхъ", т.-е. безъ присутствія представителей печати и постороннихъ. Напрасно Шериданъ внесъ предложеніе объ отмѣнѣ распоряженія палаты. Его предложеніе было отвергнуто 166 голосами противъ 80.

Это рѣшеніе объ исключеніи печати вызвало бурю протестовъ въ странѣ, и между прочимъ вопросъ обсуждался и въ обществѣ дебатовъ, называвшемся „Британскій форумъ". Президентъ этого общества, Джонъ Джонсъ, выпустилъ афиши, сообщавшія о предстоящихъ въ обществѣ митингахъ протеста противъ поступка палаты общинъ, который онъ характеризовалъ какъ аттаку на свободу печати и какъ достойный самаго рѣзкаго порицанія. Палата общинъ, это дискредитированное сборище ставленниковъ разныхъ лордовъ, оказалась чрезвычайно щепе-

тильной насчетъ своей чести и привилегій и потребовала къ отвѣту типографа и Джонса. Типографъ, извинившись, былъ милостиво отпущенъ; Джонсъ же, несмотря на то, что просилъ пардона, былъ посаженъ палатою въ тюрьму за „грубое нарушеніе парламентскихъ привилегій".

Это распоряженіе палаты общинъ глубоко возмутило Бардетта, который 12 марта 1810 г., спустя недѣли двѣ послѣ ареста Джонса, внесъ предложеніе о немедленномъ освобожденіи президента „Британскаго форума" изъ-подъ ареста. Рѣчь Бардетта по этому случаю была полна интереснѣйшаго анализа правъ, присвоенныхъ вообще народному представительству въ отношеніи къ отдѣльнымъ гражданамъ, и очень рѣзко и въ то же время глубоко обоснованно установила разницу между судебной и законодательно-административной властью. Однако, при голосованіи, на сторонѣ оратора оказалось всего 14 голосовъ, а противъ его предложенія—153. Потерпѣвъ неудачу въ парламентѣ, Бардеттъ обратился съ своимъ протестомъ къ народу. Сначала онъ перепечаталъ свою рѣчь съ нѣкоторыми дополненіями въ „Weekly Register", издававшемся Коббетомъ, и затѣмъ, приложивъ къ ней „Письмо къ избирателямъ", издалъ отдѣльно. Указавъ на то, что голосъ народа можетъ быть скорѣе услышанъ и можетъ оказаться болѣе властнымъ, чѣмъ его собственный, онъ продолжаетъ въ своемъ письмѣ:

„Граждане, принципъ, за который мы теперь боремся,—тотъ же, за который англійскій народъ боролся съ самыхъ раннихъ вѣковъ своей исторіи и въ борьбѣ за который одержаны имъ славныя побѣды, начертанныя на Великой Хартіи нашихъ правъ и вольностей, какъ и въ другихъ послѣдующихъ актахъ. Это—тотъ же принципъ, на который вздумалъ напасть Карлъ I съ его требованіемъ корабельнаго налога, когда народъ и неподкупная палата общинъ возобновили борьбу, кончившуюся арестомъ, судомъ, обвинительнымъ приговоромъ и казнью короля. Это тотъ же принципъ, который былъ такъ дерзко нарушенъ сыномъ Карла, Яковомъ II, и за нарушеніе котораго онъ вынужденъ былъ не только бѣжать отъ справедливаго народнаго гнѣва и самъ былъ лишенъ короны, но потерялъ ее и для своихъ дѣтей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, во всѣхъ этихъ схваткахъ народъ дѣйствовалъ не только смѣло и мужественно, но и вполнѣ мудро, потому что какія бы у васъ ни были права, свободы, парламенты, привилегіи и неприкосновенности, но если мы можемъ быть арестованы и содержимы въ заключеніи по одной лишь волѣ и повелѣнію одного лица или хотя бы группы лицъ,

то какой въ нихъ толкъ? Что̀ пользы въ нихъ, если вы въ любой моментъ можете быть отправлены въ тюрьму безъ суда, безъ обвинительнаго акта, безъ права апелляціи, безъ возможности обжалованія и полученія удовлетворенія? Развѣ при такомъ порядкѣ мы еще вправѣ гордиться законами и вольностями Англіи?.. Только при оберегаціи и сохраненіи этого принципа мы избѣгнемъ того рабства, которое существуетъ еще вездѣ въ государствахъ Европы, гдѣ его не соблюдаютъ, и мы можемъ быть увѣрены, что безъ этого принципа свѣтлые дни англійской славы смѣнятся тьмою позора".

„Письмо къ избирателямъ", съ рѣчью, обработанной и дополненной, при своемъ появленіи, въ свою очередь крайне обидѣло палату общинъ, которая теперь устами своего члена Летбриджа потребовала къ отвѣту уже самого Бардетта за нанесеніе ей жестокаго оскорбленія.

Дебаты по вопросу о томъ, виновенъ ли Бардеттъ въ „оклеветаніи" палаты общинъ, или нѣтъ, заняли нѣсколько засѣданій, причемъ защитники чести палаты высказывали доктрины, которыя считались бы теперь, въ наше демократическое время, совершенно невозможными. Такъ напримѣръ, канцлеръ казначейства (лордъ Эльдонъ) вполнѣ серьезно въ своей рѣчи, между прочими аргументами противъ Бардетта, заявилъ слѣдующее: „Допускаю, что каждому должно быть предоставлено право критиковать дѣйствія правительства, но никто не имѣетъ права хулить рѣшенія палаты общинъ и апеллировать на это рѣшеніе къ избирателямъ. По формѣ документъ былъ крайне оскорбителенъ, а по содержанію онъ составлялъ не болѣе и не менѣе какъ призывъ къ народу оказать противодѣйствіе парламенту"... И затѣмъ дальше: „Главная цѣль аргументаціи (Бардетта) была доказать, что палата не имѣетъ права подвергнуть заключенію посторонняго человѣка, нарушившаго ея привилегію. Дѣло, конечно, идетъ о постороннемъ лицѣ, такъ какъ въ отношеніи члена палаты самъ почтенный баронетъ (Бардеттъ) призналъ право палаты наказывать по собственному усмотрѣнію. Это мнѣніе можетъ быть правильно или нѣтъ, но необходимо соблюдать приличную форму, высказывая его внѣ стѣнъ парламента, и во всякомъ случаѣ то, что̀ можно считать законнымъ говорить въ палатѣ до принятія ею какого-либо рѣшенія, не всегда законно, когда высказывается внѣ палаты уже послѣ рѣшенія ея; тѣмъ менѣе это можетъ быть законно, когда рекомендуется противодѣйствіе этому рѣшенію".

Такимъ образомъ, по тогдашней доктринѣ правительства, па-

лата общинъ стоитъ выше народа, выше избирателей, къ которымъ апеллировать не полагается, разъ рѣшеніе ею принято. Другой членъ палаты, сэръ Джонъ Анстретеръ, хотя и считалъ излишнимъ для палаты общинъ обижаться изданной брошюрой, такъ какъ она, по его мнѣнію, не заслуживаетъ того шума и вниманія, которые она возбудила, все же, по существу, вполнѣ соглашался съ обвинителями Бардетта, что палата общинъ должна быть ограждена отъ насмѣшекъ и порицаній. „Палата общинъ, это—великая и главная сила, стоящая между короной и народомъ,—сказалъ онъ;—она составляетъ орудіе, которымъ народъ защищенъ отъ посягательствъ короны. Можно ли послѣ этого допустить, чтобы каждый могъ принижать и оклеветать палату, и въ то же время не дать ей возможности собственной властью наказывать своихъ обидчиковъ?“

Очевидно, такого рода доктрины возможны лишь тамъ, гдѣ палата не только не представляетъ собою воли народа, но прямо боится этой воли, идетъ наперекоръ ей и существуетъ помимо ея. А такою именно и была палата общинъ въ Англіи въ то время, когда происходило описываемое дѣло. Не удивительно, что палата почти единодушно признала Бардетта виновнымъ и уполномочила спикера большинствомъ 37-ми голосовъ заключить его въ Тоуэръ.

Приказъ спикера о заключеніи Бардетта былъ подписанъ въ пятницу рано утромъ и долженъ былъ быть исполненъ парламентскимъ „сержантомъ“ [1]) въ тотъ же день не позднѣе 10-ти часовъ утра. Но на самомъ дѣлѣ Бардеттъ былъ отвезенъ въ Тоуэръ лишь въ слѣдующій понедѣльникъ, такъ какъ добровольно подчиниться спикерскому „варранту“ онъ не захотѣлъ, а употребить силу для его ареста сержантъ долго не осмѣливался. Само правительство было не совсѣмъ увѣрено, можно ли въ такихъ случаяхъ употребить силу, и лишь послѣ совѣщаній съ генеральнымъ атторнеемъ и судьями было рѣшено привести приказъ спикера въ исполненіе, хотя бы для этого пришлось ломиться въ домъ силою. Свой отказъ добровольно подчиниться аресту Бардеттъ объяснилъ въ письмѣ къ спикеру. „Власть и привилегіи — писалъ онъ спикеру — не одно и то же, и не должны никоимъ образомъ быть смѣшиваемы. Привилегія, это—изъятіе изъ-подъ власти, и была предоставлена палатѣ общинъ

---

[1]) „Serjeant“ — въ Англіи подъ этимъ названіемъ не всегда подразумѣвается военный. Въ данномъ случаѣ это парламентскій приставъ, лицо гражданское, не принадлежащее ни къ полицейской, ни къ военной службѣ.

съ цѣлью охраны ея лишь затѣмъ, чтобы она лучше могла охранять народъ; но она не была дана палатѣ, какъ власть вредить народу. Вашъваррантъ, какъ вамъ самимъ, полагаю, извѣстно, не законенъ. Я поэтому не могу и не смѣю сдѣлаться участникомъ беззаконія, признавъ право кого-либо арестовать помимо суда“.

Между тѣмъ слухъ о намѣреніи правительства арестовать Бардетта быстро распространился, и толпа стала собираться на Пиккадили, гдѣ жилъ популярный членъ парламента. И теперь, въ началѣ XX-го вѣка, толпа груба и буйна. Сто лѣтъ тому назадъ, она, повидимому, была еще во много разъ грубѣе и невѣжественнѣе. Выступивъ въ защиту человѣка, въ которомъ она увидѣла жертву за отстаиваніе народныхъ правъ, чернь въ то же время не задумалась сама попирать всякія чужія права, и насильно заставляла кричать всякаго мимо проѣзжавшаго прилично одѣтаго человѣка: „Да здравствуетъ Бардеттъ!“ (Bardett for ever!). Не довольствуясь этимъ, она начала еще разбивать окна въ домахъ тѣхъ лицъ, которыя извѣстны были какъ враги Бардетта. Пришлось вызвать войска для охраненія порядка, и нѣсколько дней подъ-рядъ, до отвезенія Бардетта въ Тоуэръ, на нѣкоторыхъ улицахъ Лондона не переставали собираться шумныя и буйныя толпы. Арестъ, однако, былъ произведенъ безъ всякаго вмѣшательства толпы, утромъ, когда она еще не успѣла собраться передъ домомъ своего кумира. И тутъ Бардеттъ не преминулъ использовать инцидентъ съ наибольшимъ театральнымъ эффектомъ: когда сержантъ явился съ войсками и констэблями, онъ засталъ его слушающимъ своего младшаго сына, который переводилъ ему вслухъ латинскій текстъ „Magna Charta“. Арестованный былъ доставленъ въ Тоуэръ безъ всякихъ инцидентовъ, но зато сейчасъ же послѣ этого произошла жестокая схватка между войскомъ и народомъ, собравшимся у воротъ Тоуэра, и нѣсколько лицъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, получили тяжелыя увѣчья и даже смертельныя раны.

Уличная война вскорѣ прекратилась, зато политическая возгорѣлась еще съ большей силой. Имя Бардетта стало теперь самымъ популярнымъ. Его портреты появились во всѣхъ домахъ и о немъ всѣ говорили. Сидя еще въ Тоуэрѣ, гдѣ ему была отведена большая квартира, Бардеттъ подалъ въ судъ на спикера, сержанта и начальника Тоуэра за незаконное лишеніе свободы. Въ то же время изъ многихъ мѣстъ поступили въ парламентъ петиціи въ пользу Бардетта, причемъ во всѣхъ ихъ, и подчасъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ, подчеркивалась необхо-

димость избирательной реформы, какъ единственной основы, которая дала бы палатѣ право считаться представительствомъ народа.

Бардеттъ, однако, былъ вскорѣ освобожденъ, такъ сказать, естественнымъ порядкомъ, по случаю окончанія парламентской сессіи, съ которою, разумѣется, кончается и власть парламента. Онъ былъ выпущенъ изъ Тоуэра 21-го іюня того же 1810 года, но на этотъ разъ онъ „обманулъ“ ожиданія толпы, готовившейся встрѣтить его процессіей, всякими торжественными рѣчами, иллюминаціей, музыкой и пр. Боясь, очевидно, быть опять причиной какихъ-либо уличныхъ безпорядковъ, онъ оставилъ Тоуэръ тайкомъ, со стороны Темзы, и уѣхалъ въ свой загородный домъ, въ то время, когда всѣ улицы, прилегающія къ воротамъ Тоуэра, были покрыты народомъ, и въ ожиданіи стояли наготовѣ оркестры со знаменами и флагами и цѣлый отрядъ всадниковъ для почетнаго конвоя. „Бѣгство“ Бардетта отъ энтузіазма толпы показалось послѣдней тяжелымъ оскорбленіемъ, и популярность его сразу страшно упала. Бардетта обвинили въ трусости, въ неискренности, въ ренегатствѣ, и хотя онъ съ прежней настойчивостью и даже больше прежняго продолжалъ работать въ пользу парламентской реформы, имя его уже не пользовалось тою популярностью, какой оно достигло во время его заключенія въ Тоуэрѣ. Даже арестъ его въ 1820 году, когда, по приговору суда, онъ былъ посаженъ въ тюрьму на три мѣсяца и уплатилъ штрафъ въ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ за „клевету“ на правительство, уже не возбудилъ больше тѣхъ симпатій и протестовъ, какими выразилось общественное мнѣніе въ 1810 году.

Быть можетъ, именно это отсутствіе благодарнаго чувства со стороны общества и было причиною того, что когда парламентская реформа была достигнута, Бардеттъ открыто примкнулъ къ торіямъ, въ рядахъ которыхъ оставался до конца своей жизни, т.-е. до 1844 года.

IV.

Джонъ Картрайтъ.

Въ то время какъ сэръ Франсисъ Бардеттъ былъ вождемъ движенія въ пользу избирательной реформы, какъ членъ палаты общинъ, въ самомъ парламентѣ,—Джонъ Картрайтъ, болѣе извѣстный какъ „маіоръ“ Картрайтъ, руководилъ движеніемъ внѣ парламента, благодаря чему и прозванъ „отцомъ реформы“ (The

Father of Reform). Онъ организовалъ митинги, собиралъ подписи къ петиціямъ, основывалъ общества и кружки, устраивалъ бесѣды съ партійными вожаками и членами правительства и писалъ, безконечно много писалъ. Какъ авторъ, онъ не отличался ни блестящими афоризмами, ни пламеннымъ краснорѣчіемъ, ни легкостью и послѣдовательностью изложенія. Онъ очень часто повторяется и слишкомъ многословенъ. Но въ его многочисленныхъ брошюрахъ, книгахъ и статьяхъ все же разсѣяно много интересныхъ мыслей, и всѣ ихъ объединяетъ одна глубокая вѣра въ „права человѣка".

Агитацію въ пользу реформы онъ началъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда ему было сорокъ лѣтъ, и неустанно продолжалъ ее въ теченіе сорока-четырехъ лѣтъ, до 1824 г., года его смерти. До сорокалѣтняго же возраста онъ политикой почти совершенно не занимался,—если не считать изданія одной или двухъ брошюръ,—служа до 1770 г. во флотѣ, а затѣмъ занимаясь въ своемъ имѣніи сельскимъ хозяйствомъ. Титулъ маіора, прилѣпившійся къ нему на всю его жизнь, онъ получилъ въ 1775 г., будучи назначенъ командиромъ мѣстной милиціи. Благодаря, однако, своему откровенному радикализму, онъ дальнѣйшаго повышенія не получилъ, а въ 1791 г., изъ-за явнаго сочувствія французской революціи и организаціи митинга для отпразднованія годовщины взятія Бастиліи, былъ совершенно отставленъ отъ военной службы.

Какъ политикъ, онъ не принадлежалъ ни къ вигамъ, ни къ торіямъ, между которыми онъ не видѣлъ разницы. Вмѣстѣ съ другими онъ полагалъ, что если между ними и есть разница, такъ это въ томъ, что торіи вѣруютъ въ божественное право королей, а виги—въ божественное право дворянства и „господъ". Какъ сынъ своего вѣка, онъ стоялъ за „естественное" право, за прирожденное каждому человѣку право на свободу. „Никакіе тонкости и извороты, никакіе аргументы, какіе только остроуміе людей можетъ придумать, — писалъ онъ въ одной изъ своихъ первыхъ брошюръ въ защиту независимости американскихъ штатовъ,—не могутъ оправдать какой бы то ни было видъ произвола, разъ мы признаемъ, что благо общества есть цѣль гражданскаго правительства. Не могутъ они оправдать и взиманіе налоговъ по усмотрѣнію монарха или правительства помимо народнаго представительства, разъ мы знаемъ, что нѣтъ собственности тамъ, гдѣ она можетъ быть отнята, частью или въ цѣломъ, безъ согласія ея владѣльца".

„Когда намъ говорятъ, что просвѣщенный народъ не послу-

шенъ, не платитъ податей и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ рискомъ для жизни и имущества противится правительству, которое онъ старается ниспровергнуть, то, въ сущности, намъ говорятъ, что этотъ народъ чувствуетъ какую-то обиду, какую-то жестокую несправедливость, потому что никогда этого не было, да и не будетъ, чтобы цѣлый народъ оказывалъ долго сопротивленіе по одному лишь капризу или недоразумѣнію".

Англійскую свободу Картрайтъ приписывалъ не Magna Charta, а гораздо болѣе древнему происхожденію, т.-е. не писанному закону, а обычному праву англичанъ, ихъ природной склонности къ свободѣ, склонности, сказавшейся еще въ сѣдой, до-исторической древности. „Я положительно отрицаю,—писалъ онъ въ той же брошюрѣ объ американской независимости,—что Magna Charta есть великая основа англійскихъ свободъ и англійской конституціи. Она, дѣйствительно, славная часть надстройки, но сама по себѣ она бы не существовала. Наоборотъ, она лишь продуктъ свободы, вырванный изъ рукъ короля, какъ формальная декларація правъ, которыя уже давно были извѣстны, какъ конституціонное наслѣдство всякаго англичанина".

Какъ и прочіе англійскіе радикалы своего времени, Картрайтъ рѣшительно отвергалъ всякія насилія, признавая лишь одну форму парламентской агитаціи. „Даже въ дѣлѣ реформъ,—писалъ онъ своему племяннику,—не слѣдуетъ прибѣгать къ безчестнымъ средствамъ, чтобы не рисковать внести больше зла, чѣмъ добра. Самое раціональное, дѣйствительное и благородное средство, это — просвѣщеніе народа въ вопросахъ государствовѣдѣнія. Разъ это просвѣщеніе достигнуто, реформа скоро послѣдуетъ... Ни одна реформа, достойная этого имени, не можетъ совершиться безъ того, чтобы ея не требовалъ общій голосъ страны. Одна партія, одна фракція—реформы не дѣлаютъ".

Выставляя парламентскую реформу необходимѣйшимъ средствомъ сохраненія въ цѣлости англійскихъ вольностей, Картрайтъ рядомъ съ этой реформой ставилъ и устройство народной милиціи вмѣсто постояннаго войска, расположеннаго въ казармахъ и оторваннаго отъ массы народной. Оружіе въ рукахъ свободныхъ людей и конституція на основѣ политической свободы суть единственныя, по его мнѣнію, средства защиты, какъ противъ внѣшнихъ, такъ и „внутреннихъ враговъ". Хартія на пергаментѣ и мечъ лежатъ у него рядомъ. Нѣтъ, пожалуй, мечъ стоитъ выше. Пусть какой-нибудь ловкій правитель похититъ и запрячетъ хартію, но разъ останется мечъ, то народъ ее опять добудетъ. Если же будетъ украденъ мечъ, тогда—прощай и хартія!

„Цѣль монарха—писалъ онъ въ 1808 г. испанскому патріоту, виконту Матерозѣ,—цѣль монарха, монополизирующаго вооруженіе народа,—та, чтобы стать господиномъ законодательства и народнаго богатства. Изъ этого богатства онъ будетъ отдѣлять наемное войско, продажныхъ царедворцевъ и другихъ прислужниковъ деспотизма, и такимъ образомъ онъ съумѣетъ заставить народъ влачить за собой свои собственныя цѣпи“.

Однако, мы здѣсь дальше не остановимся на его планѣ милиціонной службы, такъ подробно имъ изложенномъ въ его „England's Aegis“ и многихъ другихъ его брошюрахъ и книгахъ. Мы упомянули объ этомъ планѣ лишь потому, что Картрайтъ считалъ вооруженіе гражданъ безусловной потребностью всякой свободной конституціи. По его мнѣнію, какъ защита правъ, такъ и защита собственности должна исходить изъ нѣдръ общества, а не изъ отдѣленнаго отъ него класса людей, проживающаго въ казармахъ. Эту мысль ему самому пришлось примѣнить на практикѣ въ 1791 г., когда въ нѣкоторыхъ частяхъ Линкольншира земледѣльческіе рабочіе, въ отместку фермерамъ за приглашеніе дешевыхъ рабочихъ рукъ изъ Ирландіи, начали громить и жечь усадьбы. Чтобы повліять на рабочихъ, Картрайтъ издалъ и раздавалъ даромъ маленькую брошюру—„Простыя истины для простыхъ людей“—и въ то же время организовалъ ассоціацію фермеровъ для самозащиты. На митингѣ, созванномъ съ цѣлью учрежденія этой ассоціаціи, онъ между прочимъ заявилъ, что „одинъ пистолетъ и одинъ штыкъ стоятъ десятковъ косъ въ рукахъ нападающихъ преступниковъ. Если рабочіе будутъ знать, что у каждаго фермера имѣется оружіе не только для него одного, но и для нѣсколькихъ вѣрныхъ ему слугъ и друзей, и что каждый изъ нихъ готовъ поспѣшить на помощь другому по первому зову, то грабежи и насилія прекратятся быстро... Вашъ долгъ вооружаться. Этотъ долгъ повелѣвается намъ не только обычнымъ правомъ нашимъ, но и парламентскими актами. Къ сожалѣнію, послѣдніе часто забываются“.

Нечего говорить, что и Картрайтъ, несмотря на всю закономѣрность своихъ поступковъ и всю преданность конституціоннымъ дѣйствіямъ, не могъ избѣгнуть преслѣдованій въ тогдашнее реакціонное время. Ему пришлось извѣдать плоды реакціи уже на склонѣ лѣтъ—разъ въ 1813 г. и второй разъ въ 1820 г. Правда, оба раза онъ отдѣлался очень легко, почти ничѣмъ не пострадавъ, но уже одно привлеченіе къ суду за „мошенническія“ дѣйствія такого строгаго конституціоналиста, какъ Карт-

райтъ, достаточно характеризуетъ самодержавную олигархію, подъ которой тогда жила Англія.

Въ первый разъ, какъ уже сказано, Картрайтъ испыталъ на себѣ дѣйствіе реакціи въ 1813 г. Въ этомъ году и въ концѣ 1812-го, Картрайтъ, несмотря на свои 70 слишкомъ лѣтъ, обнаруживалъ чисто юношескую энергію въ пропагандѣ мысли о необходимости парламентской реформы, и въ какой-нибудь мѣсяцъ или два посѣтилъ до тридцати городовъ, собирая подписи къ петиціямъ и учреждая мѣстные комитеты реформъ. И вотъ, совершенно неожиданно, въ одномъ изъ этихъ городовъ, въ Гэддерсфильдѣ, въ то время какъ у него въ гостинницѣ собралась цѣлая компанія его почитателей и сторонниковъ, явился офицеръ въ сопровожденіи констэблей и предъявилъ буррантъ для обыска и ареста. Картрайтъ съ отобранными у него бумагами былъ доставленъ въ каретѣ къ мировому судьѣ, который, просмотрѣвъ бумаги, состоявшія главнымъ образомъ изъ черновиковъ разныхъ петицій, тотчасъ же освободилъ его. Этотъ случай какъ бы прибавилъ еще больше энергіи старому агитатору, который еще съ бо̀льшимъ воодушевленіемъ продолжалъ свой путь для организаціи петицій. Въ то же время Картрайтъ не оставилъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій и сдѣланный у него обыскъ, который онъ считалъ незаконнымъ. Получивъ отказъ въ просьбѣ о выдачѣ ему копіи варранта, на основаніи котораго обыскъ и арестъ были произведены, онъ обратился съ петиціями въ палату общинъ и лордовъ. Въ палатѣ общинъ, однако, петиція его не была принята, такъ какъ не нашлось депутата, который взялся бы представить ее. Зато ему посчастливилось въ палатѣ лордовъ, гдѣ молодой лордъ Байронъ выступилъ защитникомъ стараго реформатора.

„Милорды!—сказалъ тогда, между прочимъ, великій поэтъ:—авторъ петиціи посвятилъ свою долгую жизнь непрестанной борьбѣ за свободу подданныхъ и противъ того нежелательнаго вліянія, которое выросло и еще увеличивается, и которое должно быть сокращено. Каковы бы ни были ваши взгляды на его политическое ученіе, никто изъ васъ не сомнѣвается въ честности его намѣреній. Даже теперь, обремененный годами и сопутствующими старость слабостями, но все еще съ неослабнымъ талантомъ и непоколебимымъ мужествомъ, — онъ продолжаетъ сражаться противъ политическаго упадка, и новая рана, новое оскорбленіе, нанесенное ему, и на которое онъ жалуется, можетъ причинить ему рубецъ, но никакъ не безчестіе“.

Слова Байрона возымѣли свое дѣйствіе, и петиція была при-

нята и положена на столъ, — что собственно и „требовалось доказать“, такъ какъ петиція — не жалоба въ судъ, а лишь средство привлеченія вниманія общества и парламента къ нѣкоторымъ недостаткамъ государственнаго управленія.

Гораздо болѣе серьезнымъ оказалось дѣло, по которому привлекался Картрайтъ во второй разъ, въ 1819 г. Въ этомъ году движеніе въ пользу избирательной реформы приняло особенно бурный характеръ. Потерявъ терпѣніе ждать расширенія избирательнаго права отъ парламента, въ разныхъ мѣстахъ Англіи народъ вздумалъ осуществить это право безъ законодательной санкціи, и сталъ избирать представителей въ парламентъ общей подачей голосовъ. Первый примѣръ подалъ Бирмингамъ, который, несмотря на все свое крупное значеніе, какъ большой промышленный центръ, правомъ избранія депутатовъ не пользовался. Не желая оставаться дольше въ такомъ безправномъ состояніи, жители Бирмингама рѣшили на одномъ большомъ митингѣ, на которомъ присутствовало до 15.000 человѣкъ, выбрать своимъ „повѣреннымъ по дѣламъ законодательства“ (Legislatorial attorney) сэра Чарльза Вольслея (1769—1846). Попытка, однако, оказалась совершенно неудачной и въ концѣ-концовъ привела къ знаменитому въ исторіи Англіи избіенію на St. Peter's Field въ Манчестерѣ, извѣстному подъ именемъ „Peterloo Massacre“ (въ подражаніе Waterloo), и къ принятію парламентомъ „шести актовъ“. Самъ Вольслей, этотъ депутатъ безъ парламента, былъ преданъ суду за рѣчь въ Стокпортѣ и присужденъ, вмѣстѣ съ другимъ ораторомъ, къ тюремному заключенію на полтора года. Въ то же время былъ привлеченъ къ отвѣтственности и 80-лѣтній Картрайтъ. Послѣдній предсѣдательствовалъ въ Бирмингамѣ на выборахъ Вольслея, и поэтому противъ него, какъ и противъ четырехъ другихъ лицъ, было возбуждено обвиненіе въ „вооруженномъ заговорѣ“ противъ законнаго правительства и конституціи, въ „подстрекательствѣ толпы“ къ враждѣ и ненависти противъ тѣхъ же правительства и конституціи, „въ совершеніи незаконныхъ выборовъ“ и прочихъ преступленіяхъ самаго тяжелаго характера.

Послѣ долгихъ отсрочекъ и откладываній, вызванныхъ вопросомъ о мѣстѣ разбирательства и составѣ присяжныхъ, судъ, наконецъ, состоялся 4-го августа 1820 года. Картрайтъ рѣшилъ защищать самъ себя. Онъ объяснилъ это рѣшеніе тѣмъ, что адвокатъ по чувству долга поставитъ себѣ цѣлью оправданіе его во что бы то ни стало,—между тѣмъ, цѣлью должно быть оправданіе не лично его, Картрайта, а дѣла, за которое онъ при-

влеченъ. Свою рѣчь онъ приготовилъ заранѣе и лишь поручилъ адвокату читать ее, на что судья далъ разрѣшеніе. Это была очень длинная и въ общемъ замѣчательно составленная рѣчь, имѣвшая задачей главнымъ образомъ убѣдить присяжныхъ въ необходимости парламентской реформы и народной милиціи, при которой, конечно, такія безобразія, какъ на St. Peter's Fields, не могли бы происходить. Рѣчь его въ общемъ была изложена въ тонѣ спокойнаго изслѣдованія юридическихъ основъ конституціи и совершенныхъ имъ проступковъ, за которые онъ привлеченъ къ суду. Но мѣстами прорывались молніей вспышки оскорбленнаго чувства, и въ такихъ случаяхъ boroughmonger'амъ доставалось сильно.

„Что! — восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, обращаясь къ присяжнымъ:—Васъ хотятъ увѣрить, что то, что происходило въ Бирмингамѣ 12-го іюля прошлаго года, не законно? Что за лицемѣріе! Неужели эти 190 гигантовъ подкупа [1]) и ихъ агенты смѣютъ говорить о беззаконіи, когда рѣчь идетъ лишь о рекомендаціи въ депутаты человѣка, одобреннаго за свою честность, въ то время, когда они сами беззаконно захватили 353 мѣста въ палатѣ!"

„За управленіе дѣлами государства—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ рѣчи—взялись люди, лишенные принциповъ добродѣтели и дѣйствительно благороднаго воспитанія!"

Присяжные, однако, вынесли обвинительный приговоръ, но, опредѣляя наказаніе, судья принялъ во вниманіе возрастъ Картрайта и приговорилъ его къ штрафу въ сто фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ другіе подсудимые должны были отсидѣть отъ 9-ти до 18-ти мѣсяцевъ.

Послѣ суда и приговора Картрайтъ продолжалъ агитацію съ неменьшей энергіей, и на восемьдесятъ-четвертомъ году жизни онъ издалъ книгу („The Constitution produced and illustrated"), которая во многихъ отношеніяхъ стоитъ даже выше его прежнихъ произведеній, написанныхъ въ пору мужества и физическаго расцвѣта. Но эта книга, въ которой рѣчь идетъ о принципахъ не только конституціонныхъ, но и общаго законодательства, была его лебединою пѣснью. Послѣ выхода книги въ свѣтъ, силы его стали быстро ослабѣвать, хотя онъ все еще не оставлялъ занятій разными общественными и политическими вопросами.

Незадолго до своей смерти онъ отчеканилъ—въ количествѣ

---

[1]) Лорды и прочіе, имѣющіе право назначать въ парламентъ собственныхъ кандидатовъ.

нѣсколькихъ тысячъ—медали, на которыхъ были начертаны начала, составлявшія, по его мнѣнію, основы англійскаго государственнаго устройства въ древности. Эти начала суть: I. Правда и нравственность. II. Всенародная милиція, состоящая изъ всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе. III. Народное собраніе, ежегодно созываемое для изданія законовъ. IV. Великій и малый составъ присяжныхъ изъ народа для примѣненія законовъ—и V. Магистратъ, избираемый народомъ для цѣлей исполнительной власти.

Собственно говоря, эти начала,—если не считать ежегоднаго созыва новыхъ парламентовъ,—дѣйствуютъ въ Англіи и теперь. Всенародная милиція хотя и не замѣнила еще совсѣмъ постояннаго, такъ сказать казарменнаго войска, отчасти осуществляется въ видѣ волонтерной арміи, которая есть вполнѣ гражданская сила, готовая всегда къ защитѣ конституціонныхъ основъ. Судъ присяжныхъ не только упроченъ, но и значительно очищенъ отъ тѣхъ недостатковъ, на которые въ свое время жаловался Картрайтъ. Искусственно подтасовывать угодливый составъ присяжныхъ теперь совершенно невозможно. Исполнительная власть всецѣло зависитъ отъ избранія ея народомъ, такъ какъ все мѣстное самоуправленіе поставлено теперь въ Англіи, благодаря реформамъ 1835-го, 1889-го и 1894 гг., на чисто демократическую почву. Что же касается до „правды и нравственности", какъ стариннаго начала англійской конституціи, то если онѣ въ древности дѣйствительно лежали въ основѣ ея, тѣмъ болѣе можно это утверждать относительно настоящей эпохи.

V.

Вильямъ Коббетъ.

Сэръ Франсисъ Бардеттъ и Джонъ Картрайтъ могутъ съ полнымъ правомъ считаться вождями движенія въ пользу парламентской реформы въ первой четверти XIX-го вѣка. Такими они признавались не только историками, но и современниками. На собраніяхъ они занимали предсѣдательскія мѣста. Подъ петиціями они подписывались первыми. Резолюціи и петиціи диктовались ими же, хотя часто при содѣйствіи и по инипіативѣ людей, державшихся въ тѣни, какъ Франсисъ Плэсъ и др. Но рядомъ съ ними выступалъ и третій дѣятель, который, хотя никѣмъ не признавался вождемъ, оказывалъ огромное вліяніе на

судьбы движенія и имя котораго было еще, пожалуй, болѣе популярно, чѣмъ имена Бардетта и Картрайта. Это былъ Вильямъ Коббетъ, котораго Гейне въ своихъ „Englische Fragmente“ называетъ цѣпной собакой (Kettenhund), лающей и бросающейся на всякаго, подчасъ даже и на друга дома, и поэтому „не удостаивающейся даже кости, чтобы заткнуть ей глотку“.

Дѣйствительно, Коббетъ былъ замѣчательной сторожевой собакой Англіи, но Гейне былъ совершенно неправъ, если думалъ, что Коббета можно было подкупить. Лишенный постоянства въ своихъ отношеніяхъ съ людьми и въ своихъ взглядахъ на англійское правительство, онъ не могъ создавать себѣ крѣпкихъ политическихъ связей и сторонниковъ. Къ тому же онъ былъ крайне невоздержанъ и рѣзокъ въ своей полемикѣ, беззаботенъ насчетъ денежныхъ обязательствъ и очень непослѣдователенъ въ своихъ политическихъ теоріяхъ, ухитряясь въ одно и то же время быть радикаломъ по однимъ вопросамъ и консерваторомъ по другимъ, почему не могъ снискать себѣ то всеобщее уваженіе и любовь, которыми пользовался безспорно Картрайтъ и, въ нѣкоторой степени, Бардеттъ. Но, будучи неизмѣримо выше ихъ по талантливости, онъ съумѣлъ заставить тогдашнее англійское общество если не уважать его, то прислушиваться къ его голосу, который свыше тридцати-трехъ лѣтъ почти безъ всякаго перерыва раздавался со страницъ издававшагося имъ съ 1802-го года еженедѣльнаго „Political Register“. Это, несомнѣнно, былъ самый искренній радикалъ, который часто противорѣчилъ своему радикализму лишь по недостаточной вдумчивости въ жизненныя явленія, по невѣжеству и ложнымъ представленіямъ. Онъ окончательно перешелъ на сторону оппозиціи, отвергавшей какъ торіевъ, такъ и виговъ, лишь въ 1805 г., хотя уже и до этого на страницахъ его органа временами выпускаются острыя стрѣлы не только противъ виговъ, которыхъ онъ никогда не любилъ, но даже противъ бывшаго его кумира Питта и противъ всего торійскаго кабинета Аддингтона (извѣстнаго потомъ какъ лордъ Сидмоутсъ), а затѣмъ и второго кабинета Питта. Однако, только въ 1805 году его оппозиція окончательно формируется не въ видѣ нападокъ на того или другого министра, на ту или другую партію, а на систему управленія въ ея цѣломъ, и онъ выступаетъ съ требованіями широкихъ и коренныхъ реформъ, которыя только однѣ и могли устранить существовавшіе тогда недостатки и прорѣхи въ государственномъ строѣ Англіи.

Коббета обыкновенно обвиняютъ въ томъ, что, начавъ свою

литературную карьеру, какъ яркій торій, какъ мужественный защитникъ трона, церкви и „небесно-рожденнаго“ Питта, онъ вдругъ повернулъ въ сторону радикализма и съ еще большей силой сталъ разбивать прежніе свои идолы. Конечно, если бы это даже была правда, то и тогда ничего дурного его перемѣна фронта не представляла бы. Перемѣна въ убѣжденіяхъ сама по себѣ ничего предосудительнаго въ себѣ не содержитъ. Мѣняется опытъ, мѣняются обстоятельства и отсюда естественна перемѣна и во взглядахъ на жизнь и людей. Противна и гнусна перемѣна, когда ею руководитъ не внутреннее убѣжденіе, а корысть, желаніе подслуживаться, пріобрѣтать капиталы, друзей или славу. Но именно этого-то характера повороты Коббета вовсе не имѣли. Онъ былъ всегда чрезвычайно независимъ, какъ истинный талантъ, какъ орелъ слова. Когда, по возвращеніи изъ Америки въ 1800 г., окруженный славой защитника Англіи, Коббетъ получилъ выгодное предложеніе отъ благосклоннаго тогда къ нему правительства, считавшаго его „своимъ человѣкомъ“, онъ гордо отвѣтилъ словами голоднаго волка изъ басни, котораго собака прельщаетъ сладкимъ житьемъ въ конурѣ на цѣпи: „Нѣтъ, предпочитаю тощій желудокъ и шею безъ слѣда ошейника“.

Но въ отношеніи Коббета нельзя даже говорить и о перемѣнѣ убѣжденій,—несмотря на очевидныя разногласія въ его писаніяхъ. Это была не перемѣна, а расширеніе взглядовъ. Родившись въ бѣдной крестьянской семьѣ, онъ въ первые два, три десятка лѣтъ имѣлъ очень мало возможностей для полнаго политическаго развитія, и лишь природныя выдающіяся дарованія, огромная энергія и трудолюбіе выдвинули его въ первые ряды англійской интеллигенціи первой четверти XIX-го вѣка. Молодымъ человѣкомъ 21-го или 22-хъ лѣтъ онъ поступилъ, въ 1784 г., въ армію, и, казалось, здѣсь онъ долженъ былъ пропасть, въ этой грубой и пьяной компаніи солдатъ, которые вербовались главнымъ образомъ изъ подонковъ общества. Но, именно будучи въ арміи и пользуясь свободнымъ временемъ и сравнительно комфортабельной и спокойной жизнью, онъ занялся самообразованіемъ и выработалъ себѣ литературной слогъ, который по сжатости, силѣ и образности часто поднимается до уровня стиля Карлейля, съ его непревзойденной по блеску, живости и сжатости англійской прозой. Свою военную службу онъ провелъ почти все время въ Канадѣ, и здѣсь, повидимому, политическіе вопросы его меньше интересовали, чѣмъ чисто полковые и военные, и если онъ видѣлъ что-нибудь дурное во-

кругъ себя, то лишь въ кражахъ и мошенничествахъ интендантскихъ чиновъ. Первымъ дѣломъ его по выходѣ изъ полка и по возвращеніи въ Англію было — написать министру докладъ о замѣченныхъ имъ неблаговидныхъ поступкахъ и хищеніяхъ нѣкоторыхъ офицеровъ своего полка и требовать слѣдствія и суда. Когда, однако, судъ былъ назначенъ, Коббетъ предпочелъ не явиться и бѣжалъ во Францію. По характеру онъ вообще не принадлежалъ къ великомученикамъ, готовымъ страдать за идею. Очевидно, онъ не былъ увѣренъ, что ему удастся на судѣ доказать основательность своихъ обвиненій; а не доказать ихъ значило быть самому обвиненнымъ и наказаннымъ за клевету.

Какъ бы то ни было,—поживъ нѣкоторое время во Франціи, Коббетъ переселился въ Америку, гдѣ прожилъ съ 1792-го по 1800-й годъ. Здѣсь онъ быстро составилъ себѣ имя, какъ талантливѣйшаго писателя и сторонника торійской партіи въ Англіи. Издали его родина ему казалась лучшей страной въ мірѣ, съ самой совершенной конституціей и съ наиболѣе талантливымъ правительствомъ во главѣ, и онъ съ безпощадной рѣзкостью нападалъ на всякаго, осмѣливавшагося критиковать и поносить Англію. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ тогда судилъ объ Англіи на основаніи предразсудковъ, впитанныхъ имъ въ дѣтствѣ и въ арміи, вдали отъ родины, не давая себѣ труда самостоятельно вдумываться въ совершавшіяся тогда событія и изучить состояніе страны. Лишь возвратившись на родину и окончательно поселившись въ ней, онъ началъ прозрѣвать. Глаза его раскрылись, и онъ наконецъ понялъ, что этотъ самый Питтъ, котораго онъ такъ восхвалялъ, въ сущности для народа дѣлаетъ очень мало, но зато кругомъ него питается цѣлая орава „сторонниковъ“, въ то время какъ національный долгъ ростетъ и податная тяжесть ложится на народъ все болѣе угнетающимъ бременемъ. Конституція, которою онъ такъ восторгался изъ прекраснаго далека, создала лишь парламентъ, въ которомъ господствуетъ и правитъ толпа — какъ онъ потомъ писалъ — „биржевыхъ дѣльцовъ, устроителей государственныхъ займовъ, искателей синекуръ и пенсій, придворныхъ льстецовъ, подрядчиковъ и продажныхъ лордовъ“, и эта толпа именуетъ себя „англійскимъ народомъ“. Тронъ, передъ которымъ онъ въ отдаленности такъ благоговѣлъ и преклонялся, при болѣе близкомъ разсмотрѣніи оказался занятымъ очень ограниченнымъ, невѣжественнымъ и упрямымъ старикомъ, выжившимъ изъ ума, а принцъ Уэльскій, будущій его преемникъ (Георгъ IV), проводилъ дни въ распутствѣ, безпросыпномъ пьянствѣ и картежничествѣ.

Въ то же время на глаза ему попадались и такія газетныя объявленія, которыя открыто свидѣтельствовали о полномъ упадкѣ политической чести и народнаго представительства: „Богатый и почтенный господинъ можетъ узнать о мѣстечкѣ (a borough) у такого-то“. Слѣдуетъ адресъ. Это означало, что лицо или группа лицъ, распоряжающихся представительствомъ какого-то „гнилого мѣстечка“, готовы продать мѣсто въ парламентѣ желающему купить его.

Не удивительно, что Коббетъ, этотъ защитникъ трона и церкви, сталъ вдругъ смотрѣть иными глазами на свою Англію и на политику виговъ и торіевъ. „Пусть политики пугаютъ насъ революціей, а служители церкви — адомъ,—писалъ онъ въ 1807 г. въ „Political Register“,—но если кто-либо можетъ найти нѣчто болѣе позорное и болѣе достойное проклятія, чѣмъ содержаніе такого рода объявленій, то умоляю его скорѣе указать мнѣ на это. Въ однѣхъ лондонскихъ газетахъ я прочелъ 57 такихъ объявленій. Есть ли во всей всемірной исторіи примѣръ такого національнаго паденія?“

Но Коббетъ, какъ и другіе современные ему англійскіе радикалы, все же считалъ, что виновата тутъ не англійская конституція, которую они всѣ считали совершенной, а нарушенія, вошедшія въ обычай и занявшія мѣсто настоящей конституціи (the real constitution). Въ этой вѣрѣ даже самыхъ крайнихъ англійскихъ радикаловъ начала XIX-го вѣка въ свою конституцію было нѣчто трогательное и даже наивное. Даже въ 1817 г., когда борьба за парламентскую реформу возгорѣлась особенно сильно, Коббетъ писалъ: „Говорю въ 1001-й разъ, мы *ничего новаго* (курсивъ подлинника) не хотимъ. Мы требуемъ лишь законовъ Англіи. Никакихъ новшествъ. Мы не желаемъ уничтожить королей, дворянъ или церковь. Мы требуемъ законовъ Англіи, и *законы Англіи мы получимъ*“.

Въ его „Political Register“ за 1820 годъ мы находимъ слѣдующее изложеніе его принциповъ:

„Считаю, — писалъ онъ, — что нашъ долгъ дѣлать все возможное для поддержанія правительства изъ короля, лордовъ и общинъ. Насчетъ религіи всякій долженъ быть свободенъ исповѣдывать и высказывать любое мнѣніе, и преслѣдованіе изъ-за религіозныхъ мнѣній считаю самымъ худшимъ и зловреднымъ дѣломъ. Никто не долженъ быть обложенъ платежами безъ его согласія и только на основаніи закона страны. Выборы должны быть свободны... Дѣла государственныя должны вершаться такимъ образомъ, чтобы всякій трезвый, трудолюбивый и здоро-

вый человѣкъ могъ на свой заработокъ прилично и комфортабельно содержать себя и семью... Бѣдствія нашей страны истекаютъ отъ податной тяжести... Національный долгъ и другіе заранѣе предрѣшенные расходы (fixed expenses) закрѣпляютъ за собою трудъ всякаго мужчины, женщины и ребенка... Если не произойдетъ вскорѣ большая перемѣна, то народъ ослабнетъ, сдѣлается презрѣннымъ и обратится въ рабство, а его капиталы обогатятъ и усилятъ лишь соперничающія съ нимъ націи".

Считая почему-то важнымъ для Англіи „поддерживать правительство изъ короля, лордовъ и общинъ", Коббетъ въ то же время самымъ дѣятельнымъ образомъ внушалъ читателямъ изъ рабочихъ мысль о томъ, что они одни суть соль земли, что ихъ руками, ихъ трудами и силой, создалось все матеріальное богатство и политическое могущество страны, и среди его писаній наибольшую агитаціонную извѣстность получило именно „Посланіе къ ремесленникамъ и рабочимъ", напечатанное въ „Political Register" въ ноябрѣ 1816-го года. Въ этомъ посланіи Коббетъ прямѣе и яснѣе, чѣмъ когда-либо раньше, сводитъ всѣ экономическія бѣдствія рабочихъ къ излишнимъ платежамъ въ пользу государства, кровь котораго высасывается пенсіями, синекурами, подрядчиками, дворцовыми расходами, процентщиками, хищеніями и казнокрадствомъ. „Что же было причиною всего этого бремени налоговъ?"—спрашиваетъ онъ тутъ же, и отвѣчаетъ: „Необходимо немного отступить назадъ въ исторію, и тогда вы сейчасъ же увидите, что это нестерпимое бремя произошло отъ недостатка парламентской реформы".

Правительство находится въ рукахъ маленькой группы лицъ, дѣйствующей въ своихъ интересахъ. Если же представительство въ парламентѣ будетъ болѣе широкое, тогда и правительство будетъ въ рукахъ болѣе широкихъ слоевъ народа, и, слѣдовательно, будутъ соблюдены и болѣе широкіе народные интересы, — разсуждалъ онъ. Видя средство къ поднятію экономическаго положенія рабочихъ единственно въ парламентской реформѣ, онъ энергично протестовалъ противъ всякихъ насилій, совершавшихся тогда рабочими, такъ-называемыми „лёдитами" (по имени рабочаго Lud), ломавшими новыя машины. И если судить по сохранившимся отзывамъ его современниковъ, увѣщанія Коббета сыграли огромную успокаивающую роль.

„Въ это время (дѣло идетъ о 1816 г.),—пишетъ Бамфордъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „Passages in the Life of a Radical",—писанія Вильяма Коббета получили сразу огромный автори-

тетъ. Ихъ читали почти въ каждомъ коттэджѣ въ промышленныхъ округахъ Ланкашира, Лейстера, Дэрби и Ноттингама, а также и въ промышленныхъ городахъ Шотландіи. Ихъ вліяніе было для всѣхъ сразу ощутительно. Онъ указалъ читателямъ на настоящую причину ихъ страданій—на плохое правительство, и на лучшее лекарство—на парламентскую реформу. Безпорядки вскорѣ сдѣлались рѣже, и съ тѣхъ поръ никогда больше не пользовались такимъ сочувствіемъ у рабочихъ классовъ, какъ въ прежніе годы. Вмѣсто безпорядковъ и уничтоженія собственности, въ городахъ и деревняхъ стали возникать клубы имени Гемпдэна. Сочиненія Коббета распространялись дешевыми изданіями; рабочіе читали ихъ, и начали дѣйствовать обдуманно и систематически".

Весьма возможно, что Бамфордъ излишне преувеличиваетъ значеніе Коббета, какъ учителя рабочихъ классовъ, но оно во всякомъ случаѣ было немалымъ. Несмотря, однако, на это успокоительное значеніе сочиненій Коббета, ему пришлось, въ 1817 г., бѣжать въ Америку отъ преслѣдованій правительства. Въ этомъ году парламентъ принялъ свои знаменитые „шесть актовъ", сильно ограничившихъ свободу собраній и слова, и Коббетъ, хотя еще ничего дурного не совершилъ, предвидѣлъ возможность придирокъ и преслѣдованій въ будущемъ, и предпочелъ писать изъ безопаснаго убѣжища. Правда, враги его, не безъ серьезнаго основанія, говорили, что онъ бѣжалъ не отъ политическихъ преслѣдованій, которыя вовсе не грозили ему, а отъ кредиторовъ, которые сдѣлались очень назойливы. Во всякомъ случаѣ, его „Political Register" продолжалъ выходить подъ наблюденіемъ его сына, а черезъ два года онъ и самъ вернулся изъ своего добровольнаго изгнанія, захвативъ съ собою изъ Америки кости Томаса Пэна.

Трудно сказать, зачѣмъ ему понадобились эти кости. Было ли это дѣйствительное желаніе воздать должное останкамъ человѣка, котораго при жизни онъ называлъ „Сумасшедшимъ Томомъ", „величайшимъ позоромъ человѣчества" и тому подобными ругательными словами, или же это было желаніе личной рекламы, а можетъ быть и наживы, такъ какъ онъ намѣревался собирать деньги на національный памятникъ. Лордъ Байронъ по этому поводу написалъ слѣдующую эпиграмму:

Томъ Пэнъ! Тревожа ваши кости,
Коббетъ былъ правъ, какъ говорятъ:
Вы здѣсь къ нему явились въ гости,
А онъ зайдетъ къ вамъ послѣ въ адъ.

Участь этихъ костей, въ свое время возбудившихъ противъ Коббета столько сарказма, кстати сказать, была довольно печальна. Что сталось съ этими костями и куда онѣ дѣлись—такъ и осталось неизвѣстнымъ. Въ 1836 г., спустя мѣсяцевъ шесть послѣ смерти Коббета, онѣ попали въ руки аукціониста вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ умершаго, предназначавшимся для уплаты долговъ. Кости, однако, въ продажу пущены не были, и онѣ оставались до 1844 г. въ конторѣ администраціи по дѣламъ банкротствъ. Въ 1844 г. ихъ передали какому-то Тилли, очевидно, какъ подарокъ, а что сдѣлалъ съ ними Тилли—исторія умалчиваетъ.

Бѣгство Коббета въ Америку, перетаскиванье имъ съ мѣста на мѣсто костей Пэна и, наконецъ, его некрасивый процессъ съ его секретаремъ Райтомъ, случившійся тоже около того же времени, значительно уронили репутацію его въ глазахъ его многочисленныхъ читателей, и политическое его вліяніе упало. Онъ какъ бы и самъ сознавалъ это, и въ десятилѣтіе 1821—1830 гг. посвятилъ себя больше историческимъ, сельскохозяйственнымъ и прочимъ вопросамъ, чѣмъ политикѣ. При этомъ онъ обнаружилъ изумительныя для его возраста (между 60-ью и 70-ью годами) трудолюбіе, плодовитость и талантливость. Въ нашу задачу не входитъ перечень всѣхъ работъ Коббета или разборъ ихъ. Достаточно сказать, что онъ въ этотъ періодъ времени издалъ „Исторію реформаціи въ Англіи и Ирландіи", „Руководство къ сельскому хозяйству", „Совѣты молодымъ людямъ", „Описаніе поѣздокъ по деревнямъ" (Rural Rides), „Англійскій садоводъ", грамматику французскаго языка и другія работы, большей или меньшей цѣнности.

Между тѣмъ, его „Political Register" со статьями политическаго характера не переставалъ выходить; борьба за парламентскую реформу не была окончательно отложена въ сторону, и въ концѣ 20-хъ годовъ XIX-го вѣка мы его видимъ опять горячимъ бойцомъ въ первыхъ рядахъ оппозиціи. Онъ даже пробовалъ выставить свою кандидатуру въ парламентъ, но безуспѣшно. Однако, давно желанный берегъ близился. Страна рѣшила разъ навсегда, что она должна имѣть реформу, и она ее получила, и старый агитаторъ дожилъ до того, что самъ же былъ избранъ отъ города Ольдгама въ первый реформированный парламентъ, въ которомъ онъ и занималъ мѣсто послѣдніе три года своей жизни, отъ 1832 по 1835 годъ.

Коббетъ былъ послѣднимъ писателемъ, котораго правительство вздумало привлечь къ отвѣтственности за статью, „возбу-

ждающую населеніе противъ правительства". Это было въ 1831 г., въ разгаръ борьбы за парламентскую реформу. Вспыхнувшіе тогда аграрные безпорядки вызвали со стороны Коббета статью, въ которой онъ объяснялъ ихъ справедливой местью земледѣльческихъ рабочихъ за попираніе ихъ политическихъ правъ. Министерство лорда Грея увидѣло въ этомъ объясненіи угрозу и подстрекательство къ безпорядкамъ, и привлекло автора къ отвѣтственности. Но присяжные не могли придти къ единодушному рѣшенію, обязательному въ англійскомъ судѣ, и правительство поспѣшило взять обратно обвиненіе.

Очевидно, общественное мнѣніе въ Англіи въ пользу свободы печати сдѣлало за 21-лѣтній періодъ, съ 1810 г., огромный прогрессъ. Въ 1810 году этотъ самый Коббетъ, за статью не болѣе „опасную", чѣмъ въ 1831 г., былъ осужденъ присяжными послѣ пяти-минутнаго совѣщанія и приговоренъ къ двумъ годамъ заключенія и къ тысячѣ фунтовъ стерлинговъ штрафа.

Имя Коббета связано съ замѣчательно полезными литературно-издательскими начинаніями. Въ 1803 году онъ началъ издавать „Сборникъ парламентскихъ дебатовъ", перешедшій, въ 1812 г., въ другія руки. Подъ его же редакціей начало выходить—подъ названіемъ: „Парламентская исторія Англіи отъ норманскаго нашествія въ 1066 г. до 1803 г."—собраніе всѣхъ сохранившихся въ печати или письменныхъ документахъ парламентскихъ рѣчей, резолюцій и инцидентовъ. Эта работа была закончена въ 1820 г., и въ цѣломъ составляетъ 36 большихъ томовъ. По его же иниціативѣ издано и собраніе судебныхъ процессовъ общественно-политическаго характера, начиная съ процесса противъ Ѳомы Бекета, архіепископа кентерберійскаго, въ царствованіе Генриха II-го, т. е. почти за 800 лѣтъ.

Слава Коббета покоится, однако, главнымъ образомъ не на этихъ издательскихъ предпріятіяхъ и не на другихъ его историческихъ и прочихъ литературныхъ работахъ, а на его дѣятельной борьбѣ въ пользу парламентской реформы.

Перечень „радикаловъ", стоявшихъ во главѣ этой борьбы, не исчерпывается, конечно, именами Коббета, Бардетта и Картрайта; но эти три дѣятеля были, несомнѣнно, самыми типическими представителями тогдашняго освободительнаго движенія въ Англіи.

С. И. Рапопортъ.

ИЗЪ ОДНОГО ПИСЬМА

Вы говорили мнѣ, что я совсѣмъ отстала;
Что я на жизнь смотрю сквозь призму прошлыхъ лѣтъ;
Что въ жизни нѣтъ добра; что зло всему начало;
Что я въ моихъ мечтахъ немного запоздала;
Что дѣлать можно все; что преступленья нѣтъ!..
И повѣсть новыхъ дней и „новаго искусства"
Такъ гордо развивать вы стали предо мной,—
И я увидѣла: погасли ваши чувства,
И чувственность одна у васъ въ душѣ больной...
Но вотъ—я къ вамъ пишу въ вашъ омутъ безнадежный,
Откуда никому васъ больше не спасти...
О, мой погибшій другъ! такой же грустной, „нѣжной"
Безъ васъ мнѣ суждено одной теперь брести.
Пусть одинока я, пускай кругомъ пустыня
Для свѣтлыхъ чувствъ моихъ, для сновъ моей души,—
Негаснущимъ огнемъ горитъ моя святыня,
И я молюся ей и вѣрую въ тиши.
Святыня эта—цѣль и смыслъ существованья,
Святыня эта—Богъ, дающій миръ, и свѣтъ,
Богъ, посылающій на землю къ намъ мечтанья,
Чтобъ мы очистились отъ всѣхъ земныхъ суетъ.
Тамъ, гдѣ жива любовь—тамъ похоть не возможна;
Гдѣ похоть—нѣтъ любви, а только страсти бредъ...
Заблудшій, бѣдный другъ!—ученье ваше ложно:
Гдѣ зло, тамъ Бога нѣтъ!

Д. Ратгаузъ.

ПЕКИНЪ
ЗИМОЮ

ОЧЕРКЪ.

Житье въ Пекинѣ, какъ и повсюду, имѣетъ свои дурныя и хорошія стороны. Къ дурнымъ сторонамъ жизни въ Пекинѣ надо отнести, конечно, и оторванность отъ родины вслѣдствіе дальности разстоянія: письма и газеты приходятъ къ намъ съ легкой почтой, чрезъ Монголію, на 30-й день, а если изъ почтовой конторы въ Троицкосавскѣ письма и газеты будутъ отправлены тяжелой почтой на верблюдахъ, то мы получимъ ихъ черезъ три мѣсяца; невозможность удовлетворять запросы духовной жизни, вслѣдствіе отсутствія въ Пекинѣ библіотекъ, театра, музыки; тягость климатическихъ и туземныхъ мѣстныхъ бытовыхъ условій жизни для непривычныхъ къ нимъ европейцевъ, и, наконецъ, для насъ, русскихъ, самая тягостная сторона жизни заключается въ нашей разрозненности и отсутствіи какихъ бы то ни было духовно-связующихъ общихъ интересовъ.

Русская жизнь въ Пекинѣ есть капля, выхваченная случайно изъ общерусской жизни, отражающая въ себѣ ярко только ея дурныя стороны, которымъ дается широкій просторъ въ Пекинѣ.

Содержимое этой общерусской капли чрезвычайно измѣнчиво и случайно, вслѣдствіе постоянныхъ перемѣщеній и замѣщеній однихъ членовъ русской колоніи другими. Что касается до хорошихъ сторонъ жизни въ Пекинѣ, то къ нимъ прежде всего слѣдуетъ отнести международность жизни.

Передъ глазами внимательнаго наблюдателя здѣсь проходитъ

бытовая жизнь каждой европейской народности, представляющая много и общихъ чертъ, но много и своеобразно отличительныхъ.

Международность жизни даетъ возможность присматриваться на близкомъ разстояніи къ разноплеменнымъ группамъ, сравнивать ихъ, наблюдать и дѣлать выводы о степени ихъ культурности и общественности.

Благодаря такой международности, жизнь въ Пекинѣ отличается чрезвычайной подвижностью: постоянная смѣна людей вноситъ въ жизнь постоянную смѣну живыхъ впечатлѣній, что поддерживаетъ, несмотря на многія тяжелыя лишенія, постоянный живой интересъ.

Жить, не имѣя ни къ чему никакого интереса, въ Пекинѣ невозможно. Интересомъ для многихъ является, какъ отдыхъ послѣ обязательной служебной работы, или спортъ: fox hunt, papper hunt, foot-ball (главными участниками этого спорта являются англичане и американцы); или посѣщенія международнаго клуба, въ которомъ устраивается катокъ для любителей кататься, шахматные турниры, турниры на билліардѣ, а также и танцовальные вечера (cinderella).

Очень немногіе изъ европейцевъ находятъ для себя интересъ въ ознакомленіи и изученіи китайской уличной жизни. Эти люди, равнодушные ко всякому спорту, все свое свободное время проводятъ въ хожденіи по всѣмъ закоулкамъ Пекина, въ посѣщеніяхъ китайскихъ ресторановъ, чайныхъ домовъ, ярмарокъ, лавокъ, магазиновъ и т. п. Наконецъ, здѣсь есть очень многочисленный кругъ лицъ, для которыхъ интересомъ жизни являются карты.

Пекинъ, благодаря своей международной подвижности и благодаря рѣзкимъ перемѣнамъ климатическихъ условій, въ разное время года бываетъ чрезвычайно разнообразенъ. Пекинъ зимой рѣзко отличается отъ Пекина лѣтомъ, равно какъ Пекинъ весной—совершенно иной, нежели Пекинъ осенью.

И каждый изъ нихъ имѣетъ своеобразный интересъ.

Начало каждаго времени года опредѣляется для китайцевъ въ ежегодно издаваемомъ при астрономическомъ приказѣ въ Пекинѣ полномъ народномъ календарѣ.

И какъ бы ни былъ тепелъ первый день зимы, или холоденъ первый день лѣта, но китайцы обязательно въ первомъ случаѣ надѣнутъ зимнюю одежду, простеганную ватой, а во второмъ—смѣнятъ ее на соотвѣтственную лѣтнюю.

Народный календарь въ жизни китайцевъ играетъ видную роль распорядителя, которому всѣ подчиняются.

Въ полномъ народномъ календарѣ опредѣлена вся бытовая

жизнь китайца, указаны всѣ счастливые и несчастливые въ году дни на всякій случай обихода его жизни, будетъ ли это постройка дома, продажа и купля, поѣздка по дѣламъ, поступленіе на службу или вступленіе въ бракъ, принесеніе благодарственной божеству жертвы и т. п.

И до извѣстной степени надо отдать справедливость китайскому календарю: онъ не всегда вретъ.

Наблюдательность относительно климатическихъ и атмосферическихъ явленій, вѣками накоплявшаяся въ астрономическомъ приказѣ, даетъ возможность дѣлать не мало правильныхъ указаній и интересныхъ примѣтъ...

Насколько ранняя и средняя осень въ Пекинѣ пріятны своею равномѣрностью, отсутствіемъ вѣтровъ, рѣзкихъ колебаній температуры между утромъ и полуднемъ, между полуднемъ и вечеромъ, а также постоянно яснымъ, голубымъ небомъ,—настолько непріятна первая часть зимы съ ея рѣзкими колебаніями и измѣнчивостью температуры. Эту атмосферную измѣнчивость европейцы переносятъ тяжело и, не приноровившись къ мѣстнымъ условіямъ климата въ своей одеждѣ, постоянно простуживаются и болѣютъ. Ноябрь и декабрь мѣсяцы, вообще непостоянные по погодѣ, особенно были измѣнчивы за время зимы 1906—7 года.

Почти весь мѣсяцъ ноябрь былъ сырой и пасмурный, съ частыми, хотя не сильными и не продолжительными туманами, но зато съ частыми вѣтрами и рѣдкими ясными солнечными днями.

Отсутствіе тепла и солнца, отсутствіе ласкающаго нѣжно-голубого неба, закрытаго хмурыми сѣрыми облаками, особенно тяжело чувствуется европейцами.

Пекинская сырость и хмурость, своеобразная, какъ и все здѣсь въ Китаѣ, пронизываютъ до костей и чувствуются въ новопостроенныхъ домахъ, не приноровленныхъ европейскими архитекторами къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, гораздо сильнѣе, нежели на воздухѣ. Въ сырые дни большая часть нервнаго европейскаго населенія клянетъ Пекинъ, собирается при первой же возможности покинуть его, обѣщаясь никогда болѣе не возвращаться. Но только въ воздухѣ посвѣжѣетъ, только небо очистится и засинѣетъ, только засіяетъ солнце и начнетъ согрѣвать природу и людей своими горячими лучами, какъ тотчасъ же исчезаетъ и тоска, и хандра.

Для насъ, русскихъ, является прямо-таки праздничное настроеніе, когда въ воздухѣ „запахнетъ снѣжкомъ", когда за-

свѣжѣетъ и посыплетъ ровный и спорый снѣжокъ, который хоть въ мечтахъ, хоть на время, прикроетъ всю неуютность бытовой нашей жизни и унесетъ насъ хоть въ мысляхъ, на коврѣ-самолетѣ, на далекую снѣжную родную равнину, въ далекій, покрытый снѣжными хлопьями, молчаливый лѣсъ. Атмосферныя измѣненія въ теченіе ноября мѣсяца въ Пекинѣ можно подвести подъ слѣдующіе главные три типа. Съ утра небо хмурое, рветъ и мечетъ вѣтеръ, поднимая тучи пыли и кружа его въ воздухѣ вмѣстѣ съ сухими листьями. Послѣ полудня вѣтеръ стихаетъ, облака расходятся, открывается ясное голубое небо, на которомъ вечеромъ зажигаются милліарды яркихъ звѣздъ, льющихъ на землю свой мерцающій свѣтъ съ синяго небеснаго свода.

Или, что бываетъ чаще, съ утра стоитъ тихая хорошая погода, небо хотя и облачно, но повсюду видны голубыя пространства. Солнце свѣтитъ. Послѣ полудня вдругъ срывается вѣтеръ, достигающій часто силы бури и реветъ до захода солнца, когда такъ же почти мгновенно буря прекращается и водворяется въ природѣ чудная вечерняя тишина. Или стоятъ тихіе, но хмурые, сырые дни, когда все небо закрыто сѣрой густой пеленой, когда всѣ ёжатся, жалуются, что имъ—„какъ-то не по себѣ", „неможется". Иногда, однако, выдаются тихіе, ясные солнечные дни.

Въ дни сухіе и вѣтряные развивается сильная сухость воздуха, которая также дѣйствуетъ гнетуще на психику нервныхъ людей, вызывая иной разъ сильные приступы нервнаго сердцебіенія, нервнаго удушья, безсонницу, нервную раздражительность.

Сухость воздуха у всѣхъ почти отзывается на кожѣ рукъ. Кожа сохнетъ, становится шершавой, шелушится; нерѣдко даже появляются изъязвленія.

Въ теченіе многихъ лѣтъ, я аккуратно записывалъ ежедневно три раза температуру воздуха, высчитывая затѣмъ ежемѣсячно среднюю температуру. Ноябрь мѣсяцъ 1906 года далъ слѣдующую среднюю температуру: въ 9 часовъ утра—0,5 R., въ полдень $+2,8^0$ R. и въ 9 часовъ вечера $+0,3^0$ R.

Первый небольшой снѣгъ выпалъ въ ночь на 6-е ноября послѣ пасмурнаго, но теплаго дня наканунѣ. Такое раннее выпаденіе снѣга—явленіе рѣдкое въ ноябрѣ. Въ половинѣ ноября принадлежащіе Пекину каналы покрылись уже прочнымъ сравнительно льдомъ, и веселье зимы—катанье на льду, на конькахъ и китайскихъ саняхъ—стало привлекать и китайцевъ, и европейцевъ...

Что касается до проявленій китайской жизни въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, то можно сказать одно: твердыми, но не-

торопливыми шагами Китай идетъ впередъ по пути государственнаго переустройства и развитія общественной жизни.

Въ этомъ неуклонномъ движеніи впередъ видѣлась и чувствовалась могучая поступь увѣреннаго въ себѣ и обладающаго вѣковою жизненностью государственнаго организма, умудреннаго опытомъ пережитыхъ тысячелѣтій, мѣняющаго направленіе своей жизни не по капризу случая, не скачками неуравновѣшеннаго юнаго темперамента, а по зрѣлому обсужденію и признанію неотложной необходимостью взять другую дорогу жизни.

И европейцевъ въ Китаѣ поражаетъ это вдумчивое государственное строительство, въ которомъ не упущена изъ виду ни одна сторона жизни, но всѣ части государственнаго строя обновляются и улучшаются вмѣстѣ, слѣдуя одна за другой въ строго обдуманномъ постепенномъ порядкѣ.

Только наблюдая эту кропотливую, неустанную, строго обдумываемую работу переустройства китайскаго государства, приходишь къ убѣжденію, что только могучій и живучій народъ способенъ совершить такое переустройство безъ народныхъ междоусобій, безъ ненависти и кровавыхъ внутреннихъ потрясеній, вызываемыхъ самими же дѣятелями, толкающими народъ въ самоуправство, въ самосудъ, въ самоистребленіе...

Въ дѣлѣ своего государственнаго переустройства Китай являетъ собой образецъ стихійной силы, но силы разумной, спокойно перерабатывающей встрѣчаемыя на пути препятствія. Наблюдая могучую работу Китая надъ своимъ обновленіемъ, я ни на минуту не сомнѣваюсь, что будущее Дальняго Востока принадлежитъ не Японіи, не Европѣ, но пережившему вѣка и на новые вѣка сохранившему жизненную энергію Китаю.

Учрежденныя новыя китайскія министерства имѣютъ еще у себя старыхъ министровъ, но и эти стародумные сановники безповоротно уже признали надъ собою власть новаго пути, по которому ихъ влечетъ новая жизнь.

Эти стародумные китайцы-сановники идутъ не противъ необходимаго обновленія, но идутъ противъ быстрой ломки всѣхъ старыхъ устоевъ, изъ которыхъ—справедливо говорятъ они—не всѣ плохи, равно какъ и нововведенія не всѣ хороши; во всемъ необходима серьезная и вдумчивая оцѣнка возможныхъ улучшеній.

Китай въ настоящемъ сталъ уже проявлять свою самостоятельность и независимость не только въ отношеніи Европы, но и въ отношеніи Японіи. Европейцы все болѣе и болѣе теряютъ свои привилегіи обогащаться за счетъ Китая и устраняются

отъ полученія правъ на разработку природныхъ богатствъ, на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, на особое свое привилегированное положеніе надъ китайскимъ народомъ, которое было такъ прочно еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Но, устраняя господство у себя европейцевъ, Китай не признаетъ надъ собой и господства японцевъ...

Новыя министерства дѣятельно работаютъ, и работа ихъ, особенно военнаго министерства и народнаго просвѣщенія, дала много положительныхъ результатовъ. Разумно и широко проводится борьба съ куреніемъ опіума, на прочную почву ставится борьба съ пиратствомъ на рѣкахъ и разбойничествомъ на сушѣ, бывшими еще не такъ давно организованными и сильными.

Въ китайскомъ народѣ одновременно съ новыми реформами получили широкое развитіе, широкое распространеніе и національныя чувства и стремленія.

Китайскій патріотизмъ все громче и громче взываетъ къ освобожденію отъ чуждой ему манчжурской династіи.

Дѣятельность тайныхъ противо-правительственныхъ обществъ все расширяется, и антидинастическое революціонное движеніе все захватываетъ бо̀льшія и бо̀льшія пространства...

Обращаясь къ общественной жизни европейскаго общества, можно установить фактъ, что въ началѣ зимы европейская жизнь вообще проявляется слабо. Это объясняется тѣмъ, что въ теченіе лѣта происходитъ наибольшая смѣна людей. Съ началомъ весны обычно совершается отъѣздъ изъ Пекина въ Европу, и къ началу осени совершается пріѣздъ. Вслѣдствіе этого обмѣна людьми, начало зимняго сезона служитъ періодомъ ознакомленія вновь прибывшихъ съ старымъ населеніемъ, налаживаетъ, такъ сказать, текущую европейскую жизнь. Поэтому, хотя въ это время и бываютъ балы у того или другого представителя, но проходятъ обычно вяло.

Что касается жизни русскаго общества въ Пекинѣ, то эта жизнь особенныхъ проявленій не даетъ, сохраняя свои типичныя черты. Русская колонія имѣетъ въ своей средѣ ископныхъ двухъ-трехъ людозлобовъ, которые встрѣчаютъ каждаго нововходящаго въ нее члена желаніемъ съ перваго же шага очернить и оклеветать того или другого члена русскаго общества.

Люди слабовольные, мало культурные поддаются вліянію этихъ людозлобовъ и примыкаютъ къ ихъ сообществу; люди съ бо̀льшею культурностью и умственнымъ развитіемъ скоро отличаютъ клевету отъ дѣйствительности и удаляются отъ сплетниковъ. Такими

особенностями русской жизни поддерживаются ея постоянная рознь и враждебность...

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ была, впрочемъ, одна и, правду сказать, довольно характерная черточка для современнаго теченія русской жизни въ Пекинѣ,—это прогулка ночью съ оркестромъ музыки по пустынной уже Посольской улицѣ. Но подобныхъ черточекъ въ русской жизни въ Пекинѣ, съ музыкой или безъ музыки, такъ много, что только о нихъ однѣхъ можно бы разсказать очень интересную, иногда забавную, но по большей части грустную исторію...

Декабрь начался легкими утренниками и теплыми облачными пасмурными днями. Погода эта, однако, рѣзко перемѣнилась съ вечера 5 декабря, когда задулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ и разыгралась на всю ночь буря, шедшая изъ Монголіи. На утро всѣ вершины ближайшихъ къ Пекину холмовъ были покрыты снѣгомъ, а термометръ показывалъ 6-го декабря въ 9 часовъ утра — 5,5° R.

Морозные, но вѣтреные дни держались отъ 6-го по 14-ое декабря, когда погода снова стала мягкой и термометръ сталъ показывать поутру — 1° R., а въ полдень +1° R. Этотъ мягкій періодъ погоды длился до 27-го декабря, когда снова поутру термометръ показалъ — 6° R. Вообще весь декабрь былъ очень неровный и колебанія въ температурѣ были рѣзки.

Въ послѣднее время въ Китаѣ открывается народу просвѣщеніе во вновь устраиваемыхъ повсюду школахъ съ учителями, получившими свою учительскую подготовку или въ Японіи, или въ собственныхъ высшихъ китайскихъ школахъ и университетахъ. Открытіемъ этихъ новыхъ школъ министерство народнаго просвѣщенія нанесло смертельный ударъ старому ветхозавѣтному строю, по которому всякій, кто только хотѣлъ, могъ открывать школы, гдѣ хотѣлъ, и учить грамотѣ по старымъ образцамъ. Нынѣ отъ учителя на право обученія требуется дипломъ, и старозавѣтные учителя остаются только въ глухихъ деревняхъ.

Министерство народнаго просвѣщенія открываетъ школы не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ. Новый строй Китая, затрагивая существенные интересы многочисленнаго чиновничества, вызываетъ и долго еще будетъ вызывать множество недоразумѣній, недоброжелательствъ, препятствій, будетъ и самъ въ лицѣ своихъ прогрессистовъ-представителей дѣлать крупныя, но неизбѣжныя ошибки, и за всѣмъ тѣмъ—новый строй, несмотря на всѣ противодѣйствія, будетъ крѣпнуть и развиваться.

Какъ бы велики ни были смуты въ Китаѣ, особенно при стоящемъ на очереди вопросѣ о престолонаслѣдіи, какъ бы ни были даже кровавы политическіе перевороты, обратить вспять двинувшуюся впередъ мысль и жизнь Китая никто не въ состояніи...

Смуты и антидинастическое движеніе особенно сильны въ южныхъ провинціяхъ, гдѣ и народъ значительно культурнѣе, гдѣ и патріотизмъ сильнѣе, нежели въ сѣверномъ Китаѣ.

Особенно сильно распространилось революціонное движеніе въ провинціи Цзянъ-си, заставившее встревожиться правительство въ Пекинѣ, но по-европейски обученныя войска успѣшно справляются съ подавленіемъ мятежа. Большую заботу правительству доставилъ также голодъ, охватившій громадное пространство и до 500 тысячъ населенія, которое, побросавъ свои дома, устремилось въ областной городъ, прося у намѣстника хлѣба и работы.

Голодающіе были размѣщены въ палаткахъ, образовавъ цѣлыя становища. На помощь къ нимъ пришло не только китайское правительство, китайское общество, но и всѣ европейскія колоніи въ Китаѣ, собравшія для голодающихъ значительныя пожертвованія.

Изъ всего европейскаго населенія Пекина охранные отряды являются наиболѣе товарищески организованными. Съ 1905 года отряды приняли рѣшеніе — въ случаяхъ смерти кого-либо изъ солдатъ, принимать участіе въ похоронахъ каждаго изъ нихъ всѣмъ отрядамъ и офицерамъ. Поэтому каждаго почившаго на далекой чужбинѣ провожаетъ торжественная и блестящая процессія съ музыкой. Среди франтоватыхъ или строго-выдержанныхъ формъ, каковыми съ одной стороны щеголяютъ американцы, а съ другой — голландцы и всѣ моряки, обмундировка русская является самою неуклюжею и самою некрасивою на видъ.

Среди блестящей военной процессіи русскіе движутся какими-то сѣрыми мѣшками, увальнями, уступая внѣшностью всѣмъ европейскимъ отрядамъ. Но — „мертвый, въ гробѣ мирно спи! жизнью пользуйся, живущій"!.. Нигдѣ этотъ стихъ такъ не приложимъ къ жизни, какъ въ Пекинѣ, гдѣ всякій живетъ только настоящимъ и только для себя.

Декабрь мѣсяцъ въ жизни европейскаго общества въ Пекинѣ — самый веселый, самый общительный. Общество, успѣвъ уже ознакомиться и сблизиться между собою, искренно начинаетъ веселиться. Въ международномъ клубѣ устраивается на мѣстѣ лѣтняго тенниса зимній катокъ для конькобѣжцевъ, въ помѣщеніи клуба устраиваются танцовальные вечера и нерѣдко также

вечеринки съ танцами въ частныхъ домахъ. Открытія катка всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ, и катанье на конькахъ составляетъ для европейской колоніи самое пріятное зимнее развлеченіе.

Но и помимо многочисленныхъ удовольствій, которыя даетъ зимній сезонъ, декабрь является самымъ пріятнымъ мѣсяцемъ, самымъ уютнымъ, самымъ любимымъ, благодаря праздникамъ Рождества и Новаго года. Рождество Христово всѣхъ объединяетъ на чужбинѣ въ одну родственную и дружную европейскую семью, всѣхъ заставляетъ еще болѣе сблизиться въ одномъ общемъ чувствѣ любви къ далекому родному дому, родной семьѣ, родной странѣ. И въ этомъ стремленіи къ единенію европейское общество стоитъ выше русскаго.

Стоитъ только пойти въ католическую церковь въ Пекинѣ, когда идетъ служба „Noël“, чтобы оцѣнить и европейскую культурность, и европейскую общительность...

Погода въ январѣ мѣсяцѣ стояла до 16 числа непріятная. Дни были теплые, сырые, пасмурные, изрѣдка вѣтреные.

Январь мѣсяцъ—шумливый и суетливый въ Пекинѣ, благодаря праздникамъ Новаго года, который, вслѣдствіе трехъ различныхъ счисленій, празднуется сперва по новому стилю европейцами, затѣмъ русскими по старому стилю и китайцами по лунному счисленію. Первые дни Новаго года проходятъ въ обязательномъ дѣланіи визитовъ, причемъ личныя поздравленія приносятся только въ хорошо знакомыхъ домахъ, а обычно оставляются визитныя карточки съ иниціалами—Р. Х. Въ русской колоніи личныя поздравленія приносятся также только въ семейныхъ домахъ.

Изъ празднествъ Новаго года въ Пекинѣ самымъ интереснымъ и самымъ привлекательнымъ является своеобразный праздникъ китайскаго Новаго года, который въ текущемъ году пришелся на русское 31-ое января.

Китайскій праздникъ прежде всего симпатиченъ тѣмъ, что, задолго еще до его наступленія, уже видна повсюду хозяйственная заботливость населенія, старающагося подготовить встрѣчу Новаго года, какъ великій праздникъ. Улицы наполняются множествомъ новогоднихъ игрушекъ, картинъ, искусственныхъ цвѣтовъ, фонарей и фонариковъ. Движеніе по улицамъ становится огромнымъ и на лицахъ видна предпраздничная озабоченность, которая невольно наводитъ мысль на воспоминанія о своей семьѣ, о временахъ своего далекаго дѣтства, о своихъ ушедшихъ уже навсегда праздникахъ...

Празднества китайскаго Новаго года, единственнаго праздника китайцевъ, отвѣчающаго по торжественности нашей Пасхѣ, длятся 15 дней и знаменуются, во-первыхъ, ярмаркой въ Лю-ли-чанѣ и, во-вторыхъ, праздникомъ фонарей.

Ярмарка въ Лю-ли-чанѣ длится всѣ 15 дней, а праздникъ фонарей—послѣдніе три вечера, послѣ чего жизнь входитъ въ свою обычную рабочую норму. Мѣстность Лю-ли-чанъ находится въ китайскомъ городѣ и представляетъ свой интересъ въ жизни Пекина. Лю-ли-чанъ — это цѣлый кварталъ, въ которомъ сосредоточена вся китайская книжная торговля, находятся пассажи и лавки, въ которыхъ происходитъ торговля старинными, часто очень цѣнными вещами. Въ Лю-ли чанѣ можно найти все: старыя книги и старинныя гравюры, картины, учебники, вещи изъ китайской фалани (клуазонэ), вещи изъ бронзы, изъ фарфора, изъ яшмы (нефрита), драгоцѣнные камни, жемчугъ и проч.

Громадная площадь отъ 2-хъ часовъ дня и до 5 ч. вечера кишмя кишитъ народомъ. Вся площадь занята рядами столовъ, на которыхъ идетъ бойкая продажа дѣтскихъ игрушекъ, искусственныхъ цвѣтовъ, золотыхъ рыбокъ, фонарей, искусственно сдѣланныхъ красивыхъ бабочекъ, разнообразныхъ и разно-фигурныхъ раскрашенныхъ змѣй, волчковъ и т. д.

Празднично одѣтая толпа, среди которой множество разодѣтыхъ женщинъ-манчжурокъ и дѣтей, чинно движется по всѣмъ направленіямъ. И среди этой многотысячной толпы царятъ благопристойность и порядокъ. Не только не слышно брани, не только не встрѣчается ни одного пьянаго, но не слышно даже „крупнаго разговора"...

Въ текущемъ году ярмарка въ Лю-ли-чанѣ представляла тѣ же особенности, что и вся китайская жизнь. Въ каретахъ проѣзжали китайскія дамы, жены сановниковъ, и дамы полусвѣта, каталась золотая пекинская молодежь обоего пола, былъ открытъ даже по-европейски ресторанъ. Среди женщинъ, главнымъ образомъ монголокъ, встрѣчались нерѣдко очень красивыя лица. Жаль только, что мода на раскрашиваніе лица не уступаетъ времени и попрежнему портитъ впечатлѣніе, показывая вмѣсто женскихъ лицъ размалеванныя маски...

Китайская жизнь, выставляя на видъ свои симпатичныя стороны, въ то же время выставляетъ на показъ и свою гнусность. Вотъ, на видномъ мѣстѣ, выдѣлясь отъ толпы, стоитъ плотнаго сложенія, полный, пожилой уже китаецъ и рядомъ съ нимъ— нарядно разодѣтый мальчикъ, по наружному виду лѣтъ восьми. На мальчикѣ одѣтъ шолковый китайскій кафтанчикъ и шол-

ковая поверхъ безрукавка; подпоясанъ онъ краснымъ шолковымъ кушакомъ, на головѣ мѣховая шапка, въ рукахъ мѣховая муфточка. Личико мальчика подрумянено, глаза какъ-то особенно блестятъ, онъ старается быть веселымъ, улыбается. Пожилой китаецъ осматриваетъ проходящую мимо толпу тоже какимъ-то особеннымъ заговаривающимъ взглядомъ, какъ бы предлагая что-то. На нѣкоторыхъ молодыхъ и богато одѣтыхъ китайцахъ онъ какъ-то особенно останавливаетъ свой взглядъ, на другихъ же онъ только скользитъ, пропуская мимо. Мальчикъ, какъ бы отвѣчая своему спутнику, тоже въ извѣстные моменты играетъ глазами, какъ бы говоря что-то. Этотъ китаецъ—хозяинъ мальчика. Онъ вывелъ его на ярмарку, надѣясь найти богатаго покупателя. Этотъ китаецъ—представитель очень распространеннаго въ Пекинѣ ремесла—торговли мальчиками. Востокъ вообще, а Китай въ частности не видитъ позорнаго въ пользованіи мальчиками, но удовольствіе это въ Пекинѣ стоитъ дорого и обставлено особыми обычаями и традиціями. Получить чистенькаго, воспитаннаго и обученнаго мальчика стоитъ въ Пекинѣ большихъ денегъ.

Въ Пекинѣ есть особые рестораны, посѣщаемые богатой золотой молодежью и богатыми китайцами, которымъ предлагаются мальчики, но близкое знакомство совершается не сразу.

Обычно приглашенные мальчики принимаютъ участіе въ обѣдѣ, поютъ передъ гостями пѣсни, развлекаютъ гостей острой бесѣдой, зная массу острыхъ словечекъ, поговорокъ, прибаутокъ и обладая природной находчивостью, а также и спеціальной къ собесѣдованію подготовкой. Обѣдъ съ мальчиками обходится на каждаго участника рублей въ 50—60. Послѣ перваго ознакомленія за общимъ обѣдомъ въ ресторанѣ должно послѣдовать интимное угощеніе мальчика обѣдомъ для болѣе близкаго съ нимъ знакомства, а затѣмъ должны быть сдѣланы мальчику цѣнные подарки. Только послѣ этого обязательнаго подготовительнаго періода знакомства, желающій имѣть мальчика можетъ разсчитывать на взаимность съ его стороны. Мальчиками промышляютъ особые спеціалисты по этой части, и мальчикъ въ Пекинѣ цѣнится втрое — вчетверо дороже дѣвочки. Мальчики берутся на содержаніе; богатые люди покупаютъ мальчика у его хозяина и платятъ часто громадныя деньги.

Насколько высока стоимость мальчика, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Одинъ богатый китаецъ въ Пекинѣ откупилъ для себя мальчика, какъ говорятъ, за 40 т. ланъ (ланъ= 1 р. 40 к.), уплаченныхъ хозяину, и далъ обязательство купить мальчику домъ и женить его по достиженіи извѣстнаго возраста.

Китайское общество, представляя много своеобразныхъ чертъ, общихъ Востоку вообще, пользуется мальчиками, видя въ нихъ особый спортъ, особое удовлетвореніе своего тщеславія, особую моду. Раннее пресыщеніе легко получаемымъ развратомъ, столь доступнымъ въ Китаѣ, еще болѣе поддерживаетъ этотъ гнусный промыселъ...

Ярмарка въ Лю-ли-чанѣ въ текущемъ году дала много интереснаго и поучительнаго для европейской наблюдательности.

Начать съ того, что вся прилегающая къ Лю-ли-чану мѣстность стала неузнаваемой. Исчезли зловонные и грязные углы и цѣлыя улочки, замѣнившись ново-проложенными и замощенными, чистыми пространствами. Замощеніе улицъ и очистка ихъ идетъ поразительно быстро и захватываетъ все новые и новые участки. Видимо, что благоустройство Пекина строго обдумано и проводится по твердо-составленному плану.

Съ главныхъ улицъ почти исчезли назойливые ужасные китайскіе нищіе въ ихъ отвратительныхъ лохмотьяхъ, съ воспаленными глазами, изъязвленные, покрытые коростой.

Еще два года тому назадъ, идти въ Лю-ли-чанъ по китайскимъ улицамъ было пыткой.

Грязь и зловоніе—повсюду. Ужасные нищіе бѣжали за европейцемъ, окружая его толпой. Одни бѣжали сзади, другіе — по бокамъ, третьи забѣгали впередъ, падали на колѣни, бились головой о землю, протягивали свои изъязвленныя руки, хватались за платье, дышали въ лицо отвратительнымъ зловоннымъ дыханіемъ и кричали жалобнымъ голосомъ: „лао-ѣ, мейо-ши-ма фань“ — „господинъ, нечего ѣсть“.

Каждая группа нищихъ имѣла свой опредѣленный участокъ пути и, дойдя до своей границы, сдавала европейца поджидавшей новой группѣ такихъ же отвратительныхъ, ужасныхъ нищихъ. И горе было тому европейцу, который, не выдержавъ характера, давалъ нищимъ серебряную монету. Назойливости тогда не было конца, и нерѣдко нищіе доходили до такого возбужденія въ своихъ требованіяхъ, что европейцу приходилось уже отбиваться отъ нихъ палкой, если таковая была въ рукахъ, или спасаться въ ближайшую лавку, или прямо-таки бѣжать...

Въ настоящее время ничего нѣтъ подобнаго, и путешествіе въ Лю-ли-чанъ представляетъ пріятную прогулку.

Осматривая ярмарочную торговлю, дивишься еще болѣе той легкости, той приспособленности къ европейскимъ новшествамъ, изъ которыхъ многія уже сами собой усвоены китайскимъ народомъ и вошли спокойно въ обиходъ его жизни.

На ярмаркѣ идетъ, наприм., бойкая торговля дѣтскими фуражками и шапочками европейскаго образца. Большинство подростковъ-дѣтей уже щеголяютъ въ европейскаго покроя картузикахъ, но этотъ европейскій покрой переработанъ китайскимъ вкусомъ. Картузики и шапочки всѣ яркоцвѣтные, съ различными украшеніями и вышивкой стеклярусомъ. Взявъ образецъ европейца, китаецъ обратилъ его въ свой.

Не мало даютъ для размышленія также и лавки съ игрушками, изъ которыхъ добрая половина уже представляла подражаніе европейскимъ образцамъ со стороны пекинскихъ кустарей.

Продажа европейскихъ игрушекъ идетъ бойко: ихъ охотно покупаетъ и молодая мать для своего сынишки, и старая бабушка для своего внука. Большинство европейскихъ игрушекъ носитъ техническій характеръ. Это — заводные изъ жести пароходы, лодки, вагоны, паровозы, велосипеды съ ѣздоками, кареты и коляски съ разодѣтыми европейскими дамами. Видны также въ лавкахъ европейскія игрушечныя ружья, барабаны, жестяныя сабли.

Разсматривая въ одной лавочкѣ эти игрушки, я почувствовалъ, что кто-то меня трогаетъ за рукавъ. Смотрю — китаецъ-продавецъ. Подводитъ онъ меня къ особому стеклянному шкафику, и я вижу за стекломъ желѣзнодорожный поѣздъ съ паровозомъ впереди, изъ трубы котораго клубами валитъ дымъ.

— Хао бу хао? — хорошо? не хорошо? — слышу вопросъ торговца.

— Хао, — отвѣчаю я.

Надо было видѣть довольную улыбку, которая покрыла лицо торговца, быть можетъ, самого кустаря, сдѣлавшаго этотъ поѣздъ.

— Хао, — повторилъ онъ, довольный.

— Хао, — отвѣтила окружившая насъ толпа китайцевъ, столь же общительная и довольная.

Всматриваясь въ новую жизнь, которая мощно проростаетъ, заглушая обезсиленный дряхлый Китай прожитыхъ вѣковъ, я прихожу къ убѣжденію, что Китай переработаетъ и усвоитъ посвоему все то, что возьметъ отъ Европы, оставшись все тѣмъ же вѣковымъ самобытнымъ Китаемъ, который не отдастъ себя ни подъ иго Японіи, ни подъ власть Европы.

Повинуясь неизбѣжному закону новой жизни, Китай создалъ для себя вооруженный кулакъ, столь ему необходимый въ данное время, чтобы отстоять свою самостоятельность въ жизни бокъ-о-бокъ съ Европой, но души народной онъ не вложилъ въ этотъ кулакъ, а сохранилъ ее для мирнаго развитія своихъ духовныхъ силъ.

Наблюдая днями эту многотысячную толпу въ Лю-ли-чанѣ, я видѣлъ, что главнымъ интересомъ, какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, было не пріобрѣтеніе европейскаго оружія-игрушекъ, а покупка пароходовъ, лодокъ, экипажей, вагоновъ.

Въ игрушкѣ, которая явилась выразителемъ той или другой духовной склонности, китаецъ оцѣнилъ созидающій жизнь интересъ, а не разрушающій ее.

И думается мнѣ, что европейская мирная игрушка не только понятнѣе говоритъ уму и чувству китайца, нежели европейская модель ружья, сабли и пушки,—думается, что эта мирная, техническая игрушка вноситъ въ мышленіе и въ чувство китайца облагораживающее вліяніе,—что эта игрушка вноситъ въ умъ китайца сознаніе, что интересы всего человѣчества объединяются мирнымъ развитіемъ труда, а разъединяются интересы всего человѣчества вторженіями народовъ съ ружьями и пушками, разрушающими жизнь и трудъ, все равно, откуда бы ни шло это вторженіе, съ Востока или съ Запада...

Новогодніе праздники китайскаго народа, кромѣ уличнаго шумнаго веселья, сохраняютъ еще и тотъ домашній, симпатичный укладъ жизни, который проявляется во многихъ символическихъ преданіяхъ и обычаяхъ. Новогоднія кушанья, приготовляемыя въ каждой семьѣ, новогоднія гаданія, новогоднія преданія и вѣрованія, новогоднія картины—какой интересный своеобразный и богатый матеріалъ для пониманія и изученія народной жизни и народной мысли!

Къ Новому году спеціально подготовляется выгонъ цвѣтущихъ карликовыхъ деревцовъ персика и граната, имѣющихъ такое важное значеніе, какъ символы благополучія и плодородія. Цвѣтущимъ этимъ деревцамъ придается форма или дракона, или миѳической птицы феникса...

Изъ общественной и политической жизни за январь мѣсяцъ должно отмѣтить, что внушавшее серьезныя опасенія возстаніе въ Пинъ-сянѣ было подавлено европейски-обученными войсками.

Это возстаніе, одно изъ многочисленныхъ антидинастическихъ движеній, вызвало въ наиболѣе вліятельныхъ китайскихъ газетахъ „Синъ-вэнъ-пао“ и „Шэнъ-пао“ слѣдующія строки: „Подавить мятежъ—дѣло нехитрое, но слѣдуетъ принять при этомъ въ соображеніе дѣйствія правительства, которое въ своей собственной странѣ избиваетъ собственныхъ подданныхъ, какъ врага на войнѣ.

„Главная суть должна состоять въ томъ, чтобы у народа былъ отнятъ всякій поводъ къ возстанію. Бѣдному народу, который

изъ нищеты хватается за оружіе, должно помочь. Нѣтъ необходимости также поднимать оружіе и противъ революціонной партіи. Если только будетъ правильное прочное государственное правленіе и сохраненъ для народа порядокъ, то никто не будетъ желать революціи. Въ пинсянское возстаніе народъ толкнула нужда. Вмѣсто того, чтобы придти народу на помощь, его стали умерщвлять при помощи солдатъ. Народъ держится въ настоящее время спокойно, но затаенная злоба остается несомнѣнною".

„Причина возстанія въ Хунани и Цзянси заключается въ наводненіяхъ послѣдняго года, — говоритъ „Ши-бао"; — болѣе слабые люди изнемогаютъ подъ бременемъ голода, болѣе сильные берутся за оружіе. Чиновники никакого вниманія не обращаютъ на взиманіе податей. Это вызвало ненависть народа. Малое возстаніе подавлено въ Пинъ-сянѣ, но за нимъ послѣдуютъ большія".

Борьба старыхъ партій и новыхъ, борьба антидинастическая, несомнѣнно, еще можетъ вызвать длительныя и даже кровавыя смуты, но жизнь повернуть вспять нельзя, и приходится только сожалѣть, что политическія партіи вмѣшиваютъ въ свою борьбу и имя великаго учителя китайскаго Конфуція.

Въ январѣ мѣсяцѣ обнародованъ богдыханскій декретъ о сооруженіи храма въ честь Конфуція на мѣстѣ родины его въ городѣ Кіо-фу и о принесеніи въ этомъ храмѣ жертвъ въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ эти жертвы приносятся въ Пекинѣ, въ храмѣ Неба и Земли.

Партія либеральная уже не замедлила воспользоваться, чтобы въ этомъ чествованіи памяти великаго народнаго учителя усмотрѣть стремленіе правительства сойти съ пути реформъ на старый путь чиновничьей бездѣятельности.

Думается, что каковы бы ни были убѣжденія политическихъ партій, каковы бы ни были способы ихъ борьбы, не слѣдуетъ трогать святынь народа въ его прошломъ.

В. Іовль.

Пекинъ, мартъ 1907 г.

ВЪ ОКТЯБРѢ 1849 ГОДА

Изъ Гейне.

Пронеслася гроза, вѣтеръ буйный затихъ,
И опять тишина услаждаетъ;
Вновь Германія—это большое дитя—
О рождественской елкѣ мечтаетъ:
— Только счастье семейное грезится намъ.
Все, что выше—то дьявола козни.
Снова ласточка мира вернулась домой,—
Нѣтъ на родинѣ пагубной розни.
Спятъ родимые рѣки, лѣса и поля,
При сіяніи звѣздной вуали;
Только грохотъ порой раздается вдали—
Это друга сейчасъ разстрѣляли;
Можетъ быть, онъ былъ схваченъ съ оружьемъ въ рукахъ.
О, наивный глупецъ, безъ сомнѣнья!
Но не всякій уменъ и практиченъ, какъ Флаккъ [1]):
Тотъ разумно бѣжалъ со сраженья.

Можетъ быть, этотъ грохотъ — лишь звукъ торжества:
Память чествуютъ граждане Гёте [2]),
И воскресшая Зонтагъ [3]) шарманкой хрипитъ,
И взвивается къ небу ракета.
Снова вынырнулъ Листъ, невредимъ и здоровъ—
Наши души восторгомъ объяты:
Не убили его на венгерскихъ поляхъ
Ни россійскій солдатъ, ни кроаты.

---

[1]) Квинтъ Горацій Флаккъ — римскій поэтъ—въ неудачной битвѣ при Филиппи бѣжалъ съ поля сраженія, спасая жизнь.

[2]) 22 авг. 1849 года Германія справляла столѣтній юбилей рожденія Гёте.

[3]) Извѣстная пѣвица Генріетта Зонтагъ, выйдя замужъ, покинула сцену, но въ 1849 году она опять появилась на сценѣ, по выраженію Гёте—„dem Grab entsteigt“, возстала изъ могилы.

Палъ гонимой свободы послѣдній оплотъ...
Кровь и слезы—въ венгерскомъ народѣ,
Но вполнѣ невредимъ рыцарь доблестный Францъ
Вмѣстѣ съ саблей, почившей въ комодѣ.
Да, онъ живъ, милый Францъ, и подъ старость свою
Поразскажетъ внучатамъ: „Ослабли
Молодые теперь, а въ венгерскомъ бою
Какъ лежалъ я съ клинкомъ моей сабли!"
Только Венгріи имя услышу—и вотъ
Куртка нѣмцевъ тѣснитъ мое тѣло,
А подъ курткой бушуетъ въ груди океанъ...
Чу! труба боевая запѣла...

Вновь, ликуя, звучатъ, не идутъ изъ ума
Позабытыя древнія саги,
Нибелунговъ отважныхъ злосчастный конецъ,
Пѣсни, полныя старой отваги.
Тотъ же самый остался героевъ удѣлъ,
Тѣ же старыя сказки—ужасны;
Измѣнились въ полетѣ временъ имена,
Но герои все такъ же прекрасны.
Тотъ, кто знамя свободы высоко держалъ,
Чье великое имя свѣтило,—
Вѣчно долженъ склоняться, по волѣ судьбы,
Передъ грубой, животною силой.
И теперь быкъ съ медвѣдемъ [1]) вступили въ союзъ—
Гибнетъ Венгрія... Ей въ утѣшенье
Я скажу: „Нанесли и народамъ другимъ
Даже хуже еще оскорбленье.
Быкъ съ медвѣдемъ—порода могучихъ звѣрей,
И внушительно движутся въ парѣ,
Мы жъ попали подъ иго волковъ и свиней,
И другой неприличнѣйшей твари...
Трудно мнѣ выносить вой и хрюканье ихъ,
Оскорбляютъ они обонянье..."
— Но ты боленъ, поэтъ,—пусть умолкнетъ твой стихъ:
Для больныхъ драгоцѣнно молчанье.

Анатолій Доброхотовъ.

---

[1]) Разумѣется союзъ Россіи съ Австріей при подавленіи возстанія Венгріи.

РОМАНЪ НЕМИРИЧЪ

Литературный эскизъ

по польскому роману Марiи Родзевичъ: „Рагнарекъ".

I.

Въ одномъ изъ прогрессивныхъ изданiй стали появляться статьи, сразу обратившiя на себя вниманiе. Это были общественно-психологическiе очерки по поводу такихъ современныхъ явленiй, въ которыхъ дѣйствiе рѣшительно противорѣчило основной идеѣ тѣхъ или иныхъ умственныхъ теченiй, учрежденiй или профессiй. Не задаваясь никакими партiйными цѣлями, авторъ выступалъ только въ роли какъ бы прокурора правды и неумолимо привлекалъ къ суду всѣхъ, кто твердилъ одно, стремился къ другому и имъ прикрывался, а дѣлалъ совсѣмъ иное, противоположное.

Подъ смѣлое, неподкупное, но страстное обвиненiе его попадали и ксендзы, торговавшiе товаромъ, который сами признавали священнымъ; и измѣнники, продававшiе свой народъ, будто бы во имя его же блага; и дѣвушки, которыя выходили замужъ за деньги, обѣщая своимъ мужьямъ супружескую вѣрность; и профессоры, которые насиловали научную истину въ угоду деспотизму; и капиталисты, обиравшiе народъ, будто бы не для себя, а для процвѣтанiя отечественной торговли и промышленности. Впрочемъ, обличались авторомъ не столько единичныя лица, сколько общественныя язвы, которыхъ они являлись представителями, культъ золотого тельца, жестокiй эгоизмъ, оправдываемый борьбою за существованiе, на ряду съ проповѣдью гуманитарности, новое язычество, въ какое превратилось христiанство,—и одичанiе, выростающее на почвѣ цивилизацiи.

Очерки носили общее заглавіе: „Лицемѣры", а подпись— Р. Немиричъ. По рѣзкости сужденій и язвительности тона, при замѣчательномъ полемическомъ талантѣ, это были настоящіе памфлеты, и каждый изъ нихъ тотчасъ получалъ извѣстность, если не изъ чтенія, то по пересказу. А такъ какъ они подписывались не псевдонимомъ, но настоящимъ именемъ, то успѣхъ ихъ скоро создалъ громкую извѣстность и самому автору. Разумѣется, успѣхъ былъ не тотъ, какого онъ желалъ; дѣйствовало не столько сознаніе правды, сколько пикантность скандала. Посыпались протесты, возраженія въ письмахъ въ редакцію, угрозы; въ окнахъ магазиновъ и въ юмористическихъ листкахъ появились фотографическіе снимки, по которымъ автора стали узнавать въ театрѣ и на улицѣ.

Но въ театры Немиричъ ходилъ рѣдко, а въ собраніяхъ не бывалъ вовсе. Лично почти никто его не зналъ, и никому онъ не перебивалъ ни мѣста, ни дохода. Жилъ онъ въ Варшавѣ отшельникомъ, въ надворномъ флигелѣ графа Альфреда, одного изъ немногихъ польскихъ „ординатовъ", то-есть, владѣльцевъ крупныхъ имѣній, обращенныхъ въ заповѣдныя, по ихъ ходатайству. Никакихъ родныхъ онъ не зналъ; высшіе классы гимназіи и юридическій курсъ въ университетѣ онъ прошелъ безъ чьей-либо помощи, давая уроки, переписывая бумаги, живя впроголодь, скупясь на всякіе расходы. Въ университетѣ онъ не сближался съ товарищами, а они сторонились отъ него, какъ отъ угрюмаго и несообщительнаго эгоиста.

Той скромной независимостью, которою онъ теперь пользовался и совершенно довольствовался, Романъ Немиричъ былъ обязанъ случаю. Еще въ послѣднемъ классѣ гимназіи онъ переписывалъ акты у нотаріуса, и только это натолкнуло его на изученіе права. Въ университетѣ, профессоръ, къ которому обратился графъ Альфредъ, прося рекомендовать ему учителя для приготовленія сына къ экзамену,—зная недостаточность Немирича, послалъ его къ графу. Немиричъ провелъ все лѣто въ имѣніи графа, ученикъ привязался къ учителю и экзаменъ выдержалъ отлично. Затѣмъ, Немиричъ оставался при немъ въ качествѣ репетитора до того времени, когда молодой графъ былъ отправленъ за-границу оканчивать образованіе тамъ.

Между тѣмъ, Немиричъ, самъ окончивъ курсъ, записался въ помощники адвоката, но, не имѣя ни средствъ выжидать дѣлъ, ни охоты искать ихъ, написалъ графу-отцу, который жилъ въ то время за-границей, прося мѣста въ его конторѣ, куда и былъ тотчасъ принятъ. Въ короткое время онъ занялъ тамъ

положеніе совѣтника по юридической части и повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ.

За-границей графъ Альфредъ прожилъ нѣсколько лѣтъ кряду, съ больною женой, и въ немъ оставалось одно смутное воспоминаніе о прежнемъ учителѣ сына, когда имя Немирича прогремѣло въ газетной полемикѣ. Что это тотъ самый Немиричъ,—объ этомъ графъ-ординатъ узналъ только изъ письма своей тетки, княгини, которая, вмѣстѣ со всей набожной аристократіей въ Варшавѣ, возмущалась статьями Немирича и прямо требовала, чтобы графъ выгналъ изъ своей администраціи такого атеиста и анархиста. Графъ ничего по этому предмету не отвѣтилъ, но выписалъ себѣ статьи за-границу.

Немиричъ служилъ уже два года въ конторѣ, когда графъ Альфредъ, пріѣхавъ въ Варшаву и, при случаѣ, выслушавъ убѣжденія княгини, что неприлично человѣку въ его положеніи какъ бы покрывать своимъ авторитетомъ такого изверга и негодяя, потребовалъ Немирича къ себѣ. Въ кабинетъ вошелъ высокій молодой человѣкъ, одѣтый прилично, но крайне скромно.

Графъ указалъ ему на стулъ.

— Я слышу столько жалобъ на васъ, что не знаю, съ чего и начать.

— Вѣроятно, управляющій жаловался вамъ на замедленіе размежеванія въ Сухеницѣ. Сроки соблюдены, а замедлялъ я именно въ ожиданіи вашего, графъ, пріѣзда, желая доложить вамъ. Законъ въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно на нашей сторонѣ, но справедливость—нѣтъ. Дѣла нельзя не выиграть, но я обязанъ доложить вамъ наединѣ объ истинномъ его положеніи.

— Хорошо, но это послѣ. Вовсе не управляющій жаловался, и дѣло не въ размежеваніи Сухеницы. На васъ жалуется общество... Вотъ въ чемъ дѣло... — Графъ указалъ на письменномъ столѣ статью, отмѣченную синимъ карандашомъ, и прочелъ заглавіе:—„Куда вы дѣвали Христа?"—Ваша послѣдняя статья... Вы, г. Немиричъ, кощунствуете, возстаете противъ церкви вообще и противъ Рима, а я и весь мой домъ—люди вѣрующіе.

— Если то, что здѣсь написано — неправда, то я готовъ отречься отъ своихъ словъ.

— Вѣдь вы ниспровергаете основы вѣры.

— Нѣтъ... а только то зданіе, которое на нихъ возведено людьми.

— Однако, вы—атеистъ и даже подпали подъ отлученіе?

— Отлученіе—не доказательство истины. Она свѣтитъ какъ солнце, не боясь нападеній.

Немиричъ возражалъ спокойно и въ глазахъ его просвѣчивало скорбное чувство, между тѣмъ какъ въ голосѣ выражалась рѣшительность. Графъ сдѣлалъ движеніе въ креслѣ.

— Вообще, есть такія темы, которыхъ не слѣдуетъ касаться изъ уваженія къ основной идеѣ... И бываютъ компромиссы, прискорбные, но неизбѣжные, вслѣдствіе человѣческой слабости.

— Такимъ компромиссамъ нѣтъ конца,—развѣ въ полномъ нравственномъ паденіи.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, графъ указалъ на другую статью: „Наши Магнаты“.

— Извѣстно ли вамъ, что эпизодъ объ этомъ князѣ относится къ моему двоюродному брату?

— Если я написалъ неправду, то очень жалѣю и готовъ признаться печатно.

— Ну, странный у васъ взглядъ на вещи!.. Я не хвалю своего кузена и не сталъ бы подражать ему. Но никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ чужіе расходы. Каждый волёнъ расходовать свои деньги на то, что ему нравится.

— На мой взглядъ, „свое“—что имъ же заработано; а то, что унаслѣдовано, это—вкладъ, деньги повѣренныя, за употребленіе которыхъ человѣкъ отвѣчаетъ.

— Но тѣмъ, у кого есть унаслѣдованное, естественно думать иначе.

— Я вижу, графъ, что вы не одобряете моего образа мыслей. Кому прикажете сдать мои бумаги?

— Что вы! Вѣдь я хотѣлъ только, какъ долѣе васъ пожившій на свѣтѣ, посовѣтовать вамъ быть болѣе умѣреннымъ. У васъ большой талантъ, и было бы жаль, если бы вы загородили себѣ дорогу. Люди молодые нерѣдко надрываются, пытаясь, какъ бы сдвинуть шаръ земной на иную орбиту; а земля, какъ катилась до насъ, такъ будетъ катиться и послѣ насъ. — И, считая, что этими словами онъ далъ достаточное удовлетвореніе неудовольствію княгини на Немирича, который ему самому былъ, все-таки, симпатиченъ, графъ Альфредъ спросилъ своего подчиненнаго въ дружественномъ тонѣ:

— Довольны ли вы вашей должностью?

— Да, благодаря ей, я избѣгнулъ выбора между веденіемъ некрасивыхъ дѣлъ—или голодовкой.

— А вотъ, между тѣмъ, вы ужъ были готовы отказаться отъ мѣста... Правда, гонораръ вашъ не великъ: кажется, тысяча рублей?

— Тысяча двѣсти, да отдѣльно по сту рублей за каждое

дѣло—и квартира. Для меня совершенно достаточно. Если бы я оставилъ это мѣсто...

— Ну, да, конечно, вы — литераторъ, притомъ извѣстный. Имѣя болѣе времени, вы заработали бы гораздо больше, чѣмъ получаете теперь.

— Я свои статьи помѣщаю даромъ. По моему убѣжденію, идеи—не товаръ.

Графъ усмѣхнулся.

— Странный вы человѣкъ... Но, хорошо, перейдемъ теперь къ дѣлу о Сухеницѣ; что же говоритъ законъ и что справедливость?

— Юридическая сторона дѣла, это — безспорность вашего владѣнія. Истецъ ссылается на показаніе свидѣтелей, что эти сто морговъ были подарены вашимъ дѣдомъ тогдашнему арендатору одного изъ сосѣднихъ фольварковъ, который будто спасъ покойнаго графа при охотѣ на кабановъ, съ опасностью для своей жизни. Но это свидѣтельство не можетъ имѣть значенія при отсутствіи акта и уже по самой давности.

— Ну, а справедливость, та какъ разсуждаетъ?

— Вотъ что она говоритъ. — Немиричъ вынулъ изъ папки смятую и пожелтѣвшую бумагу и подалъ ее графу. Тотъ прочелъ вполголоса: „Пане Двораковскій! Поручаю вамъ, взявъ съ собою землемѣра Брусницкаго, stante pede, отмежевать и передать въ собственность его милости пану Яну Скурковскому сто морговъ пашни, прилегающихъ къ рѣчкѣ Бялкѣ въ нашемъ фольваркѣ Сухеницѣ, каковой участокъ я дарю ему во владѣніе на вѣчныя времена, о чемъ конторѣ моей мною приказано составить дарственный актъ, съ закрѣпленіемъ таковаго въ законномъ порядкѣ“.

— Да, это размашистая подпись моего дѣда, — сказалъ графъ.—Но отчего же приказаніе его не было исполнено?

— Письмо это зимой было найдено мною въ архивѣ конторы, и я считалъ себя обязаннымъ лично вручить его вамъ, а до тѣхъ поръ затягивать дѣло, разумѣется, не пропуская сроковъ. Письмо, очевидно, не было отправлено, можетъ быть, по забывчивости или вслѣдствіе чьей-либо смерти. Даже будь это письмо въ рукахъ противника, оно въ судѣ было бы слабымъ доводомъ. Но я не могъ взять на себя окончаніе этого дѣла, и рѣшился доложить вамъ.

Графъ опять усмѣхнулся.

— Открытіе не особенно пріятное для насъ обоихъ. Я лишаюсь ста морговъ земли, а вы—ста рублей за окончаніе дѣла.

— По большей части справедливость и бываетъ убыточна.

— Да... Юристъ вы невыгодный, но—хорошій человѣкъ.— И графъ подалъ Немиричу руку.—Прошу васъ повести это дѣло согласно съ справедливостью, какъ и прочія мои дѣла.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, Немиричъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ конторѣ передъ письменнымъ столомъ, заложеннымъ бумагами, и писалъ какое-то прошеніе въ судъ. Все время до вечера онъ обыкновенно проводилъ въ конторѣ, отлучаясь только на часъ для обѣда. Онъ соблюдалъ это строго, а иногда уносилъ дѣла и на вечеръ въ свою комнату.

Послышался стукъ въ дверь, и Немиричъ, отворивъ ее, сперва не повѣрилъ своимъ глазамъ. На порогѣ стоялъ ксендзъ. На диспутъ, что-ли, пришелъ,—такъ какъ въ статьяхъ своихъ Немиричъ сильно „пробиралъ" духовенство, а въ церкви не бывалъ съ незапамятнаго времени.

Но ксендзъ этотъ смотрѣлъ бѣднякомъ; въ слишкомъ короткой и потертой сутанѣ, съ порыжѣвшей шляпой, видъ онъ имѣлъ запуганный, съ дѣтскимъ выраженіемъ голубыхъ глазъ.

— Laudetur Jesus Christus! Здѣсь живетъ г. Немиричъ?

— Это—я; что угодно?

Ксендзъ видимо смутился. Но, кашлянувъ раза два, онъ робко произнесъ:

— Мнѣ сказали, что я могу искать помощи у васъ. Я здѣсь всего недѣля и никого не знаю. А мнѣ крайняя нужда въ сорока рубляхъ.

— Ко мнѣ-то кто же васъ послалъ?

— Настоятель у бернардиновъ, гдѣ я остановился покамѣстъ... Сегодня я исповѣдывалъ одну женщину, и чтобы спасти ее, необходимо сорокъ рублей... Злой духъ такъ опуталъ людей деньгами, что даже души спасти иной разъ нельзя безъ нихъ. Просилъ я у ксендза-настоятеля, тотъ говоритъ: „Я теперь ничего дать не могу, а вотъ, если хотите, попытайтесь въ домѣ графа-ордината. Тамъ есть господинъ Немиричъ, который не далѣе, какъ третьяго дня, распинался въ газетѣ за проституцію. Такъ пусть самъ покажетъ примѣръ". Я и пришелъ.

— Это хорошо, что вы пришли сегодня: сорокъ рублей у меня есть. Однако видно, что вы — чужой въ Варшавѣ, когда рѣшились обратиться ко мнѣ. Вѣдь я состою подъ клятвой, я— паршивая овца, и настоятель только подшутилъ надъ вами.

— Какъ же это такъ, если ты даешь деньги на доброе дѣло?— удивился ксендзъ.

Немиричъ повелъ его въ кабинетъ и придвинулъ ему стулъ.

— Издалека вы?

— Я былъ прежде викаріемъ въ Кутнѣ, потомъ послали меня въ Калугу; теперь я, возвратясь, нашелъ пристанище здѣсь, у бернардиновъ. По добротѣ настоятеля пользуюсь тамъ столомъ, пока найдется опять гдѣ-нибудь мѣсто викарія. А до тѣхъ поръ помогаю патерамъ, служу. Слава Богу, въ работѣ нѣтъ недостатка.—Онъ весело улыбнулся.

Немиричъ смотрѣлъ на него въ раздумьи и спросилъ:

— А когда вы выкупите ту женщину, что же съ ней будетъ?

— У нея, видишь, мать живетъ на хуторѣ въ Волѣ. Мать выгнала ее изъ дома и знать не хочетъ. Но я приведу къ ней дочь и объясню, что нельзя ей дать погибнуть.

— Желаю ксендзу успѣха, но, признаюсь, не вѣрю въ исцѣленіе отъ проказы. Такія женщины уже неспособны къ честному труду.

— А вотъ Христосъ исцѣлялъ же прокаженныхъ.

— Христосъ... — проговорилъ Немиричъ:—да развѣ у него есть еще хоть одинъ послѣдователь? Христіане давно сами его распяли снова.

— Это правда.

— А тѣхъ, кто ставитъ его въ примѣръ, дарятъ ненавистью и проклятіями.

— И это бываетъ,—прошепталъ ксендзъ.

— А имя его обратили въ торговую фирму,—прибавилъ Немиричъ.

Ксендзъ молчалъ. Голубые дѣтскіе глаза его были устремлены вдаль, мимо людскихъ дѣлъ, а можетъ, и всего міра.

— Зато, видишь,—сказалъ онъ потомъ,—тѣ, кому Онъ захочетъ открыться, тѣ такъ заглядятся на Него и Его заслушаются, что станутъ слѣпы и глухи на все иное. Такой человѣкъ уже пойдетъ за Нимъ... онъ неволёнъ, онъ долженъ.

— Когда-нибудь, по дорогѣ, заходите еще ко мнѣ.

— Зайду... у тебя тутъ такъ хорошо, тихо. Я тебѣ разскажу, какъ мнѣ все удалось, — прибавилъ ксендзъ, получивъ деньги, и вышелъ.

II.

Немиричъ погасилъ лампу, взялъ ключъ отъ двери и тотчасъ отправился въ оперу. Давали „Аиду“, въ которой выступала Вилли Мора, пѣвица, добывшая уже громкую извѣстность въ

Миланѣ, Венеціи и Вѣнѣ. Сидѣть Немиричу пришлось рядомъ съ знакомымъ нотаріусомъ.

— Какова!—сказалъ тотъ, когда занавѣсъ опустился среди дружныхъ аплодисментовъ.—Эффектный типъ: идеальная блондинка съ темпераментомъ южанки. За ней пріѣхалъ сюда изъ Вѣны братъ нашего графа. Говорятъ, разоряется на нее, а то еще слышно, будто онъ хочетъ на ней жениться. Вотъ бы вамъ еще слово замолвить о нашихъ аристократахъ.

— Какое же мнѣ дѣло! Изъ грязи золото собирается, въ грязь же и назадъ падаетъ. А что касается женитьбы, то наши аристократы такъ носятся со своей религіозностью, что имъ слѣдовало бы „освятить“ эту связь законнымъ бракомъ.

— Съ точки зрѣнія нравственности, конечно. Но серьезно вы не можете говорить этого.

— Для меня тутъ никакой нѣтъ разницы. Такъ какъ я не вѣрю въ разныя святыни и таинства, то и не понимаю, почему то, что̀ на улицѣ называется грѣхомъ, черезъ церковь дѣлается таинствомъ. Не все ли равно!

— Ну, что̀ вы!..

Но они замолчали, такъ какъ занавѣсъ поднялся снова. Въ слѣдующемъ актѣ Мора произвела на Немирича сильное впечатлѣніе. Его свѣжая и цѣльная, ничѣмъ не избалованная природа поддавалась чарующей силѣ звуковъ совершенно открыто. Онъ слышалъ страсть и боль, выраженныя тончайшимъ изъ искусствъ, захватывающимъ душу не только идеею, но еще какимъ-то очарованіемъ вибраціи, пробужденіемъ чего-то дремлющаго въ душѣ, знакомаго, но недосказаннаго.

Испытавъ такое впечатлѣніе, Немиричъ хотѣлъ сохранить его и вышелъ изъ театра по окончаніи акта. Возвратясь домой, онъ зажегъ только свѣчку, сѣлъ за піанино и сталъ брать легкіе аккорды, потомъ перешелъ къ чему-то слышанному или слагавшемуся случайно подъ его пальцами—онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета.

Когда, спустя нѣкоторое время, въ юмористическомъ листкѣ „Latarnia“ появилась замѣтка о Вилли Мора съ разными пошлыми намеками и невѣжественными сужденіями о музыкѣ,—вѣроятно, написанная въ угоду затѣянной противъ артистки интриги,—то въ томъ же изданіи, гдѣ появлялись отъ времени до времени „Лицемѣры“ Немирича, помѣщено было, за его же подписью, письмо съ указаніемъ на нравственное ничтожество и негостепріимность такой выходки противъ артистки и на грубыя ошибки въ музыкальныхъ сужденіяхъ автора, который, между прочимъ,

считалъ одно произведенiе подражанiемъ другому, между тѣмъ какъ первое было поставлено нѣсколько лѣтъ раньше послѣдняго.

— Ну, попало имъ отъ васъ!—сказалъ Немиричу встрѣтившiйся съ нимъ въ редакцiи знакомый художникъ Опольскiй, бывавшiй за кулисами.—Въ „Latarni" готовятъ какое-то свинство противъ васъ, а Мора просила перевести себѣ вашу статью и спрятала ее на память... Но самое лучшее—это то, что „покровитель" ея, графъ Францискъ, взбѣшенъ на васъ.

— За что же?

— А вотъ онъ ей сдѣлалъ сцену: откуда у нея взялся такой защитникъ и по какому праву?

Продержавъ въ редакцiи корректуру новой статьи и зайдя къ нотарiусу по дѣламъ конторы, Немиричъ, послѣ обѣда въ ресторанѣ, возвратился домой и сталъ читать. Но чтенiе его не заинтересовало, а идти никуда не хотѣлось. Его охватило тоскливое настроенiе полнаго нежеланья чего бы то ни было,—нежеланья писать, а пожалуй, и жить. Машинально онъ присѣлъ къ пiанино и сталъ наигрывать одинъ изъ ноктюрновъ Шопена, въ которыхъ, послѣ вступительнаго раздумья, вспыхиваетъ яркой искрой порывъ къ счастью и замираетъ въ болѣзненной безнадежности.

Послышался легкiй стукъ въ дверь. Никого онъ въ то время не ждалъ—и не отозвался.

— Ouvrez donc! — произнесъ женскiй голосъ, точно эхо какой-то полу-мысли.

Немиричъ отворилъ и съ изумленiемъ увидѣлъ, что это была Вилли Мора.

— У васъ есть кто-нибудь?—потихоньку спросила она.

— Нѣтъ.

— А кто-то игралъ.

— Я самъ.

— Самому себѣ и въ потемкахъ... — Она слегка разсмѣялась.—Узнали меня?.. Я пришла поблагодарить васъ... Никогда еще мнѣ не случалось, чтобы меня защищалъ незнакомый...

И она протянула ему обѣ руки. Пожавъ ихъ, Немиричъ отошелъ къ столу и отвѣчалъ, зажигая лампу:

— Не за что... Я защищалъ не васъ, а наше общество передъ вами.

Они сѣли, онъ—далеко отъ нея.

— А меня вы не хотѣли бы защищать для меня самой?.. Ни одного портрета у васъ, и даже нѣтъ картинки съ женщиной! — сказала она, оглянувъ столъ и стѣны. — Совсѣмъ одни?

— Несовсѣмъ. И у меня бывали счастливыя минуты, которыя живутъ со мной. Но не слѣдуетъ жадничать, чтобы не уронить цѣну того, что было. Вотъ и вамъ я обязанъ минутами истиннаго счастья, когда я слушалъ васъ, и ихъ я буду хранить.

Вилли присѣла къ піанино и взяла нѣсколько аккордовъ.

— Чтобы поблагодарить за защиту, я хотѣла бы спѣть что-нибудь для васъ, одного... Но что бы такое? Для васъ, мыслителя, не годится ничто общеизвѣстное... Вотъ, я спою вамъ мадьярскую народную пѣсню. Она не поется въ театрѣ. Ея не знаетъ никто. А у меня это воспоминаніе изъ дѣтства, когда я еще была дикой дѣвчонкой и называлась Аранка.

Пѣсня была скорбная, полная жалобы, но прерывалась порывами дикой страстности. Вилли сдерживала голосъ, въ грустныхъ ритмахъ сводила его на тончайшее pianissimo, на которомъ оборвала и оглянулась на Немирича. Онъ сидѣлъ у стола, склонивъ голову на руки. Когда она встала, поднялся и онъ, выпрямился и вздохнулъ, но не сказалъ ни слова похвалы или благодарности, только спросилъ:

— Вы такъ чувствуете?

— Нѣтъ. Я не чувствую. Я еще болѣе одна, чѣмъ вы, потому что не храню въ душѣ счастливыхъ минутъ... Да и не знаю, есть ли у меня душа. Есть публика, слава, много знакомыхъ.—Она надѣла шляпу.—Черезъ недѣлю я уѣзжаю въ Вѣну. Приходите завтра на „Сельскую Честь“.

Опустивъ вуальку, она пожала ему руку и вышла, а Немиричъ проводилъ ее до выхода на лѣстницу. Возвратясь въ комнату, онъ сѣлъ къ столу, вынулъ кипу бумагъ по дѣлу о мельницѣ на рѣчкѣ Бялкѣ и принялся читать ихъ и читать...

На „Сельскую Честь“ Немиричъ не пошелъ, потому что былъ занятъ дѣлами или почему-либо другому. Нѣсколько дней его не видѣли въ редакціи, но онъ принялся за новый литературный очеркъ, который уже оканчивалъ раннимъ вечеромъ, когда услышалъ, какъ отворилась дверь. Вошла Вилли Мора, которую онъ не думалъ болѣе увидѣть. Появилась какъ галлюцинація, вызванная той мыслью, которую онъ пытался заглушить работой. Немиричъ былъ пораженъ этой неожиданностью и не успѣлъ сдѣлать ни шага ей навстрѣчу; онъ только всталъ и смотрѣлъ.

Она была въ темномъ англійскомъ костюмѣ, какъ и въ тотъ разъ. Улыбаясь, она подошла къ нему.

— Вы смотрите на меня, какъ на привидѣніе, даже поблѣднѣли... А зачѣмъ вы мнѣ являлись во снѣ?

— Я думалъ о васъ, это правда, но противъ воли...

— Вотъ то-то и есть,—думали... Vous me hantez! Но больше уже не увидимся. Завтра я уѣзжаю и навѣрное уже не возвращусь сюда.

Она сѣла на кресло, глубоко въ него вдвинулась и, взявъ ближайшую книгу, сказала:

— „Философія“ и—я! — Потомъ оглянулась вокругъ и замѣтила машинку для кипяченія. — Можете дать чашку чаю? Тогда я посижу часокъ; у васъ тутъ gemüthlich.

Немиричъ занялся кипяченіемъ.

— Вы не были на „Сельской Чести“?—спросила она.

— Не могъ; у меня были спѣшныя занятія.

— Да, я знаю, что вы avoué графа Альфреда, и пишете революціонныя статьи, не вѣруете въ Бога, защищаете падшихъ женщинъ и клеймите грансеньоровъ за ихъ развратную и пустую жизнь. Все про васъ знаю. Васъ боятся и ненавидятъ.

Поставивъ передъ ней чашку чаю, Немиричъ сѣлъ напротивъ нея.—Уѣзжаете въ Вѣну?

— Да, у меня тамъ ангажементъ съ конца августа. А лѣто проведу въ Ишлѣ, чтобы отдохнуть послѣ своей зимней кампаніи. Нервы мои измучены; мнѣ необходимы уединеніе, природа, книги...

— Да развѣ вы можете быть одинокой? — сорвалось у Немирича, и онъ пожалѣлъ объ этомъ.

— Буду совсѣмъ одна, только съ моей старой няней. Я каждый годъ такъ провожу свои каникулы... Вы думаете, что только къ вамъ подступаетъ тоска и все дѣлается противно...— Она закрыла глаза, потомъ слегка вздрогнула.—Нѣтъ вещи болѣе истертой, изношенной, какъ душа актрисы, — продолжала она черезъ нѣсколько секундъ. — Никто въ ней души не уважаетъ, даже не признаетъ... да, пожалуй, и она сама. Васъ, конечно, удивляетъ, что я могу дѣлать одна, въ Ишлѣ?

— Совсѣмъ не то. Я только хотѣлъ сказать, что вамъ не дадутъ быть одной.

— О! Я, славу Богу, свободна, никто надо мной не имѣетъ правъ, и я имѣю уже достаточно средствъ, чтобы ни отъ кого не зависѣть.

Она улыбнулась и прибавила: — Сегодня мнѣ сдѣлано было предложеніе... просили моей руки. Догадайтесь—кто...

— Знаю, весь городъ говоритъ объ этомъ.

— И вы не спрашиваете о моемъ отвѣтѣ?

— И о немъ всѣ тотчасъ узнаютъ.

— А васъ это не интересуетъ... Вы человѣкъ мысли, я — актриса... облако, которое пролетаетъ надъ скалой... Не глядите же такъ пасмурно!

— Вы сами хотите меня уколоть... Когда вы сперва сказали, что вамъ у меня нравится, я былъ счастливъ этими словами. Почему вы считаете меня лучше или выше васъ? У насъ много общаго просто потому, что мы—люди.

— А въ сущности вы все-таки относитесь ко мнѣ свысока.

— Нисколько... Я считаю себя выше только одной фальши и притворства.

— Стало быть, никогда не говорите неправды?

— Никогда, ни за что и ни для кого.

— Такъ скажите, вспомните ли вы обо мнѣ, когда уже не будете меня видѣть?

Немиричъ призадумался.

— Вы вспомнили пѣсню объ облакѣ и скалѣ. Въ ней же сказано, что хотя облако и пролетѣло надъ скалой, но не безслѣдно.

Они молча взглянули другъ на друга. Черезъ минуту Вилли встала, открыла піанино и, сдѣлавъ нѣсколько пассажей, спѣла два романса, а потомъ, держа руки на клавіатурѣ, спросила:

— Что бы мнѣ еще спѣть?

— Легенду Маргариты изъ „Фауста" о королѣ.

Исполнивъ его желаніе и продолжая что-то наигрывать, Вилли говорила:—Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы обо мнѣ помнили... Вы заразили меня своимъ настроеніемъ,—мнѣ такъ грустно, такъ тяжело... Пусть бы мнѣ случилось быть здѣсь еще разъ въ жизни и найти все безъ перемѣны... А между тѣмъ я отлично знаю, что этого не случится...

Не переставая играть, она перешла къ какому-то аккомпанименту и подъ него тихо декламировала:

S'asseoir tous deux au bord d'un flot qui passe,
Le voir couler.
Tous deux. S'il glisse un nuage en l'espace,
Le voir glisser.
Entendre au pied du saule, où l'eau murmure,
L'eau murmurer.
Ne pas sentir, tant que ce rêve dure,
Le temps durer.

Голосъ ея дрогнулъ. Съ минуту еще она сидѣла въ молчаніи. Покачала головой и встала.

— C'est fini! Il faut rentrer,—сказала она и взяла шляпу.—

Скажите мнѣ доброе слово, отъ души... Вѣдь это можно, а я его никогда не слыхала.

— Если когда-нибудь вы захотите побывать здѣсь,—отвѣтилъ онъ,—то будьте здѣсь всегда у себя и только собой.

— А вы, если будете когда-нибудь въ Вѣнѣ, зайдете ко мнѣ?

Немиричъ, послѣ краткаго колебанія, сказалъ:—Да.

— Слово?

— Слово.

И надъ этой любовной драмой, состоявшей всего изъ двухъ явленій, опустился занавѣсъ. Однако на Немирича она сильно повліяла. Цѣлый мѣсяцъ статей его не появлялось. Когда художникъ Опольскій зашелъ въ редакцію узнать о причинѣ, то редакторъ сказалъ о Немиричѣ:

— Кажется, съ ума спятилъ... И не пишетъ, и глазъ не кажетъ. Я сталъ безпокоиться, и тому двѣ недѣли былъ у него... Представьте, кого я тамъ засталъ...

— Женщину?

— Хуже того: ксендза.

Опольскій засмѣялся.—Кто же изъ нихъ совратитъ другого?

— Я хотѣлъ было тотчасъ уйти, увидѣвъ это tableau, и извинился, что помѣшалъ собесѣдованію. А ксендзъ на это добродушно отвѣтилъ: „Нѣтъ, мы не бесѣдовали. Г. Немиричъ работаетъ, а я прочитываю у него свой бревіарій, потому что здѣсь такъ тихо“.—Если и вы, Немиричъ, заняты тѣмъ же,—сказалъ я, то я уйду.—Тогда онъ отвѣтилъ, что у него спѣшное дѣло въ судѣ, и что статей онъ больше давать не будетъ. „Довольно этихъ поученій, которыя пропадаютъ даромъ. Лучше самому дѣлать что-нибудь согласное съ ними“. Вотъ что̀ онъ мнѣ отрѣзалъ. Я попробовалъ было убѣждать его во имя здраваго смысла. Но, вижу, ксендзъ сидитъ себѣ, будто до̀ма; я и ушелъ. А жаль. Талантъ, нечего сказать, этотъ Немиричъ, но съ придурью. Вѣдь и писалъ-то онъ даромъ, такъ что неловко его и уговаривать.

Спустя нѣсколько дней, Опольскій самъ пошелъ къ Немиричу и убѣждалъ его не бросать литературной работы, но—напрасно.

— Я уже съ нѣкотораго времени извѣрился въ возможности убѣждать людей. Они не живутъ по убѣжденіямъ, а просто примыкаютъ къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя для нихъ выгоднѣе. Къ чему дольше терять время! У меня есть другія дѣла.

— А что же у васъ дѣлаетъ тотъ ксендзъ, котораго видѣлъ редакторъ,—обращаетъ васъ, что-ли?

— Этотъ ксендзъ забрелъ ко мнѣ въ первый разъ слу-

чайно. Надъ нимъ подшутили, пославъ его ко мнѣ. Но онъ къ тому, что̀ люди сдѣлали изъ христіанства, обращать не станетъ. Онъ какъ будто уснулъ тому девятнадцать столѣтій и совершенно напрасно въ наше время проснулся. И вотъ заваливаетъ меня работой въ судахъ.

— Съ кѣмъ же онъ судится?

— Самъ-то ни съ кѣмъ. Но онъ вѣчно ходитъ по разнымъ ямамъ, въ которыя повержены такъ называемые отбросы общества,—добываетъ тамъ матеріалъ и кліентовъ, которыхъ навязываетъ мнѣ. Что̀ тамъ происходитъ... волосы дыбомъ становятся, слушая...

— И въ этакую жару вы сидите взаперти! Вы исхудали, даже почернѣли... Поѣхали бы куда-нибудь къ роднымъ, въ деревню...

— У меня нѣтъ родныхъ. Воспитывала меня до десяти лѣтъ тетка, старая дѣва. Когда она умерла, я остался совсѣмъ одинъ.

— Что же это за моръ былъ у васъ въ роднѣ?.. У меня такъ цѣлыхъ двѣ области наполнены родственниками. Какъ только окончу портреты, тотчасъ—вонъ изъ города. И долго меня не увидятъ въ Варшавѣ. Махну̀ даже въ Тироль. Хотите, поѣдемъ вмѣстѣ?

— Денегъ нѣтъ.

— Неужели! При вашей-то добродѣтели и уединенной жизни?! Я считалъ, что вы высиживаете деньги, какъ курица яйца.

— Спросите объ этомъ того же ксендза. У него всегда цѣлая орава умирающихъ съ голода, безпомощныхъ больныхъ и нищаго старья, которое не можетъ помереть.

— Охота позволять себя эксплуатировать!

— Да я разъ было и взбунтовался,—отвѣчалъ Немиричъ съ грустною усмѣшкой.—Тогда онъ потащилъ меня въ разныя трущобы на берегу Вислы. И тамъ я увидалъ такія вещи, что заложилъ часы, такъ какъ готовыхъ денегъ въ ту минуту не было, а отъ одной видѣнной тамъ картины я не могъ бы спать, если бы не купилъ себѣ этотъ сонъ сейчасъ же. Послѣ того я уже покорился... Впрочемъ, на что̀ мнѣ деньги! Хлѣбъ и чистый уголъ у меня есть. У меня все-таки и молодость, и здоровье. Хотя, признаться, и въ этомъ особеннаго удовольствія не нахожу... Такъ, живу себѣ...

— Но если будете такъ распоряжаться деньгами, то сами можете подъ старость очутиться въ одной изъ тѣхъ трущобъ.

— А если бы я сталъ копить, то развѣ избѣгну болѣзни, одряхлѣнія и смерти?

— А ксендзъ-то, поди, деньги откладываетъ.

— Куда ему! Онъ кормится у бернардиновъ, пока получитъ гдѣ-нибудь мѣсто викарія. Но никакой приходскій ксендзъ его не возьметъ. Онъ нигдѣ не могъ ужиться, потому что отказывается отъ платы за требы. „Я, говоритъ, этимъ не торгую".

— Ну, прощайте. Онъ еще васъ когда-нибудь отъисповѣдуетъ, повѣнчаетъ и дѣтей у васъ крестить будетъ.

III.

Въ тотъ же вечеръ Немиричъ получилъ отъ графа телеграмму, вызывавшую его по важному дѣлу въ плоцкую губернію, въ деревню, гдѣ графъ проводилъ лѣто. Тамъ, кромѣ графа Альфреда и его жены, онъ засталъ и бывшаго своего ученика, ихъ сына Андрея, который учился теперь въ военномъ училищѣ въ Вѣнѣ, а также младшаго брата графа, Францискa, и тетку ихъ, княгиню.

Немиричъ пріѣхалъ незадолго до обѣда, передъ которымъ графъ Альфредъ представилъ его своему брату, хотя тотъ, какъ и всѣ другіе члены семейства, зналъ Немирича еще съ того времени, когда онъ былъ домашнимъ учителемъ и жилъ въ этомъ же имѣніи.

Послѣ обычныхъ вступительныхъ вопросовъ, что̀ теперь дѣлается въ Варшавѣ, графъ спросилъ:

— Что̀, у васъ есть родственники въ Литвѣ?

— Нѣтъ.

— Такъ это вашъ однофамилецъ, какой-то Іосифъ Немиричъ, предъявилъ къ намъ искъ. Это—въ имѣніи жены, на Полѣсьѣ. Онъ представилъ планы и доказываетъ, что бо̀льшая часть тамошнихъ луговъ принадлежитъ къ его владѣніямъ и только по его оплошности захвачена нами. Дѣло это повелъ въ судѣ тамошній управляющій нашъ, Кенцкій, и проигралъ его, а теперь хочетъ перенести тяжбу на апелляцію. Но я не знаю, сто̀итъ ли, если по планамъ, въ самомъ дѣлѣ, выходитъ такъ?

— Надо бы провѣрить, какіе это планы... Дѣло можетъ дойти до межевого департамента и продлиться года два, если не болѣе. Кенцкій прислалъ вамъ бумаги сюда?

— Нѣтъ, я имѣю только письмо.

— Придется мнѣ осмотрѣть ихъ на мѣстѣ.

— Ѣдучи сюда, вы и не подозрѣвали, что прокатитесь въ Литву,—шутливо замѣтилъ графъ Андрей.

— Я не предполагалъ даже, что увижу ее когда-либо въ жизни.

За обѣдомъ зашла рѣчь о юбилеѣ священства, который праздновалъ папа, о пилигримствѣ въ Римъ, о сборѣ лепты св. Петра и т. д. Немиричъ слушалъ въ молчаніи, и внимательный взглядъ его встрѣтился со взглядомъ княгини, которая знала его очерки и была не прочь задѣть „памфлетиста". Выждавъ паузу, она иронически обратилась къ нему:

— Можетъ быть, все это пригодится вамъ для слѣдующей статьи?

— О чемъ?—спросилъ онъ спокойно.

— Разумѣется, съ громомъ на церковь, на почитаніе св. отца и на бараньи стада набожныхъ пилигримовъ. Вѣдь вы во все это не вѣруете и все отрицаете?

— Не вѣрую, на поклоненіе не пойду и лепты св. Петра не внесу. Но осуждать толпу я не думаю. Она не повинна, и если вѣруетъ, то пусть себѣ идетъ. И если то, что̀ она увидитъ и прочувствуетъ въ Римѣ, въ самомъ дѣлѣ возвыситъ въ ней душу, то это ея счастье.

— А вы бывали въ Римѣ? — спросилъ мѣстный капелланъ, въ томъ же тонѣ, какъ княгиня.

— Нѣтъ, зачѣмъ мнѣ, я не художникъ.

— Хотя бы для того, чтобы ближе узнать то, что̀ вы такъ слѣпо критикуете—церковь.

— Такъ развѣ церковь—въ Римѣ?

— Для васъ она скорѣе въ Женевѣ.

— Мнѣ она не нужна и въ Женевѣ. Но для вѣрующихъ она, я полагаю, вездѣ, гдѣ совершаются христіанскія дѣла.

— А св. Петръ и его мученичество въ Римѣ?—злобно возразила княгиня.

— Св. Петръ самъ прежде трижды отрекся. Правда, онъ умеръ мученикомъ. Но изъ этихъ двухъ его примѣровъ, какъ вы думаете, который среди христіанъ нашелъ болѣе послѣдователей?

— Можно ли такъ кощунствовать, и еще въ присутствіи молодыхъ людей...

— Простите меня, княгиня, я вѣдь только отвѣтилъ на ваши замѣчанія. Я никогда не начинаю спора о такихъ вещахъ, потому что это ни къ чему не ведетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, тетя, начали вы,—вмѣшался графъ Альфредъ.—Я держусь того, что убѣжденія свободны.

А братъ его, графъ Францискъ, засмѣялся и сказалъ капеллану:

— Запасайтесь аргументами, подтягивайтесь, отче. Атеисты для васъ необходимы. На̀ то и щуки, чтобы караси не дремали. Вѣдь вы же—воинствующая церковь.

Въ саду, когда молодые играли въ тэннисъ, а старшіе разошлись по аллеямъ, графъ Францискъ предложилъ Немиричу сигару и пошелъ съ нимъ.

— А мы съ вами вродѣ какъ бы единовѣрцы,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Кажется, поклоняемся одной и той же богинѣ...

Немиричъ вопросительно взглянулъ на него.

— Вѣдь это же вы—продолжалъ графъ—весной выступали въ печати защитникомъ Вилли Мора. Вы съ ней знакомы?

— Я былъ въ оперѣ раза два.

— А я стою за нее вотъ уже три года. Въ ней есть нѣкоторое колдовство. Вы, конечно, слышали, что говорилось обо мнѣ и о ней.

— Говорили, что вы на ней женитесь.

— Ну, да. И, представьте, это была правда: я, дѣйствительно, хотѣлъ. C'était un peu raide, n'est-ce pas?.. По счастью, она сама не захотѣла... Къ моему неудовольствію—сперва. И, понятно, къ полному удовольствію теперь... когда все осталось попрежнему.

Глаза Немирича потускнѣли и брови его дрогнули какъ бы отъ боли. Но собесѣдникъ не смотрѣлъ на него и продолжалъ:

— Ей надо отдать справедливость, и вы были правы, защищая ее. Признаюсь, я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидаю открытія оперы въ Вѣнѣ.

— Вы тамъ живете?

— И не могу иначе, какъ членъ рейхсрата. Вотъ вы, съ вашимъ полемическимъ талантомъ, пригодились бы у насъ въ Галиціи, при парламентскомъ режимѣ. По-нашему, вѣдь это надо бы назвать говорильнымъ механизмомъ, а въ немъ слово—сила.

— Ну, знаете, и парламентаризмъ еще не далеко ведетъ.

— Вы, конечно, и республиканецъ?

— Да и республика—не болѣе, какъ названіе. Бывали республики съ инквизиціей и тайными судами, бывали съ рабствомъ, и не только въ древности, но и всего лѣтъ сорокъ назадъ. Для меня и республика, и конституціонная монархія, и самодержавіе—это все только формы и названія, какъ и разные религіозные культы. Который Богъ лучше—католическій, православный, протестантскій, буддистскій, браминскій и такъ далѣе? Правильно судить можно бы только по дѣламъ ихъ проповѣдниковъ. А дѣла послѣдователей всѣхъ этихъ образовъ правленія и вѣроученій такъ мало разнятся, что я, лично, не желаю дѣлать выбора.

— Вы, пожалуй, правы,—заключилъ графъ Францискъ, бросивъ сигару.—Но надо же съ кѣмъ-нибудь водиться.

— Я ни за кѣмъ не пойду; истинная цѣль всѣхъ ихъ меня не привлекаетъ, а ихъ средства борьбы мнѣ противны.

IV.

Прочитавъ письмо управляющаго, получивъ инструкцію графа Альфреда и нужныя деньги, Немиричъ отправился черезъ Брестъ въ Литву. Сосѣдъ его въ вагонѣ, мѣстный помѣщикъ, узнавъ, что Немиричъ ѣдетъ до станціи Чернинъ, а оттуда на лошадяхъ въ графское имѣніе Мехечъ, одобрительно отозвался о тамошнемъ управляющемъ Кенцкомъ и о паннѣ Янинѣ, его дочери, образованной и дѣльной дѣвушкѣ, хотя и „эманципанткѣ". Онъ былъ знакомъ и со старымъ Іосифомъ Немиричемъ, который вѣчно затѣвалъ процессы и велъ ихъ удачно, такъ что не только не разорялся на нихъ, но увеличилъ свое состояніе.

Пользуясь словоохотливостью своего спутника, повѣренный графа узналъ, что старый Немиричъ, которому везло въ дѣлахъ, не былъ счастливъ въ семьѣ. Женился онъ еще студентомъ, въ Петербургѣ, на дѣвушкѣ, которая ничего не имѣла и не подходила къ нему по нраву, была кротка и застѣнчива, между тѣмъ какъ онъ былъ „весь—огонь", и, получивъ наслѣдство отъ отца, сталъ жить на большую ногу, искалъ сблизиться со знатью, часто живалъ въ Варшавѣ одинъ, оставляя запуганную жену дома. Жизнь ея, должно быть, была тяжкая, такъ какъ молодая женщина утопилась, будто бы случайно, при купаньѣ. У нихъ уже былъ ребенокъ, о которомъ отецъ нисколько не заботился. Онъ уже имѣлъ въ виду новую, богатую женитьбу, и свояченицѣ своей, сестрѣ покойной жены, позволилъ взять сына на воспитаніе, да такъ его и забросилъ. Ребенка увезли въ Петербургъ, и тамъ, говорили, онъ умеръ. А Немиричъ взялъ большое приданое за второй женой, которая, къ тому же, была изъ графскаго рода. Тогда онъ и роскошь завелъ, и праздники сталъ задавать, но и имѣніе привелъ въ порядокъ, прикупилъ нѣсколько фольварковъ, оттягалъ разные участки, но все-таки въ новые долги вошелъ. Двое дѣтей умерли, при немъ остались отъ второго брака дочь и сынъ. Дочь—горбатая, сынъ—чахоточный. Вторая жена умерла отъ рака. Однимъ словомъ, болѣзни почти не выходили изъ этого дома.

Отъ станціи Чернинъ было до Мехеча семь миль. Романъ Немиричъ думалъ нанять повозку, такъ какъ онъ отказался отъ предложенія графа телеграфировать, чтобы изъ Мехеча выслали

на станцію лошадей. Но на предшествующей станціи въ вагонъ вошла молодая дѣвушка, тотчасъ обратившаяся къ спутнику Немирича, какъ къ знакомому. Оказалось, что это была дочь мехечскаго управляющаго, Кенцкаго, Янина. Когда они оба вышли изъ вагона на станціи Чернинъ, Немиричъ сталъ нанимать еврея съ повозкой — въ Мехечъ, а Кенцкая, услышавъ это, спросила:

— Вы не повѣренный ли, котораго мы ожидаемъ отъ графа?

Онъ подтвердилъ это и представился:—Романъ Немиричъ.

— Да, я слышала отъ отца. Къ чему же вамъ трястись въ повозкѣ? За мной высланъ экипажъ,—поѣдемте вмѣстѣ.

Они сѣли въ фаэтонъ, съ кучеромъ въ графской ливреѣ.

— Такъ вы—повѣренный графа. Вотъ странная встрѣча именъ! Дѣло противъ Немирича поведетъ Немиричъ. Мнѣ только жаль Ядвиги, дочери нашего противника. Я съ ней часто видѣлась. Но отца ея терпѣть не могу... А скажите, вы не тотъ ли Немиричъ, который писалъ „Лицемѣровъ“?

— Да; но я пересталъ писать.

— Значитъ, для меня вы давнишній знакомый. Позвольте мнѣ сказать, что я читала васъ съ полнымъ сочувствіемъ.

На полдорогѣ они остановились покормить лошадей. Въ это время съ противоположной стороны проѣхала мимо той же корчмы коляска, въ которой полулежалъ худой и блѣдный молодой человѣкъ, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ сѣдой господинъ суроваго вида, съ подтеками подъ черными, сверкавшими глазами. Кучеръ его хотѣлъ было также остановиться у корчмы. Но старикъ, бросивъ проницательный взглядъ на стоявшій передъ ней фаэтонъ и на Немирича, который стоялъ рядомъ, сердито крикнулъ:—Пошелъ впередъ!—И коляска проѣхала мимо.

— Это—онъ самъ, нашъ противникъ и вашъ однофамилецъ. Бѣдный сынъ его, какъ опустился съ весны! Это отецъ везетъ его, навѣрное, за-границу. А ему такъ не хотѣлось уѣзжать, онъ такъ упрашивалъ дать ему умереть спокойно здѣсь, въ Немировѣ. Онъ знаетъ свое положеніе. Но что съ этимъ палачомъ подѣлаешь!..

— Вы хотите сказать, что онъ сына не любитъ?

— Развѣ онъ можетъ кого-нибудь любить! Во всякомъ случаѣ, дочь онъ ненавидитъ за то, что она—калѣка. Онъ держитъ ее при себѣ, потому что это дешевле и она ему прислуживаетъ. А сыну онъ постоянно напоминаетъ о своихъ заботахъ о немъ, какъ будто этотъ приговоренный къ смерти можетъ дорожить

жизнью и быть благодарнымъ за нее отцу. У сына, какъ и у дочери, нѣтъ ни воли, ни гроша собственныхъ денегъ. А многіе считаютъ его любящимъ отцомъ... Какъ же—кормитъ ихъ, одѣваетъ, лечитъ и даетъ ѣздить въ собственномъ экипажѣ.

Фаэтонъ въѣхалъ въ аллею столѣтнихъ липъ, которая вела къ такъ-называемому палацу графа, и вскорѣ остановился передъ домомъ управляющаго, не проѣхавъ и половины аллеи.

На крыльцо вышли управляющій, то-есть, отецъ Янины, Кенцкій, и старшій его братъ, котораго она называла „дядя Петръ". Оказалось, что Янина работала въ конторѣ отца, вела книги и была знакома съ дѣлами. Кенцкій зналъ о Романѣ Немиричѣ, какъ о повѣренномъ графа, но тотчасъ спросилъ:

— Вы не родственникъ Іосифа Немирича?

— Я сегодня въ первый разъ видѣлъ его; мы кормили лошадей, когда онъ проѣхалъ мимо корчмы.

Такъ какъ Кенцкому на другой день необходимо было ѣхать въ другое мѣстечко, то они условились, что, покамѣстъ, Янина покажетъ Немиричу, откуда начинаются спорные луга. Ближайшій туда путь былъ рѣчкой и потомъ озерами. Просмотромъ плановъ и бумагъ Немиричъ занялся въ тотъ же вечеръ. Когда онъ вставалъ послѣ обѣда, дядя Петръ задалъ ему неожиданный вопросъ:

— Не знали ли вы г-жи Стефаніи Путята?

Немиричъ вздрогнулъ, и послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія отозвался:

— Не припоминаю... Должно быть, нѣтъ.

— Угу!—проворчалъ старикъ.—Меня вы также не узнали.

Когда Немиричъ вышелъ, дядя Петръ обратился къ Янинѣ:

— Старый Немиричъ посмотрѣлъ на васъ при встрѣчѣ?

— Да, онъ взглянулъ, проѣзжая.

— И не узналъ его?! Ну, этотъ человѣкъ совсѣмъ потерялъ совѣсть.

— Почему же онъ могъ его узнать?

— Потому что это — его сынъ... И такъ похожъ на мать, что я ни на минуту не сомнѣвался, кто онъ.

— Полно, дядя, что вы!.. Это вамъ такъ показалось...

— Какое показалось, когда я навѣрное знаю! Я былъ знакомъ и съ его матерью, а еще болѣе съ ея сестрой, въ которую я даже былъ влюбленъ... Да, да... Тебѣ странно, тебѣ кажется, что я такъ дядей и родился. А было и мое время. Послѣ несчастія съ пани Немиричъ, которая утопилась, панна Стефанія взяла съ собой ея ребенка... Да, вотъ только теперь я вспо-

мнилъ, что его звали именно Ромекъ... Взяла безъ всякаго сопротивленія со стороны отца и рѣшила посвятить свою жизнь сыну своей несчастной сестры. Она его и воспитала. Въ послѣдній разъ я ее видѣлъ въ Варшавѣ, мальчику было тогда полтора года... А теперь, взглянувъ на этого Романа Немирича, я едва не вскрикнулъ отъ удивленія,—до такой степени онъ похожъ на мать. И хорошо, что я удержался. Ясно, что онъ своего отца знать не хочетъ,—и совершенно правъ. Онъ—не Немиричъ, ни лицомъ, ни душой... Увидишь, это—нашъ человѣкъ. Поразительно похожъ на мать и на панну Стефанію... Ея уже, должно быть, нѣтъ на свѣтѣ... Когда я спросилъ, онъ отвѣтилъ, какъ о комъ-то давно умершемъ.

— Вы, дядя, никому объ этомъ не скажете?

— Никому. Но какъ отецъ-то его не узналъ?.. Или не хотѣлъ узнать? Это отъ него станется.

— Въ судѣ узнаетъ,—замѣтила Янина.—Интересно, зналъ ли Романъ свою исторію, или, можетъ быть, услышалъ ее отъ стараго Колба, съ которымъ я его застала въ вагонѣ? Тотъ, навѣрное, разсказывалъ о Немиричѣ, если только зналъ, что спутникъ его ѣхалъ въ Мехечъ.

— Я думаю, онъ зналъ. Панна Стефанія была умная, она не оставила его безоружнымъ въ жизни,—навѣрное, не скрыла отъ него ничего и закалила его противъ того, что ему могло представиться въ будущемъ... Отецъ не хотѣлъ его знать, и онъ не хочетъ знать отца. Это правильно. Говорю тебѣ, это—нашъ человѣкъ.

— А все-таки, дядя, вѣдь Немировъ-то можетъ перейти къ нему по наслѣдству. Братъ его, я увѣрена, уже живымъ не возвратится.

— Да самъ-то тотъ, старый волкъ, еще переживетъ насъ всѣхъ... Не узналъ его, видишь ли... вотъ бестія!

Четыре дня работалъ Немиричъ въ конторѣ Кенцкаго, отчасти съ нимъ, отчасти одинъ, надъ планами и документами, вызывалъ и разспрашивалъ старожиловъ-крестьянъ. Наконецъ, наканунѣ отъѣзда, онъ пожелалъ еще разъ осмотрѣть положеніе тѣхъ луговъ съ обоихъ конечныхъ ихъ пунктовъ вдоль озера. Въ первый разъ онъ видѣлъ тѣ луга только издали, когда, одинъ съ Яниной, доплылъ въ лодкѣ до перваго озера, причемъ она не рѣшилась пускаться въ болота. Теперь они взяли съ собой дядю Петра и старика-крестьянина, бѣлоруса, который сѣлъ у

руля. Гребли Немиричъ и Янина, каждый въ два короткихъ весла, которыми можно было дѣйствовать и въ мѣстахъ, поросшихъ тростникомъ. А тамъ, гдѣ тростникъ становился очень высокъ или было мелко, крестьянинъ снималъ руль и, ставъ на кормѣ, подавалъ лодку впередъ однимъ весломъ, наклоняясь то на одинъ бортъ, то на другой.

Изъ перваго озера они вошли въ поросшій совсѣмъ протокъ и плыли нѣкоторое время среди высокаго, густого тростника, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ попадавшихся по берегамъ ивъ.

— Этотъ рукавъ изображаетъ Лету, рѣку забвенія,—прервалъ общее молчаніе Немиричъ.—На нѣсколько минутъ можно забыть о существованіи другихъ людей.

Они выплыли во второе озеро, принялись снова грести и приблизились къ противоположному, отлогому и песчаному берегу. Отъ него полосой шли пески вглубь, только мѣстами прерываемые рѣдкимъ кустарникомъ и мхами вокругъ разбросанныхъ кустовъ.

— Причаль здѣсь, Максимъ,—сказалъ дядя.—Вотъ вамъ и другой край луговъ по берегу. Тутъ еще во многихъ мѣстахъ топко, но мы взойдемъ на этотъ холмикъ.—А когда они вышли на берегъ и поднялись на одинокую песчаную возвышенность, то имъ представился видъ необозримыхъ луговъ, которые шли вглубь берега, перерѣзываемые водными артеріями.—Ну, Максимъ, теперь разсказывай, откуда тянутся лугà и куда заходятъ.

Старикъ сталъ объяснять, указывая рукой въ разныя стороны, и на вопросы Немирича объяснялъ примѣрныя разстоянія отъ усадьбы, отъ озеръ, до лѣса и далекой проѣзжей дороги. Немиричъ набрасывалъ карандашомъ приблизительный чертежъ, чтобы лучше понять планы. Крестьянинъ говорилъ по-бѣлорусски, и Янина должна была многое повторять Немиричу по-польски.

Возвращались они со второго озера уже другимъ протокомъ, который впадалъ въ ту же рѣчку, но ниже, по теченію. Здѣсь луга прерывались съ одной стороны густымъ и высокимъ лѣсомъ, въ тѣни котораго они подвигались свободно, такъ какъ въ протокѣ этомъ дно было песчаное. На веслахъ сидѣлъ теперь крестьянинъ, а дядя—у руля. Въ лѣсу было темно, кругòмъ — полная тишина, надъ которой раза два прозвенѣли въ высотѣ крылья всполохнувшихся дикихъ утокъ.

— Красиво и какъ будто полно думы! — замѣтилъ Романъ.

— Мы сжились съ нашей природой и любимъ ее,—сказала Янина.—Я разъ была съ дядей за-границей, въ Англіи, Швейцаріи и Италіи. Но если бы мнѣ и приходилось выбирать, я хо-

тѣла бы жить и умереть здѣсь, у насъ, въ Литвѣ...—Когда она кончила, въ лѣсу тихо, но ясно повторился послѣдній слогъ: „твѣ“.

Немиричъ улыбнулся.

— Лѣсъ отзывается на ваши слова... Что мнѣ особенно нравится у васъ, такъ это неприкосновенность природы, дикость, полная ея независимость. Мнѣ портитъ живописную гору зубчатая желѣзная дорога по ней, которая идетъ къ трактиру. Толпы туристовъ, которые объѣзжаютъ озера срочными рейсами, съ Бедекерами въ рукахъ, и глазѣютъ на корректность своихъ костюмовъ болѣе, чѣмъ на глетчеры и пропасти, опошляютъ великолѣпіе природы. Она кажется устроенной для нихъ панорамой... Вся ея прелесть пропадаетъ отъ ихъ надутыхъ минъ и глупыхъ замѣчаній.

Изъ-за лѣса поднялась туча и стало еще темнѣе.

— По-вашему, люди портятъ пейзажъ?—пошутила дѣвушка.

— Если бы только пейзажъ! Они множатся и множатся, и чѣмъ имъ становится тѣснѣе на каждомъ пути, тѣмъ болѣе они другъ друга ненавидятъ, хитрятъ, лицемѣрятъ, искажаютъ всякую идею, обращаютъ ее въ товаръ и товаръ этотъ поддѣлываютъ. А еще говорятъ о прогрессѣ!.. Прогрессъ опустѣнія души, физическаго истощенія, истерики и взаимнаго пожиранія!.. Смотрите, къ чему все идетъ... Есть скандинавская сага, что послѣ дней, длившихся вѣки вѣковъ, приходитъ ночь — „рагнарёкъ“ — когда гаснутъ солнца, замираютъ силы идеи и вѣры. Въ ту ночь боги и люди, добрые и злые духи, добродѣтель и преступленіе, геніи и чудовища, все охватывается страшнымъ потрясеніемъ, взвивается роковыми вихрями, разбивается въ дребезги и летитъ въ пожирающую все бывшее безпредѣльность... Должно быть, вѣрно, такъ и будетъ... Развѣ не примѣтно уже начало хаоса, развѣ фальшь не перержавила всѣхъ нашихъ вѣръ, и чувствъ, и дѣлъ?.. Что еще осталось правдивымъ и цѣльнымъ? Не изъ чего ни чинить старый строй, ни возводить новое зданіе. Просто нѣтъ годныхъ, цѣльныхъ матеріаловъ... Стало быть, что же будетъ въ концѣ концовъ, какъ не „рагнарёкъ“?

Они совсѣмъ поддались неожиданной импровизаціи Романа и ея страстному тону. Даже не примѣтили, какъ выплыли на рѣку. Дядя Петръ налегъ на руль въ лѣвую сторону, и когда лодка вышла на середину, поставилъ его прямо.

— Должно быть,—проговорилъ онъ,—и будетъ нѣчто въ этомъ родѣ, если ужъ молодые люди чувствуютъ себя такъ безнадежно. Въ наше время было иначе. Мы думали, что будущ-

ность въ нашихъ рукахъ, что мы передѣлаемъ міръ. Но ничего мы, увы, не передѣлали.

Спустя еще нѣсколько минутъ, съ нѣкоторой несмѣлостью отозвалась и Янина.

— А мнѣ чувствуется, что не должно такъ быть, какъ вы говорите, г. Немиричъ... не должно, а потому и не будетъ. Научныхъ доводовъ я, конечно, привести не могу, и даже слыхала о томъ предположеніи, которое вы, вѣроятно, имѣете въ виду, а именно, что въ концѣ солнца попадаютъ па солнца и все когда-нибудь разобьется въ дребезги, какъ вы сказали, а потомъ атомы опять начнутъ группироваться. Но какой же смыслъ имѣла бы эта повторяющаяся комедія? Чувство мнѣ говоритъ, что міръ стремится къ совершенствованію, а не къ разрушенію. Пусть фальши въ наше время больше, чѣмъ было когда-либо. Но отчего же не допустить, что съ успѣхами развитія всей массы придетъ время, когда нельзя будетъ ни управлять, ни эксплуатировать никого посредствомъ фальши?.. Можетъ быть, тогда ее и бросятъ, какъ пріемъ безполезный, даже вредный тѣмъ, кто къ нему прибѣгаетъ...—Выговоривъ все это, дѣвушка покраснѣла.

Романъ взглянулъ на нее съ симпатіей и удивленіемъ.

— Противъ чувства спорить нельзя,—сказалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ мы, вѣроятно, не доживемъ ни до „рагнарёка", ни до вашей будущей Аркадіи...

— А можетъ, и доживемъ?—съ улыбкой спросила Янина и продолжала въ полу-шутливомъ тонѣ, быть можетъ изъ боязни, чтобы Немиричъ не сталъ насмѣхаться надъ ней:—Мнѣ кажется, что когда я умру, то пройду чрезъ мгновеніе, въ которое я увижу всѣ свои прежнія бытія, весь рядъ ихъ — и мои паденія на ступень ниже прежней, и мои подъемы на ступень выше. Увижу и слѣдующее мое воплощеніе, и что меня въ немъ ждетъ. Если въ минувшемъ бытіи я менѣе соблюла чистоту своего духа, то затѣмъ воплощусь въ существѣ болѣе грубомъ. А если въ прежнемъ бытіи мнѣ удалось подняться духомъ выше, то меня ожидаетъ затѣмъ воплощеніе въ формѣ болѣе чистой и болѣе тонкой. И послѣ такого мгновеннаго, но все охватывающаго сознанія лучъ этотъ угаснетъ и памяти о немъ во мнѣ не останется при моемъ новомъ воплощеніи въ формѣ новорожденнаго существа, въ которомъ сознаніе и чувство должны будутъ пробудиться новымъ жизненнымъ развитіемъ, но зародыши ихъ уже лежатъ въ его духѣ... А если думать такъ,—то-есть, что бытіе міра осмыслено идеей совершенствованія, въ такомъ случаѣ соблю-

деніе чистоты и достоинства своего духа,—то, что называется нравственностью и дѣланіемъ добра,—внушается уже самымъ эгоизмомъ и не составляетъ заслуги... Вы назовете это произвольной фантазіей, бреднями...—закончила Янина, улыбнувшись опять.

Но Немиричъ отвѣтилъ ей совершенно серьёзно:

— То, что вы сказали, не ново, и съ этимъ я спорить не буду; не стану ссылаться на науку, послѣднимъ словомъ которой является все-таки только вѣроятность. А у меня нѣтъ никакихъ окончательныхъ формулъ... Пускай каждый идетъ къ самосовершенствованію тѣмъ путемъ, какой ему пригоднѣе. Я, вотъ, часто вижусь съ однимъ ксендзомъ, который совершаетъ и богослуженія, и требы, а между тѣмъ не хочетъ и спорить съ моими еретическими и революціонными взглядами. Онъ думаетъ, что если кто дѣлаетъ добро, того глупо спрашивать, что побуждаетъ его къ этому.

V.

Поздней осенью, когда дѣло о лугахъ давно уже было перенесено Романомъ Немиричемъ въ судебную палату, провѣрены были планы по генеральному межеванью и представлены всѣ нужныя дополнительныя свѣдѣнія,—ему неожиданно случилось уѣхать въ Вѣну. Сынъ графа Альфреда, бывшій ученикъ Немирича, Андрей, который оканчивалъ тамъ свое образованіе, попалъ въ руки шайки шулеровъ, съ которыми онъ неосторожно сблизился, связавшись съ подставленной ими женщиной. Онъ надѣлалъ долговъ, далъ ей обѣщаніе жениться, и когда шайка эта успѣла обобрать его, то завлекшая его женщина обратилась письменно къ графу Альфреду, требуя, чтобы онъ далъ согласіе на женитьбу сына, жертвой котораго она выставляла себя. Все дѣло, разумѣется, было въ деньгахъ и даже въ небольшихъ деньгахъ, но необходимо было положить конецъ какъ можно скорѣе, чтобы не дать Андрею запутаться окончательно.

Графъ Альфредъ обратился къ помощи Романа Немирича, перевелъ въ Вѣну, въ его распоряженіе, десять тысячъ рублей, а на издержки пути и пребыванія въ Вѣнѣ далъ ему особо тысячу рублей, прося, чтобы обязательства молодого человѣка были выплачены сполна, но полюбовно и безъ огласки. Немиричъ, по даннымъ ему свѣдѣніямъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Вѣну, направился къ самой Цирцеѣ, пригрозилъ ей и ея сообщникамъ обращеніемъ въ судъ за вовлеченіе несовершеннолѣтняго въ неза-

конныя обязательства, получилъ письменное заявленіе, что она отказывается отъ Андрея за полученную сумму, выкупилъ векселя, учитанные у двухъ ростовщиковъ, и открылъ глаза молодому человѣку, который уже самъ тяготился связью, поставившею его въ такое положеніе.

Сдѣлавъ это въ два-три дня и заручившись честнымъ словомъ Андрея, что тотъ, на слѣдующій же день, выѣдетъ съ нимъ въ Варшаву, Романъ узналъ адресъ Вилли Мора и поѣхалъ къ ней.

— Не принимаютъ,—отвѣчалъ ему лакей.

Немиричъ далъ ему свою карточку и уже спускался по лѣстницѣ, когда его догналъ лакей.—Васъ просятъ.

— Наконецъ-то!—встрѣтила его Вилли, протянувъ Роману обѣ руки. — И отчего вы не сказали человѣку, что вы были призваны мной?

— Не хочу сочинять, даже для того, чтобы васъ увидѣть.

— А мое письмо?

— Я его не получилъ.

— Такъ вамъ самимъ пришла мысль пріѣхать?

— Нѣтъ, я пріѣхалъ по дѣлу, и къ вамъ явился...

— Потому что обѣщалъ... Ну, спасибо и за это.—Въ нервныхъ ея чертахъ быстро промелькнули сперва радость, затѣмъ обманутое ожиданіе и какъ будто боль.

Они сѣли въ изящномъ будуарѣ, гдѣ топился каминъ.

— Если, возвратясь домой, вы найдете письмо,—обѣщайте, что пришлете его мнѣ, не читая.

— И не думаю обѣщать.

— Да потому что писала я глупости... Привидѣлось мнѣ что-то фантастическое.

— Что же вы мнѣ писали?

— Что? Я вамъ говорю, вдругъ мнѣ привидѣлось...

— А теперь не повторите?

Она отрицательно покачала головой.

— Значитъ, вы берете назадъ то, что писали?

Она оперлась лѣвой рукой на колѣно и правою провела по ней, присматриваясь. — Нѣтъ... Пожалуй, прочтите... Я звала васъ въ Вѣну и при этомъ писала очень нелестныя вещи о себѣ. Когда вы все-таки пріѣхали, я сперва очень обрадовалась. Но вы пріѣхали сюда по другому случаю... Все равно, читайте, если хотите... Вы слишкомъ умны, чтобы презирать женщину за то, въ чемъ она вамъ добровольно призналась.

Она встала, а за ней и Немиричъ. Но онъ взялъ ея руку и, наклонивъ голову, произнесъ тихо и медленно:

— Что вы писали — я догадываюсь и отвѣчу просто, что я люблю васъ, что для меня было бы и счастьемъ, и гордостью, если бы вы приняли мою любовь.—Онъ выпрямился и взглянулъ ей въ глаза. Лицо его оставалось неподвижно; онъ только поблѣднѣлъ.

А она смотрѣла на него въ недоумѣніи:—Вы хотите пощадить мое самолюбіе?

— Хочу васъ и хочу отдать вамъ свою жизнь.

— Вы меня любите... Меня?! — Въ голосѣ ея послышался какой-то чуждый ему звукъ. Она тихо прислонилась къ его плечу. Романъ обнялъ ее одной рукой, — не прижалъ къ себѣ, не поцѣловалъ, а только какъ будто оборонялъ ее отъ всего свѣта.

Легкій стукъ въ дверь прервалъ эту сцену. Вошла старая ея бонна Нелли, англичанка, и позвала ихъ къ чаю, который она разливала и пила вмѣстѣ съ ними.

Когда они опять сидѣли потомъ одни, въ ея будуарѣ, Немиричъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Миссъ Нелли только-что шепнула мнѣ, чтобы я былъ добръ съ вами. Этимъ она высказала истинное содержаніе любви. Для того, чтобы мы могли быть добрыми другъ къ другу, надо знать, въ чемъ каждый изъ насъ видитъ счастье... Если въ одномъ и томъ же, то жизнь наша будетъ чарующая, какъ ваше пѣніе... А если мы счастье понимаемъ различно, то жизнь будетъ мученьемъ.

— Я готова на все, что вы захотите; полюблю то, что любите вы...

— А я вамъ ничего не хочу навязывать, не потребую, чтобы вы отказались отъ своего призванія, не стѣсню вашей свободы, если вы теперь говорите, что готовы отречься отъ воли, отъ всего, къ чему вы привыкли... Но такъ вы будете чувствовать нѣсколько дней, мѣсяцъ, пожалуй годъ, пока будетъ свѣтиться та радуга, которая взошла надъ нами сегодня. А я хочу, чтобы вы были моей не только на этотъ радужный срокъ, но на всю жизнь, чтобы мы принадлежали другъ другу и въ страсти молодыхъ лѣтъ, и въ крѣпкой солидарности возраста зрѣлаго, и въ дружномъ покоѣ старости... Быть можетъ, на милліонъ любовныхъ союзовъ встрѣчается только одинъ примѣръ такого беззавѣтнаго, неугасимаго чувства... Но я хочу такой именно любви, а не иной.

— А я счастлива тѣмъ, что вы любите меня, и тѣмъ, что сама люблю... Я еще никогда не любила. Вамъ трудно этому повѣрить, если вы догадываетесь, что я вамъ писала...

Она закрыла лицо руками.

— Я теперь прямо скажу вамъ, что̀ вы, вѣроятно, угадали... Связей было у меня нѣсколько... Но скажу еще то, о чемъ вы не догадываетесь, чему вы, вѣроятно, и не повѣрите... Я никого не любила, и никто не любилъ меня. Ихъ влекло ко мнѣ или тщеславіе, или просто животный инстинктъ; никому и дѣла не было до моей души и моей мысли. Въ васъ я встрѣтила перваго человѣка, который отнесся ко мнѣ, какъ къ равному, разумному существу, уважилъ во мнѣ душу. И это было для меня какъ бы откровеніемъ. Я сама стала предъявлять къ себѣ другія требованія, и мысль о васъ уже не оставляла меня. Я не хотѣла быть ничьей игрушкой и послѣднюю свою связь порвала сама, просто потому, что впервые почувствовала любовь.

Она открыла лицо, но продолжала сидѣть съ потупленнымъ взглядомъ.

— Теперь вы знаете навѣрное, что я не сто̀ю васъ.

Немиричъ обнялъ ее, привлекъ къ своей груди и проговорилъ нѣжнымъ голосомъ, какъ утѣшаютъ ребенка:

— Оставьте это, милая. И я грѣшилъ, и сто̀ю не больше васъ; такой же вы человѣкъ, какъ и я. И если въ самомъ дѣлѣ ты меня любишь...

Она страстно обвилась около него и шептала:

— Ты одинъ, ты такой дорогой, такой геніальный, призналъ во мнѣ человѣка, тобой я хочу жить и заслужить тебя... Люблю...

Слово это еще не разъ повторялось ими обоими, прерываемое поцѣлуями. И Роману казалось, будто онъ тонетъ въ цвѣтахъ и отъ ихъ одуряющаго запаха теряетъ сознаніе.

Когда Немиричъ пріѣхалъ въ Варшаву, вмѣстѣ съ бывшимъ своимъ ученикомъ, графъ Альфредъ такъ обрадовался возвращенію этого блуднаго сына, что и не думалъ водворять его на покаяніе въ литовскомъ своемъ имѣньи Мехечѣ, какъ Андрей того ожидалъ. Но быстрый и полный успѣхъ Немирича въ порученномъ ему дѣлѣ доказывалъ, что онъ имѣлъ большое нравственное вліяніе на молодого человѣка, который, очевидно, еще нуждался въ надзорѣ и нѣкоторой трэнировкѣ, прежде чѣмъ ему можно было предоставить полную самостоятельность.

Услышавъ отъ сына желаніе побывать въ разныхъ странахъ, отецъ ухватился за эту мысль, но съ тѣмъ, чтобы это было путешествіе систематическое и образовательное, которымъ могъ руководить только Романъ Немиричъ. Графъ переговорилъ съ нимъ объ этомъ, и когда Романъ ссылался на неоконченныя судебныя дѣла, графъ отвѣтилъ, что самое важное для него дѣло

представляется въ томъ, чтобы занять умъ молодого человѣка, возбудить въ немъ интересъ къ вещамъ полезнымъ, словомъ, дать ему умственную подготовку, которой ему еще недоставало, какъ то доказывали его приключенія въ Вѣнѣ. А для судебныхъ дѣлъ онъ предоставилъ Немиричу найти помощника и временного замѣстителя.

На это, все-таки, требовалось нѣкоторое время, и условлено было, что, покамѣстъ, Романъ будетъ продолжать прежнія занятія, и тутъ же принято было въ принципѣ рѣшеніе, что когда онъ найдетъ это возможнымъ, то отправится съ Андреемъ въ предположенное путешествіе года на два.

У себя въ квартирѣ Романъ засталъ ксендза, который, держа книгу на столѣ, преспокойно прочитывалъ свой бревіарій, и только улыбнулся, когда увидѣлъ Немирича, но продолжалъ дочитывать, что̀ слѣдовало по положенію. Романъ, между тѣмъ, разобралъ накопившіяся письма, и у него радостно забилось сердце, когда онъ нашелъ и прочелъ письмо Вилли.

Кончилъ читать и ксендзъ.

— Что-жъ вы меня не спрашиваете, съ чѣмъ я пріѣхалъ?— ласково спросилъ его Романъ.

— Зачѣмъ мнѣ спрашивать. Вижу въ глазахъ, что у тебя свѣтло въ душѣ... И смѣешься... Вотъ тебѣ этого недоставало. Каждый человѣкъ долженъ въ свое время посмѣяться, сколько ему дано. А я здѣсь, знаешь, частенько бывалъ,—спасибо, сторожъ меня пускаетъ. И сейчасъ долженъ покаяться,—стащилъ я у тебя пару сапогъ, знаешь, которая была постарше. Очень она была нужна для нѣкотораго человѣка. Совсѣмъ былъ босъ, не могъ искать работы.

Романъ усмѣхнулся.

— Ну, что̀ тамъ сапоги! Я вотъ удачно свое дѣло сдѣлалъ, да и заработалъ на этомъ. Вашимъ бѣднякамъ также изъ этого что̀-нибудь перепадетъ.

— Такъ дай, что̀ можешь, я пойду сейчасъ.

— Теперь поздно... Еще, пожалуй, васъ ограбятъ тамъ внизу, на Вислѣ.

— Поздно, а есть такіе, которые я и не знаю, какъ перенесутъ эту ночь. Вѣдь морозитъ. Есть и больные, и дѣти, и безночлежные. Имѣемъ ли мы право откладывать до завтра только потому, что это для насъ удобнѣе. Правда, можетъ встрѣтиться и такой, что вздумаетъ все для себя одного отнять... Ну, такъ пойдемъ вмѣстѣ, и ты убѣдишься, правъ ли я.

Отъ денегъ, полученныхъ отъ графа Альфреда, у Романа оста-

лось тысяча-триста рублей. Графу онъ представилъ счетъ издержекъ, но тотъ отказался принять эти сбереженія.—„Вы сберегли, ваши и деньги",—сказалъ онъ. Любовь располагала молодого человѣка къ помощи несчастнымъ. На всякій случай онъ взялъ съ собой сто рублей и револьверъ. До поздней ночи они ходили по разнымъ трущобамъ.

Немиричъ увидѣлъ такую нищету, такія страданія, которыя ему потомъ не разъ мѣшали заснуть.

На другой день онъ отдалъ ксендзу все, что у него осталось въ карманѣ, когда онъ пришелъ домой. А когда, недѣли черезъ двѣ, ему пришлось поѣхать въ одинъ изъ губернскихъ городовъ по дѣлу о мехечскихъ лугахъ, которое уже было назначено къ разбирательству, Романъ оставилъ ксендзу еще пятьсотъ рублей, пожертвовавъ такимъ образомъ почти половиной недавно заслуженной награды.

VI.

Недѣлю просидѣлъ Романъ въ губернскомъ городѣ, приготовляя свою защиту. Поселился онъ въ неприглядной еврейской гостинницѣ и прерывалъ работу короткими прогулками по городу. Здѣсь и дома, и люди, имѣли видъ унылый и какъ бы сонный. На вопросъ о какомъ-либо старинномъ зданіи прохожіе не давали объясненія. Никого въ составѣ мѣстной палаты и адвокатуры Романъ не зналъ, и только отъ пріѣхавшаго наконецъ Кенцкаго услышалъ, что съ противной стороны выступаетъ адвокатъ съ извѣстнымъ именемъ, считающійся лучшимъ мѣстнымъ цивилистомъ.

— Однако, они сами сознаютъ, что дѣло плохо,—прибавилъ Кенцкій,—такъ какъ подсылали ко мнѣ факторовъ, предлагая полюбовную сдѣлку.—Они не прочь уступить половину всей площади луговъ.

— И вы совѣтуете пойти на это?

— Признаюсь, не знаю, что и совѣтовать...—Замѣтно было, что Кенцкій чего-то опасался, но не хотѣлъ сказать—чего.— Знаете, пріѣхалъ и самъ онъ, Іосифъ Немиричъ.

— Я не зналъ, но какое же намъ дѣло?

— Удивительный казусъ: однофамильцы... — пробормоталъ Кенцкій. А Романъ на это промолчалъ.

— Здѣшній швейцаръ говорилъ мнѣ, что нашъ противникъ

разспрашивалъ его о васъ. Должно быть, самъ предложитъ соглашеніе. А вы такъ увѣрены, что дѣло будетъ выиграно?

— Я не только увѣренъ въ этомъ, но думаю даже, что кромѣ потери гражданскаго дѣла, Немиричъ можетъ еще подвергнуться уголовному преслѣдованію за подкупъ лжесвидѣтелей и за насиліе при захватѣ части луговъ.

Кенцкій сдѣлалъ отрицательное движеніе головой.

— Нѣтъ, это ужъ вы оставьте. Это было бы совсѣмъ... того...

— Кто сѣетъ вѣтры, соберетъ бурю!—сухо отвѣтилъ Романъ.

Вечеромъ того же дня онъ сидѣлъ въ гостинницѣ и съ нѣкоторымъ затрудненіемъ читалъ варшавскую газету при свѣчкѣ, когда вошелъ половой и подалъ ему визитную карточку. При видѣ ея, Роману кровь бросилась въ голову.

— Прошу войти,—произнесъ онъ взволнованно.

— Но они прислали эту карточку и просятъ, чтобы вы пожаловали къ нимъ,—объяснялъ половой.

— Если этотъ господинъ имѣетъ ко мнѣ дѣло, то пускай самъ придетъ.—Онъ опять принялся за газету, но строчки скакали у него передъ глазами и листъ дрожалъ.

„Что же это?—думалъ онъ:—боюсь ли я его, или все еще его ненавижу?.. Онъ для меня—ничто, не существуетъ вовсе!"— И однако онъ чувствовалъ, что въ немъ самомъ все кипитъ, и что если тотъ человѣкъ станетъ сейчасъ передъ нимъ, то произойдетъ взрывъ.

Но, къ его счастью, и „тотъ человѣкъ" испытывалъ въ это время такую же внутреннюю борьбу. Такъ проходили минуты и прошла четверть часа, а его все не было. Романъ успѣлъ овладѣть собой; онъ затвердѣлъ, какъ охладѣвшая сталь, и уже былъ готовъ ко встрѣчѣ въ тотъ моментъ, когда дверь отворилась и кто-то вошелъ, едва видный при тускломъ свѣтѣ свѣчи. Минуло нѣсколько мгновеній молчанія, и слышалась только одышка вошедшаго. Онъ, наконецъ, проговорилъ хрипѣвшимъ злостью голосомъ:

— Ну, что-жъ? Побѣду празднуешь?!—И онъ подошелъ ближе. Они помѣрялись взглядомъ, и молодой, какъ будто не слышавъ ничего, подвинулъ старому стулъ.

— Вамъ угодно переговорить со мной по защищаемому мной дѣлу? Пожалуйста, я слушаю васъ.

Старикъ Немиричъ произнесъ возвышеннымъ голосомъ:

— Я пришелъ спросить тебя, какъ ты осмѣлился вести дѣло противъ меня? Ты мнѣ мстишь, ты хочешь выгнать меня изъ Немирова съ сумой, тебѣ хотѣлось унизить меня передъ тобой... Послѣ этого ты—чудовище, нельзя тебя иначе назвать.

— Въ судѣ я выступаю потому, что я присяжный повѣренный и занимаю у графа должность юрисконсульта,—почти хладнокровно отвѣчалъ Романъ.—Луга принадлежатъ къ имѣнію Мехечъ, и вы должны отказаться отъ нихъ. А о мести совсѣмъ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ всего годъ тому назадъ я не зналъ ни о Мехечѣ, ни о вашемъ существованіи.

Старикъ затрясся и побагровѣлъ отъ волненія. Онъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Молчать! Нечего играть комедію... Чего ты хочешь отъ меня? Сколько? Вотъ я у тебя... Пользуйся случаемъ, требуй!

— Ничего мнѣ отъ васъ не надо, и я не хочу знать, кто вы.

— Отецъ твой, это ты знаешь.

— У меня нѣтъ отца. Онъ не хотѣлъ меня знать, и я его не знаю. Не будемъ говорить о томъ, что насъ связывало, оставимъ въ покоѣ умершихъ. Вѣдь вы пришли ко мнѣ по дѣлу, такъ и говорите только о дѣлѣ.

— О дѣлѣ! Меня оно разоритъ и убьетъ.—Старикъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь. — Пусть меня зарѣжетъ кто другой, а не ты... Вѣдь чудовищно это!

Романъ сдѣлалъ попытку его успокоить:

— Разоренія вы можете избѣжать. Съѣздите къ графу въ Варшаву. По вашей просьбѣ онъ можетъ согласиться окончить дѣло на мировой, отказаться отъ вознагражденія за убытки, а въ такомъ случаѣ и судебныя издержки могутъ быть раздѣлены между обѣими сторонами.

— Я милости у графа просить не стану!—крикнулъ Іосифъ Немиричъ.—Дѣло еще не проиграно.

— А я васъ попрошу не играть передо мной комедіи. Вы очень хорошо понимаете, чѣмъ дѣло кончится; вы знаете и то, что въ крайнемъ случаѣ можетъ быть возбуждено другое дѣло, въ порядкѣ уголовномъ.

— Ты, значитъ, намѣренъ губить меня, отца твоего?.. Остановись, приказываю тебѣ,—пользуйся случаемъ, что Провидѣніе позволило тебѣ меня увидѣть, что еще не слишкомъ поздно!

Романа эти слова возмутили, и онъ сухо отвѣтилъ:

— Я слушаюсь приказаній только моего довѣрителя; это дѣло не мое, а его. Случайно я ношу вашу фамилію, но вы для меня не были отцомъ, и я никогда не буду вашимъ сыномъ.

Старикъ бросился къ двери и, задыхаясь, произнесъ:

— Такъ пропадай же—и будь проклятъ!

Дѣло о мехечскихъ лугахъ Романъ Немиричъ выигралъ, и возбуждать уголовнаго преслѣдованія не было повода. Послѣ этого онъ взялъ отпускъ на двѣ недѣли и поѣхалъ въ Ниццу, куда переселилась Вилли по окончаніи опернаго сезона въ Вѣнѣ. Съ недѣлю прожилъ онъ тамъ съ нею, въ упоеніи счастьемъ, забывъ о всемъ на свѣтѣ, кромѣ срока своего отпуска.

Однажды, на прогулкѣ по берегу моря, они примѣтили сидѣвшаго на камнѣ человѣка. Подойдя ближе, они увидѣли, что онъ изнемогаетъ отъ припадка кашля, качается и можетъ упасть. Въ рукѣ у него былъ платокъ, запятнанный кровью.

— Несчастный, онъ едва не умираетъ! — шепнула Вилли, остановясь передъ больнымъ. Романъ поспѣшилъ назадъ, въ отель, гдѣ они занимали отдѣльный домикъ, и при помощи гарсона принесъ воды, льду и вина. Вилли въ это время стояла передъ камнемъ на колѣняхъ и поддерживала сидѣвшаго на камнѣ юношу, который держалъ на ней неподвижный, трагическій взглядъ. Оба они стали помогать ему, а гарсона послали за экипажемъ. По указанію того же гарсона, больного, когда онъ пришелъ въ себя, Романъ отвезъ въ тотъ же отель. А выходя отъ больного, онъ внизу отыскалъ на доскѣ его нумеръ и прочелъ противъ него имя „Michel Niemirycz“. Это былъ его братъ, сынъ отъ второго брака недавняго его противника.

Какъ сонъ пролетѣли послѣдніе дни отпуска, и Романъ рѣшилъ ѣхать уже на слѣдующій день. Вечеромъ наканунѣ къ нему вошелъ содержатель отеля и сообщилъ, что однофамилецъ проситъ его къ себѣ по важному дѣлу. Романъ засталъ больного лежащимъ на диванѣ, но одѣтымъ. Въ лицѣ его промелькнуло удовольствіе при видѣ Романа.

Больной поискалъ вокругъ себя листокъ бумаги и, подавая его Роману, сказалъ:

— Отецъ умеръ!—Немиричъ пробѣжалъ телеграмму. А больной хриплымъ голосомъ продолжалъ:—Мнѣ хочется также умереть тамъ, у нихъ... при Ядвигѣ.

Романъ молчалъ. Больной повернулся на бокъ и продолжалъ въ тонѣ просьбы:

— Помоги мнѣ вернуться туда... Я не хочу умереть здѣсь...

— Это невозможно. Вы не перенесете дороги. Прежде вамъ надо окрѣпнуть.

— Зачѣмъ ты дѣлаешь видъ, будто не знаешь, кто я! Странны такія разсужденія для умирающаго... Совѣтуютъ подождать, набраться силъ... думаютъ обмануть этимъ. Во имя твоего счастья умоляю тебя, возьми меня съ собой, не бросай меня здѣсь... Довези

хоть до границы. а я телеграфирую сестрѣ, чтобы она пріѣхала встрѣтить меня...

Романъ глубоко пожалѣлъ объ этомъ юношѣ.

— Но вѣдь я долженъ выѣхать завтра, а въ такомъ состояніи я не могу взять васъ.

— А!..—печально произнесъ больной.—Ты, вѣрно, не одинъ ѣдешь... Да, конечно... Неужели ты не хочешь спасти меня?

— Я ѣду одинъ, но никакой врачъ не позволитъ взять васъ теперь.

Больной съ нѣкоторымъ трудомъ приподнялся и сѣлъ.

— Видишь?—сказалъ онъ, какъ бы похваляясь.—Я умираю, но умру здѣсь скорѣе, чѣмъ въ дорогѣ. Меня поддержитъ страстное желаніе доѣхать до дому. Клянусь тебѣ, что не умру раньше.

Кто-то постучалъ въ дверь, и Михаилъ Немиричъ, съ ясновидѣніемъ, которое бываетъ въ его положеніи, угадалъ, что это— та женщина, которая поддерживала его на камнѣ, та женщина, которую братъ его любитъ.

— Войдите, войдите! — сказалъ онъ поспѣшно. — А когда Вилли вошла, онъ обратился къ ней умоляющимъ голосомъ!— Велите ему взять меня съ собой. Онъ не хочетъ спасти меня отсюда... А вѣдь онъ — братъ мой. Скажите, чтобы онъ меня взялъ. Я завтра буду готовъ ѣхать. Я не умру въ дорогѣ, повѣрьте мнѣ...

Вилли сказала ему ласково:

— Успокойтесь, вы поѣдете съ нимъ, — и, обращаясь къ Роману, она прибавила: — Возьмите экстренный поѣздъ. Развѣ возможно его оставить!

— Благодарю васъ. Какъ только постучали ко мнѣ, я уже понялъ, что буду спасенъ тотчасъ. Любви мысль о смерти всегда близка.

Братья уѣхали вмѣстѣ, и больному на пути стало какъ будто легче.

— А все-таки тебѣ слѣдовало еще остаться на югѣ мѣсяца два. Какъ ты перенесешь теперь нашъ климатъ!

— Чѣмъ тамъ два мѣсяца — лучше мнѣ три дня прожить съ тобой и еще нѣсколько дней дома съ Ядей... А когда я умру, ты пріѣдешь на мои похороны?

— Разумѣется. А потому не торопись умирать, такъ какъ, тотчасъ по возвращеніи въ Варшаву, я опять уѣду за-границу съ сыномъ графа Альфреда, можетъ быть—на два года.

—Какъ же ты такъ все оставишь? Откажись отъ должности и поѣзжай съ нами домой. Вѣдь это и твой домъ теперь.

Уѣзжаешь надолго отъ любимой женщины, а почему ты знаешь, какою ее найдешь потомъ? Я скоро умру. Немировъ останется тебѣ и Ядѣ.

— Немирова я не возьму, наслѣдства этого я не хочу. Да оно мнѣ и не нужно. А что касается ея, такъ вѣдь то, что не выдержало бы и двухъ лѣтъ испытанія, нельзя было бы называть счастьемъ. А впрочемъ я обѣщалъ графу поработать еще надъ его сыномъ. Вѣдь я имъ обязанъ тѣмъ, что окончилъ курсъ и имѣю званіе. Всякое мое личное дѣло я обязанъ поставить теперь на второй планъ.

Они простились на вокзалѣ, въ Варшавѣ. Романъ увидѣлъ тамъ свою сестру Ядвигу и вмѣстѣ съ нею довелъ больного до кареты.

VII.

Прошло около полутора года. Немиричъ съ графомъ Андреемъ посѣтилъ Константинополь, Египетъ, Италію, Германію, Англію и Соединенные-Штаты. Они находились въ Чикаго, когда ихъ, наконецъ, догнало письмо, посланное изъ Вѣны за мѣсяцъ раньше.

Это письмо было отъ Вилли и состояло изъ нѣсколькихъ строкъ: „Пишу, чтобы съ тобой проститься, въ послѣдній разъ. Судьба нанесла мнѣ страшный ударъ, какой — не спрашивай. Все кончено. Не буду больше писать, не хочу тебя видѣть. Считай, что я умерла, и не ищи меня. Это не поспѣшный шагъ, я долго боролась съ собой, и наконецъ приняла рѣшеніе, котораго передѣлать нельзя. Прости, что я обманула тебя. Прости“.

Романъ почувствовалъ, что у него вдругъ остановилось сердце. Вскорѣ оно забилось снова, но онъ ощутилъ, какъ по всѣмъ его нервамъ прошелъ истребительный токъ, мертвящій основы жизни. Любовь эта была чѣмъ-то случайнымъ, не истекавшимъ изъ какихъ-либо прежнихъ его стремленій. Она поразила его, какъ молнія изъ облака, чуждая его мышленію, его задачамъ, всей его жизненной обстановкѣ.

И между тѣмъ, независимо отъ его воли, она стала для него смысломъ жизни, звѣздой, которая озаряла его путь. Правда, она сіяла вдали, но не должна была упасть, не могла погаснуть, или это стало бы для него наступленіемъ того всесокрушающаго дня, какой предвѣщала скандинавская сага о свѣтопреставленіи.

До того времени, когда внезапный порывъ чувства увлекъ его въ новый міръ, въ міръ очарованія, Романъ ничего не требовалъ для себя отъ жизни. Онъ не имѣлъ честолюбія, не ду-

малъ сдѣлать себѣ состояніе, пренебрегалъ увеселеніями. Въ жизни онъ видѣлъ только долгъ, наложенный на него тѣмъ, что ему даны были образованіе, здоровье и обезпечивающій трудъ, между тѣмъ какъ масса живетъ въ темнотѣ, эксплуатаціи и нищетѣ. Онъ не то чтобы любилъ человѣчество. Во всѣхъ слояхъ общества его отвращали алчность, несправедливость, грубость и фальшь, неискренность вѣрованій или убѣжденій, за которыми скрывалась разнузданная животность. Онъ только сознавалъ себя должникомъ передъ массой, лишенной тѣхъ преимуществъ, какія выпали ему въ удѣлъ. Вотъ почему на него такъ легко вліялъ тотъ ксендзъ, котораго вѣрованій онъ не раздѣлялъ, но въ которомъ онъ почиталъ полное самоотреченіе и служеніе ближнимъ во имя чего-то идеальнаго.

Любовь Вилли побудила его считать себя настоящимъ избранникомъ судьбы, человѣкомъ, которому удалось пріобрѣсть высшій даръ жизни—истинную любовь. И вотъ, очарованіе это вдругъ исчезло, и жизнь стала для него еще тусклѣе, бѣднѣе, чѣмъ была до того, какъ нищета для разорившагося богача болѣе тяжка, чѣмъ для человѣка, всегда жившаго въ бѣдности.

Но его не только угнетало это внезапное обѣднѣніе, опустѣніе жизни. Въ немъ какъ будто порвалось нѣчто органическое, и это причиняло ему страданіе, по временамъ даже нестерпимую боль. Онъ запросилъ по телеграфу оперную дирекцію въ Вѣнѣ и узналъ, что Вилли—тамъ. Телеграфировалъ ей, а вслѣдъ послалъ письмо, но не получалъ отвѣта. Наконецъ, онъ объявилъ своему спутнику, что долженъ немедленно возвратиться въ Европу. Андрей поѣхалъ съ Немиричемъ, но они разстались въ Кёльнѣ, откуда одинъ поѣхалъ въ Варшаву черезъ Берлинъ, а другой—черезъ Вѣну.

Во что бы то ни стало, Романъ хотѣлъ узнать причину разрыва. Получивъ въ театрѣ адресъ Вилли и увидѣвъ ея имя на афишѣ, онъ поѣхалъ, въ надеждѣ переговорить сперва съ Нелли. Но оказалось, что онѣ обѣ были въ театрѣ. Отворившій ему лакей прибавилъ:—Но господинъ дома.

Въ то же время въ переднюю вышелъ человѣкъ высокаго роста, немолодой, толстый, выбритый какъ актеръ, съ блѣднымъ, оплывшимъ лицомъ, и спросилъ хриплымъ голосомъ:

— Chi stà la? Cosa vuole?

Немиричъ отвѣтилъ по-французски, что онъ—знакомый миссъ Нелли, остановился въ отелѣ „Erzherzog Karl“, завтра уѣзжаетъ и проситъ, чтобы Нелли назначила ему время.

— Обратитесь съ этимъ къ лакею.

— Вы сами помѣшали мнѣ это сдѣлать.

— Ну, такъ что же? Я здѣсь у себя. Возьмите карточку!— приказалъ онъ лакею.

Немиричъ возвращался въ свой отель, пораженный удивленіемъ. Конечно, у него могъ быть соперникъ. Но неужели же— этотъ лысый толстякъ въ истоптанныхъ туфляхъ?!

На слѣдующее утро, Не́миричъ только-что одѣлся, когда служащій въ отелѣ мальчикъ принесъ ему собственную его карточку съ надписью: „St. Stephan“.

Войдя въ соборъ, онъ въ полумракѣ замѣтилъ въ сѣняхъ Вилли, которая сдѣлала ему знакъ и вышла чрезъ боковую дверь на площадку. Тамъ ожидала наемная карета, и они поѣхали.

Вилли приподняла свою плотную вуальку. Лицо ея было блѣдно,—даже губы, эти пламенныя губы!

— Зачѣмъ ты хотѣлъ видѣть меня?—Голосъ ея дрожалъ.— Я тебѣ написала правду,—между нами все кончено.

Немиричъ всей силой воли сдерживалъ себя.

— Не думаю навязываться тебѣ. Я хотѣлъ видѣть Нелли, чтобы узнать, что̀ случилось... Но вчера меня встрѣтилъ въ твоей квартирѣ человѣкъ, который объявилъ мнѣ, что онъ тамъ—у себя. И этотъ человѣкъ даетъ тебѣ счастье?

— Ты не догадываешься, кто онъ?—Немиричъ отрицательно качнулъ головой. — Это мужъ мой. — Она закрыла лицо руками.

— Почему же ты отъ меня скрыла, что ты замужемъ?—Немиричъ отвелъ ея руки.—Изъ какой трущобы онъ вылѣзъ? И ты его любишь?

— По закону онъ можетъ распоряжаться моимъ имуществомъ, а сверхъ того... онъ—отецъ моего ребенка.

Романъ молчалъ, и она стала говорить смѣлѣе. Этотъ человѣкъ былъ во Франціи импрессаріемъ театра, въ которомъ она искала перваго дебюта, живя съ матерью въ бѣдности. За дебютъ, за открытіе сценической карьеры, съ женщинъ часто берутъ дань, ничѣмъ не обязываясь. Этотъ человѣкъ сталъ заниматься съ нею, руководилъ ея первыми шагами на сценѣ и предложилъ жениться. У нея не было иного выхода. Когда у нихъ родилась дочь, онъ отдалъ ее куда-то въ деревню, объяснивъ, что артистка не можетъ кормить ребенка и возиться съ нимъ. Потомъ онъ судился за какое-то преступленіе и сидѣлъ шесть лѣтъ въ тюрьмѣ. А она за это время пріобрѣла извѣстность и старалась разыскать свою дѣвочку, издерживала много на это, но безъ успѣха. Мать ея умерла. Послѣ срока заклю-

ченія мужа прошли еще два года, и вотъ—онъ вернулся и снова захватилъ ее въ свои руки.

— Это моя судьба!—закончила она, заплакавъ.—Надо ей покориться...

— Несчастная ты женщина!—воскликнулъ Романъ, отодвинувшись отъ нея въ уголъ кареты.—Но зачѣмъ же ты это терпишь? Вѣдь ты могла бы не пускать его, обратиться къ закону, требовать развода съ преступникомъ...

— Онъ явился не одинъ. Онъ привезъ мнѣ дочь... И грозилъ отнять ее снова, еслибы я отказалась отъ него. А онъ таковъ, что сдѣлалъ бы это навѣрное, такъ или иначе...

— И ты не разсказала мнѣ о своемъ прошломъ, когда увѣряла, что любишь меня?

— Потому что я тебя любила... и...

— Стой!—крикнулъ Немиричъ извозчику, и карета остановилась.

— Уже?—печально произнесла Вилли.

— Все уже сказано. Прощай и будь счастлива!—Немиричъ вышелъ изъ кареты.

— Такъ поцалуй меня, разъ навсегда!

— Это лишнее,—произнесъ онъ и приподнялъ шляпу.

Онъ тотчасъ уложилъ свои вещи и поѣхалъ на вокзалъ дороги Карла-Людвига, къ скорому поѣзду.

По своему обыкновенію, Немиричъ сѣлъ во второмъ классѣ и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ не вставалъ съ мѣста, не читалъ и только изрѣдка взглядывалъ въ окно вагона. Все въ немъ застыло. Прежняя острая боль вдругъ исчезла, оставивъ за собой только непріятное чувство, какой-то нравственный „Katzenjammer“. Но зато въ глубинѣ его сознанія выростало презрѣніе къ жизни.

На одной изъ станцій онъ зашелъ въ буфетъ и велѣлъ себѣ подать первое блюдо, названное кельнеромъ. А когда сталъ платить, то, къ немалому неудовольствію, увидѣлъ подходившаго къ нему графа Франциска. Оказалось, что тотъ ѣдетъ съ этимъ же поѣздомъ.

— Возвращаетесь?—спросилъ онъ.—А Андрей?

— Уже въ Варшавѣ.

— А вы тутъ что дѣлаете?

— Завернулъ въ Вѣну по дѣлу и теперь ѣду.

— Вотъ отлично. Зайдите же ко мнѣ и разскажите о вашихъ приключеніяхъ... Какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ!..—И, взявъ Немирича подъ-руку, графъ привелъ его въ свое отдѣле-

ніе.—Пожалуйста, разскажите, что вы съ нимъ подѣлывали... Правда это, будто Андрей влюбился въ какую-то фабрикантку спичекъ?

— Первый разъ слышу.

— Ну, или вообще въ шведку. Признаюсь, мнѣ Швеція приводитъ на умъ только спички. Вѣдь одно время съ вами была же какая-то шведская компанія. И что же, Андрей ухаживалъ? Мой братъ и его жена серьёзно безпокоились, а я поднималъ ихъ на смѣхъ.

Немиричъ объяснилъ, что они одно время ѣздили съ докторомъ Стэномъ, его сестрой и пріятелемъ. Но это были люди серьёзные, занятые исключительно наукой. Ихъ общество было полезно для Андрея, и вообще въ эти полтора года онъ очень измѣнился, заинтересовался искусствомъ, соціологическими вопросами, сталъ понимать, какъ много пользы онъ можетъ принести своему краю, при тѣхъ средствахъ, какими располагаетъ его отецъ.

— То-то въ письмахъ его порой проглядывалъ какъ бы анархистъ или вродѣ того! Но это для него не опасно, — съ усмѣшкой продолжалъ графъ Францискъ. — Вотъ, еслибы онъ сталъ кутить, засиживаться въ Монтекарло, попался бы въ когти умной кокоткѣ, тогда—другое дѣло. А демократія, соціализмъ и тому подобное—для наслѣдника крупнаго майората, даже въ худшемъ случаѣ, не опаснѣе насморка. Отъ этого онъ отчихается въ какой-нибудь мѣсяцъ.

Немиричъ сталъ было объяснять графу, что племянникъ его хочетъ работать, не выходя изъ своей сферы, стараться о введеніи въ деревняхъ такихъ практическихъ и необходимыхъ улучшеній, какъ раздача въ разсрочку хорошихъ плуговъ, чтенія о земледѣліи, читальни, потребительныя лавки. Но собесѣднику это надоѣло. И, не добившись никакихъ разсказовъ о любовныхъ похожденіяхъ, онъ пересталъ спрашивать, а Немиричъ замолчалъ.

Свѣтскій человѣкъ не допустилъ однако, чтобы молчаніе было продолжительно.

— А знаете,—спросилъ графъ Францискъ,—что сталось съ той Мора, которую вы какъ-то защищали въ газетѣ, а я зналъ издавна? — Немиричъ только вопросительно взглянулъ на него, и графъ продолжалъ: — Послѣ меня съ ней былъ кто-то, un rustre, je suppose, потому что она его скрывала. Но въ прошломъ году съ ней случился грязный скандалъ. У нея нашелся мужъ, законный мужъ, какой-то негодяй, который былъ судимъ при закрытыхъ дверяхъ и отсидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ

тюрьмѣ. Да мало того, что явился самъ, еще привелъ къ ней дѣвчонку, будто бы прижитую съ нею дочь. Навѣрное, гдѣ-нибудь укралъ или купилъ, да и притащилъ съ собой, для бо̀льшаго эффекта... Et cette grue, вмѣсто того, чтобы велѣть обоихъ ихъ выбросить за дверь, elle gobe l'histoire, разыгрываетъ мать и матрону. Plus que ça de genre! Увидите, что еще этотъ итальянецъ оберетъ ее и самоё выгонитъ, а мнимая дочь возвратится dans le ruisseau, откуда вышла.

Романъ сдѣлалъ усиліе, чтобы не показать, какое впечатлѣніе произвели на него эти слова.

— Сила обычая, — мягко сказалъ онъ.—Мужъ и законный ребенокъ, женщина только въ этомъ находитъ счастье. Мы ихъ никогда не поймемъ, а онѣ—насъ.—Послѣ этого онъ простился съ графомъ и перешелъ во второй классъ, подъ предлогомъ, что тамъ остались его вещи.

Узнавъ, что Немиричъ пріѣхалъ, Андрей забѣжалъ къ нему во флигель, но ничего не могъ разсказать о своемъ пребываніи въ Варшавѣ, такъ какъ долженъ былъ сдѣлать два необходимыхъ визита, а вечеромъ—обѣдать съ дядей, который по случаю своего возвращенія пригласилъ нѣсколькихъ знакомыхъ.

— Здѣсь настоящая толчея,—замѣтилъ Андрей. — Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Варшавѣ, я не слышалъ и самъ не сказалъ ни одного серьёзнаго слова.

Зато ксендзъ очень обрадовался возвращенію Романа, сообщилъ ему, что въ его отсутствіе получалъ изъ конторы пожертвованія графини на бѣдныхъ, иногда по нѣскольку десятковъ, а два раза—даже по сту рублей. При этомъ ксендзъ разсказалъ еще, что самъ попалъ было неожиданно въ затруднительное положеніе, но, кажется, уже освободился.

— Вдругъ, представь себѣ, вызываютъ меня въ консисторію... стало быть, въ чемъ-нибудь провинился — но въ чемъ?.. Тамъ, знаешь, засѣдаютъ ученые такіе и строгіе каноники. Одинъ сталъ меня допрашивать... Ну, думаю, грѣшный человѣкъ, въ чемъ-нибудь да виноватъ я. Въ такую попалъ я баню, какой послѣ семинаріи не испытывалъ! Оказалось, что я кое-что позабылъ и изъ богослуженія, и въ каноническомъ правѣ не твердъ. Подъ—конецъ я такъ передъ ними спасовалъ, что говорю:—Пожалуйста, отче, изъ катехизиса вы меня не спрашивайте... Такая уже у меня слабая голова... могу ошибиться и изъ катехизиса... Лучше ужъ пошлите на покаяніе...—А у меня, какъ разъ, въ то время, была на плечахъ семья одного высланнаго отсюда въ Сѣдльцы. Сидятъ безъ гроша, да еще у дѣтей показалась какая-то сыпь...

Что они станутъ дѣлать, думаю... Однако патеры смилостивились. Каноникъ и говоритъ мнѣ: „Сами вы видите, что пренебрегли обязанностями сана, а еще ожидаете прихода: какъ же вы тамъ будете учить, когда вы сами разучились“. А впрочемъ, только прочелъ мнѣ нотацію и приказалъ снова вытвердить то, что у меня вышло изъ памяти.

— Ну, и принялись долбить?

— А что же дѣлать. Ксендзы у Бернардиновъ дали мнѣ разныя книги, и я стараюсь, но трудно мнѣ дается. Способностей нѣтъ, да и отвыкъ отъ ученья. Я такъ радъ былъ уйти изъ консисторіи, что даже не спросилъ, кто имъ сказывалъ, что я ожидаю прихода. Не надоѣло ли графамъ подавать милостыню? Но вѣдь это была ихъ воля... А въ консисторіи, дастъ Богъ, забудутъ обо мнѣ.

Онъ помолчалъ. Но, взглянувъ на Романа, повторилъ:

— Я такъ радъ, что ты пріѣхалъ. — Потомъ, о чемъ-то вспомнивъ, онъ отыскалъ въ своемъ бревіаріи два конверта, одинъ малаго, другой средняго формата.

— Вотъ, видишь—слабость памяти. Заболтался я о своихъ дѣлахъ, а забываю исполнить обѣщаніе. Тутъ, зимою, сидѣлъ я, а къ тебѣ вошла паненка, милая такая, просто заглядѣнье...

— Ко мнѣ паненка... заглядѣнье? Быть не можетъ.

— Да вѣдь ты же знаешь ее—сестра твоя.

— А, Ядвига... Но что же въ ней особеннаго? Только то, что горбатая.

— Горбатая?—удивился ксендзъ.—Я не примѣтилъ; но глаза такіе милые. Она была въ трауръ по твоимъ отцѣ и братѣ. Говорила мнѣ, что васъ осталось только двое изъ семьи. Она тебѣ писала и даже дѣлала формальный вызовъ публикаціей, потому что ты очень ей нуженъ. Отчего же ты ей не отвѣчалъ?

Романъ поморщился.

— Что мнѣ отвѣчать... Я заявилъ имъ, еще передъ смертью брата, что отказываюсь отъ наслѣдства. Пусть остается ей одной. Я уже послалъ ей полную довѣренность, формальное отреченіе отъ наслѣдства и дополнительныя копіи.

Ксендзъ вручилъ Роману оба конверта.

— Она получила бумаги, но отдала мнѣ, чтобы я возвратилъ тебѣ. А вотъ и ея письмо къ тебѣ.

Ядвига писала, что довѣренность она удержала, такъ какъ она нужна для дѣлъ, а тотъ, другой, „нехорошій“ документъ, привезла ему обратно и оставляетъ у него. Она говорила, что покойный братъ внушилъ ей надежду на помощь Романа, жалова-

лась, что осталась одна, и въ трогательныхъ выраженіяхъ умоляла его пріѣхать, хотя бы на короткое время, не отталкивать ее отъ себя и признать ее сестрой.

Дѣлать было нечего,—слѣдовало поѣхать. И такъ прошло много времени. Романъ тотчасъ написалъ ей, что пріѣдетъ, какъ только ознакомится съ текущими дѣлами, которыми ему предстояло заняться снова. И прежде всего ему хотѣлось, чтобы Андрей скорѣе началъ работать, не втянулся снова въ непрерывный рядъ визитовъ, обѣдовъ, вечеровъ, картъ и скачекъ.

VIII.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи въ Варшаву, Немиричъ получилъ также письмо отъ д-ра Стэна, изъ Стокгольма, того ученаго, съ которымъ они съ Андреемъ познакомились заграницей. Стэнъ жилъ только для науки и отчасти для искусства, нисколько не интересовался соціальными вопросами, былъ безусловно индивидуалистомъ, но умъ его и работы постоянно вращались въ сферѣ чистаго знанія или артизма. Онъ вовсе не считалъ своимъ призваніемъ исполненіе какого-либо долга, наложеннаго на него судьбою, и въ этомъ смыслѣ расходился съ Немиричемъ. Но ихъ сближало то, что оба они служили „идеѣ", причемъ Стэнъ служилъ идеѣ не по долгу, какъ Романъ, но по личному влеченію къ наукѣ. Своими знаніями и своими стремленіями, хотя исключительно-индивидуальными, но возвышенными, Стэнъ пріобрѣлъ уваженіе Немирича.

Теперь онъ писалъ о своемъ намѣреніи принять участіе въ экспедиціи къ южному полюсу, которая должна была отправиться въ октябрѣ, и спрашивалъ Романа, не захочетъ ли и онъ присоединиться къ ней. Немирича и графа Андрея, которыхъ онъ встрѣтилъ, когда они возвратились изъ Африки и собирались въ концѣ посѣтить Америку, Стэнъ считалъ состоятельными людьми, путешествовавшими для испытанія впечатлѣній. Условія участія въ экспедиціи были слѣдующія: внести двѣсти фунтовъ и къ 15-му октября н. ст. прибыть въ Буэносъ-Айресъ. Стэнъ полагалъ быть въ Лондонѣ въ концѣ сентября, остановиться въ „Langham Hôtel", и въ случаѣ согласія Немирича они могли отправиться оттуда вмѣстѣ въ Южную Америку. Немиричъ отвѣтилъ ему, что занятъ дѣломъ и воспользоваться предложеніемъ не можетъ.

Но его безпокоило то, что Андрей только изрѣдка загляды-

валъ къ нему, каждый разъ все куда-то спѣшилъ и избѣгалъ разговора о тѣхъ бытовыхъ улучшеніяхъ, которыми онъ такъ увлекался въ бесѣдахъ съ Немиричемъ, когда они были за-границей.

Разъ Немиричъ настойчиво задержалъ его.

— Я—говорилъ онъ — набросалъ планъ послѣдовательнаго представленія графу нашихъ предположеній. Начнемъ съ устройства въ каждомъ селеніи читальни, какъ дѣла, сравнительно, наиболѣе легкаго. Тутъ важнѣе всего заручиться разрѣшеніемъ, которое графу не трудно получить. Небольшія деньги, нужныя для основанія нѣсколькихъ читаленъ, онъ дастъ охотно, въ этомъ я убѣжденъ. Потомъ приступимъ къ складамъ легкихъ плуговъ для продажи крестьянамъ въ разсрочку по своей цѣнѣ. А затѣмъ перейдемъ къ дальнѣйшему... О каждомъ изъ этихъ начинаній я постепенно составлю записку и смѣту, а вы усвойте хорошенько эти данныя и убѣдите графа поручить вамъ исполненіе... Проектъ о десяти читальняхъ у меня уже готовъ.

— Какъ я вамъ благодаренъ, что вы все это составите сами, а ужъ я постараюсь убѣдить отца... Но на все это надо время. Я заявилъ о своемъ желаніи трудиться, и отецъ былъ этому радъ, обѣщалъ свое содѣйствіе, но просилъ, чтобы все-таки я вошелъ сперва въ общество, какъ человѣкъ вполнѣ зрѣлый, помогъ бы отцу въ представительствѣ нашего дома, началъ бывать вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, и познакомился съ выдающимися людьми нашего круга, съ которыми мнѣ придется работать... Такъ что я еще не знаю, когда намъ можно будетъ выступить съ нашими проектами... Навѣрное, до свадьбы сестры уже не удастся. А свадьба еще, какъ вы знаете, въ началѣ августа.

Немиричъ былъ нѣсколько озадаченъ, но, подождавъ немного, выдвинулъ ящикъ письменнаго стола и вынулъ оттуда нѣсколько листовъ въ обложкѣ.

— Что же,—замѣтилъ онъ,—начнемъ хоть въ августѣ. А вы, покамѣстъ, прочтите записку о читальняхъ и постарайтесь запомнить главныя данныя. Если вамъ что-нибудь будетъ неясно,—пожалуйста, заходите ко мнѣ.—Но въ умѣ Немирича уже закралось сомнѣніе относительно устойчивости молодого человѣка въ предполагавшейся работѣ.

Андрей съ чувствомъ поблагодарилъ своего наставника и взялъ тетрадь, но послѣ этого долго не показывался. Тотчасъ по возвращеніи изъ-за-границы, Немиричъ получилъ полуторагодовое жалованье, которое ему не высылалось, потому что всѣ расходы въ пути были приняты графомъ на свой счетъ. А такъ

какъ ему, сверхъ того, полагалось за каждое оконченное дѣло по сту рублей и этого гонорара за время путешествія онъ не имѣлъ, то ему было выплачено дополнительное вознагражденіе въ тысячу рублей.

Въ домѣ были заняты приготовленіями къ свадьбѣ, до которой оставалось только двѣ недѣли, и о предположеніи относительно читаленъ не было рѣчи. Между тѣмъ, графъ поручилъ Немиричу дѣло, скорѣйшимъ окончаніемъ котораго онъ, повидимому, очень дорожилъ, а именно—соглашеніе съ крестьянами сосѣднихъ съ мехечской экономіей деревень по выкупу сервитутовъ. До полнаго своего окончанія дѣло могло потребовать цѣлый годъ, если не больше, такъ какъ одни сервитуты можно было выкупить за наличныя деньги, но за другіе надо было вознаградить крестьянъ отводомъ луговъ или прирѣзкой лѣсныхъ участковъ,—для чего необходимо было размежеваніе. Но на Немирича возлагалась только юридическая часть дѣла, то-есть, окончаніе переговоровъ съ крестьянами и закрѣпленіе ихъ нотаріальными актами по каждому селенію. Фактическое же исполненіе этихъ актовъ предоставлено было управляющему имѣніемъ, Кенцкому, и управляющему конторой.

Во всякомъ случаѣ, Роману приходилось отправиться немедленно въ Мехечъ и оставаться мѣсяца полтора или два. Для этого ему была выдана особо тысяча рублей на разъѣзды и суточное содержаніе. Уплата же денегъ крестьянамъ должна была производиться изъ конторы по заключеніи актовъ.

Немиричъ счелъ своимъ долгомъ не отказываться отъ дѣла, которое входило въ кругъ его занятій и которому графъ придавалъ большое значеніе. Но почему дѣло это было поручено ему именно теперь, когда онъ самъ признавалъ гораздо болѣе настоятельнымъ довести до конца возложенную на него задачу—внушить Андрею интересъ къ дѣятельности осмысленной, къ полезному труду, который могъ бы отвлечь его отъ погони за пустыми и грубыми удовольствіями? Только открывъ передъ молодымъ человѣкомъ поле труда плодотворнаго, пріохотивъ его къ занятію вполнѣ возможными улучшеніями въ сельскомъ быту, могло быть докончено то перевоспитаніе Андрея, которое графъ поручалъ ему, Немиричу, съ такой озабоченностью и съ такимъ, повидимому, довѣріемъ, полтора года тому назадъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ отправился Романъ въ Мехечъ, и чѣмъ больше думалъ объ этомъ, тѣмъ яснѣе становилось ему, что и подъ дружественнымъ отношеніемъ къ нему графа, и подъ предоставленными ему выгодными матеріальными условіями, въ

дѣйствительности, укрывалось намѣреніе удалить его отъ Андрея. „Въ этой средѣ—думалось Немиричу—умственные интересы, понятія о долгѣ передъ краемъ, о серьезномъ трудѣ, какъ о назначеніи развитого человѣка, не могутъ имѣть ни рѣшающаго значенія, ни какой-либо устойчивости. Къ такимъ вещамъ прибѣгаютъ только въ извѣстныхъ случаяхъ, временно, когда ими хотятъ блеснуть для пріобрѣтенія популярности или же видятъ въ нихъ лекарство для замотавшихся молодыхъ людей. Но какъ только паціентъ показываетъ признаки улучшенія, то на первый планъ выступаетъ то, что̀ признается наиболѣе важнымъ: молодой человѣкъ долженъ занять свое мѣсто въ обществѣ, исполнять обязанности свѣтской жизни, поддерживать блескъ своего дома. А сфера идей, нравственнаго долга, труда для своего народа—c'est bon pour le commun des mortels,—какъ сказалъ бы графъ Францискъ,—для какихъ-нибудь ученыхъ кропателей или идеологовъ съ дырой въ карманѣ".

Ему становилось ясно, что дальнѣйшее вліяніе его на Андрея было признано не только ненужнымъ, но даже вреднымъ, что тѣ его планы, о которыхъ молодой человѣкъ, конечно, говорилъ отцу, показались графу мечтательными, и рѣшено было его, Немирича, удалить подъ благовиднымъ предлогомъ и съ приличнымъ награжденіемъ, какъ удаляютъ заслуженнаго, но уже несоотвѣтствующаго потребностямъ времени чиновника.

Во время пребыванія въ Мехечѣ, Немиричъ нѣсколько разъ посѣщалъ близкій Немировъ, сблизился съ своей сестрой Ядвигой и согласился участвовать въ формальности ввода ея и себя во владѣніе Немировымъ, но безусловно отказался въ ея пользу отъ всякой части доходовъ съ имѣнія того человѣка, котораго онъ не хотѣлъ признавать своимъ отцомъ.

Работа по устройству соглашеній съ крестьянами, уже заранѣе подготовленная Кенцкимъ, заняла меньше времени, чѣмъ Немиричъ ожидалъ. Но составленіе актовъ потребовало болѣе мѣсяца. Еще находясь въ Мехечѣ, онъ услыхалъ, что вслѣдъ за состоявшейся уже свадьбой молодой графини стали поговаривать и о женитьбѣ Андрея. „Вотъ — подумалъ Романъ — болѣе соотвѣтствующее ихъ понятіямъ средство излеченія увлекавшагося молодого человѣка. Какія тамъ улучшенія сельскаго быта, когда можно было сразу удвоить общественное значеніе своего наслѣдника, женивъ его на одной изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ знатныхъ невѣстъ въ краѣ!"

IX.

Когда Немиричъ возвратился въ Варшаву, графъ Альфредъ находился еще въ Галиціи. Послѣ хлопотъ по дѣлу о сервитутахъ можно было бы и отдохнуть. Но Романъ тотчасъ же принялся за работу въ конторѣ. Отдыхъ можетъ быть полезенъ для мускуловъ, для нервовъ, но онъ безсиленъ противъ страданія нравственнаго. Потерявъ личное счастье, Немиричъ лишился теперь и той цѣли, къ которой онъ стремился въ послѣдніе полтора года. Его глубоко оскорбило и удаленіе отъ Андрея, на котораго онъ возлагалъ столько надеждъ, и очевидное равнодушіе самого Андрея. Онъ не написалъ ни слова. Но сознаніе долга было еще живо, и единственной пріятной для Немирича встрѣчей въ Варшавѣ было появленіе того человѣка не отъ міра сего, который думалъ только о своихъ больныхъ и несчастныхъ, а для себя не хотѣлъ ничего.

Это былъ тотъ ксендзъ, которому въ консисторіи велѣли учиться заново всему, что необходимо въ его санѣ... Онъ вошелъ въ кабинетъ Немирича и, взглянувъ на него, улыбнулся.

— Снимите скорѣе шинель, совсѣмъ мокрая,—сказалъ Немиричъ, также улыбаясь. Таково было все ихъ привѣтствіе при первой встрѣчѣ. Они понимали другъ друга. Бѣдняга снялъ шинель и, отойдя за порогъ, повѣсилъ ее на стѣнѣ и расправилъ.

— Пооборвалась внизу, — задумчиво произнесъ онъ. — Какъ эти вещи непрочны! Пожалуй, до весны не доносить. А на рабочихъ еще не такъ дерется одежда.

Немиричъ въ это время считалъ себя богачомъ, такъ какъ изъ сбереженнаго жалованья за полтора года и особой суммы наградъ и усиленнаго жалованья во время командировки въ Мехечъ онъ накопилъ до четырехъ тысячъ. Ему захотѣлось сейчасъ же порадовать этого расточителя на бѣдныхъ.

— Ну, теперь требуйте съ меня!—ласково сказалъ онъ посѣтителю, который какъ-то нерѣшительно взглядывалъ на него.— Я вѣдь не даромъ ѣздилъ.

— Голубчикъ, это Богъ прислалъ тебя, чтобы спасти Войтусякову семью! Ѣсть у нихъ нѣчего, просто корки хлѣба нѣтъ, а изъ угла ихъ гонятъ. Сегодня я насилу уговорилъ полицейскаго, но онъ обѣщался завтра опять придти, и ужъ выброситъ ихъ навѣрное... Судья приказалъ ихъ выселить. Если можно,

то дай, милый, я еще сегодня къ нимъ сбѣгаю.—Онъ поднялся съ мѣста.

— Куда же въ такой дождь?.. Вы и то находились сегодня. Завтра успѣете.

— За квартиру-то можно бы и завтра. Но вѣдь голодными они сидятъ, такъ какъ же до завтра... Подумай, голубчикъ, вѣдь дѣти плачутъ, а матери-то каково!..

— Ну, а если бы я не пріѣхалъ?

— Я и шелъ-то не къ тебѣ, а къ вашему сторожу. Занялъ бы у него рубль и все равно сходилъ бы къ нимъ.

Немиричъ выдвинулъ ящикъ письменнаго стола.

— Сколько же нужно всего?

— Задолжали за уголъ шесть рублей, да покормить хоть на рубль, да еще босымъ ребятишкамъ двѣ пары башмаковъ... Видишь, земля-то ужъ похолодѣла.

— Я бы далъ и больше, но боюсь, уже стемнѣло. Ксендза когда-нибудь непремѣнно ограбятъ. — Немиричъ далъ ему пятирублевый золотой и десять серебряныхъ рублей. Ксендзъ впихнулъ все въ истасканный замшевый кошелекъ, торопливо одѣлся и вышелъ, сказавъ:

— Я скоро вернусь.

Романъ сталъ медленно шагать по комнатѣ и остановился передъ піанино... Нѣтъ... Ему не хотѣлось играть.

„Вотъ одинъ изъ тѣхъ десятерыхъ праведниковъ, которые могли бы спасти Содомъ, если бы нашлись! — думалъ онъ. — И по своему счастливый... Приноситъ пользу людямъ, потому что любитъ ихъ. А я? Развѣ я люблю людей? Нѣтъ. Стало быть, и въ исполненіи долга для меня не можетъ быть награды. Я получилъ образованіе, имѣю обезпечивающій трудъ и признаю свой долгъ передъ толпою, которая лишена и этого,—вотъ и все. Я долженъ приносить пользу, и только это одно заставляетъ меня тянуть лямку далѣе. Только это. Ничего не надѣясь, ничего не желая...“

Часа черезъ полтора по выходѣ ксендза, раздался сильный, повторенный стукъ въ дверь. Романъ вышелъ въ переднюю и увидѣлъ, что сторожъ придерживалъ дверь, а въ нее входили четыре санитара съ носилками. Это ксендзъ „вернулся“. За носилками вошелъ врачъ.

— Раненый самъ просилъ привезти его сюда, — сказалъ врачъ.—Онъ раненъ ножомъ въ животъ, но не смертельно. Первая помощь подана, кровотеченіе задержано, и главная опасность теперь въ томъ, что онъ потерялъ много крови... Долго

лежалъ, пока былъ поднятъ полиціей и доставленъ въ пріемный покой.—Уложивъ больного на кровать и давъ Немиричу указанія, что дѣлать въ разныхъ случаяхъ, врачъ удалился, обѣщавъ явиться утромъ для новой перевязки.

Немиричъ сѣлъ возлѣ кровати и долго вглядывался въ блѣдное лицо раненаго, лежавшаго неподвижно. Но, спустя нѣкоторое время, больной вдругъ прошепталъ:

— Ушли?

— Да. Какъ вы себя чувствуете?

— Ничего. Ничего какъ будто не чувствую... А ты ужъ прости меня.

— За что?

— Что я сказалъ твой адресъ. У бернардиновъ это надѣлало бы хлопотъ, а ты мнѣ ближе всѣхъ. Позволишь полежать?

— Кто васъ ранилъ?

— Это случайно... Дрались, вынули ножи, а я хотѣлъ разнять, и вотъ... случилось нечаянно.

Услышавъ за собой осторожные шаги, Немиричъ оглянулся. Въ комнатѣ стоялъ высокаго роста оборванецъ, котораго онъ узналъ. Это былъ Кацперъ Садовскій, безработный каменьщикъ, сопровождавшій ихъ раза два, когда они съ ксендзомъ посѣщали подвалы, обитаемые бѣдняками и бродягами.

— Вы откуда?—спросилъ Романъ.

— Такъ, онъ и есть... — мрачно проговорилъ великанъ въ лохмотьяхъ.—Сказывали у Розальки, что какого-то ксендза жиганули.

— Кто?

— Лампа и Франекъ Рябой. Они были у Войтусяка, когда пришелъ какой-то духовный и далъ ему денегъ на квартиру. Видѣли, какъ онъ всунулъ въ карманъ туго набитый кошелекъ, вышли вслѣдъ за нимъ, да за заборомъ-то пырнули его раза два и ограбили... Какъ я услышалъ, что жиганули ксендза, такъ во мнѣ что-то ёкнуло. Его, должно быть, милостивца... Кого же иного? Зашелъ и я къ Войтусяку, и тамъ и узналъ, что за ксендзомъ вышли эти холеры проклятыя... Куда они его пырнули?—злобно спросилъ онъ вдругъ.

— Въ животъ.

— Ладно. Я имъ самимъ кишки выворочу, погоди!..

— Садовскій... побойся Бога... что ты говоришь!..—глухимъ голосомъ отозвался вдругъ раненый: — Лампы и Франка я не видалъ сегодня... Нечаянный случай... Двое какихъ-то дрались,

а я разнимать сталъ... Какое слово ты сказалъ, подумай!.. Не смѣй, запрещаю тебѣ! Даже показывать на нихъ запрещаю...

Больной сталъ метаться.

— Обѣщайте ксендзу, что не будете, успокойте его и уходите!—сказалъ Немиричъ.

— Ну, что-жъ, если такая воля...—ворчалъ Кацперъ, уходя.

Больной уснулъ спокойно, какъ казалось. Только лицо его мертвѣло.

Немиричъ сидѣлъ подлѣ него въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Ни о чемъ не хотѣлось думать, все ему опротивѣло. Вотъ какъ человѣчество наградило того, кто служилъ ему съ полнымъ самоотреченіемъ! Ограбили и убили его сами тѣ несчастные, которымъ онъ служилъ... Такъ воздали христіане тому, кто любилъ ближняго несравненно больше, чѣмъ себя.

Самъ Немиричъ впадалъ въ какое-то забытье и чувствовалъ только, что все рушится, разваливается, скатывается куда-то въ бездну, въ полумракѣ хаотическаго вихря, все летитъ въ ночь, въ стужу, въ пустоту ничтожества...

Вдругъ больной вскрикнулъ:—Иду, иду!—судорожно приподнялся на кровати, протянулъ руки впередъ и тотчасъ упалъ опять на подушки... Сердце перестало биться.

Тогда въ Немиричѣ чувство скорбной подавленности внезапно истлѣло подъ бѣшенымъ порывомъ негодованія. „Что такое долгъ? — прогремѣлъ въ немъ вопросъ. — Передъ кѣмъ долгъ? Во мнѣ не любовь, а ненависть. Значитъ, долгъ передъ собой самимъ? Но вѣдь это—пустой фетишъ. Какъ же жить для тѣхъ, кого ненавидишь, для тѣхъ, кто сами ненавидятъ другъ друга, ожесточенно борются каждый за себя?! Самоотреченіе—изъ долга передъ собой? Какой-то идіотскій самообманъ! Брошу все...“

Спустя годъ, англійскія газеты сообщили о возвращеніи въ Буэносъ-Айресъ экспедиціи къ южному полюсу, которою были добыты цѣнныя научныя данныя. Въ опубликованномъ спискѣ ея участниковъ названы были: среди возвратившихся — Нильсъ Стэнъ, изъ Стокгольма, а въ числѣ погибшихъ—Романъ Немиричъ, изъ Варшавы.

Л. А—въ.

ИЗЪ ДѢЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ

съ К. П. Побѣдоносцевымъ

1900 — 1904 гг.

Я покинулъ Россію въ маѣ мѣсяцѣ 1881 года, пробывъ нѣкоторое время, непосредственно предъ отъѣздомъ за границу, въ Петербургѣ, гдѣ у меня были связи въ сферахъ, претендовавшихъ на „достовѣрныя" свѣдѣнія изъ закулисной, но рѣшающей дѣло стороны русской внутренней политики. Подобныя свѣдѣнія и по настоящее время, повидимому, играютъ огромную роль въ дѣйствительныхъ событіяхъ русской жизни, но тогда они основаны были еще въ большей степени, чѣмъ теперь, на слухахъ и сплетняхъ, шедшихъ изъ придворныхъ круговъ, иногда высшихъ, иногда низшихъ, и въ передачѣ изъ устъ въ уста принимали самыя разнообразныя, часто прямо-фантастическія формы. То было очень тяжелое, нервное время, когда общественное мнѣніе чрезвычайно напряглось; новый, молодой императоръ былъ болѣе или менѣе неопредѣлившейся еще величиной, правительство, повидимому, находилось въ неопредѣленномъ состояніи, расшатанномъ событіями, и никто не зналъ, но всѣ стремились угадать, куда и какъ оно повернетъ—вправо или влѣво, причемъ каждый самый ничтожный симптомъ толковался сообразно личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ каждаго. Тѣмъ не менѣе, разсказы о совѣщаніяхъ, участникахъ и объ исторіи и авторствѣ знаменитаго манифеста 30 апрѣля ходили въ публикѣ, и тогда склонявшейся

42*

къ той ихъ версіи, которая теперь установлена документально и внѣ всякихъ сомнѣній. При этомъ имя покойнаго нынѣ К. П. Побѣдоносцева и безусловное преобладаніе его вліянія были у всѣхъ на умѣ и на устахъ. Немногіе дальновидные люди, не позволявшіе личнымъ симпатіямъ руководить ихъ представленіями о дѣйствительности, и въ то время уже предвидѣли „пустопорожнее" мѣсто восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ въ русской исторіи и относились къ будущему весьма пессимистично. Съ подобными мыслями и подъ ихъ подавляющимъ настроеніемъ я и покинулъ тогда Россію, и цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, побуждаемый матеріальными жизненными потребностями, цѣликомъ меня захватившими, имѣлъ съ моимъ отечествомъ только рѣдкія, отрывочныя сношенія, которыя, однако, разъ они касались русской общественной жизни, всегда опять неизмѣнно напоминали мнѣ К. П. Побѣдоносцева и его все еще преобладавшее вліяніе на русскія внутреннія дѣла.

Въ 1898 году началось переселеніе духоборовъ съ Кавказа въ Канаду, обратившее на себя съ теченіемъ времени всеобщее вниманіе. Движеніе это объяснялось въ печати исключительно правительственными религіозными преслѣдованіями, а приписывали ихъ попрежнему тому же К. П. Побѣдоносцеву. Американская печать была полна статьями о его личности и роли въ русскомъ правительствѣ;—большинство ихъ содержало въ себѣ, конечно, самый невозможный вздоръ, но были и серьезныя, болѣе или менѣе безпристрастныя статьи. Къ тому времени, какъ я ознакомился нѣсколько съ литературой предмета, всегда казавшейся мнѣ чрезвычайно односторонней, духоборы обратились ко мнѣ за помощью, и я изслѣдовалъ всевозможными путями, до личной поѣздки въ мѣста ихъ жительства, ихъ положеніе и надежды на будущее. Всего больше поразила меня ихъ разрозненность, абсолютное отсутствіе какой-либо общей цѣли, плановъ, предположеній;—это была ладья „безъ руля и безъ вѣтрилъ", плывшая совершенно „на-авось". Немногіе сопровождавшіе ихъ интеллигенты, пытавшіеся облечь стремленія духоборовъ въ извѣстныя теоретическія формы, не пользовались между ними никакимъ авторитетомъ и поражали меня своей дѣтской непрактичностью и отсутствіемъ какой-либо дѣловой работоспособности; они были непригодны до очевидности къ какому-либо руководству—да и всѣ они очень скоро покинули Канаду и духоборовъ на произволъ судьбы. Естественные же вожаки изъ ихъ собственной среды были всѣ сосланы въ Сибирь еще до переселенія, такъ что въ Канадѣ очутилась только сѣрая масса безъ какого бы то ни-

было руководства, масса, быстро деморализировавшаяся и распадавшаяся на части. Всѣ они съ какимъ-то суевѣрнымъ почтеніемъ относились къ „Петрушѣ“ Веригину, находившемуся гдѣ-то въ Якутскѣ или Березовѣ; кромѣ него, упоминали и о другихъ сосланныхъ, семьи которыхъ были въ Канадѣ. Всякій разговоръ сводился къ Веригину и къ необходимости его присутствія—только бы достать „Петрушу“, и все наладится и пойдетъ отлично. Съ просьбой „добыть“ имъ Петрушу обращались они и ко всѣмъ своимъ покровителямъ—англійскимъ и американскимъ квакерамъ, къ корреспондентамъ различныхъ газетъ, часто въ первое время посѣщавшимъ ихъ, такъ что вопросъ этотъ перешелъ скоро и въ здѣшнюю печать. Лично я, конечно, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о самомъ Веригинѣ, ни о его созидательныхъ способностяхъ, но я не могъ не чувствовать той глубокой вѣры, которую возлагали на него эти темныя массы, и рѣшился попробовать „добыть“ его. Все вышесказанное мною само собой указывало мнѣ на единственный практическій путь къ достиженію этой цѣли, и, въ январѣ 1900 года, я рѣшился написать также и К. П. Побѣдоносцеву большое письмо, излагая обстоятельства дѣла, какъ оно мнѣ представлялось, и напирая преимущественно на то, что вся американская и канадская пресса обвиняетъ именно его въ излишней жестокости удерживанія въ ссылкѣ Веригина и другихъ духоборческихъ вожаковъ, даже и послѣ того, когда самимъ духоборамъ было разрѣшено выселиться. Это казалось местью, никому не нужной, хотя и осуждавшей переселенцевъ на бѣдствія. Лично я К. П. Побѣдоносцева не зналъ, ни общаго знакомства, ни какихъ-либо сношеній съ нимъ никогда не имѣлъ, и моимъ единственнымъ кредитивомъ былъ мой обычный литературный псевдонимъ, тотъ же и въ Россіи, и въ Америкѣ. Я не зналъ, отвѣтитъ онъ мнѣ или нѣтъ, но полагалъ, что испортить что-либо мое письмо отнюдь не могло, такъ какъ написано оно было въ самой корректной, самой почтительной формѣ. Въ отвѣтъ я, съ оборотомъ почты, получилъ отъ него отказъ, отъ 19 февраля 1900 года. Но я не удовольствовался такимъ отказомъ, а написалъ другое письмо, продолжая настаивать на своей просьбѣ содѣйствовать освобожденію Веригина и другихъ сосланныхъ, указывая на то огромное благопріятное впечатлѣніе, которое такое освобожденіе произвело бы на здѣшнее общественное мнѣніе, тогда серьезно занятое духоборческимъ дѣломъ. Такимъ образомъ, завязалась между нами дѣловая переписка, продолжавшаяся въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ; — послѣднее письмо ко мнѣ помѣчено 22-мъ января те-

кущаго года, то-есть, всего за нѣсколько недѣль до его смерти, а у меня сохранилось свыше шестидесяти его собственноручныхъ писемъ. Веригинъ былъ, наконецъ, освобожденъ и отпущенъ въ Канаду; не знаю, конечно, насколько я этому посбособствовалъ, но, благодаря такому началу, я имѣлъ возможность впослѣдствіи устроить возвращеніе на родину нѣсколькихъ духоборовъ и штундистовъ—и соединить ихъ съ покинутыми ими тамъ семьями. Не знаю, конечно, насколько мой корреспондентъ былъ искрененъ въ сношеніяхъ со мною, но думаю, что нѣкоторыя изъ писемъ его имѣютъ серьезный общественный интересъ.

„Вы—отвѣчаетъ онъ мнѣ, 19-го февраля 1900 года,—обращаетесь ко мнѣ подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ, которое, вотъ уже лѣтъ восемнадцать, тяготитъ ко мнѣ и изо всей Европы и Америки и даже извнутри Россіи. Съ давняго времени люди и европейскіе да и русскіе, не знающіе, чѣмъ и какъ движутся наши административныя пружины, воображаютъ, что все, что ни исходитъ въ Россіи отъ правительства, движется волею или прихотью кого-нибудь одного, кто въ ту или другую минуту считается влiятельною силою, такъ сказать, „первымъ по фараонѣ“ лицомъ. И вотъ, къ несчастью, утвердилось всюду фантастическое представленіе о томъ, что я—такое лицо, и сдѣлали меня козломъ отпущенія за все, чѣмъ тѣ или другіе недовольны въ Россіи, и на что тѣ или другіе негодуютъ. Такъ, взвалили на меня и жидовъ, и печать, и Финляндію — и вотъ еще духоборовъ—дѣла, въ коихъ я не принималъ никакого участія,—и всякія распоряженія власти, въ коихъ я нисколько не повиненъ. Такую тяготу такъ называемаго общественнаго мнѣнія приходится переносить—нельзя и опровергать ее, да никто и не повѣритъ, такъ укоренилась уже иллюзія невѣдѣнія, невѣжества и предразсудка. Вотъ, теперь и вы какъ будто просите и ожидаете отъ меня какого-то „конечнаго рѣшенія“ о духоборахъ. Да рѣшенія этого дѣла никогда и ни въ чемъ отъ меня не исходили и отъ меня не зависѣли: распоряжались и распоряжаются—генералъ-губернаторъ и министерство внутреннихъ дѣлъ. О переселеніи же духоборовъ въ Америку я узналъ, когда оно уже состоялось. Стало быть, на вопросы ваши не могу и теперь, какъ тогда не могъ, дать никакого отвѣта. Духоборческое дѣло—какъ и многое у насъ — дѣло тоже невѣдѣнія, невѣжества и равнодушія *мѣстныхъ* властей. На Кавказѣ духоборы составляютъ республику, status in statu, подъ правленіемъ своей Лукерьи. Мѣстныя власти мирились съ этимъ, получали отъ Лукерьи удовлетвореніе всякихъ требованій—и не заботились даже знать, что

такое духоборы съ вѣрованіями ихъ и бытомъ. Когда умерла Лукерья, республика эта замутилась спорами претендентовъ на ея наслѣдство. Къ несчастью, власти, вмѣсто того, чтобъ предоставить имъ расправляться между собою, вмѣшались въ дѣло и подняли тревогу. Поднялся мятежъ, начался рядъ неумѣлыхъ распоряженій, и какъ разъ тутъ подобрались къ духоборамъ . . . . . . [1]), пропагандисты толстовскихъ ученій—и духоборы превратились въ толстовцевъ, постниковъ-анархистовъ. Тутъ, мало-по-малу, Толстой, Чертковъ и вся компанія стали подговаривать массу къ переселенію въ Америку, собрали на это средства, переселили ихъ, хотя часть наиболѣе разумная осталась на мѣстѣ. Спрашивается—чѣмъ же повинна въ этомъ переселеніи правительственная власть? Я-то ужъ нисколько во всемъ этомъ не повиненъ. Единственное съ моей стороны распоряженіе состояло въ томъ, что когда поднялась на Кавказѣ исторія о духоборахъ,—со стороны властей, не имѣвшихъ прямого о нихъ понятія,—я послалъ туда человѣка знакомаго съ сектами—развѣдать ихъ, пожить и поговорить съ ними. Вотъ все, что̀ могу сказать вамъ въ отвѣтъ, ибо не хотѣлъ оставить васъ безъ отвѣта... А въ дополненіе посылаю вамъ печатное правдивое изложеніе исторіи о духоборахъ"...

Впослѣдствіи К. П. извѣщалъ меня, что книжка, посланная имъ мнѣ, вѣроятно, еще не дошла. „Надѣюсь, — прибавляетъ онъ,—что дойдетъ, но пожалуй и пропала подъ бандеролью. Кто знаетъ, можетъ быть, корреспонденція ваша подвергается гдѣ-нибудь задержкѣ или осмотру. О духоборахъ и штундистахъ вы писали мнѣ въ ноябрѣ, нельзя ли выслать къ нимъ семьи— но это дѣло неудобоисполнимое. Теперь вы пишете, что они сами стремятся назадъ, но боятся наказанія, по примѣру Гончарова. Надѣюсь это для нихъ устроить, но для этого надо переговорить съ кѣмъ слѣдуетъ — послѣ увѣдомлю васъ. Гончарова дѣло — нелѣпое, но что̀ же дѣлать, когда у насъ не привыкли разсуждать. Когда духоборы уходили, кн. Г. совершенно незаконно велѣлъ взять съ нихъ подписку, чтобъ не смѣли возвращаться, иначе будутъ сосланы въ Якутскъ—и когда Гончаровъ вернулся, онъ, несмотря на убѣжденія губернатора, настоялъ на высылкѣ. Съ тѣхъ поръ сколько я хлопоталъ о возвращеніи— но, къ несчастью, все дѣло загрязло въ канцеляріяхъ. Впрочемъ, обѣщаютъ. Вся наша бѣда въ томъ, что говорить не съ кѣмъ о живомъ дѣлѣ, и одно орудіе — бумага. Но если ваши духоборы (калифорнскіе) вернутся — куда они сядутъ и найдутъ ли свои

---

[1]) Слово не разобрано.

земли незанятыми? Итакъ, еще ждите отъ меня извѣщенія... Добрые люди, обманутые, авось поймутъ наконецъ, 1) что есть эпидемическія нелѣпости поведенія, коихъ никакое правительство потерпѣть не можетъ; 2) что въ сущности одна страна въ мірѣ, гдѣ люди могутъ жить свободно въ своей вѣрѣ, это Россія — и вѣрьте, что всѣ дикіе случаи насилія и преслѣдованія — есть только дѣло безурядицы (полицейской и всякой), господствующей у насъ на необозримыхъ пространствахъ. А главная причина — повальное невѣжество, соединенное съ отрицаніемъ всякаго желанія знать, и самое трудное, чего нельзя добиться, это „пріиди и посмотри". Люди наладили одно, какъ „сорока Якова", и не хотятъ знать реальную правду. — О вашихъ штундистахъ — сообщалъ позже К. П. Побѣдоносцевъ — изъ кіевской губерніи, чтобъ дать вамъ отвѣтъ, надо было здѣсь повидаться съ предержащими властями. А это нелегко въ Петербургѣ. Лишь сегодня я могъ переговорить съ Зволянскимъ. По мнѣнію его, надобно имъ прислать сюда просьбу на имя Государя. Изготовьте имъ что-нибудь въ этомъ родѣ и пришлите на мое имя, и тогда постараюсь двинуть дѣло. Надобно также знать: когда они выѣхали и откуда, и приняли ли американское подданство. Я постараюсь дѣло это устроить.

„P. S. О Гончаровѣ я давно уже возбудилъ вопросъ, но до сихъ поръ идетъ переписка съ кн. Г.".

Дабы пояснить все вышеприведенное мною, я долженъ сообщить слѣдующее: духоборы въ Канадѣ передавали мнѣ, что очень многимъ изъ нихъ, по пріѣздѣ на выбранныя для нихъ мѣста жительства, страна такъ не понравилась, что они были готовы вернуться въ Россію — и отправили на Кавказъ одного изъ своей среды, нѣкоего Гончарова, дабы испытать, какъ его возвращеніе будетъ принято начальствомъ. Ему удалось перебраться благополучно черезъ русскую границу, но немедленно, по пріѣздѣ домой, онъ былъ схваченъ властями и сосланъ въ Якутскую область. Это, конечно, заставило духоборовъ бросить мысль о возвращеніи. Я твердо убѣжденъ, что если бы не этотъ эпизодъ, всѣ духоборы изъ Канады съ теченіемъ времени вернулись бы въ Россію. Меня особенно просили похлопотать объ освобожденіи Гончарова, такъ какъ онъ пострадалъ какъ общественный ходокъ. Затѣмъ, въ числѣ пріѣхавшихъ изъ Канады въ Калифорнію духоборовъ было нѣсколько штундистовъ изъ кіевской, харьковской и другихъ губерній, бѣжавшихъ въ Канаду

безъ паспортовъ и покинувшихъ дома семьи, въ надеждѣ перевезти ихъ впослѣдствіи. Эти штундисты—одинъ изъ нихъ, кромѣ того, считалъ себя военнымъ дезертиромъ, такъ какъ числился въ запасѣ арміи—быстро разочаровались какъ въ Америкѣ, такъ и въ надеждѣ скоро заработать достаточно денегъ на перевозку семей; семьи были большія, и на это нужны были сравнительно большія средства,—да и появились опасенія, что семей этихъ не выпустятъ изъ Россіи. Они усиленно просили меня устроить имъ безнаказанное возвращеніе на родину, и въ моихъ письмахъ къ К. П. Побѣдоносцеву я усердно просилъ его уладить дѣла Гончарова и желавшихъ вернуться духоборовъ и штундистовъ съ подлежащими властями. Какъ читатель усмотритъ ниже, съ теченіемъ времени онъ устроилъ все это, люди эти вернулись, и я въ свое время получилъ отъ всѣхъ ихъ извѣстія, что они благополучно добрались домой и что мѣстныя власти ихъ совсѣмъ не тревожили.

„...Вы спрашиваете,—сообщаетъ мнѣ, при другомъ случаѣ, К. П. Побѣдоносцевъ, 8-го апрѣля 1901 г.,—не находится ли Россія наканунѣ серьезнѣйшихъ событій? Не думаю—въ заграничной печати описываются ужасы, совсѣмъ выдуманные — на Россію все валятъ. Пишутъ будто очевидные свидѣтели, что видѣли трупы убитыхъ — все это вздоръ. Бывшая свалка у Казанскаго собора не есть что либо новое. Что касается до студенческихъ сходокъ и обструкцій, то и это не новость, а слѣдствіе того, что въ университетѣ нынѣ не общество студентовъ, а толпа, остающаяся безъ всякаго руководства, съ разложеніемъ прежняго корпоративнаго строя—реформами гр. (Д. А.) Толстого. Обструкція же нынѣ вошла въ моду и въ парламентахъ. То несомнѣнно, что всѣ эти безпорядки поджигаются извнѣ. Вы спрашиваете краткую характеристику происходящаго. Это сдѣлать не могу—это сложное дѣло, о коемъ можно было бы разсуждать пространно въ связи со многими другими явленіями, внѣ Россіи происходящими. И надо было бы коснуться общихъ вопросовъ внутренней политики, на коихъ намъ съ вами, кажется, нелегко было бы сойтись... Въ одномъ лишь могу увѣрить. До сихъ поръ ни у кого не выбьешь изъ головы, что я альфа и омега всего, что происходитъ въ Россіи. Это совершенная неправда, поддерживаемая лишь общимъ невѣжествомъ и невѣдѣніемъ. Я не принимаю участія ни въ какихъ дѣлахъ, кромѣ тѣхъ, кои относятся до церковнаго управленія, и кромѣ тѣхъ, въ коихъ долженъ подавать свой голосъ въ текущихъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта и комитета министровъ“... „Сейчасъ (6 мая 1901 г.) получилъ ваше

письмо отъ 27 апрѣля съ прошеніями. Постараюсь тотчасъ пустить ихъ въ ходъ. Авось не замедлятъ—хотя вы знаете, какъ длятся дѣла въ нашихъ канцеляріяхъ. Напишу и въ Харьковъ... Вчера я писалъ вамъ, что надѣюсь устроить дѣло по просьбѣ двухъ скоро. А сегодня, обратившись въ министерство внутреннихъ дѣлъ, вижу, что не такъ скоро. Съ однимъ изъ двухъ, кіевскимъ, не было бы затрудненій. А другой духоборъ изъ Карса, и дѣло касается кн. Г., съ коимъ министерство внутреннихъ дѣлъ считаетъ необходимымъ списаться. До сихъ поръ отъ него не добились еще, чтобъ онъ согласился вернуть на Кавказъ Гончарова. Говорятъ: если рѣшить безъ кн. Г., то онъ могъ бы выслать вашего protégé обратно. Еслибъ дѣло отъ меня зависѣло, я не остановился бы, но оно отъ меня не зависитъ. Съ своей стороны, завтра же напишу кн. Г. и попрошу его поскорѣе устранить затрудненіе. Спѣшу увѣдомить васъ, дабы устранить возможное недоразумѣніе...

„...Я уже писалъ вамъ о судьбѣ присланнаго вами прошенія. Я просилъ и убѣждалъ кн. Г. не препятствовать, но еще не имѣю отъ него отвѣта и жду. Не скоро побѣдишь равнодушіе и косность мысли".

Затѣмъ, въ августѣ онъ извѣщаетъ меня, что получилъ письмо мое, отъ 18 іюля [1]), и присовокупляетъ: „6-го августа получилъ я отвѣтъ отъ кн. Г. Онъ, наконецъ, соглашается разрѣшить, *въ видѣ исключенія*, вашему protégé возвратиться на Кавказъ, безъ надѣленія его землей, и съ тѣмъ условіемъ, чтобы возвращеніе его не могло служить поводомъ къ возвращенію туда же прочихъ выселившихся въ Америку духоборовъ. Итакъ, въ настоящую минуту можно устроить имъ разрѣшеніе, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ Государю. Я немедленно напишу объ этомъ Сипягину... Ваша мысль о томъ, что здѣсь въ Петербургѣ они, будучи „сведены съ *представителями печати*, не могли бы не произвести отрезвляющаго впечатлѣнія на всѣ *ея лагери* (!)"—эта мысль, извините, показываетъ только, что вы, живя въ Америкѣ и освоившись съ орудіями мысли въ вашемъ краѣ, совсѣмъ отвыкли отъ Россіи. Вы, видно, не чуете еще, во что обратилась печать въ Россіи—и какъ низко погрузились въ болото всѣ ея лагери—даже съ тѣхъ поръ какъ вы отсюда вы-

[1]) Когда между находившимися въ Калифорніи духоборами прошелъ слухъ, что нѣкоторые изъ нихъ ходатайствуютъ черезъ меня о возвращеніи на родину, многіе обратились ко мнѣ съ той же просьбой, заявляя, что если нельзя на Кавказъ, то они согласны и на Манчжурію, лишь бы вернуться въ Россію. Мое письмо отъ 18 іюля и заключало въ себѣ содержаніе этой просьбы.

ѣхали. И теперь едвали вы мнѣ повѣрите, когда я скажу, что нѣтъ ни одного журнала и газеты у насъ, гдѣ бы можно было разсчитывать на дѣйствіе разума и здраваго смысла. Всѣ суть не что иное, какъ или — грязныя лавочки въ рукахъ невѣжественнаго уличнаго сброда проходимцевъ и недоучекъ, или органы (не исключая „Русскихъ Вѣдомостей" и „Вѣстника Европы") узкаго кружка доктринеровъ, не знающихъ и не хотящихъ знать народъ, душу его и потребности, не вѣрующихъ ни во что, кромѣ своей доктрины да въ тупую оппозицію всему, что называется правительствомъ. Это — въ иномъ видѣ — тѣ же канцеляріи. Попавъ въ среду этой гнилой интеллигенціи, ваши духоборы и штундисты *никого* бы не урезонили, развѣ сами сбились бы съ толку [1]). Вотъ, вамъ кажется, что противъ фактической очевидности и возражать нельзя — а этимъ людямъ нѣтъ никакого дѣла до факта — они знать его не хотятъ и ничему не вѣрятъ кромѣ сплетни и ругательства. А ужъ къ сектантамъ относятся очень любовно, не имѣя никакой вѣры, и не понимаютъ, что со всякимъ сектантомъ можно говорить только войдя въ его душу и въ его вѣрованіе: — а они только одно и умѣютъ съ сектантомъ — превращать его вѣру въ голое отрицаніе. Къ лучшимъ „представителямъ" печати примѣняется лишь пословица: наладила сорока Якова, да и твердитъ (одно) про всякаго. А настоящей *культуры*, которая въ западной печати обычное явленіе, у насъ и не спрашивай! — Другое — пишете вы — цѣль ваша: „возвратить въ Россію, если это достижимо, уже находящихся въ Америкѣ", и прибавляете, что средства у нихъ найдутся, и что помышленія ихъ направлены въ Сибирь и Манчжурію. Можетъ быть, это и благоразумно было бы (относительно калифорнскихъ), — но я тутъ ничего не могу сдѣлать — это дѣло государственнаго соображенія, которое не только не въ моихъ рукахъ, но въ которомъ я даже не могу имѣть воздѣйствія на правителей (и тутъ еще разъ прошу васъ отрѣшиться отъ пущенной въ оборотъ лжи, будто я всесиленъ въ дѣлахъ государственнаго управленія). По вашимъ письмамъ я вступился въ дѣло лишь потолику, поколику могу дѣйствовать, — а свою мысль я не могу вложить въ разумъ нынѣшнихъ правителей. За грѣхи и ошибки администраціи по дѣламъ сектантскимъ привыкли всѣ ставить въ отвѣтъ меня и церковное управленіе, и все валить на мою голову. Напрасно: еслибы

[1]) Я не вѣрилъ въ цѣлесообразность переселенія русскихъ крестьянъ въ Америку, и моей идеей было познакомить русское общество съ дѣйствительностью, посредствомъ прямыхъ жертвъ такого переселенія.

въ духоборческомъ дѣлѣ не напутала администрація, безъ участія и вѣдома церковныхъ властей—не было бы всей этой путаницы. Еслибъ не стала администрація и полиція, безъ участія духовенства, переводить уніатовъ, не было бы послѣдующихъ безпорядковъ, и они мало-по-малу перешли бы спокойно. Еслибъ дѣлами сектантовъ не завѣдывало министерство внутреннихъ дѣлъ, не знающее характера и существа сектъ—дѣло мало-помалу обдѣлывалось бы церковными средствами. Итакъ, остается мнѣ, по исполненіи потребныхъ формальностей, когда послѣдуетъ разрѣшеніе имъ вернуться, увѣдомить объ этомъ васъ. Пусть они ѣдутъ тогда на родину — пожалуй черезъ Петербургъ, гдѣ я приму ихъ и направлю къ знающему человѣку. Что касается прочихъ выходцевъ—пусть пробуютъ подать прошеніе на Высочайшее имя съ просьбой объ отводѣ земель въ Сибири. Это трудно, ибо вообще, при множествѣ русскихъ переселенцевъ, избѣгаютъ направлять туда сектантовъ"...

А вскорѣ затѣмъ К. П. извѣщаетъ меня: „...получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ извѣщеніе о вашемъ духоборѣ. Министръ, согласно съ отзывомъ кн. Голицына, разрѣшаетъ ему возвратиться въ Россію съ правомъ поселиться на Кавказѣ (на условіяхъ, о коихъ я уже писалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ), о чемъ министръ, отъ 18 августа, сообщилъ и кн. Голицыну, и министру иностранныхъ дѣлъ. Что касается до кіевскихъ, то объ нихъ нѣтъ еще отвѣта отъ Драгомирова, коего Сипягинъ призналъ нужнымъ запросить — хотя, по-моему, и нужды не было. Но властные люди таковы, что сами ни за что не рѣшаются, и оттого труднѣе, чѣмъ когда либо, дѣло дѣлать"...

Тѣмъ не менѣе, дня три спустя, я получилъ отъ К. П. коротенькое сообщеніе:

„Я писалъ вамъ на дняхъ о духоборѣ. Сейчасъ получено отъ министра внутреннихъ дѣлъ, что и кіевскимъ разрѣшено „возвратиться безнаказанно на родину".

Получивъ письмо мое, отъ 15 сентября, К. П. отвѣчаетъ, 22 сентября: „Вы пишете:—буду ожидать оффиціальныхъ бумагъ. Но какія это бумаги и въ какой формѣ, не легко сказать сразу. Главная цѣль ваша, какъ я вижу, устранить всякое затрудненіе при проѣздѣ черезъ границу — стало быть нужно, чтобъ они имѣли въ рукахъ бумагу съ надлежащимъ удостовѣреніемъ. Вотъ тутъ мы и встрѣчаемся съ рутиной канцелярскаго производства. Дѣло это въ рукахъ министерства внутреннихъ дѣлъ — ихъ побужденіе будетъ—писать въ министерство иностранныхъ дѣлъ—оттуда будутъ писать посланнику—посланникъ консуламъ—прой-

дутъ мѣсяцы, пока что-нибудь явится потребное. Имѣйте въ виду, что оберъ-прокуроръ синода тутъ сторона ходатайствующая, а не дѣйствующая пружина. Въ извѣщеніяхъ оффиціальныхъ, кои имѣю отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, сказано—о духоборѣ, что сообщено князю Г. на Кавказъ и *министерству иностранныхъ дѣлъ на предметъ объявленія духобору*—(!), а о кіевскихъ (отъ 4 сентября), что сообщено Драгомирову и *министерству иностранныхъ дѣлъ на предметъ объявленія имъ*.

„Итакъ, надо выхлопотать какую-нибудь бумагу—въ руки имъ. Теперь у насъ глухое время—всѣ власти въ разъѣздѣ, и Сипягина нѣтъ. Постараюсь на дняхъ увидѣть товарища министра Дурново и просить его. Предвижу затрудненія, хотя, казалось бы, дѣло нехитрое. Но если встрѣчу отказъ, то составлю отъ себя оффиціальное удостовѣреніе для каждаго, за своей подписью и печатью, и надѣюсь, что этого будетъ достаточно. Затѣмъ вышлю въ ваши руки.

„Это на первый вашъ вопросъ.

„На *второй*. Направляйте ихъ прямо на мѣста жительства. *Не* направляйте на Петербургъ (если прямой путь не лежитъ на него) по тѣмъ соображеніямъ, которыя я уже писалъ вамъ.

„Стремленіе къ переселенію въ Америку завелось и между кавказскими молоканами. Несчастные люди! Безумные люди сбиваютъ ихъ съ толку. Чего они хотятъ? Вѣдь вездѣ имъ хуже будетъ, чѣмъ въ Россіи, гдѣ и въ законахъ, и въ администраціи множество прорѣхъ, помощію коихъ люди пользуются свободой! Не знающій Россіи судитъ обо всемъ по произвольнымъ обобщеніямъ фактовъ, понятій и предразсудковъ. И молокане представляются какою-то сплошною силою духовной и соціальной оппозиціи. Но съ молоканами издавна сживается народъ—и въ каждой мѣстности характеръ ихъ различный: — есть въ иныхъ мѣстахъ (напр. Тамбовская губернія) злые, а во многихъ мѣстахъ добрые—гдѣ на нихъ не повѣяло фанатизмомъ штунды и толстовства. Вотъ у насъ въ Астраханской губерніи есть школа, куда умные священники привлекли до 150 молоканскихъ дѣвочекъ съ согласія родителей—и я послалъ имъ икону. Кавказскіе молокане конечно испорчены тѣмъ же движеніемъ духоборовъ, превращеннымъ въ толстовство“...

„Едва не всякій день—пишетъ вскорѣ К. П. изъ Царскаго Села—приходится писать вамъ. Я уже писалъ вамъ о моихъ предположеніяхъ относительно снабженія ихъ на переѣздъ черезъ границу. Сегодня я былъ въ С.-Петербургѣ, и поѣхалъ, за отсутствіемъ Сипягина, къ товарищу его Петру Н. Дурново, кото-

рый тотчасъ же распорядился составить прилагаемые при семъ документы. Авось либо они замѣнятъ имъ вполнѣ паспортъ на русской границѣ. Спѣшу тотчасъ послать ихъ вамъ. Увѣдомьте о полученіи"...

Въ концѣ того же сентября 1901 года К. П., въ дополненіе къ одному изъ прежнихъ писемъ, говоритъ: „Я уже писалъ вамъ о нынѣшнемъ состояніи нашей періодической печати. Вотъ вы, выѣхавъ изъ Россіи, храните всѣ вывезенныя отсюда предубѣжденія того времени, — и у васъ наложено *табу* на „Московскія Вѣдомости". А „Московскія Вѣдомости" нынѣ единственная газета, гдѣ разумный человѣкъ писать можетъ, безъ ругательствъ. Вы все гоняетесь за какимъ-то идеаломъ честности или за человѣкомъ „нашего лагеря", а дѣло совсѣмъ не въ этомъ, въ сферѣ печати. Г. Грингмутъ—самъ по себѣ—человѣкъ, котораго уважать не приходится, но такъ или иначе онъ уберегъ газету"...

Не получая обѣщанныхъ пропусковъ, я писалъ о томъ въ октябрѣ: „Удивляюсь — отвѣчалъ мнѣ К. П.,—что вы еще не получили мой заказной пакетъ, отправленный еще 27 сентября, слишкомъ мѣсяцъ тому назадъ. Тутъ были бумаги изъ министерства внутреннихъ дѣлъ для пропуска вашихъ людей. Долго идетъ почта — развѣ, можетъ быть, письма на ваше имя читаются? Надѣюсь, однако, что все дошло до васъ. На Казакевича трудно разсчитывать — онъ формалистъ. Спѣшу о всемъ этомъ предупредить васъ. Все что могъ—сдѣлалъ"...

Между тѣмъ, возвратившіеся штундисты испытали преслѣдованіе, и вотъ К. П. опять сообщаетъ: „О Б. не имѣю никакихъ свѣдѣній и узнаешь не скоро [1]). Я могъ только написать кіевскому губернатору Трепову и еще жду отъ него отвѣта. Когда получу, извѣщу васъ. Мудренаго нѣтъ, что если Б. принялся на мѣстѣ за старые грѣхи, то и могъ потерпѣть непріятности отъ полиціи, а какъ полиція бываетъ безтолкова, то и безъ вины могъ потерпѣть...

„Газеты всѣ не о томъ заботятся, чтобы узнать подлинную правду, а чтобы набрать сенсаціонныхъ извѣстій, особливо изъ Россіи. Такъ что посылать вѣсти изъ Россіи стало теперь профессіей всякихъ писакъ, ничего не могущихъ знать, кромѣ сплетенъ и слуховъ. А у насъ нынѣ по гостинымъ, по клубамъ, по канцеляріямъ, ходитъ масса всякихъ вздорныхъ вѣстей, схва-

---

[1]) Б.—одинъ изъ вернувшихся штундистовъ, о которомъ я долго не имѣлъ извѣстій.

ченныхъ на лету,—до правды же могутъ добраться только люди близко стоящіе къ пружинамъ дѣлъ и людямъ у дѣла состоящимъ. Безпорядковъ у насъ много и много всякаго безумія во всѣхъ слояхъ общества, но когда доходитъ дѣло до источниковъ, тутъ начинается болтовня и вздорная ложь. Не много болѣе знаютъ и наши газеты. Всѣ ихъ „извѣстія“ въ англійскихъ, французскихъ газетахъ строчатся по одному шаблону. Какъ въ кукольной комедіи есть вѣчный Арлекинъ, Коломбина, Полишинель Чокъ и тузы. Наладили человѣка, который все дѣлаетъ, и на этой канвѣ вышиваются узоры. Сколько лѣтъ не могутъ отвыкнуть отъ моего имени—которое уже лѣтъ 15 есть анахронизмъ, и все ко мнѣ относится; — а краска, коею все.........[1]) есть парламентъ, коего одни желаютъ, другіе противятся. Вотъ и выходитъ — Плеве — реакціонеръ, въ союзѣ со мною, Ванновскій—герой либерализма (какой вздоръ! сказали бы: герой безтолочи и невѣжества), Императрица-мать всѣмъ вертитъ, и проч. и проч. А сути дѣла никто не видитъ и не знаетъ!“

Въ дополненіе къ этому я получилъ отъ К. П. извѣщеніе, а именно, онъ пишетъ:

„Не могу еще дать вамъ рѣшительный отвѣтъ о Б., но считаю не лишнимъ сообщить, что я спрашивалъ Трепова, и онъ пишетъ мнѣ изъ Кіева, отъ 17 іюля, что, получивъ мое письмо въ прошломъ декабрѣ, онъ сдѣлалъ распоряженіе о непривлеченіи Б. къ отвѣтственности за переходъ границы и проч.; нынѣ же не имѣетъ свѣдѣній, чтобы онъ былъ за что-либо привлеченъ и посаженъ въ тюрьму, и требуетъ отъ уманьскаго исправника свѣдѣній, было ли что подобное, а получивъ, увѣдомитъ меня“.

Нѣсколько дней спустя, я узналъ отъ К. П. слѣдующее:

„Получилъ отвѣтъ отъ кіевскаго губернатора:

„1) По донесенію черкасскаго исправника, Б. не привлекался со времени возвращенія ни къ какой отвѣтственности за какой-либо поступокъ и находится на жительствѣ въ деревнѣ К., уманьскаго уѣзда.

„2) А другой, вернувшійся изъ-за границы, штундистъ Ч., также оставленный безъ взысканія, иконъ у себя не имѣетъ и на вопросъ съ насмѣшкой говоритъ: „Зачѣмъ мнѣ какія-то иконы. Если дадутъ землю, то поставлю икону въ домѣ“. Онъ представляется ярымъ штундистомъ и несомнѣнно занимается секретно пропагандою штундизма.

„Итакъ, если будутъ возвращаться подобные ему, то не мо-

---

[1]) Неразобранное слово.

гутъ ожидать, чтобы ихъ оставили въ покоѣ. Лучше такимъ и не возвращаться. А мнѣ лучше бы было и не просить за этого Ч.“...

Наша переписка возобновилась въ августѣ 1902 года, вслѣдствіе тѣхъ вырѣзокъ изъ американскихъ газетъ, которыя я выслалъ К. П.

„Вы присылали мнѣ — говоритъ онъ — вырѣзки изъ газетъ. Печально, если таковы извѣстія изъ Россіи въ газетахъ—и еще печальнѣе, что имъ вѣрятъ—и вы, пожалуй, вѣрите. А казалось бы надо вамъ знать, какими пружинами движется газетная печать и чѣмъ орудуетъ. Особенно американскія газеты, кои пополняются почти исключительно репортерскимъ матеріаломъ. Все это—игра въ ложь—ложью живутъ и наши здѣшнія газеты, а это все сугубая ложь, и игра въ нее доведена въ американскихъ газетахъ до виртуозности. Все, что тутъ—выдумано, сочинено, и ни слова нѣтъ правды, кромѣ развѣ всеобщаго огорченія, что Императрица не родила наслѣдника. И вообще знайте, что гдѣ является мое имя, тамъ ложь. Оно употребляется какъ соль—ибо сколько уже лѣтъ какъ съ нимъ иностранная сплетня связываетъ все, что дѣлается въ Россіи—тогда какъ вотъ уже лѣтъ десять какъ я ни въ какихъ дѣлахъ, кромѣ церковныхъ, не участвую. Но его кладутъ какъ печать на фальшивыя извѣстія въ удостовѣреніе, что они истинныя. И прежняя выписка — о газетахъ и Ухтомскомъ — пустая болтовня, представленная въ видѣ какого-то ужаснаго насилія. Могло случиться, что въ управленіи по дѣламъ печати, какъ и вездѣ, были разговоры съ Ухтомскимъ о характерѣ статей, кои помѣщались въ газетахъ“...

Тѣмъ не менѣе, я продолжалъ высылать К. П. вырѣзки изъ здѣшнихъ газетъ, и онъ опять отвѣчаетъ мнѣ въ самомъ началѣ 1903 года:

„Желаю вамъ благополучнаго года. Еще и еще разъ благодарю за сообщенія.

„Положеніе нашихъ дѣлъ далеко не нормальное и не свободное отъ тревоги. Но — сообщаемыя въ иностранныхъ корреспонденціяхъ свѣдѣнія намѣренно преувеличены по слухамъ и сплетнямъ. Ростовское приключеніе съ рабочими—явленіе нынѣ обычное всюду — а у насъ въ особенности, такъ какъ у насъ не трудно возбудить и поднять толпу самыми нелѣпыми толками и внушеніями. 200 убитыхъ и 1.000 раненыхъ—сущій вздоръ. Дѣйствовали войска, но убитыхъ и раненыхъ, какъ всегда бываетъ, было лишь нѣсколько. И 2.000 амазонокъ—какой вздоръ!

„Основныя причины нашихъ бѣдъ конечно никто изъ либе-

ральной печати понять не можетъ. Онѣ коренятся въ томъ, что массою непонятыхъ и непродуманныхъ реформъ и непровѣренныхъ законовъ надѣто на громадную и пеструю Россію чужое платье, не скроенное, не примѣренное, и отсюда — путаница властей и отношеній при общей некультурности"...

Отвѣчая мнѣ, въ мартѣ 1903 г., на мои новые вопросы, К. П. сообщаетъ:

„Вы хотите свѣдѣній о происхожденіи и значеніи манифеста. Едвали кто можетъ вамъ дать ихъ. Этотъ актъ явился для всѣхъ властей сюрпризомъ, и въ замыслѣ его, равно какъ и въ составленіи, никто изъ нихъ не принималъ никакого участія. Что̀ значитъ онъ и чѣмъ отзовется—можно только гадать.

„...Вы, выѣхавъ изъ Россіи, стоите на той же точкѣ, на какой тогда были, вѣруя въ благодѣтельное значеніе какихъ-то реформъ въ смыслѣ новой свободы. Но вѣра въ „учрежденія", оторванныя отъ жизни и отъ народа, ничего не принесла намъ кромѣ лжи и стѣсненія истинной свободы, ибо мы стали такъ опутаны учрежденіями, что дѣваться некуда. А тѣ, кои проводили ихъ, пустивъ ихъ въ народъ, успокоились, воображая, что учрежденія сами себя двинутъ и оживятъ что-то. Но у насъ безъ руководства ничто само собой не оживаетъ. Славянская раса не то, что̀ англо-саксонская, скандинавская и даже нѣмецкая: тамъ духъ партикуляризма и крѣпкаго индивидуальнаго развитія; у насъ — обязанность. И такъ вышло, что мы наряжены всѣ въ какое-то чужое платье, сшитое роднымъ портнымъ Ваською, и не можемъ въ немъ двигаться"...

Извѣстное „кишиневское дѣло" послужило поводомъ новаго сообщенія со стороны К. П. въ іюнѣ 1903 г.

„Кишиневское дѣло неудивительно что вызвало взрывъ негодованія въ печати. Вѣдь вся она въ еврейскихъ рукахъ, и иначе судить не можетъ, не зная нисколько русскаго жидовства. Кишиневское дѣло возмутительно — не ради жидовства, но и какъ всякое неистовство обезумѣвшей толпы — какъ неистовство гайдамаковъ, какъ неистовство крестьянской толпы на помѣщиковъ. Возмутительно и по бездѣйствію мѣстныхъ властей, не умѣвшихъ прекратить ужасы, длившіеся два дня.

„Но надобно знать, чего не знаютъ газетные писатели. Вѣдь нигдѣ во всемъ мірѣ нѣтъ такого жидовства, какъ у насъ—нѣтъ такого гнѣзда, какъ у насъ въ бывшемъ польскомъ краѣ, въ Румыніи, и оттуда — на югѣ Россіи. Нѣтъ этой безчисленной размножившейся толпы, посреди народа—невѣдущаго, дѣтски неимущаго и бездѣятельнаго въ экономическомъ отношеніи. Не

знаютъ, до чего это жидовство эксплоатируетъ бѣдное рабочее населеніе, и съ какимъ нахальствомъ и камнемъ къ нему относится—въ средѣ, наполненной всякаго безпорядка и скажу—безвластія. Кишиневское дѣло имѣетъ подкладку до сихъ поръ и здѣсь неразъясненную. Мѣстное рабочее населеніе доведено было до ярости, а какъ скоро двинулась толпа, къ ней присоединились самые дикіе элементы... Вы знаете и нечего объяснять вамъ, какъ у насъ тяжело жить человѣку съ идеальными стремленіями, и теперь — тяжеле чѣмъ когда либо. И хотѣлось бы переѣхать въ другія условія, на реальную почву; но приходится терпѣть и *безплодно стремиться*—вмѣстѣ съ своими людьми, какъ ни тяжело это".

Въ послѣдніе годы передъ смертью К. П., мнѣ случалось получать отъ него возраженія американскимъ газетамъ по вопросу о немъ самомъ.

„Вы прислали мнѣ статью газеты „Marvellous old Fanatic who has a grip on the Czar" („Замѣчательный старый фанатикъ, который овладѣлъ царемъ")—такъ увѣдомляетъ К. П. меня въ половинѣ 1903 года. — Едвали вы, хотя знаете меня тоже по газетнымъ статьямъ,—едвали могли такому вздору повѣрить. А эта статья для меня не новость—тысячи подобныхъ до меня доходятъ издавна и служатъ подтвержденіемъ невѣжества и повальной лжи, нынче овладѣвшихъ и печатью, и создаваемымъ ею мнимымъ общественнымъ мнѣніемъ. Вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ какъ всѣ извѣстія изъ Россіи соединены съ моимъ именемъ, которое пронесено какъ зло по всему міру, благодаря общему невѣжеству—не знаетъ никто правды, и въ злобѣ—на что и на кого?—ищутъ въ Россіи непремѣнно человѣка, который за все отвѣчаетъ. Я являюсь козломъ отпущенія—но того выгоняли по крайней мѣрѣ въ пустыню, а меня какъ мячикъ перебрасываютъ изъ одной газетной лавочки въ другую и изъ одного кабака въ другой—на растерзаніе. И думаешь—авось наконецъ узнаютъ что-нибудь вѣрное и притихнутъ, такъ какъ здѣсь, казалось бы, должны знать, что вотъ уже лѣтъ десять я—кромѣ дѣлъ церковнаго управленія—не принимаю никакого участія въ направленіи какихъ-либо государственныхъ мѣръ. Ничуть не бывало—и тамъ, и здѣсь, продолжаютъ всюду поносить меня за все. Хотя бы сколько-нибудь знали меня, или потрудились—здѣшніе-то — спросить, правда ли все то, что мнѣ приписывается"...

Годъ спустя, въ концѣ 1904 года,—К. П., обращаясь ко мнѣ, подтверждаетъ свое прежнее возраженіе:

„Чего удивляться — пишетъ онъ — американской статьѣ о Суздальскомъ монастырѣ, когда и у насъ пишутъ такой же вздоръ, ничего не зная, только чтобъ пустить сенсаціонную новость. И здѣсь многіе увѣряютъ меня, что тамъ держатъ людей въ кандалахъ и цѣпяхъ. А туда отсылаютъ иногда разныхъ, совсѣмъ неистовыхъ священниковъ и монаховъ, кои хуже сумасшедшихъ, но коимъ мѣстъ нѣтъ въ домѣ умалишенныхъ—иныхъ приходится держать взаперти—но многихъ теперь перевели въ больницу душевно больныхъ“...

То же онъ повторяетъ и въ концѣ 1904 года:

„Вы прислали мнѣ газетную статью: „Pobiedonostzeff in way of reform“ („Побѣдоносцевъ на пути къ реформѣ“). Сколько такихъ присылается мнѣ изъ Англіи, Америки, Франціи, Германіи!

„Знайте же, что все это *ложь* и выдумка.

„Вотъ уже болѣе восьми лѣтъ какъ я не принимаю участія ни въ какихъ государственныхъ дѣлахъ (и кто принимаетъ—не знаю). Ни во что не вмѣшиваюсь и никто меня не спрашиваетъ. Никакихъ записокъ не подаю Государю, кромѣ докладовъ по текущимъ церковнымъ дѣламъ. Никакихъ особыхъ докладовъ не имѣю. Я уже давно отжившій дѣятель—и всѣ люди прежняго времени, особливо культурные друзья, уже въ могилѣ. Съ новыми ихъ замѣстителями не имѣю никакихъ отношеній. *Никуда* не выѣзжаю, кромѣ засѣданій синода и комитета министровъ (не занимающагося никакими государственными вопросами).

„Между тѣмъ, нестройная толпа, не зная, чего хочетъ, лишенная культурности, вопитъ о какой-то конституціи. Въ какомъ положеніи это дѣло, и какія наверху его вѣроятности, *никто не знаетъ*. Кричатъ: поскорѣе! и ищутъ: кто же мѣшаетъ?! И вотъ, напали на мое имя, развѣ потому, что мое мнѣніе о конституціи извѣстно по „Московскому Сборнику“. И меня *никто не знаетъ*, но въ канцеляріяхъ, гостиныхъ и аудиторіяхъ сочиняются нелѣпѣйшіе слухи обо мнѣ, переходящіе во всѣ иностранныя газеты, на всемірный рынокъ всяческой лжи и сплетни.

„И этотъ крестъ несу я вотъ уже двадцать лѣтъ. Но прежде были еще люди, знавшіе меня и мою дѣятельность, а нынѣ никого не осталось. И мало того—отовсюду пишутъ мнѣ проклятія и угрозы. Вотъ и сегодня такое письмо изъ Нью-Іорка!..“

У меня сохранились и точныя копіи моихъ писемъ—счетомъ 54—къ К. П. Побѣдоносцеву. Его же писемъ у меня со-

бралось, какъ я уже сказалъ, свыше 60-ти. Писаны они на разнообразнѣйшихъ форматахъ и сортахъ бумаги, и только разъ, при концѣ, употребленъ терминъ: „покорный слуга“, всѣ же остальныя заканчиваются словомъ „Здравствуйте“ и подписью. Почеркъ сравнительно разборчивый, но нѣкоторыя буквы очень своеобразны, тàкъ—кàкъ теперь никто не пишетъ. Начиналъ онъ письма полной строкой, затѣмъ съуживалъ ихъ къ срединѣ листа и опять расширялъ къ концу.

П. А. Тверской.

г. Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ДАЛЕКІЙ ГОРИЗОНТЪ

Романъ Люкаса Малета.

The far horizon. By Lucas Malet. London. 1907.

Окончаніе.

XXVII *).

Въ теченіе слѣдующихъ недѣль событія смѣняли другъ друга съ головокружительною быстротой, и Доминикъ Иглезіасъ, котораго не оставляло чувство безконечной усталости, все сильнѣе сталъ желать отдыха и свободы, ожидавшихъ его, какъ онъ твердо вѣрилъ, въ дали грядущаго.

Наканунѣ онъ закончилъ свою работу въ банкѣ. Поведеніе вызваннаго телеграммою сэра Абеля было характерно. Сюртукъ его все еще висѣлъ на немъ мѣшкомъ, его грандіозное кресло и монументальный письменный столъ все еще казались черезчуръ велики для него; онъ сгорбился и сталъ совсѣмъ старикомъ. Но духомъ онъ уже успѣлъ воспрянуть и достигнуть прежнихъ высотъ. Вмѣстѣ съ приливомъ денегъ явился и приливъ торжественности, удвоилось снисходительно-покровительственное отношеніе къ людямъ, а рѣчь поражала еще бо̀льшимъ обиліемъ общихъ мѣстъ и банальностей.

— Итакъ, исполнивъ вашъ долгъ, вы намѣрены удалиться, другъ мой? Въ виду этого, намъ остается порадоваться возстановленію моего здоровья, дозволяющаго мнѣ снова принять на себя бремя отвѣтственности, и потому ни я, ни мои компаньоны

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 256.

не можемъ протестовать противъ вашего ухода—въ силу нашего долга по отношенію къ самимъ себѣ. Прежде чѣмъ мы разстанемся, однако, я долженъ сказать, что оказанное намъ въ финансовомъ мірѣ довѣріе явилось вполнѣ заслуженнымъ. Нашъ банкъ вышелъ изъ этого испытанія съ честью, заслуживъ удвоенныя симпатіи и уваженіе со стороны общества.

Онъ долго развивалъ эту тему и по привычкѣ возводилъ глаза на свой портретъ, который такъ же мало походилъ на него теперь, какъ наполненный воздухомъ, готовый къ отлету шаръ походитъ на тотъ же шаръ, когда изъ него болѣе чѣмъ наполовину выкачали воздухъ и онъ готовится повиснуть какъ тряпка.

— Что же касается до вашей роли въ это тревожное время, Иглезіасъ, то мнѣ приходится поблагодарить васъ отъ имени своего и моихъ компаньоновъ. Не скрою, что существовало враждебное вамъ теченіе, у насъ находили вашъ методъ устарѣлымъ, не отвѣчающимъ современнымъ условіямъ, но вы оправдали мое довѣріе, и я надѣюсь, что впредь мои компаньоны безъ всякаго колебанія обратятся къ вамъ—въ случаѣ необходимости.

Сэръ Абель остановился, ожидая знаковъ одобренія. Иглезіасъ поблагодарилъ его съ ироническою вѣжливостью.

— Ваше заявленіе очень успокоительно для меня, сэръ Абель.

Банкиръ подозрительно взглянулъ на него, но затѣмъ снова заговорилъ, еще болѣе расплываясь въ самодовольствіи. Награждать заслуги по достоинству—всегда было у него въ обычаѣ. Онъ долженъ сказать откровенно, что находитъ результаты операцій Иглезіаса прекрасными. Примѣръ — великое дѣло: Иглезіасъ былъ много лѣтъ у него подъ началомъ, прошелъ его школу, и его, сэра Абеля, собственныя превосходныя качества отразились на немъ.

Наступила вторая пауза, и Доминикъ началъ ощущать нетерпѣніе. Онъ все же надѣялся, что удары судьбы не останутся безъ вліянія даже на сэра Абеля, но долженъ былъ убѣдиться, что лишь отсутствіе перьевъ дѣлаетъ гусей смиренными, а какъ только перья отростутъ, они принимаются гоготать попрежнему.

— Документы и корреспонденція—въ полномъ порядкѣ, сэръ Абель,—сказалъ онъ,—и если вы ничего болѣе не имѣете сказать мнѣ, я не стану отнимать ваше драгоцѣнное время.— Поклонившись, онъ пошелъ къ двери, но банкиръ окликнулъ его.

— Иглезіасъ, на одну минуту... А вопросъ о вашемъ вознагражденіи?

— Мнѣ помнится, я поставилъ его вполнѣ опредѣленно, сэръ Абель,—холодно отвѣтилъ Доминикъ.

— Да, въ первую минуту, но, можетъ быть, потомъ вы передумали и считаете вашу пенсію недостаточнымъ вознагражденіемъ; наконецъ, мы должны уплатить вамъ жалованье за эти полгода.

При этой поздней и не совсѣмъ тактичной оцѣнкѣ его собственнаго рыцарскаго отношенія къ дѣлу, у Иглезіаса особенно заблестѣли глаза и онъ закусилъ губу.

— Я не имѣю обыкновенія передумывать, сэръ Абель; я безвозмездно предложилъ въ ваше распоряженіе имѣющіеся у меня способности и опытъ. Есть обстоятельства, дѣлающія для меня невозможнымъ принять какое-либо возгнагражденіе—помимо моей пенсіи—отъ васъ и другихъ членовъ вашей фирмы.

Сэръ Абель, поднявшійся съ кресла, снова въ него опустился, и глазки его опять подозрительно уставились на Иглезіаса, но такъ какъ заподозрить сарказмъ въ словахъ „служащаго“ было невозможно, онъ отвѣтилъ съ благосклонною снисходительностью:

— Довольно, другъ мой! Этого вполнѣ достаточно. Я не стану васъ долѣе задерживать, но только прибавлю, что я цѣню вашу деликатность. Это доказываетъ, насколько сношенія съ нашею фирмою были во всѣхъ отношеніяхъ цѣнны для васъ, и я радъ, что вы это признали.

Возвращаясь домой—на верху омнибуса, Доминикъ мысленно улыбался, вспоминая этотъ разговоръ. Онъ былъ радъ, что успѣлъ сдержаться. Чего иного онъ могъ ожидать отъ сэра Абеля? Въ смыслѣ удовлетворенія самолюбія онъ могъ утѣшиться лестными отзывами многихъ извѣстныхъ финансистовъ, стоявшихъ во главѣ крупныхъ фирмъ, которые выразили ему свое уваженіе и оцѣнили по достоинству его замѣчательныя дѣловыя способности, честность и проницательность. Наконецъ, высшее самоудовлетвореніе его заключалось въ сознаніи, что онъ выполнилъ свою задачу.

Сидя на верхушкѣ омнибуса, онъ невольно проводилъ параллель между прежними годами и послѣднимъ временемъ.

Теперь, хотя утомленный тѣломъ и духомъ, онъ завершилъ первый трудовой періодъ; жизнь его поставлена въ новыя условія,—онъ чувствуетъ себя свободнымъ, какъ никогда, а главное—духъ его вполнѣ спокоенъ. Одиночество и надвигающаяся старость—перестали пугать его. Корабль его уже не несется безъ руля и безъ вѣтрилъ, но безстрашно плыветъ къ надежной гавани; долгъ ли, коротокъ ли будетъ путь—это уже не его забота.

Сегодня чудовище, именуемое Лондономъ, имѣло задумчивый, кроткій видъ. И на немъ сказывалась меланхолическая прелесть

ранней осени. Городъ словно помолодѣлъ, сталъ одухотвореннѣе, какъ грѣшница, очистившаяся покаяніемъ и слезами. Воздухъ былъ чистъ и отличался прозрачностью, которая бываетъ послѣ обильныхъ дождей, смѣняющихъ сильную жару. Порѣдѣвшая листва деревьевъ отливала всѣми желтыми тонами—отъ золотистаго до мѣднокраснаго. Сѣрые и красные дома отчетливо, но не рѣзко выдѣлялись на фонѣ грустнаго, блѣдно-голубого неба, усѣяннаго длинною вереницею медленно тянувшихся облаковъ...

Порою издали налеталъ тихій вѣтерокъ, приносившій съ собою дуновеніе не надеждъ, но скорѣе — глубокихъ, нѣжныхъ сожалѣній; онъ вѣялъ чѣмъ-то прощальнымъ, и Доминику казалось, что онъ говоритъ о невозвратно ушедшемъ, объ отреченіи, о томъ, что̀ зовется забвеніемъ, хотя бы только наружнымъ.

Невольно глаза его наполнились слезами, но затѣмъ онъ разсердился на себя. На что̀ онъ жалуется? Неужели воля его такъ слаба, что свѣтлыя откровенія окутываются туманомъ, и голосъ природы нарушаетъ его душевное спокойствіе?

Онъ поднялъ глаза, и взоръ его машинально остановился на гигантской ярко-розовой афишѣ. На ней крупными буквами было напечатано о сегодняшнемъ открытіи „Театра Двѣнадцатаго Вѣка“ новою пьесою извѣстнаго драматурга Антони Гэммонда, съ участіемъ м-ссъ Пеппи Сентъ-Джонъ въ главной роли.

XXVIII.

У церкви S.-Mary Abbot Доминикъ сошелъ съ омнибуса. Глаза его все еще были ослѣплены пылающими какъ зарево афишами: Ліонель Гордонъ, антрепренеръ, не поскупился на рекламу, и онѣ красовались на всѣхъ омнибусахъ.

Доминикъ съ удвоеннымъ интересомъ перенесся мыслью къ „своей дамѣ“, которую онъ видѣлъ нѣсколько дней тому назадъ послѣ репетиціи. Она просила его не быть на спектаклѣ.

— Дѣло идетъ какъ по маслу,—сказала она,—но все же, если вы любите меня, не приходите: вы страшнѣе для меня, чѣмъ девяносто-девять критиковъ, вмѣстѣ взятыхъ. Я ужасно хочу васъ видѣть, не сомнѣвайтесь въ томъ, и я стану играть такъ, какъ если бы вы были въ театрѣ. Но—понимаете ли?—если бы я дѣйствительно васъ увидѣла, я забыла бы о роли. Я сейчасъ же извѣщу васъ о результатѣ, но лучше, если моя первая „схватка“ съ публикою произойдетъ одинъ на одинъ. И затѣмъ, при первомъ представленіи, — какъ со стороны исполненія, такъ и со

стороны публики,—всегда есть шероховатости, которыя сглаживаются впослѣдствіи. Новая пьеса—все равно что новая лодка: еще не все въ ней на мѣстѣ. Поэтому будьте кротки какъ агнецъ: потерпите!

Доминикъ согласился и посвятилъ ближайшіе дни ликвидаціи своихъ дѣлъ. Утромъ онъ покончилъ съ банкомъ Баркингъ и К°, а вечеромъ ему предстояло разстаться съ Кедровымъ коттэджемъ. Видъ пестрыхъ афишъ и мысли объ успѣхѣ Пеппи—не могли отвлечь, однако, Доминика отъ мысли, что все въ жизни его какъ-то идетъ къ неизбѣжному концу, и онъ невольно отдавался меланхолическимъ предчувствіямъ, покуда не свернулъ по хорошо знакомой ему дорогѣ въ Holland-Street—къ своему дому. Старый домъ, гдѣ умерла его мать и протекла юность его, снова сталъ его домомъ. Снова онъ переступитъ его порогъ, какъ хозяинъ. Но какая разница съ прошлымъ! Теперь подъемъ въ гору кажется ему тяжелымъ. Стоя со шляпою въ рукѣ и подставляя лобъ освѣжающему мягкому вѣтерку, Доминикъ вспоминалъ свой разговоръ съ Пеппи на ея балконѣ, въ этотъ обвѣяный лунными чарами, упоительный часъ ихъ дружбы, когда они говорили о „послѣднемъ откровеніи". Изъ ближайшей церкви, словно вторя его думамъ, доносились звуки органа. Ему почудилось въ этихъ звукахъ благословеніе.

— In te, Domine, speravi!—тихо прошептали его губы.

У дома стоялъ крытый фургонъ съ мебелью; изъ его пещероподобной внутренности люди въ бѣлыхъ фартукахъ извлекали мебель и переносили ее черезъ дворъ въ домъ. Троттуаръ былъ усѣянъ обрывками бумаги, которые подхватывалъ по временамъ и кружилъ вѣтеръ, а посреди всего этого безпорядка, слѣдя съ недоумѣніемъ и живѣйшимъ интересомъ за распаковкою, стоялъ забавнаго вида, толстый, короткорукій и коротконогій человѣчекъ.

Латинская раса не считаетъ необходимымъ слѣдовать примѣру англосаксонской—по истеченіи дѣтскихъ лѣтъ, тщательно подавлять въ себѣ движенія сердца,—а потому Доминикъ не устыдился того факта, что видъ стараго товарища, разошедшагося съ нимъ за послѣдніе мѣсяцы, пробудилъ въ немъ чувство искренней нѣжности. Ему вдругъ показалось такимъ недостойнымъ и мелочнымъ—питать противъ кого бы то ни было недружелюбныя чувства, на что-то обижаться, помнить какія-то обиды! Близость верховнаго вѣчнаго приговора—не повелѣваетъ ли намъ позаботиться о взаимномъ прощеніи всѣхъ временныхъ обидъ?!

Поэтому, послѣ мгновеннаго колебанія, онъ подошелъ къ Джорджу Лёвгровъ и, положивъ ему руку на плечо, назвалъ его по имени.

— Доминикъ! — воскликнулъ тотъ и вытаращилъ глаза. — Вотъ чудеса! Не думалъ я встрѣтить васъ случайно, да еще при такихъ обстоятельствахъ!

Онъ багрово покраснѣлъ: радость и смущеніе боролись въ немъ. Онъ добросовѣстно пытался сохранить вѣрность общепринятымъ въ его кругу предразсудкамъ. Передъ нимъ стоялъ „папистъ" — гонитель истины, врагъ домашняго очага, поклоняющійся бездушнымъ идоламъ. Но, съ другой стороны, онъ чтилъ его умъ, высоко цѣнилъ его дружбу, восхищался его личностью.

Видя Иглезіаса, Джорджъ ощущалъ то же, что человѣкъ, вновь нашедшій утраченное имъ сокровище. Смущенный, растерянный, онъ смотрѣлъ на Доминика робко-восторженнымъ взглядомъ влюбленной дѣвицы на предметъ своего обожанія.

— Даю вамъ слово, что во всю мою жизнь я не былъ такъ пораженъ! — заговорилъ онъ сбивчиво. — Случилось такъ, что я именно вспоминалъ о старыхъ временахъ, какъ вдругъ замѣтилъ, что кто-то переѣзжаетъ въ бывшій вашъ домъ. Но я не имѣлъ понятія о томъ, что встрѣчу васъ. Я прямо не могу придти въ себя... Не нахожу словъ — именно потому, что хочется сказать слишкомъ многое. Я знаю, что обязанъ дать вамъ объясненія... И вдругъ вы назвали меня по имени! Это до того потрясло меня, словно я услышалъ голосъ изъ могилы...

— Оставьте всякія объясненія! — мягко сказалъ Доминикъ. — Вы больше не желаете ссориться со мною? Этого довольно.

— Нѣтъ, не желаю и не могу. Безпринципенъ я или нѣтъ — не знаю, но только я не въ состояніи отказаться отъ васъ.

Онъ вынулъ платокъ и отеръ себѣ лицо.

— Безпринципность, такъ безпринципность! — махнулъ онъ рукою. — Честное слово, Доминикъ, я крѣпился, покуда могъ!

— Я думаю, что вы менѣе пострадаете отъ возобновленія вашей дружбы, чѣмъ полагаете, — отвѣтилъ Доминикъ, невольно улыбнувшись.

— Такъ и жена говоритъ... Она, жена моя, сильно измѣнила свое мнѣніе. Не потому ли, что она поссорилась съ м-ссъ Парчеръ и миссъ Гартъ? Очень трудно услѣдить за работою, совершающеюся въ женскомъ мозгу, Доминикъ. Даже послѣ многихъ лѣтъ брака оно затруднительно. Изъ противорѣчія другой особѣ своего пола женщина способна горячо вступиться за того, на кого только-что сейчасъ нападала. Однажды я нашелъ жену

совсѣмъ разстроенною, вслѣдствіе извѣстія о томъ, что вы покидаете Кедровый коттэджъ. Она намекнула, что это—моя вина, но я могу сказать по совѣсти, что поведеніе мое было вызвано именно опасеніемъ оскорбить ея чувства...

Онъ безпомощно взглянулъ на м-ра Иглезіаса.

— Я очень признателенъ м-ссъ Лёвгровъ за ея заступничество,—сказалъ Доминикъ, которому стало жаль бѣдняка, борющагося съ осложненіями, вызываемыми дружбою — съ одной стороны, религіозными предразсудками и женскими капризами— съ другой.

— Вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ я рѣшилъ покинуть Кедровый коттэджъ, но не желаю вводить м-ссъ Лёвгровъ въ заблужденіе относительно моей хозяйки и ея подруги. Мнѣ не на что пожаловаться. Во время моего долголѣтняго у нихъ пребыванія онѣ относились ко мнѣ со вниманіемъ и любезностью. Я желаю имъ всего хорошаго. Но я почувствовалъ, что для меня пришла пора—оставить Кедровый коттэджъ.

Тутъ воображеніе достойнаго Джорджа широко развернуло свои крылья. Ему представились одновременно два видѣнія: монастырская келья и прекрасная женщина въ розовомъ платьѣ и дорогомъ манто.

— Конечно, я утратилъ всякія права на ваше довѣріе, Доминикъ,—заговорилъ онъ смиренно и поспѣшно,—я вполнѣ это сознаю. Я думалъ, что разошелся съ вами—принципа ради, что я обязанъ быть стойкимъ. Теперь я начинаю опасаться, что я былъ лишь трусомъ и упрямцемъ. Ваша доброта совсѣмъ сразила меня. Я вижу, насколько вы великодушнѣе. И теперь мнѣ еще больнѣе, что приходится разстаться съ вами.

— Почему должны мы разстаться?

— Но вы вѣдь уѣзжаете? Женѣ кто-то говорилъ, что вы совсѣмъ покидаете Лондонъ: не то поступаете въ монастырь, не то женитесь?..

Иглезіасъ съ улыбкою покачалъ головою.

— Нѣтъ, милый другъ. Молва упомянула мое имя всуе. Я одинаково не гожусь для монашеской и для брачной жизни. Пора смѣлыхъ порывовъ миновала; я умру, какъ и жилъ, холостякомъ и міряниномъ. Я останусь даже вашимъ сосѣдомъ, хотя переѣзжаю сюда,—онъ указалъ на открытую калитку, въ которую перевозчики вносили мебель,—въ мой старый домъ. За послѣднее время мною овладѣла тоска по дому, по одиночеству, за исключеніемъ двухъ дорогихъ друзей. Я хочу заняться изученіемъ великой философіи, примиряющей земное съ небеснымъ,

которая зовется религіей. И прежде чѣмъ мнѣ придется подвести окончательный балансъ, я хотѣлъ бы приблизиться къ живому источнику этой мудрости...

Иглезіасъ говорилъ со сдержаннымъ энтузіазмомъ; Джорджъ Лѣвгровъ растерянно и тревожно слѣдилъ за нимъ.

— Ахъ, все это — выше моего пониманія! Ошибаетесь вы или нѣтъ, но вашъ умъ занятъ тѣмъ, что совершенно недоступно для меня. Я раньше предполагалъ, что къ католическому мистицизму можетъ придти лишь суевѣрный или невѣжественный человѣкъ. Я ошибался, и прошу васъ простить меня, Доминикъ...

Тутъ онъ вдругъ замолкъ и обезпокоился.

— Но вы больны, Доминикъ! Вотъ чѣмъ все объясняется! Вы больны. Только теперь я замѣтилъ, какъ вы измѣнились и похудѣли въ лицѣ! Я не прощу себѣ, что не замѣтилъ этого ранѣе. Я отстранился отъ васъ, осуждалъ васъ, думалъ о васъ съ горечью, даже—завидовалъ вамъ, узнавъ, какъ блистательно вы провели дѣло въ банкѣ. Я — низкое, презрѣнное существо. Нѣтъ, я никогда не прощу себѣ... Я нашелъ васъ для того, чтобы снова потерять васъ. Вы больны. Вы страдали, а я даже не зналъ объ этомъ...

Доминикъ попытался его успокоить. Можетъ быть, здоровье его и плохо, но это ничего не значитъ, ухудшенія не предвидится. Теперь онъ свободенъ; тихая, спокойная жизнь укрѣпитъ его силы.

— Когда я переѣхалъ отсюда, восемь лѣтъ тому назадъ,— продолжалъ онъ,—у меня не хватило духу разстаться со старою обстановкою. За исключеніемъ вещей, взятыхъ мною въ Кедровый коттэджъ, все остальное я отправилъ въ складъ. Теперь онѣ выплыли на свѣтъ Божій. У меня двое хорошихъ слугъ,—мнѣ посчастливилось въ этомъ отношеніи. И ваша дружба въ концѣ концовъ возвращена мнѣ. Я былъ бы неблагодарнымъ человѣкомъ, если бы при такихъ обстоятельствахъ не постарался прожить какъ можно долѣе. Поэтому не печальтесь. Мы еще выкуримъ немало послѣобѣденныхъ трубокъ и не разъ потолкуемъ о старыхъ временахъ. Войдемте въ домъ,—тамъ все попрежнему. Не счастливое ли это предзнаменованіе, что вы — другъ моего дѣтства—будете моимъ первымъ гостемъ по возвращеніи моемъ домой?

XXIX.

Декурси-Смитъ не былъ пьянъ, но онъ выпилъ лишнее, какъ дѣлалъ это всегда въ дни сильнаго возбужденія и обман-

чивыхъ надеждъ, для того, чтобы подвинтить расшатанные въ конецъ нервы. Послѣдствіемъ этого всегда бывала смѣна настроеній — истерическая повышенность тона и похвальба смѣнялись обыкновенно придирчивостью и слезливостью.

Первый „утренникъ“ его ознаменовался полнымъ проваломъ пьесы,—несмотря на обиліе даровыхъ билетовъ и на широкую рекламу. Со вторымъ вышло еще хуже. Благожелательная часть публики ускользала во время антрактовъ для того, чтобы не возвращаться, а недружелюбная осталась съ тѣмъ, чтобы свистать и шикать. Для всѣхъ, кромѣ автора, полнѣйшій провалъ былъ очевиденъ. Пьеса погибла въ моментъ своего рожденія.

Доминикъ Иглезіасъ, вернувшійся въ свои наполовину опустѣвшія комнаты въ Кедровомъ коттэджѣ, еще не зналъ о трагическомъ крушеніи столькихъ неосновательныхъ надеждъ. Онъ пообѣдалъ у себя „на новосельѣ“; служилъ ему Фредерикъ, нѣмецко-швейцарскій лакей м-ссъ Парчеръ, который, заявивъ ей о своемъ уходѣ, предложилъ на трехъ языкахъ свои услуги м-ру Иглезіасу на томъ основаніи, что остающіеся жильцы— „внѣ класса“, и онъ считаетъ ниже своего достоинства чистить ихъ платье и служить имъ за столомъ.

Иглезіасъ долго просидѣлъ у себя, радуясь присутствію стараго друга и знакомой обстановкѣ. Онъ былъ спокоенъ духомъ, какъ бываютъ спокойны сильные люди, познавшіе тайну отреченія. Радуясь всему свѣтлому въ жизни, они уже успѣли внушить себѣ необходимость примиренія, и въ дѣлахъ міра сего не питаютъ ни великихъ надеждъ, ни великихъ опасеній. Въ такомъ состояніи духа онъ переступилъ порогъ Кедроваго коттэджа и вошелъ въ свою бывшую гостиную. Но какъ только дверь затворилась, онъ инстинктивно ощутилъ чье-то присутствіе. Газъ былъ почти спущенъ, и Доминикъ споткнулся о какой-то стоявшій у камина предметъ, оказавшійся кресломъ, въ которомъ дремалъ Декурси-Смитъ, съ проклятіемъ вскочившій на ноги.

— Это что за свин?...—воскликнулъ онъ, снова тяжело опускаясь въ кресло.

Доминикъ повернулъ рожокъ.

— Едва-ли было необходимо натыкаться на меня при входѣ, м-ръ Иглезіасъ,—заявилъ онъ, не дѣлая даже попытки встать;— впрочемъ всѣ теперь меня лягаютъ, въ томъ числѣ и безкорыстный покровитель. Вы видѣли вечернія газеты?

Дрожащими руками онъ вытащилъ смятый листокъ и разгладилъ его на колѣняхъ.

— Посмотрите, какъ это жалкое пресмыкающееся, Перси Дже-

рардъ, мой преемникъ въ „Вечернемъ Листкѣ“, искрошилъ на куски мою пьесу—куски живого мяса изъ моего собственнаго тѣла!—и облилъ мои раны сѣрною кислотою лицемѣрнаго сожалѣнія и добрыхъ совѣтовъ! Таковъ отзывъ о пьесѣ, могущей стать на ряду съ классиками. Я уже говорилъ вамъ: критики и драматурги ненавидятъ меня, такъ какъ они мнѣ завидуютъ. Я никогда не щадилъ ихъ, я обличалъ ихъ невѣжество,—теперь они сговорились и сразу отомстили мнѣ за все. Это — гнусный заговоръ. Все было подкуплено, постыдно подкуплено. Вотъ—единственное объясненіе случившагося. Даже актеровъ они подкупили. На репетиціяхъ тѣ играли лучше, а тутъ они дѣлали чортъ знаетъ что̀: путали выхода̀, перевирали слова—случайно или умышленно,—и фыркали въ кулакъ... Я хотѣлъ закричать на нихъ изъ-за кулисы, но режиссеръ выругалъ меня, а рабочіе смѣялись... Настоящій кошмаръ! Публика хохотала, и этотъ хохотъ стоитъ у меня въ ушахъ, преслѣдуетъ меня... Они смѣялись *нарочно*—эти глупцы, предатели, обезьяны, человѣческое ничтожество!

Онъ скомкалъ газету, швырнулъ ее и захныкалъ. Пьеса его—геніальное произведеніе! Ее осудила безмозглая публика и мстительная пресса, но онъ—геній, ни болѣе, ни менѣе какъ геній!

Доминикъ молча слушалъ, угнетаемый тяжелымъ чувствомъ.

Какъ ни заслуженно было это крушеніе, какъ ни отвратителенъ этотъ человѣкъ въ своемъ свирѣпомъ, чудовищномъ эгоизмѣ, зрѣлище чьей бы то ни было гибели не можетъ быть пріятно, а Декурси-Смитъ былъ, очевидно, погибшимъ человѣкомъ.

Но Декурси пересталъ жаловаться, глаза его налились кровью.

— Я забылся, м-ръ Иглезіасъ, и забылъ о васъ. Отъ васъ я менѣе всего жду и желаю выраженія симпатій. Люди моего склада—идеалисты, таланты, и люди вашей категоріи, дѣльцы—не имѣютъ между собою ничего общаго. Простите, что я заговорилъ о вещахъ, недоступныхъ вашему кругозору. Я понимаю, впрочемъ, цѣль вашего прихода: ваши деньги безвозвратно потеряны. Вы этого не ждали?

— Я не былъ совсѣмъ къ этому неподготовленъ,—сказалъ Доминикъ, начиная терять терпѣніе въ виду черезчуръ вызывающаго тона собесѣдника,—я вполнѣ примирился съ ихъ потерей. Пусть это не тревожитъ васъ.

— Вы примирились? Вы были подготовлены? Вы спокойно можете выбросить триста фунтовъ? Какъ это должно̀ быть вамъ пріятно! Очевидно, ваши послѣднія операціи въ Сити оказались очень выгодными? Я и не подозрѣвалъ, что среди насъ проживаетъ милліонеръ! Ха! ха! Но позвольте вамъ сказать, что вашъ по-

кровительственный тонъ мнѣ не нравится, м-ръ Иглезіасъ! Мнѣ чуется въ немъ оскорбленіе... Совѣтую вамъ быть осторожнѣе и не доводить до крайности даже такого нищаго, какъ я! Неужели, вы думаете, я не понимаю, что деньги, которыми вы такъ, повидимому, безкорыстно меня снабжали, были попросту—платою за мое молчаніе? Вы подкупали меня за то, чтобы я молчалъ о вашихъ отношеніяхъ съ моей женою...

— Не будемъ упоминать женскаго имени въ этомъ разговорѣ!—сурово прервалъ Иглезіасъ.

Долготерпѣнію его насталъ предѣлъ. Лицо его побѣлѣло и какъ-то заострилось,—оно стало похоже на лезвіе кинжала. Пламя негодованія и презрѣнія, вспыхнувшее въ немъ, словно уничтожило гнетъ недуга и лѣтъ,—какъ солнце разгоняетъ туманъ. Онъ казался молодымъ, смѣлымъ и сдѣлался похожъ на одного изъ тѣхъ гидальго пятнадцатаго вѣка, которые, презирая опасность, готовы были безъ угрызенія совѣсти положить на мѣстѣ человѣка, затронувшаго ихъ честь. Это было настолько выразительно, что и полупьяный Декурси понялъ это и, вскочивъ на ноги, поспѣшилъ укрыться за спинкою кресла.

— Не глядите на меня такъ страшно, испанскій вы дьяволъ!—воскликнулъ онъ.—Вы парализуете меня, вы меня гипнотизируете... Если вы подойдете ко мнѣ, я закричу. А? Слава Богу! Что̀ такое?

Вошла горничная, принесшая на подносѣ телеграмму. Позади нея, въ амбразурѣ отворенной двери, виднѣлись лица Фарджа и Уортинигтона, выражавшія комическое любопытство.

— Телеграмма, сэръ. Не будетъ ли отвѣта? Разсыльный ждетъ.

Доминикъ прочелъ:

„Рѣдкій успѣхъ. Безумно счастлива. Жду завтра къ ужину. Люблю.—Пеппи“.

— Отвѣта не будетъ, — проговорилъ Доминикъ, и лицо его сразу смягчилось. Онъ обернулся въ сторону Декурси-Смита, желая его успокоить, но тотъ уже успѣлъ выскользнуть изъ комнаты, а м-ръ Фарджъ, въ порывѣ неукротимой веселости, прикрылъ его отступленіе, выступая позади него отчаяннѣйшимъ кэкъ-уокомъ — съ подниманіемъ колѣнъ чуть не до подбородка.

Нѣкоторое время Доминикъ слышалъ надъ своею головой шаги Декурси-Смита, затѣмъ слышно было, какъ тотъ кинулся на свой матрацъ съ изломанными пружинами. Потомъ наступило молчаніе, и Доминикъ успокоился, подумавъ, что злополучный авторъ заснулъ.

Онъ самъ не могъ заснуть; тѣло его было слишкомъ утомлено, духъ—черезчуръ возбужденъ.

Онъ тоже легъ, такъ какъ не желалъ сидѣть въ наполовину пустой гостиной. Но въ теченіе всей ночи глаза его глядѣли въ темноту, и онъ слышалъ бой часовъ. Къ ночи вѣтеръ стихъ, но передъ разсвѣтомъ онъ снова поднялся; сначала тихо, а затѣмъ все громче и громче зашумѣлъ подъ окномъ старый кедръ, разсказывая своему товарищу о далекихъ краяхъ, о бренности человѣческой жизни по сравненію ея съ природою.

Этотъ шелестъ успокоилъ и усыпилъ Иглезіаса, внушая ему увѣренность, что всѣ мы подвластны иному, высшему, непостижимому для разума закону, и потому величайшею мудростью является вѣра.

По мѣрѣ того какъ разгоралась заря, вѣтеръ стихалъ. Доминикъ откинулъ драпировку и посмотрѣлъ въ окно. Позади черныхъ вѣтвей все небо ярко алѣло — торжествомъ побѣды, радостью достиженія, и Доминику показалось, что оно напоминаетъ своимъ оттѣнкомъ цвѣтъ афишъ, испещрявшихъ омнибусы, и—женское имя, одновременно нѣжное и пламенное.

XXX.

Доминикъ Иглезіасъ уже около получаса дежурилъ у театральнаго подъѣзда въ узкомъ темномъ переулкѣ, слабо освѣщенномъ газовыми фонарями.

Небольшая кучка людей, очевидно имѣвшая отношеніе къ служащимъ въ театрѣ, среди которой было нѣсколько юныхъ поклонниковъ искусства, почти разсѣялась. Уѣхали въ своихъ экипажахъ и двое джентльменовъ солиднаго вида — мужья или друзья артистокъ, и Доминикъ остался одинъ—съ тревожащими его мыслями. Дама его все не показывалась, а ему такъ хотѣлось поскорѣе увидѣть ее и разрѣшить хотя одинъ изъ мучительныхъ вопросовъ. Ему становилось тяжело и даже какъ-то неловко, но вдругъ послышался шелестъ платья, и онъ увидѣлъ Пеппи—въ бархатѣ и въ чемъ-то серебристомъ, окутывавшемъ ея голову и плечи.

Она схватила руку Иглезіаса, прижала ее къ своей груди, и у него мелькнула странная мысль, что, несмотря на свою красоту, яркую индивидуальность и богатый костюмъ, она не казалась не у мѣста въ этомъ темномъ, подозрительномъ переулкѣ. Она была настоящею дочерью большого города, каждый отзвукъ котораго былъ ей понятенъ.

— Садитесь въ карету, милый другъ, и поговоримъ. Откройте

окно. Я безумно тревожилась о васъ... Почему вы не были въ театрѣ? Я играла какъ ангелъ, прямо съ отчаянія,—думая: не больны ли вы? Публика плакала — настоящими слезами, дай ей Богъ здоровья! Но роль моя была тутъ ни при чемъ. Все это— было изъ-за васъ. Я нарочно „затягивала" — такъ тяжела мнѣ была мысль о томъ, что придется возвращаться домой безъ васъ. Самый милый и невѣрный изъ людей, что̀ васъ задержало?

Иглезіасъ, видя ея счастливое лицо въ рамкѣ черныхъ волосъ, то озаряемое свѣтомъ огней, мимо которыхъ они проѣзжали, то словно задергивавшееся тѣнью, не могъ заговорить о томъ, что̀ лежало у него на душѣ, и отравить ей часъ ея торжества.

— Пьеса хорошо сошла? Вы счастливы?

— Чудесно сошла! Я боялась, что за эти годы увлеченія... ну, скажемъ: любовью, я отстала отъ искусства, но—нѣтъ! Я достигла бо̀льшей зрѣлости и законченности. Не думайте, милый, что я хвастаюсь. У меня есть желаніе работать и совершенствоваться. Но вы хотите, какъ я вижу, отвлечь меня отъ главнаго? Почему вы не были?

— Я съ радостью пріѣхалъ бы. Я огорченъ не менѣе васъ, но меня задержали—до поздняго часа.

— Кто? — Пеппи тряхнула головою.—Вы не должны были этого допускать! Я иду въ первую голову... Я обижена, милый, право, обижена.

— Повѣрьте мнѣ, только исключительный случай могъ задержать меня,—сказалъ Иглезіасъ; къ его облегченію, экипажъ свернулъ на Langham-Place, и сдѣлалось возможнымъ говорить тише:—Прошлою ночью въ Кедровомъ коттэджѣ умеръ человѣкъ— при обстоятельствахъ весьма печальнаго характера, и мнѣ пришлось взять на себя исполненіе нѣкоторыхъ формальностей.

Иглезіасъ взглянулъ на нее и замѣтилъ, что покуда онъ говорилъ, выраженіе ея измѣнилось. Она сидѣла неподвижно, профиль ея рѣзко выдѣлялся на фонѣ стекла, губы слегка открылись—какъ будто отъ напряженнаго вниманія.

— Что̀ же... такое случилось?—спросила она.

— Человѣкъ этотъ перенесъ тяжелый ударъ,—онъ поставилъ всѣ свои надежды, всю свою будущность на одну ставку и потерпѣлъ неудачу. Онъ не могъ примириться съ этимъ фактомъ, и счелъ себя жертвою великой несправедливости и организованнаго противъ него заговора.

— Вы также въ это вѣрите?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Иглезіасъ;—я безконечно его сожалѣю,

какъ это сдѣлалъ бы всякій, но думаю, что причиною неуспѣха былъ онъ самъ: онъ слишкомъ высоко цѣнилъ свои силы.

Пеппи повелительно подняла руку.

— Постойте... Одну минуту! — проговорила она страннымъ голосомъ, и, опустивъ переднее стекло, крикнула кучеру: — Не домой! Поѣзжайте далѣе — по болѣе пустымъ улицамъ... Не останавливайтесь, покуда я вамъ не скажу.

Закрывъ окно, она откинулась на подушки, сбросила шарфъ съ головы и плечъ и впилась глазами въ Иглезіаса. Лицо ея казалось очень блѣднымъ на темной обивкѣ кареты; глаза глядѣли вопросительно, со страхомъ и какою-то затаенною надеждой.

— Теперь вы можете говорить, милый другъ. Я готова выслушать васъ, хотя вся эта исторія отвратительна. Онъ умеръ, и, конечно, это было — самоубійство?

Иглезіасъ разсказалъ, что поутру служанки, почувствовавъ сильный запахъ газа, вошли къ Декурси-Смиту и нашли его уже холоднымъ и окоченѣвшимъ. На столикѣ валялась пустая стклянка отъ морфія.

Экипажъ безшумно катился; онъ обогнулъ Реджентсъ-паркъ и сталъ уже спускаться къ Finchley-Road. Въ домахъ почти не видно было огней, прохожіе встрѣчались все рѣже, а Пеппи сидѣла попрежнему неподвижно, уставясь глазами въ одну точку; свѣтъ и тѣни играли на ея лицѣ, дѣлая ее похожею на призрачное, не-реальное существо. Наконецъ она обернулась.

— Доминикъ, знаете ли вы, какое значеніе имѣетъ для меня то, что вы сообщили?

— До сихъ поръ я не зналъ навѣрное, но подозрѣвалъ.

— Онъ... этотъ человѣкъ говорилъ когда-нибудь обо мнѣ?

— Пытался, но я всегда его останавливалъ.

— Вы испугали его; я знаю, что вы можете это сдѣлать. Иногда приходится быть жестокимъ, и это ужаснѣе всего. Ахъ, эти слабые люди! Сколькихъ преступленій и грѣховъ они бываютъ виновниками, особенно когда слабый человѣкъ — мужчина, а сильный — женщина!

Она глядѣла Иглезіасу прямо въ лицо.

— Послушайте, я не хочу обѣлять себя. Что сдѣлано — то сдѣлано. Я не хочу разыгрывать невинность. Жизнь кое-что дала мнѣ, но взяла еще больше. Главная вина моя состояла не въ томъ, что я бросила его, а въ томъ, что я за него вышла. Это было преступленіемъ противъ любви, которая одна освящаетъ бракъ, не дѣлаетъ его оскорбленіемъ для гордости и чести женщины. Я вышла за перваго попавшагося изъ мелкаго

самолюбія, чтобы люди не видѣли, какъ я страдала оттого, что родные бѣднаго юноши, подарившаго мнѣ этотъ шарфъ, — помѣшали ему жениться на мнѣ. Затѣмъ мы, актеры, живя въ своемъ искусственномъ мірѣ, какъ-то утрачиваемъ чувство дѣйствительности. На насъ дѣйствуютъ слова. А Декурси умѣлъ говорить — о себѣ, конечно. Онъ увѣрялъ меня въ своей геніальности, и я желала увѣровать въ его геніальность. Тѣмъ болѣе, что я ни крошечки его не любила.

Пеппи потянула Иглезіаса за рукавъ.

— Вы видите, какъ это было? Вы понимаете? Я такъ хочу, чтобы вы поняли!

— Не бойтесь, дорогой другъ, — отвѣтилъ онъ нѣжно, — я смотрю на все вашими глазами.

— Но хуже всего то, — губы Пеппи злобно искривились, — что человѣка можно узнать лишь послѣ свадьбы. Чудовищный эгоизмъ, мелкое тиранство, безсмысленная ревность... Лучше не останавливаться на этомъ. Сначала я всѣми силами пыталась поддерживать его, но затѣмъ, когда я увидѣла, что никакого таланта у него нѣтъ, а требовательность его и самомнѣніе все возрастаютъ...

Пеппи откинула волосы со лба и продолжала:

— Если хотите, онъ даже не сдѣлалъ ничего преступнаго въ глазахъ свѣта. Онъ не измѣнялъ мнѣ, потому что былъ равнодушенъ къ женщинамъ, и любилъ лишь самого себя.

Пеппи обернулась къ собесѣднику съ какою-то молящею улыбкой.

— Я не была порочной отъ природы, и, клянусь вамъ, выдерживала дольше, чѣмъ вообще бываетъ въ артистическомъ мірѣ. Но въ одинъ прекрасный день я уложила свои чемоданы — и была такова! Онъ всегда жаловался на меня, и это пробудило во мнѣ Каина: я захотѣла, чтобы у него былъ по крайней мѣрѣ поводъ къ жалобамъ. Я знала, что онъ никогда не дастъ мнѣ развода: ему нужно было держать меня на привязи, мучить, вытягивать у меня деньги...

Пеппи снова погрузилась въ молчаніе; лошади замедлили шагъ, минуты проходили.

— Ну, теперь со всѣмъ этимъ покончено. Онъ умеръ — естественною для себя смертью. Онъ былъ всегда худшимъ своимъ врагомъ. Богъ съ нимъ. Да покоится онъ съ миромъ.

— Аминь, — сказалъ Иглезіасъ. — Пусть его судитъ Богъ. А для васъ, дорогой другъ, періодъ испытанія кончился. Я поста-

раюсь принять мѣры, чтобы оградить его память отъ лишнихъ нареканій, и чтобы ваше имя не упоминалось.

Она схватила его руку и сжала ее.

— Почему все это должно было обрушиться именно на васъ, Доминикъ?

— По самой простой причинѣ. Вы сами сказали, что вы должны быть для меня на первомъ планѣ. Такъ оно и есть.

Но и слѣпое повиновеніе имѣетъ свои границы. Кучеръ вдругъ остановился. Замѣтивъ это, Доминикъ открылъ дверцу и пригласилъ Пеппи выйти. Погода хорошая, сухая,—они могутъ пройтись, ей надо освѣжиться.

— У васъ настоящій, не воображаемый талантъ, и теперь жизнь ваша войдетъ въ должное русло. Ступайте домой, отдохните, а завтра съ новыми силами принимайтесь за работу.

На улицѣ никого не было; небо задернулось облаками, и длинная улица, освѣщенная рядомъ тускло мерцавшихъ фонарей, казалась мостомъ, переброшеннымъ черезъ черную бездну. Она производила впечатлѣніе безконечнаго одиночества, отрѣшенности отъ всего земного.

Это такъ подѣйствовало на Пеппи, что, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она прижалась къ Иглезіасу и положила свою руку на его руку.

— Вслушайтесь въ это молчаніе,—прошептала она,—вглядитесь въ эту пустоту. Даже когда со мною—вы, я не люблю ея. Она слишкомъ ясно говоритъ о смерти,—о смерти, за которой нѣтъ новой жизни. Я успокоилась, въ душѣ моей нѣтъ ни горечи, ни укора.

Обернувшись назадъ, она испустила восклицаніе, замѣтивъ лежащій позади нихъ въ котловинѣ Лондонъ, надъ которымъ стоялъ какъ бы пламенный столпъ.

— Какъ я люблю его, какъ люблю! Вернемся туда, милый другъ! Я принадлежу ему, и онъ принадлежитъ мнѣ. Я должна играть для него, побѣждать его, чаровать его и овладѣть имъ, такъ какъ теперь я свободна, свободна, свободна!

XXXI.

Обращеніе Серены, хотя любезное, было надменно, почти царственно. Она имѣла случай видѣть коронованныхъ лицъ, и это отразилось на ней.

— Да! Я была на похоронахъ королевы. Лэди Сэмюэльсонъ желала непремѣнно, чтобы я присутствовала на нихъ, и

хотя у меня дома была масса приглашеній, я все же пріѣхала нарочно для этого случая. Лэди Сэмюэльсонъ выказала мнѣ столько участія въ прошломъ году, когда у меня было много непріятностей, что я считаю долгомъ пріѣзжать къ ней по первому приглашенію. А вы откуда смотрѣли на процессію, Рода?

— Я предпочла остаться дома, хотя Джорджъ очень меня уговаривалъ пойти съ нимъ. Вы такая тоненькая, Серена,—это совсѣмъ другое дѣло,—а я только причинила бы безпокойство себѣ и другимъ, и самое зрѣлище разстроило бы меня. Я не хотѣла портить удовольствіе бѣдному Джорджу.

— Въ такомъ случаѣ, конечно, было благоразумнѣе остаться дома. Я умѣю владѣть собою, я съ дѣтства этимъ отличалась, и это раздражаетъ порою Сюзанну.

— У нея болѣе пылкая натура,—замѣтила м-ссъ Лёвгровъ.— Дни ея супружескихъ несогласій миновали, и она снова возсѣдала на своемъ диванѣ въ благодушномъ настроеніи.

— Не знаю, пылкая ли у нея натура, или она просто не умѣетъ владѣть собою. У насъ были чудныя мѣста противъ Мраморной Арки. Въ сущности процессія не была такъ великолѣпна, какъ объ этомъ писали и говорили; но покуда вы сами чего-нибудь не увидите, вы не можете судить, и я очень бы жалѣла, если бы мнѣ не удалось быть на погребеніи. Но вы правы, Рода, что не поѣхали. Такъ непріятно—сильно толстѣть. Въ семьѣ мамы всѣ очень стройны, но Лёвгровы склонны къ полнотѣ, Джорджъ растолстѣлъ, и съ Сюзанною навѣрное будетъ то же самое. Мы съ нею ни въ чемъ не похожи.

— А слышали вы, что нашъ дорогой викарій назначенъ епископомъ въ Слоуби, Серена?—спросила м-ссъ Лёвгровъ, которой разговоръ о худобѣ и полнотѣ ихъ семьи начиналъ дѣйствовать на нервы.

— О, конечно,—отвѣтила Серена съ видомъ снисхожденія;— для меня, положимъ, это не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ я мало бываю дома, но въ Слоуби никто не знаетъ д-ра Невингтона, и потому всѣ обращаются къ намъ за справками о немъ. Это—громадное повышеніе для д-ра Невингтона: епископство послѣ здѣшняго прихода! Сюзанна очень рада; она сейчасъ же написала ему, и между ними завязалась переписка. Она сообщила ему, что его назначеніе встрѣчено всѣми очень сочувственно. Но *какъ* она можетъ это знать? Боюсь, что Сюзанна преувеличиваетъ свое значеніе. М-ссъ Невингтонъ, конечно, займетъ выдающееся положеніе, она—хорошая ораторша, и едва-ли это понравится Сюзаннѣ...

Серена зазвенѣла стеклярусною отдѣлкою корсажа, поправила черный шолковый бантъ у ворота и закончила:

— Конечно, я могу ошибаться, но помяните мое слово, Рода, что Сюзанна и м-ссъ Невингтонъ не долго останутся друзьями.

— Я въ отчаяніи, что вы такъ думаете, Серена!—отвѣтила м-ссъ Лёвгровъ.

Снисходительный тонъ собственницы, какимъ говорила Серена о викаріи и супругѣ его, возмущалъ ее, и она сожалѣла, что затронула эту тему. Она вдругъ рѣшилась на смѣлую диверсію и обратилась къ Серенѣ съ вопросомъ: знаетъ ли она о томъ, что м-ръ Иглезіасъ покинулъ Триммеръ-Гринъ?

— Я положительно не знаю, какое право имѣете вы предполагать, что я знаю объ этомъ, Рода?—поспѣшно воскликнула та, утрачивая всякую царственность.—Вы, должно быть, имѣете странное понятіе о томъ кругѣ, въ которомъ я вращаюсь у лэди Сэмюэльсонъ или въ Слоуби, если воображаете, что я могла слышать тамъ о м-рѣ Иглезіасѣ! Если бы я не встрѣтила его у васъ, я никогда бы не слыхала о немъ, и это избавило бы меня отъ многихъ непріятностей. Тѣмъ не менѣе, я нахожу, что послѣ всего случившагося онъ хорошо сдѣлалъ, что оставилъ Триммеръ-Гринъ.

— Миссъ Элиза Гартъ!—доложила горничная.

Серена, противъ обыкновенія, не уступила мѣста новой гостьѣ и ограничилась самымъ сухимъ кивкомъ.

Хозяйка любезно обратилась къ новопришедшей и засыпала ее вопросами. Какъ здоровье м-ссъ Парчеръ? Всѣ ли комнаты заняты? Какой ужасный случай! Онъ такъ повліялъ на здоровье бѣднаго м-ра Иглезіаса. Да, къ сожалѣнію, онъ все еще очень боленъ. М-ръ Лёвгровъ посѣщаетъ его ежедневно. А какой у него прелестный уютный домикъ! Она только-что собиралась разсказать о немъ миссъ Лёвгровъ.

Тутъ Серена съ достоинствомъ поднялась и удалилась къ окну.

— Пожалуйста, не безпокойтесь обо мнѣ, Рода,—сказала она черезъ плечо,—я не хочу мѣшать вашимъ разговорамъ. Я посмотрю изъ окна. Лэди Сэмюэльсонъ сказала, что если будетъ возможно, то она пришлетъ за мною карету. Она не была увѣрена, что ей удастся за мною прислать, но это можетъ случиться, и я сказала, что буду смотрѣть изъ окна, такъ какъ она не любитъ, чтобы лошади долго ждали въ такую холодную погоду.

Видъ изъ окна — обнаженныя вѣтви тополей и платановъ, качаемыхъ вѣтромъ, сухая трава и остатки снѣга—не представ-

лялъ ничего привлекательнаго, и Серена смотрѣла на него гнѣвнымъ окомъ, думая о томъ, что Рода снова „зазналась“ и держитъ себя хуже прошлогодняго: вѣроятно, она помирилась съ Джорджемъ.

Затѣмъ она прислушалась къ разговору.

— Я не скрою, м-ссъ Лёвгровъ, что извѣстный вамъ джентльменъ держалъ себя очень хорошо въ то время, какъ у насъ въ домѣ случилось несчастіе; я готова отдать каждому справедливость. Но м-ссъ Парчеръ думаетъ, что все же намъ лучше не видѣться. Она должна заботиться о своей репутаціи, и ей неудобно бывать въ домѣ холостого человѣка, особенно въ виду... разныхъ толковъ... Конечно, она не откажется его принять, если онъ зайдетъ къ намъ. У нея золотое сердце.

— М-ссъ Парчеръ очень добра.

— Вотъ именно! И я даже думаю, что извѣстный вамъ джентльменъ, пожалуй, пожалѣетъ, да будетъ уже поздно... Есть другіе люди, моложе его, которые съумѣли оцѣнить достоинства м-ссъ Парчеръ. Я не имѣю права говорить покуда объ этомъ, но маленькая птичка прощебетала мнѣ, что м-ръ Чарли Фарджъ и спитъ и видитъ...

Миссъ Гартъ тряхнула своею львиною гривою и съ самымъ лукавымъ видомъ приложила палецъ къ губамъ. Но прежде чѣмъ хозяйка дома успѣла опомниться отъ остолбенѣнія, въ которое повергла ее эта новость, какъ послышался раскатистый пастырскій голосъ и пастырское присутствіе внесло оживленіе въ гостиную.

— Какъ поживаете, м-ссъ Лёвгровъ? Прихожу незванымъ, но избраннымъ... Ха! Ха! Я встрѣтилъ вашего мужа, и онъ поощрилъ меня въ моемъ намѣреніи васъ навѣстить. Добрый день, миссъ Гартъ! Надѣюсь, что нашъ общій другъ, м-ссъ Парчеръ, здорова? А! вотъ и миссъ Серена Лёвгровъ! Какой пріятный сюрпризъ!

Серена быстро вернулась изъ добровольнаго изгнанія и встрѣтила епископа на правахъ близкой знакомой.

— М-ссъ Невингтонъ только-что получила письмо отъ вашей милой сестрицы, любезно предлагающей намъ остановиться покуда у васъ въ домѣ. Она сообщаетъ намъ нѣсколько адресовъ...

Серена ловкимъ маневромъ сѣла на диванъ рядомъ съ епископомъ, оттеревъ отъ него такимъ образомъ м-ссъ Лёвгровъ.

— Я не стѣсняю васъ, Рода? — проговорила она вскользь и, повернувшись къ ней плечомъ, продолжала: — Не знаю, какіе адреса могла вамъ дать Сюзанна, д-ръ Невингтонъ? Есть, конечно, Пріоратъ, но тамъ годами никто не жилъ. Есть еще

домъ въ Эбней-паркѣ; онъ хорошо расположенъ и окрестности пріятныя, но пріемныя комнаты малы. Сюзанна была очень дружна съ его хозяевами. Тамъ есть и башня.

— Ну, покуда намъ еще не до башенъ, миссъ Лёвгровъ. Неутвержденный въ должности епископъ—не можетъ претендовать на роскошное помѣщеніе.

Тутъ несчастная хозяйка, ютившаяся на кончикѣ дивана, заговорила изъ-за непроницаемой преграды, рискуя вывихнуть шею:

— Это лишь вопросъ времени, д-ръ Невингтонъ. Всѣ у насъ въ приходѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что это назначеніе—лишь первый шагъ. Сохрани меня Боже думать о смерти нынѣшняго архіепископа, но, конечно, вы будете его преемникомъ.

— Едва-ли, едва-ли! — отвѣтилъ онъ скромно, но слова ея видимо были ему пріятны.

„Изъ устъ младенцевъ“... —процитировалъ онъ мысленно и, откинувшись на спинку дивана, продолжалъ:

— Какъ бы то ни было и хотя мнѣ душевно жаль разстаться съ моимъ приходомъ и Лондономъ, я не смѣю отказываться отъ болѣе широкаго поля дѣятельности. Вы знаете мои взгляды? Я никогда не скрывалъ ихъ, даже, порою, къ невыгодѣ для себя... А! вотъ и м-ръ Лёвгровъ! Мы заняты церковными вопросами; надѣюсь, что я не слишкомъ утруждаю вниманье дамъ? Въ Слоуби царитъ здоровый духъ истиннаго протестантизма, внесенный еще д-ромъ Кольгёрстомъ. Но и есть другія теченія. Я предупреждаю, что круто поступлю съ приверженцами этихъ доктринъ и постараюсь пресѣчь въ корнѣ всякія католическія тенденціи...

Покуда пастырскій голосъ рокоталъ и переливался, Джорджъ поздоровался съ Сереною, но въ его привѣтствіи не было прежняго почтительнаго восторга. Онъ казался озабоченнымъ и разстроеннымъ.

„Что̀ такое могло случиться съ Джорджемъ? — спрашивала она себя:—онъ такой же странный, какъ Рода. Я почти жалѣю, что пріѣхала, хотя, если бы я не пріѣхала, я не имѣла бы случая показать Родѣ, насколько я близка съ Невингтономъ. Наконецъ, эта противная миссъ Гартъ уходитъ! Что̀ за ужасная у нея блуза, и волосы какіе-то мокрые, на нихъ точно остались слѣды отъ гребенки... Я буду игнорировать Джорджа, но не уйду отсюда раньше д-ра Невингтона. Разумѣется, Миранда и не подумаетъ прислать за мною экипажъ. Но я покажу Джорджу и Родѣ, что они не могутъ выжить меня, покуда я не уйду сама“.

Придя къ этому любезному заключенію, она возобновила разговоръ о Слоуби.

Но д-ръ Невингтонъ вдругъ сдѣлался разсѣянъ и сталъ усиленно прислушиваться къ разговору между мужемъ и женою.

— Боюсь, что м-ру Иглезіасу не очень хорошо сегодня?— спрашивала м-ссъ Лёвгровъ самымъ ласковымъ тономъ.

Джорджъ печально покачалъ головою.

— Да, милая, и это очень меня разстроило. Я потомъ тебѣ скажу.

Докторъ Невингтонъ всталъ.

— Иглезіасъ? Я помню, что встрѣтилъ его у васъ. Это одно изъ моихъ упущеній по приходу. Его наружность мнѣ понравилась, и я намѣревался зайти къ нему, но за массою хлопотъ— забылъ.

Серена тоже поднялась. На каждой ея щекѣ горѣло по пятнышку, глаза моргали, ея маленькая голова высоко поднялась, и на мгновеніе передъ зрителями мелькнулъ призракъ юной Серены.

— Вы хорошо сдѣлали, что не зашли, д-ръ Невингтонъ! Въ м-рѣ Иглезіасѣ было много несимпатичнаго, непонятнаго, и вы сами, Рода, это признавали, хотя теперь вы, кажется, примирились съ нимъ. Вы знаете, какія странныя у него были знакомства, и какъ постыдно и неожиданно онъ перешелъ въ католичество!

Холодный, острый взоръ бывшаго викарія скользнулъ по лицамъ присутствующихъ. Черты Джорджа выражали страхъ, мольбу, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и нѣкоторый вызовъ. Полныя щеки Роды вздрагивали, но ея добродушное существо было преисполнено благороднымъ негодованіемъ.

— Вы забываетесь, Серена,—воскликнула она,—и навѣрно раскаетесь въ вашихъ жестокихъ словахъ. Они могутъ произвести дурное впечатлѣніе и причинить горе другимъ...

Д-ръ Невингтонъ колебался, но Слоуби и епископство были для него на первомъ планѣ. Серена раздражала его, но ея сестра могла быть ему полезной.

— Что касается меня,—я одобряю рвеніе миссъ Лёвгровъ. Такія вещи случаются, къ сожалѣнію, вслѣдствіе нашей нерадивости. Я не особенно строго осуждаю этого несчастнаго Иглезіаса: расовыя вліянія черезчуръ сильны, но наша обязанность— наставлять иностранцевъ. Вы должны были привести вашего друга ко мнѣ, Лёвгровъ,—я могъ бы посвятить ему часъ-другой. До свиданія, м-ссъ Лёвгровъ. Вы тоже уходите, миссъ Серена?

Передайте вашей милой сестрицѣ, что мы воспользуемся ея гостепріимствомъ.

Оставшись наединѣ съ мужемъ, м-ссъ Лёвгровъ принялась утѣшать его. Онъ не долженъ огорчаться словами епископа. Если бы тотъ зналъ, какъ все было—онъ не осудилъ бы его.

— Я огорчаюсь не его словами, но положеніемъ Доминика. Я боюсь, что ему уже не долго осталось пробыть съ нами.

Лицо жены выразило искреннее огорченіе.

— Неужели? Это было бы такъ ужасно! Ты видѣлъ его, Джорджи?

— Нѣтъ. Тамъ была м-ссъ Сентъ-Джонъ.

Полныя щеки Роды снова дрогнули.

— Не скажу, чтобы я особенно восхищалась м-ссъ Сентъ-Джонъ. Актрисы хороши на сценѣ, а не въ частномъ домѣ. Можетъ быть, онѣ ничего особеннаго и не дѣлаютъ, но держатъ онѣ себя очень свободно. Впрочемъ, я вообще не понимаю, что̀ нынче дѣлается! Почтенная дама въ годахъ м-ссъ Парчеръ и этотъ Фарджъ, который могъ бы ей быть сыномъ!..

Она встала съ мѣста и набросила платокъ на клѣтку съ попугаемъ, вздумавшимъ некстати возвысить голосъ.

— Все это меня очень разстроило: исторія съ викаріемъ, Сереною, помолвка м-ссъ Парчеръ, болѣзнь м-ра Иглезіаса, хотя я убѣждена, что съ нимъ мы встрѣтимся въ раю, когда уйдемъ, наконецъ, отъ всего этого шума и суеты...

Она двигалась по комнатѣ, машинально переставляя вещицы, что-то оправляя.

— Какой тяжелый день! Ничто такъ не можетъ разстроить человѣка, какъ религіозный и брачный вопросъ. Но слава Богу, что ты еще есть у меня, Джорджи. Что̀ бы мы стали дѣлать другъ безъ друга!

XXXII.

Заходящее весеннее солнце заливало садикъ свѣтлыми лучами, перемѣшивавшимися съ набѣгавшею тѣнью. Лужайка ярко зеленѣла, вода въ фонтанчикѣ сверкала и переливала серебромъ; у ограды цвѣли желтые и лиловые крокусы и акониты, деревья въ сосѣднемъ саду были густо усѣяны почками и воробьи весело чирикали.

Въ домѣ, казавшемся, благодаря изумительной чистотѣ и свѣтлому цвѣту драпировокъ, уютнымъ, почти веселымъ—царила какая-то странная, чуткая, словно выжидающая тишина. Это была

тишина, полная видѣній, милыхъ воспоминаній, свѣтлыхъ надеждъ, казавшихся живыми, наполнявшихъ домъ своимъ мистическимъ присутствіемъ.

Яркая индивидуальность, этотъ могущественный факторъ эмоціональной жизни, неминуемо должна создать вокругъ себя свою атмосферу. Съ тѣхъ поръ какъ извѣстные спеціалисты, приглашенные по настоянію Пеппи и четы Лёвгровъ, объявили, что болѣзнь сердца, которою страдалъ Иглезіасъ, должна имѣть роковой исходъ,—всѣ входившіе въ домъ чувствовали здѣсь вѣяніе какого-то иного міра.

Узнавъ о результатахъ діагноза, Иглезіасъ отказался отъ дальнѣйшаго леченія, рѣшивъ, что плоть его не должна поработить его духъ. Пусть она знаетъ свое мѣсто. Ему становилось все тяжелѣе и затруднительнѣе жить согласно своимъ привычкамъ, кругъ его занятій и развлеченій съуживался, но онъ сохранялъ ясность духа и утонченную внѣшность.

Встрѣтить смерть съ изящнымъ стоицизмомъ, хорошо одѣтымъ и сохранившимъ среди страданій чувство собственнаго достоинства—трудное и не многимъ доступное искусство.

Доминикъ сидѣлъ у окна въ оригинальной, неправильной формы гостиной, слѣдя за тѣмъ, какъ тѣни исчезали и солнечное сіяніе все больше заливало садикъ, по мѣрѣ того какъ солнце склонялось къ западу. И самая комната, убранная знакомыми предметами, съ ея гармоничною гаммою цвѣтовъ и огонькомъ въ каминѣ—ласкала его взоръ. Мысли и слова, приходившія ему на умъ, также были прекрасны, но нѣсколько смутны,—словно доносящіеся издали, смягченные разстояніемъ звуки. Это было разстояніе среднее между сномъ и бдѣніемъ.

Стукъ двери въ столовой и чей-то веселый голосъ вывели его изъ полузабытья.

— Ну, вы, лѣнтяи, бѣгайте, ловите птицъ! Смотрите, до чего вы растолстѣли! Ну же! Ну!—Пеппи поощрительно хлопала въ ладоши, затѣмъ слышно было, какъ она вошла въ домъ и заговорила съ м-ссъ Питерсъ, домоправительницею, между тѣмъ какъ собачки съ радостнымъ визгомъ и лаемъ понеслись по дорожкѣ.

Пеппи такъ долго не входила, что Иглезіасъ, потерявъ терпѣніе, хотѣлъ уже встать, но снова погрузился въ полусознательное состояніе. Придя въ себя, онъ увидѣлъ ее сидящею рядомъ съ нимъ—спиною къ свѣту. Взоръ его былъ слегка отуманенъ, и онъ не могъ ясно разсмотрѣть ея лицо, но онъ чувствовалъ, что настроеніе ея измѣнилось. Она нѣжно сжимала его руку. Онъ хотѣлъ заговорить, но она предупредила его.

— Знаю, милый, знаю. Вы сегодня утромъ причастились. Знаете, ныньче такой божественный день, что у меня явились нѣкоторыя радостныя мысли относительно васъ. Я убѣдила себя, что доктора—старыя каркающія вороны и что лѣтомъ вы должны оправиться. Вѣдь вамъ сколько разъ бывало то хуже, то лучше. На дняхъ театръ закрывается, и я намѣрена васъ куда-нибудь увезти—хотя бы въ вашу родную Испанію,—и такъ за вами ухаживать, что у васъ не хватитъ духу... насъ покинуть.

Голосъ Пеппи былъ такъ же нѣженъ, какъ прикосновеніе ея руки.

— Не слишкомъ ли вы поторопились? Почему вы не отложили исполненіе этого страшнаго обряда на нѣкоторое время?

— Онъ не страшенъ, но утѣшителенъ, дорогой другъ, — сказалъ Иглезіасъ съ улыбкою. Теперь онъ ясно видѣлъ ея лицо — исполненное скорби и тревоги, не взирая на ея искусственно веселый тонъ.—Во всякомъ случаѣ онъ не можетъ ускорить конца.

— Вы очень страдаете?—вырвалось у нея.

— Нисколько. Ночи бываютъ иногда томительны, такъ какъ я не могу лежать, но я сижу здѣсь или брожу по дому и чувствую себя хорошо. Питерсъ ходила за моею матерью, и потому вамъ нечего тревожиться: уходъ за мною хорошій...

Онъ выпрямился въ креслѣ и продолжалъ:

— Не печальтесь. Мой путь не такъ уже тернистъ. Съ самаго дѣтства я не былъ такъ счастливъ, какъ за эти послѣдніе мѣсяцы. О васъ я болѣе не безпокоюсь. Вы—знамениты, и станете еще бо́льшею знаменитостью, и я буду жить въ вашей памяти, покуда вы живете. Это не мало: быть любимымъ двумя женщинами, которыхъ любишь. Что же касается остального, дорогой другъ, то по мѣрѣ приближенія къ великой тайнѣ—начинаешь сильнѣе вѣровать и менѣе тревожиться...

— Хорошо вамъ! — горестно воскликнула Пеппи: — А что̀ буду я дѣлать безъ васъ?

— Рано или поздно, но разлука неизбѣжна. Порадуемся же оба тому, что она наступила теперь, когда любовь наша — въ полной силѣ, когда она еще не принесла съ собою ни стыда, ни разочарованія... Чѣмъ тяжелѣе разставаніе, тѣмъ свѣтлѣе память объ ушедшемъ и тѣмъ желаннѣе надежда на свиданіе—внѣ времени и пространства...

— Да, милый, да,—шептала Пеппи, подавляя рыданіе,—но я не могу подняться на эти философскія вершины... Я стою на землѣ, и знаю лишь одно, что мнѣ до полнаго отчаянія будетъ

недоставать васъ, я останусь въ безпросвѣтномъ одиночествѣ. Но, глядя на васъ, я этому не вѣрю, не могу повѣрить. Вы еще долго будете со мною...

Она нагнулась и нѣжно поцѣловала его въ щеку.

— Мнѣ пора. Не хочется уѣзжать, но сегодня—парадный спектакль, и я обязана играть. Я вернусь сюда, какъ только онъ окончится, и вы не можете этому помѣшать, дорогой мой мечтатель! Я вернусь и буду бодрствовать съ вами до зари.

Доминикъ тоже всталъ; онъ проводилъ ее до выхода, открылъ передъ нею дверь и, стоя на площадкѣ, слѣдилъ за тѣмъ, какъ она спускалась по лѣстницѣ.

Онъ съ чувствомъ признательности и гордости подумалъ о томъ, какъ измѣнилась и созрѣла Пеппи за послѣдніе полгода. Ея безстрашіе и смѣлость не были больше вызовомъ и бравадою, но сознаніемъ своего достоинства, увѣренностью въ себѣ и своемъ успѣхѣ. И красота ея развилась, пріобрѣла законченность и мягкость. Она стала дѣйствительно выдающейся женщиной.

Внизу лѣстницы Пеппи остановилась и послала ему воздушный поцѣлуй.

— До вечера, милый! — крикнула она. — Сейчасъ я заберу своихъ собаченокъ. Берегите себя до моего возвращенія. Господь съ вами. До вечера.

Иглезіасъ прошелъ по комнатѣ твердыми шагами—какъ до болѣзни. На душѣ у него было свѣтло. Съ минуту онъ простоялъ у окна, любуясь весенними цвѣтами, струею воды, птицами, небомъ, уже принимавшимъ оттѣнки опала и блѣднаго золота...

И въ воцарившемся снова молчаніи смутныя видѣнія, таинственные призывы опять овладѣли его душою. Они говорили о бренности всего земного, о неизреченномъ Свѣтѣ.

Но вдругъ Доминикъ Иглезіасъ почувствовалъ себя страшно утомленнымъ. Онъ опустился въ кресло.

— Да помилуетъ меня Господь! — прошепталъ онъ, осѣняя себя крестомъ.—Христосъ, услыши меня! Кажется, трудъ жизни оконченъ. Пора и на покой.

XXXIII.

Никогда не играла Пеппи такъ, какъ въ этотъ вечеръ, и публика неистовствовала, вызывая ее, а Ліонель Гордонъ рѣшилъ, что нужно предложить ей подписать контрактъ на три года.

Среди публики былъ и Аларикъ Баркингъ, ускользнувшій на одинъ вечеръ изъ-подъ любящаго надзора лэди Констансъ и своей хорошенькой невѣсты. Онъ вернулся изъ Африки раненымъ, измѣнившимся, и прятался въ углу ложи. Голосъ Пеппи задѣвалъ самыя сокровенныя струны души его, и онъ спрашивалъ себя, какъ онъ могъ порвать съ нею,—забывая, что порвала она, а не онъ.

Наконецъ, занавѣсъ опустился въ послѣдній разъ, и Пеппи, которую антрепренеръ чуть не силою вытаскивалъ на вызовы, поспѣшила уѣхать. Вся ея душа была въ маленькомъ домѣ на Holland-Street. Когда подъѣхалъ ея экипажъ, она замѣтила у дверей крытый фургонъ, и ей попались на встрѣчу двое людей въ черномъ съ бѣлымъ, при видѣ которыхъ она инстинктивно вздрогнула. Фредерикъ распахнулъ передъ нею двери. Она вошла, путаясь въ шлейфѣ, въ рукахъ у нея былъ великолѣпный букетъ изъ орхидей, лилій и розъ, перевязанный золотистою лентою. Она не успѣла снять гримъ съ лица и почти вбѣжала—взволнованная, торжествующая, но подгоняемая смертельнымъ страхомъ...

Въ дверяхъ она остановилась, стиснула зубы и склонила голову.

По срединѣ комнаты возвышался катафалкъ, окруженный зажженными паникадилами, и въ гробу, у котораго молилась монахиня, лежалъ—прекрасный въ жизни, какъ и въ смерти, со строгимъ, гордымъ лицомъ, но помолодѣвшій, какъ всѣ вѣрующіе, стремившіеся къ далекому горизонту и достигнувшіе его—Доминикъ Иглезіасъ.

Въ углу послышалось рыданіе; тамъ сидѣлъ, скорчившись и закрывъ лицо платкомъ, Джорджъ.

Пеппи подошла къ нему и положила руку ему на плечо.

— Ступайте домой, — сказала она ласково, — вы придете утромъ. Я обѣщала Доминику остаться съ нимъ до зари.

Она положила свой роскошный букетъ къ подножію гроба и, опустившись на колѣни возлѣ маленькой монахини, закрыла руками свое нарумяненное лицо и заплакала.

Съ англійск. О. Ч.

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА АНГЛІИ

ОЧЕРКЪ.

Для странъ, съ которыми Великобританія поддерживаетъ торговыя сношенія, а въ томъ числѣ и для Россіи, имѣетъ немаловажное значеніе возможность предугадать, останется ли Великобританія вѣрною принципу свободной торговли, или — перейдетъ къ покровительственной торговой политикѣ. Трудно опредѣлить съ точностью ходъ политическихъ событій въ будущемъ, но во всякомъ случаѣ позволительно усомниться въ томъ, чтобы побѣда либераловъ-фритредеровъ, ставшихъ, въ началѣ 1906 года, во главѣ великобританскаго правительства, окончательно рѣшила участь торговой политики Соединеннаго-Королевства. Исходъ борьбы между фритредерами и протекціонистами въ Великобританіи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ рѣшенія вопроса, насколько можетъ считаться правильнымъ предположеніе приверженцевъ свободной торговли о томъ, что конкурренція какихъ бы то ни было народовъ въ производствѣ фабрикатовъ заводской промышленности для Великобританіи не страшна; что внѣшняя ея торговля попрежнему не оставляетъ желать лучшаго; что благосостояніе Соединеннаго-Королевства не потерпѣло никакого сокращенія, что его богатство не уменьшилось, — однимъ словомъ, что въ экономическомъ положеніи Великобританіи все обстоитъ хорошо и благополучно. Съ другой стороны, побѣда фритредеровъ нисколько не затушила все болѣе проявляющейся въ Соединенномъ-Королевствѣ и въ его колоніяхъ имперіалист-

ской идеи экономическаго общенія. Старый „кобденизмъ" не совмѣстимъ съ „имперіализмомъ", шансы котораго на практическое примѣненіе возросли съ тѣхъ поръ, какъ оба лидера оппозиціи, Бальфуръ и Чемберлэнъ, соединили свои программы въ одну стройную и технически-выполнимую систему отпора иностранной конкурренціи—путемъ преимуществъ, оказываемыхъ торговлѣ внутри границъ Британской имперіи. Но рѣшеніе вопроса, придержится ли Великобританія также и въ будущемъ принципа свободной торговли, зависитъ въ послѣдней инстанціи отъ политическихъ соображеній, а именно отъ того, насколько узко-торговый духъ англичанъ, имѣющій исключительно въ виду покупать потребные имъ продукты на самомъ дешевомъ рынкѣ и продавать свои товары на самомъ дорогомъ, и тѣмъ нажить какъ можно больше богатства,—будетъ способенъ подняться отъ чисто коммерческихъ соображеній къ высотамъ національной экономической политики, задающейся цѣлью создать какъ можно болѣе экономически-независимую имперію, отдѣльныя части которой должны были бы удовлетворять собственнымъ потребностямъ, не нуждаясь въ привозѣ иностранныхъ продуктовъ.

Кромѣ того, фритредерство связано съ демократическимъ движеніемъ. Радикально-либеральная партія въ Великобританіи считаетъ своимъ долгомъ стоять горою за принципъ свободной торговли, не столько потому, что она убѣждена въ вѣрности этой системы, сколько потому, что, по ея мнѣнію, капиталисты извлекаютъ изъ протекціонистской торговой политики всю пользу для себя. Протекціонизмъ, поэтому, только тогда станетъ торговою политикою правительства, когда удастся убѣдить большинство населенія Великобританіи, изъ котораго не менѣе 70% принадлежатъ къ рабочимъ классамъ [1], въ томъ, что покровительствующіе тарифы не только пойдутъ въ прокъ капиталистамъ, но дадутъ пользу также рабочимъ, развивая національную промышленность и этимъ повышая спросъ на рабочія руки.

Но ходъ торговой политики Великобританіи главнымъ образомъ зависитъ отъ ея прошлаго. Для пониманія ея настоящаго и предугаданія ея будущаго, насколько это вообще возможно, слѣдуетъ поэтому обращаться къ собственному ея историческому прошлому.

---

[1]) По исчисленію H. W. Mattingham въ его книгѣ „Labour and Protection", London, 1903, стр. 205.

I.

До XVII-го столѣтія не существовало торговой политики. Въ средніе вѣка внѣшняя торговля на Средиземномъ морѣ была въ рукахъ итальянскихъ городовъ; на сѣверѣ Европы Ганза была главною носительницею международной торговли. Надзоръ надъ торговлею принадлежалъ исключительно суверенной территоріальной власти, и она имъ пользовалась для взиманія фискальныхъ сборовъ, не имѣющихъ никакихъ отношеній къ интересамъ самой торговли. Средневѣковой государственный порядокъ былъ довольно либераленъ по отношенію къ международной торговлѣ: на судоходство вовсе не было наложено пошлинъ и занимавшіеся торговлею иностранцы не встрѣчали препятствій къ въѣзду въ любую страну, лишь бы они платили извѣстную небольшую личную пошлину, гарантирующую имъ покровительство суверена. Таможенные тарифы были весьма умѣренны. Напримѣръ, Англія взимала въ царствованіе Генриха VII (1485—1509) и Генриха VIII (1509—1547) привозную и вывозную пошлину съ цѣны товаровъ (ad valorem) въ пять процентовъ съ англійскихъ и шесть процентовъ съ иностранныхъ коммерсантовъ.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ торговля Ганзы упала и перешла къ голландцамъ, пріобрѣвшимъ почти монополію торговли въ Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ и опередившимъ испанцевъ и португальцевъ послѣ открытія Америки. Восточная и западная индійскія компаніи играли выдающуюся роль въ голландской заокеанской торговлѣ. По оцѣнкѣ извѣстнаго государственнаго дѣятеля и публициста Голландіи, де-Витта [1]), голландская торговля увеличилась съ 1643 по 1669 годъ, приблизительно, на 90 процентовъ. Англійскій экономистъ, сэръ Вильямъ Петти, считалъ въ 1690 году, что изъ торговаго флота Европы, взятаго вмѣстѣ и насчитывавшаго тогда 2 милліона тоннъ, тоннажъ соединенныхъ Нидерландскихъ штатовъ равнялся 900.000 тоннамъ, тогда какъ англійскій торговый флотъ въ 1701 году равнялся лишь 261.222 тоннамъ. Голландская торговля была главнымъ образомъ перевозочная и посредническая. Обогатившись, голландцы стали, съ конца XVII-го столѣтія, банкирами и владѣльцами фондовъ всей Европы, то-есть, они занимали тогда въ Европѣ прибли-

[1]) De Witt. True Interest and Political Maxims of the Republic of Holland and West Friesland. (Переводъ на англійскій языкъ 1702 г.).

зительно то же торговое и финансовое положеніе, какимъ Англія пользовалась послѣ нихъ и до сихъ поръ. Ихъ коммерческая система осталась, въ главныхъ ея чертахъ, средневѣковою, особенно въ томъ отношеніи, что они не знали протекціонной торговой политики, но, вообще говоря, придерживались до самаго конца ихъ торговаго превосходства свободной торговли, взимая, среднимъ числомъ, трехпроцентную таможенную пошлину съ привоза и вывоза для чисто фискальныхъ цѣлей.

Коммерческая система современнаго міра возникла въ XVII-мъ столѣтіи, когда національное чувство и соревнованіе между европейскими народами повели къ первымъ протекціоннымъ мѣрамъ — англійскому навигаціонному акту Кромвелля 1651 года и французскому строго-протекціонному тарифу Кольбера 1664 года. Голландцы не могли отвѣтить англичанамъ возмездными таможенными мѣрами, въ виду того, что главная часть ихъ торговли была, какъ уже сказано, посредническая и не совмѣстилась бы съ воспретительными тарифами. Она, напротивъ, старалась бороться съ международною конкурренціею пониженіемъ своихъ таможенныхъ пошлинъ до минимума. Но она этимъ не могла предотвратить своего торговаго упадка. Интересно остановиться подробнѣе на причинахъ, обусловливавшихъ упадокъ торговли Голландіи, въ виду того, что одинаковыя причины имѣютъ одинаковыя послѣдствія и что этимъ возможно сдѣлать поучительное сравненіе съ условіями международной торговли нашего времени.

Голландская торговля не была поражена внутреннимъ недугомъ; она упала вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, противъ которыхъ она не могла бороться. Вообще говоря, всякій торговый обмѣнъ имѣетъ тенденцію къ возможному уменьшенію расходовъ по перевозкѣ и распредѣленію товаровъ. Въ этомъ — прогрессъ торговаго устройства. Въ XVII-мъ столѣтіи вся внѣшняя торговля на сѣверѣ Европы проходила черезъ ея руки и въ особенности русская торговля была ея спеціальностью. Но уже въ XVIII-мъ столѣтіи Англія вошла съ Россіею въ непосредственныя торговыя сношенія. Она нуждалась во льнѣ, коноплѣ, строевомъ лѣсѣ и другихъ сырыхъ продуктахъ, для потребностей ея увеличивающагося мореходнаго флота. Обязательнымъ послѣдствіемъ установленія непосредственнаго привоза русскихъ продуктовъ въ Англію явилось возникновеніе непосредственнаго вывоза товаровъ изъ Англіи въ Россію; а непосредственная торговля неминуемо вытѣсняетъ посредническую. Такъ и Голландія, употреблявшая русскіе продукты лишь въ маломъ размѣрѣ и перепродававшая главную часть ея привоза изъ Россіи — Англіи, должна была

сократить свою торговлю съ нашимъ государствомъ, когда англичане начали заводить съ нами непосредственныя торговыя сношенія. Это случилось несмотря на свободную торговлю голландцевъ и одновременную строгую протекціонную мореходную и торговую систему Англіи. Отъ 1749 до 1786 года вывозъ изъ Россіи въ Голландію упалъ на 79%, тогда какъ вывозъ изъ Россіи въ Англію увеличился за то же время на 257%. За десятилѣтіе 1701—10 Англія привезла изъ Россіи товаровъ на 123.752 ф. ст. и вывезла туда же за то же время на 58.118 ф. ст., тогда какъ за десятилѣтіе 1770—80 англійскій привозъ изъ Россіи равнялся уже 1.084.539, а вывозъ туда же 206.813 ф. ст., т.-е. привозъ увеличился на 776%, а вывозъ—на 255%.

Еще пагубнѣе установившихся прямыхъ торговыхъ сношеній между странами, пользовавшимися до тѣхъ поръ посредничествомъ голландцевъ, на внѣшней торговлѣ этихъ послѣднихъ отозвался возникшій во Франціи и Англіи протекціонизмъ, облагавшій ввозъ цѣлаго ряда товаровъ высокими таможенными пошлинами. Такъ, напримѣръ, книжная и писчебумажная промышленность и торговля, составлявшія значительную статью голландской торговли, были поражены наложеніемъ Франціею, въ 1771 году, пошлины въ 60 французскихъ фунтовъ съ каждаго квинтала иностранной печати и запрещеніемъ вывоза льняныхъ тряпокъ изъ Франціи. Этими мѣрами Франція развила свою собственную бумажную и печатную промышленность въ ущербъ голландской. Англія утвердилась въ самомъ безпощадномъ протекціонизмѣ. Шерстяныя ткани составляли въ среднихъ вѣкахъ главную статью международной торговли. Англія въ средніе вѣка была главною производительницею шерсти, перевозимой нѣмецкими коммерсантами въ Фландрію, гдѣ она перерабатывалась фламандскими ткачами. Часть произведенныхъ ими шерстяныхъ тканей вывозилась обратно въ Англію нѣмецкими коммерсантами, привозившими англійскую шерсть, изъ которой эти ткани были произведены [1]).

Выгодность этого торговаго процесса, т.-е. привоза сырья и вывоза изготовленныхъ изъ него обработанныхъ продуктовъ въ XVII-мъ столѣтіи обратила на себя вниманіе англійскаго правительства. Оно поэтому задалось мыслью создать въ Англіи собственную промышленность и обезпечить за Англіею то прибыльное торговое положеніе, которымъ голландцы пользовались до тѣхъ поръ. Для

---

[1]) Подобно тому, какъ въ наше время Англія привозитъ изъ Россіи яйца и пшеницу, перерабатываетъ ихъ въ бисквиты и вывозитъ часть таковыхъ обратно въ Россію, извлекая изъ этого для себя прибыль.

достиженія этой цѣли, Англія запретила, цѣлымъ рядомъ актовъ и прокламацій въ 1463, 1620, 1648 и 1660 годахъ, вывозъ шерсти изъ своихъ предѣловъ за-границу и привозъ шерстяныхъ издѣлій изъ-за-границы. Этими протекціонными мѣрами она нанесла ударъ фламандской промышленности и установила прядильно-ткацкую промышленность въ собственныхъ предѣлахъ.

II.

Торговая борьба между Голландіею и Англіею, веденная торговымъ соперничествомъ, боевыми тарифами, навигаціонными законами, договорами съ третьими державами и даже войнами, окончилась промышленною побѣдою Англіи. Въ концѣ XVII-го столѣтія въ торговомъ обмѣнѣ между двумя странами совершился переворотъ. Съ тѣхъ поръ Англія посылала въ Голландію шерстяныя издѣлія всякаго сорта и получала отъ нея извѣстные сырые продукты — шолкъ и полотно. Тогда какъ въ 1696 г. Голландія отпустила Англіи товаровъ на 506.642 ф. ст. и получила ихъ отъ нея на 1.462.415 ф. ст., голландскій отпускъ въ Англію въ 1745 г. упалъ до 273.160 ф. ст., а состоящій главнымъ образомъ изъ шерстяныхъ издѣлій привозъ изъ Англіи увеличился до 1.786.142 ф. ст. Такимъ образомъ, Англія упорными послѣдовательными протекціонными мѣрами всякаго рода завершила прочное установленіе своей шерстяной мануфактуры.

Возникновеніе бумагопрядильной промышленности къ Великобританіи было также послѣдствіемъ протекціонныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Но, въ виду того, что Соединенное-Королевство не производитъ хлопчатой бумаги въ собственныхъ предѣлахъ, оно не только задалось цѣлью предупредить привозъ въ Англію конкуррирующихъ иностранныхъ издѣлій и поощрить вывозъ великобританскихъ бумажныхъ мануфактуръ, но имѣло также въ виду заручиться свободной поставкой сырого хлопка, благопріятствуя при этомъ британскимъ колоніямъ. Актами 1660 и 1787 годовъ привозъ хлопка изъ британскихъ колоній былъ объявленъ свободнымъ отъ всякихъ таможенныхъ пошлинъ, тогда какъ хлопокъ, не происходившій изъ британскихъ колоній, былъ обложенъ значительною таможенною пошлиною. Вывозъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій изъ Англіи былъ поощренъ преміею, примѣненной съ 1785 до 1812 года. Этими мѣрами великобританское правительство совершило настоящій tour de force. Оно создало промышленность, зависящую отъ привоза сырья

извнѣ и отпускающую свои продукты большею частью за-границу. Цѣнность вывозимыхъ изъ Великобританіи хлопчато-бумажныхъ издѣлій возросла съ 1697 до 1812 года отъ 5.915 ф. ст. до 16.517.690 ф. ст., т.-е. увеличилась за это время болѣе чѣмъ въ 2792 раза. Когда британская бумажная промышленность окончательно достигла своего міроваго превосходства, всякія покровительственныя мѣры стали ненужными, и онѣ поэтому въ 1812 году были отмѣнены, подобно тому какъ воспрещеніе вывоза шерсти изъ Соединеннаго-Королевства было отмѣнено въ 1825 году, когда крѣпко установившаяся въ Великобританіи шерстяная мануфактура уже болѣе не боялась конкурренціи фламандской.

Въ сравненіи съ шерстяною и хлопчатобумажною, желѣзная промышленность не въ такой мѣрѣ обязана покровительству правительства, но, все-таки, оказанное ей содѣйствіе было настолько дѣйствительно, чтобы позволить ей зародиться и окрѣпнуть оберегаемою отъ иностранной конкурренціи. До царствованія Эдуарда IV (1461—1483) почти весь употребляемый Англіею ножевой и другой желѣзный товаръ былъ произведенъ въ Германіи и привезенъ оттуда. Правительство Эдуарда IV поставило себѣ задачею освободить Англію отъ этой зависимости и поощрить возникновеніе національной желѣзной промышленности. Его преемники держались той же торговой политики. Главными покровительственными актами были: изданный Карломъ II въ 1660 году тарифъ „Book of Rates“, дополненный затѣмъ Георгомъ I въ 1720 году и переработанный младшимъ Питтомъ въ 1787 году, въ извѣстномъ его законѣ „Act for the Consolidation of the Customs“. Подобно тому какъ вывозъ шерсти въ Англію былъ запрещенъ, такъ и на вывозъ чугуна изъ Великобританіи было наложено запрещеніе, чтобы заручить національной обрабатывающей промышленности дешевое сырье. Одновременно привозъ обработанныхъ желѣзныхъ издѣлій былъ обремененъ высокими таможенными ставками. Что же касается привоза чугуна, то великобританское правительство сперва на него также наложило таможенную пошлину, но когда оно убѣдилось въ томъ, что выплавки англійскаго чугуна не хватало на потребности обрабатывающей промышленности, оно прибѣгло къ частичному упраздненію этой пошлины, давъ чугуну британскихъ колоній предпочтеніе, чтобы развить въ нихъ производство этого сырья. Георгъ I понизилъ привозную пошлину на чугунъ, происходящій изъ британскихъ колоній, а Георгъ II упразднилъ ее совершенно, тогда какъ привозная пошлина на шведскій и

русскій чугунъ въ размѣрѣ 20 ф. ст. съ каждой тонны попрежнему оставалась въ силѣ. Результаты протекціонизма Великобританіи въ развитіи ея желѣзодѣлательной и обрабатывающей промышленности были поразительны. Въ 1796 году въ Великобританіи насчитывалось лишь 121 доменная печь, производящія 125.206 тоннъ чугуна въ годъ, тогда какъ въ 1839 году число печей въ Соединенномъ-Королевствѣ уже дошло до 378, производящихъ 1.347.790 тоннъ чугуна; иначе говоря, за 43 года добыча чугуна въ Великобританіи увеличилась болѣе чѣмъ въ 10 разъ. Въ 1839 году весь привозъ чугуна въ Великобританію изъ другихъ странъ равнялся лишь 25.000 тоннамъ. Изъ этого видно, что великобританское желѣзодѣлательное производство въ этомъ году дошло до степени развитія, доставившей ему неоспоримое преобладаніе надъ всѣми другими желѣзопромышленными странами свѣта, и болѣе не нуждалось въ покровительствѣ.

Наконецъ, ни одна отрасль великобританской промышленности не извлекла настолько прибыли изъ покровительственныхъ мѣръ, предпринятыхъ англійскимъ правительствомъ, какъ судостроеніе и мореходство. Въ 1381 году Ричардъ II издалъ законъ, предоставляющій привозъ товаровъ въ Соединенное-Королевство и вывозъ оттуда исключительно судамъ, плавающимъ подъ англійскимъ флагомъ. Это законоположеніе было повторено семью послѣдующими актами, регулирующими англійское мореходство. Однако королева Елисавета разрѣшила привозъ товаровъ въ Великобританію въ иностранныхъ судахъ, взимая съ нихъ лишь повышенныя пошлины, извѣстныя подъ названіемъ aliens duties. Торговая политика Елисаветы, остававшаяся въ силѣ столѣтіе, задалась цѣлью конкуррировать съ голландскою свободною торговлею. Она вздумала подражаніемъ свободной мореходной политикѣ голландцевъ сдѣлать изъ Англіи торговый транзитный пунктъ для продуктовъ всѣхъ націй сѣверной Европы. Но Англія не нашла въ принципѣ свободнаго мореходства орудія противъ голландскихъ торговыхъ соперниковъ. Вся перевозочная торговля между нею и ея американскою колоніею была и осталась въ рукахъ голландцевъ. Тогда Кромвелль рѣшился издать въ 1651 году свой навигаціонный актъ, подтвержденный затѣмъ королемъ Карломъ II, которымъ привозъ товаровъ въ Великобританію былъ запрещенъ въ другихъ помимо великобританскихъ судахъ. Этою ультра-протекціонною мѣрою Англія положила основаніе развитію своего торговаго судоходства. Когда же, благодаря этой мѣрѣ, она этимъ заручилась посредническою и перевозною торговлею, бывшею раньше преимущественнымъ достоя-

ніемъ Голландіи, она смягчила свои навигаціонные законы, и наконецъ, въ XIX столѣтіи, они были совершенно отмѣнены.

Не хватило бы здѣсь мѣста прослѣдить историческое развитіе всей великобританской промышленности. Для нашихъ цѣлей достаточно установленіе—примѣромъ четырехъ главныхъ ея отраслей,—шерстяной, хлопчатобумажной, желѣзной и мореходной,—что Великобританія придерживалась строгаго протекціонизма въ то время, когда ея промышленность нуждалась въ покровительствѣ, и что она положила основаніе своей колоссальной торговлѣ и промышленности именно путемъ послѣдовательнаго примѣненія этой системы въ продолженіе пяти столѣтій.

III.

Когда загорѣлась война Англіи съ Наполеономъ, ея министры финансовъ должны были прибѣгнуть къ всевозможнымъ новымъ таможеннымъ пошлинамъ, чтобы добыть средства на военныя цѣли. По окончаніи войны, сложный торговый тарифъ Англіи еще нѣсколько лѣтъ оставался въ силѣ. Реформы въ пользу пониженія или упраздненія наложенныхъ на привозные товары таможенныхъ пошлинъ и вообще упрощеніе таможенныхъ формальностей начинаются только съ 1822 года, по иниціативѣ Каннинга и Гескиссона, но реформы эти еще не обозначали принципіальной перемѣны въ торговой политикѣ Англіи.

Въ началѣ царствованія королевы Викторіи обрабатывающая промышленность до того окрѣпла, особенно благодаря изобрѣтенію паровыхъ машинъ и паровоза, что англичане могли задаться грандіозною мыслью монополизировать міровое промышленное производство, и для этой цѣли пониженіе пошлинъ на привозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ явилось необходимымъ. Они предполагали, что если дать иностраннымъ сельско-хозяйственнымъ продуктамъ свободный доступъ въ Великобританію, то иностранныя государства навсегда удовольствуются ролью поставщиковъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на англійскій рынокъ, чтобы взамѣнъ получать отъ нихъ отличные англійскіе фабрично-заводскіе продукты. При такомъ устройствѣ внѣшняго торговаго обмѣна, Англія должна была остаться въ выигрышѣ, ибо экспортъ вполнѣ обработанныхъ издѣлій фабрично-заводскаго производства гораздо выгоднѣе въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ вывозъ сырыхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ силу такого разсчета англійскіе великопромышлен-

ники, овладѣвшіе въ 1832 году большинствомъ голосовъ въ парламентѣ, произвели въ годахъ 1842 — 1846 переворотъ въ фискальной политикѣ Великобританіи. Чтобы заручиться дешевыми питательными продуктами для своихъ промышленныхъ рабочихъ и дешевымъ сырьемъ для обрабатыванія въ заводахъ, Англія постепенно понизила таможенныя ставки на эти продукты и, наконецъ, въ 1846 году, пошлина на ввозъ зерновыхъ продуктовъ была совершенно отмѣнена. Промышленники агитировали въ пользу отмѣны тѣхъ таможенныхъ пошлинъ, которыя мѣшали ихъ промышленнымъ интересамъ. Но манчестерская школа экономистовъ пошла дальше и отрицала съ чисто теоретической точки зрѣнія полезность какой бы то ни было государственной активной торговой политики. Кобденъ договорился до провозглашенія принципа свободной торговли международнымъ частнымъ правомъ Всевышняго („the international common law of the Almighty").

По мнѣнію англійскихъ экономистовъ, никто не выяснилъ выгодъ, извлекаемыхъ изъ фритредерства, нагляднѣе и убѣдительнѣе Адама Смита. Въ классическомъ своемъ трудѣ о богатствѣ народовъ, Смитъ берется убѣдить своихъ соотечественниковъ въ вѣрности провозглашаемой французскими экономистами XVIII-го столѣтія, такъ-называемыми физіократами, теоріи свободной торговли, приведеніемъ благопріятныхъ послѣдствій раздѣленія промышленнаго труда. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію тотъ давно провѣренный на практикѣ фактъ, что организація и спеціализація труда увеличиваютъ его производительность. Но является вопросомъ, возможно ли примѣнить принципъ раздѣленія труда къ цѣлымъ государствамъ. Отношенія между отдѣльными государствами врядъ ли уподобляемы отношеніямъ рабочихъ, продѣлывающихъ каждый свои отдѣльные промышленные пріемы по выработанному работодателемъ общему плану. Меркантилисты въ своей узко-торговой логикѣ, очевидно, упускаютъ изъ виду цѣли, для исполненія которыхъ возникъ государственный строй и которымъ всякое государство, по своему существу, должно служить. Главная задача для каждаго государства кроется въ поддержаніи своего могущества, какъ политическая и экономическая единица въ международномъ общеніи. Аристотель считалъ первымъ основнымъ условіемъ для существованія государства, чтобы оно было способно само удовлетворять своимъ потребностямъ. Принципъ торговаго laisser faire часто не совмѣстимъ съ развитіемъ политическихъ и экономическихъ силъ государства, чего, между прочимъ, Англія, какъ выше изложено, можетъ слу-

жить хорошимъ примѣромъ. Изъ новѣйшей исторіи особенно нагляденъ примѣръ южной Италіи, находящейся въ экономическомъ упадкѣ, хотя она покончила съ отсталымъ Бурбонскимъ режимомъ и нынѣ вошла въ лоно просвѣщеннаго общеитальянскаго государства. Причина этого явленія кроется всецѣло въ обязательной для чисто-земледѣльческой южной Италіи свободной торговли съ промышленнымъ сѣверомъ объединеннаго полуострова. При свободномъ наводненіи ея рынковъ индустріальными продуктами сѣвера, южная Италія никакъ не можетъ завести у себя собственной промышленности, и при невыгодномъ обмѣнѣ своихъ сырыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ она, конечно, нищенствуетъ. Принципъ торговаго laisser faire не имѣетъ абсолютнаго, вездѣ и всегда примѣнимаго достоинства, но приноситъ пользу лишь при наличности извѣстныхъ экономическихъ условій. Въ серединѣ прошлаго столѣтія Англія оказалась какъ разъ въ экономическихъ условіяхъ, позволившихъ ей упразднить большую часть своего таможеннаго тарифа. Поэтому тарифная реформа Гладстона въ 1853 году могла освободить не менѣе 123 статей привоза отъ взиманія всякой пошлины и уменьшила таковую на 146 статей. Сырые и полуобработанные продукты впредь болѣе не облагались никакими пошлинами. Но дифференціальныя пошлины въ пользу англійскихъ колоній еще оставались въ силѣ до англо-французскаго трактата 1860 года, такъ-называемаго Кобденскаго трактата, заключеннаго между англійскимъ уполномоченнымъ Кобденомъ и французскимъ—Мишелемъ Шевалье, которымъ Франція обязалась не взимать съ привозимыхъ изъ Великобританіи товаровъ пошлины, превышающей 30% ad valorem, взамѣнъ чего Соединенное-Королевство отказалось отъ взиманія всякихъ ввозныхъ пошлинъ, за исключеніемъ сбора съ извѣстныхъ привозимыхъ изъ-за-границы продуктовъ потребленія. Съ тѣхъ поръ Великобританія придерживалась политики свободной торговли въ общихъ чертахъ, причемъ она, однако, покрывала приблизительно одну-четвертую своихъ государственныхъ расходовъ высокими ввозными пошлинами на какао, цикорій, кофе, коринку, изюмъ, винныя ягоды, черносливъ, ромъ, коньякъ, чай, табакъ, вино, пиво и другіе спиртные напитки и на игральныя карты.

Если бы статистика доказала, что другія страны стали успѣшно соперничать съ Великобританіею въ изготовленіи и вывозѣ фабричныхъ продуктовъ, то разсчетъ, побудившій Англію 60 лѣтъ тому назадъ водворить у себя свободную торговлю, пересталъ

бы быть вѣрнымъ въ настоящее время, вслѣдствіе перемѣнившихся съ тѣхъ поръ обстоятельствъ.

IV.

По свѣдѣніямъ, публикуемымъ англійскимъ департаментомъ торговли [1]), усматривается, что Германія и Сѣв.-Амер. Соедин. Штаты съ 1880 по 1901 г. увеличили свой вывозъ—первая на 42,3%, вторые—на 75%, тогда какъ Соединенное-Королевство за то же время увеличило свой вывозъ лишь на 11,3%. Съ другой стороны, привозъ обработанныхъ и полуобработанныхъ продуктовъ возросъ въ Великобританіи за то же время на 41,7%, тогда какъ онъ достигъ въ Германіи лишь 26,5% и въ Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ лишь 16,9%,—другими словами, Германія и Соед. Штаты значительно превзошли Соед. Королевство приростомъ въ вывозѣ и сокращеніемъ въ привозѣ обработанныхъ и полуобработанныхъ продуктовъ. Значитъ, не осуществились мечты англійскихъ фритредеровъ, считавшихъ обрабатывающую промышленность исключительнымъ достояніемъ Великобританіи. Допуская ошибочность этого предположенія, англійскіе фритредеры, однако, заявляютъ, что изъ сравненія прироста вывоза и привоза мануфактурныхъ продуктовъ въ названныхъ трехъ странахъ не слѣдуетъ приходить къ неблагопріятному для Англіи выводу, ибо естественно, что только недавно начавшіе свою промышленную карьеру Германія и Сѣв.-Амер. Соед. Штаты пошли впередъ быстрѣе Великобританіи, потому что находились прежде на несравненно болѣе низкомъ уровнѣ промышленнаго развитія. Но картина упадка промышленности и торговли въ Великобританіи выступаетъ еще рельефнѣе, если ограничиться сравненіемъ привоза и вывоза мануфактурныхъ товаровъ въ одномъ Соединенномъ-Королевствѣ. Изъ свѣдѣній англійской оффиціальной статистики усматривается, что вывозъ мануфактурныхъ товаровъ изъ Великобританіи въ отношеніи къ численности народонаселенія Соединеннаго-Королевства за послѣднія двадцать лѣтъ сократился, тогда какъ привозъ таковыхъ въ томъ же отношеніи увеличился. Если при этомъ не упускать изъ вида, что за

---

[1]) Memoranda, statistical tables and charts prepared in the Board of Trade with reference to various matters bearing on British and foreign trade and industrial conditions. London, 1903, стр. 5—9.

то же время общій итогъ привоза и вывоза въ Соединенномъ-Королевствѣ увеличился, то станетъ яснымъ, что характеръ торговыхъ оборотовъ Великобританіи подвергся существенному измѣненію въ томъ смыслѣ, что экспортъ обработанныхъ товаровъ сократился, сырыхъ же матеріаловъ увеличился, въ то время какъ, наоборотъ, импортъ обработанныхъ товаровъ увеличился, а сырыхъ матеріаловъ сократился.

При наличности подобнаго неотраднаго факта нельзя не придти къ заключенію, что пассивъ торговаго баланса Великобританіи врядъ ли всецѣло покрывается прибылью, получаемою отъ судоходства и отъ иностранныхъ фондовъ. Благосостояніе страны, которая подобно Великобританіи живетъ, уничтоживъ свое хлѣбопашество, почти исключительно выдѣлкою и обрабатываніемъ сырыхъ продуктовъ, должно страдать отъ всякаго увеличенія привоза таковыхъ при одновременномъ сокращеніи въ вывозѣ обработанныхъ продуктовъ. Изъ сравненія цифръ вывоза и привоза мануфактурныхъ продуктовъ изъ Великобританіи въ главныя государства и въ Великобританію, оттуда же въ 1890 и 1902 гг., явствуетъ, что въ 1890 году привозъ мануфактурныхъ продуктовъ изъ названныхъ странъ въ Великобританію превысилъ вывозъ оттуда на 4.997.196 ф. ст., а въ 1902 году уже на 43.681.374 ф. ст.

Въ будущемъ же разница эта, по всей вѣроятности, еще увеличится въ ущербъ Великобританіи. По имѣющимся достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, перепроизводство мануфактурныхъ продуктовъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ близкомъ будущемъ достигнетъ небывалыхъ размѣровъ, и тогда на англійскомъ рынкѣ появится неудержимый никакими привозными пошлинами избытокъ этого перепроизводства для продажи по убыточнымъ цѣнамъ, съ которыми англійская обрабатывающая промышленность не будетъ въ состояніи конкуррировать.

V.

Промышленное производство Германіи и Соединенныхъ Штатовъ за послѣднія двадцать лѣтъ не только возросло сильнѣе производства Великобританіи, но во многихъ отрасляхъ даже опередило его. Усматривается это особенно наглядно въ области желѣзной и угольной промышленности. Не существуетъ отрасли промышленности или торговли Соединеннаго-Королевства, въ которой замедленіе въ сравненіи съ дѣятельностью Германіи и Соединенныхъ Штатовъ обрисовалось бы такъ ясно, какъ въ про-

мышленности и торговлѣ желѣзомъ и сталью. Богатая каменнымъ углемъ и желѣзною рудою родина изобрѣтателя паровой машины—Джемса Ватта, паровоза—Джоржа Стивенсона, стальной нарѣзной пушки и усовершенствованной гидравлической машины—Вильяма Армстронга, пользовалась до послѣдней четверти истекшаго столѣтія подавляющимъ міровымъ первенствомъ во всѣхъ отрасляхъ желѣзной и стальной промышленности. Однако, въ послѣдней четверти XIX столѣтія дѣятельность Великобританіи сильно замедлилась. Съ 1870 до 1903 г. міровая добыча желѣзной руды увеличилась съ 25 до 101 милліона тоннъ, чугуна—съ 12 до 46$^1/_2$ милліоновъ тоннъ, стали—съ 787.000 тоннъ до 36 милліоновъ. Въ этомъ огромномъ развитіи желѣзной и стальной промышленности Великобританія не удержала за собою занимаемаго ею прежде господствующаго мѣста. Въ 1880 г. добыча бессемеровской стали въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ начала превышать добычу ея въ Соединенномъ Королевствѣ; въ 1886 году первенство въ производствѣ кованнаго желѣза также было утрачено Великобританіею; въ 1890 году доля добытаго ею чугуна въ первый разъ оказалась меньше доли, добытой въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатахъ, и съ тѣхъ поръ все болѣе отъ нея отстаетъ. Добыча чугуна въ Германіи также опередила добычу въ Соединенномъ-Королевствѣ. Наконецъ, въ 1899 г. количество произведенной въ Великобританіи мартэновской стали оказалось меньше количества, произведеннаго въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, а въ истекшемъ 1906 году Великобританія произвела лишь 10 милліоновъ тоннъ чугуна, противъ 12 милліоновъ и 25 милліоновъ, добытыхъ Германіею и Соединенными Штатами за то же время. Въ стальной промышленности полученные въ Соединенномъ-Королевствѣ результаты также далеко отстоятъ отъ тѣхъ, которые достигнуты его обѣими главными промышленными конкуррентами—Германіею и Соединенными Штатами. Для государства, обосновавшаго свое экономическое бытіе главнымъ образомъ на фабрично-заводской промышленности и занимавшаго, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, первенствующее мѣсто между другими цивилизованными странами во всѣхъ главныхъ отрасляхъ крупной промышленности, такое явленіе прямо тревожно.

Первенство въ угольной промышленности перешло, семь лѣтъ тому назадъ, отъ Великобританіи къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, производящимъ нынѣ 37% общей міровой добычи угля, противъ 26$^1/_2$%, добываемыхъ Соединеннымъ-Королевствомъ. Соединенные Штаты, располагающіе, приблизительно,

200.000 квадратныхъ миль угольныхъ залежей, въ настоящее время ежегодно производятъ излишекъ въ 89.000.000 тоннъ, въ сравненіи съ Великобританіею, обладающею лишь 14.000 квадр. милями угольныхъ пластовъ, разработка которыхъ сопряжена съ бо́льшими расходами, чѣмъ издержки, производимыя по разработкѣ угля въ Соединенныхъ Штатахъ.

Правда, что вывозъ каменнаго угля изъ Великобританіи изъ года въ годъ возрастаетъ, но получаемая отъ этого прибыль въ концѣ концовъ не можетъ покрыть всѣ недочеты внѣшней торговли Великобританіи. Если суждено, что когда-нибудь ея торговые обороты съ иностранными націями перестанутъ имѣть характеръ обмѣна англійскихъ обработанныхъ продуктовъ противъ иностранныхъ сырыхъ, то самый жизненный нервъ ея колоссальнаго богатства будетъ смертельно пораженъ, ибо иностранныя государства обогатили ее тѣмъ, что предоставили ей вывозить продукты болѣе прибыльной обрабатывающей промышленности и удовольствовались хлѣбопашествомъ и другими менѣе выгодными, въ отношеніи мірового торговаго обмѣна, промыслами.

Соразмѣрно съ увеличившимся народонаселеніемъ земного шара и съ развитіемъ всемірнаго богатства, покупательная способность и привозъ культурныхъ странъ возросли. Чтобы судить о томъ, двигаются ли промышленность и торговля Великобританіи по восходящей или по нисходящей линіи, интересно установить, увеличила ли она или уменьшила за послѣднія 25 лѣтъ свое участіе въ общемъ привозѣ на главныхъ всемірныхъ рынкахъ. На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ интересная статья извѣстнаго экономиста И. Голтъ-Скулинга въ мартовской книжкѣ 1906 года журнала „The National Review". Оказывается, что съ десятилѣтія 1880—1889 по десятилѣтіе 1895—1904 процентное отношеніе привезенныхъ изъ Великобританіи товаровъ къ общему привозу упало въ Соединенныхъ Штатахъ съ 24,9, до 18,9; въ Германіи—съ 14,8 до 11,6; во Франціи—съ 13,5 до 12,8; въ Бельгіи—съ 13,2 до 11,1; въ Голландіи—съ 25,2 до 14,0; въ Италіи—съ 21,6 до 18,5; въ Китаѣ—съ 23,9 до 17,3; въ Японіи—съ 42,2 до 23,3; въ Россіи, съ десятилѣтія 1884—1893 по десятилѣтіе 1894—1903,—съ 23,8 до 19,2 [1]). Лишь на сравнительно незначительныхъ рынкахъ Испаніи, Аргентинской республики, Швеціи, Норвегіи и Португаліи положеніе

[1]) Автору не удалось заручиться данными относительно привоза въ Россію англійскихъ товаровъ до 1884 года.

Великобритании не измѣнилось къ худшему, но даже улучшилось.

Въ самомъ Соединенномъ-Королевствѣ возрастающая зависимость народонаселенія отъ производства колоній и чужихъ странъ выражается въ постепенно увеличивающейся пассивности торговаго баланса. Великобританія за послѣднія десять лѣтъ привозила ежегодно, среднимъ числомъ, на 161 милл. ф. ст. болѣе, чѣмъ она вывозила. Но фритридеры нисколько не смущаются огромнымъ избыткомъ привоза надъ вывозомъ. Они не только предполагаютъ, что этотъ огромный минусъ съ излишкомъ покрывается барышами великобританскаго судоходства, оцѣненными ими въ 90 милл. ф. ст., процентами и дивидендами съ капиталовъ, помѣщенныхъ въ заграничныхъ предпріятіяхъ, государственныхъ займовъ и т. д., и доходомъ съ банковыхъ операцій для иностранцевъ, но они вообще считаютъ превышеніе привоза надъ вывозомъ благопріятнымъ явленіемъ, доказывающимъ богатство и покупательную способность страны. По ихъ мнѣнію, главный признакъ экономическаго благосостоянія кроется не въ значительно возраставшей за послѣднія 30 или 40 лѣтъ въ Великобританіи международной торговлѣ, а въ народномъ потребленіи. Даже факты, явно имѣющіе губительное вліяніе на англійскую промышленность, какъ, напримѣръ, отказъ промышленныхъ рабочихъ отъ работы, тогда какъ хозяевамъ приходится содержать свои заведенія и за время, когда рабочіе своевольно празднуютъ, и рисковать штрафами за несвоевременное исполненіе заказовъ, истолковываются ими въ благопріятномъ смыслѣ. Они въ подобныхъ фактахъ лишь усматриваютъ, что трудъ англійскаго рабочаго хорошо оплачивается и позволяетъ ему пользоваться широкимъ отдыхомъ.

Нельзя не согласиться съ фритредерами въ томъ, что одинъ фактъ превышенія вывоза надъ привозомъ не можетъ служить безусловнымъ доказательствомъ экономическаго процвѣтанія страны. Напримѣръ, въ Россіи и Соединенныхъ-Штатахъ избытокъ вывоза надъ привозомъ является послѣдствіемъ задолженности этихъ странъ чужеземнымъ кредиторамъ, съ которыми онѣ такимъ образомъ расплачиваются. Но изъ этого ёще не выходитъ, что, наоборотъ, излишекъ привоза надъ вывозомъ всегда доказываетъ экономическое процвѣтаніе страны. Потребленіе можетъ быть послѣдствіемъ дѣйствительнаго богатства или же лишь расточительности и непредусмотрительности. Для сужденія о благосостояніи народа существеннѣе всего его производительность, ибо громадное большинство народонаселенія одновременно является по-

требителемъ и производителемъ, и является потребителемъ лишь настолько, насколько оно снискиваетъ средства для потребленія собственнымъ производительнымъ трудомъ. Одно потребленіе могло бы служить главнымъ мѣриломъ экономическаго состоянія страны лишь въ томъ случаѣ, если потребленіе не стояло бы въ причинной связи съ производительностью. Если, поэтому, вслѣдствіе возрастающей всемірной конкурренціи, Великобританія не могла удержать за собою на главныхъ международныхъ рынкахъ принадлежащаго ей до сихъ поръ пропорціональнаго участія въ привозѣ, и одновременно значительно увеличила свое потребленіе, то нельзя не придти къ заключенію, что экономическія дѣла Соединеннаго-Королевства, въ лучшемъ случаѣ, перестали двигаться по восходящей линіи.

Если сравнить статистическія данныя, относящіяся къ подоходному налогу, взимаемому въ Великобританіи и Германіи, то наталкиваемся на то знаменательное явленіе, что доходъ германскихъ зажиточныхъ классовъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ увеличился на пять разъ больше, чѣмъ доходъ великобританскихъ зажиточныхъ классовъ, а если справиться относительно статистическихъ данныхъ сберегательныхъ кассъ въ тѣхъ же странахъ, то усматривается, что сбереженія германскихъ мелкихъ сберегателей, т.-е. рабочихъ и тому подобныхъ лицъ, увеличились въ послѣднія шесть лѣтъ на десять разъ больше, чѣмъ сбереженія великобританскихъ мелкихъ сберегателей. Въ Соединенныхъ-Штатахъ среднее число сбереженій, вложенныхъ въ сберегательныя кассы въ 1898 году, равнялось 131 доллару, тогда какъ то же число въ Великобританіи опредѣлялось лишь въ 23,60 долларовъ [1]). Эти и разные другіе факты одинаковаго значенія приводятъ къ заключенію, что благосостояніе главныхъ индустріальныхъ и торговыхъ соперницъ Великобританіи—Германіи и Соединенныхъ-Штатовъ—быстро возрастаетъ, тогда какъ Великобританія остается приблизительно на томъ же экономическомъ уровнѣ.

VI.

Для защиты великобританской производительности и борьбы съ всемірной конкурренціей глава бывшаго консервативнаго кабинета, состоящій нынѣ лидеромъ оппозиціи, А. Бальфуръ, рѣшился высказаться въ пользу примѣненія возмездія иностраннымъ

---

[1]) Brooks Adams, „American Supremacy“, стр. 217.

государствамъ, облагающимъ англійскіе фабрикаты привозною пошлиною. Въ произнесенной Бальфуромъ 1 октября 1903 года въ Шеффильдѣ програмной рѣчи и въ его посвященной фискальной политикѣ брошюрѣ [1]), онъ указалъ на то, что остальныя страны, противъ ожиданія Кобдена, не послѣдовали примѣру Англіи, вслѣдствіе чего главное условіе для выгодности свободной торговли не осуществилось. Великобританія-де, такимъ образомъ, очутилась въ невыгодномъ и опасномъ положеніи борца, сражающагося съ противниками, покрытыми непроницаемою бронею. Чтобы уравновѣсить шансы въ международной торговой конкурренціи, требуется, по увѣренію Бальфура, отреченіе отъ безпомощнаго въ боевомъ отношеніи принципа свободной торговли и переходъ къ политикѣ возмездія, позволяющей отвѣтить на протекціонные и запретительные тарифы иностранныхъ государствъ подобными же мѣрами. Тогда великобританскому правительству возможно будетъ войти въ соглашенія съ иностранными правительствами и выговорить для Соединеннаго-Королевства подобающія льготы для ввоза своихъ продуктовъ, взамѣнъ допущенія иностранныхъ товаровъ въ Великобританію.

Такимъ образомъ, Бальфуръ мотивируетъ угрозу по адресу иностранныхъ государствъ непослѣдованіемъ ими примѣру Великобританіи,—какъ будто Соединенное-Королевство перешло къ свободной торговлѣ, въ извѣстныхъ границахъ, дѣйствительно, на томъ основаніи, что нуждалось въ примѣненіи другими странами того же принципа фритредерства. Это совершенно невѣрно. Англичане ввели у себя свободную торговлю въ виду того, что имъ тогда было незачѣмъ бояться конкурренціи другихъ народовъ въ области обрабатывающей промышленности, и что этотъ принципъ для нихъ былъ чрезвычайно выгоднымъ, а нисколько не изъ человѣколюбія, чтобы этимъ дать хорошій примѣръ другимъ народамъ и распространить блага фритредерства по всему земному шару. Пора перестать вѣрить въ эту фарисейскую сказку Кобдена. Изъ примѣненія принципа свободной торговли англичане извлекали для себя пользу, пока не зародилась въ другихъ странахъ та же обрабатывающая промышленность, не открылись въ нихъ угольныя копи и рудники, и не проявилась у англичанъ та неподвижность, то преувеличенное самомнѣніе, та лѣнивая самоувѣренность, которыя часто являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ слишкомъ долго продолжавшагося, никѣмъ неоспореннаго превосходства. Если бывшій глава великобританскаго пра-

[1]) „Economic Notes", London 1903.

вительства совѣтовалъ Англіи вернуться къ протекціонизму, то онъ дѣйствуетъ подъ давленіемъ измѣнившихся обстоятельствъ міровoго рынка и возникшей иностранной конкурренціи, но онъ при этомъ подкапываетъ самую почву, на которой выросло чрезвычайное богатство Англіи.

Но въ практическомъ отношеніи претензія англичанъ на безпошлинный пропускъ ихъ товаровъ, на томъ, будто бы, основаніи, что ими соблюдается принципъ свободной торговли, врядъ ли справедлива. Британская имперія, со включеніемъ ея колоній, обнимаетъ 30.596.613 квадратныхъ километровъ, съ общимъ народонаселеніемъ въ 398.730.145 душъ. Изъ этого пространства лишь Англія, Валлисъ, Шотландія и Ирландія, острова Мэнъ и Ламаншскаго канала, представляющіе, вмѣстѣ взятые, 314.869 кв. миль и населенные 45.522.926 душами, по общепринятому въ Англіи взгляду, пользуются фритредерствомъ, а вся остальная часть Британской имперіи, по дарованной англійскимъ колоніямъ политико-экономической автономіи, завела у себя строжайшій протекціонизмъ, для покровительства и развитія собственной молодой обрабатывающей промышленности. Такимъ образомъ, лишь 1 процентъ всего пространства Британской имперіи и лишь 10,7 процентовъ ея общаго народонаселенія слѣдуютъ экономической политикѣ, называемой въ Англіи фритредерствомъ.

Въ Великобританіи въ сущности никогда и не было полной свободной торговли. Соединенное-Королевство взимаетъ таможенный сборъ съ цѣлаго ряда товаровъ. Въ финансовомъ году, окончившемся 31-го марта 1903 года, Великобританія взимала слѣдующіе таможенные сборы [1]).

Вывозная пошлина на уголь выручила	2.051.653	ф. ст.
Привозная „ „ какао „	270.917	„
„ „ „ цикорій и кофе.	242.426	„
„ „ „ чай	6.559.705	„
„ „ „ зерновой хлѣбъ.	101.234	„
„ „ „ коринку	106.615	„
„ „ „ виноградъ.	230.662	„
„ „ „ винныя ягоды, сливы . . .	112.465	„
„ „ „ ромъ.	2.241.769	„
„ „ „ коньякъ	1.211.956	„
„ „ „ прочіе крѣпкіе напитки . .	1.004.457	„
„ „ „ сахаръ и сахарныя издѣлія.	5.725.913	„

[1]) Выбираемъ 1903 годъ, какъ наиболѣе подходящій для сравненія доходовъ Великобританіи и Россіи въ виду тогдашняго мирнаго положенія обоихъ государствъ. Свѣдѣнія заимствованы изъ 48-th Report of the Commissioners of His Majesty's Customs, Eyre & Spottiswoode, 1904.

Привозная пошлина на вина		1.335.792 ф. ст.
" " " табакъ всѣхъ сортовъ	. .	12.627.059 "
" " " другіе предметы		98.699 "

Общею сложностью таможенный сборъ выразился 33.921,322 ф. ст.,—что составляетъ 23,9 процентовъ всего государственнаго дохода Великобританіи, достигшаго въ финансовомъ 1902-3 году до 141.546.152 фунт. стерл. Въ Россіи же итогъ всѣхъ взысканныхъ въ финансовомъ 1903 году таможенныхъ сборовъ выразился 241.466.152 рублями (по нормальному курсу 1 ф. ст.—9,4575 руб.) — 25.531.710 ф. ст., т. е. на 8.389.612 ф. ст., или 24,5 процентовъ *меньше*, чѣмъ таможенный сборъ, взысканный въ Великобританіи. Весь доходъ россійской казны въ финансовомъ 1903 году равнялся 2.031.800.814 рублямъ. Изъ этой цифры взысканный въ томъ же году таможенный сборъ составилъ лишь 11,9 процентовъ, или на 12,6 процентовъ *меньше*, чѣмъ процентное отношеніе таможеннаго сбора въ Англіи къ цифрѣ общаго англійскаго государственнаго дохода. Такимъ образомъ обнаруживается, что называющіеся фритредерами англичане взимаютъ гораздо больше таможенныхъ сборовъ, не только абсолютно, но и по отношенію къ общему государственному приходу, чѣмъ осуждаемая ими за крайній протекціонизмъ Россія. Правда, англійскій таможенный тарифъ существуетъ лишь для фискальныхъ цѣлей, но такая постановка вопроса, хотя и соотвѣтствуетъ теоріи фритредеровъ, на практикѣ международныхъ сношеній весьма сбивчива. Англійскіе коммерсанты жалуются не на покровительственный характеръ русскихъ таможенныхъ сборовъ, а на самое *взиманіе* таковыхъ въ Россіи съ нѣкоторыхъ статей ихъ вывоза туда. Съ одинаковымъ правомъ русскіе коммерсанты могли бы жаловаться на взиманіе въ Англіи таможенныхъ пошлинъ съ привозимыхъ туда табака, сахара и т. п. Для нихъ безразлично, придаетъ ли Англія этимъ сборамъ фискально-фритредерское или протекціонное значеніе, уже не говоря о томъ, что привозная пошлина съ табака, какао и спиртныхъ напитковъ имѣетъ неотрицаемо протекціонный смыслъ для англійскаго производства этихъ продуктовъ. Стало быть, отношенія россійскаго и англійскаго правительствъ къ русско-англійской торговлѣ, съ практической точки зрѣнія, вовсе не различаются другъ отъ друга. Поэтому сѣтованіе англичанъ на протекціонизмъ Россіи и вся пускаемая ими въ ходъ агитація о желаемомъ примѣненіи таможенныхъ репрессалій противъ Россіи, въ дѣйствительности не имѣютъ основанія, въ виду того, что будто бы фритредерски-обезоруженная Великобританія дѣй-

ствительно не отличается отъ всѣхъ другихъ странъ, облагающихъ международныя торговыя сношенія извѣстными таможенными пошлинами, по собственнымъ соображеніямъ.

VII.

Примѣненіе Великобританіею боевыхъ пошлинъ къ иностраннымъ товарамъ для Великобританіи на практикѣ, вообще говоря, не удобоисполнимо. Но, съ другой стороны, неоспоримо, что идея таможеннаго соглашенія всѣхъ владѣній Великобританіи, соединенныхъ въ одну имперіалистскую федерацію, не только осуществима, но все болѣе получаетъ практическое значеніе. Въ 1887 году англійское правительство сдѣлало первый шагъ къ учрежденію федераціи съ колоніями, пригласивъ колоніальныя правительства на конференцію въ Лондонѣ. Собравшійся въ первый разъ съѣздъ оффиціальныхъ представителей всѣхъ самоуправляющихся и нѣкоторыхъ другихъ колоній для обсужденія дѣлъ, касающихся всей имперіи, означалъ установленіе новаго порядка вещей. На слѣдующемъ колоніальномъ съѣздѣ, состоявшемся въ 1897 году также въ Лондонѣ, представители колоній пришли къ тому заключенію, что онѣ дадутъ предпочтеніе продуктамъ изъ метрополіи, если та введетъ у себя предпочтительные тарифы въ пользу привоза изъ британскихъ колоній. Самымъ ярымъ защитникомъ особыхъ торговыхъ соглашеній съ метрополіею явилось правительство Канады, и когда, вслѣдствіе введенія высоко-протекціоннаго тарифа Динглея въ Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ, ея торговыя сношенія съ Штатами очутились въ невыгодномъ положеніи, Канада рѣшилась новымъ тарифомъ, принятымъ ея парламентомъ 23 апрѣля 1897 г., дать провенансамъ изъ Великобританіи и Новой Зеландіи предпочтеніе уменьшеніемъ ставокъ общаго тарифа для нихъ на 25%. Съ своей стороны, Великобританія содѣйствовала Канадѣ отказомъ, въ 1899 году, отъ дальнѣйшаго продолженія договора съ Германіею и Бельгіею, запрещающаго введеніе предпочтительныхъ тарифовъ въ Канадѣ въ пользу британскихъ провенансовъ. Германія и Бельгія затѣмъ попытались отомстить Канадѣ за предоставленное ею великобританскимъ провенансамъ предпочтеніе, повысивъ у себя пошлины на канадскіе привозные продукты, но безуспѣшно,—въ 1900 году Канада повысила свою предпочтительную льготу для великобританскихъ товаровъ до $33^1/_2$%.

Затѣмъ однообразное понижение существующихъ ставокъ для

великобританскихъ провенансовъ было замѣнено новымъ канадскимъ тарифомъ 1906 года, которымъ установляется дифференціація предпочтенія въ пользу метрополіи для каждаго предмета въ отдѣльности, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочтеніе это меньше прежнихъ 33%, а въ другихъ — больше. Вообще говоря, новый тарифъ Канады руководствуется принципомъ, что все то, что не можетъ быть произведено въ ея предѣлахъ, должно быть, по возможности, получаемо изъ Великобританіи, причемъ этотъ принципъ распространенъ также на группу до сихъ поръ безпошлинныхъ товаровъ, не могущихъ быть производимыми въ Канадѣ, но для которыхъ введено предпочтеніе, позволяющее имъ быть преимущественно великобританскаго происхожденія. Такимъ образомъ, новый канадскій тарифъ является новымъ шагомъ впередъ къ примѣненію имперіализма и принципа предпочтенія, дарованнаго великобританской метрополіи. Устанавливаются три различныхъ разряда таможеннаго обложенія: 1) предпочтительный тарифъ для товаровъ происхожденія изъ Великобританіи и изъ тѣхъ колоній, которыя находятся въ договорныхъ, основанныхъ на взаимности торговыхъ сношеніяхъ съ Канадою; 2) средній (intermediate) тарифъ, примѣняемый къ товарамъ странъ, находящихся въ торгово-договорныхъ сношеніяхъ съ Канадою, и, наконецъ, 3) общій тарифъ для всѣхъ прочихъ странъ, которыя до сихъ поръ отклонялись отъ торговыхъ съ нею сношеній на основаніи взаимности.

Примѣру экономическаго имперіализма Канады послѣдовала южно-африканская колонія, усвоившая преференціальную торговую политику, предоставивъ товарамъ великобританскаго происхожденія, подлежащимъ перевозкѣ по южно-африканскимъ желѣзнымъ дорогамъ, скидку до 25% съ общаго тарифа. Можно ожидать дальнѣйшихъ мѣръ въ томъ же направленіи, ибо голландская и прогрессивная партіи одинаково склонны принять преференціальныя мѣры въ пользу Великобританіи. Австралія также благосклонно относится къ осуществленію того же принципа предпочтенія.

На третьемъ съѣздѣ колоніальныхъ министровъ-президентовъ въ Лондонѣ, состоявшемся по случаю коронаціи короля Эдуарда VII, въ іюлѣ 1902 года, была принята нижеслѣдующая резолюція. Съѣздъ признаетъ, что принципъ преференціальныхъ тарифовъ между Соединеннымъ - Королевствомъ и британскими колоніями поощрилъ и облегчилъ бы обоюдныя торговыя сношенія и упрочилъ бы имперію, содѣйствуя развитію рессурсовъ и промышленности разныхъ составныхъ ея частей. Но при настоящихъ

условіяхъ, въ которыхъ находятся великобританскія колоніи, не представляется удобоисполнимымъ принять общую систему свободной торговли между метрополіею и ея колоніями. Для того, однако, чтобы споспѣшествовать увеличенію торговыхъ сношеній внутри границъ имперіи, является желательнымъ, чтобы колоніи, которыя еще не примѣняли подобной политики, предоставили, насколько это вообще исполнимо, существенную преференціальную льготу продуктамъ, происходящимъ изъ Соединеннаго - Королевства. Министры-президенты колоній предлагаютъ на обсужденіе великобританскаго правительства вопросъ о цѣлесообразности предоставленія Соединеннымъ - Королевствомъ преференціальныхъ льготъ продуктамъ и издѣліямъ, происходящимъ изъ британскихъ колоній, путемъ освобожденія ихъ отъ пошлинъ, налагаемыхъ по общему тарифу или уменьшенія таковыхъ въ ихъ пользу.

Затѣмъ, на засѣдавшей въ 1907 году въ Лондонѣ четвертой по числу конференціи премьеровъ британскихъ колоній, прежнее рѣшеніе въ пользу предоставленія колоніями преимуществъ издѣліямъ метрополіи было подтверждено и дополнено заявленіемъ о желательности предоставленія Соединеннымъ-Королевствомъ, въ свою очередь, нѣкоторыхъ преимуществъ британскимъ колоніямъ. Большинство премьеровъ высказались въ смыслѣ крайней желательности примѣненія метрополіею протекціоннаго тарифа, меньшинство же—и въ томъ числѣ Муръ, министръ президентъ Наталя—имѣли въ виду пока еще не отказаться отъ существующей въ Великобританіи фискальной системы, но провести предпочтеніе колоніямъ уменьшеніемъ Великобританіею по отношенію къ ихъ продуктамъ пошлинъ на вино, сахаръ, табакъ и чай. Но предложеніе какого бы то ни было таможеннаго предпочтенія, даруемаго колоніямъ, конечно, не могло возбудить симпатій теперешняго фритредерскаго кабинета. Оно было отвергнуто имъ, однако при одновременномъ заявленіи, что великобританское правительство не встрѣчаетъ препятствій къ протекціонной таможенной политикѣ колоній и къ заключенію ими между собою основанныхъ на взаимности и предпочтеніи торговыхъ договоровъ.

Конференціи колоніальныхъ премьеровъ также не удалось осуществить ихъ предложеніе общей имперской обороны и имперскаго совѣта. Но зато Великобританія заявила готовность сблизить колоніи съ метрополіею улучшеніемъ сообщеній между ними. Первый шагъ въ этомъ направленіи будетъ сдѣланъ правительственными субсидіями въ пользу пароходныхъ линій, со-

единяющихъ Канаду съ Великобританіею. Конференція учредила постоянный имперскій секретаріатъ въ министерствѣ колоній, на который налагалась обязанность приготовить и разработать всѣ вопросы, поступающіе на обсужденіе колоніальныхъ конференцій, имѣющихъ быть созванными черезъ каждые четыре года. Кромѣ того установлено, что въ промежуткахъ между ординарными конференціями могутъ состояться добавочные съѣзды представителей колоній. Подводя итоги конференціи 1907 года, нельзя не замѣтить, что она является новымъ шагомъ въ направленіи къ установленію болѣе тѣсныхъ узъ колоній съ метрополіею, хотя пока еще и не удалось склонить Великобританію къ оказываемому колоніямъ предпочтенію.

Если, такимъ образомъ, расположеніе британскихъ колоній къ введенію преференціальныхъ тарифовъ уже вполнѣ выяснилось въ принципѣ и на практикѣ, то, съ другой стороны, въ самой Великобританіи число приверженцевъ перемѣны таможенной политики въ пользу протекціонизма и предпочтенія колоніальнымъ продуктамъ возрастаетъ. Поворотъ въ умахъ англичанъ въ пользу новой таможенной системы совершается медленно, какъ подобаетъ націи, главная отличительная черта которой кроется, какъ извѣстно, въ консерватизмѣ. Такъ, напримѣръ, на состоявшемся въ 1906 году конгрессѣ великобританскихъ торговыхъ палатъ и бюро въ Лондонѣ, 105 изъ нихъ высказались въ пользу предпочтительной таможенной системы противъ только 41; 21 торговая палата пожелали остаться нейтральными, и въ томъ числѣ лондонская торговая палата. Эта послѣдняя уже въ слѣдующемъ, 1907 году пристала къ протекціонизму, рѣшивъ большинствомъ голосовъ на засѣданіи въ мартѣ текущаго года, что существующая въ Соединенномъ-Королевствѣ таможенная система „должна быть измѣнена для того, чтобы укрѣпить на экономической почвѣ узы, связывающія отдѣльныя части имперіи между собою, и чтобы одновременно создать новый источникъ государственныхъ доходовъ путемъ взиманія таможенныхъ пошлинъ съ привозныхъ иностранныхъ издѣлій, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, явится средствомъ охраны британской промышленности отъ недобросовѣстной конкурренціи иностранныхъ государствъ“. Резолюція эта была разослана всѣмъ членамъ палаты съ просьбою сообщить свое мнѣніе и путемъ такого опроса выяснить окончательно настроеніе дѣловыхъ сферъ крупнѣйшаго центра великобританскаго торговаго міра.

Однако, пропаганда Чемберлэна и Бальфура объ установленіи протекціонной и преференціальной таможенной системы по-

лучила серьезную задержку, когда, на новыхъ парламентскихъ выборахъ, происходившихъ въ началѣ 1906 года, либеральная партія, издавна отождествляющаяся съ принципомъ свободной торговли, получила громадное большинство голосовъ великобританскихъ избирателей. Но эта побѣда врядъ ли можетъ быть истолкована въ смыслѣ окончательнаго рѣшенія животрепещущаго вопроса, затрагивающаго самыя условія существованія Британской имперіи. Нельзя не принять во вниманіе, что побѣда либераловъ-виговъ была обусловлена разными обстоятельствами, не имѣвшими ничего общаго съ фритредерствомъ. Торіи съ 1895 года стояли у кормила власти, т.-е. слишкомъ десять лѣтъ. Многіе великобританцы, подавшіе свои голоса за кандидата либеральной партіи, повиновались соображеніямъ этической справедливости, желая дать и вигамъ возможность использовать, въ интересахъ страны, полномочія государственной власти, которыми торіи такъ долго располагали. Другое, вліявшее на парламентскіе выборы 1906 года, обстоятельство усматривается въ томъ, что партія торіевъ, по своей программѣ соединяющая монархическія, аристократическія и церковно-англиканскія тенденціи съ желаніемъ провести либеральныя реформы въ пользу среднихъ классовъ и рабочихъ,—все-таки въ послѣднее время замедлила темпъ своихъ либеральныхъ реформъ и допустила примѣненіе мѣръ, не могущихъ не возбудить антипатіи рабочей среды. Сюда относится привозъ китайскихъ кули въ южно-африканскую колонію, крайне раздражившій рабочій міръ Великобританіи. Много голосовъ было потеряно кабинетомъ Бальфура вслѣдствіе проведеннаго имъ учебнаго закона—Education Act—1905 года, считаемаго вигами анти-либеральною мѣрою, направленною противъ личной свободы. Дальнѣйшій вредъ былъ нанесенъ торіямъ возникновеніемъ особой радикальной рабочей партіи и нарожденіемъ соціализма въ Великобританіи. Наконецъ, на ихъ интересахъ фатально отразилось, что ихъ пропаганда въ пользу имперіализма и протекціонизма застигла великобританскихъ избирателей слишкомъ врасплохъ. Для проведенія въ Великобританіи крупной реформы въ торговой политикѣ страны,—кажущейся при томъ направленной противъ демократическаго духа времени, т.-е. обѣщающей прибыль не столько рабочему, сколько капиталистическому работодателю, — необходимо много подготовительной работы. Въ 1906 году великобританскіе избиратели просто еще недостаточно оцѣнили государственное и всебританское значеніе торговаго протекціонизма съ имперскимъ предпочтеніемъ. Но это, конечно, не значитъ, что они въ будущемъ не про-

никнутся заманчивыми перспективами этой программы. Цѣлый рядъ первоклассныхъ органовъ періодической прессы не перестаетъ совѣтовать переходъ къ протекціонизму и къ имперскому предпочтенію. Такъ, напримѣръ, „National Review“ опубликовалъ въ своемъ апрѣльскомъ нумерѣ 1907 года интересную статью авторитета по колоніальному вопросу, лорда Мильнера, бывшаго генералъ-губернатора Капской колоніи, въ которой этотъ послѣдній старается доказать неминуемую необходимость для Великобританіи придти къ болѣе тѣсному сближенію съ ея колоніями. Потерявъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты въ концѣ XVIII-го столѣтія, Великобританія сознала свои промахи въ колоніальной политикѣ и вступила на новый путь „laisser faire, laisser aller“. Во избѣжаніе тренія, могущаго повести къ открытому разрыву, случившемуся по отношенію къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, она какъ можно больше поощряла индивидуальное развитіе своихъ колоній. Политика эта была мудра въ отрицательномъ смыслѣ, но она не имѣла никакого положительно конструктивнаго фундамента. Строго выдержанная въ своихъ послѣдствіяхъ, она миролюбивыми средствами постепенно все болѣе удаляла колоніи отъ метрополіи, не сдѣлавъ при этомъ ничего для поощренія обнимающихъ всю имперію интересовъ, созданія общихъ учрежденій и созданія возможности дѣйствовать сообща во внѣшнихъ сношеніяхъ разбросанныхъ по всей поверхности земного шара частей британскаго государства. Эта эволюція колоній Великобританіи дошла до того, что главныя изъ нихъ въ настоящее время считаютъ себя—основательно или нѣтъ—отдѣльными націями, равноправными съ метрополіею. Изъ этого слѣдуетъ, заключаетъ лордъ Мильнеръ, что „мы теперь должны найти какую-нибудь практическую форму соединенія нашихъ колоній съ метрополіею. Въ противномъ случаѣ ихъ полное отложеніе неизбѣжно, какъ бы это намъ ни было нежелательно“.

Замѣчательно, что къ подобному же заключенію пришелъ извѣстный нѣмецкій экономистъ, профессоръ Карлъ Фуксъ въ Фрейбургѣ, стоящій внѣ борьбы противоположныхъ двухъ партій въ Великобританіи: консерваторовъ-протекціонистовъ-имперіалистовъ и либераловъ-фритредеровъ. Въ своемъ капитальномъ трудѣ о торговой политикѣ цивилизованныхъ странъ онъ высказывается въ томъ смыслѣ, что по политическимъ и экономическимъ причинамъ для Англіи необходимо болѣе чѣмъ когда-либо удержать за собою ея колоніальную имперію.

VIII.

Самосознаніе британскихъ колоній и духъ самостоятельности возросли въ послѣднія двадцать лѣтъ до внушительныхъ размѣровъ. Еще въ 1894 году, когда въ Оттавѣ состоялась конференція между Канадою и Австраліею, поднятъ былъ вопросъ о предоставленіи колоніямъ права заключать между собою и съ иностранными державами торговые договоры, безъ посредничества имперскаго правительства,—большинство делегатовъ запротестовало даже противъ постановки этого вопроса, и министръ финансовъ канадской федераціи высказалъ мнѣніе, что право заключать договоры самостоятельно нанесло бы смертельный ударъ союзу, и что колоніи, находясь подъ однимъ имперскимъ правительствомъ, должны предоставить имперской власти вести переговоры о торговыхъ трактатахъ. Съ тѣхъ поръ колоніи перемѣнили свой взглядъ. Напримѣръ, Новая Зеландія признала за собою право заключать торговые договоры самостоятельно. Когда сэръ Вильфридъ Лорьеръ, премьеръ Канады, вернулся съ колоніальной конференціи 1907 года, онъ подчеркнулъ въ публичной рѣчи, что съѣздъ представителей колоній въ Лондонѣ „былъ конференціею между правительствами, и что всѣ принявшіе участіе въ ней представители находились на положеніи совершеннаго равенства съ имперскимъ правительствомъ". То же отношеніе метрополіи къ колоніямъ выражается въ уже упомянутомъ заявленіи великобританскаго правительства о томъ, что оно не встрѣчаетъ препятствій къ заключенію колоніями между собою какихъ бы то ни было торговыхъ договоровъ.

Сообразуясь со своимъ географическимъ положеніемъ, главныя колоніи Великобританіи сгруппировались въ отдѣльные федеративные союзы, какъ, напримѣръ, Канада въ 1867 году и австралійскій „коммонвельтъ" въ 1903 году. Сплоченіе южной Африки въ одно цѣлое, по всей вѣроятности, состоится въ ближайшемъ будущемъ. Отдѣльныя колоніи имѣютъ весьма своеобразные политическіе интересы. Такъ, напримѣръ, политика Канады зависитъ главнымъ образомъ отъ ея сосѣдства съ Соединенными-Штатами и отъ занимаемаго ею въ Атлантическомъ и Тихомъ океанахъ положенія, тогда какъ Австралія и Новая Зеландія должны считаться въ своей политикѣ съ экспансивностью новорожденной на Дальнемъ Востокѣ великой державы, Японіи. Международное положеніе британскихъ колоній, пользовавшихся раньше полною

безопасностью отъ внѣшнихъ враговъ, ухудшилось тѣмъ, что приблизительно съ конца семидесятыхъ годовъ почти всѣ европейскія державы и Соединенные-Штаты завели у себя колоніи и стали заниматься колоніальною политикою. Въ виду того, что свободныхъ, никому не принадлежащихъ, земель болѣе не осталось на поверхности земного шара, колоніальныя вожделѣнія державъ угрожаютъ цѣлости Британской имперіи.

Но не только измѣнившееся стратегическое положеніе принуждаетъ колоніи искать болѣе тѣснаго государственнаго сплоченія. Для нихъ также необходимо расширить во что бы то ни стало рынокъ для своихъ сельскохозяйственныхъ и другихъ сырыхъ продуктовъ. Для достиженія этой цѣли является самымъ лучшимъ и единственнымъ средствомъ сближеніе на торговой почвѣ путемъ торговыхъ соглашеній. На послѣдней колоніальной конференціи, колоніальные депутаты, какъ уже выше упомянуто, высказались единогласно въ пользу дарованія великобританскимъ продуктамъ извѣстнаго тарифнаго преимущества, съ тѣмъ, чтобы получать для своихъ продуктовъ преимущество на великобританскомъ рынкѣ. Если же Великобританія въ этомъ не пойдетъ имъ навстрѣчу въ близкомъ будущемъ, то они оставятъ ее просто въ сторонѣ и войдутъ въ торговыя соглашенія между собою и иностранными государствами. Были уже заключены торговыя соглашенія на правахъ даруемаго преимущества между Новою Зеландіею и Австраліею, Канадою и южною Африкою. Канада же, на основаніи приведеннаго выше новаго своего тарифа (international tariff), послѣ колоніальной конференціи вошла въ сношеніе съ разными иностранными государствами съ тѣмъ, чтобы заключить съ ними торговыя сношенія, дарующія имъ часть преимуществъ, которыми пользуются продукты Соединеннаго-Королевства на канадскомъ рынкѣ. Соглашеніе съ Германіею уже состоялось. До настоящаго времени главная связь между колоніями и метрополіею состояла въ ихъ хозяйственной зависимости. Въ истекшемъ 1906 году ихъ отпускъ въ Соединенное-Королевство оказался въ 93 милліона ф. ст., тогда какъ всѣ иностранныя государства, взятыя вмѣстѣ, получили отъ нихъ за то же время товаровъ лишь на 40 милліоновъ ф. ст. Еслибы конкуррентамъ Великобританіи удалось достигнуть преобладанія на колоніальныхъ рынкахъ, то этимъ великобританская промышленность и торговля потерпѣли бы непоправимый вредъ, и Британская имперія, и безъ того слишкомъ децентрализованная, была бы обречена на вѣрное распаденіе. Такимъ образомъ, весьма возможно, что Великобританія въ близкомъ будущемъ будетъ поставлена передъ

альтернативою полной независимости главныхъ ея колоній или созданіемъ общебританской федераціи полноправныхъ соучастниковъ. „По политическимъ и экономическимъ причинамъ,—говоритъ вышеупомянутый профессоръ экономіи въ Фрейбургѣ, Карлъ Фуксъ, —для Англіи въ настоящее время необходимо болѣе, чѣмъ когда-либо, удержать за собою колоніальную имперію. Благодаря дѣйствующимъ въ настоящее время въ имперіи многочисленнымъ центробѣжнымъ силамъ, это осуществимо лишь путемъ болѣе тѣснаго союза съ колоніями. Такое соглашеніе должно состояться въ скоромъ времени, или же для него будетъ поздно навсегда".

Однако, нельзя не согласиться съ англійскими фритредерами въ томъ, что примѣненіе преимущественныхъ тарифовъ къ продуктамъ, происходящимъ изъ колоній, не можетъ не повести къ ухудшенію экономическаго положенія населенія Соединеннаго-Королевства. Для экономической жизни Великобританіи, основанной главнымъ образомъ на переработкѣ собственнаго и привозимаго изъ-за-границы сырья, снабженіе великобританскаго промышленнаго народонаселенія наидешевыми сырыми матеріалами и съѣстными продуктами, кажется, является дѣломъ первой необходимости. Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что принципъ свободной торговли является единственною подходящею политикою для процвѣтанія тѣхъ предпріятій, на которыхъ зиждется экономическое благосостояніе Великобританіи, т.-е. обрабатывающей промышленности, международной торговли и судоходства. Отсутствіе тарифовъ содѣйствуетъ наибольшему развитію торговыхъ сношеній, расширенію судоходства и поощренію обрабатывающей промышленности. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ перехода къ протекціонизму въ Великобританіи было бы вздорожаніе средствъ къ жизни и, въ зависимости отъ этого, рабочей платы, что̀, своимъ чередомъ, не могло бы не отразиться на изготовительной стоимости промышленныхъ продуктовъ Англіи, дѣлающихся такимъ образомъ еще менѣе годными къ конкурренціи на всемірномъ рынкѣ съ германскими, сѣверо-американскими и японскими и другими промышленными издѣліями. Введеніемъ тарифныхъ пошлинъ Великобританія помѣшала бы свободной покупкѣ необходимыхъ ей товаровъ, и ея экспортъ не могъ бы не сократиться, если бы, вслѣдъ за введеніемъ боевыхъ тарифовъ, повысились въ иностранныхъ государствахъ пошлины на привозъ англійскихъ продуктовъ. Главная цѣль протекціонизма состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать страну самоудовлетворяющею своимъ потребностямъ и экономически независимою, а при такомъ стремленіи прибыль отъ судоходства, благодаря которой англичане

уравновѣшиваютъ пассивность своего торговаго баланса, должна была бы сократиться; суда, вывозящія каменный уголь изъ Соединеннаго-Королевства, болѣе не нашли бы достаточныхъ обратныхъ грузовъ. Даже если допустить, что Британская имперія когда-нибудь могла бы стать самоудовлетворяющимъ экономическимъ цѣлымъ, не зависящимъ отъ доставки изъ заграничныхъ странъ и вывоза туда, то все-таки остается неоспоримымъ, что въ настоящее время торговля Великобританіи съ ея колоніями составляетъ—по стоимости оборотовъ—лишь $^1/_4$ всей ея внѣшней торговли, и колоніи не могутъ размѣстить на своихъ рынкахъ болѣе четвертой части всего англійскаго производства. Пока колоніи не въ состояніи удовлетворять всѣмъ торговымъ и промышленнымъ потребностямъ Великобританіи, послѣдняя, очевидно, не можетъ, безъ ущерба для себя, завести предпочтительные тарифы въ ихъ пользу. Обременить три-четверти всей международной торговли Великобританія въ пользу одной четверти кажется въ высшей степени неблагоразумнымъ. Для успѣшнаго веденія транзитной и посреднической торговли, составляющей немалую часть великобританской торговли, также необходимо отсутствіе всякихъ стѣснительныхъ таможенныхъ тарифовъ. Но, подобно тому, какъ въ XVIII-мъ столѣтіи голландская посредническая торговля между Россіею и Великобританіею была вытѣснена прямою торговлею между этими странами, такъ въ наше время посредническая торговля Англіи между заокеанскими странами и континентальною Европою, вслѣдствіе развитія внѣшней торговли и мореходства континента, постепенно уступаетъ мѣсто установившимся прямымъ торговымъ сношеніямъ между континентальною Европою и заокеанскими странами, и по тѣмъ же причинамъ, обусловившимъ въ XVIII-мъ столѣтіи упадокъ голландской посреднической торговли, Великобританія въ XX-мъ столѣтіи постепенно потеряетъ свою посредническую торговлю, предоставляя производительнымъ странамъ сбывать самимъ свои продукты потребляющимъ непосредственно. Наконецъ, совершенно подобно тому, какъ Голландія въ XVIII-мъ столѣтіи не нашла спасенія въ принципѣ свободной торговли, такъ и Англія, по крайней мѣрѣ насколько касается ея посреднической торговли, не спасется отъ торговаго упадка продленіемъ своего фритредерства.

IX.

Такимъ образомъ, Великобританія нынѣ находится между двумя огнями, т.-е. въ трагическомъ положеніи, въ которомъ

она, для необходимаго предотвращенія явнаго ущерба, причиняемаго ей возникшею непосильною иностранною конкурренціею, будетъ принуждена уничтожать собственною рукою тѣ условія торговли, благодаря которымъ ей возможно было создать свое экономическое процвѣтаніе,—иначе говоря, изберетъ ли она своею политикою фритредерство или протекціонизмъ, она уже не въ состояніи болѣе удержаться на уровнѣ экономическаго превосходства, занимаемомъ ею до сихъ поръ. Она уже перешла кульминаціонный пунктъ своего процвѣтанія и нынѣ фатально и неизбѣжно движется по нисходящей линіи.

Но имперіалисты сознаютъ опасности колоссальнаго переворота въ экономической жизни страны въ случаѣ перехода къ протекціонизму, усугубленному преимуществами въ пользу колоній. Они даже допускаютъ неизбѣжность временныхъ экономическихъ жертвъ—лишь бы состоялось объединеніе Великобританіи съ ея колоніями, быстро развивающими свои производительныя силы, дѣлающимися все болѣе способными принять изъ года въ годъ возрастающее количество британскихъ мануфактурныхъ товаровъ. Британскія колоніи, пространствомъ въ 27.801.367 квадр. миль, съ народонаселеніемъ въ 355.835.759 человѣкъ, занимающимся почти исключительно сельскимъ хозяйствомъ и хлѣбопашествомъ и нуждающимся въ привозѣ продуктовъ обрабатывающей промышленности, дѣйствительно представляютъ собою идеальное поле сбыта фабрично-заводскихъ издѣлій Соединеннаго-Королевства. Подобно тому, какъ въ серединѣ прошлаго столѣтія Великобританія провозгласила принципъ свободной торговли, чтобы заручиться свободнымъ привозомъ сырыхъ матеріаловъ и земледѣльческихъ продуктовъ, и заключила рядъ торговыхъ соглашеній съ континентальными, тогда еще не развитыми въ индустріальномъ отношеніи, европейскими странами для свободнаго экспорта имъ своихъ фабрично-заводскихъ издѣлій, такъ и теперь имперіалисты-протекціонисты стараются установить возможно болѣе свободный обмѣнъ продуктовъ съ колоніями, пока еще не располагающими собственною обрабатывающею промышленностью. Подобная торговая политика въ первомъ случаѣ принесла Великобританіи громадную выгоду, и во второмъ—также обѣщаетъ принести ей пользу, но съ тою разницею, что въ то время какъ въ первомъ случаѣ срокъ использованія выгоднаго обмѣна фабрично-заводскихъ издѣлій на сельскохозяйственные продукты простирался, приблизительно, на 60 лѣтъ, — таковой во второмъ, по всей вѣроятности, будетъ гораздо короче.

Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы британскія ко-

лоніи долгое время довольствовались земледѣліемъ, чтобы покупать необходимыя имъ мануфактурныя издѣлія въ Великобританіи. Переходъ отъ сельскаго хозяйства къ мануфактурному и фабрично-заводскому производству въ наше время происходитъ гораздо скорѣе, чѣмъ это было въ прошломъ столѣтіи. Австралія и южная Африка изобилуютъ каменнымъ углемъ и другими сырыми матеріалами для заводской промышленности, Канада же одарена природою также каменнымъ углемъ, водяною силою и разными богатствами, могущими ей пригодиться для скораго развитія начавшейся уже у нея заводской промышленности. Все это предвѣщаетъ, что британскія колоніи не долго останутся исключительно земледѣльческими странами, и что онѣ черезъ непродолжительное время достигнутъ уровня индустріальнаго развитія, на которомъ нынѣ находятся европейскія и американскія государства и благодаря которому въ настоящее время сократился выгодный для Великобританіи обмѣнъ мануфактурныхъ товаровъ на сельскохозяйственные продукты. Какъ только великобританскія колоніи поставятъ свою обрабатывающую промышленность на твердую ногу, онѣ, на подобіе европейскихъ континентальныхъ странъ, откажутся отъ дальнѣйшаго продолженія торговыхъ соглашеній съ Великобританіею, дабы содѣйствовать собственному мануфактурному производству, и вслѣдствіе этого торговыя сношенія Соединеннаго-Королевства съ его колоніями въ скоромъ времени очутятся въ томъ же неблагопріятномъ для англичанъ положеніи, въ которомъ въ настоящее время находится его внѣшняя торговля съ иностранными государствами. Осуществленіе программы Чемберлэна, такимъ образомъ, принесетъ Великобританіи лишь временную пользу и вмѣсто того, чтобы быть настоящимъ цѣлебнымъ средствомъ, окажется лишь палліативомъ. Недугъ, отъ котораго страдаютъ великобританскія промышленность и торговля, кроется, главнымъ образомъ, въ самомъ существованіи чрезмѣрнаго и односторонняго индустріальнаго развитія Великобританіи, обогатившаго англичанъ, но пережившаго свой вѣкъ, съ тѣхъ поръ какъ иностранныя государства постепенно перестаютъ нуждаться въ привозѣ англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій.

Подводя итоги изложеннаго, приходимъ къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ:

Промышленный и торговый расцвѣтъ Великобританіи является—до перехода ея къ свободной торговлѣ — прямымъ послѣдствіемъ ея протекціонной торговой политики, столь же безпощадной, какъ и примѣняемая Соединенными-Штатами въ на-

стоящее время. Придерживаясь строгаго протекціонизма, Великобританія поставила свою промышленность на твердую ногу и обезпечила своей торговлѣ неприступное мѣсто на иностранныхъ рынкахъ. Она, такимъ образомъ, подорвала голландскую посредническую торговлю и мореходство, отняла у голландцевъ ихъ шерстяную промышленность, вытѣснила германцевъ изъ производимой ими международной торговли, уничтожила индійскую хлопчатобумажную промышленность и поглотила континентальное желѣзное производство.

Пріобрѣвъ абсолютное превосходство надъ всѣми другими народами въ производствѣ промышленныхъ продуктовъ, ея правящіе государственные люди—Питтъ, Каннингъ, Кобденъ, Гладстонъ—въ серединѣ XIX-го столѣтія провозгласили принципъ свободной торговли, какъ самый подходящій методъ для дальнѣйшаго развитія промышленнаго производства въ Великобританіи. Не боясь конкурренціи какой бы то ни было страны міра въ производствѣ мануфактурныхъ издѣлій, Великобританія могла свободною торговлею заручиться дешевымъ привозомъ нужныхъ для ея обрабатывающей промышленности сырыхъ матеріаловъ и необходимыхъ для прокормленія ея рабочаго населенія пищевыхъ продуктовъ. Пользуясь на практикѣ міровою промышленною монополіею, она выручила громадную прибыль.

Созданная новая фискальная система, однако, не была чистымъ фритредерствомъ, ибо остались въ силѣ разныя пошлины, приносящія значительный доходъ государственной казнѣ. Въ настоящее время великобританское правительство взимаетъ въ годъ пошлинныхъ сборовъ общею сложностью, приблизительно, 34 милліона фунт. ст., т.-е. на 24,5 процентовъ больше, чѣмъ Россія.

Цѣлый рядъ заключенныхъ Великобританіею во второй половинѣ прошлаго столѣтія торговыхъ договоровъ далъ ея мануфактурнымъ издѣліямъ свободный доступъ на иностранные рынки.

Въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія многія государства перешли къ національной торговой политикѣ, поощряя развитіе національной обрабатывающей промышленности для собственнаго производства мануфактурныхъ издѣлій. Для достиженія этой цѣли они ввели покровительственные тарифы и отказали Великобританіи въ дальнѣйшемъ продолженіи существовавшихъ между ними и ею международныхъ торговыхъ соглашеній. Вслѣдствіе этого вывозъ мануфактурныхъ фабрикатовъ изъ Великобританіи постепенно уменьшился, а вывозъ таковыхъ изъ

конкуррирующихъ съ нею въ этомъ производствѣ европейскихъ и американскихъ странъ въ другія страны и даже въ Великобританію сильно увеличился и принялъ размѣры, угрожающіе великобританской промышленности и торговлѣ.

Но чтобы заручиться новымъ полемъ для сбыта британскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ британскихъ колоніяхъ, консервативная партія Великобританіи задалась мыслью отказаться отъ свободной торговли и ввести преференціальные тарифы въ пользу британскихъ колоній. Съ своей стороны, главныя британскія колоніи, старающіяся склонить Великобританію къ дарованію имъ таможеннаго преимущества для возможнаго увеличенія сбыта земледѣльческихъ и другихъ сырыхъ продуктовъ въ метрополіи, не только заявили о своей готовности предоставить преференціальныя льготы великобританскимъ мануфактурнымъ издѣліямъ, но даже уже начали примѣнять эту политику на практикѣ. Имперіализмъ главныхъ самоуправляющихся колоній тѣмъ болѣе искрененъ, что онъ проистекаетъ изъ весьма реальныхъ соображеній. Канада боится своего соперника въ производствѣ зерна, Соединенныхъ - Штатовъ, и надѣется таможеннымъ союзомъ съ Англіею пріобрѣсть гораздо больше шансовъ на сбытъ своего зерна, чѣмъ соединеніемъ съ Штатами. Австралія съ ужасомъ видитъ надвигающуюся съ сѣвера „желтую опасность“, и вся ея надежда на самосохраненіе зиждется на возможномъ органическомъ соединеніи съ Британской имперіею. Наконецъ, англійское народонаселеніе южной Африки обращаетъ свои взгляды къ англійской метрополіи, чтобы не быть поглощеннымъ численно преобладающими въ этой колоніи голландскимъ и бурскимъ элементами.

Переходъ Великобританіи къ протекціонизму и къ введенію преференціальныхъ тарифовъ для провенансовъ своихъ колоній, хотя чреватъ угрожающими ея благосостоянію осложненіями, рано или поздно осуществится и обѣщаетъ въ нѣкоторой степени оживить ея промышленность и торговлю открытіемъ новыхъ рынковъ для ея издѣлій.

Наконецъ, предполагаемое преференціальными соглашеніями съ колоніями выгодное для Великобританіи торговое положеніе продолжится не долго, ибо британскія колоніи скоро приступятъ къ развитію у себя обрабатывающей промышленности, и тогда въ ихъ торговой политикѣ произойдетъ такая же перемѣна, какъ и совершившаяся въ главныхъ европейскихъ государствахъ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, т.-е. они откажутся отъ дальнѣйшаго продолженія преференціальныхъ торговыхъ согла-

шеній съ Великобританіею. Ихъ мануфактурныя издѣлія даже станутъ успѣшно конкуррировать съ великобританскими, также какъ въ настоящее время издѣлія бывшей сѣверо-американской колоніи, Соединенныхъ-Штатовъ, успѣшно конкуррируютъ съ великобританскими на своихъ міровыхъ рынкахъ.

Кромѣ того, торговое положеніе Великобританіи можетъ ухудшиться и вслѣдствіе того, что ея перевозочная и посредническая торговля, уже начавшія уступать мѣсто установившимся прямымъ торговымъ сношеніямъ между континентальною Европою и заокеанскими странами, еще болѣе сократится въ будущемъ, вслѣдствіе предстоящаго возрастанія германскаго, японскаго и сѣверо-американскаго торговаго мореходства.

Бар. А. Гейкингъ.

Ньюкэстль-онъ-Тайнъ.

ДОМЪ НА КРАЮ

Изъ посмертныхъ стихотвореній

П. М. Ковалевскаго

Покойный Павелъ Михайловичъ Ковалевскій (род. въ 1823 г.; сконч. въ мартѣ 1907 г.) былъ хорошо извѣстенъ нашимъ читателямъ 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, какъ поэтъ и какъ художественный критикъ. Начиная съ 1870 года и въ теченіе всей первой половины 70-хъ годовъ онъ помѣстилъ у насъ до тридцати стихотвореній, а въ началѣ 80-хъ (янв., февр. и мартъ 1883 г.)—большую повѣсть подъ заглавіемъ: „Итоги жизни". Посмертныя стихотворенія П. М. получены нами отъ его дочери, Ольги Павловны Ковалевской; помѣщаемое нынѣ стихотвореніе „Домъ на краю", какъ мы слышали, имѣло большое значеніе въ жизни поэта и ознаменовало собою начало рѣшительнаго перелома въ его бытѣ и характерѣ. Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ П. М. проживалъ въ Гатчинѣ, на „краю" города, и тамъ онъ лишился 16-лѣтней дочери, памяти которой, очевидно, и посвящено настоящее стихотвореніе. Съ того времени, какъ сообщаетъ О. П., съ отцомъ ея начало совершаться душевное умиротвореніе; онъ какъ бы весь ушелъ въ себя и въ свое прошлое, чему способствовала отчасти усиливавшаяся съ каждымъ годомъ старческая глухота, и изъ такой дали онъ началъ взирать на все происходящее въ мірѣ болѣе снисходительно, такъ что даже къ увлеченіямъ молодости и слабостямъ вѣка относился уже безъ прежняго озлобленія, какимъ отличаются его воспоминанія, съ которыми мы имѣли случай познакомиться; они были написаны П. М. гораздо раньше, и потому не могутъ давать вѣрнаго понятія о томъ, какимъ онъ сдѣлался въ годы своего отшельничества въ псковской губерніи.—*Ред.*

I.

Въ забытомъ городкѣ, на самомъ на краю,
Какъ отъ живыхъ людей отшельникъ одинокій,
Домъ недостроенный, угрюмый и высокій
Стоялъ давнымъ-давно. И пѣла пѣснь свою
Метель ему одна да роща темныхъ елей.
Смотрѣла вѣчно ночь изъ всѣхъ оконныхъ щелей;
Лишь съ сумерокъ глухихъ до свѣта каждый разъ
Въ далекомъ уголку, какъ чей-то красный глазъ,
Свѣтился огонекъ—приманка черни пьяной.
Трусливый пѣшеходъ шелъ мимо стороной:
Гнѣздомъ нечистыхъ силъ притонъ ночныхъ буяновъ
Давно ославленъ былъ досужею молвой.
Печальная вдова, съ толпою малолѣтокъ,
Какъ съ нимъ ни билася,—никто не покупалъ.
Срубъ старѣлся, чернѣлъ; заборъ кругомъ упалъ
И весь былъ на дрова растасканъ напослѣдокъ.
Уже наѣздили дорогу на дворѣ...
Домъ чернымъ ворономъ темнѣлъ на пустырѣ,
И только по веснѣ цвѣлъ бѣлый кустъ сирени,—
Посаженъ, можетъ быть, заботливой рукой
Отца, мечтавшаго здѣсь кончить вѣкъ съ семьей,—
И сиротливо сталъ блуждающія тѣни.

Но мирный городокъ радушно такъ смотрѣлъ—
Все лѣто въ зелени, зимой пушисто-бѣлъ...
И вотъ, въ одинъ изъ дней тѣхъ вешнихъ обѣщаній,
Когда апрѣльскіе ручьи бѣгутъ и лѣсъ
Бурѣетъ почками средь голубыхъ небесъ,—
По снѣгу талому къ пустому дому сани
Подъѣхали, и вдругъ весь городокъ узналъ,
Что въ домѣ кто-то былъ и что-то размѣрялъ.
А тамъ рабочіе пришли, котомки сняли,
Пораспоясались, крестяся на соборъ.
Съ утра до вечера ихъ топоры стучали,
Да пѣсни ихъ неслись; работы звонкій хоръ
Отвѣтной рощею стократно отдавался,—
И глянулъ свѣтлыми рядами оконъ домъ,

Стоявшій столько лѣтъ ослѣпшимъ старикомъ.
А май благоухалъ и ясно улыбался...
Весна! я помню здѣсь послѣдній твой расцвѣтъ
Въ саду, разросшемся вкругъ этихъ стѣнъ ожившихъ,
Я слышу голоса, которыхъ больше нѣтъ,
Той жизни молодой и радостей, тутъ бывшихъ!

Отъ дома на краю сталъ лучше городокъ.
Градоначальнику за красоту фасада,
Въ ней неповинному, предвидѣлась награда—
И свѣтлой точкою сталъ темный уголокъ.
Вечерній пѣшеходъ при звукахъ фортепьяно
Здѣсь запоздалый шагъ теперь свой замедлялъ,
И тамъ, гдѣ красный глазъ горѣлъ для черни пьяной,
Манилъ привѣтными огнями свѣтлый залъ;
Мелькала дѣтская головка словно грёза,
Но съ темнорусою, спадавшей съ плечъ косой,
Прекрасная еще незнаемой красой,
Какъ въ почкѣ скрытая до дней весеннихъ роза...
И уносилъ съ собой счастливый пѣшеходъ
Въ глухія сумерки тѣ образы и звуки:
По бѣглымъ клавишамъ мелькающія руки,
Тотъ обликъ розовый... Тѣснѣе каждый годъ
Сплеталися кусты, и кружевныя тѣни
Длиннѣе падали отъ молодой сирени,
Облегшей старый кустъ подросшею семьёй.
Зеленымъ шопотомъ наполнились аллеи,
И появлялася годъ отъ году милѣе
Головка юная подъ юною листвой...

А позади аллей взбѣгающаго сада,
Давно законный свой перестоявшій срокъ,
За боярышника иглистою оградой,
Домишко рушился, и ветхъ, и кривобокъ.
Въ домишкѣ съ давнихъ поръ кончалася старуха,—
Да что-то все Господь ея не прибиралъ,—
Вѣкъ на печи, безъ ногъ, безъ зрѣнія и слуха.
Сынъ голи городской подмётки настилалъ
И разживался тѣмъ кой-какъ на щи и кашу.
Но съ чудотворною иконой крестный ходъ,

Съ хоругвьми, съ пѣніемъ, сбиравшій каждый годъ
Весь городъ на ноги, и старушонку нашу
Выманивалъ ползкомъ съ печурки на порогъ.
Ужъ тутъ бы быть концу—онъ все придти не могъ:
Старуха смерти ждать шла до другого года.
Такъ на мерцающій послѣдній лучъ въ потьмахъ,
И на ту молодость, всю въ утреннихъ лучахъ,—
Жизнь расточительно на все лила природа...

II.

Въ забытомъ городкѣ—зеленая весна,
А въ молодомъ саду—и ростъ, и зацвѣтанье.
Но гдѣ же подъ листвой головки той мельканье?
Зачѣмъ опущена завѣса у окна?
Тамъ молодость цвѣла, и золотымъ загаромъ
Свой поцѣлуй на ней едва оставилъ май.
Ужель сразитъ недугъ безжалостнымъ ударомъ
Шестнадцатой весны счастливый урожай?
Гордился городокъ красавицей—„своею“!
Когда, склонивъ слегка голубкой бѣлой шею,
Рѣсницей длинною свой отѣняя взоръ,
Иль озаренная, какъ солнышкомъ, улыбкой,
Она несла свой станъ плѣнительный и гибкій,
Свой серебристый смѣхъ, пѣвучій разговоръ,—
Никто не проходилъ безъ слова одобренья.
Неволи городской не зная принужденья,
Съ пучками сочныхъ травъ и полевыхъ цвѣтовъ,—
То въ блескѣ луговинъ, то лѣса въ тьмѣ зеленой,—
Она смолистыхъ рощъ и шолковыхъ луговъ
Сама была цвѣтокъ, дыханьемъ ихъ взращённый.
И нѣтъ ея въ лугахъ; увѣшаны росой,
Напрасно ждутъ ее въ глуши лѣсной фіалки;
А ею снятыя—какъ вялы и какъ жалки,
Забытыя теперь за шторою густой!..

Что день, то свѣтлый май торжественнѣй сіяетъ,
И въ молодомъ саду пронзительнѣй сирень,
Безпечно празднуя весну, благоухаетъ;
Лишь въ томъ окнѣ темно, царитъ въ немъ та же тѣнь.

Домъ словно опустѣлъ, и въ опустѣломъ домѣ
Летаетъ ласточка и вьетъ себѣ гнѣздо—
Старуха ветхая твердитъ: „передъ бѣдой!"
Шесть долгихъ дней прошло въ мучительной истомѣ,
И только на седьмой открылося окно.
Весна душистая въ него влилась волной...
— „Какъ божій міръ хорошъ!"—она пролепетала
И сорваннымъ цвѣткомъ склонилась навсегда.
А въ мірѣ жизнь цвѣла и громко ликовала!
Глядѣли птенчики изъ свѣжаго гнѣзда...

И вынесли ее подъ бѣлою парчою
Въ гробу, колеблемомъ надъ тихою толпою,—
И опустѣлъ совсѣмъ печальный этотъ домъ.
Старуха доползла до своего порога
И, осѣняяся признательнымъ крестомъ,
Сказала: „Ангеломъ прибавилось у Бога!"
И снова въ городкѣ, на самомъ на краю,
Домъ, всѣми брошенный, угрюмый и высокій,
Стоитъ, безвременно отбывшій жизнь свою—
Минутныхъ радостей свидѣтель одинокій.
Вечерній пѣшеходъ ускоренной стопой
Проходитъ, чью-то тѣнь здѣсь чуя за собой...
И только садъ растетъ, цвѣтетъ, благоухаетъ
И все, что было тутъ, безслѣдно заглушаетъ...

П. Ковалевскій.

1885 г.

ТОЛЕДСКІЙ СОБОРЪ

ПОВѢСТЬ.

Vicente-Blasco Ibañez. La Catedral. Novella. 1907.

Окончаніе.

V *).

Во время службы въ соборѣ, когда все мужское населеніе верхняго монастыря уходило въ соборъ, Габріэль бродилъ по галереямъ или же спускался въ садъ. Тамъ въ бесѣдкѣ сидѣла въ это время тетка Томаса съ вязаньемъ въ рукахъ, ловко и быстро перебирала спицами и въ то же время зорко слѣдила за работавшимъ въ саду работникомъ.

Тетка Габріэля пользовалась большимъ почетомъ въ верхнемъ монастырѣ, и слова ея имѣли такой же вѣсъ, какъ слова дона Антолина. Авторитетъ ея объяснялся тѣмъ, что она была въ дружбѣ съ кардиналомъ-епископомъ. За пятьдесятъ лѣтъ до того, онъ былъ служкой въ соборѣ, и Томаса, дочь пономаря, съ самаго дѣтства дружила съ нимъ; они дрались иногда за какую-нибудь раскрашенную картинку, играли вдвоемъ, устраивали разныя шалости и остались друзьями на всю жизнь. Величественный донъ Себастіанъ запросто приходилъ теперь въ гости къ старой Томасѣ и велъ себя съ ней по-братски. Старуха почтительно прикладывалась къ пастырскому перстню, но затѣмъ говорила по родственному съ старымъ другомъ; это нравилось кардиналу, какъ отдыхъ отъ лицемѣрнаго подобострастія его

*) См. выше: ноябрь, стр. 297.

подчиненныхъ. Томаса говорила ему въ глаза даже самыя горькія истины. И всѣ сосѣди Томасы въ верхнемъ монастырѣ чувствовали себя вчужѣ польщенными, когда кардиналъ являлся въ своей красной рясѣ и подолгу непринужденно болталъ съ Томасой въ садовой бесѣдкѣ. Томасѣ не льстило вниманіе архіепископа; она видѣла въ немъ только равнаго себѣ друга дѣтства, которому повезло въ жизни. Но семья ея пользовалась этой дружбой для практическихъ цѣлей. Въ особенности умѣлъ эксплуатировать вліяніе Томасы зять старухи, „Голубой", всячески обиравшій соборъ съ полной безнаказанностью.

Габріэль любилъ бесѣдовать съ теткой, потому-что только на нее одну соборъ не оказалъ усыпляющаго дѣйствія. Въ семьдесятъ лѣтъ она оставалась необычайно бодрой и энергичной, свободно говорила всѣмъ правду, какъ человѣкъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, относилась снисходительно къ человѣческимъ слабостямъ, но терпѣть не могла лицемѣрнаго скрыванія своихъ недостатковъ.

— Всѣ они самые простые смертные, Габріэль,—говорила она племяннику о каноникахъ,—и донъ Себастіанъ такой же человѣкъ, какъ другіе. Всѣ грѣшники, и у всѣхъ есть, въ чемъ каяться передъ Господомъ. Иначе и быть не можетъ, и ставить имъ это въ вину не слѣдуетъ. Смѣшно только, когда передъ ними становятся на колѣни. Я вѣрю въ святую Мадонну и въ Бога Отца—но въ этихъ... Нѣтъ, я въ нихъ не вѣрю; для этого я слишкомъ ихъ знаю. Въ концѣ концовъ, конечно, всѣ мы люди и жить нужно. Худо не то, что человѣкъ грѣшенъ. Худо, когда люди комедію ломаютъ, какъ, напримѣръ, мой зять. Онъ бьетъ себя въ грудь, кладетъ земные поклоны, а все время только и думаетъ о томъ, какъ бы я скорѣе умерла, такъ какъ увѣренъ, что у меня спрятаны деньги въ шкапу. Онъ обираетъ соборъ, воруетъ на свѣчахъ, кладетъ въ карманъ деньги, уплачиваемыя за мессы. Если бы не я, его давно бы прогнали. Но мнѣ жалко дочь; она все хвораетъ. И внучатъ жалко.

Когда Габріэль приходилъ къ ней въ садъ, она каждый разъ говорила ему, что онъ видимо поправляется, и что братъ навѣрное спасетъ его своимъ заботливымъ уходомъ. Она слегка поддразнивала Габріэля его болѣзненнымъ видомъ и все ставила въ примѣръ свою безболѣзненную, бодрую старость. Болѣзнь Габріэля она упорно приписывала тому, что онъ навѣрное велъ слишкомъ разгульную жизнь на чужбинѣ, и жалѣла, что онъ не пошелъ по предназначенному ему пути.

— Вѣдь ты бы уже былъ каноникомъ,—говорила она,—а

теперь, смотри, какой ты сталъ. Бѣдная твоя мать! Она все думала, что ты будешь святымъ. Хорошъ святой!.. Не отпирайся, я знаю, что ты шибко жилъ. Дурного въ этомъ нѣтъ. Худо только, что ты вернулся такимъ больнымъ и слабымъ. Удивительно право, какъ у всѣхъ церковниковъ точно злой духъ живетъ въ душѣ. Когда они уходятъ въ міръ, то сгораютъ отъ ненасытности желаній,—никакой мѣры не соблюдаютъ. Я знаю многихъ, которые, какъ ты, ушли изъ семинаріи и тоже плохо кончили.

Однажды утромъ, Габріэль обратился къ теткѣ съ вопросомъ, который давно уже хотѣлъ ей предложить, но все не рѣшался:

— Послушайте, тетя, вы добрая, вы скажете мнѣ... другіе все не хотятъ сказать. Что случилось съ моей племянницей?

Лицо старухи омрачилось.

— Это было большое несчастіе, Габріэль, неслыханный позоръ для собора. И какъ разъ въ самой уважаемой семьѣ верхняго монастыря. Мы славимся добродѣтелью; всѣ мы провели здѣсь жизнь какъ замурованные, не видя свѣта... Поэтому-то все и случилось... Виноватъ больше всего твой братъ... Слишкомъ онъ простъ, и не видѣлъ опасности, гордясь своей дочкой...

— Но что же собственно произошло, тетя, между моей племянницей и кадетомъ военной школы?

— Да то, что часто бываетъ на свѣтѣ, и только здѣсь никогда не случалось. Я тысячу разъ говорила твоему брату: смотри, Эстабанъ, этотъ молодой синьоръ не пара твоей дочери. Красивый онъ былъ, это правда, пріятный въ обращеніи и знатнаго рода. Бѣдная Саграріо крѣпко полюбила своего кадета, и когда по воскресеньямъ она ходила гулять съ матерью и женихомъ, ей всѣ барышни завидовали. Племянница твоя славилась красотой на весь Толедо. Твой братъ тоже, по глупости, гордился постоянными посѣщеніями кадета, забывая, что въ такихъ случаяхъ дѣло рѣдко кончается бракомъ. У насъ, въ среднемъ кругу, всѣ женщины безъ ума отъ военныхъ. Я сама помню, что въ молодости всегда оправляла платье и прихорашивалась, какъ только, бывало, заслышу лязгъ сабли въ верхнемъ монастырѣ. Это увлеченіе переходитъ отъ матерей къ дочерямъ; а между тѣмъ всегда они, проклятые, имѣютъ невѣстъ у себя дома и возвращаются къ нимъ, какъ только кончаютъ академію.

— Что же было съ моей племянницей?

— Да то, что когда кадетъ вышелъ въ лейтенанты, его вызвали въ Мадридъ. Горе было ужасное. Влюбленная парочка долго-долго прощалась; они точно не могли оторваться другъ

отъ друга. Онъ обѣщалъ пріѣзжать каждое воскресенье и писать каждый день. Вначалѣ такъ и было. Но потомъ онъ все рѣже являлся самъ и все меньше писалъ—занятъ былъ въ Мадридѣ другими дѣлами. Бѣдная твоя племянница истомилась отъ горя, поблѣднѣла, исхудала. А потомъ, въ одинъ прекрасный день, она исчезла изъ дому... уѣхала одна въ Мадридъ. И до сихъ поръ...

— Ну, а что же потомъ? Не искали ее развѣ?

— Твой братъ совсѣмъ растерялся. Бѣдный Эстабанъ! Онъ иногда по цѣлымъ ночамъ стоялъ на галереѣ и смотрѣлъ въ небо стеклянными глазами. О дочери нельзя было упоминать при немъ: онъ приходилъ въ ярость. Мы всѣ цѣлый годъ ходили мрачные, точно похоронили члена семьи. Чтобы нѣчто подобное случилось въ соборѣ, гдѣ мы всѣ жили въ святости, чтобы въ благочестивой семьѣ Луна могла оказаться дѣвушка, которая рѣшилась уйти къ своему возлюбленному, не боясь Бога и людей... этого никто не ожидалъ. Видно, она уродилась въ своего дядю Габріэля, который считался святымъ, а потомъ разбойничалъ въ лѣсахъ и скитался по міру какъ цыганъ.

Габріэль не сталъ возражать противъ представленія тети Томасы о его прошломъ.

— А послѣ побѣга было что-нибудь извѣстно о ней?—спросилъ онъ.

— Въ первое время, часто доходили слухи,—мы знали, что они жили въ Мадридѣ вмѣстѣ, сначала очень мирно и хорошо, совсѣмъ какъ мужъ и жена. Даже я думала, что онъ въ концѣ концовъ женится на Саграріо. Но черезъ годъ все кончилось. Онъ сталъ тяготиться ею, и семья вмѣшалась: требовала, чтобы онъ ее бросилъ ради своей карьеры. Впутали въ дѣло полицію, чтобы запретить ей приставать къ нему съ жалобами, а потомъ неизвѣстно, что съ нею сталось. Я слышала о ней отъ людей, бывшихъ въ Мадридѣ. Ее тамъ встрѣчали... но ужъ лучше бы, чтобы никто ее не видѣлъ такой. Позоръ это для семьи, Габріэль, и большое несчастіе. Мнѣ говорили, что она была больна и теперь еще, кажется, не выздоровѣла. Да и не мудрено. Пять лѣтъ такой жизни. И подумать, что это дочь моей сестры... Она, бѣдная, умерла съ горя. А Эстабанъ совсѣмъ опустился послѣ своего несчастія. Да и я, какая я ни сильная, все-таки прямо съ ума схожу, когда подумаю, что дѣвушка изъ моей семьи сдѣлалась потерянной женщиной, превратилась въ забаву для мужчинъ, и живетъ одна, точно у нея нѣтъ родныхъ.

Синьора Томаса утерла глаза платкомъ. Голосъ ея дрожалъ.

— Вы, тетя, добрая, — сказалъ Габріэль, — но мало заботитесь о несчастной дѣвушкѣ. Нужно бы ее разыскать и привести сюда. Нужно прощать людямъ ихъ прегрѣшенія и спасать несчастныя жертвы.

— Да развѣ я этого не знаю? Сколько разъ я объ этомъ думала; но я боюсь твоего брата. Онъ приходитъ въ ярость при одномъ упоминаніи о дочкѣ, и ни за что бы не потерпѣлъ ея присутствія въ благочестивомъ домѣ вашихъ предковъ. Да къ тому же, хотя онъ этого и не говоритъ, но главное—то, что онъ боится нареканій, боится сосѣдей. На самомъ же дѣлѣ съ ними легко справиться; они рта не раскроютъ, если я вступлюсь за нее. Но я боюсь твоего брата.

— Я вамъ помогу,—сказалъ Габріэль.—Только бы ее разыскать, а я ужъ берусь уговорить Эстабана.

— Трудно ее найти. Давно о ней ничего не слышно.—Ну, да я подумаю, какъ бы это сдѣлать.

— А каноники? а кардиналъ? Развѣ они допустятъ, чтобы она вернулась сюда?

— Да многіе, вѣрно, ужъ забыли о томъ, что̀ было. Мы можемъ къ тому же помѣстить ее куда-нибудь въ монастырь, гдѣ она будетъ жить спокойно, никого не возмущая.

— Нѣтъ, тетя, это слишкомъ жестокое лекарство. Нельзя спасти ее для того, чтобы лишить сейчасъ же свободы.

— Ты правъ,—подтвердила старушка.—Нужно вернуть ее домой, если она раскаялась и согласна жить скромно. Я съумѣю зажать ротъ всякому, кто вздумалъ бы тронуть ее словомъ. И донъ-Себастьянъ ничего не скажетъ, если намъ удастся вернуть ее. Что̀ ему и говорить... Въ концѣ концовъ, вѣрь мнѣ, Габріэль... всѣ мы люди.

Въ соборѣ принято было ни слова не говорить о правящемъ прелатѣ. Говорили о предшествующемъ архіепископѣ, обсуждая его слабости и недостатки; это допускалось. Мертваго прелата никто не боялся, тѣмъ болѣе, что осужденіе предшественника было косвенной лестью его живому преемнику. Но если въ разговорѣ упоминалось имя правящаго архіепископа, всѣ умолкали. Никто не говорилъ правды о прелатахъ и не осмѣливался оглашать ихъ недостатки, пока ихъ смерть не развязывала языки. Въ лучшемъ случаѣ позволялось обсуждать распрю между каноникали, называть тѣхъ, которые, встрѣчаясь въ хорѣ, накидывались другъ на друга, какъ собаки, готовыя загрызть другъ друга, и позволялось говорить о полемикѣ двухъ канониковъ въ мадридскихъ католическихъ газетахъ — полемикѣ на

вопросъ о томъ,—былъ ли потопъ всемірнымъ, или только частичнымъ.

Вокругъ Габріэля образовался кружокъ людей, которые чувствовали въ немъ ту притягательную силу, которую прирожденные вожди оказываютъ на людей, даже когда они молчатъ и не стараются вліять на окружающихъ. Днемъ кружокъ собирался у звонаря, а по утрамъ сборнымъ пунктомъ было помѣщеніе сапожника, служба котораго въ соборѣ заключалась въ показываніи „Гигантовъ" посѣтителямъ. Онъ былъ слабый, больной человѣкъ, вѣчно страдалъ головными болями и ходилъ всегда съ повязанной головой.

Онъ былъ беднѣе всѣхъ въ верхнемъ монастырѣ, такъ какъ безвозмездно исполнялъ свою должность, въ надеждѣ, что откроется вакансія на какое-нибудь платное мѣсто. Онъ былъ благодаренъ и за даровое помѣщеніе, отведенное ему ради его жены, дочери стараго церковнаго служителя. Помѣщеніе это было сырое и нищенское, и, къ довершенію несчастія, у него каждый годъ рождался ребенокъ. По галереямъ верхняго монастыря бродили голодныя дѣти сапожника, блѣдныя, съ большими головами, худосочныя; они постоянно болѣли, но не умирали, и положеніе семьи было крайне бѣдственное. Сапожникъ работалъ для городскихъ лавокъ, но зарабатывалъ очень мало. Уже на зарѣ раздавался въ тишинѣ монастыря стукъ его молотка. У него Габріэль заставалъ съ утра звонаря Маріано и своего племянника Тато, сидѣвшихъ на низенькихъ табуреткахъ. Отъ времени до времени звонарь бѣжалъ на башню, звонилъ въ опредѣленное время, и тогда мѣсто его занималъ или старый выдувальщикъ органныхъ мѣховъ, или кто-нибудь изъ другихъ служителей, привлеченныхъ толками объ этихъ собраніяхъ мелкаго соборнаго люда. Всѣ приходили слушать Габріэля. Революціонеру въ сущности не хотѣлось говорить, и онъ разсѣянно слушалъ жалобы соборныхъ жителей на ихъ вражду, но его заставляли разсказывать о далекихъ странахъ, и слушатели широко раскрывали глаза отъ восторга, когда онъ описывалъ имъ красоту Парижа или величину Лондона. Подумать только, что есть еще болѣе прекрасныя мѣста, чѣмъ Мадридъ! Даже жена сапожника усаживалась въ углу гдѣ-нибудь и, забывая больныхъ дѣтей, слушала Габріэля съ блѣдной улыбкой. Блескъ современной культуры волновалъ служителей храма больше, чѣмъ красоты неба, о которыхъ говорили проповѣдники съ церковной каѳедры. Среди пыльнаго, затхлаго воздуха въ верхнемъ монастырѣ, они видѣли въ воображеніи волшебные города и за-

брасывали Габріэля наивными вопросами о жизни и даже пищѣ людей въ большихъ городахъ,—точно это были существа иной породы.

Иногда днемъ, во время службы, когда сапожникъ работалъ у себя одинъ, Габріэль спускался въ церковь, гдѣ Эстабанъ, въ шерстяномъ плащѣ съ бѣлымъ воротникомъ, спускавшимся на плечи, стоялъ на одномъ мѣстѣ, не подпуская никого въ пространство между хоромъ и главнымъ алтаремъ. Двѣ золотыя дощечки, прибитыя къ колоннамъ, угрожали отлученіемъ отъ церкви всѣмъ, кто осмѣлится разговаривать или обмѣниваться знаками въ храмѣ. Но эта устарѣлая угроза никого не смущала, и приходившіе къ вечернѣ люди свободно болтали съ церковными служителями. Предвечерній свѣтъ, проникая черезъ стекла, бросалъ пестрыя пятна на плиты, и священники, проходя по этому пламенному ковру, становились красными и зелеными. Въ хорѣ каноники пѣли для себя въ угрюмой пустынности храма. Двери хлопали какъ пушечные удары, пропуская запоздавшихъ служителей. Сверху лѣниво звучалъ органъ, скучно исполняя свой долгъ, и звуки его казались унылыми жалобами среди пустыннаго мрака.

Габріэль натыкался каждый разъ на своего племянника, который, при видѣ его, уходилъ отъ своихъ товарищей, церковныхъ служекъ, и забавлялъ Габріэля своими шалостями. Какъ только появлялась случайно собака, онъ вступалъ въ должность perrero — собачника — и выгонялъ ее на манеръ тореадора, выходящаго на бой съ быкомъ; при этомъ, для большей потѣхи, онъ не давалъ ей сразу уйти, а гналъ ее изъ часовни въ часовню; ея отчаянный лай приводилъ въ бѣшенство каноиковъ, къ величайшей радости Тато, который хохоталъ, не обращая вниманія на Эстабана, грозившаго ему своимъ шестомъ.

Послѣ подобныхъ представленій, дядя и племянникъ принимались болтать, главнымъ образомъ, о разныхъ соборныхъ сплетняхъ. Въ противоположность другимъ соборнымъ служителямъ, которые изъ страха, что на нихъ донесутъ кардиналу или каноникамъ, молчали обо всемъ, что дѣлалось вокругъ нихъ, маленькій Тато разсказывалъ кому угодно сплетни, доходившія до него. Онъ ничего не боялся. Въ крайнемъ случаѣ, его прогонятъ изъ этого погреба, и тогда онъ сможетъ оставить соборъ и сдѣлаться тереадоромъ съ согласія своей семьи.

Онъ придумалъ насмѣшливыя прозвища всѣмъ каноникамъ и, указывая на нихъ Габріэлю, разсказывалъ тайны ихъ жизни. Онъ зналъ, куда каждый отправляется послѣ службы, зналъ

имена дамъ и монахинь, которыя плоятъ имъ стихари, и зналъ о соперничествѣ между собой этихъ пріятельницъ канониковъ. Онъ зналъ то, что каноники говорятъ противъ архіепископа, а архіепископъ у себя во дворцѣ—противъ канониковъ, зналъ всѣ интриги этихъ обозленныхъ холостяковъ, которые помнили время, когда капитулъ самъ избиралъ прелатовъ, и зналъ также, что архіепископъ требуетъ полнаго подчиненія и выходитъ изъ себя при малѣйшей строптивости канониковъ. Но больше всего онъ вылюбилъ разсказывать скандальную хронику. Когда каноники выходили изъ хора послѣ службы, онъ указывалъ Габріэлю на группу молодыхъ священниковъ, очень нарядныхъ, гладко выбритыхъ, въ шолковыхъ мантіяхъ, отъ которыхъ шелъ запахъ мускуса. Это были щеголи собора, молодые каноники, часто ѣздившіе въ Мадридъ исповѣдывать своихъ покровительницъ, старыхъ маркизъ, доставившихъ имъ, благодаря своимъ связямъ, мѣсто въ хорѣ. У двери del Mollete они останавливались на минуту поправить складки плаща, прежде чѣмъ выйти на улицу.

— Они идутъ къ своимъ дамамъ, — съ хохотомъ говорилъ Тато.—Мѣсто донъ-Жуану Теноріо!

Послѣ ухода послѣдняго каноника, мальчикъ сталъ разсказывать дядѣ про кардинала.

— Онъ теперь золъ, какъ чортъ; во дворцѣ всѣ дрожатъ отъ страха. Когда у него разбаливается фистула, онъ впадаетъ въ полное бѣшенство.

— Развѣ правда, что у него фистула?—спросилъ Габріэль.

— Еще бы, всѣ это знаютъ. Спросите тетю Томасу... Они потому такъ дружны, что она приготовляетъ мазь, которая ему помогаетъ. Онъ добрый человѣкъ, но когда его мучитъ болѣзнь, онъ невмѣняемъ. Я самъ видѣлъ его разъ, въ облаченіи и съ митрой на головѣ, такимъ бѣшенымъ, что, казалось, вотъ онъ сейчасъ бросится на всѣхъ насъ и отколотитъ. Тетя правду говоритъ: ему нельзя пить.

— А развѣ правда, что онъ пьянствуетъ?

— Нѣтъ, не пьянствуетъ; это не вѣрно: онъ только выпиваетъ, при случаѣ, рюмочку-другую, когда кто-нибудь приходитъ къ нему въ гости. Эту привычку онъ пріобрѣлъ въ Андалузіи, когда былъ тамъ епископомъ. И вино-то отличное—по пятидесяти дуро за аробу. Оно укрѣпляетъ желудокъ и придаетъ силы. Но когда оно попадаетъ въ его внутренности, онъ мучается, какъ въ аду. Доктора его потомъ подлечатъ, а онъ снова принимается пить свое винцо.

Тато, несмотря на свою насмѣшливость, выражалъ сочувствіе прелату.

— Онъ вѣдь не кто-нибудь, дядя, онъ хорошій человѣкъ,— только характеръ у него несносный. У него маленькое бѣлое и розовое личико, а между тѣмъ голова не пустая... Онъ молодецъ, и главное, не лицемѣръ. Ничего не боится,—видно, что былъ солдатомъ въ молодости; онъ не поднимаетъ по всякому поводу глаза къ небу, не труситъ ничего. Настоящій человѣкъ. Мнѣ онъ тѣмъ нравится, что держитъ въ строгости каноников—не то, что прежній, который трусилъ передъ каждымъ... Съ нимъ вѣдь шутки плохи. Онъ въ состояніи броситься во время службы въ хоръ и выгнать всѣхъ. Онъ вотъ теперь два мѣсяца какъ не показывается въ соборѣ, разсердившись на канониковъ. Они явились къ нему съ просьбой о какой-то реформѣ, и одинъ изъ нихъ началъ рѣчь словами: „Монсиньоръ, капитулъ полагаетъ...“ Тогда донъ Себастіанъ прервалъ его въ бѣшенствѣ, крикнувъ: „Капитулу нечего полагать, капитулъ ничего не понимаетъ“!—повернулся къ нимъ спиной и ушелъ... Онъ правъ, что такъ съ ними обходится. Чего они вмѣшиваются въ его жизнь? Онъ вѣдь не преслѣдуетъ ихъ за похожденія, извѣстныя всему Толедо.

— Что же они говорятъ про него?

— Говорятъ, что Хуанито—его внукъ, что отецъ Хуанито, который сходилъ за брата его, на самомъ дѣлѣ былъ его сынъ. Но больше всего его бѣсятъ толки про донью Визитаціонъ.

— Это кто такая?

— Какъ, вы не знаете? О ней столько говорятъ въ соборѣ и въ городѣ. Это — племянница архіепископа и живетъ въ его дворцѣ. Онъ ее очень любитъ. Какъ бы онъ ни бѣсился, когда его схватитъ припадокъ болѣзни, стоитъ ей явиться,—и онъ становится кроткимъ какъ ягненокъ. Онъ весь сіяетъ, когда она скажетъ ему ласковое слово. Прямо души въ ней не чаетъ.

— Такъ неужели она?..—спросилъ Габріэль.

— Ну, конечно. Какъ же иначе? Она воспитывалась въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, и кардиналъ выписалъ ее къ себѣ во дворецъ, какъ только пріѣхалъ въ Толедо. Неизвѣстно, чѣмъ она ему такъ нравится: она слишкомъ высокая, худая, блѣдная. Только глаза у нея большіе и цвѣтъ лица нѣжный— вотъ и все. Говорятъ, что она поетъ, играетъ и очень образованная. Во всякомъ случаѣ, она съумѣла забрать въ руки кардинала. Она приходитъ иногда въ соборъ, одѣтая какъ монахиня, въ сопровожденіи уродливой служанки.

— Можетъ быть, ты ошибаешься, Тато?

— Ну, вотъ еще! Это извѣстно всему собору, и даже прихлебатель архіепископа, который доноситъ ему всѣ сплетни, не отрицаетъ этого. А кардиналъ приходитъ въ бѣшенство, какъ только услышитъ что-нибудь дурное про племянницу... Ужъ вы мнѣ повѣрьте, что это такъ. У меня самыя точныя свѣдѣнія, дядя, отъ человѣка, живущаго во дворцѣ. Онъ сколько разъ видѣлъ, какъ они цѣловались, то-есть цѣловала-то она его, а онъ улыбался отъ удовольствія. Бѣдняга—онъ такъ старъ!

Братъ Габріэля возмущался всѣми этими слухами, доходившими до него. Онъ не выносилъ неуваженія къ высшимъ властямъ. Вѣдь про всѣхъ прежнихъ епископовъ тоже говорили при ихъ жизни разныя гадости, а послѣ смерти производили ихъ въ святые. Когда онъ слышалъ непочтительную болтовню Тато, мальчику сильно отъ него доставалось.

Эстабанъ радовался, видя, какъ поправляется Габріэль, и продолжалъ нѣжно заботиться о его здоровьи. Онъ былъ доволенъ осторожностью брата, не выдававшаго никому своего прошлаго, и гордился почтительнымъ и восторженнымъ отношеніемъ къ нему всѣхъ соборныхъ служащихъ, которые восхищались разсказами Габріэля о его путешествіяхъ.

Когда онъ иногда съ улыбкой глядѣлъ на Габріэля и выражалъ свое удовольствіе по поводу того, что онъ меньше кашляетъ и уже не такой блѣдный, Габріэль грустно предостерегалъ брата и говорилъ, что смерть все-таки придетъ и даже скоро. Эстабанъ тревожился и еще усерднѣе отпаивалъ его молокомъ и упитывалъ вкусными блюдами, надѣясь восторжествовать надъ болѣзнью, разрушившей организмъ Габріэля въ тяжелые годы революціонной борьбы.

Попеченія о больномъ братѣ сильно отзывались на скромномъ бюджетѣ Эстабана. Его крошечнаго жалованья и небольшой денежной помощи отъ регента, дона Луиса, не хватало на покрытіе новыхъ расходовъ, и ему приходилось обращаться къ помощи дона Антолина въ концѣ каждаго мѣсяца. Габріэль ясно понималъ затруднительное положеніе брата и не зналъ, какъ ему помочь. Онъ бы радъ былъ взять какую угодно службу,—но всѣ мѣста при соборѣ были заняты, и если иногда открывалась вакансія за чьей-нибудь смертью, на нее было слишкомъ много голодныхъ кандидатовъ, предъявлявшихъ свои семейныя права. Кромѣ того, Эстабанъ, на просьбы брата достать ему какую-нибудь работу, отвѣчалъ рѣзкимъ протестомъ, говоря, что единственной его заботой должно быть возстановленіе здоровья.

Однажды утромъ, Габріэля остановила у рѣшетки сада синьора Томаса.

— У меня есть новости для тебя, Габріэль,—сказала она.— Я узнала, гдѣ наша бѣглянка. Больше ничего я тебѣ не могу теперь сказать, но приготовься убѣждать брата. Очень возможно, что черезъ нѣсколько дней она будетъ здѣсь.

Дѣйствительно, спустя нѣсколько дней, тетя Томаса подошла, въ сумерки, къ Габріэлю и дернула его, молча, за рукавъ. Уведя его за собой въ садъ, она указала ему на женщину, прислонившуюся къ одной изъ колоннъ, окружавшихъ садъ. Она была закутана въ темный плащъ, и головной платокъ надвинутъ былъ на глаза.

Габріэль ни за что бы не догадался, что это его племянница. Онъ помнилъ ее молодой, свѣжей, такою, какою она была во время его послѣдняго пріѣзда въ Толедо, а теперь передъ нимъ стояла почти старая женщина, съ увядшимъ лицомъ, съ выступающими скулами, провалившимися глазами, съ измученнымъ, страдальческимъ видомъ. Потертое платье, стоптанные башмаки ясно указывали на крайнюю нищету.

— Поздоровайся съ дядей,—сказала старуха.—Онъ ангелъ небесный, несмотря на свои продѣлки. Это онъ вернулъ тебя сюда.

Садовница толкнула Саграріо къ дядѣ, но несчастная женщина опустила голову, согнула плечи и прикрыла лицо мантильей, скрывая слезы.

— Пойдемъ домой,—сказалъ Габріэль.—Къ чему ей здѣсь стоять.

Поднимаясь по лѣстницѣ, они пропустили впередъ Саграріо.

— Мы пріѣхали изъ Мадрида сегодня утромъ,—разсказывала садовница Габріэлю.—Но я весь день оставалась съ ней въ заѣзжемъ дворѣ, думая, что лучше ей вернуться домой только подъ вечеръ. Эстабанъ теперь въ церкви, и у тебя есть время подготовиться къ разговору съ нимъ. Три дня я пробыла въ Мадридѣ съ Саграріо и насмотрѣлась такихъ ужасовъ, что вспомнить страшно. Въ какомъ аду она очутилась, несчастная! И еще говорятъ, что мы христіане! Нѣтъ, люди хуже дьяволовъ. Хорошо, что у меня есть знакомые въ соборѣ. Они вспомнили старую Томасу и помогли мнѣ. И то еще пришлось дать денегъ, чтобы вырвать ее изъ когтей дьявола.

Въ верхнемъ монастырѣ было пустынно въ этотъ часъ. Дойдя до квартиры отца, Саграріо остановилась у дверей, откинулась назадъ съ выраженіемъ ужаса и стала плакать.

— Войди, войди, — сказала тетка. — Это твой домъ; рано или поздно ты должна была вернуться сюда.

Она силой толкнула ее въ дверь. Войдя въ переднюю, Саграріо перестала плакать. Она стала оглядываться съ изумленіемъ, какъ бы не вѣря, что дѣйствительно вернулась домой, и поражалась видомъ знакомыхъ предметовъ. Все было на прежнемъ мѣстѣ. Ничего не измѣнилось за пять лѣтъ ея отсутствія въ этомъ маленькомъ міркѣ, окаменѣвшемъ подъ сѣнью собора. Только она, ушедшая среди цвѣтущей молодости, вернулась постарѣвшей и больной...

Наступило долгое молчаніе.

— Твоя комната, Саграріо, осталась такой же, какъ ты ее оставила,—сказалъ наконецъ Габріэль.—Войди туда и жди, пока я позову тебя. Будь спокойна и не плачь. Довѣрься мнѣ... Сейчасъ вернется твой отецъ. Спрячься и сиди тихо. Помни: не выходи, пока я тебя не позову.

Она ушла, и еще долго Томаса и Габріэль слышали сдержанныя рыданія молодой женщины, которая бросилась въ изнеможеніи на кровать и долго не могла побороть слезы.

— Бѣдняжка!—сказала старуха, которая тоже готова была расплакаться.—Она раскаивается въ своихъ грѣхахъ. Если бы отецъ позвалъ ее къ себѣ, когда она очутилась одна, она бы не опустилась до такого позора. Она больна; кажется, еще болѣе больна, чѣмъ ты... Хороши люди, съ ихъ болтовней о чести! Лучше бы они понимали, что нужно любить и жалѣть, а не осуждать другихъ. Я это говорила своему зятю. Онъ возмутился, узнавъ, что я поѣхала за Саграріо, сталъ говорить о семейной чести, сказалъ, что если Саграріо вернется, то честнымъ людямъ нельзя будетъ тутъ жить, и что онъ не-выпуститъ за порогъ дома свою дочь. И это говоритъ человѣкъ, который воруетъ воскъ у Мадонны и прикарманиваетъ деньги за мессы, которыхъ никогда не служитъ!

Послѣ короткаго молчанія, Томаса нерѣшительно посмотрѣла на племянника.

— Что-жъ, позвать Эстабана?—спросила она.

— Позовите. А вы будете присутствовать при нашемъ объясненіи?

— Нѣтъ. Я вѣдь или расплачусь, или брошусь на него съ кулаками. Ты лучше съумѣешь уговорить его одинъ. Тебѣ вѣдь Богъ далъ даръ слова—жаль, что ты такъ плохо воспользовался имъ въ жизни.

Старуха ушла, и Габріэль ждалъ брата болѣе получаса среди тишины собора. Наконецъ Эстабанъ явился...

— Что̀ такое, Габріэль? — тревожно спросилъ онъ. — Что̀ случилось? Тетя Томаса позвала меня къ тебѣ. Ужъ не боленъ ли ты?

— Нѣтъ, Эстабанъ, садись, успокойся.

Эстабанъ сѣлъ и съ тревогой поглядѣлъ на брата. Его серьезный видъ и долгое молчаніе, прежде чѣмъ онъ заговорилъ, сильно его обезпокоили.

— Да говори же наконецъ! — сказалъ онъ. — Мнѣ становится страшно.

— Послушай, братъ, — началъ Габріэль: — я до сихъ поръ не говорилъ съ тобой о тайнѣ твоей жизни. Ты сказалъ мнѣ, что твоя дочь умерла, и я тебя не разспрашивалъ. Правда вѣдь, что я до сихъ поръ не растравлялъ твои раны?

— Да, конечно. Но зачѣмъ ты это теперь вспоминаешь? — спросилъ Эстабанъ. — Зачѣмъ говорить о томъ, что мнѣ такъ больно?

— Эстабанъ, выслушай меня спокойно и не упирайся въ предразсудкахъ нашихъ предковъ. Будь разумнымъ человѣкомъ. Мы съ тобой люди разной вѣры. Я не говорю о религіи, а только о взглядахъ на жизнь. Для тебя семья—дѣло божеское, а по-моему семья создана людьми въ силу потребностей рода. Ты осуждаешь прегрѣшившаго противъ закона семьи, предаешь его забвенію, а я прощаю его слабости. Мы разно понимаемъ честь. Ты знаешь только кастильскую честь, жестокую и неумолимую, очень театральную. Она основана не на истинныхъ чувствахъ, а на страхѣ передъ тѣмъ, что̀ скажутъ другіе, на желаніи рисоваться передъ другими... Прелюбодѣйная жена достойна смерти, убѣжавшая дочь—предается забвенію. Вотъ ваше евангеліе. А я такъ полагаю, что жену, забывшую свой долгъ, слѣдуетъ забыть, а дочь, ушедшую изъ дому, нужно вернуть любовью, нѣжностью и прощеніемъ. Послушай, Эстабанъ: насъ раздѣляютъ наши убѣжденія; между нами лежатъ цѣлые вѣка. Но ты мой братъ, ты любишь меня и знаешь, что я люблю тебя и чту память родителей. Во имя всего этого, я говорю тебѣ, что ты долженъ опомниться; пора отказаться отъ ложнаго пониманія чести, — пора вспомнить про дочь, которая тяжко страдаетъ. Ты — такой добрый, ты пріютилъ меня въ тяжелую минуту жизни, — какъ же ты можешь спасать людей, не думая о твоей потерянной дочери? Ты не знаешь, не умираетъ ли она съ голоду, въ то время какъ ты ѣшь? Можетъ быть, она лежитъ въ больницѣ въ то время, какъ ты живешь въ домѣ твоихъ отцовъ.

Лицо Эстабана становилось все болѣе и болѣе мрачнымъ.

— Всѣ твои старанія напрасны, Габріэль,—отвѣтилъ онъ наконецъ.—Не говори мнѣ о ней: она разбила мою жизнь, она опозорила семью, которая цѣлыми вѣками была гордостью собора и строгостью своей добродѣтели внушала уваженіе всѣмъ каноникамъ и даже архіепископамъ. А изъ-за моей дочери мы всѣ сдѣлались предметомъ насмѣшекъ, позорныхъ сожалѣній. Сколько я выстрадалъ, какъ часто рыдалъ отъ бѣшенства, послѣ того какъ слышалъ шушуканія за моей спиной. Бѣдная моя жена умерла отъ стыда. А ты требуешь, чтобы я это забылъ!.. Нѣтъ, Габріэль, я иначе понимаю честь: я хочу жить не стыдясь, глядѣть людямъ въ глаза, спать, не боясь очей покойнаго отца. Его взглядъ преслѣдовалъ бы меня, если бы подъ моимъ кровомъ жила моя потерянная дочь. Молю тебя, братъ, во имя нашей любви, не говори мнѣ объ этомъ... У тебя отравлена душа ядомъ опасныхъ ученій. Ты не только въ Бога не вѣруешь, но и про честь забылъ.

— Однако,—возразилъ Габріэль,—ваша религія учитъ, что дѣти—даръ Божій. Какъ же ты отвергаешь этотъ даръ при первомъ огорченіи отъ дочери? Нѣтъ, Эстабанъ, любовь къ дѣтямъ—первый величайшій долгъ. Дѣти продолжаютъ наше существованіе, они даютъ намъ безсмертіе. Забывать дѣтей, отказывать имъ въ помощи—значитъ отказаться отъ жизни послѣ смерти.

— Ты не убѣдишь меня, Габріэль,—отвѣтилъ Эстабанъ.—Не хочу, не хочу!

— Повторяю тебѣ: то, что ты дѣлаешь — возмутительно. Если ты держишься устарѣлаго понятія о чести, требующаго расплаты за позоръ кровью, почему же ты не отыскалъ соблазнителя твоей дочери и не убилъ его, какъ отцы въ старыхъ мелодрамахъ? Но ты миролюбивый человѣкъ и не научился убивать ближнихъ, а онъ привыкъ обращаться съ оружіемъ. А если бы ты вздумалъ другими средствами мстить ему, его семья уничтожила бы тебя. Ты изъ чувства самосохраненія отказался отъ мести и обрушилъ свой гнѣвъ на несчастную жертву...

Эстабанъ упорно стоялъ на своемъ.

— Ты меня не убѣдишь,—говорилъ онъ,—я не хочу тебя слушать. Она меня бросила, и я ее бросаю.

— Вѣдь если бы она тебя бросила послѣ обряда въ церкви, ты былъ бы радъ и встрѣчалъ бы ее съ открытыми объятіями каждый разъ, когда она пріѣзжала бы къ тебѣ. А теперь ты отъ нея отказываешься изъ-за того, что она обманута и очень несчастна? Подумай, Эстабанъ, почему она пала? Вѣдь въ этомъ виноваты ты и твоя жена; вы не вооружили ее противъ люд-

ского коварства, вы внушили ей преклоненіе передъ богатствомъ и знатностью, принимая у себя ея соблазнителя и гордясь его вниманіемъ къ вашей дочери. Чтò удивительнаго, что онъ сталъ для нея образцомъ всѣхъ совершенствъ? А когда обнаружились неизбѣжныя послѣдствія ихъ общественнаго неравенства, она изъ благородства не отказалась отъ своей любви и возстала противъ тираніи предразсудковъ. Въ этой борьбѣ она потерпѣла пораженіе. Ваша вина, что вы ее не поддержали, не уберегли. Несчастная! Она дорогой цѣной заплатила за свое ослѣпленіе. Теперь нужно поднять ее—и это долгъ твой, ея отца.

Эстабанъ сидѣлъ, опустивъ голову, и все время дѣлалъ отрицательные жесты головой.

— Послушай, братъ!—сказалъ Габріэль съ нѣкоторой торжественностью: — если ты упорствуешь въ отрицаніи, мнѣ остается покинуть твой домъ. Если не вернется твоя дочь, я уйду. Всякій по-своему понимаетъ честь. Ты боишься людскихъ толковъ — я боюсь своей совѣсти. Я былъ бы воромъ, если бы ѣлъ твой хлѣбъ, въ то время, какъ дочь твоя терпитъ голодъ; если бы принималъ попеченія о себѣ, когда у дочери твоей нѣтъ никакой поддержки въ жизни. Если она не вернется сюда, то я—грабитель, похитившій для себя любовь и заботы, принадлежащія по праву ей. У каждаго своя мораль. Твою тебѣ преподали попы, мою я создалъ себѣ самъ, и она—еще болѣе суровая. Поэтому я повторяю тебѣ: или твоя дочь вернется, или я уйду. Вернусь въ міръ, гдѣ меня травятъ какъ звѣря, вернусь въ больницу или въ тюрьму, умру какъ собака въ канавѣ. Не знаю, чтò будетъ, но я сегодня же уйду, чтобы не пользоваться ни минуты тѣмъ, чтò отнято у несчастной женщины.

Эстабанъ вскочилъ со стула.

— Ты съ ума сошелъ, Габріэль?—крикнулъ онъ.—Ты хочешь меня покинуть, когда твое присутствіе—единственная радость моей жизни? Я привязался къ тебѣ, воскресъ душой съ тѣхъ поръ, какъ ты со мной. Нѣтъ, ты не уйдешь—иначе я умру.

— Успокойся, Эстабанъ,—сказалъ Габріэль.—Будемъ говорить безъ криковъ и слезъ. Я тебѣ снова повторяю: если не исполнишь моей просьбы—я уйду.

— Да гдѣ же она, наконецъ, что ты такъ настойчиво просишь за нее?—спросилъ Эстабанъ.—Ты ее видѣлъ, что-ли? Неужели она въ Толедо? или даже....

Габріэль, видя, что онъ поколебленъ въ своемъ упрямствѣ, рѣшилъ, что наступилъ нужный моментъ, и открылъ дверь въ комнату Саграріо.

— Выйди,—сказалъ онъ,—проси прощенія у отца!

Эстабанъ, увидя среди комнаты женщину на колѣняхъ, остолбенѣлъ отъ изумленія. Потомъ онъ обратилъ глаза на Габріэля, точно спрашивая его, кто она. Женщина отняла руки отъ лица и поглядѣла ему прямо въ глаза. Ея помертвѣлыя губы шептали одно только слово:

— Прости, прости!..

При видѣ ея измученнаго, измѣнившагося до неузнаваемости лица, Эстабанъ почувствовалъ, что его неумолимость пошатнулась. Глаза его выразили безконечную грусть.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Ты побѣдилъ, Габріэль. Я исполняю твое желаніе. Она останется здѣсь, потому что ты этого хочешь. Но я не хочу ее видѣть. Оставайся ты съ ней, а я уйду.

VI.

Съ утра до вечера раздавался теперь стукъ швейной машины; вмѣстѣ со стукомъ молотка изъ квартиры сапожника это были единственныя напоминанія о трудѣ среди молитвенной тишины верхняго монастыря.

Когда Габріэль выходилъ на зарѣ изъ своей комнаты, прокашлявъ всю ночь, онъ уже заставалъ Сграріо, приготовлявшую машину для работы. Сейчасъ же по возвращеніи изъ собора, она принималась упорно и молчаливо за работу, чтобы какъ можно меньше показываться на глаза сосѣдямъ и чтобы загладить трудомъ свое прошлое. Старая садовница доставала ей работу, и стукъ машины не умолкалъ весь день. Эстабанъ проходилъ какъ тѣнь, появляясь у себя лишь тогда, когда это было неизбѣжно. За столомъ онъ сидѣлъ, опустивъ глаза, чтобы не смотрѣть на дочь, которая едва сдерживала рыданія въ его присутствіи. Тягостная тишина наполняла домъ, и одинъ только донъ Луисъ не измѣнился; онъ попрежнему оживленно болталъ съ Габріэлемъ и почти не замѣчалъ присутствія Саграріо.

Габріэль возмущался упрямствомъ брата, избѣгавшаго встрѣчъ съ дочерью.

— Ты ее убьешь,—говорилъ онъ;—твое поведеніе возмутительно.

— Что-жъ дѣлать, братъ, я иначе не могу. Я не могу глядѣть на нее... Достаточно, что я допускаю ея присутствіе въ домѣ. Если бы ты зналъ, какъ я страдаю отъ взглядовъ сосѣдей!

На самомъ дѣлѣ, однако, появленіе Саграріо вовсе не произ-

вело такого скандала, какъ онъ думалъ. Она такъ подурнѣла отъ болѣзни и горя, что женщины перестали относиться къ ней враждебно. Кромѣ того, покровительство Томасы защищало ее. Переставъ ей завидовать, всѣ, даже гордая Марикита, племянница дона Антолина, съ преувеличеннымъ покровительствомъ относились къ несчастной женщинѣ, которая прежде славилась своей красотой. Съ недѣлю ея появленіе возбуждало нѣкоторое любопытство, и всѣ толпились у дверей Эстабана, чтобы поглядѣть на Саграріо, наклоненную надъ машиной; но потомъ любопытство стихло, и Саграріо могла безпрепятственно жить своей печальной трудовой жизнью.

Габріэль мало выходилъ изъ дому и проводилъ цѣлые дни съ племянницей, чтобы хоть нѣсколько возмѣстить ей отцовскую ласку. Она была такъ же одинока дома, какъ въ чужомъ городѣ, и Габріэлю было жалко ее; иногда приходила тетка Томаса, которая одобряла трудолюбіе племянницы, но говорила, что всетаки не для чего убивать себя работой... Иногда являлись также друзья Габріэля, собиравшіеся прежде у сапожника. Они такъ привязались къ своему новому другу, что не могли жить безъ него. Даже сапожникъ, когда у него не было спѣшной работы, приходилъ съ повязанной головой и садился около швейной машины слушать Габріэля.

Молодая женщина смотрѣла на дядю съ восхищеніемъ, оживлявшимъ ея грустный взоръ. Она съ дѣтства много слышала объ этомъ таинственномъ родственникѣ, который скитался по далекимъ странамъ. А теперь онъ вернулся, состарившійся и больной, какъ она, но покорявшій своему вліянію всѣхъ вокругъ себя, восхищая ихъ своими рѣчами, которыя были небесной музыкой для всѣхъ этихъ людей, окаменѣвшихъ въ мысляхъ и чувствахъ. Габріэль былъ для нихъ откровеніемъ современнаго міра, который столько лѣтъ не проникалъ въ соборъ, жившій еще жизнью XVI-го вѣка.

Появленіе Саграріо измѣнило жизнь Габріэля. Присутствіе женщины воспламенило въ немъ проповѣдническій жаръ; онъ отступился отъ прежней сдержанности, сталъ часто говорить со своими друзьями о „новыхъ идеяхъ", которыя производили переворотъ въ ихъ мысляхъ и волновали ихъ, не давая спать по ночамъ. Они требовали у Габріэля, чтобы онъ излагалъ имъ свое ученіе, и онъ поучалъ ихъ подъ непрерывный звукъ швейной машины, который казался отголоскомъ мірового труда среди тишины соборныхъ камней.

Всѣ эти люди, привыкшіе къ медленному, правильному испол-

нeнію церковныхъ обязанностей и къ долгимъ промежуткамъ отдыха, удивлялись нервному трудолюбію Саграріо.

— Вы убьете себя работой,—говорилъ надувальщикъ органныхъ мѣховъ.—Я знаю, что послѣ длинной мессы, когда много органной игры, которую такъ любитъ донъ Луисъ, я проклинаю изобрѣтателя органа—до того я устаю.

— Работа — возбужденно говорилъ звонарь — кара Божія, проклятіе, которое Господь Богъ послалъ вослѣдъ нашимъ прародителямъ, изгнаннымъ изъ рая; это—цѣпи, которыя мы постоянно стремимся разбить.

— Нѣтъ,—возражалъ сапожникъ,—трудъ—мать всѣхъ добродѣтелей, а праздность—мать пороковъ... Правда вѣдь, донъ Габріэль?

— Трудъ—возражалъ Габріэль—не наказаніе и не добродѣтель, а тяжелый законъ; ему мы подчинены во имя сохраненія и себя, и всего рода человѣческаго. Безъ труда не было бы жизни...

И съ тѣмъ же пламеннымъ воодушевленіемъ, съ какимъ въ прежнія времена онъ проповѣдывалъ толпамъ слушателей на большихъ собраніяхъ, онъ объяснялъ теперь этой маленькой кучкѣ людей великое значеніе мірового труда, который наполняетъ ежедневно всю землю изъ конца въ конецъ. Онъ говорилъ про земледѣльческій трудъ, про рабовъ машинъ, создающихъ промышленность въ современномъ культурномъ мірѣ,—и про то, какъ всѣ эти милліоны людей, поддерживающіе существованіе общества, борющіеся противъ слѣпыхъ и жестокихъ силъ природы, живутъ сами на крохи, которыя имъ даетъ привилегированное ханжество.

— Это эгоистическое меньшинство — говорилъ Габріэль — исказило истину, убѣждая большинство, порабощенное имъ, что трудъ—добродѣтель, и что единственное назначеніе человѣка на землѣ—работать до изнеможенія. Сторонники этой морали, изобрѣтенной капиталистами, прикрываются наукой, говоря, что трудъ необходимъ для сохраненія здоровья, и что бездѣлье пагубно. Но они сознательно умалчиваютъ, что чрезмѣрный трудъ еще болѣе убиваетъ людей, чѣмъ праздность. Можно сказать, что работа—необходимость, это вѣрно. Но не слѣдуетъ говорить, что она—добродѣтель.

Соборные служители кивали головами въ знакъ сочувствія. Рѣчи Габріэля будили въ нихъ цѣлый міръ новыхъ идей; до сихъ поръ они жили, подчиняясь условіямъ своего существованія, въ полу-безсознательномъ состояніи, почти какъ сомнамбулы; а

неожиданное появленіе этого бѣглеца, побѣжденнаго въ соціальной борьбѣ, разбудило ихъ, толкнуло на работу мысли. Но пока еще единственнымъ ихъ свѣтомъ были слова учителя.

— Вы-то — продолжалъ Габріэль — не страдаете отъ чрезмѣрнаго труда, какъ рабы современной культуры. Служба церкви не утомительна. Но васъ убиваетъ голодъ. Разница между тѣмъ, что получаютъ каноники, и тѣмъ, что вы зарабатываете трудомъ своихъ рукъ, чудовищна. Вы не погибаете отъ труда, но чахнете отъ нужды. Здѣсь дѣти такія же чахлыя, какъ въ рабочихъ кварталахъ. Я знаю, что вамъ платятъ, что вы ѣдите. Церковь платитъ своимъ служителямъ столько же, сколько платила во времена господства вѣры, когда народы готовы были сооружать церкви только для спасенія души. И въ то время, какъ вы, живыя существа, нуждающіяся въ пищѣ, жалко питаетесь картофелемъ и хлѣбомъ, внизу деревянныя статуи покрываются жемчугомъ и золотомъ, съ безсмысленной роскошью, и вы даже не спрашиваете себя, почему статуи пользуются роскошью въ то время, какъ вы живете въ нуждѣ...

Слушатели Габріэля смотрѣли на него съ изумленіемъ, точно прозрѣвая отъ долгой слѣпоты. Съ минуту они молчали въ недоумѣніи и нѣкоторомъ ужасѣ, но потомъ лица ихъ озарились вѣрой.

— Правда, — мрачно подтвердилъ звонарь.

— Правда, — сказалъ и сапожникъ, съ горечью думая о своей нищетѣ, о своей огромной семьѣ, которую онъ не могъ прокормить, работая съ утра до вечера.

Сграріо молчала, не вполнѣ понимая слова дяди, но принимая ихъ на вѣру, и голосъ его звучалъ въ ея душѣ, какъ небесная музыка.

Слава Габріэля распространялась между бѣдными служащими храма. Всѣ говорили о его умѣ, и много разъ и священники, заинтересованные имъ, старались разговориться съ Габріэлемъ. Но онъ сохранялъ еще достаточно осторожности и былъ очень сдержанъ съ канониками, боясь, чтобы его не изгнали изъ собора.

Одного только молодого священника, очень бѣднаго, служившаго духовникомъ въ одномъ изъ безчисленныхъ монастырей въ Толедо, Габріэль счелъ достойнымъ довѣрія. Священникъ этотъ, донъ Мартинъ, получалъ всего семь дуро въ мѣсяцъ и на это долженъ былъ еще содержать старую мать.

— Подумайте, Габріэль, — говорилъ молодой священникъ: — я принесъ столько жертвъ, а зарабатываю меньше, чѣмъ работ-

никъ на фермѣ. Неужели для этого меня посвящали съ такимъ торжествомъ въ священническій санъ, точно, вступая въ бракъ съ церковью, я пріобщался къ ея богатству?!

Нищета дѣлала его рабомъ дона Антолина, и въ концѣ мѣсяца онъ почти ежедневно являлся въ верхній монастырь, чтобы выманить у дона Антолина нѣсколько пезетъ. Онъ даже льстилъ Марикитѣ, которая не могла оставаться безучастной даже къ аббату, при своихъ симпатіяхъ ко всѣмъ мужчинамъ, и всюду расхваливала его. Но дядю ея было гораздо труднѣе смягчить; донъ Антолинъ намѣренно притѣснялъ дона Мартина, чтобы показать жителямъ верхняго монастыря, что его власть простирается не только на мелкоту, а и на такихъ же священниковъ, какъ онъ самъ. Донъ Мартинъ былъ для него слугой въ рясѣ, и онъ подъ разными предлогами каждый день вызывалъ его къ себѣ и заставлялъ дожидаться своего прихода по долгимъ часамъ. А въ разговорѣ съ нимъ донъ Мартинъ принужденъ былъ непремѣнно слушать и подтверждать всѣ его слова.

Габріэлю часто становилось жалко молодого священника, жившаго въ такомъ подчиненіи, и онъ спускался въ галерею, присоединяясь къ бесѣдамъ дона Антолина и его жертвы. Вслѣдъ за Габріэлемъ появлялись его друзья, звонарь, пономарь, Тато и сапожникъ. Дону Антолину пріятно было собирать вокругъ себя всѣхъ ихъ; онъ былъ увѣренъ, что они приходятъ слушать его, а не Габріэля. Но, признавая равнымъ себѣ только Габріэля, онъ обращался исключительно къ нему, а если кто-нибудь изъ слушателей раскрывалъ ротъ, онъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ, и продолжалъ говорить съ Габріэлемъ. Любимой темой его разговора была нынѣшняя бѣдность собора и прежнее его величіе. Онъ говорилъ о щедрости прежнихъ королей, приводя въ тѣсную связь блескъ прежняго времени съ величіемъ монарховъ.

— Это правда, — подтверждалъ звонарь, — то время было хорошее. Мы вѣдь шли воевать въ горы только для того, чтобы вернуть его. Ахъ, если бы побѣдилъ донъ Карлосъ!.. Правда вѣдь, Габріэль? Ты можешь подтвердить это — мы вмѣстѣ сражались.

— Не говори вздора, Маріано!—остановилъ его съ грустной улыбкой Габріэль.—Ты самъ не зналъ въ то время, за что сражаешься; ты былъ слѣпъ, какъ и я. Не обижайся, это правда. Ну скажи: чего ты хотѣлъ добиться, сражаясь за дона Карлоса?

— Какъ чего? Справедливости. Престолъ принадлежалъ семьѣ дона Карлоса—нужно было вернуть его ему.

— И это все?—холодно спросилъ Габріэль.

— Нѣтъ, это самое меньшее. Я хотѣлъ, и теперь хочу, чтобы у насъ былъ справедливый король, добрый католикъ, который бы, помимо всякихъ кортесовъ, накормилъ насъ всѣхъ до-сыта, не дозволялъ бы богатымъ угнетать бѣдныхъ и не допускалъ бы, чтобы люди умирали съ голоду, когда они готовы трудиться... Кажется, ясно?

— И ты думаешь, что все это было въ прежнее время?— Да вѣдь именно та эпоха, которую привыкли считать великой, была самой ужасной и породила все зло, угнетающее насъ теперь.

— Подожди, подожди, Габріэль,—вмѣшался донъ Антолинъ. Ты много знаешь, ты больше путешествовалъ и видѣлъ, чѣмъ я. Но въ этомъ вопросѣ я свѣдущъ, и не допущу, чтобы ты злоупотреблялъ невѣжествомъ Маріано и другихъ. Какъ ты можешь обвинять во всемъ прежнее время? Напротивъ того, во всемъ виноваты либерализмъ и теперешнее безвѣріе. Безъ трона и алтаря Испанія не можетъ существовать, — это ясно видно изъ всего, что дѣлается у насъ съ тѣхъ поръ, какъ начались революціи. У насъ отбираютъ наши острова, — испанцевъ, самую храбрую націю въ мірѣ, разбиваютъ, страна погибаетъ отъ долговъ. Развѣ это когда-нибудь бывало?.. Ты прямо съ ума сошелъ... Ты разсуждаешь не какъ испанецъ. Забылъ ты, что-ли, что сдѣлали Фердинандъ и Изабелла, покорившіе Гренаду?.. Забылъ открытіе Америки, побѣды Карла V-го! Ты положительно потерялъ голову и отрицаешь очевидность. Кто спасъ Европу отъ мавровъ, какъ не испанцы?.. А наука? Въ тѣ времена жили величайшіе богословы, знаменитѣйшіе поэты, не превзойденные съ тѣхъ поръ. И чтобы показать, что источникъ всякаго величія — религія, знаменитѣйшіе поэты и писатели носили платье священниковъ... Ты скажешь, что потомъ наступилъ упадокъ. Я знаю, но это ничего не значитъ. Въ этомъ я вижу испытаніе Господне, желаніе унизить какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлые народы, съ тѣмъ, чтобы потомъ возвеличить ихъ, если они будутъ стоять на прежнемъ пути... Что объ этомъ говорить! Мы помнимъ только великое прошлое, блестящую эпоху Фердинанда и Изабеллы, дона Карлоса и двухъ Филипповъ, — и ее мы хотимъ вернуть.

— А все-таки, донъ Антолинъ, — спокойно возразилъ Габріэль, — та блестящая эпоха, которою вы восхищаетесь, представляетъ собой именно упадокъ и подготовила наше разореніе. Я не удивляюсь вашему возмущенію. Другіе, болѣе образованные, чѣмъ вы, тоже возмущаются, если затронутъ то, что они называютъ „золотымъ вѣкомъ". Это происходитъ оттого, что изученіе

исторіи сводится у насъ къ прославленію внѣшняго великолѣпія, а между тѣмъ только дикари цѣнятъ все по внѣшнему блеску, а не по внутренней пользѣ. Испанія была велика и, можетъ быть, станетъ еще великой націей, благодаря качествамъ, которыхъ не могли уничтожить война и политика. Но эти качества создались въ средніе вѣка, когда можно было питать надежды, не оправдавшіяся послѣ того, какъ утвердилось національное единство. Тогда въ Испаніи жило образованное, трудолюбивое культурное населеніе; тогда создались элементы, могущіе породить великую націю.

Въ пылу спора Габріэль забылъ о необходимой осторожности,— такъ ему хотѣлось убѣдить дона Антолина, который слушалъ его холодно и мрачно. Другіе же внимали возбужденно, смутно чувствуя необычайность подобныхъ рѣчей въ стѣнахъ собора. Донъ Мартино, стоя за спиной своего скупого покровителя, смотрѣлъ на Габріэля съ нескрываемымъ восторгомъ. Габріэль сталъ излагать, освѣщая факты, согласно своимъ революціоннымъ идеямъ, всю исторію иностранныхъ вторженій въ Испанію, а также изображалъ ростъ національнаго духа, который достигъ высшаго напряженія въ концѣ среднихъ вѣковъ. Царствованіе Фердинанда и Изабеллы было апогеемъ національной исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, началомъ паденія. То, что было великаго при нихъ, было результатомъ энергіи прежнихъ вѣковъ. Сами же они погубили Испанію своей политикой, толкнувъ ее на путь религіознаго фанатизма и возбудивъ жажду всемірнаго цезаризма. Въ то время Испанія стояла впереди всей Европы и играла такую же роль, какъ теперь Англія. Если бы вмѣсто того, чтобы бросаться въ военныя авантюры, она продолжала прежнюю политику вѣротерпимости и сліянія расъ, земледѣльческаго и промышленнаго труда,—какъ бы она далеко пошла!.. Возрожденіе было въ значительной степени болѣе испанскимъ, чѣмъ итальянскимъ. Въ Италіи возродилось только античное искусство, но то, что составляетъ другую сторону возрожденія—пробужденіе къ жизни новаго общества съ новой культурой и наукой—все это дѣло Испаніи, въ которой слилась арабская, іудейская и христіанская культура. Въ Испаніи впервые создалась современная стратегія: испанскія войска первыя стали употреблять огнестрѣльное оружіе. Испанія открыла Америку.

— Что-жъ, этого тебѣ мало?—прервалъ донъ Антолинъ:— ты вѣдь самъ подтверждаешь мои слова, говоря, что величіе Испаніи относится ко времени Фердинанда и Изабеллы католическихъ.

— Я признаю, что это была одна изъ самыхъ блестящихъ эпохъ нашей исторіи, послѣдній моментъ ея славы,—но тогда же именно началась смерть страны. Изабелла установила инквизицію; начались религіозныя преслѣдованія; изгнаны были евреи, которые такъ любили нашу страну и дали наукѣ среднихъ вѣковъ такихъ великихъ людей, какъ Маймонидъ, и которые служили опорой нашей промышленности. Потомъ начинается вторженіе австрійцевъ. Нація теряетъ навсегда свою самобытность и начинаетъ умирать. Истинная Испанія, чуждая посторонняго вліянія, это—та, въ которой христіанское населеніе, съ примѣсью арабовъ, мавровъ и евреевъ, отличалось вѣротерпимостью; это Испанія, въ которой процвѣтали земледѣліе и промышленность, въ которой были свободные города. Она умерла при Фердинандѣ и Изабеллѣ католическихъ и смѣнилась Испаніей фламандской, которая сдѣлалась германской колоніей, истощала свои силы въ войнахъ, не имѣвшихъ національнаго значенія. Карлъ V и его сыновья были сильными королями, не спорю, но они убили національный духъ Испаніи, убили испано-арабскую культуру. Хуже того, они уничтожили культурную вѣротерпимость Испаніи, свободу древней испанской церкви, и создали жестокій церковный фанатизмъ, который—вовсе не произведеніе испанской почвы, а созданіе нѣмецкаго цезаризма.

Донъ Анголинъ не выдержалъ, наконецъ, кощунственныхъ рѣчей Габріэля и остановилъ его.

— Габріэль, сынъ мой! — воскликнулъ онъ: — да ты болѣе крайній, чѣмъ я думалъ! Подумай, гдѣ ты все это говоришь? Мы стоимъ подъ сводами великаго испанскаго собора!..

Но ужасъ и возмущеніе стараго священника еще болѣе возбуждали Габріэля, и онъ продолжалъ развивать свои взгляды.

— Повторяю, — говорилъ онъ:—Карлъ V былъ нѣмецъ до мозга костей и переносилъ несчастія Испаніи какъ иностранецъ. А послѣ него началось разложеніе. Филиппъ III довершилъ гибель страны, изгнавъ мавровъ; Филиппъ IV былъ порочный дегенератъ. Испанія покрылась тысячами монастырей и церквей. Число священниковъ и монаховъ все росло и росло, а численность населенія въ теченіе двухъ вѣковъ спустилась отъ тридцати милліоновъ до семи. Инквизиція убивала культуру, войны истощали силы, усиленная эмиграція въ Америку уносила всѣ лучшіе рабочіе элементы страны. И эта эпоха варварства и застоя наступила какъ разъ тогда, когда вся остальная Европа развивалась и шла впередъ. Испанія, стоявшая такъ долго впереди всѣхъ народовъ, очутилась въ хвостѣ. Короли, обуревае-

мые гордостью, начали безумную войну для возстановленія прежняго блеска, но это привело къ новому пораженію. Испанія становилась все болѣе и болѣе католической и все болѣе и болѣе бѣдной и невѣжественной. Невѣжество и нищета по всей странѣ, усѣянной монастырями и церквами, были невообразимыя, и когда кончилось владычество австрійцевъ, Испанія была такъ безсильна, что чуть не наступилъ раздѣлъ ея между европейскими державами; ее чуть не постигла судьба другой католической страны въ Европѣ—Польши. Насъ спасли только распри королей.

— Однако,—попробовалъ-было возражать донъ Антолинъ,— если время это было такимъ ужаснымъ, почему испанцы терпѣли? Почему не было такихъ возстаній, какъ въ наше время?

— Развѣ это было возможно? Власть католичества, поддерживавшаго власть монархіи, убила народный духъ;—мы до сихъ поръ страдаемъ отъ послѣдствій этой болѣзни, длившейся цѣлые вѣка. Чтобы спасти страну отъ гибели, пришлось призвать на помощь иностранцевъ, — явились Бурбоны. Во время войны за испанское наслѣдство призваны были нѣмецкіе и англійскіе генералы и офицеры. Не было испанцевъ, способныхъ командовать войскомъ. При Филиппѣ V и Филиппѣ VI все управленіе страны было въ рукахъ иностранцевъ. Единственное спасеніе было въ анти-клерикализмѣ, и его внесли въ Испанію иностранцы—Бурбоны. Карлъ III первый началъ борьбу противъ церковной власти, — и церковь стала плакаться на преслѣдованія, на то, что у нея отнимаютъ ея права и главное — ея имущества. Но для страны политика Карла III была счастьемъ; она воскресила національную жизнь. Въ политикѣ Карла сказались отголоски англійской революціи. Но принципъ наслѣдственности погубилъ дѣло просвѣщеннаго короля. Слѣдующіе короли не продолжили его дѣла, а наступившая французская революція такъ напугала представителей монархической власти, что они потеряли голову уже навсегда. Страхъ передъ революціей снова обратилъ ихъ къ церкви, какъ единственной опорѣ; опять іезуиты и монахи сдѣлались и остались до сихъ поръ совѣтчиками королей. Наши революціи были мимолетными,—въ народѣ слишкомъ сказалось долгое церковное рабство, и всѣ испанскія возстанія останавливаются у порога церкви. Вы можете быть спокойны, народъ не ворвется въ стѣны собора. Но вы сами знаете, что это не потому, что воскресъ религіозный духъ прежнихъ вѣковъ. Испанцы равнодушны къ вопросамъ вѣры по недомыслію. Они вѣрны традиціямъ вѣры, въ которой ихъ воспитали, но никогда не размышляютъ о религіи. Они—ни вѣрующіе, ни атеисты, а

принимаютъ за вѣру то, что̀ принято, и живутъ въ какой-то умственной спячкѣ. Всякій проблескъ критической мысли убивается страхомъ передъ осужденіемъ другихъ. Судъ закоснѣлаго въ предразсудкахъ общества замѣнилъ прежнюю инквизицію. Всякій человѣкъ, разбивающій рамки общепринятаго, возбуждаетъ общій гнѣвъ и осуждаетъ себя на нищету или на одиночество. Нужно быть такимъ, какъ всѣ,—иначе нѣтъ возможности существовать. И вотъ почему у насъ невозможна оригинальная мысль, невозможны плодотворныя революціи. Вѣра умерла въ испанцахъ, но характеръ націи не измѣнился. Остался культъ традицій, преграждающій путь къ прогрессу. Даже революціонеры считаются съ предразсудками. Конечно, церковь бѣдна въ сравненіи съ ея прежними несмѣтными богатствами, но положеніе ея еще прочное. Пока у насъ будутъ попрежнему бояться суда людей и страшиться каждой новой идеи—до тѣхъ поръ вамъ нечего бояться революціи: какъ она ни будетъ бушевать, васъ она не коснется.

Донъ Антолинъ разсмѣялся.

— Теперь я совсѣмъ тебя не понимаю, Габріэль. Я возмущался твоими словами и думалъ, что ты, какъ многіе другіе, жаждешь революціи и водворенія республики, которая отниметъ у насъ все. А ты, оказывается, всѣмъ не доволенъ. Я радъ. Ты не страшный врагъ — ты не слишкомъ многаго требуешь. Но послушай, неужели ты дѣйствительно думаешь, что Испанія теперь еще въ такомъ же дикомъ состояніи, какъ въ тѣ вѣка, о которыхъ ты говоришь? Я все слышу о желѣзныхъ дорогахъ, фабрикахъ и заводахъ, наполняющихъ города и возвышающихся высоко надъ колокольнями церквей.

— Прогрессъ, конечно, есть,—пренебрежительно отвѣтилъ Габріэль.—Политическія революціи привели Испанію въ связь съ Европой, и потокъ захватилъ и насъ,—какъ онъ захватилъ дикія племена Америки. Но мы идемъ слѣдомъ за другими, безъ всякой инипіативы, плывемъ по теченію, въ то время какъ сосѣди, болѣе сильные, плывутъ впереди насъ. Въ чемъ результаты прогресса въ Испаніи? Наши желѣзныя дороги, очень плохія, принадлежатъ иностранцамъ; промышленность, въ особенности самое главное—металлургія—тоже въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ. Національная промышленность прозябаетъ подъ гнетомъ варварскаго протекціонизма. Въ деревняхъ деньги все еще прячутъ въ потаенномъ мѣстѣ и отдаютъ въ ростъ, не употребляя на живое дѣло. Милліоны гектаровъ земель пропадаютъ безъ правильнаго орошенія. Обработка неорошенныхъ земель—у насъ единственный родъ земледѣлія, и въ этомъ сказывается фана-

тизмъ, вѣра въ молитвы и небесныя воды, а не въ плодотворный трудъ рукъ человѣческихъ. Рѣки высыхаютъ лѣтомъ, а когда наполняются зимой, то наступаютъ губительныя наводненія. Есть достаточно камня для построекъ церквей, но нѣтъ—для плотинъ и бассейновъ. Воздвигаютъ колокольни и вырываютъ деревья, которыя привлекали бы дождь. Но самая ужасная язва нашего земледѣлія—рутинность крестьянъ, отвергающихъ всякіе научные пріемы во имя старыхъ традицій. Невѣжество возводится въ національную гордость. Въ другихъ странахъ разсадниками прогресса являются школы и университеты — у насъ же они создаютъ интеллигентный пролетаріатъ, который гонится только за мѣстами. Учатся, чтобы имѣть дипломъ, обезпечивающій заработокъ. Профессора и ученые большею частью—адвокаты или доктора, занятые своей профессіей и не интересующіеся наукой. Вся испанская наука — изъ вторыхъ рукъ, все переведено съ французскаго, да и эти переводы мало кто читаетъ;—всѣ заняты практическими интересами; студенты абсолютно не развиты; ихъ отрываютъ отъ дѣтскихъ игрушекъ, чтобы послать обучаться практическимъ знаніямъ, и послѣ короткаго ученья они становятся нашими управителями, законодателями и юристами. Развѣ это не смѣшно?

Габріэль не смѣялся, но донъ Антолинъ и другіе восторженно зааплодировали его словамъ. Старику священнику была пріятна всякая критика современности, и онъ выразилъ одобреніе Габріэлю.

— Наша страна обезсилена,—сказалъ Габріэль.—Въ другихъ странахъ сохраняютъ остатки старины, а у насъ, гдѣ процвѣтали всѣ виды европейскаго искусства,—римское, мавританское,—все гибнетъ отъ недостаточнаго присмотра. Народъ уничтожаетъ драгоцѣннѣйшіе памятники старины. Вся Испанія—запыленный и запущенный музей со старымъ хламомъ, не привлекающимъ даже туристовъ. Даже развалины у насъ развалились!

Донъ Мартинъ, молодой священникъ, молча глядѣлъ въ глаза Габріэлю, и въ его глазахъ свѣтился восторгъ. Другіе слушали, опустивъ голову, зачарованные смѣлостью рѣчей, прозвучавшихъ въ церковныхъ стѣнахъ. Донъ Антолинъ улыбался,—его забавляли слова Габріэля, хотя онъ былъ увѣренъ въ ихъ явной нелѣпости. Становилось уже темно, солнце зашло, и Марикита стала звать дядю домой.

— Сейчасъ, сейчасъ, иду,—сказалъ донъ Антолинъ,—я только еще долженъ ему что-то сказать.

— Послушай,—сказалъ онъ,—обращаясь къ Габріэлю:—ты

вотъ все такъ осуждаешь. Какое же ты предлагаешь средство, чтобы поправить дѣло? Скажи намъ, и потомъ пойдемъ домой. Становится холодно.

Онъ посмотрѣлъ на Габріэля, улыбаясь съ отеческимъ сожалѣніемъ, глядя на него какъ на ребенка...

— Увы,—отвѣтилъ Габріэль,—я не знаю средства. Насъ можетъ исцѣлить только научный прогрессъ. Испанія слишкомъ отдалилась отъ свѣта науки, который доходитъ до насъ только въ холодныхъ, слабыхъ отблескахъ. Мы слишкомъ горѣли вѣрой, и теперь обезсилѣли, какъ люди, испытавшіе серьезную болѣзнь въ ранней юности и навсегда оставшіеся безсильными, осужденные на преждевременную старость.

— Знаемъ мы,—сказалъ донъ Антолинъ, направляясь къ дверямъ своей квартиры. — Наука... о ней постоянно говорятъ въ такихъ случаяхъ... Нѣтъ, лучшая наука—это любить Бога. До свиданья.

— До свиданья, донъ Антолинъ. Но не забывайте вотъ чего: мы никогда не выходили изъ-подъ власти вѣры и меча. То вѣра, то мечъ управляли нами. А никогда не было рѣчи о наукѣ. Она никогда не властвовала въ Испаніи хотя бы однѣ сутки.

VII.

Послѣ этой бесѣды, Габріэль сталъ избѣгать разговоровъ съ дономъ Антолиномъ, раскаиваясь въ своей неосторожности: онъ боялся, что его выгонятъ и изъ собора. Зачѣмъ бороться противъ неискоренимыхъ предразсудковъ? Зачѣмъ напрасно кружить головы горсти соборныхъ служителей? Обращеніе нѣсколькихъ существъ, привязанныхъ къ прошлому, какъ улитки къ скалѣ, не можетъ содѣйствовать духовному освобожденію человѣчества. Эстабанъ тоже совѣтовалъ ему быть осторожнымъ, потому что донъ Антолинъ призвалъ его и сталъ освѣдомляться, откуда у Габріэля взялись такія опасныя мысли. Онъ обѣщалъ не поднимать скандала, въ виду того, что онъ былъ гордостью семинаріи, но требовалъ, чтобы больше такіе „митинги“ не повторялись въ стѣнахъ собора, и чтобы онъ не развращалъ служащихъ. Живя гостемъ въ соборѣ, не благородно подтачивать его основы.

Этотъ послѣдній доводъ убѣдилъ Габріэля, и онъ сталъ избѣгать встрѣчъ со своими друзьями, не приходилъ къ сапожнику, и когда видѣлъ, что всѣ они собираются въ галереѣ послушать его, шелъ на верхъ къ регенту, который былъ счастливъ,

что можетъ играть ему новыя пьесы. Когда Габріэль сильно кашлялъ, онъ переставалъ играть, и между ними завязывались длинныя бесѣды всегда на одну и ту же тему—о музыкѣ.

— Замѣтили ли вы, донъ Габріэль,—сказалъ однажды донъ Луисъ,—что Испанія очень печальна, но не поэтичной грустью другихъ странъ, а дикой, грубой скорбью? Испанія знаетъ или громкій смѣхъ, или рыданія, но не знаетъ ни улыбки, ни разумной веселости. Она смѣется, оскаливая зубы; душа ея всегда мрачна какъ пещера, гдѣ страсти мечутся, какъ звѣри въ клѣткѣ.

— Вы правы: Испанія печальна,—отвѣтилъ Габріэль.—Она уже не ходитъ вся въ черномъ, какъ въ прежнее время, но душа у нея мрачная, живущая отголосками инквизиціи, страхомъ костровъ. Нѣтъ у насъ открытой веселости.

— Это всего замѣтнѣе въ музыкѣ,—сказалъ донъ Луисъ.—Нѣмцы танцуютъ томные или бѣшеные вальсы, или съ кружкой пива въ рукахъ поютъ беззаботныя студенческія пѣсни. Французы хохочутъ и пляшутъ съ порывистыми движеніями, готовые сами смѣяться надъ своими обезьяньими ужимками. У англичанъ танцы похожи на спортъ здоровыхъ атлетовъ. А наши народные танцы носятъ священническій характеръ, напоминающій экстазъ танцующихъ священнослужителей, которые падаютъ въ концѣ-концовъ у ногъ алтаря съ обезумѣвшими глазами. А наше пѣніе? Пѣсни прекрасны, но сколько въ нихъ отчаянія, до чего онѣ надрываютъ душу народа, любимое развлеченіе котораго—видъ крови на аренахъ цирка! Говорятъ объ испанской живости, объ андалузской веселости... Хороша она!.. Я разъ былъ въ Мадридѣ на андалузскомъ праздникѣ. Всѣ хотѣли быть веселыми, пили много вина. Но чѣмъ больше они пили, тѣмъ лица становились болѣе мрачными. Мужчины обмѣнивались злыми взглядами; женщины топали ногами, хлопали въ ладоши съ затуманеннымъ взоромъ, точно музыка опустошила ихъ мозгъ. Танцовщицы извивались какъ змѣи, сжавъ губы, съ неприступнымъ, надменнымъ взглядомъ, какъ баядерки, исполняющія священный танецъ. По временамъ раздавалось пѣніе на монотонный и сонный мотивъ, съ острыми выкриками, какъ у человѣка, падающаго пораженнымъ на смерть. Слова пѣсенъ были прекрасны, но печальны, какъ жалобы узника въ тюрьмѣ. Содержаніе всѣхъ пѣсенъ—одно и то же: ударъ кинжала въ сердце измѣнницы, месть за оскорбленіе матери, прощаніе съ міромъ передъ казнью—похоронная поэзія, сжимающая сердце и убивающая радость. Даже въ гимнахъ женской красотѣ говорится о крови и кинжалахъ... Мы—печальный народъ и можемъ пѣть

только съ угрозами и слезами. Намъ нравятся только тѣ пѣсни, въ которыхъ есть стоны и предсмертный хрипъ.

— Это совершенно понятно,—возразилъ Габріэль.—Испанскій народъ любилъ своихъ королей и своихъ священниковъ, и сталъ походить на нихъ. Онъ веселъ грубымъ весельемъ монаха. Предметы нашего смѣха всегда одни и тѣ же: уродство нищеты, паразиты на тѣлѣ, мѣдный тазъ благороднаго гидальго, уловки нищаго, который крадетъ кошелекъ у товарища, ловкая кража у благочестивыхъ дамъ въ церкви, хитрость женщинъ, которыхъ держатъ взаперти, болѣе порочныхъ, чѣмъ женщины, пользующіяся полной свободой... Испанская грусть—дѣло нашихъ королей, мрачныхъ, больныхъ, мечтавшихъ о міровой власти въ то время, какъ народъ умиралъ съ голоду. Когда дѣйствительность не оправдывала ихъ надеждъ, они становились мрачными ипохондриками, приписывали свои неудачи карѣ Господней и, чтобы умилостивить небо, предавались жестокому благочестію. Не напрасно уже много вѣковъ черный цвѣтъ сталъ цвѣтомъ испанскаго двора: угрюмость и печаль королей были наказаніемъ природы за ихъ фанатическій деспотизмъ, и отъ королей мрачность духа перешла къ народу.

Габріэль радъ былъ, что могъ свободно изливать накипѣвшія въ немъ мятежныя чувства передъ музыкантомъ, и воодушевился, говоря о вліяніи вѣковъ инквизиціи на народъ. Но среди пламенныхъ рѣчей онъ закашлялся сильнѣе, чѣмъ обыкновенно, и бесѣда оборвалась.

— Не пугайтесь, донъ Луисъ,—сказалъ онъ, собираясь уходить.—У меня такіе припадки бываютъ каждый день; я боленъ, и мнѣ не слѣдуетъ такъ много говорить. Но я не могу молчать, — до того меня волнуетъ мысль о томъ, какъ погубили нашу страну монахи.

Вскорѣ Габріэль сталъ опять видаться со своими друзьями, которые, по выраженію сапожника, не могли жить безъ него. Друзья собирались теперь на башнѣ у звонаря, чтобы избѣжать инквизиторскихъ взглядовъ дона Антолина. По утрамъ Габріэль сидѣлъ подлѣ своей племянницы, глядя, какъ она шьетъ на машинѣ, и смотрѣлъ на ея грустное лицо, когда она молчаливо склонялась надъ работой. Они очень сблизились, проводя вмѣстѣ время въ одинокомъ помѣщеніи Эстабана, который уходилъ изъ дому, избѣгая общества дочери. Ихъ сближала также болѣзнь. По ночамъ Габріэль, который не могъ уснуть отъ душившаго его кашля, слышалъ стоны племянницы. Встрѣчаясь утромъ, они обмѣнивались тревожными вопросами о здоровьи другъ друга: каж-

дый изъ нихъ забывалъ о своихъ страданіяхъ, видя передъ собой страданіе другого. Саграріо была очень больна, но ея молодое лицо оставалось красивымъ, глаза сверкали оживленіемъ и нѣжная грустная улыбка придавала ей особую прелесть... Изъ любви къ дядѣ, Саграріо не позволяла ему такъ долго сидѣть подлѣ себя, находя, что ему нужно движеніе, и боясь стѣснять его собою. Онъ уходилъ тогда къ своимъ друзьямъ, собиравшимся у звонаря, и находилъ тамъ всѣхъ своихъ прежнихъ слушателей, въ томъ числѣ и дона Мартина, который пробирался туда тайкомъ, а также и сапожника; онъ работалъ по ночамъ, чтобы возмѣстить время, которое проводилъ, слушая Габріэля. Самый дикій и смѣлый изъ всѣхъ былъ звонарь Маріано. Онъ быстро освоился съ новыми идеями и сразу принялъ самые крайніе идеалы Габріэля.

— Я вполнѣ раздѣляю твои убѣжденія, Габріэль, — говорилъ онъ,—и въ сущности всегда ихъ раздѣлялъ. Я считалъ, что не должно быть бѣдныхъ, что всѣ должны работать, и что нужно помогать другъ другу... Я съ этими мыслями и пошелъ въ горы, надѣвъ бойну и взявъ ружье въ руки. Я всегда думалъ, что религію выдумали богатые, чтобы примирить обездоленныхъ съ ихъ судьбой, давъ имъ надежду на вознагражденіе на небѣ. И выдумка не дурна. Кто послѣ смерти не нашелъ блаженства—не придетъ вѣдь жаловаться.

Однажды въ свѣтлое весеннее утро Габріэль вмѣстѣ со своими друзьями, собравшимися у Маріано, пошелъ на колокольню—поглядѣть на знаменитый большой колоколъ, La Gorda, котораго онъ не видѣлъ съ дѣтства. Поднявшись по спиральной лѣстницѣ изъ комнатки звонаря, всѣ они стали у огромной рѣшетки, замыкавшей клѣтку для колокола, и стали глядѣть внизъ, на живописный видъ разстилавшагося у ихъ ногъ Толедо. Прямо противъ собора возвышался Альказаръ, величественно поднявшійся выше собора, точно храня высокій духъ построившаго его императора, цезаря католицизма, борца за вѣру, державшаго однако церковь у своихъ ногъ.

Вокругъ собора раскинулись зданія города, и дома исчезали среди безчисленныхъ церквей и монастырей, наводнившихъ Толедо. Церковь заполонила Толедо, въ которомъ въ прежніе вѣка кипѣла промышленность, и до сихъ поръ подавляла своей каменной громадой мертвый городъ. На нѣсколькихъ колокольняхъ развѣвался маленькій красный флагъ съ изображенной на немъ причастной чашей: это означало, что тамъ служитъ первую службу посвященный въ санъ новый священникъ.

— Когда бы я ни поднялся сюда,—сказалъ донъ Мартинъ, сѣвъ около Габріэля,—всегда развѣвается гдѣ-нибудь этотъ флагъ. Церковь неустанно пополняетъ свои ряды новыми избранниками, а большинство вступающихъ въ нее избираетъ духовную карьеру только для того, чтобы пріобщиться къ богатствамъ и могуществу церкви. Бѣдные! И меня вѣдь тоже посвящали съ пышностью, среди клубовъ ладана, и семья моя плакала отъ счастья и умиленія, гордясь тѣмъ, что я сталъ служителемъ Господнимъ. Но на слѣдующій день послѣ торжества начались будни, началась нужда, приходилось вымогать мольбами возможность имѣть кусокъ хлѣба—зарабатывать семь дуро въ мѣсяцъ.

— Да,—сказалъ Габріэль, кивая головой въ знакъ сочувствія словамъ молодого священника.—Вы—первыя обманутыя жертвы. Прошло время, когда всѣ священники жили въ богатствѣ. Несчастные юноши, надѣвающіе рясу съ надеждой на митру, похожи на эмигрантовъ, которые отправляются въ далекія страны, славившіяся цѣлыми вѣками какъ неисчерпаемые источники богатствъ, и убѣждаются, попавъ туда, что богатства истощены, что тамъ—бóльшая нужда, чѣмъ у нихъ дома.

— Правда, Габріэль. Время могущества церкви прошло. Но все-таки церковь еще достаточно богата, чтобы доставить довольство всѣмъ своимъ членамъ. Но духъ равенства, который приписывается церкви, не существуетъ на самомъ дѣлѣ. Напротивъ того, нигдѣ нѣтъ такого безпощаднаго деспотизма, какъ въ церкви. Церковь стала аристократичной насквозь. Кто достигъ митры, тотъ навсегда свободенъ отъ всякой отвѣтственности. Въ государственной жизни чиновниковъ удаляютъ со службы, министровъ смѣняютъ, военныхъ лишаютъ военнаго званія, даже королей свергаютъ съ престола. Но папа и епископы не могутъ быть никѣмъ смѣщены и не несутъ никакой отвѣтственности. А если какой нибудь-возмущенный несправедливостями священникъ вздумаетъ протестовать, окажется живымъ человѣкомъ подъ рясой—его объявляютъ сумасшедшимъ. Въ завершеніе лицемѣрія, они провозглашаютъ, что въ лонѣ церкви живется лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, и что только безумецъ можетъ возмутиться противъ нея.

— Какая ложь—продолжалъ донъ Мартино, все болѣе воодушевляясь,—все, что говорится о бѣдности церкви! Эта бѣдность—очень относительная. Церковь уже не владѣетъ большей половиной богатствъ всей страны, какъ прежде, но все-таки государство тратитъ на церковь больше, чѣмъ на все другое. На церковь въ бюджетѣ опредѣляется сорокъ милліоновъ, а на на-

родное образованіе—девять, на помощь неимущимъ—одинъ милліонъ. Чтобы сохранить добрыя отношенія съ Богомъ, испанцы тратятъ въ пять разъ больше, чѣмъ на обученіе грамотѣ. Но, помимо этого, церковь получаетъ субсидіи отъ разныхъ министерствъ — на миссіи въ разныхъ странахъ, на содержаніе духовниковъ въ арміи и флотѣ. Она собираетъ огромныя деньги на поддержаніе папскаго двора, на перестройки и поддержку церквей, собираетъ огромныя пожертвованія съ частныхъ лицъ, получаетъ субсидіи отъ городскихъ совѣтовъ... Словомъ, церковь имѣетъ ежегодно отъ государства и частныхъ жертвователей болѣе трехсотъ милліоновъ въ годъ... И все-таки она стонетъ и жалуется на бѣдность. Триста милліоновъ—я точно подсчиталъ... А я получаю семь дуро и большинство священниковъ живетъ впроголодь—а деньги идутъ въ пользу церковной аристократіи. Подумай, Габріэль, какъ мы обмануты! Отказаться отъ радостей семьи и любви, отъ мірскихъ благъ, облечься въ черное траурное платье—и зарабатывать не больше любого каменьщика, мостящаго улицу! Когда церковь утратила свою первенствующую роль въ мірѣ, то только мы, мелкіе служители вѣры, пострадали отъ этого. Священники бѣдны, соборъ бѣденъ, но князья церкви получаютъ попрежнему тысячи дуро, и каноники спокойно поютъ, сидя въ своихъ креслахъ и не заботясь о хлѣбѣ насущномъ.

Пробило двѣнадцать часовъ... Звонарь исчезъ. Послышался скрипъ цѣпей и балокъ, отъ громоваго удара содрогнулась вся башня. „Горда" заглушила всѣ другіе колокола рядомъ съ нею. Черезъ минуту раздались изъ Альказара воинственный бой барабановъ и звуки трубъ.

— Пойдемъ, — сказалъ Габріэль. — Напрасно Маріано не предупредилъ насъ, чтобы не оглушить такъ неожиданно.—И онъ прибавилъ, улыбаясь:—Вѣчно то же самое. Много шума—и никакого дѣла.

Приближался праздникъ Тѣла Господня. Жизнь въ соборѣ шла обычнымъ чередомъ. Въ верхнемъ монастырѣ много говорили о здоровьи кардинала, которое очень ухудшилось отъ волненій, вслѣдствіе его ссоры съ канониками. Говорили даже, что у него былъ припадокъ, и что жизнь его въ опасности.

— У него болѣзнь сердца, — утверждалъ Тато, который всегда точно зналъ, что происходитъ во дворцѣ архіепископа.— Донья Визитаціонъ плачетъ какъ кающаяся Магдалина и проклинаетъ каноииковъ.

За обѣдомъ Эстабанъ сталъ говорить о томъ, съ какой пыш-

ностью праздновался въ прежнія времена надвигающійся праздникъ, и скорбѣлъ о паденіи церкви.

— Ты не увидишь прежняго блеска, — говорилъ онъ Габріэлю.—Теперь отъ прежняго остался только обычай украшать фасадъ церкви драгоцѣнными коврами. Но уже не выставляютъ „Гигантовъ“ въ рядъ передъ дверью прощенія, и процессія совсѣмъ заурядная.

Регентъ тоже жаловался:

— А месса, синьоръ Эстабанъ!.. Самая жалкая для такого большого праздника. Приглашаютъ четырехъ музыкантовъ и исполняютъ нѣсколько отрывковъ Россини, самыхъ коротенькихъ, чтобы вышло подешевле. Лучше бы уже при такихъ условіяхъ довольствоваться органомъ.

По старому обычаю, наканунѣ праздника военная музыка играла вечеромъ передъ соборомъ, и весь городъ сбѣжался слушать ее, радуясь развлеченію среди однообразной будничной жизни. Къ этому дню съѣзжались гости изъ Мадрида на бой быковъ, назначенный на слѣдующій день. Звонарь пригласилъ своихъ друзей слушать музыку въ греко-римской галереѣ на верху главнаго фасада. Въ тотъ часъ, когда донъ-Антолинъ закрылъ двери верхняго монастыря и тамъ потушены были всѣ огни, Габріэль и его друзья поднялись наверхъ къ звонарю, и къ нимъ присоединилась, по настоянію дяди, Саграріо. Пришла и блѣдная, больная жена сапожника съ груднымъ ребенкомъ. Всѣ они сѣли у каменной баллюстрады и стали смотрѣть внизъ, на городъ.

Городская ратуша украшена была гирляндами огней. Среди деревьевъ гуляли группы молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, а за ними слѣдовали кадеты, тонкіе и стройные въ своихъ турецкихъ шароварахъ. Надъ ярко освѣщенной площадью высилось темное, ясное и глубокое небо, усѣянное сверкающей пылью звѣздъ.

И когда кончилась музыка и потухли огни, обитатели собора долго еще оставались на галереѣ, будучи не въ силахъ оторваться отъ волшебнаго вида неизмѣримаго пространства надъ головой и Толедо—у подножья собора.

Видъ неба вызывалъ наивныя замѣчанія о строеніи неба у невѣжественныхъ служителей храма, и въ отвѣтъ на ихъ слова Габріэль сталъ по ихъ настоянію говорить имъ о самыхъ элементарныхъ научныхъ понятіяхъ, — но его простое объясненіе строенія земли было для его слушателей откровеніемъ, опрокидывающимъ всѣ ихъ твердыя представленія, внушенныя церковью.

То, что̀ онъ сказалъ имъ о строеніи неба и земли, оглушило ихъ своей новизной, и они наперерывъ, волнуясь какъ передъ катастрофой, срывающей все, что̀ для нихъ было опорой жизни, стали предлагать вопросы о всѣхъ основныхъ истинахъ, преподанныхъ имъ въ соборѣ.

На все Габріэль отвѣчалъ отрицательно; все, что̀ они читали до сихъ поръ, онъ назвалъ ложью—и они уже были такъ охвачены его вліяніемъ, такъ вѣрили ему, что его отрицаніе стало для нихъ закономъ. Въ эту ночь подъ праздникъ Тѣла Господня бесѣда на вышкѣ древняго собора разрушила въ душахъ наивно-вѣрившихъ людей все, что̀ ихъ связывало съ общественнымъ и религіознымъ строемъ родины ихъ духа — толедскаго собора.

VIII.

Рано утромъ на слѣдующій день Габріэль, выйдя на галерею верхняго монастыря, увидѣлъ дона Антолина, который раскладывалъ свои книжечки съ билетами для обзора храма и повѣрялъ ихъ. Габріэль пожелалъ ему удачи на праздникъ, и донъ Антолинъ сказалъ, что дѣйствительно надѣется на большой наплывъ пріѣзжихъ и на то, что можно будетъ много выручить за билеты. Онъ не преминулъ при этомъ поговорить о бѣдности собора и о томъ, какъ необходимо изыскивать источники дохода.

— Послушай, Габріэль,—сказалъ онъ, помолчавъ, съ лукавой улыбкой:—вотъ ты хотѣлъ заработать немного денегъ, чтобы помочь брату. Сегодня представляется случай. Хочешь принять участіе въ процессіи, везти колесницу съ священною ракой?

Предложеніе дона Антолина было, конечно, сдѣлано съ ироніей, и Габріэль хотѣлъ отвѣтить отказомъ, но онъ вдругъ рѣшилъ перехитрить стараго священника и принять его предложеніе. Онъ хотѣлъ къ тому же дѣйствительно что-нибудь заработать, зная, какъ нуждается братъ.

— Ты, конечно, не захочешь, — саркастически прибавилъ донъ Антолинъ, — ты слишкомъ крайній, и счелъ бы недостойнымъ себя возить раку по улицамъ.

— Вы ошибаетесь,—возразилъ Габріэль.—Я готовъ принять ваше предложеніе,—можетъ быть только, трудъ этотъ мнѣ не по силамъ?

— Не безпокойся,—отвѣтилъ донъ Антолинъ,—возить будутъ другіе; тутъ будетъ человѣкъ десять, а ты только будешь однимъ изъ нихъ. Я скажу, чтобы тебя не слишкомъ утруждали.

— Тогда отлично, донъ Антолинъ. Я радъ заработку, и сейчасъ пойду въ соборъ.

Больше всего онъ рѣшился принять предложеніе стараго священника изъ желанія пройтись по улицамъ Толедо, куда онъ ни разу не выходилъ, скрываясь въ соборѣ. Кромѣ того, ему казалось пикантнымъ, что онъ, невѣрующій, будетъ возить передъ толпой католическую святыню. Для него это было символомъ отрицанія, скрывающагося подъ внѣшней пышностью католическаго культа, символомъ исчезнувшей вѣры—въ то время, какъ донъ Антолинъ, напротивъ того, увидалъ въ согласіи Габріэля побѣду церкви.

Когда Габріэль спустился въ соборъ, месса уже началась. У дверей ризницы взволнованно говорили о важномъ событіи, нарушившемъ торжественность праздника. Архіепископъ не спустился въ соборъ и не приметъ участія въ процессіи. Говорили, что онъ боленъ, но всѣ отлично знали, что наканунѣ онъ ходилъ гулять довольно далеко, въ монастырь за городомъ, и знали, что онъ не явился изъ злобы на каноннковъ.

Габріэль вошелъ въ церковь и сталъ разглядывать группы монахинь, молодыхъ дѣвушекъ, воспитанницъ разныхъ пансіоновъ, въ черныхъ платьяхъ съ красными или синими лентами, офицеровъ военной академіи. Больше всего выдѣлялись среди дѣвушекъ воспитанницы института благородныхъ дѣвицъ, въ черныхъ платьяхъ съ кружевными мантильями, сильно набѣленныя и нарумяненныя, какъ полагалось молодымъ аристократкамъ, съ сверкающими черными глазами; ихъ вызывающая граціозность напоминала женщинъ на картинахъ Гойи.

Габріэль увидѣлъ также своего племянника Тато въ пышной красной мантіи. Онъ стукалъ палкой о плиты и окруженъ былъ цѣлой толпой пастуховъ, мужчинъ и женщинъ въ пестрыхъ нарядахъ. Спустившись съ горъ къ великому празднику, они осматривали храмъ, вытаращивъ глаза, ослѣпленные и оглушенные музыкой и огнями, и Тато, который казался имъ принцемъ въ своей роскошной одеждѣ, давалъ имъ объясненія, которыя они едва понимали отъ волненія.

Заглянувъ за рѣшетку хора, Габріэль увидѣлъ собравшихся тамъ канониковъ и священниковъ другихъ церквей. По срединѣ стоялъ его другъ регентъ въ туго накрахмаленномъ стихарѣ и дирижировалъ дюжиной музыкантовъ и пѣвцовъ. На алтарѣ стояла знаменитая рака, въ видѣ маленькой готической часовни, изумительно тонкой работы.

Мало-по-малу являлись приглашенные участвовать въ про-

цессіи: городскіе жители въ черныхъ сюртукахъ, професора академіи, офицеры городской гвардіи въ старинныхъ мундирахъ, дѣти, одѣтыя ангелами, но во вкусѣ Помпадуръ, съ кружевными жабо, въ туфляхъ съ красными каблуками, съ привязанными за плечами крылышками и митрой съ плюмажемъ на бѣлокурыхъ парикахъ. Костюмы всѣхъ участвующихъ въ процессіи были XVIII-го вѣка; парча и бархатъ украшали бѣдныхъ служителей, которымъ нечего было ѣсть; главный алтарь увѣшанъ былъ драгоцѣнными коврами, а ризы епископа и священниковъ сверкали золотомъ.

Приближался часъ процессіи, и въ церкви началось оживленіе; хлопали двери, бѣгали служители съ озабоченными лицами. Послѣ окончанія мессы, органъ заигралъ оглушительный маршъ, загудѣли колокола и раздавалась команда офицеровъ, выстраивавшихъ войска передъ соборомъ.

— Иди на свое мѣсто, пора!—сказалъ донъ Антолинъ, подойдя къ Габріэлю, и подвелъ его къ алтарю, гдѣ стояла рака.

Габріэль и еще восемь или девять человѣкъ приподняли ковры съ боковыхъ сторонъ и вошли въ клѣтку, на которой помѣщена была рака. Ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы толкать повозку, которая двигалась на колесахъ, спрятанныхъ подъ коврами. Они должны были только сдвинуть повозку съ мѣста, а спереди два служителя, въ бѣлыхъ парикахъ и черныхъ одеждахъ, везли ее за ручки спереди и сзади. Такъ возили колесницу по извилистымъ улицамъ, и должность Габріэля заключалась въ томъ, чтобы давать сигналы, когда останавливаться.

Священная колесница медленно пустилась въ путь, и вся толпа опустилась на колѣни, когда двинулась процессія изъ собора. Процессія двигалась по улицамъ, мимо балконовъ, украшенныхъ старинными коврами, торжественно и медленно. Габріэлю тяжело было ступать, стоя въ подвижной клѣткѣ, но ему все-таки пріятно было очутиться на улицахъ, хотя шумъ толпы съ непривычки оглушалъ его. Онъ внутренно улыбался, думая о томъ, какъ бы поражена была толпа, набожно опускавшаяся на колѣни, узнавъ, кто такой тотъ, чьи глаза выглядывали изъ-подъ раки. Многіе изъ офицеровъ, сопровождавшихъ процессію, навѣрное знали о существованіи Габріэля и считали его врагомъ общества. И вотъ этотъ отверженный, который спрятался въ соборѣ, какъ птица, укрывающаяся въ нишахъ собора отъ непогоды, возитъ святыню по улицамъ благочестиваго города.

Уже далеко за полдень процессія вернулась въ соборъ, и, пропѣвъ послѣдніе псалмы, священники быстро снимали одежды и спѣшили домой—завтракать. Шумная церковь быстро опустѣла и снова погрузилась въ молчаніе и мракъ.

Когда Эстабанъ увидѣлъ Габріэля, вышедшаго изъ-подъ раки, онъ разсердился.

— Ты убиваешь себя. Развѣ тебѣ по силамъ такая работа? Что это была за нелѣпая фантазія?

Габріэль улыбнулся. Да, фантазія, но онъ о ней не жалѣлъ, такъ какъ погулялъ по городу, скрытый отъ всѣхъ, и брату будетъ на что нѣсколько дней варить обѣдъ.

Эстабанъ былъ тронутъ жертвой брата и, въ благодарность за нее, былъ добръ къ дочери; когда они вернулись домой, онъ разговаривалъ съ ней за завтракомъ.

Днемъ верхній монастырь опустѣлъ. Донъ Антолинъ быстро спустился—продавать билеты посѣтителямъ; Тато и звонарь тайкомъ ушли, разряженные, на бой быковъ. Саграріо, не работавшая въ праздникъ, отправилась къ женѣ садовника, чтобы помочь ей чинить одежду своей многочисленной семьи.

Габріэль вышелъ на галерею подышать воздухомъ, какъ вдругъ вбѣжалъ туда донъ Антолинъ съ ключами въ рукахъ.

— Его преосвященство идетъ сюда; онъ хочетъ посидѣть въ саду. Вотъ тоже фантазія! Говорятъ, онъ сегодня въ ужасномъ настроеніи.

Онъ быстро побѣжалъ отворять дверь, соединяющую верхній и нижній монастыри, а Габріэль спрятался за колоннами, чтобы оттуда поглядѣть на этого страшнаго князя церкви, котораго онъ еще ни разу не видѣлъ. Кардиналъ появился въ сопровожденіи двухъ священниковъ. Онъ былъ очень тученъ, но держался прямо. На черной рясѣ, окаймленной краснымъ, висѣлъ золотой крестъ. Кардиналъ опирался на посохъ и имѣлъ очень воинственный видъ; золотыя кисти его шляпы падали на жирный розовый затылокъ, покрытый бѣлыми прядями волосъ. Онъ озирался маленькими пронзительными глазами, точно высматривая какое-нибудь запущеніе и ища предлога излить на чемъ-нибудь свое дурное настроеніе духа... Пройдя по галереѣ, онъ спустился по лѣстницѣ, ведущей въ нижній монастырь, и Габріэль, прислонившись къ барьеру, видѣлъ, какъ онъ направился въ садъ. Тамъ онъ остановилъ своихъ провожатыхъ и пошелъ одинъ по главной аллеѣ къ бесѣдкѣ, гдѣ сидѣла и дремала Томаса, опустивъ на колѣни свое вѣчное вязанье. При звукѣ шаговъ она встрепенулась и, увидавъ кардинала, вскрикнула отъ изумленія:

— Донъ Себастіанъ... Вы пришли сюда!

— Я хотѣлъ навѣстить тебя, — отвѣтилъ кардиналъ съ доброй улыбкой, садясь.—Что жъ тебѣ всегда приходить ко мнѣ! И я, въ свою очередь, пришелъ къ тебѣ.

Онъ опустилъ руку въ глубину рясы, вынулъ золотой портсигаръ и закурилъ папиросу. У него былъ теперь довольный видъ человѣка, который былъ радъ освободиться отъ необходимости быть суровымъ, чтобы внушать почтеніе.

— Такъ, значитъ, вы не больны?—спросила садовница.— Я ужъ собиралась пойти справиться о вашемъ здоровьи у доньи Визитаціонъ.

— Глупости! Я отлично себя чувствую и нарочно не пошелъ въ соборъ для того, чтобы разозлить канониковъ. Это привело меня въ отличное настроеніе. Я нарочно пришелъ къ тебѣ, чтобы знали, что болѣзнь была только предлогомъ, но что я не явился въ соборъ не изъ гордости, а изъ чувства собственнаго достоинства, такъ какъ вотъ же я вышелъ изъ дворца—навѣстить своего стараго друга садовницу.

Онъ хохоталъ при мысли о томъ, какъ будутъ злиться въ хорѣ, узнавъ, что онъ пришелъ сюда.

— Но это не единственный поводъ для моего посѣщенія, Томаса, — продолжалъ онъ.—Мнѣ было скучно дома; къ Визитаціонъ пріѣхали подруги изъ Мадрида, и мнѣ захотѣлось поболтать съ тобой здѣсь, въ прохладномъ саду... Какая ты, Томаса, еще бодрая; ты худощавая, живая и такъ хорошо сохранилась, а я заплылъ жиромъ и мучаюсь; спать не могу отъ боли по ночамъ. У тебя волосы еще черные и зубы цѣлы—не такъ, какъ у меня. А все-таки мы съ тобой старики и намъ немного осталось жить... Ахъ, если бы вернуть время, когда я приходилъ маленькимъ служкой за твоимъ отцомъ и отнималъ у тебя твой завтракъ! Помнишь, Томаса?

Старикъ и старуха забыли о разницѣ ихъ общественнаго положенія и съ братскимъ чувствомъ существъ, приближающихся къ смерти, вспоминали свое дѣтство. Вокругъ нихъ ничто не измѣнилось, ни садъ, ни монастырь, ни соборъ,—и прелатъ, оглядываясь вокругъ себя, могъ вообразить себя тѣмъ же маленькимъ служкой, какимъ онъ былъ полвѣка тому назадъ.

— Помнишь, какъ твой покойный отецъ смѣялся надо мной, когда я говорилъ, что сдѣлаюсь толедскимъ архіепископомъ? Когда я былъ посвященъ въ епископы, я вспомнилъ его насмѣшки и жалѣлъ, что онъ умеръ. Онъ бы плакалъ отъ радости, видя митру на головѣ бывшаго маленькаго служки. Я сохранилъ

привязанность къ твоей семьѣ. Вы были хорошими людьми, и сколько разъ я бы голодалъ безъ васъ...

— Что вы, что вы, монсиньоръ! Нечего объ этомъ вспоминать. Я вотъ должна была бы благодарить васъ за то, что вы такой добрый и простой, несмотря на вашъ высокій санъ... Да и для васъ хорошо, что вы такой,—прибавила она съ обычной откровенностью.—Такихъ друзей, какъ я, у васъ не много. Васъ окружаютъ льстецы и негодяи, и будь вы бѣдный сельскій священникъ, никто бы на васъ и не глядѣлъ, а Томаса оставалась бы вашимъ вѣрнымъ другомъ. Я васъ и люблю за то, что вы привѣтливы и просты. Будь вы надменный человѣкъ, какъ другіе епископы, я бы поцѣловала вашъ перстень и—до свиданья. Кардиналу мѣсто во дворцѣ, а садовницѣ—въ саду.

Архіепископъ съ улыбкой слушалъ Томасу, и они стали вспоминать свое общее дѣтство. Томаса вспомнила также, какъ онъ явился въ Толедо навѣстить своего дядю, соборнаго каноника, когда онъ учился въ военной школѣ.

— Какой вы тогда были красивый въ своемъ мундирѣ и каскѣ!—вспоминала Томаса.—Вы и мнѣ тогда говорили любезности о моей красотѣ... Помню, когда вы уѣхали, мой шуринъ сказалъ мнѣ: „Онъ навсегда снялъ рясу. Его дядѣ никогда не уговорить его стать священникомъ".

Кардиналъ съ гордостью улыбнулся, вспоминая время, когда онъ былъ блестящимъ драгуномъ.

— Да,—сказалъ онъ,—это было безуміемъ моей молодости. Въ Испаніи есть только три пути для человѣка съ нѣкоторыми способностями: мечъ, церковь и судейская карьера. У меня была кипучая кровь—я избралъ мечъ. Но, къ несчастью, я былъ солдатомъ въ мирное время, и не могъ сдѣлать карьеры. Чтобы не опечалить послѣдніе годы жизни моего дяди, я вернулся къ прежнимъ занятіямъ и вернулся въ лоно церкви. На обоихъ путяхъ можно служить Богу и отечеству. Но повѣрь мнѣ, и теперь, нося кардинальскую мантію, я вспоминаю съ удовольствіемъ о времени, когда былъ драгуномъ. Я иногда съ завистью смотрю на кадетъ. Можетъ быть, я былъ бы лучшимъ солдатомъ, чѣмъ они... Если бы мнѣ довелось жить въ тѣ времена, когда прелаты шли сражаться съ маврами... какимъ бы настоящимъ толедскимъ архіепископомъ я былъ!

Донъ Себастіанъ выпрямился, гордясь остатками прежней силы.

— Я знаю,—сказала Томаса,—что вы всегда сохраняли духъ воина. Я часто говорила священникамъ, которые болтаютъ вздоръ

про васъ:—не шутите съ его преосвященствомъ. Съ кардинала можетъ статься, что онъ войдетъ какъ-нибудь въ хоръ и разгонитъ всѣхъ, сыпля удары направо и налѣво.

— Да мнѣ и не разъ хотѣлось это сдѣлать, —признался кардиналъ, и глаза его сверкнули. —Но меня сдерживало достоинство моего сана. Я вѣдь долженъ быть мирнымъ пастыремъ... Бываютъ однако минуты, когда терпѣніе мое лопается, и я съ трудомъ удерживаюсь, чтобы не кинуться съ кулаками на этихъ бунтовщиковъ...

Донъ Себастіанъ сталъ возбужденно говорить о своей борьбѣ съ каноиками. Ему было отрадно подѣлиться своими волненіями со старымъ другомъ дѣтства.

— Ты не представляешь себѣ, Томаса, сколько я отъ нихъ терплю.—Я здѣсь владыка, и они обязаны мнѣ повиновеніемъ,— а они вѣчно бунтуютъ и жить мнѣ не даютъ своими распрями. Въ глаза они низкопоклонствуютъ, а за спиной—жалятъ какъ змѣи... Пожалѣй меня, Томаса! Когда я подумаю объ ихъ низостяхъ—я съ ума схожу... Въ сущности, конечно, что̀ мнѣ за дѣло до ихъ интригъ! Я знаю, что въ концѣ концовъ они падутъ къ моимъ ногамъ. Но ихъ злословіе убиваетъ меня... Вѣдь что̀ они, негодяи, говорятъ о существѣ, которое мнѣ дороже всего на свѣтѣ!.. Это меня смертельно поразитъ.

Онъ приблизился къ садовницѣ и понизилъ голосъ:

— Ты вѣдь знаешь мое прошлое,—я тебѣ довѣряю и ничего не скрывалъ. Ты знаешь, что̀ такое для меня Визитаціонъ, и знаешь — не отпирайся, навѣрное знаешь, что̀ про нее говорятъ, какія клеветы распространяютъ... А вѣдь правду я не могу открыть, не могу провозгласить ее громогласно: увы, мнѣ запрещаетъ это мое платье. Я безконечно страдаю, безгранично бѣшусь и не могу играть комедію, не умѣю скрывать мое бѣшенство... Не могу выразить тебѣ мою муку. Не имѣть права открыто сказать, что у меня были подъ рясой живыя чувства, что я зналъ любовь... и что моя дочь живетъ подъ моимъ кровомъ! Другіе оставляютъ своихъ дѣтей, а во мнѣ сильно отцовское чувство. Отъ всего прошлаго, отъ былого счастья у меня осталась только Визитаціонъ.—Она живой портретъ своей матери; я ее безконечно люблю. И это счастье они отравляютъ своими грязными толками. Развѣ не слѣдуетъ задушить ихъ за это?

Отдаваясь чарамъ воспоминаній, онъ сталъ опять разсказывать Томасѣ о своей связи съ одной дамой въ Андалузіи. Ихъ сблизило сначала одинаковое благочестіе, потомъ дружба перешла въ пламенную любовь. Они были всю жизнь вѣрны другъ другу, храня

тайну своей любви отъ міра, и наконецъ она умерла, оставивъ ему дочь. Клеветы, которыя распускали каноники о мнимой племянницѣ дона Себастіана, выводили его изъ себя.

— Они считаютъ ее моей любовницей!—воскликнулъ онъ съ возмущеніемъ.—Мою чистую дочь они считаютъ потерянной женщиной... Точно я, старикъ, да еще больной, сталъ бы думать объ удовольствіяхъ... Безсовѣстные!.. За меньшія оскорбленія отплачивали прежде кровью.

— Пусть ихъ болтаютъ, не все ли вамъ равно? Господь на небѣ знаетъ вѣдь правду.

— Конечно, но это не можетъ меня успокоить. У тебя самой есть дѣти, и ты знаешь, какъ ревниво родительское сердце относится ко всему, что̀ касается своего ребенка... Одинъ Господь вѣдаетъ, какъ я страдаю. Я вѣдь осуществилъ самыя честолюбивыя мечты моей молодости. Я облеченъ высшей церковной властью, сижу на архіепископскомъ престолѣ—и все же я болѣе несчастливъ, чѣмъ когда-либо. Именно мое высокое положеніе не позволяетъ мнѣ очиститься отъ клеветъ, открывъ правду. Пожалѣй меня, Томаса. Любить дочь все болѣе и болѣе возрастающей любовью—и выносить, что эту чистую нѣжность принимаютъ за гнусную старческую страсть!..

Глаза дона Себастіана, эти суровые глаза, отъ взгляда которыхъ дрожала вся епархія, увлажнились слезами.

— Еще другія заботы гнетутъ меня,—продолжалъ онъ исповѣдываться старой садовницѣ.—Я боюсь будущаго. Ты знаешь, я скопилъ большія богатства, такъ какъ хорошо управлялъ своими землями и деньгами, такъ какъ думалъ о томъ, чтобы обезпечить мою дочь, и, не будучи скупымъ, умѣлъ умножать свои доходы. Моя дочь будетъ очень богата послѣ моей смерти. Я мечталъ о томъ, что она при моей жизни выйдетъ замужъ за хорошаго человѣка. Но она не хочетъ разстаться со мной, и къ тому же она слишкомъ благочестива. Это меня пугаетъ... Я боюсь, что когда меня не станетъ, ею овладѣютъ какія-нибудь монашескія конгрегаціи—есть вѣдь такія, которыя спеціально гонятся за богатыми наслѣдствами—для славы Господней, конечно,—и я дрожу при мысли, что она можетъ попасться въ ихъ когти. Грустно подумать, что я всю жизнь копилъ—для того, чтобы кормить какихъ-нибудь жирныхъ іезуитовъ или монахинь съ большими чепцами, которыя даже не говорятъ по-испански... Меня пугаетъ слабая воля моей дочери.

— Но нѣтъ!—воскликнулъ онъ, помолчавъ, властнымъ тономъ. —Неужели Господь такъ покараетъ меня? Скажи—ты своимъ про-

стымъ, открытымъ умомъ можешь вѣрнѣе судить, чѣмъ ученые богословы,—скажи, развѣ моя жизнь дурная и я заслужилъ гнѣвъ Господенъ?

— Вы, донъ Себастіанъ? Господи, помилуй!.. Вы—такой же человѣкъ, какъ всѣ другіе, и вы даже лучше другихъ, потому что вы не хитрите и не лицемѣрите.

— Ты права, я человѣкъ, какъ всѣ другіе... Мы, занимающіе высокое положеніе въ церкви, стоимъ на виду, какъ святые въ нишахъ. Но насъ можно считать святыми только на разстояніи. Для тѣхъ, кто насъ ближе знаетъ, мы люди со всѣми человѣческими слабостями. Лишь очень немногіе съумѣли уберечься отъ человѣческихъ страстей... Я надѣюсь,—прибавилъ онъ, помолчавъ, —что когда пробьетъ мой часъ, Господь не отринетъ меня въ своемъ милосердіи. Въ чемъ мое преступленіе? Въ томъ, что я любилъ мать моего ребенка, какъ мой отецъ любилъ мою мать,— въ томъ, что у меня есть ребенокъ, какъ у многихъ апостоловъ и святыхъ. Но вѣдь безбрачіе священниковъ—измышленіе людей, правило церковной дисциплины, а плоть и ея требованія—отъ Бога... Приближеніе смертнаго часа пугаетъ меня, и часто по ночамъ я томлюсь сомнѣніями и дрожу. Но въ сущности вѣдь я служилъ Господу, какъ умѣлъ. Живи я въ прежнія времена, я защищалъ бы вѣру мечомъ, сражаясь противъ еретиковъ. А теперь я церковный пастырь и борюсь противъ безвѣрія... Да, Господь помилуетъ меня и приметъ меня въ лоно свое. Правда вѣдь, Томаса?

Садовница улыбнулась, и слова ея медленно прозвучали въ предвечерней тишинѣ:

— Успокойтесь, донъ Себастіанъ!—сказала она.—Я знала многихъ, которые считались святыми, и они не стоили васъ. Они бы во имя спасенія души бросили на произволъ судьбы своихъ дѣтей... Нѣтъ, истинныхъ святыхъ нѣтъ здѣсь. Всѣ люди,— только люди... Не нужно раскаиваться въ томъ, что слѣдуешь влеченію сердца. Господь не даромъ вселилъ въ насъ любовь къ дѣтямъ. Все остальное,—цѣломудріе, безбрачіе—все это вымышлено церковью, чтобы отдѣлить себя отъ простыхъ смертныхъ... Вы, донъ Себастіанъ, человѣкъ, и чѣмъ болѣе вы слѣдуете влеченіямъ своего сердца, тѣмъ лучше. Господь проститъ васъ.

IX.

Черезъ нѣсколько дней послѣ праздника Тѣла Господня донъ Антолинъ пришелъ къ Габріэлю и предложилъ ему занятіе, которое, по его мнѣнію, должно было подходить ему.

— Хочешь—сказалъ онъ—спускаться каждый день въ соборъ днемъ и показывать достопримѣчательности собора иностранцамъ? Ты знаешь всѣ языки и сможешь объясняться съ ними. Намъ ты этимъ окажешь услугу, а тебѣ это не будетъ стоить большого труда. А жалованье... потомъ можно будетъ что-нибудь выцарапать для тебя изъ бюджета, но пока нельзя... средства собора слишкомъ ограниченны.

Габріэль, видя озабоченный видъ Антолина, когда онъ заговорилъ о деньгахъ, сейчасъ же согласился. Онъ вѣдь былъ гостемъ въ соборѣ, и долженъ былъ воспользоваться случаемъ отблагодарить за гостепріимство.

Съ этого дня Габріэль ежедневно спускался въ соборъ, когда собирались проѣзжіе туристы. Донъ Антолинъ считалъ ихъ всѣхъ лордами или герцогами, такъ какъ считалъ, что только знатные люди могли себѣ позволить роскошь путешествій, и раскрывалъ глаза отъ изумленія, когда Габріэль объяснялъ ему, что многіе изъ этихъ путешественниковъ—сапожники изъ Лондона или лавочники изъ Парижа, которые дѣлали во время праздничнаго отдыха экскурсіи въ древнюю страну мавровъ.

Въ сопровожденіи сторожей и дона Антолина Габріэль показывалъ разложенныя и разставленныя въ огромныхъ витринахъ богатства собора: статуи изъ массивнаго серебра, ларцы изъ слоновой кости съ искусной рѣзьбой, золотыя и эмалевыя блюда, драгоцѣнные камни—брилліанты огромныхъ размѣровъ, смарагды, топазы и безчисленныя нити жемчуга, падающія градомъ на одежды Мадоннъ. Иностранцы восхищались этими богатствами, но Габріэль, привыкнувъ ежедневно глядѣть на нихъ, оставался равнодушнымъ къ обветшалой роскоши стариннаго храма. Все потускнѣло въ немъ, брилліанты не сверкали, жемчугъ казался мертвымъ—дымъ кадильницъ и затхлый воздухъ наложили на все отпечатокъ тусклости. Онъ добросовѣстно переводилъ иностранцамъ объясненія дона Антолина, повторяя ихъ по двадцати разъ кряду съ нѣсколько саркастической торжественностью.

Однажды, во время обзора, одинъ флегматичный англичанинъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажите, у васъ нѣтъ пера изъ крыльевъ святого архангела Михаила?

— Нѣтъ, — и мы очень объ этомъ жалѣемъ, — отвѣтилъ Габріэль еще болѣе серьезнымъ тономъ, чѣмъ англичанинъ. — Но эту реликвію вы найдете въ другомъ соборѣ. Нельзя же все собрать только здѣсь.

Больше всего посѣтители восторгались богатствами ризницы, коллекціей драгоцѣнныхъ облаченій съ драгоцѣнными вышивками, воспроизводившими библейскія и евангельскія сцены съ живостью свѣжихъ красокъ. На этихъ драгоцѣнныхъ тканяхъ запечатлѣно было все прошлое собора, имѣвшаго въ прежнія времена милліонные доходы и содержавшаго цѣлую армію вышивальщиковъ, скупавшаго тончайшія полотна Валенціи и Севильи, чтобы воспроизводить на нихъ золотомъ и шелками сцены изъ священнаго писанія и изъ жизни святыхъ мучениковъ. Всѣ героическія преданія церкви были увѣковѣчены здѣсь иглой въ эпоху, когда еще нельзя было закрѣпить ихъ посредствомъ книгопечатанія.

Вечеромъ Габріэль возвращался въ верхній монастырь, утомленный этими осмотрами мертвой пышности. Вначалѣ его развлекала мѣняющаяся толпа иностранцевъ, но постепенно ему стало казаться, что всѣ они на одно лицо. Все тѣ же англичанки съ сухими, спокойными лицами, все тѣ же вопросы, тѣ же „О!“ условнаго восхищенія и та же манера презрительно отворачиваться, когда осмотръ кончался.

Но послѣ вида всѣхъ этихъ скопленныхъ и спящихъ богатствъ нищета соборнаго люда казалась ему еще болѣе нестерпимой. Сапожникъ представлялся ему еще болѣе желтымъ и несчастнымъ въ затхломъ воздухѣ своего жилья, жена его еще болѣе измученной и больной. Ея грудной ребенокъ умиралъ отъ недостатка питанія, какъ ему разсказывала Саграріо, проводившая теперь почти весь день у сапожника, помогая справляться съ хозяйствомъ, такъ какъ мать сидѣла неподвижно, держа ребенка у груди, въ которой не было молока и глядя на свое дитя глазами полными слезъ.

Габріэль осмотрѣлъ ребенка, золотушнаго и худого какъ скелетъ, и покачивалъ головой въ то время, какъ сосѣдки предлагали разныя средства для его леченія.

— Да, ребенокъ боленъ отъ голода, — сказалъ онъ племянницѣ. — Только отъ голода.

Онъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы спасти ребенка, купилъ молока для него, но желудокъ больного не переваривалъ слишкомъ тяжелой для него пищи. Томаса привела ему корми-

лицу, но та послѣ двухъ дней перестала ходить, устрашась давать грудь безкровному, похожему на трупъ младенцу. Томаса собрала нѣсколько денегъ у каноников, несмотря на протесты зятя, который настаивалъ на изгнаніи сапожника, позорящаго соборъ своей нищетой. Заботы Габріэля, Томасы и Саграріо достигли того, что вся семья сапожника стала нѣсколько лучше питаться, но младенца нельзя было спасти. Онъ вскорѣ умеръ, и горе матери было неописуемо. Она кричала, какъ раненое животное, неустаннымъ рѣзкимъ крикомъ, а сапожникъ молча плакалъ, разсказывая, что ребенокъ умеръ какъ птичка, — совсѣмъ какъ маленькая птичка. Всѣ друзья собрались вокругъ сапожника и его жены. Звонарь Маріано мрачно взглянулъ на Габріэля.

— Ты все знаешь, — сказалъ онъ. — Скажи, правда, что онъ умеръ отъ голода?

А Тато, съ свойственной ему необузданностью, громко возмущался и кричалъ.

— Нѣтъ на свѣтѣ справедливости, — повторялъ онъ. — Нельзя, чтобы такъ продолжалось... Подумать только, что бѣдный ребенокъ умеръ отъ голода въ домѣ, гдѣ золото течетъ ручьемъ, и гдѣ столько бездѣльниковъ ходятъ въ золотѣ!

Когда тѣло младенца унесли на кладбище, бѣдная мать стала биться головой объ стѣну отъ отчаянія. На ночь Саграріо и другія сосѣдки пришли, чтобы провести ночь подлѣ нея. Отчаяніе привело ее въ бѣшеное состояніе, — ей хотѣлось во что бы то ни стало найти виновника своего несчастья и она осыпала проклятіями всю аристократію собора.

— Это донъ Антолинъ во всемъ виноватъ! Этотъ старый ростовщикъ тянетъ изъ насъ жилы... Ни гроша вѣдь не далъ на ребенка. А Марикита... Ни разу не зашла къ намъ... Распутная дѣвка... только и знаетъ, что наряжаться для кадетъ!

Напрасно сосѣдки увѣщали ее не кричать изъ страха передъ дономъ Антолиномъ. Другія, напротивъ того, возмущались такой трусостью.

— Пусть донъ Антолинъ и его племянница слышатъ! Тѣмъ лучше! Всѣ мы достаточно настрадались отъ жадности дона Антолина и надменности Марикиты. Нельзя всю жизнь дрожать передъ этой парочкой! — Господь вѣдаетъ, что̀ дѣлаютъ дядя и племянница, когда остаются вдвоемъ...

Въ сонномъ царствѣ собора пронесся духъ мятежа, и это было слѣдствіемъ безсознательнаго вліянія Габріэля. Его слова пробудили въ обитателяхъ верхняго монастыря смутныя отрывочныя идеи и возбудили ихъ спящій духъ. Они вдругъ почувство-

вали, что рабство ихъ не должно вѣчно длиться, что долгъ человѣка — возставать противъ несправедливости и деспотизма. Донъ Антолинъ сталъ замѣчать, что творится неладное. Его должники стали грубо отвѣчать на его напоминанія и отказывать ему въ повиновеніи. Особенно нагло отвѣчалъ ему Тато. Кромѣ того и племянница постоянно жаловалась ему на презрительное отношеніе къ ней сосѣдокъ, на ихъ грубости и оскорбленія, и ей говорили въ лицо, что ея распутный дядя высасываетъ кровь изъ бѣдняковъ, чтобы оплачивать ея наряды.

У дона Антолина лопнуло терпѣніе, и онъ пошелъ жаловаться кардиналу. Но тотъ обругалъ его за то, что онъ жалуется, вмѣсто того, чтобы проявить свой авторитетъ и водворить порядокъ въ соборѣ. Онъ пригрозилъ ему отставкой, если онъ не съумѣетъ самъ справиться съ своимъ населеніемъ верхняго монастыря.

Бѣдный донъ Антолинъ былъ въ отчаяніи. Онъ вздумалъ было принять строгія мѣры, главнымъ образомъ прогнать сапожника, но объ этомъ узнали, и всѣ, въ особенности же Тато, смотрѣли на него при встрѣчахъ съ такимъ угрожающимъ видомъ, что онъ боялся, какъ бы ему не пришлось плохо отъ бунтарей. Больше всѣхъ его пугалъ звонарь своимъ мрачнымъ молчаливымъ видомъ. Кромѣ того и Эстабанъ уговаривалъ его не прогонять сапожника, потому что крутыя мѣры къ добру не приводятъ.

Въ ужасѣ отъ всего этого онъ обратился къ заступничеству Габріэля.

— Поддержи меня, Габріэль!—просилъ онъ. — Дѣло плохо кончится, если ты не вступишься. Всѣ оскорбляютъ меня и мою племянницу... и я наконецъ повыгоню отсюда всѣхъ. Кардиналъ далъ мнѣ полную свободу дѣйствія... Не понимаю, какой тутъ вѣтеръ подулъ. Точно какой-то демонъ, сорвавшійся съ цѣпи, проникъ сюда и бродитъ въ верхнемъ монастырѣ. Всѣ переродились.

Габріэль отлично понималъ, что этимъ демономъ донъ Антолинъ считаетъ именно его. И это была правда. Самъ того не желая, Габріэль, который хотѣлъ, живя въ соборѣ, только укрыться отъ людей, принесъ съ собой смуту и перевернулъ всю жизнь соборнаго люда. Въ соборъ, жившій переживаніями шестнадцатаго вѣка, ворвался съ нимъ революціонный духъ. Спящіе проснулись, устыдились своей отсталости и тѣмъ горячѣе воспринимали новыя идеи, не задумываясь о послѣдствіяхъ.

Трусливое отступленіе дона Антолина было первой побѣдой смѣльчаковъ, и они уже теперь не прятались, а собирались открыто на галереѣ верхняго монастыря и громко обсуждали

смѣлыя идеи Габріэля на глазахъ дона Антолина; онъ сумрачно бродилъ одинъ съ требникомъ въ рукахъ и поглядывалъ на сборище, въ глубинѣ души надѣясь, что все обойдется болтовней, которая разсѣется какъ дымъ.

Но самъ Габріэль, болѣе чѣмъ донъ Антолинъ, ужасался дѣйствія своихъ словъ. Ему хотѣлось отдохнуть, укрывшись подъ сѣнью собора, но по ироніи судьбы въ немъ проснулся агитаторъ, возбудившій опасное броженіе умовъ. Братъ его, не понимая вполнѣ, до чего опасность была велика, все-таки предостерегалъ его съ обычнымъ своимъ благоразуміемъ.

— Ты вскружилъ головы этимъ несчастнымъ твоими рѣчами, — говорилъ онъ. — Будь остороженъ. Они слишкомъ невѣжественны и не съумѣютъ остановиться въ должныхъ предѣлахъ...

Габріэль былъ согласенъ съ братомъ до нѣкоторой степени, но его охватилъ прежній проповѣдническій жаръ, и онъ продолжалъ говорить своимъ друзьямъ о грядущемъ золотомъ вѣкѣ, который наступитъ послѣ соціальнаго кризиса. Но его вѣра была вся направлена на будущее. Онъ не думалъ, что человѣчество можетъ достигнуть желанныхъ результатовъ сейчасъ, и говорилъ, что теперешнее человѣчество должно только подготовлять путь людямъ грядущихъ вѣковъ, совершенствуясь само и проповѣдуя принципы справедливости и равенства.

Слушатели его, продолжая относиться къ нему съ благоговѣніемъ, не довольствовались однако этими отдаленными перспективами. Имъ хотѣлось воспользоваться сейчасъ же самимъ тѣми благами, которыя онъ рисовалъ имъ; — они, какъ дѣти, тянулись къ лакомству, которое имъ показывали издалека. Самопожертвованіе во имя будущаго счастья человѣчества не привлекало ихъ. Изъ рѣчей Габріэля они извлекли только убѣжденіе въ несправедливости своей доли и увѣренность въ своемъ правѣ на счастье. Они не возражали ему, но Габріэль чувствовалъ, что въ нихъ зарождается такая же глухая враждебность, какъ въ его прежнихъ товарищахъ въ Барцелонѣ, когда онъ излагалъ имъ свои идеалы и возставалъ противъ насильственныхъ дѣйствій. Прежніе пламенные ученики стали отдаляться отъ учителя и часто собирались безъ него на колокольнѣ у звонаря, возбуждая другъ друга жалобами на несправедливость и нужду, угнетавшую ихъ. Звонарь, мрачный, нахмуривъ брови, кричалъ, продолжая вслухъ свои мысли:

— И подумать только, что въ церкви накоплено столько ненужныхъ богатствъ! Грабители!.. Разбойники!

Вслѣдствіе охлажденія къ нему учениковъ, Габріэль могъ

опять проводить цѣлые дни съ Саграріо, къ радости дона Антолина, который думалъ, что онъ окончательно разошелся съ своими друзьями. Въ награду за это онъ досталъ Габріэлю заработокъ: умеръ одинъ изъ двухъ ночныхъ сторожей собора, и донъ Антолинъ предложилъ Габріэлю замѣнить его, т.-е. проводить ночи въ соборѣ, получая за это двѣ пезеты въ день. Габріэль принялъ предложеніе, не взирая на свое слабое здоровье. Двѣ пезеты въ день—его братъ получалъ не болѣе того, и ихъ средства такимъ образомъ могли удвоиться. Какъ же не воспользоваться такимъ счастливымъ обстоятельствомъ!

На слѣдующій вечеръ Саграріо, въ разговорѣ съ дядей, выразила преклоненіе передъ его готовностью взять на себя какой угодно трудъ для поддержки семьи. Спускалась ночь. Они стояли у барьера на галереѣ верхняго монастыря. Внизу виднѣлись темныя верхушки деревьевъ. Они были одни. Сверху, изъ комнатки регента, раздавались нѣжные звуки фисгармоніи и мирная ночь обвѣвала ласковымъ прикосновеніемъ ихъ души. Съ неба спускалась таинственная свѣжесть, успокаивающая душу и будящая воспоминанія.

Чтобы убѣдить Саграріо, что съ его стороны не было никакой заслуги въ томъ, что онъ готовъ нести службу въ соборѣ, Габріэль сталъ разсказывать ей о своемъ прошломъ, о прежнихъ лишеніяхъ и страданіяхъ, и говорилъ, что очень легко переносилъ все, пока былъ одинъ, но что его жизнь стала мучительной, когда вмѣстѣ съ нимъ страдала въ скитаніяхъ и Люси.

— Ты бы ее полюбила,—сказалъ онъ Саграріо.—Она была мнѣ истинной подругой по духу, хотя настоящей любви я къ ней не питалъ. Бѣдная Люси была некрасивая, анемичная дѣвушка, выросшая въ рабочемъ кварталѣ большого города. Прекрасны были только ея глаза, расширенные отъ холодныхъ ночей, проведенныхъ на улицѣ, отъ страшныхъ сценъ, которыя происходили при ней, когда она жила у родителей и отецъ ея возвращался пьяный домой и колотилъ всю семью. Какъ всѣ дѣвушки ея класса, она рано увяла... Я любилъ ее изъ жалости къ ея судьбѣ, типичной для всякой молодой работницы, красивой въ дѣтствѣ, но утратившей красоту въ ужасныхъ условіяхъ трудовой жизни.

Габріэль разсказалъ со слезами о послѣднемъ свиданіи съ ней въ госпиталѣ въ Италіи. Она сидѣла въ креслѣ и попросила у него розъ. У него не было денегъ на кусокъ хлѣба, но онъ взялъ нѣсколько грошей у товарища, еще болѣе бѣднаго, чѣмъ

онъ, и принесъ ей цвѣтовъ... А потомъ она умерла, и онъ не зналъ даже, гдѣ ее похоронили.

— Я бы не могла сдѣлать то, что дѣлала она, дядя,—сказала Саграріо, взволнованная разсказомъ.

— Зови меня Габріэлемъ и говори мнѣ „ты"!—взволнованно сказалъ Габріэль.—Ты замѣнила мнѣ Люси, и я опять не одинъ... Я долго разбирался въ моихъ чувствахъ и теперь знаю: я люблю тебя, Саграріо.

Молодая женщина отступила отъ изумленія.

— Не отходи отъ меня, Саграріо, не бойся!—сказалъ Габріэль.—Мы слишкомъ много страдали въ жизни, чтобы думать о радостяхъ жизни. Мы—двѣ жертвы, осужденныя умереть въ этомъ монастырѣ, служащемъ намъ убѣжищемъ. Но вотъ почему я полюбилъ тебя—мы равны въ нашихъ страданіяхъ. Меня ненавидятъ, считая врагомъ общества; тебя чуждаются—какъ падшей. Надъ нами тяготѣетъ рокъ—наши тѣла подточены ядомъ. Такъ возьмемъ же, прежде чѣмъ умереть, у любви высшее счастье,—какъ бѣдная Люси просила розъ.

Онъ сжималъ руки молодой женщины, которая не могла выговорить ни слова отъ волненія и плакала сладкими слезами.

— Я полюбилъ тебя,—продолжалъ Габріэль,—съ той минуты, какъ ты вернулась сюда. Я читалъ въ твоей простой и нѣжной душѣ и видѣлъ, что и ты привязалась ко мнѣ, что я тебѣ близокъ... Скажи, я не ошибся? Ты любишь меня?

Саграріо безмолвно плакала и не могла поднять глазъ на Габріэля. Наконецъ она сказала:

— Я плачу отъ счастья. За что меня любить? Я давно уже не гляжусь въ зеркало, боясь вспомнить утраченную молодость... Могла ли я подумать, что вы читаете въ моей душѣ?!.. Я бы умерла и не открыла своей тайны... Да, я люблю тебя... Ты—лучшій изъ людей!

Они долго стояли молча, взявшись за руки, и взгляды ихъ обращены были на темный садъ.

— Ты будешь моей подругой,—грустно сказалъ Габріэль.— Наши жизни будутъ связаны, пока смерть не разрознитъ ихъ. Я буду защищать тебя, твоя нѣжность усладитъ мою жизнь. Мы будемъ любить другъ друга какъ святые, которые знали экстазъ любви, не допуская радостей плоти. Мы—больные, и у насъ были бы несчастныя, жалкія дѣти. Не будемъ же умножать горе на землѣ, создавая обездоленныя существа. Предоставимъ богатымъ ускорять вырожденіе ихъ касты наслѣдниками своихъ пороковъ.

Онъ обнялъ за талію молодую женщину и свободной рукой приподнялъ ея лицо.

Глаза ея блестѣли отъ слезъ.

— Мы будемъ—тихо сказалъ онъ—любить другъ друга съ такой чистотой, какую не представлялъ себѣ еще ни одинъ поэтъ. Эта безгрѣшная ночь, въ которую мы сознались другъ другу въ нашей грустной любви—наша свадебная ночь... Поцѣлуй меня, подруга моей жизни!

Среди ночной тишины они обмѣнялись долгимъ поцѣлуемъ. А надъ ними изъ комнаты регента раздавались похоронные звуки Бетховенскаго квартета.

X.

Габріэль началъ свою службу въ началѣ іюля. Его товарищъ, Фидель, былъ чахлый маленькій человѣкъ, который постоянно кашлялъ, носилъ, не снимая даже и лѣтомъ, свой теплый плащъ. Фидель объяснялъ ему всѣ подробности ночного бдѣнія, объяснялъ, какъ хорошо организована охрана, какъ невозможно пробраться въ храмъ вору, и говорилъ, что въ виду этого и не грѣхъ соснуть. Но, къ несчастью, кардиналъ придумалъ новую уловку, чтобы мучить бѣдныхъ служителей. Въ церкви были установлены аппараты, которые нужно было отворять каждые полъ-часа, чтобы засвидѣтельствовать, что сторожъ не спитъ. Утромъ донъ Антолинъ провѣрялъ этотъ контрольный аппаратъ и при малѣйшемъ упущеніи назначалъ штрафъ.

— Дьявольская выдумка!—жаловался сторожъ.—Теперь приходится устраиваться такъ, что каждый изъ двухъ сторожей спитъ по очереди, въ то время какъ его товарищъ беретъ на себя обязанность караулить при аппаратѣ.

Габріэль по своей природной добротѣ большей частью сторожилъ все время за товарища, который очень полюбилъ его за это. Когда Фидель не могъ спать отъ кашля, онъ болталъ съ Габріэлемъ, разсказывалъ ему о своей нуждѣ или о разныхъ происшествіяхъ во время ночныхъ бдѣній въ соборѣ, причемъ каждый разъ повторялъ, что бояться воровъ нечего, что соборъ отлично охраняется, и прибавлялъ, что въ крайнемъ случаѣ есть всегда возможность позвонить въ маленькій колоколъ, призывающій каноников въ церковь, и что если бы этотъ звонъ раздался среди ночи, весь городъ сбѣжался бы въ одинъ мигъ, понявъ, что въ соборѣ случилось несчастіе.

По утрамъ Габріэль возвращался домой, весь дрожа отъ холода, и его встрѣчала Саграріо, кипятила ему молоко, и когда онъ ложился въ постель, она приносила ему чашку горячаго молока, все время сѣтуя на то, что онъ убиваетъ себя службой. Выспавшись утромъ, онъ выходилъ на галерею, гдѣ встрѣчалъ своихъ бывшихъ учениковъ, которые однако относились къ нему теперь съ какимъ-то пренебреженіемъ. Донъ Антолинъ жаловался Габріэлю, что всѣ они становятся нестерпимо грубыми, что Тато грозитъ убивать людей, такъ какъ ему не позволили убивать быковъ. Габріэль улыбался, говоря, что они еще не хорошо усвоили новыя идеи и потому болтаютъ вздоръ. Но его смущалъ угрюмый видъ Маріано, который явно избѣгалъ его и уклонялся отъ его разспросовъ. Когда разъ Габріэль настойчиво присталъ къ нему, спрашивая, что онъ имѣетъ противъ него, Маріано отвѣтилъ, что идеи Габріэля хорошія... но что, когда дѣло доходитъ до осуществленія теорій на практикѣ, онъ останавливается и бездѣльничаетъ, какъ всѣ.

Черезъ нѣсколько недѣль случилось важное событіе въ соборѣ. Наступилъ соборный праздникъ, и кардиналъ, явившись въ соборъ, наслаждался своей властью надъ ненавистными ему канониками, всячески старался ихъ унизить, очень злился и волновался — и среди службы ему сдѣлалось дурно, и его принесли на носилкахъ домой умирающимъ...

Когда закрывали двери собора, Габріэль спустился туда одинъ, такъ какъ его товарищъ Фидель былъ боленъ и уже много дней не приходилъ сторожить.

— Ну, что съ кардиналомъ? — спросилъ Габріэль звонаря, который ждалъ его со связкой ключей въ рукѣ.

— Умираетъ, — можетъ быть, даже умеръ.

И онъ прибавилъ:

— Знаешь, Габріэль, сегодня всю ночь соборъ будетъ освѣщенъ. Статуя Мадонны будетъ стоять всю ночь на главномъ алтарѣ, и всѣ свѣчи будутъ зажжены вокругъ.

Онъ помолчалъ, точно не рѣшаясь продолжать говорить, но потомъ прибавилъ:

— Тебѣ, вѣрно, скучно одному... Можетъ быть, я приду къ тебѣ на часокъ...

Когда Габріэля заперли въ соборѣ, онъ увидѣлъ, что алтарь горитъ яркимъ свѣтомъ. Онъ обошелъ весь храмъ и, убѣдившись, что нигдѣ никто не спрятанъ, надѣлъ плащъ на плечи

и сѣлъ, поставивъ подлѣ себя корзину съ провизіей. Онъ сталъ разсматривать черезъ рѣшетку статую Мадонны въ пышномъ одѣяніи, покрытомъ драгоцѣнными каменьями, съ ожерельями, серьгами и браслетами, сверкавшими камнями огромной цѣнности.

Когда наступила ночь, Габріэль поѣлъ, потомъ взялъ принесенную съ собой книгу и сталъ читать. Часы медленно проходили, и каждые полъ-часа Габріэль подходилъ къ контрольному аппарату. Ровно въ десять часовъ тихо открылась одна изъ боковыхъ дверей. Габріэль вспомнилъ обѣщаніе Маріано, но удивился, услышавъ шаги нѣсколькихъ человѣкъ.

— Кто идетъ?—крикнулъ онъ.

— Мы,—глухо отвѣтилъ голосъ Маріано.—Я вѣдь тебѣ говорилъ, что мы придемъ.

Когда пришедшіе подошли, то при свѣтѣ отъ алтаря Габріэль увидѣлъ, кромѣ Маріано, также Тато и сапожника. Они принесли бутылку водки и стали подчивать его.

— Вы вѣдь знаете, что я не пью,—сказалъ Габріэль.—Но куда это вы отправляетесь такіе разряженные?

Тато быстро отвѣтилъ, что донъ Антолинъ заперъ двери въ девять часовъ, и что они всѣ рѣшили провести ночь въ городѣ, и уже были въ кафè и угостились на славу.

Всѣ трое были видимо навеселѣ, и Габріэль сталъ ихъ упрекать, говоря, что пьянство унижаетъ бѣдняковъ.

— Ну, ужъ сегодня особенный денекъ, дядя, — сказалъ Тато.—Пріятно видѣть, когда умираетъ кто нибудь изъ важныхъ. Я кардинала одобрялъ, вы знаете, но все таки радъ, что и его часъ насталъ.

Они усѣлись и стали громко разговаривать, особенно Маріано, безъ умолку болтавшій о богатствѣ кардинала, о доньѣ Визитаціонъ, о радости канониковъ.

Прошло около часа. Маріано пытался нѣсколько разъ прервать разговоръ, точно собираясь сказать нѣчто очень важное, но все не рѣшаясь. Наконецъ онъ рѣшился.

— Послушай, Габріэль,—сказалъ онъ.—Время проходитъ, а у насъ еще много дѣла впереди. Уже одиннадцать часовъ. Нечего мѣшкать.

— Что ты хочешь сказать?—удивленно спросилъ Габріэль.

— Я буду кратокъ. Пора всѣмъ намъ разбогатѣть. Мы устали отъ нищеты. Мы—ты самъ это замѣтилъ—избѣгали тебя въ послѣднее время. Это оттого, что ты ученый, а настоящее дѣло могутъ сдѣлать только люди дѣйствія. Ты намъ говоришь

все объ очень далекихъ революціяхъ, а для насъ важно только настоящее. Такъ вотъ что мы рѣшили. Ты одинъ сегодня сторожишь въ соборѣ. Мадонна стоитъ на алтарѣ, вся покрытая драгоцѣнностями, которыя обыкновенно заперты въ ризницѣ. Дѣло самое простое. Снимемъ съ нея всѣ украшенія и поѣдемъ всѣ въ Мадридъ. Намъ нужно будетъ нѣсколько времени скрываться. Это не трудно, въ виду связей Тато въ мірѣ тореадоровъ, а потомъ уѣдемъ за-границу. Ты всюду бывалъ, ты поможешь намъ устроиться. Потомъ уѣдемъ въ Америку, продадимъ тамъ камни и будемъ всѣ богаты.

— Вы предлагаете мнѣ совершить воровство!—съ ужасомъ воскликнулъ Габріэль.

— Воровство? Такъ что же такое? Вѣдь ограбленные—мы... У насъ съ дѣтства отняли всякую надежду на нашу долю счастья въ жизни... Да и кого мы грабимъ? Статуѣ Мадонны не нужны драгоцѣнности, которыми она обвѣшана... а наши дѣти мрутъ съ голода... Скорѣе, Габріэль! Нечего терять времени.

Габріэль уже не слушалъ его, съ ужасомъ увидѣвъ, какая пропасть отдѣляла его отъ его учениковъ, какъ они въ своемъ невѣжествѣ, удрученные своей нищетой, ложно поняли его благородныя стремленія и видѣли въ его освободительныхъ идеяхъ предлогъ устроиться самимъ хорошо, хотя бы на счетъ ближняго. Въ нихъ слишкомъ сильно говорилъ голосъ эгоизма, и все, что они извлекли изъ его ученій, это—сознаніе своей нужды. Лишь бы самимъ спастись отъ нужды—объ остальныхъ несчастныхъ они не думали. Тѣ, которыхъ онъ считалъ своими учениками, были такіе же люди, какъ всѣ. Гдѣ найти высшій типъ человѣка, облагороженный разумомъ, способный на всѣ жертвы во имя солидарности,—гдѣ человѣкъ свѣтлаго будущаго?

— Нечего терять времени,—повторилъ звонарь.—Намъ достаточно пяти минутъ, и тогда сейчасъ убѣжимъ всѣ вмѣстѣ.

— Нѣтъ,—твердо сказалъ Габріэль.—Я не допущу этого.— И мнѣ горько, что вы думали найти во мнѣ сообщника.

— Довольно, Габріэль!—грубо прервалъ его звонарь.—Мы пришли предложить тебѣ хорошее дѣло, а ты отвѣчаешь намъ ругательствами. Довольно болтать. Замолчи и слѣдуй за нами— мы силой поведемъ тебя къ счастью. Впередъ, товарищи!

Они поднялись втроемъ и приблизились къ рѣшеткѣ. Тато толкнулъ дверцы, и онѣ раскрылись.

— Остановитесь!—крикнулъ Габріэль.

Видя, что онъ не можетъ отвратить ихъ отъ ихъ замысла, онъ сталъ между ними и алтаремъ. Но звонарь оттолкнулъ его.

— Убирайся!—крикнулъ онъ. — Разъ ты не можешь намъ помочь, предоставь намъ дѣйствовать однимъ... Ты, что-ли, боишься Мадонны? Мы вѣдь знаемъ, что она чудесъ не совершаетъ.

— Если вы подойдете къ алтарю, я позвоню...

При этой угрозѣ сапожникъ схватилъ связку ключей, замахнулся ими и стукнулъ Габріэля по головѣ съ такой силой, что онъ упалъ на полъ, потерявъ сознаніе, и струйка теплой крови оросила ему лицо.

Онъ очнулся въ большой залѣ съ бѣлыми стѣнами, куда солнце входило сквозь рѣшетчатое окно, на кровати подъ грязнымъ одѣяломъ. У него давило въ вискахъ, точно вся тяжесть собора давила ему голову. Онъ не могъ пошевельнуться и передъ глазами былъ красноватый туманъ.

Онъ увидѣлъ наклоненную надъ собой голову въ полицейской треуголкѣ, съ огромными усами. Очевидно, какъ только онъ пріоткрылъ вѣки, его хотѣли допросить. Какой-то господинъ въ черномъ сюртукѣ подошелъ къ его кровати въ сопровожденіи двухъ другихъ съ портфелями подъ мышкой. Этотъ господинъ видимо что-то сказалъ; Габріэль видѣлъ, какъ шевелились его губы, но ничего не слышалъ. Затѣмъ глаза его сомкнулись.

Когда онъ снова поднялъ вѣки, ему показалось, что онъ видитъ брата Эстабана, окаменѣвшаго отъ ужаса, среди группы полицейскихъ, и еще болѣе смутно увидѣлъ черты своей нѣжной подруги, Саграріо, которая глядѣла на него съ безконечной любовью. Больше онъ уже ничего не увидѣлъ. Глаза его закрылись навсегда. Въ самую минуту смерти раздался голосъ у его постели:

— Негодяй! Теперь мы его выслѣдили. Сведемъ наконецъ съ нимъ счеты!

Но никакихъ счетовъ уже съ нимъ не сводили. На слѣдующій день тѣло его вынесли въ покойницкую, чтобы похоронить его въ общей могилѣ,—и тайна его смерти ушла вмѣстѣ съ нимъ въ землю, гдѣ хоронятъ вмѣстѣ все величіе и все безуміе и все горе человѣческихъ жизней.

Съ испанскаго З. В.

НАШИ
„КАДЕТЫ“ и „ЛѢВЫЕ“

Письмо въ Редакцію.

II *).

Намъ предстоитъ теперь перейти еще къ одному недостатку, порождаемому утопизмомъ лѣвыхъ, — къ ихъ нетерпимости. Человѣку, вѣрующему въ соціализмъ не только какъ въ теорію общественнаго развитія, но и какъ въ нравственную заповѣдь, трудно допустить, чтобы его можно было опровергать по искреннему убѣжденію,—и болѣе, чѣмъ какой-либо политическій дѣятель другой партіи, онъ способенъ заподозривать въ своемъ противникѣ корыстные мотивы или, по крайней мѣрѣ, безсознательный классовый эгоизмъ: Карлъ Марксъ подалъ своимъ послѣдователямъ примѣръ неудобнаго пріема полемики, въ которой вопросъ сводится съ научной почвы на личныя обличенія,— или отъ серьезнаго возраженія люди отдѣлываются насмѣшками, какъ и самъ Марксъ въ вопросѣ о происхожденіи прибыли [1]). Во время выборной горячки, въ приподнятомъ настроеніи, какое создаетъ революція, личныя нападки встрѣчаютъ очень благодарную почву, и наши собранія, къ сожалѣнію, были неоднократно свидѣтелями инсинуацій противъ тѣхъ, кто стоялъ ближе всего къ лѣвымъ по своей политической программѣ и кто на выборахъ являлся для нихъ самымъ опаснымъ конкуррентомъ.

---

*) См. выше: нояб., стр. 329.

[1]) „Капиталъ“ Маркса, т. I, гл. VII, „Производство сверхстоимости“.

Но нетерпимость, разъ проникшая въ человѣка, проявляется во всемъ и обращается отнюдь не противъ однихъ враговъ. Напротивъ, чѣмъ кто ближе, чѣмъ больше съ нимъ соприкосновенія, тѣмъ яростнѣе споръ, тѣмъ рѣзче взаимныя анаѳемы. Для соціалъ-демократа, какъ и для преданнаго сына церкви, цѣнно каждое слово учителей, дорогъ каждый штрихъ въ новомъ ученіи о спасеніи рода человѣческаго отъ грѣха и проклятія частной собственности, а потому онъ съ болѣзненной нетерпимостью относится ко всему, что можетъ исказить чистоту ученія или совратить послѣдователей на ложный путь компромисса. Отсюда, во-первыхъ, мелочная разработка мельчайшихъ разногласій и неясностей въ писаніяхъ родоначальниковъ и руководителей партіи, наивная преданность ихъ изреченіямъ, пустая игра понятіями подъ названіемъ „углубленія" теоріи; во-вторыхъ, споры между однопартійниками, по своей мелочности и въ то же время страстности имѣющіе себѣ равныхъ только въ сектантскихъ распряхъ. Непосвященнаго во всѣ тайны партійной теоріи и номенклатуры читателя или слушателя эти споры приводятъ иногда въ недоумѣніе, ибо обѣ стороны, казалось бы, говорятъ одно и то же, или взаимно осыпаютъ другъ друга одними и тѣми же упреками. Дурная привычка, пріобрѣтенная въ борьбѣ съ буржуазными противниками, даетъ себя знать и здѣсь, и, переходя въ спорахъ на личную почву, сотоварищи изъ разныхъ фракцій начинаютъ уличать другъ друга въ измѣнѣ народу и угощаютъ эпитетами, среди которыхъ: „хвостистъ", „парламентскій кретинъ", „буржуазный пошлякъ" еще представляютъ не самыя сильныя выраженія. Они не только тратятъ энергію и силы во взаимной борьбѣ, которая возгарается иногда въ самый острый моментъ дѣйствія, но и отталкиваютъ многихъ свидѣтелей, не понимающихъ сущности разногласія, но утомленныхъ и раздраженныхъ однимъ видомъ этого пустого единоборства. Весь этотъ дремучій лѣсъ техническихъ терминовъ и теоретическихъ положеній, въ которомъ даже средне-образованный человѣкъ не въ силахъ разобраться, охлаждаетъ и мертвитъ партію настолько же, насколько живая вѣра въ свое дѣло и рвеніе служить ему привлекаютъ къ ней сердца. То, что по существу является для партіи декораціей, чему она придаетъ чрезмѣрно большое значеніе, по нежеланію сознаться въ своемъ истинномъ идеалистическомъ характерѣ, — туманная запутанная догма, — именно она выдвигается на первый планъ, порабощаетъ мысль и окружаетъ партію колючей изгородью, чрезъ которую трудно добраться до истиннаго ея содержанія. Въ другихъ соціалистическихъ партіяхъ и фракціяхъ меньше этого догматизма и нетерпимости именно потому, что нѣтъ такой стройной выработанной догмы и крѣпкой организаціи, но зато мелоч-

ность разногласій приводитъ тутъ къ безконечному дробленію на фракціи и лишаетъ ихъ всякой практической силы.

Важнѣе, чѣмъ этотъ недостатокъ,—пріемы, допускаемые крайними лѣвыми въ политической борьбѣ. О террорѣ писалось уже много, и мы здѣсь не будемъ вновь подвергать обсужденію его цѣлесообразность или допустимость. Для нашего предмета болѣе важно не столько примѣненіе террористическихъ средствъ, сколько отношеніе къ этому вопросу со стороны крайнихъ. Обыкновенно, когда о немъ говорится, то единственное, что приводятъ въ защиту его тѣ, кто его оправдываетъ,—указаніе на то, что это есть проклятая необходимость. Но въ отношеніи къ совершаемымъ актамъ террора далеко не всегда преобладаетъ именно эта точка зрѣнія: изъ нея во всякомъ случаѣ вытекаетъ отвращеніе къ самымъ дѣйствіямъ, хотя и объясняемымъ ссылкой на необходимость. Между тѣмъ, обыкновенно, даже люди, не сочувствующіе имъ, смотрятъ на нихъ съ полнымъ равнодушіемъ; иные оцѣниваютъ ихъ, какъ сраженіе на войнѣ, по степени успѣха. А тѣ же люди въ сужденіяхъ о современномъ порядкѣ всегда выставляютъ, какъ одно изъ его возмутительнѣйшихъ явленій,—войну. Говоря о политическомъ убійствѣ, его часто спокойно называютъ казнью, а между тѣмъ громогласно требуютъ уничтоженія смертной казни, осуждая самый принципъ ея. Такимъ образомъ, всякое дѣяніе оцѣнивается подъ угломъ зрѣнія своей позиціи. Терминологія перевертывается, смотря по тому, о какой сторонѣ идетъ дѣло, а терроръ бываетъ иногда до того схожъ съ проявленіями крайней реакціи, что пристрастіе сужденія особенно бросается въ глаза: нѣтъ словъ, чтобы заклеймить погромъ евреевъ, но ночные походы и сожженіе усадебъ съ безсмысленнымъ истребленіемъ имущества—немногимъ лучше, и бомба—не гуманнѣе висѣлицы. Едва-ли есть что-либо, болѣе вредящее идеаламъ партіи, чѣмъ примѣненіе такихъ средствъ, которыя должны бы осуждаться во имя этихъ самыхъ идеаловъ. Если при этомъ становятся на точку зрѣнія необходимости, то этимъ только подчеркиваютъ свою зависимость отъ условій момента, т.-е., какъ-разъ то, что въ корнѣ противорѣчитъ общему духу того идеализма, которымъ воодушевлена лѣвая половина нашей оппозиціи. Это есть тотъ самый духъ компромисса, заимствованія оружія изъ вражескаго арсенала, на который нападаютъ въ полемикѣ съ кадетами. Можно утверждать, что сила всегда рѣшала великіе конфликты, и что таковы природа человѣка и свойство его исторіи, но вѣдь это доказываетъ, что мы безсильны переродить человѣчество, что исторія будетъ вѣчно повторяться, что новое не имѣетъ абсолютной цѣнности передъ старымъ! При чемъ тогда идеи, проповѣдуемыя крайними лѣвыми, чего можно ожидать отъ человѣчества, если люди, желающіе вести его

впередъ, не находятъ иного орудія, какъ то же насиліе, которымъ двигалась исторія въ теченіе тысячелѣтій? Усилія начать совершенно новую эру въ исторіи человѣчества, дать міру неслыханное раньше міровоззрѣніе, обновить общество—разбиваются о повтореніе старыхъ пріемовъ борьбы; отсрочка царства общаго мира и упраздненія кровавой борьбы до неизвѣстнаго будущаго—подрываетъ вѣру вообще въ силу идей, которыя, чтобы быть проведены въ жизнь, нуждаются въ помощи силъ, имъ рѣзко противоположныхъ.

Цѣль оправдываетъ средства болѣе или менѣе для каждой партіи, но у лѣвыхъ партій этотъ принципъ сталкивается съ самыми основными ихъ идеями, а между тѣмъ никто не проводитъ его дальше, чѣмъ они. Это вытекаетъ вновь изъ того же психологическаго основанія: если то, что я хочу провести въ жизнь, составляетъ для меня предметъ непоколебимаго вѣрованія и принимается за абсолютную истину по крайней мѣрѣ для нынѣшней эпохи, то всѣ остальные соображенія и принципы блѣднѣютъ передъ этимъ господствующимъ результатомъ всякой моей дѣятельности. Во имя этого высшаго принципа и идеала можно дозволить себѣ все; ради торжества его, нѣтъ жертвы, которую вѣрующій поколебался бы принести, — и потому такихъ же жертвъ онъ требуетъ и отъ другихъ. Не только прямые враги не возбуждаютъ въ немъ сожалѣнія, но даже случайныя и невинныя жертвы, попадающія въ сферу дѣйствій террориста, не идутъ въ счетъ: они принесли себя на алтарь освобожденія отечества, хотя бы у нихъ предварительно и не спрашивали о готовности къ такой жертвѣ. Каляевъ, откладывавшій свое покушеніе съ громаднымъ рискомъ для себя, чтобы только не погубить случайно лишняго человѣка, представляетъ рѣдкое явленіе, и чѣмъ дальше идетъ революція и возрастаетъ озлобленіе, тѣмъ небрежнѣе съ обѣихъ сторонъ смотрятъ на проливаемую кровь.

Нѣтъ сомнѣнія, что выполнители террористическихъ актовъ несутъ рискъ и часто платятся за нихъ головой, но одного самопожертвованія, разумѣется, недостаточно, чтобы причислить человѣка къ лику героевъ; нужно, чтобы его поступокъ былъ общимъ мнѣніемъ признанъ справедливымъ: гимнастъ, ломающій себѣ шею изъ любви къ искусству, совершенно безразличенъ для общества; изступленный фанатикъ вреденъ для него, и не изъ дѣйствій террористовъ могла быть выведена похвала имъ, а напротивъ, дѣянія подлежали бы похвалѣ или порицанію, смотря по оцѣнкѣ ихъ общаго характера. Между тѣмъ, среди крайнихъ лѣвыхъ это геройство даетъ поводъ къ одной изъ самыхъ несимпатичныхъ тенденцій,—безпрестанному самовосхваленію. Разумѣется, болѣе всего хвалятся не тѣ, кто дѣйствительно выказалъ свое мужество, а ихъ сотоварищи, ничего великаго не со-

вершившіе и кичащіеся чужими заслугами. Одна принадлежность къ партіи, проявляющей, по ихъ мнѣнію, такъ много героизма, даетъ имъ поводъ смотрѣть на остальное человѣчество сверху внизъ и только за собой признавать право на народную благодарность; все совершающееся въ исторіи пріобрѣтаетъ особую партійную окраску, всѣ успѣхи освободительнаго движенія приписываются только партіи, всѣ иные факторы игнорируются, и въ концѣ концовъ складывается культъ силы въ самомъ грубомъ, неприкрашенномъ видѣ. И опять-таки боязнь упрека въ трусости или недостаточной радикальности, въ равнодушіи къ угнетенію народа или въ буржуазныхъ предразсудкахъ—мѣшаетъ протестовать противъ культа силы тѣхъ, кто по духу ему вовсе не сочувствуетъ. То, что во всякомъ случаѣ составляетъ слабость партіи,—приноровленіе къ времени,—обращается въ ея главную доблесть, и обманчивая простота разрубанія запутанныхъ вопросовъ—вмѣсто разрѣшенія ихъ—отвлекаетъ политическую мысль отъ культурныхъ и единственно прочныхъ способовъ разрѣшенія кризиса.

Убѣжденные въ своей правотѣ и нравственномъ превосходствѣ люди не стѣсняются навязывать свои взгляды тѣмъ, кто ихъ недостаточно живо воспринимаетъ, и иногда борются за народъ противъ самого народа. Деспотизмъ по отношенію къ рядовымъ членамъ партіи, насиліе надъ несогласными—отмѣчались прессой нѣсколько разъ. Въ 1906 г., лѣтомъ, въ Петербургѣ нѣкоторые рабочіе стали подвергать издѣвательствамъ и избіеніямъ своихъ товарищей черносотенцевъ, и только Плехановскій „Курьеръ“ возвысилъ голосъ протеста противъ расправы, доказывая, что насиліе нельзя примѣнять даже къ „черной сотнѣ“. Эта послѣдняя идея, къ сожалѣнію, еще весьма мало проникла въ умы людей, считающихъ себя отъявленными врагами всякаго деспотизма. Неразборчивость въ средствахъ, кромѣ кровавыхъ актовъ, ведетъ къ мелочнымъ выходкамъ: личная травля противниковъ, распространеніе если не завѣдомо ложныхъ, то явно пристрастныхъ слуховъ, несбыточныя обѣщанія, даваемыя народу, и невѣрная картина положенія вещей, рисуемая съ цѣлью укрѣпить положеніе партіи,—всему этому мы были свидѣтелями въ эпоху наибольшаго торжества лѣвыхъ, когда, казалось бы, они легче могли обойтись безъ этихъ пріемовъ. Во время московскаго возстанія разсылались по провинціи, погруженной въ неизвѣстность о ходѣ революціи, телеграммы: „Сражаемся съ остатками императорскихъ войскъ“, или: „Въ Кремлѣ выкинуто красное знамя“, и т. п., какъ будто подобныя свѣдѣнія могли сколько-нибудь помочь дѣлу и не были заранѣе обречены на постыдное разоблаченіе лживости послѣ провала всего предпріятія. За время недолгаго господства лѣвыхъ въ иныхъ городахъ въ памятные декабрьскіе дни, они успѣвали возстановить противъ себя населеніе нетерпимостью и

деспотизмомъ, производили обыски и выемки оружія совершенно по-полицейски, не давали на народныхъ собраніяхъ сказать слово своимъ противникамъ. Когда въ университетѣ получили преобладаніе крайніе, они производили такое же давленіе на товарищей на сходкахъ, такъ же требовали увольненія правыхъ профессоровъ, какъ въ прежнее время департаментъ полиціи выгонялъ неблагонадежныхъ профессоровъ и высылалъ лѣвыхъ студентовъ. Одна магическая фраза, что они дѣйствуютъ во имя народа и ради народа, уполномочивала лѣвыхъ на всякія требованія и на полное распоряженіе этимъ самымъ народомъ, хотя бы онъ по невѣжеству своему не понималъ ихъ требованій и не обнаруживалъ полной охоты помогать имъ. Въ періодъ, когда Москва была покрыта баррикадами, обыватель оказался между двухъ огней: начальство приказывало запирать ворота, возстанцы приказывали отпирать; правительство регулировало движеніе по улицамъ, хватая всѣхъ встрѣчавшихся послѣ извѣстнаго часа; революція регулировала торговлю, обязывая лавочниковъ продавать свои товары по таксѣ. Анекдотъ о лавочникѣ, подавшемъ по установленной казенной формѣ прошеніе въ революціонный комитетъ о разрѣшеніи повысить цѣны, хорошо характеризуетъ чувства рядового москвича, который вмѣсто стараго начальства почувствовалъ надъ собой не свободу, а только новое начальство. Пренебреженіе къ интересамъ жителей, вызывавшее полное отчужденіе ихъ, было одной изъ причинъ неудачи возстанія: народъ нельзя облагодѣтельствовать помимо его воли, и насиліемъ завоевывать сочувствіе не приходится: никого не вгонишь въ рай дубиной,—наши крайніе лѣвые доказали на себѣ то же, что фанатики иного вѣка и лагеря.

Перечисленные недостатки лѣвыхъ усугубляются нѣкоторыми обстоятельствами, лежащими въ условіяхъ времени и современной русской жизни. Во-первыхъ, то ученіе, которымъ вдохновляются лѣвыя партіи, направляетъ все ихъ вниманіе на соціальное переустройство общества. Вопросы личной нравственности отступаютъ на задній планъ, такъ какъ личность признается безсильной передѣлать міръ единоличными усиліями; всѣ недостатки, пороки и преступленія современниковъ объясняются общественнымъ строемъ,—безправіемъ и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ собственности,—и считается наивнымъ призывать людей къ личному совершенствованію, пока не измѣнены условія общественной жизни. Но это налагаетъ отпечатокъ и на кодексъ личной нравственности самихъ членовъ партіи. Мы неоднократно сравнивали нашихъ лѣвыхъ съ религіозными сектантами, но здѣсь встрѣчается важная и невыгодная для первыхъ разница:

для того, чтобы занимать свое мѣсто въ сектѣ или церкви, необходимо было всегда соблюдать въ своей личной жизни извѣстный регламентъ поведенія; секты даже старались превзойти другъ друга выдающеюся нравственностью своихъ членовъ. Напротивъ, въ лѣвыхъ партіяхъ, какъ во всѣхъ политическихъ организаціяхъ, вопросы нравственные отходятъ на второй планъ, а въ силу вышесказаннаго теоретическаго воззрѣнія имъ придается менѣе всего значенія, хотя противниковъ они охотно укоряютъ въ личныхъ проступкахъ. Отвращеніе отъ всего буржуазнаго вырабатываетъ пренебреженіе ко всякой морали, господствующей въ современномъ, т.-е. буржуазномъ обществѣ,—новой же пролетарской морали мы еще пока не знаемъ. Если однѣ добродѣтели,—напр., преданность народу, солидарность съ товарищами,—особенно культивируются, то другія, въ томъ числѣ самыя необходимыя въ благоустроенномъ обществѣ, остаются вовсе въ пренебреженіи; даже столь простую вещь, какъ соглашеніе съ другими партіями, трудно было находить, потому что нельзя было гарантировать, что въ рѣшительную минуту лѣвые не измѣнятъ внезапно своихъ плановъ, вопреки всякимъ даннымъ обѣщаніямъ: въ печати былъ оглашенъ фактъ несоблюденія межпартійнаго договора при выборахъ коммиссіи по амнистіи въ Государственной Думѣ [1]), но такой случай—не единственный, и едва-ли даже лѣвые сознаютъ недопустимость подобнаго отношенія къ союзникамъ, хотя и временнымъ,—ибо все покрывается, все оправдывается однимъ аргументомъ, что такъ нужно для партіи, слѣдовательно для народа, а вообще съ кадетами и прочими буржуями церемониться нечего. Отвергая современное общество и его мораль, крайніе представители лѣваго образа мыслей иногда выбрасываютъ вмѣстѣ съ нею за бортъ правила, установленныя во взаимныхъ отношеніяхъ даже варварскихъ племенъ, какъ зачатокъ международнаго права,—какъ будто самая идея права претитъ имъ; постоянно ссылаясь на то, что они ведутъ войну съ правительствомъ, они забываютъ о томъ, что есть нормы, которыя и на войнѣ охраняютъ по установленному международному соглашенію права какъ воюющихъ сторонъ, такъ въ особенности нейтральныхъ лицъ.

Иною причиною, чрезвычайно вредно повліявшею на характеръ лѣвыхъ партій, было ихъ оффиціальное положеніе или, вѣрнѣе, отсутствіе всякаго оффиціальнаго положенія. Вся ихъ предшествующая жизнь въ силу этого протекла въ подпольѣ, и послѣ краткаго времени свободы имъ опять пришлось вернуться туда же. Но и въ дни свободы привычки, зарожденныя въ „подпольѣ“, давали себя чувствовать,—прежде всего, крайнее озлобленіе противъ существующаго режима.

[1]) „Русскія Вѣдомости“ 1907 г., № 124.

Если они рѣзко отвергаютъ всякій компромиссъ съ нимъ, если они упрекаютъ кадетовъ въ слабости къ нему и не находятъ въ нихъ достаточно святой ненависти къ угнетенію, то это оттого, что кадеты не испытывали на себѣ въ такой степени тягость режима, не понесли столько жертвъ. Гоненіе было настолько привычнымъ состояніемъ для лѣвыхъ, что легальное существованіе другой партіи возбуждало въ нихъ подозрѣніе въ ея недостаточной честности и демократичности: когда во время первыхъ выборовъ въ Думу кадетамъ еще было дозволено работать открыто, хотя и съ препятствіями, то лѣвые смотрѣли на нихъ чуть не какъ на правительственную партію. Если лѣвыя партіи съ легкимъ сердцемъ прибѣгаютъ къ крайнимъ способамъ борьбы, если всякое бѣдствіе, постигающее противниковъ, возбуждаетъ въ нихъ злорадство, то все это можетъ быть извиняемо тѣмъ, что они сами испытали па себѣ примѣненіе самыхъ крайнихъ мѣръ и, можно сказать, родились и выросли среди всяческаго рода бѣдствій. Но какъ бы это ни объяснять, все-таки оно вредно отражается на ихъ дѣятельности, лишаетъ необходимаго спокойствія и сдержанности: выступая на широкую арену, дѣйствуя во имя народа, они иногда вносятъ старые счеты, желчность и партійную ненависть тамъ, гдѣ нужно бы подняться на высоту общихъ чувствъ и интересовъ. Отсутствіе государственной широты взгляда—можетъ быть, самая характерная черта и самый крупный недостатокъ лѣвыхъ партій, но онъ цѣликомъ можетъ быть приписанъ ихъ загнанности. Общество, которое вынуждено укрываться въ подпольѣ, можетъ существовать не иначе, какъ въ тѣсномъ кружкѣ, — зато мелочность кружковщины, нетерпимость, порожденная самымъ духомъ партіи, проникаетъ всю ея дѣятельность, и когда ходъ событій выноситъ ее на широкое поприще, она не можетъ отдѣлаться отъ мелочной придирчивости, подозрительнаго недовѣрія ко всѣмъ, стоящимъ внѣ ея ограды, не можетъ поступиться хоть частью тѣхъ идей, которыя сдѣлались ей еще дороже, благодаря гоненіямъ, которыя она перенесла за нихъ, и, конечно, она не въ силахъ сразу перемѣнить всѣ пріемы и методы дѣйствія; споръ между двумя лѣвыми партіями—народныхъ соціалистовъ и соціалъ-революціонеровъ — живо характеризуетъ переломъ, переживаемый партіей, выходящей изъ „подполья“ на свѣтъ Божій.

Было еще одно свойство минувшаго режима, которое отравляло всю русскую оппозицію, но въ особенности лѣвый флангъ ея. Такъ какъ всякое проявленіе опасной для правительства дѣятельности, даже въ области просвѣщенія, преслѣдовалось, и администрація была настолько подозрительна, что пресѣкала иногда самыя невинныя начинанія, если усматривала въ нихъ покушеніе на крамолу, —то даже общественнымъ дѣятелямъ, не преслѣдовавшимъ никакихъ полити-

ческихъ цѣлей, приходилось всячески изворачиваться, чтобы избѣжать сѣтей и преградъ на своемъ пути. Трудно оцѣнить весь вредъ, какой принесла русской общественной жизни эта проклятая необходимость вѣчно оглядываться, придумывать благонамѣренныя формы для того, чтобы оградить отъ преслѣдованій свои начинанія, привычка употреблять условленную терминологію, прибѣгать къ высокимъ покровителямъ и пріискивать извиненія для такихъ предпріятій, которыя заслуживали бы только поощренія и благодарности правительства. Рабій духъ зависимости и скрытности проникалъ все; до извѣстной степени мы всѣ имъ заразились и утратили простоту и искренность въ нашемъ общественномъ обиходѣ. Но, конечно, во сто разъ больше приходилось лгать и изворачиваться партіямъ, которыя прямо ставили себѣ цѣлью то, что въ другихъ обществахъ начальство старалось отыскивать въ области заднихъ мыслей и затаенныхъ намѣреній. Тѣ, кто прямо шли на политическую борьбу, хотя бы просто на пропаганду идей политической свободы, должны были пользоваться всѣми тайными, нелегальными путями и прибѣгать ко всевозможнымъ замаскированнымъ формамъ дѣятельности. Оффиціально они должны были принимать совершенно невинныя названія, скрывать свои мысли, чувства, поступки, иногда самыя имена, если только хотѣли сдѣлать что-нибудь. Вся ихъ работа была покрыта таинственностью и основана на умѣньи построить обманчивую внѣшность. А когда дѣло доходило до отвѣтственности, ее старались отрицать. Это было, можетъ быть, не по-рыцарски, но только такимъ путемъ могли они существовать. Несмотря на то, что прежній режимъ сохраняется еще въ полной силѣ, всѣ партіи сознаютъ необходимость измѣнить теперь способъ дѣйствія, по возможности выходить съ открытымъ забраломъ; но, помимо желанія, старая привычка даетъ себя чувствовать, и даже въ отношеніяхъ между партіями господствуетъ та же скрытность и недовѣрчивость, какая прежде диктовалась необходимостью по отношенію къ администраціи.

Загоняя въ подполье оппозицію, правительство усиливало ту особенность ея, которую она имѣетъ всегда въ тѣхъ странахъ, гдѣ отлучена отъ государственныхъ дѣлъ: оторванность отъ жизни, теоретичность своихъ программъ. Казалось бы, что лѣвые, шедшіе въ народъ, постоянно съ нимъ общавшіеся, должны бы быть ближе къ жизни, практичнѣе, чѣмъ, напр., кадеты; на дѣлѣ же выходило наоборотъ. Во-первыхъ, то, что мы назвали „идеалистичностью“ лѣвыхъ, мѣшало имъ видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ; во-вторыхъ, широкаго общенія съ народомъ они все-таки были лишены; они видѣли извѣстные, ближе къ нимъ стоявшіе слои, главнымъ образомъ, фабричный пролетаріатъ, а онъ какъ-разъ дальше всего отходитъ отъ массы на-

рода и самъ по численности составляетъ небольшую часть народа; да и здѣсь лѣвые сходились тѣсно только съ тѣми, кто „работалъ“ въ партіи, а это по условіямъ времени могли быть только или самые развитые, или самые смѣлые изъ народа. Оттого у лѣвыхъ сложилось совершенно неправильное представленіе о народѣ, который считался готовымъ къ революціи еще до войны: естественная склонность преувеличивать плоды собственной дѣятельности, т.-е. агитаціи, и опять то же старое свойство—вѣрить въ то, на что надѣешься—помогало самоослѣпленію. Эта ошибка въ свою очередь повліяла и на другія партіи: казалось, что лѣвые могутъ правильнѣе судить о народѣ, вращаясь постоянно въ средѣ его, и вся переоцѣнка силъ первой Государственной Думы имѣла въ этомъ свой источникъ. Весьма многихъ лѣвыхъ даже революція ничему не научила, и еще много испытаній и разочарованій надо имъ пережить, чтобы видѣть народъ, какимъ онъ есть.

Равнымъ образомъ, и всѣ вопросы государственнаго преобразованія рѣшались у лѣвыхъ отвлеченно, теоретически, не считаясь съ настроеніемъ населенія и обычаями разныхъ областей. Во всемъ блескѣ высказался этотъ безудержный теоретизмъ въ „Проектѣ основного земельнаго закона“, внесенномъ въ первую Думу 33-мя членами трудовой группы, и въ готовности авторовъ его подчинить тому же общинному режиму всѣ области Россіи, со включеніемъ западныхъ, вѣками привыкшихъ къ частной земельной собственности. Привычка мыслить по шаблону, сводить всѣ общественныя явленія къ немногимъ установленнымъ въ правовѣрномъ ученіи принципамъ, мѣшаетъ лѣвымъ понять все, что выходитъ за предѣлы этого кругозора. Классовая борьба, какъ объясненіе всѣхъ соціальныхъ явленій, исчерпываетъ для нихъ всю философію исторіи и общественную психологію: величайшее недоумѣніе возбуждалъ у лѣвыхъ думцевъ видъ польскихъ крестьянъ, сидящихъ въ одной партіи со своими помѣщиками; требованіе автономіи, національная сплоченность—все это было непредусмотрѣно и казалось имъ совсѣмъ нестоящимъ, неважнымъ въ сравненіи съ классовыми интересами.

Всѣ подобныя отклоненія представляются пережиткомъ стараго, предразсудкомъ, сантиментальностью, и тѣмъ страннѣе, что лѣвые не могли понять значенія этихъ силъ, что ихъ міровоззрѣніе тоже основано на чувствахъ состраданія къ народу и ненависти къ угнетателямъ, а сами они являютъ весьма почтенный примѣръ защиты интересовъ чуждаго имъ класса.

Привыкнувъ мыслить по трафареткѣ, лѣвыя партіи и дѣйствовали во все время революціи въ соотвѣтствіи съ этимъ. Отсюда эта поразительная рутинность въ пріемахъ политиковъ, считающихъ себя наиболѣе передовыми: вѣчныя повторенія тѣхъ же выкриковъ, одни и

тѣ же рецепты тактики, упорство въ отстаиваніи самыхъ крайнихъ формъ борьбы, въ убѣжденіи, будто они-то именно и есть самыя дѣйствительныя, хотя событія совершенно наглядно опровергли этотъ предразсудокъ; неумѣнье быстро оріентироваться въ новомъ положеніи, какое создалось для лѣвыхъ въ Думѣ, и примѣненіе на думской трибунѣ митинговыхъ пріемовъ воздѣйствія на слушателей,—все это объясняетъ слабость, проявленную лѣвыми въ то время, когда обстоятельства складывались для нихъ благопріятнѣе, чѣмъ когда-либо, и ихъ неумѣнье закрѣпить свою позицію въ Думѣ, гдѣ они сразу получили больше голосовъ, чѣмъ въ какомъ-либо старомъ парламентѣ, и гдѣ имѣли еще больше вліянія, чѣмъ могли бы разсчитывать по числу своихъ голосовъ. Лѣвые могутъ быть чѣмъ угодно,—идеалистами, фанатиками, героями,—но до сихъ поръ они никогда еще не были государственными людьми.

Есть еще одна особенность въ лѣвыхъ партіяхъ, которая объясняетъ послѣднее обстоятельство. Огромный процентъ членовъ лѣвыхъ партій состоитъ изъ молодежи; даже въ Думѣ былъ замѣтенъ болѣе молодой составъ трудовой группы, сравнительно съ кадетами; но въ провинціи въ массѣ членовъ юный возрастъ лѣвыхъ бросается въ глаза еще болѣе. Явленіе это отнюдь не случайно: нигдѣ идеализмъ не встрѣчаетъ такой благодарной почвы, какъ среди молодежи; всякая несправедливость и угнетеніе дѣйствуютъ на нее съ непривычки много сильнѣе, чѣмъ на зрѣлыхъ людей, а быстрота реакціи въ молодости на всѣ жизненныя впечатлѣнія составляетъ общеизвѣстный психологическій законъ; сложность жизненныхъ явленій молодому человѣку неизвѣстна, оцѣнить удѣльный вѣсъ различныхъ факторовъ исторіи онъ не въ состояніи и болѣе всего склоненъ рисовать себѣ міръ соотвѣтственно своему вкусу, пренебрегая всѣми противорѣчіями его и перескакивая черезъ всѣ предвидимыя препятствія. Все то, что мы говорили про идеалистическій типъ человѣчества, примѣнимо къ молодежи въ усиленной степени, и потому партія, которая вообще страдаетъ свойственными этому типу недостатками, способна только еще укрѣпиться въ нихъ отъ прилива къ ней молодежи. Но отказаться отъ участія молодежи лѣвые не могли, потому что, во-первыхъ, это было практически неосуществимо, а во-вторыхъ, молодые люди приносили неизмѣримую пользу своей энергичной и вездѣсущей пропагандой. Значительной частью успѣха на выборахъ лѣвые обязаны именно этой преданной, неутомимой молодежи, иррегулярному войску, какого не было у другихъ партій. Характерно, что и въ этомъ даже отношеніи, какъ и въ остальныхъ, кадеты стояли на полпути между умѣренными и лѣвыми партіями: молодежь была и у нихъ, она тоже сыграла свою роль особенно на первыхъ выборахъ, но никогда к.-д.

партія не держалась въ такой степени силами и жертвами своей молодежи, какъ лѣвые.

Какъ и всегда, молодежь, бросаясь въ крайность, утрируетъ тѣ принципы, которымъ служитъ: протестъ противъ всѣхъ установленныхъ условій современнаго общества не можетъ не привлекать ее своей смѣлостью и широтой открываемыхъ горизонтовъ, которые ей кажутся весьма близко достижимыми, и оппозиція противъ существующаго принимаетъ у нихъ рѣзкій, иногда дѣтски-наивный, иногда юношески-задорный характеръ. Отвергается не только буржуазная чопорность, но и общепринятая сдержанность въ манерахъ и выраженіяхъ; рѣзкость же рѣчи и безцеремонность дѣйствій кажутся проявленіемъ особой смѣлости и непримиримости; вмѣстѣ съ буржуазной культурой выкидываютъ за бортъ культуру вообще. Демократизмъ, понимаемый въ самомъ узкомъ, буквальномъ смыслѣ, заставляетъ пренебрегать уже усвоенною культурою, отличающей интеллигенцію отъ народа. Цѣль всѣхъ передовыхъ дѣятелей—поднять народъ до уровня господствующихъ нынѣ классовъ — перевертывается прямо въ противоположное: въ стремленіе слиться съ народомъ, подражать ему во всемъ, даже въ той некультурности, которая составляетъ самое тяжелое наслѣдіе его прошлаго; въ традиціонномъ благочестивомъ изображеніи нигилиста въ видѣ неопрятнаго юноши съ умышленно-грубой рѣчью и растрепаннымъ платьемъ—заключается доля истины. Можетъ быть, больше всего стала замѣчаться внѣшняя распущенность молодежи въ университетахъ съ тѣхъ поръ, какъ она получила тамъ свободу распоряжаться собой, вошла членомъ въ составъ „universitas“ на извѣстныхъ правахъ; вмѣсто того, чтобы тѣмъ болѣе чувствовать свою связь съ нимъ и уваженіе къ нему, стали выставлять на показъ свое пренебреженіе къ нему. Если бы оно еще выражалось только въ куреніи на лекціи и въ неснималіи шапокъ въ аудиторіяхъ, это коробило бы только глазъ и причиняло нѣкоторыя физическія неудобства лекторамъ. Но пренебреженіе распространялось въ особенности на самихъ лекторовъ, изъ которыхъ въ лѣвыхъ партіяхъ состоятъ немногіе, а остальные, какъ кадеты или и того хуже, „умѣренные“, подвергались огульному осужденію, какъ буржуи. Не только университетъ, сама наука лишилась того ореола, которымъ она была окружена, и поколѣніе, воспитавшееся въ такихъ чувствахъ, не будетъ склонно руководиться ею въ своихъ дѣйствіяхъ. Партіи, поклонявшіяся наукѣ, на самомъ дѣлѣ пренебрегали ею, и, конечно, интересы и авторитетъ партій всегда перевѣшивали авторитетъ „университета“. Русская молодежь лишилась солидной поддержки и руководства въ ту самую минуту, когда они были особенно ей необходимы.

Говоря о лѣвыхъ, мы, во-первыхъ, не всегда проводили различіе между отдѣльными фракціями лѣваго лагеря, потому что хотѣли отмѣтить тѣ черты, которыя, по нашему мнѣнію, общи имъ всѣмъ; во-вторыхъ, мы говорили, о тѣхъ элементахъ этого лагеря, которые являются типичными. Несомнѣнно, что на ряду съ идеалистами, которые даютъ тонъ, тамъ имѣется много реальныхъ политиковъ, приставшихъ къ лѣвымъ партіямъ по теоретическому сочувствію программѣ, хотя бы они не закрывали глазъ на невыполнимость ея въ настоящее время; еще больше такихъ, которые причисляютъ себя къ лѣвымъ партіямъ безъ особеннаго вниманія къ отдѣльнымъ пунктамъ программъ, просто изъ желанія поддержать тѣхъ, кто находится въ наиболѣе рѣзкой оппозиціи къ существующему режиму. Кадетская тактика медленнаго завоеванія и осторожной обороны, когда не хватаетъ силъ на побѣду, не всѣмъ по душѣ. Ошибочный, но серьезный и искренній мотивъ заставляетъ многихъ, признающихъ положительныя стороны кадетской партіи, считать, что для отрицательной работы разрушенія стараго строя лѣвые пригоднѣе. Событія послѣднихъ лѣтъ, кажется, достаточно доказали ошибочность этого взгляда, и, можетъ быть, этотъ опытъ повліяетъ на перегруппировку внутри самихъ лѣвыхъ партій. Но ходъ вещей поставилъ передъ ними еще другую, болѣе серьезную задачу, тоже касающуюся личнаго состава партій.

Въ тотъ моментъ, когда революція, казалось, торжествовала побѣду и лѣвые шли въ гору, они испытали одну опасность, угрожающую всѣмъ партіямъ на пути къ побѣдѣ: къ нимъ стали приставать элементы не только не типичные для партіи, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо вредные для нея. Само собою разумѣется, что къ тѣмъ, кто пользуется фаворомъ общественнаго мнѣнія, кого, повидимому, ожидаетъ на завтра побѣда и власть, льнутъ всѣ помнящіе въ политикѣ прежде всего личный разсчетъ или слѣдующіе за модой. Промежуточная область между кадетами и лѣвыми заполнена колеблющимися элементами, которые, смотря по обстоятельствамъ и по направленію общественнаго вѣтра, говорятъ то „мы“ про кадетовъ и „вы“ про лѣвыхъ, то какъ разъ наоборотъ. Во Франціи, гдѣ соціалисты въ лицѣ Бріана и Вивіани уже достигли власти, выработался особый терминъ „соціалисты-карьеристы“, если вѣрить г. Луначарскому, который въ своемъ памфлетѣ противъ „Трехъ кадетовъ“ титулуетъ Клемансо „великимъ кадетомъ“. Характерна и пожалуй симпатична ненависть, какую выказываетъ къ этимъ карьеристамъ г. Луначарскій, но мы сомнѣваемся, чтобы онъ былъ такъ же послѣдователенъ и неумолимъ къ тѣмъ, кто пойдетъ рядомъ съ нимъ и будетъ повторять ортодоксальный символъ вѣры: карьеристы есть не только въ правительствѣ, но и въ революціи, и приливъ ихъ создаетъ партіи

ложное представленіе о ея могуществѣ. У такихъ людей слово, конечно, отстоитъ очень далеко отъ дѣла, и названія идеалистовъ они ни въ какомъ смыслѣ не заслуживаютъ.

Вторая категорія людей, которая начала приставать къ лѣвымъ еще до революціи,—это неуравновѣшенныя натуры, ищущія острыхъ ощущеній и какихъ-то невѣдомыхъ мистическихъ новыхъ словъ. Странная связь между марксизмомъ и декадентствомъ, можетъ быть, уже обращала на себя вниманіе многихъ, хотя, насколько мы знаемъ, объясненія ей еще не дано. Достаточно странно уже, когда люди, привыкшіе воспринимать всякое новое слово, одновременно увлекаются соціализмомъ и философіей Ничше. Какъ можно подѣлить свои симпатіи поровну между апостоломъ соціалъ-демократіи Марксомъ и пророкомъ аристократическаго сверхъ-человѣка,—это тайна тѣхъ головъ, которыя способны на такое совмѣщеніе. Но тутъ еще психологически понятно и почтенно исканіе правды, хотя бы на діаметрально противоположныхъ дорогахъ,—люди просто не разобрались въ своихъ симпатіяхъ и переживутъ со временемъ кризисъ, который ихъ окончательно прибьетъ къ тому или къ другому берегу. Напротивъ, вреднымъ элементомъ являются тѣ, для кого марксизмъ и революція—не болѣе, какъ средство щекотать нервы, какъ они же въ искусствѣ гоняются за вычурными чувствами и парадоксальными положеніями. Они вовсе не помощники въ работѣ, и только компрометируютъ дѣло, которому служатъ по-дилеттантски. Это — люди, которые чувствуютъ не опредѣленный протестъ противъ современнаго общества, а какое-то смутное влеченіе къ перемѣнамъ, часто лишь отъ пресыщенія настоящимъ, изъ котораго они успѣли извлечь, какъ имъ кажется, весь сокъ. Къ сожалѣнію, такое теченіе, повидимому, усиливается по мѣрѣ того, какъ неудача практической работы поощряетъ неопредѣленное мечтательство.

Но есть еще третья категорія случайныхъ приспѣшниковъ лѣвыхъ партій, наиболѣе опасная во всѣхъ смыслахъ. Когда революціонное движеніе стало обостряться, когда во имя его стали совершаться акты, на которые способенъ былъ или фанатикъ, или попросту острожный типъ, то къ лѣвымъ партіямъ пристали люди, для которыхъ вся затѣянная борьба была лишь удобнымъ поприщемъ для развертыванія своихъ уголовныхъ талантовъ. Дикія страсти, разыгрывавшіяся при аграрныхъ погромахъ, удобный способъ раздѣлываться съ врагами подъ флагомъ борьбы за свободу, привлекали мародеровъ революціи. Чѣмъ больше распалялась революція, тѣмъ больше проступалъ этотъ элементъ. Нападеніе на какое-нибудь крупное должностное лицо объяснялось его вліяніемъ на общій ходъ политическихъ событій, а убійство городовыхъ и урядниковъ не имѣло иного значенія, какъ

месть за какія-нибудь притѣсненія обывателя полицейскимъ чиномъ. Попавъ на эту опасную наклонную плоскость, легко было пойти по ней все дальше: притѣсненія—понятіе относительное, и часто могли быть предлогомъ для сведенія личныхъ счетовъ. Еще хуже дѣло обстоитъ съ экспропріаціями: тамъ, гдѣ революціонное „выступленіе“ даетъ непосредственную выгоду самому герою его, да еще выгоду столь осязательную, какъ извѣстное количество презрѣннаго металла, соблазнъ слишкомъ великъ для всѣхъ неустойчивыхъ элементовъ, даже искренно приставшихъ къ партіи. Но когда профессіональный воръ видитъ, сколь легко можетъ онъ вызвать нѣкоторое сочувствіе и стать героемъ, предаваясь своему обычному занятію, то, разумѣется, только глупостью или невѣжествомъ можно объяснить, что онъ еще не всегда пользуется этимъ оправданіемъ. Растлѣніе, которое отъ этого проникаетъ въ революціонный лагерь, хуже того, какое вызываетъ въ арміи мародерство, а между тѣмъ военные законы караютъ послѣднее безжалостно.

Лѣвые безусловно виноваты въ томъ, что дали укрѣпиться въ своей средѣ такимъ отрицательнымъ элементамъ. Наивное довѣріе ко всякому, кто назывался ихъ именемъ и успѣлъ повторять заученныя фразы, побуждало принимать въ свою среду людей, которые не отличались отъ заурядныхъ негодяевъ. Когда еще движеніе только-что начиналось, лѣвые не желали видѣть ни сомнительности состава нѣкоторой части своей братіи, ни рискованности пріемовъ борьбы, какіе они ввели въ обиходъ. Они сердились, когда имъ говорили про хулигановъ партіи, и смѣялись надъ опасеніями, что ихъ тактика заведетъ всю страну въ трясину. Уже въ прошломъ году среди руководителей началась реакція противъ крайностей максимализма, но какъ будто не хватало мужества или послѣдовательности бить въ центръ, — категорически отвергнуть извѣстные пріемы борьбы: дѣло всегда ограничивалось фразами, на которыя всѣмъ мелкимъ хулиганамъ и экспропріаторамъ было въ высокой степени наплевать, дисциплина же партіи расшатывалась все больше, а между тѣмъ партія несла отвѣтственность за все, что гдѣ-либо дѣлалось, хотя бы облыжно, подъ вывѣской революціи. Поразительная исторія съ Казанцевымъ показываетъ, что первый попавшійся проходимецъ, даже членъ враждебной партіи, могъ безъ труда распоряжаться членами партіи, ихъ же руками бороться съ революціей. Сколько агентовъ охранной полиціи такимъ же образомъ проникали въ партію, этого не скажутъ, конечно, сами лѣвые, и нѣкоторые процессы показали, что теперь уже невозможно опредѣлить даже на судѣ, гдѣ кончается агентъ, гдѣ начинается максималистъ, гдѣ кончается революція и гдѣ начинается простой разбой. Иные поклонники крайнихъ убѣжденій иногда готовы даже въ Стенькѣ Ра-

зинѣ видѣть народнаго героя. Въ рядахъ партіи они могутъ теперь наблюдать такихъ же сподвижниковъ Разина въ новомъ видѣ и оцѣнивать вѣрнѣе ихъ достоинства. Когда нужно было вербовать „дружину“, то, конечно, уже не спрашивалось о нравственныхъ качествахъ человѣка, и по существу дѣла въ дружину шли отбросы деревни, тѣмъ болѣе когда это обѣщало матеріальную выгоду, такъ что наивные организаторы этой механики не знали потомъ, какъ отдѣлаться отъ своихъ сотрудниковъ. И когда они переставали платить имъ, иные изъ нихъ отправлялись въ охранное отдѣленіе и тамъ зарабатывали еще лучше прежняго: политика сдѣлалась предметомъ денежной спекуляціи, и всѣ великіе принципы окончательно тонули въ грязи.

Мы старались анализировать психологическую основу нашихъ „лѣвыхъ партій“. Безъ сомнѣнія, историкъ нашего времени не остановится на этомъ и попытается поставить въ связь развитіе того типа, какой теперь зовется у насъ лѣвымъ, съ общими условіями развитія страны. Это не входитъ въ нашу задачу: мы хотѣли лишь очертить явленіе такимъ, каково оно есть, и старались объяснить съ этой точки зрѣнія нѣкоторыя особенности нашей политической жизни и взаимнаго отношенія партій. Мы въ особенности противополагаемъ лѣвымъ кадетовъ, потому что они волей судьбы оказались участниками одного общаго движенія, и до извѣстной степени судьба движенія зависѣла отъ того, будутъ ли они соперниками или союзниками. Исторія рѣшила вопросъ въ смыслѣ перваго, и, считая этотъ фактъ капитальной роковой ошибкой освободительнаго движенія, мы не можемъ не признать, что онъ былъ далеко не случаенъ, а объяснялся всѣмъ духомъ обѣихъ партій. Обычное шаблонное противоположеніе ихъ, какъ конституціонной и революціонной партій, далеко не исчерпываетъ различія; для многихъ причина розни остается темною, и не разъ въ средѣ безпартійныхъ зрителей она возбуждала недоумѣніе. Многія чувства, симпатіи, стремленія у кадетовъ—общія съ лѣвыми, и однако на каждомъ шагу тѣ и другіе сталкивались. Одни хотѣли реальныхъ реформъ, другіе мечтали о коренномъ переворотѣ всей народной жизни; одни цѣнили то немногое, что имѣли въ рукахъ,—другіе пренебрежительно смотрѣли на это, потому что надѣялись когда-нибудь завоевать все. Кадеты продвигали возможно дальше свою программу, чтобы создать общую почву для совмѣстной работы,—лѣвые упорно не хотѣли видѣть въ к.-д. партіи ничего, кромѣ буржуазности; кадеты старались поддержать добрыя отношенія съ своими „друзьями слѣва“, отдавали справедливость тѣмъ достоинствамъ, какія у нихъ были, бережно относились къ ихъ самолюбію,—

лѣвые отвѣчали или насмѣшками надъ кадетской благовоспитанностью, или инсинуаціями по части буржуазныхъ интересовъ и жажды портфелей. Можетъ быть даже, недостатки лѣвыхъ нѣсколько усилились вслѣдствіе слабой критики отъ ближайшихъ сосѣдей ихъ справа, мнѣніе которыхъ все-таки было не вполнѣ безразлично для лѣвыхъ. Глубокая рознь оставалась неразъясненной, старанія договориться только приводили къ взаимному раздраженію. Если преимущество науки, практической подготовки и выдержки было на сторонѣ кадетовъ, то у лѣвыхъ была особаго рода сила, которая иногда заставляла кадетовъ отступать передъ ними. Эта сила — большая энергія, непоколебимая вѣра въ свое дѣло и готовность ко всѣмъ жертвамъ для торжества его.

Бываютъ минуты въ жизни народовъ, когда пылъ воодушевленія, подъемъ чувствъ и полетъ фантазіи даютъ силу выбиться изъ заколдованнаго круга, перескочить черезъ всѣ препятствія на пути: въ такія минуты идеалисты-фанатики могутъ быть нужнѣе, чѣмъ уравновѣшенные политики, обдумывающіе каждый шагъ и умѣющіе дѣйствовать только нормальными способами, ходить по торной дорогѣ. Россія была въ 1905 году близка къ такому моменту. Казалось, что лѣвые могутъ сыграть роль вдохновителей и вождей движенія, — масса интеллигенціи и часть народа отворачивалась отъ кадетовъ, ихъ скромныхъ (такъ считали тогда) требованій и робкаго образа дѣйствій. Но опытъ показалъ, что лѣвые были неспособны къ той провиденціальной роли, какая имъ предназначалась. Для широкаго общественнаго движенія они были слишкомъ партійниками, для руководства революціей слишкомъ доктринерами, для народа слишкомъ далекими, мудрёными и чуждыми людьми.

Тотъ идеалистическій элементъ, какой заключаютъ въ себѣ лѣвыя партіи, представляетъ необходимую составную часть народной жизни, но мѣсто ему не въ практической политикѣ: это дрожжи, которыя нужны хлѣбу, но сами не могутъ стать хлѣбомъ. Лѣвыя партіи стоятъ теперь передъ кризисомъ, отъ котораго зависитъ ихъ дальнѣйшее существованіе: если онѣ хотятъ войти въ кругъ политическихъ партій и оказывать дѣйствительное вліяніе на ходъ государственной жизни, онѣ должны отказаться отъ своего утопизма; если онѣ хотятъ сохранить въ чистотѣ свои принципы, онѣ должны уйти изъ политики и посвятить себя культу своихъ идей и проповѣданію ихъ въ мірѣ, чтобы подготовить его къ осуществленію ихъ идеала. Несомнѣнно, есть непримиримые доктринеры и идеалисты, которые могутъ выбрать только послѣднее, но мы полагаемъ, что партія, какъ цѣлое, не стоитъ на высотѣ сектантовъ и не страдаетъ ихъ узкостью. Протекшій періодъ русской революціи былъ первымъ экзаменомъ лѣвымъ партіямъ,

какъ и всѣмъ русскимъ политическимъ дѣятелямъ; они могутъ сохранить право на дальнѣйшее вліяніе только при условіи, что съумѣютъ воспользоваться уроками этого прошлаго. Очередная задача—это дифференціація лѣвыхъ партій: выдѣленіе небольшого ядра утопистовъ-теоретиковъ, съ одной стороны, окончательный разрывъ съ подозрительными элементами, съ другой, и выработка такой платформы, которая, отражая въ себѣ нынѣшніе идеалы, съумѣла бы вылить ихъ въ доступную практически осуществимую форму. Участіе германской соціалъ-демократіи въ парламентской жизни вызвало въ ней переоцѣнку цѣнностей, поставило вопросы въ новой формулировкѣ, ибо вліяніе на дѣла и вытекающее отсюда чувство отвѣтственности за судьбу отечества отразились на всей психикѣ партіи. Этимъ объясняется появленіе ревизіонизма, противъ котораго возстали вѣрующіе идеалисты, а между тѣмъ ходъ вещей поведетъ все къ большему углубленію въ практическую работу и къ все большему преобладанію реализма. Тотъ же кризисъ предстоитъ пережить и нашей соціалъ-демократіи, какъ и другимъ соціалистическимъ партіямъ: партія н. с. — первый опытъ въ этомъ направленіи: лихорадочный темпъ революціи заставляетъ наши партія въ годъ-два переживать то, на что за-границей потребовались десятки лѣтъ. Героическій періодъ, пережитый лѣвыми, будетъ еще, можетъ быть, долго носиться въ ихъ воображеніи, окруженный ореоломъ, но они не должны давать себя отуманивать этимъ призракомъ. Вопросъ сводится къ тому, смогутъ ли наши лѣвые отъ мечты перейти къ дѣйствительности и изъ сектантовъ стать государственными людьми.

Одновременно съ этимъ идеализмъ долженъ будетъ перешагнуть узкіе предѣлы политическихъ партій и искать истины не только въ планахъ экономическаго переустройства общества. Мы не въ состояніи теперь еще предсказать его пути, но самая неудача лѣвыхъ повліяетъ на то, что прежнія рамки будутъ покинуты, и идеализмъ перестанетъ быть монополіей соціалистовъ. Однако тѣ, кто негодуетъ или оплакиваетъ увлеченіе соціализмомъ, должны помнить, что общество не можетъ жить безъ идеализма, что одинъ идеалъ можетъ смѣнять другой только по извѣстнымъ законамъ, и что соціализмъ не умретъ до тѣхъ поръ, пока не явится новое высшее нравственное ученіе, которое преодолѣетъ его свободной силой своего нравственнаго вліянія, своего соотвѣтствія потребностямъ и духу времени.

И. Езерскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1907.

Первыя засѣданія третьей Государственной Думы.—Адресъ Думы и пренія о немъ.— Результатъ, достигнутый соглашеніемъ между союзомъ 17-го октября и партіей народной свободы. — Министерская декларація. — „Россія" и адвокатура. — А. Н. Турчаниновъ и Ю. Г. Жуковскій †.

Тяжелое зрѣлище представляла собою третья Государственная Дума въ первые дни послѣ ея открытія. Сближеніе октябристовъ съ правыми, повлекшее за собою преобладаніе послѣднихъ въ президіумѣ Думы; угрозы по адресу лѣвыхъ, не встрѣчавшія достаточно сильнаго отпора со стороны предсѣдателя; вызывающій тонъ побѣдителей; полнѣйшее нарушеніе равновѣсія между партіями, крайне стѣснительныя мѣры по отношенію къ представителямъ печати — все это заставляло ожидать прискорбныхъ осложненій и, быть можетъ, рѣшительныхъ шаговъ назадъ, къ старому режиму. Можно было находить естественнымъ, что любители скандаловъ, занимавшіеся ими еще во второй Думѣ, заводятъ рѣчь о „пирогѣ, именуемомъ Россіей"; можно было не удивляться и тому, что у нихъ находятся подражатели, пытающіеся раздѣлить народныхъ представителей на „борющихся *съ Россіей*" и „желающихъ ей процвѣтанія" — но болѣе чѣмъ странно было услышать изъ устъ бывшаго кандидата въ предсѣдатели Думы недоумѣніе о томъ, что̀ такое оппозиція? „Въ странахъ парламентскихъ" — такъ былъ мотивированъ вопросъ графа А. А. Бобринскаго,— „гдѣ министерство избирается отъ парламента, понятна оппозиція министерству, но у насъ? Оппозиція чему и кому?" Многолѣтнее участіе въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи не могло не показать гр. Бобринскому, что безъ оппозиціи немыслима общественная работа, что гдѣ рѣшаются серьезныя дѣла, тамъ неизбѣжно образованіе большинства и меньшинства, и притомъ въ видѣ спло-

ченныхъ группъ, а не случайныхъ, мимолетныхъ комбинацій. Отрицаніе оппозиціи, исходя отъ гр. Бобринскаго, могло означать только одно: отрицаніе законодательнаго характера Государственной Думы, низведеніе ея на степень законосовѣщательнаго учрежденія, *мнѣнія* котораго, чего бы они ни касались, не обязательны для всемогущей, ни съ кѣмъ не раздѣляющей своихъ полномочій власти. Нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ не во-время, не кстати, но съ намѣреніемъ, едва прикрытымъ, было, такимъ образомъ, достаточно, чтобы передъ Думой сталъ во всей своей неотложности вопросъ о ея собственномъ значеніи и назначеніи — и вмѣстѣ съ тѣмъ о свойствѣ новаго государственнаго строя. Какъ только рѣшено было составить отвѣтный адресъ на Высочайшее привѣтствіе, никто не сомнѣвался въ томъ, что на этой почвѣ придется коснуться животрепещущей темы. Начались попытки соглашенія между партіями, изъ которыхъ ни одна не располагала большинствомъ голосовъ. Октябристы, исполнивъ принятыя ими, во время выборовъ президіума, обязательства передъ правыми, составили свой проектъ адреса. Въ адресной коммиссіи онъ встрѣтилъ возраженія и справа, и слѣва; рѣшено было, однако, положить его въ основаніе преній. До поздняго вечера 13-го ноября нельзя было предвидѣть, къ какому результату приведетъ первая принципіальная борьба мнѣній въ третьей Думѣ. Прослѣдимъ главнѣйшіе фазисы этой борьбы, окончившейся, какъ извѣстно, принятіемъ адреса въ его первоначальномъ видѣ, безъ измѣненій и дополненій.

Напомнимъ, прежде всего, текстъ адреса: — „Всемилостивѣйшій Государь! Вашему Императорскому Величеству благоугодно было привѣтствовать насъ, членовъ Государственной Думы третьяго созыва, и призвать на предстоящіе намъ законодательные труды благословеніе Всевышняго. Считаемъ долгомъ выразить Вашему Императорскому Величеству чувства преданности Верховному Вождю Россійскаго Государства и благодарности за дарованныя Россіи права народнаго представительства, упроченныя основными законами Имперіи. Вѣрьте намъ, Государь, мы приложимъ всѣ наши силы, всѣ наши познанія, весь нашъ опытъ, чтобы укрѣпить обновленный Манифестомъ 17-го октября Вашею Монаршею Волею государственный строй, успокоить отечество, утвердить въ немъ законный порядокъ, развить народное просвѣщеніе, поднять всеобщее благосостояніе, упрочить величіе и мощь нераздѣльной Россіи и тѣмъ оправдать довѣріе къ намъ Государя и страны“. Поправки, наиболѣе отклонявшіяся отъ этого текста, были предложены съ одной стороны трудовиками, съ другой — представителями не-русскихъ народностей. Послѣдняя клонилась къ тому, чтобы вставить послѣ словъ: „поднять всеобщее благосостояніе“ слова: „удовлетворить справедливыя стремленія народностей, входя-

щихъ въ составъ государства". Нельзя не удивляться тому, что большинствомъ, составившимся вслѣдствіе присоединенія октябристовъ къ правымъ, отклонена поправка, столь скромная по формѣ и столь основательная по содержанію. Въ самомъ дѣлѣ, неужели не заслуживаютъ вниманія *справедливыя* домогательства народностей — домогательства, въ теченіе долгихъ лѣтъ не имѣвшія даже возможности высказаться прямо и открыто? Неужели осуществимъ подъемъ *всеобщаго* благосостоянія, пока цѣлые милліоны населенія напрасно ожидаютъ устраненія преградъ, задерживающихъ, затрудняющихъ общественное ихъ развитіе? Быть можетъ, передъ глазами нѣкоторыхъ группъ большинства носился пугающій призракъ „автономій"; быть можетъ, имъ казалось, что подъ цвѣтами „справедливыхъ стремленій" скрывается змѣя „національнаго самоопредѣленія". Напрасно, въ такомъ случаѣ, они поддались чувству страха: опредѣлить мѣру и сущность *справедливыхъ* стремленій было бы дѣломъ будущаго. Принять поправку, предложенную отъ имени поляковъ, литовцевъ, мусульманъ и евреевъ гг. Дмовскимъ, Булатомъ, Хасмамедовымъ и Нисселовичемъ, значило бы лишь взять на себя обязательство разсмотрѣть, всесторонне и безпристрастно, въ чемъ именно и какъ должно быть измѣнено къ лучшему положеніе окраинъ и инородцевъ. Пожелаемъ, чтобы отказъ отъ такого обязательства не былъ дурнымъ предзнаменованіемъ для дальнѣйшей дѣятельности Думы.

Рѣчи гг. Дмовскаго и Хасмамедова были выслушаны Думой спокойно; рѣчи гг. Булата и Нисселовича слишкомъ часто прерывались криками: *довольно!* но все-таки могли быть доведены до своего нормальнаго конца, и поправка, внесенная этими ораторами, была подвергнута баллотировкѣ. Иная участь постигла поправку, предложенную отъ имени трудовиковъ, г. Ляхницкимъ. Рѣчь, произнесенная имъ въ ея защиту—какъ и рѣчь другого представителя той же партіи, г. Петрова,—съ самаго начала сопровождалась шумомъ, котораго не въ силахъ былъ унять предсѣдатель, и закончилась среди смѣха, шиканья и свиста. Что же было смѣшного въ словахъ г. Ляхницкаго? Онъ предложилъ слѣдующую прибавку къ адресу: „Дума, къ глубокому прискорбію, не можетъ не заявить Вашему Императорскому Величеству, что она приноситъ свое привѣтствіе лишь отъ небольшой части населенія, проведшей своихъ представителей па основаніи закона 3-го іюня, изданнаго правительствомъ при нарушеніи основныхъ законовъ и лишившаго права представительства широкіе слои населенія". Членораздѣльными звуками оратору никто не возражалъ, но по окончаніи преній было заявлено требованіе рѣшить предварительно вопросъ, слѣдуетъ ли голосовать его поправку. Большинствомъ голосовъ (противъ кадетовъ и лѣвыхъ) на этотъ во-

просъ былъ данъ отрицательный отвѣтъ. Оправдывается ли такое рѣшеніе, съ формальной стороны, постановленіями наказа—объ этомъ мы теперь говорить не будемъ; для насъ достаточно подчеркнуть его внутреннюю нецѣлесообразность. Зажать ротъ—не значитъ опровергнуть; устранить обсужденіе закона 3-го іюня—не значитъ покончить съ возбуждаемыми имъ сомнѣніями. Рано или поздно Думѣ придется разсмотрѣть ихъ—и самымъ удобнымъ къ тому поводомъ были именно пренія объ адресѣ. Отъ большинства зависѣло отклонить поправку трудовиковъ или предложить вмѣсто нея другую оцѣнку закона 3-го іюня; но не слѣдовало отнимать у меньшинства возможность высказаться о томъ, къ чему невольно и неотступно возвращается мысль.

Съ поправками, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, Дума расправилась быстро: все вниманіе свое она отдала вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ положенію дѣлъ, созданному манифестомъ 17-го октября. Съ правой стороны шло настойчивое требованіе подчеркнуть неприкосновенность *самодержавія*; партія народной свободы противопоставляла ему требованіе признать, прямо и открыто, *конституціонный* характеръ новаго государственнаго строя. Среднее положеніе занимали октябристы, находя, что составленнымъ ими допроектомъ адреса истинное значеніе новаго строя освѣщено съ достаточною ясностью. По мѣрѣ того, какъ разгорался споръ, невозможность соглашенія между группами, до тѣхъ поръ образовавшими „правый блокъ", становилась все болѣе и болѣе очевидной. Лидеръ октябристовъ, А. И. Гучковъ, въ самомъ началѣ преній назвалъ манифестъ 17-го октября „актомъ добровольнаго отреченія монарха отъ права неограниченности", а свою партію—партіей „конституціоналистовъ"; но этимъ еще не была предрѣшена судьба поправки о самодержавіи. Шансы ея принятія уменьшались съ каждою рѣчью крайнихъ правыхъ. Все опредѣленнѣе подчеркивался смыслъ, который они придаютъ словамъ *самодержавіе* и *самодержецъ*. Сначала эти слова звучали лишь какъ термины легальнаго языка, усвоеннаго текстомъ торжественнаго обѣщанія членовъ Думы; затѣмъ въ нихъ стали вкладывать содержаніе, идущее гораздо дальше формы и прямо въ разрѣзъ съ закономъ. „Разъ въ основныхъ законахъ"—читаемъ мы, напримѣръ, въ рѣчи г. Балаклѣева (члена союза русскаго народа),—„сказано, что верховная власть принадлежитъ царю, то, значитъ, никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что у насъ строй самодержавный, что у насъ *монархія чистая* [1])... Кто далъ намъ актъ 17-го

[1]) „Чистымъ", въ смыслѣ абсолютнаго, именовался король испанскій Фердинандъ VII-ой (el re netto). Не таковы воспоминанія, связанныя съ его царствованіемъ, чтобы воскрешеніе ихъ нашими „ультра-монархистами" можно было назвать удачнымъ.

октября и кто далъ друзіе акты, послѣ 17-го октября? Не самодержавный ли царь? Слѣдовательно, тутъ нѣтъ ограниченія власти, нѣтъ ея раздѣленія, а есть только осуществленіе этой власти самодержавнымъ царемъ... Осуществленіе власти должно дѣлаться черезъ чье-нибудь посредство. *Вотъ этими-то посредниками и являются государственныя учрежденія, въ томъ числѣ Государственная Дума* и Государственный Совѣтъ". Въ достоинствѣ откровенности этимъ словамъ, низводящимъ народное представительство на степень исполнительнаго органа, отказать нельзя... Въ упрощенномъ видѣ то же самое сказалъ деп. Сушковъ, воскликнувъ: „Что доказывать то, что̀ не требуетъ доказательствъ? Въ Россіи самодержавіе есть и всегда будетъ, ибо народъ русскій не желаетъ ничего, кромѣ русскаго царя-самодержца... Въ Высочайшемъ повелѣніи 17-го октября сказано, что ни одинъ законъ не имѣетъ силу безъ одобренія. Да, одобряйте! Вѣдь тамъ не сказано утверждайте, а только одобряйте. *Ну и одобряйте*"! И все это подкрѣплялось угрозами по адресу „несогласно мыслящихъ". Деп. Володимеровъ выразилъ опасеніе, что неупоминаніе въ адресѣ о самодержавіи можетъ имѣть грозныя послѣдствія. Деп. Тимошкинъ увѣщевалъ не произносить слова: *конституція*; „если вы его произнесете, то погубите нашу Россію, погибнете и вы съ ней сами". По увѣренію г. Данилюка, „многомилліонный волынскій и русскій народъ раньше пожертвуетъ жизнью, нежели позволитъ ограничить самодержавіе неограниченной власти". Разнузданность крайнихъ правыхъ дошла до того, что одному изъ депутатовъ, стоявшихъ за „страшное слово", было брошено въ лицо обвиненіе въ *клятвопреступничествѣ*. Понятно, что все это вызвало реакцію. Изъ рѣчи гр. А. А. Уварова видно, что многіе изъ числа тѣхъ, кто готовъ былъ прежде подать голосъ за указаніе въ адресѣ на самодержавіе, пришли къ другому рѣшенію, когда услышали „собственное личное пониманіе" русскаго государственнаго строя, вынесенное на свѣтъ ораторами изъ среды крайнихъ правыхъ. Въ рѣчахъ октябристовъ все громче и тверже подчеркивалось признаніе конституціи; М. Я. Капустинъ, П. В. Каменскій и въ особенности В. М. Петрово-Соловово далеко, въ этомъ отношеніи, оставили за собою А. И. Гучкова. Противъ вызова, звучавшаго въ словахъ приверженцевъ старины, В. М. Петрово-Соловово протестовалъ „не только съ точки зрѣнія парламентской этики, но и съ точки зрѣнія справедливости". И вотъ, въ концѣ концовъ поправка, внесенная крайними правыми, была отклонена не только лѣвыми (въ составъ которыхъ теперь входятъ конституціоналисты-демократы), но и октябристами: въ образовавшемся такимъ образомъ „лѣвомъ блокѣ" оказалось 212 членовъ Думы (противъ 146). Не менѣе характеренъ и дальнѣйшій ходъ дѣла. Къ авторамъ адреса—октябристамъ—при-

соединились съ одной стороны умѣренные, передъ тѣмъ голосовавшіе съ крайними правыми, съ другой — кадеты, не настаивавшіе больше на включеніи въ адресъ прямого указанія на конституціонный характеръ установленнаго манифестомъ 17-го октября государственнаго строя. Крайніе правые, въ виду отклоненія ихъ поправки, воздержались отъ участія въ голосованіи адреса; точно такъ же поступили—по совершенно другимъ причинамъ, объясненнымъ выше—трудовики и представители польскаго коло, послѣ чего адресъ, въ первоначальной своей редакціи, былъ принятъ единогласно.

Итакъ, большинствомъ Думы, избранной на основаніи закона 3-го іюня, существующій въ Россіи образъ правленія если не ipsissimis verbis, то implicite признанъ *конституціоннымъ*. Не маловажнымъ, при данной обстановкѣ, можетъ быть названъ и такой результатъ. Само собою разумѣется, однако, что прямое обозначеніе предмета настоящимъ его именемъ всегда имѣетъ преимущество передъ перифразой, даже весьма прозрачной. Что̀ же заставило октябристовъ остановиться на полъ-дорогѣ? „Мы рѣшили“ — читаемъ мы въ рѣчи А. И. Гучкова,—„что не время и не мѣсто теперь заниматься государственно-правовыми дебатами. Теперь нужно констатировать тотъ фактъ, что даны широкія права народу, возможность участвовать въ государственномъ строительствѣ, въ общемъ обновленіи и возрожденіи нашего отечества. Поэтому мы не называемъ того, что̀ дано, тѣмъ спорнымъ терминомъ, о которомъ говорятъ со всѣхъ сторонъ... Не словами берусь я обратить въ конституціоналистовъ тѣхъ, которые еще борются съ совершившимся государственнымъ переворотомъ. Не словами буду убѣждать я ихъ, но я вѣрю въ то, что мирная и лояльная работа третьей Государственной Думы примиритъ ихъ съ этимъ переворотомъ. И черезъ годъ, черезъ два, можетъ быть и раньше, не будетъ того спора о политической формѣ, который теперь насъ раздираетъ. Будетъ вынуто то жало, которое столько времени растравляетъ и бередитъ наше народное дѣло“. Несмотря на всю осторожность А. И. Гучкова, ему не удалось предупредить „государственно-правовые дебаты“: они разгорѣлись съ такой же силой, какъ если бы въ проектѣ адреса была поставлена крупная точка надъ і. Конечно, никакими словами нельзя достигнуть того, чтобы противники „совершившагося государственнаго переворота“ обратились въ его защитниковъ или хотя бы просто признали его какъ фактъ, не подлежащій болѣе ни игнорированью, ни отрицанію; но „споръ о политической формѣ“ окончится тѣмъ скорѣе, чѣмъ яснѣе и полнѣе будутъ освѣщены всѣ его элементы... Нѣсколько иную мотивировку способа дѣйствій, избраннаго октябристами, далъ въ своей рѣчи М. Я. Капустинъ. „Мы должны“—сказалъ онъ—„употреблять такія слова, ко-

торыя существуютъ въ нашихъ государственныхъ актахъ. Ни въ манифестѣ 17-го октября, ни въ нашихъ основныхъ законахъ этого термина нѣтъ. Этотъ терминъ — научный въ области государственнаго права, условный — въ обиходѣ, въ понятіи прессы. Конституціонный строй есть нѣчто такое, что̀ можетъ существовать и безъ этого термина". Конечно, безусловно необходимымъ не можетъ считаться ни одинъ терминъ; не отъ имени зависитъ бытіе вещи или осуществленіе идеи—но точность и опредѣленность терминологіи одинаково важна и въ наукѣ, и въ жизни. Она способствуетъ устраненію недоразумѣній и перетолкованій; знаменуя собою твердую рѣшимость, она служитъ залогомъ неуклоннаго проведенія началъ, выражаемыхъ словомъ. Съ измѣненіемъ правовыхъ основъ измѣняется и языкъ, употребляемый правомъ; нѣтъ причины бояться появленія неологизмовъ, нѣтъ причины держаться исключительно въ сферѣ издавна принятыхъ выраженій. Слово *конституція* хорошо именно тѣмъ, что оно вызываетъ длинный рядъ представленій, соединяемыхъ съ нимъ не въ силу этимологическаго его происхожденія, а въ силу продолжительнаго историческаго опыта. „Могучъ и силенъ нашъ языкъ" — воскликнулъ, въ своей заключительной рѣчи, Ѳ. Н. Плевако,—„и въ немъ вы найдете выраженія для самой широкой свободы, которая возможна на землѣ". Это совершенно вѣрно, но не въ этомъ дѣло. Въ русскомъ языкѣ, какъ онъ ни богатъ, нѣтъ, въ настоящую минуту, такого слова, которое само по себѣ, безъ поясненій и дополненій, означало бы собою все обнимаемое иностраннымъ словомъ: *конституція*. Послѣднее понятно для всѣхъ, слѣдящихъ хотя бы за нашей періодической прессой — понятно, слѣдовательно, и для широкихъ народныхъ слоевъ, въ которыхъ пробудился интересъ къ государственной жизни. Много, въ разное время, вводилось у насъ учрежденій, раньше появившихся за границей — и если они получали право гражданства, то безъ труда усвоивались и соотвѣтствующіе имъ термины. Нельзя не пожалѣть, поэтому, о недостаткѣ рѣшительности, обнаруженной октябристами. Ихъ рѣчи будутъ прочитаны тысячами, текстъ адреса — сотнями тысячъ; неяснымъ или вовсе неизвѣстнымъ останется для многихъ и многихъ, что̀ именно хотѣло сказать, принимая адресъ, большинство Государственной Думы.

Поразительно слаба аргументація, которою съ правой стороны старались подорвать, во время преній объ адресѣ, самую идею конституціоннаго строя. Историческіе экскурсы г. Пуришкевича исходили изъ предположенія, что Россія остается такою, какою она была полвѣка или вѣкъ тому назадъ. Не привились тогда конституціонныя стремленія на русской почвѣ—не могутъ, слѣдовательно, привиться они на ней и теперь. Со счетовъ скидывается, такимъ образомъ, весь

громадный запасъ опыта, накопленный въ продолженіе цѣлаго столѣтія, скидываются всѣ глубокія перемѣны, происшедшія въ учрежденіяхъ, въ нравахъ, въ настроеніи народныхъ массъ. Не болѣе цѣнны теоретическія разсужденія г. Маркова 2-го, существованіемъ множества *конституцій* пытавшагося доказать несуществованіе *конституціи* какъ понятія, какъ идеи. Онъ допрашивалъ своихъ принципіальныхъ противниковъ, какую конституцію они имѣютъ въ виду—бельгійскую или турецкую, финляндскую или японскую,—и не хотѣлъ видѣть, что рѣчь идетъ о конституціи русской, основы которой созданы манифестомъ 17-го октября. Онъ придавалъ громадное значеніе тому, что у насъ монархъ не присягаетъ на вѣрность конституціи, какъ будто бы только присягой обезпечивается исполненіе однажды данныхъ обѣщаній и соблюденіе законовъ. Онъ поставилъ Государственную Думу на одинъ уровень съ судомъ присяжныхъ, какъ будто бы есть что-нибудь общее между рѣшеніемъ отдѣльныхъ судебныхъ дѣлъ и властнымъ участіемъ въ законодательствѣ... Профессоръ Вязигинъ не пошелъ дальше игры словами, утверждая, что конституцію (въ смыслѣ организаціи, устройства) имѣетъ и абсолютная монархія. Протоіерей Рознатовскій противопоставилъ „самодержавію, основанному на религіи и нравственности", „принципъ конституціи, основанной на игрѣ народныхъ страстей". Депутату Балаклѣеву осталось, повидимому, неизвѣстнымъ, что есть конституціи октроированныя: онъ „призналъ бы русскую конституцію существующею въ такомъ лишь случаѣ, еслибы основные законы были даны, при отсутствіи царя, какимъ-нибудь учредительнымъ собраніемъ". Депутату Шечкову одинаково дороги акты 6-го августа и 17-го октября, хотя послѣднимъ изъ нихъ упраздненъ первый, одинаково дороги акты 20-го февраля и 3-го іюня, хотя одинъ изъ нихъ противорѣчитъ другому. Епископъ Митрофанъ отожествилъ отказъ отъ *неограниченнаго* самодержавія съ *сложеніемъ* верховной власти, т.-е. съ отреченіемъ отъ нея. Онъ возвратился къ старой мысли о какомъ-то существенномъ различіи между монархами западно-европейскими и русскими, какъ будто „преданность и почтеніе къ правителямъ" не были свойственны французамъ временъ Людовика XIV-го или пруссакамъ временъ Фридриха II-го въ такой же мѣрѣ, какъ русскимъ людямъ XVII-го или XVIII-го вѣка... Отмѣтимъ еще одну характерную черту преній 13-го ноября: ораторы изъ среды крайнихъ правыхъ нѣсколько разъ говорили отъ имени *народа*. „За лѣвыми"—воскликнулъ, напримѣръ, депутатъ Машкевичъ — „стоятъ, какъ всѣмъ стало ясно съ акта 3-го іюня, сотни, а за нами—милліоны; настоящіе выборы показали, что въ прошлыя двѣ Думы всѣ лѣвые проходили благодаря только инородческому элементу". „Народное сознаніе по отношенію къ самодержавію совершенно тождественно съ тѣмъ,

что я сказалъ"—читаемъ мы въ рѣчи протоіерея Рознатовскаго, которую другой членъ союза русскаго народа (депутатъ Балаклѣевъ) назвалъ „крикомъ страдающей народной души". Въ третью Думу, по выраженію деп. Образцова, „пришла Русь", пришла „по наказу народа". Депутатъ Сушковъ предлагалъ членамъ Думы назваться „представителями отъ русскаго народа". На „милліонный народъ" ссылался, какъ мы уже видѣли, и депутатъ Данилюкъ. Логическаго вывода изъ всѣхъ этихъ увѣреній не сдѣлалъ, однако, никто изъ правыхъ: никто изъ нихъ не указалъ на необходимость новаго избирательнаго закона, при дѣйствіи котораго члены Государственной Думы съ бо̀льшимъ основаніемъ могли бы считать и называть себя представителями народа. Въ самомъ дѣлѣ, если народная масса раздѣляетъ взгляды тѣхъ, кто теперь выступаетъ отъ ея имени, отчего бы не призвать ее всю къ голосованію, отчего бы не подтвердить ея авторитетомъ мысли, теперь приписываемыя ей безъ всякаго на то права? Къ чему тогда мѣры предосторожности, принятыя закономъ 3-го іюня по отношенію къ крестьянамъ, къ чему устраненіе ихъ изъ землевладѣльческихъ съѣздовъ, къ чему сокращеніе числа выборщиковъ-крестьянъ, къ чему избраніе депутатовъ отъ крестьянъ не одними крестьянами, какъ прежде, а всѣмъ избирательнымъ собраніемъ, переполненнымъ представителями крупнаго землевладѣнія [1]), гдѣ, при такомъ порядкѣ, что̀ одинъ изъ членовъ союза русскаго народа (деп. Володимеровъ) называетъ „историческимъ фактомъ", *удовлетворенность* населенія Россіи послѣ манифеста 3-го іюня"?

Какъ бы прискорбны ни были недомолвки адреса, какъ бы недостаточно ни было его содержаніе, ни въ чемъ не пошедшее дальше самыхъ общихъ и потому неопредѣленныхъ положеній, онъ могъ бы послужить исходной точкой для дальнѣйшей работы, если бы министерство выразило готовность понять его именно въ томъ смыслѣ, какой дало ему большинство Думы. Этимъ былъ бы положенъ конецъ колебаніямъ, несовмѣстнымъ съ нормальнымъ ходомъ политической жизни; установлено было бы внѣ всякихъ сомнѣній значеніе государственнаго строя, созданнаго манифестомъ 17-го октября. Не таково, къ сожалѣнію, содержаніе деклараціи, прочитанной П. А. Столыпинымъ, 16-го ноября, въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ: „Монаршая воля"—читаемъ мы въ заключительномъ отдѣлѣ деклараціи — „неоднократно являла доказательства того, насколько

[1]) Припомнимъ факты, приведенные по этому поводу въ нашемъ предъидущемъ обозрѣніи.

Верховная власть, несмотря на встрѣченныя Ею на пути чрезвычайныя трудности, дорожитъ самыми основаніями законодательнаго порядка, вновь установленнаго въ странѣ и опредѣлившаго предѣлы Высочайше дарованнаго ей представительнаго строя. Проявленіе Царской власти во всѣ времена показывало также воочію народу, что *историческая самодержавная власть* и свободная воля Монарха являются драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ русской государственности, такъ какъ единственно эта власть и эта воля, создавъ существующія установленія и охраняя ихъ, призвана, въ минуты потрясеній и опасности для государства, къ спасенію Россіи и обращенію ея на путь порядка и исторической правды". Разсматриваемыя сами по себѣ, эти слова могли бы быть понимаемы различно; но, слѣдуя за адресомъ, тремя днями раньше принятымъ Думою, они получаютъ совершенно опредѣленный смыслъ. Говоря объ *исторической* самодержавной власти, декларація усвоиваетъ себѣ, очевидно, точку зрѣнія рѣчей, произнесенныхъ ораторами крайней правой во время преній объ адресѣ. Это подтверждается словами, сказанными предсѣдателемъ совѣта министровъ въ позднѣйшей его рѣчи: „нельзя къ нашимъ русскимъ корнямъ, къ нашему русскому стволу прикрѣплять какой-то чужестранный цвѣтокъ". Вполнѣ понятенъ восторженный пріемъ, встрѣченный деклараціей со стороны правыхъ: они увидѣли въ ней реваншъ за только-что понесенное ими пораженіе. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, обсужденіе деклараціи еще не окончено: но болѣе чѣмъ вѣроятно, что большинство, которымъ она будетъ одобрена, составится не изъ тѣхъ элементовъ, которыми былъ принятъ адресъ. Опять повысятся упавшіе-было фонды непримиримыхъ противниковъ новаго порядка; опять сдѣлается спорнымъ вопросъ, допускающій, съ точки зрѣнія народнаго блага, только одно рѣшеніе; опять придется начать съ начала дѣло сближенія между центромъ и умѣренной лѣвой—дѣло, отъ удачи котораго такъ сильно зависитъ судьба законодательной думской работы. Слабый лучъ свѣта, блеснувшій вечеромъ 13-го ноября, слишкомъ легко можетъ быть поглощенъ вновь надвигающеюся тьмою.

Текущая жизнь неотступно ставитъ у насъ на очередь вопросъ о значеніи оффиціозной печати. Въ Россіи первая попытка создать этотъ видъ прессы была сдѣлана въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуеву, любившему красно говорить и широковѣщательно писать и вѣрившему, именно поэтому, въ силу фразы, пришло на мысль, что газета, имъ вдохновляемая и руководимая, можетъ сдѣлаться подходящимъ орудіемъ власти. Къ тормазамъ дѣйствія, которые начинала пускать въ

ходъ назрѣвавшая реакція, ему казалось не лишнимъ присоединить тормазъ словесный. 1-го января 1862 года, стала выходить „Сѣверная Почта", долженствовавшая служить въ одно и то же время и оффиціальнымъ вѣстникомъ правительственныхъ мѣръ, и полу-оффиціальнымъ истолкователемъ правительственныхъ намѣреній и взглядовъ. Какую важность придавалъ новой газетѣ ея основатель, видно уже изъ того, что главнымъ ея редакторомъ состоялъ одно время А. В. Никитенко, потомъ И. А. Гончаровъ. Предполагалось, очевидно, привлечь къ ней крупныя литературныя силы и упрочить за нею авторитетъ не только внѣшній, но и внутренній. Смѣлыя надежды не оправдались: уже съ половины 1863-го года редактированье „Сѣверной Почты" перешло въ руки, мало общаго имѣвшія съ литературой, да и раньше фальшиво поставленная газета не играла замѣтной роли въ нашей именно тогда оживившейся и окрѣпшей ежедневной печати. Рядомъ съ „Московскими" и „С.-Петербургскими Вѣдомостями", рядомъ съ „Голосомъ" для „Сѣверной Почты" не оказалось мѣста въ сферѣ вниманія русскаго общества. Она держалась по инерціи, пока министромъ внутреннихъ дѣлъ оставался П. А. Валуевъ, но при преемникѣ его очень скоро уступила мѣсто чисто оффиціальному „Правительственному Вѣстнику". Пользовались ли какіе-либо органы печати, въ то время и позже, субсидіями отъ того или другого вѣдомства—это вопросъ, на который даже теперь нельзя дать опредѣленнаго отвѣта; несомнѣнно лишь одно—что вакансія, образовавшаяся съ исчезновеніемъ „Сѣверной Почты", была замѣщена только одиннадцать лѣтъ спустя, когда въ февралѣ 1880-го года, вслѣдъ за возвышеніемъ гр. Лорисъ-Меликова, появился „Берегъ". Въ силу недостаточно еще разъясненныхъ причинъ, образъ дѣйствій новоявленнаго оффиціоза оказался далеко не гармонирующимъ съ характеромъ „диктатуры сердца", и газета г. Циговича быстро сошла со сцены. Прошло болѣе четверти вѣка, прежде чѣмъ за первыми двумя опытами послѣдовали третій и четвертый. Кабинетъ Витте-Дурново основалъ „Русское Государство", прекратившееся при И. Л. Горемыкинѣ, но при П. А. Столыпинѣ опять призванное къ жизни подъ именемъ „Россіи".

Никогда и нигдѣ оффиціозная печать не достигала такого широкаго развитія, какъ во Франціи временъ второй имперіи. Подъ гнетомъ декрета 1852 года, подчинившаго прессу административному произволу, едва могли существовать, въ небольшомъ числѣ, оппозиціонныя или даже просто независимыя газеты. Полнѣйшій просторъ предоставленъ былъ апологетамъ мнимо-демократическаго абсолютизма. Ихъ съ самаго начала было нѣсколько: „Constitutionnel", „Patrie", „Pays" съ одинаковымъ усердіемъ и одинаковымъ отсутствіемъ безкорыстія пѣли хвалебный гимнъ мыслямъ и актамъ новаго режима. Въ концѣ пятидеся-

тыхъ годовъ къ нимъ присоединилась „France", болѣе приличная, болѣе сдержанная, служившая иногда отголоскомъ тайныхъ плановъ императора. Ни одной изъ этихъ газетъ не удалось, однако, заслужить уваженіе или хотя бы просто вниманіе общества; ни одна изъ нихъ не выдвинула дарованій, способныхъ стать дѣйствительною опорой для правительства. Безцвѣтный Поленъ Лимейракъ, грубый, беззастѣнчивый Кассаньякъ, вкрадчивый Лагероннерь, инспирированными брошюрами проложившій себѣ дорогу въ императорскій сенатъ—всѣ они умѣли только бѣжать за колесницей власти: очищать передъ ней дорогу имъ было не по силамъ. Когда, въ 1868-мъ году, французская печать получила нѣкоторую свободу, оффиціозныя газеты оказались совершенно непригодными для борьбы. Напрасно императоръ присоединилъ къ ихъ сонму свой личный органъ („Peuple français", подъ редакціей Клемана Дювернуа); популярность и вліяніе доставались исключительно оппозиціоннымъ газетамъ. Съ паденіемъ имперіи исчезаетъ—или, по меньшей мѣрѣ, существенно измѣняется въ своемъ характерѣ—и созданная ею оффиціозная пресса. Чтобы найти нѣчто ей подобное, нужно обратиться къ Пруссіи временъ Бисмарка. Когда, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, возгорѣлась борьба между короной и палатой депутатовъ, защита безбюджетнаго управленія и внѣ-законной военной реорганизаціи была ввѣрена газетамъ, безусловно зависимымъ отъ министерства: сначала оффиціальной („Sternzeitung"), потомъ оффиціозной („Norddeutsche Allgemeine Zeitung"). Послѣдняя пережила эпоху конфликта, раздѣляя иногда свою задачу съ другими органами печати (напр. „Post", гдѣ въ 1875 г. появилась извѣстная статья: „Krieg in Sicht", вызвавшая заступничество за Францію со стороны Россіи). Въ активъ правительства этимъ путемъ не было внесено рѣшительно ничего: въ побѣдахъ Бисмарка самый сильный микроскопъ не откроетъ слѣда услугъ, оказанныхъ ему „рептиліями" [1]). Съ теченіемъ времени, мѣсто оффиціозныхъ газетъ стали заступать въ Германіи оффиціозные журналисты, помѣщающіе доставляемыя имъ сообщенія или подсказываемыя имъ статьи въ разныхъ органахъ печати. Объ этомъ видѣ правительственнаго воздѣйствія на прессу мы теперь говорить не будемъ; для нашей цѣли достаточно показать, что газеты, систематически, покорно и не безвозмездно служащія правительству, ни при какихъ условіяхъ

---

[1]) Вознагражденіе за газетныя услуги уплачивалось одно время изъ процентовъ съ „вельфскаго фонда" (т.-е. съ секвестрованныхъ суммъ ганноверскаго королевскаго дома), получившаго въ публикѣ, подъ вліяніемъ одного изъ Бисмарковскихъ „крылатыхъ словъ", прозвище „Reptilienfonds". Отсюда именованіе *рептиліи*, прилагаемое къ наемнымъ перьямъ.

не могутъ приносить пользы ни государству, ни даже лицамъ, въ данную минуту стоящимъ у власти.

И въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что проводить свои взгляды черезъ посредство основанной или пріобрѣтенной имъ газеты хочетъ министерство, мало чѣмъ стѣсненное въ своихъ дѣйствіяхъ вообще и по отношенію къ печати въ особенности. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что къ такой газетѣ громадная масса публики будетъ относиться съ предубѣжденіемъ, ничѣмъ непобѣдимымъ. Слишкомъ сильно будетъ чувствоваться недостатокъ того, что англичане называютъ „fair play". Не найдетъ отголоска слово, которому нельзя дать соотвѣтствующаго отпора; заранѣе заподозрѣннымъ будетъ самое намѣреніе говорящаго, заранѣе поколеблена вѣра въ его искренность и убѣжденность. Преодолѣть эту преграду — задача непосильная даже для крупнаго таланта; но вѣроятно ли, чтобы крупный талантъ взялся за подневольное дѣло? Отсюда неизбѣжная безплодность, неизбѣжное банкротство привилегированной печати. Съ усовершенствованіемъ государственнаго строя все меньше и меньше остается мѣста для оффиціозовъ. Свобода, даже не совсѣмъ полная, всегда приводитъ къ образованію партій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, партійныхъ органовъ. Къ одной изъ партій примыкаетъ или приближается, въ конституціонной странѣ, и министерство, каковъ бы ни былъ его составъ, каковы бы ни были его усилія быть—или казаться—безпартійнымъ. Этимъ обусловливается поддержка, находимая имъ въ партійной печати — поддержка безкорыстная и уже по тому одному болѣе дѣйствительная, чѣмъ та, которую можетъ дать „собственная" газета. Въ эпоху конфликта, „Kreuzzeitung" сослужила Бисмарку больше услугъ, чѣмъ его лейбъ-органъ; въ эпоху образованія сѣверо-германскаго союза и германской имперіи, какъ и въ эпоху „культуркампфа", наиболѣе серьезную помощь онъ встрѣчалъ со стороны націоналъ-либеральной прессы. Правда, добровольные союзники менѣе податливы, менѣе сговорчивы; они могутъ отказать въ своемъ содѣйствіи, могутъ поставить его въ зависимость отъ тѣхъ или другихъ условій—но соотвѣтственно этому поднимается его внутренняя цѣнность. Тамъ, гдѣ политическая жизнь пустила глубокіе корни, „modus vivendi" правительства и печати устанавливается самъ собою. Если нѣкоторыя газеты и могутъ, по временамъ, считаться „министерскими", въ виду согласія, господствующаго обыкновенно между ними и даннымъ министерствомъ (или однимъ изъ министровъ), то это не низводитъ ихъ на степень оффиціозныхъ, потому что ихъ образъ дѣйствій не диктуется имъ извнѣ и не измѣняется ни съ перемѣной кабинета, ни съ перемѣной въ кабинетѣ (т. е. въ направленіи кабинета). „Journal des Débats", напримѣръ, во время іюльской монархіи всегда являлся органомъ

праваго центра, все равно, находился ли послѣдній у власти или въ оппозиціи; нельзя было, поэтому, считать его оффиціозомъ Гизо или Моле. Не можетъ быть причисленъ къ оффиціозамъ, по той же причинѣ, и современный намъ „Temps", представитель умѣреннаго демократизма.

Въ переходное время, переживаемое теперь Россіей, противъ существованія оффиціозной прессы одинаково говорятъ и остатки старины, и только-что возникающія новыя условія: остатки старины — потому что при стѣсненіяхъ, все еще тяготѣющихъ надъ печатью, общественное чувство не можетъ примириться съ исключительнымъ положеніемъ „вдохновляемой" газеты; новыя условія — потому что среди прессы, получившей уже партійный характеръ, нѣтъ недостатка въ волонтерахъ, ломающихъ копья за правящую власть. Явно нарушая справедливость, оффиціозная печать является, въ то же самое время, совершенно излишней. Для опубликованія своихъ актовъ и своихъ предположеній министерство имѣетъ свой оффиціальный органъ—„Правительственный Вѣстникъ". Выступая въ немъ прямо и открыто отъ своего имени, оно невольно взвѣшиваетъ каждое свое слово, говоритъ только то, что необходимо довести до всеобщаго свѣдѣнія, и говоритъ такимъ тономъ, который соотвѣтствуетъ достоинству власти. Иное дѣло — сотрудники оффиціозной газеты. Невольно соперничая съ другими дѣятелями печати, они стараются писать занятно, бойко, хлестко—и слишкомъ легко забываютъ, что особенность ихъ положенія обязываетъ ихъ быть сдержанными. На первый планъ выступаетъ полемика, тѣмъ болѣе усердная, что рѣчь идетъ о защитѣ высокихъ хозяевъ или покровителей газеты. Если и въ независимой печати тяжелое впечатлѣніе производятъ порицанія, граничащія съ бранью, догадки, граничащія съ „чтеніемъ въ сердцахъ", то что же сказать о нихъ, когда они встрѣчаются въ статьяхъ, внушенныхъ или апробованныхъ свыше? Не нарушается ли правило: „non bis in idem", когда къ репрессивнымъ или ограничительнымъ мѣрамъ присоединяются идущія изъ того же источника „обиды словомъ"?..

Конечно, однимъ оффиціознымъ характеромъ газеты не предрѣшается еще всецѣло ея нравственный и умственный уровень; она можетъ быть ведена съ бо̀льшимъ или меньшимъ искусствомъ, съ бо̀льшимъ или меньшимъ тактомъ; но опасность ложнаго пути для нея очень велика, а при данной обстановкѣ—почти неотвратима. Слишкомъ свѣжи еще преданія, подъ властью которыхъ жила наша бюрократія, самодовольная, самоувѣренная, проникнутая мыслью объ „ограниченномъ умѣ подданныхъ"; слишкомъ еще остра борьба, которую она ведетъ противъ новыхъ народныхъ силъ и новыхъ общественныхъ теченій. Для этой борьбы было основано „Русское Госу-

дарство"; эту борьбу, со всѣми типичными ея чертами, продолжаетъ „Россія". Убѣдиться въ томъ нетрудно: стоитъ только припомнить, къ какой темѣ всего охотнѣе возвращается и какъ ее трактуетъ оффиціозная газета. Вмѣсто того, чтобы обсуждать, спокойно и объективно, министерскіе законопроекты, вмѣсто того, чтобы знакомить читателей съ ближайшими намѣреніями правительства, „Россія" посвящаетъ почти всѣ свои передовыя статьи нападеніямъ на оппозицію вообще и на партію народной свободы въ особенности—нападеніямъ, окрашеннымъ въ густо-партійный цвѣтъ и облекаемымъ въ самыя грубыя формы. „Радикальствующая кружковщина", „люди, привыкшіе дѣйствовать исключительно при помощи обмановъ и интриги", „неудавшаяся афера", „кадетское искусство по части фабрикаціи полой воды", „предательскій языкъ", „совершенные забавники"—вотъ образчики выраженій, которыми „Россія" осыпаетъ своихъ противниковъ. Кадеты, по ея словамъ—„политиканы по профессіи", „опытные политическіе интриганы"; „кадеты—не политическая партія, а содружество, кружокъ лицъ, много лѣтъ совмѣстно работающихъ надъ основными задачами русской радикальствующей кружковщины"; „во всемъ кадетствующемъ обиходѣ давно уже нѣтъ ничего, кромѣ мелкой возни и мелкаго политиканства". Этого мало: на ту же „кружковщину" возлагается отвѣтственность за грабежи и политическія убійства; она, именно она „попыталась обратить инстинкты темныхъ массъ въ орудіе политической борьбы"; она — „истинный виновникъ образованія у насъ человѣка-звѣря". Пока подобныя рѣчи раздаются въ „Новомъ Времени" или „Московскихъ Вѣдомостяхъ", можно находить, что это въ порядкѣ вещей, что ничего другого нельзя и ожидать отъ добровольцевъ регресса или застоя; но такъ ли и то ли слѣдовало бы говорить газетѣ, тѣсно связанной съ властью? Сосредоточивая свои усилія на борьбѣ съ одною изъ политическихъ партій и ведя эту борьбу въ явно-пристрастномъ духѣ и тонѣ, въ правѣ ли она утверждать, что не состоитъ „органомъ партійныхъ вожделѣній"? Въ обсужденіе текущихъ вопросовъ она не вноситъ ничего новаго, ничего своего; направленіе, которое она проводитъ, имѣетъ другихъ защитниковъ, болѣе талантливыхъ и, главное, болѣе свободныхъ—или, по крайней мѣрѣ, кажущихся болѣе свободными. Отъ родственныхъ ей „правыхъ" газетъ „Россія" отличается еще однимъ: онѣ издаются на частныя средства, и ихъ никто не заставляетъ выписывать и читать, а она издается на счетъ казны, и у нея, повидимому, есть обязательные подписчики [1]). Къ участію въ расходахъ по изданію партійной газеты

[1]) Насъ наводитъ на эту мысль прочитанное нами въ газетахъ сообщеніе о весьма крупномъ числѣ экземпляровъ „Россіи", получаемыхъ въ одномъ изъ губернскихъ городовъ.

не должно быть привлекаемо государство, не должны быть привлекаемы должностныя лица.

Чтобы дорисовать характеристику „Россіи“, остановимся на статьѣ: „Язвы нашей присяжной адвокатуры“. Что оффиціозной газетѣ не нравится политическое „credo“ многихъ присяжныхъ повѣренныхъ—это совершенно понятно; неудивительно также, что „передовой образъ мыслей“ большинства настраиваетъ ее враждебно противъ всего сословія. Не мѣшало бы только быть болѣе осторожнымъ въ выраженіи этой вражды. „Малѣйшая отсталость или уравновѣшенность направленія“—увѣряетъ „Россія“—„сейчасъ же отмѣчается товарищеской средой, и горе несчастному. Онъ испытаетъ на себѣ тяжесть корпораціоннаго общественнаго мнѣнія, къ нему строже отнесутся корпоративныя учрежденія; при случаѣ товарищи допекутъ его такъ, какъ допекаетъ своего несноснаго конкуррента изъ образованныхъ старый провинціальный приказный, т.-е. *всякимъ подвохомъ*“. Если авторъ статьи понимаетъ всю тяжесть обвиненія, взводимаго имъ въ этихъ словахъ не только на отдѣльныхъ адвокатовъ, но и на все сословіе, ему слѣдовало бы подтвердить ихъ хотя бы однимъ примѣромъ. Въ такія времена, какъ переживаемыя нами, нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ возможна, къ сожалѣнію, вездѣ, возможна и въ адвокатской сферѣ: но чтобы она выражалась въ *подвохѣ*, въ подъяческомъ подвохѣ—это непозволительно утверждать безъ доказательствъ... Приведя изъ совѣтскаго отчета цифры и, отчасти, поводы взысканій, наложенныхъ, въ теченіе года, на присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, газета восклицаетъ: „съ этой грязью рѣшительно не вяжется рядъ политическихъ выступленій петербургской адвокатуры. Имѣя въ средѣ своей коллегъ, замаранныхъ съ ногъ до головы, сословіе, пожалуй, поступило бы правильнѣе, если бы воздерживалось, напримѣръ, отъ требованій *добросовѣстнаго исполненія* правительствомъ обѣщанныхъ реформъ. Было бы скромнѣе въ общихъ собраніяхъ своихъ требовать отъ принимаемыхъ съ весьма условнымъ разборомъ товарищей по ремеслу бо̀льшей добросовѣстности въ отправленіи своихъ профессіональныхъ обязанностей. А все время накидываемая мантія изъ освободительнаго образа мыслей, политики, науки и благотворительности сквозь зіяющія прорѣхи заставляетъ видѣть гноящіяся язвы живого адвокатскаго тѣла“. Какимъ образомъ грязь, обнаруживаемая и безпощадно преслѣдуемая самими представителями адвокатуры, можетъ падать на все сословіе, какимъ образомъ политическимъ выступленіямъ однихъ присяжныхъ повѣренныхъ могутъ мѣшать не остающіеся безнаказанными профессіональные грѣхи другихъ—это тайна оффиціозной газеты. Противорѣчіе или лицемѣріе въ дѣятельности совѣта можно было бы усмотрѣть только тогда, если бы

онъ, предъявляя строгія требованія къ постороннимъ учрежденіямъ, отличался снисходительностью къ „своимъ". Ничего подобнаго нѣтъ на самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго не утверждаетъ и „Россія": совѣтъ, какъ видно изъ ея статьи, не отступалъ ни передъ временнымъ запрещеніемъ практики (6 случаевъ), ни передъ исключеніемъ изъ сословія (5 случаевъ). Сплошь и рядомъ судебная палата, разсматривая жалобы на совѣтъ, смягчаетъ постановленныя имъ рѣшенія. Съ большою разборчивостью и осторожностью совершался всегда и совершается, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ и пріемъ въ присяжные повѣренные. Если здѣсь встрѣчаются ошибки, то достаточнымъ объясненіемъ этому служитъ, съ одной стороны, многочисленность кандидатовъ въ присяжные повѣренные, съ другой—невозможность предвидѣть, какой характеръ приметъ будущая дѣятельность адвоката. Нѣтъ, какъ бы ни старалась „Россія", никто—кромѣ заранѣе во всемъ съ нею согласныхъ—не повѣритъ ей, что интересъ адвокатуры къ политикѣ, наукѣ и благотворительности служитъ только „мантіей съ зіяющими прорѣхами", плохо скрывающей глубокія язвы. Отсутствіе односторонности, профессіональной узкости—не слабая, а сильная сторона адвоката. Теперь меньше чѣмъ когда-либо наша адвокатура можетъ оставаться замкнутой въ самой себѣ. Слишкомъ сильно теченіе политической жизни, слишкомъ непосредственно соприкасается съ нимъ защита въ политическихъ процессахъ и въ процессахъ печати. На этой почвѣ она исполняла свой долгъ въ самыя трудныя эпохи—въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, во время управленія В. К. Плеве; на этой почвѣ она исполняетъ и будетъ исполнять его и теперь, несмотря на запугиванья и заподозриванья оффиціозной прессы.

Въ чемъ заключаются истинные идеалы русской присяжной адвокатуры—объ этомъ можно судить какъ нельзя лучше по впечатлѣнію, произведенному на дняхъ кончиной А. Н. Турчанинова. Присяжный повѣренный перваго призыва, многолѣтній членъ совѣта, въ послѣдніе годы почти безсмѣнный его предсѣдатель, настоящій „учитель" своихъ помощниковъ, всѣми любимый и уважаемый товарищъ, высоко чтимый магистратурой, онъ былъ образцовымъ исполнителемъ адвокатскаго долга—и вмѣстѣ съ тѣмъ сторонникомъ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, открыто признанныхъ имъ, когда онъ согласился, при первыхъ выборахъ въ Государственную Думу, выступить въ Петербургѣ выборщикомъ отъ партіи народной свободы. И эти убѣжденія не были для него моднымъ костюмомъ. Они служили для него руководящею нитью, когда ничто не предвѣщало еще близкаго расцвѣта политической жизни; они заставляли его принимать на себя

тяжелую обязанность защитника по такимъ процессамъ, какъ извѣстное дѣло *ста-девяноста-трехъ* или слишкомъ мало еще извѣстное „крожское“ дѣло. Девять дней тянулся въ Вильнѣ (въ сентябрѣ 1894-го года) судъ надъ несчастными крожскими крестьянами, сначала подвергшимися жестокимъ истязаніямъ за преданность своему храму, а потомъ присужденными къ тяжкой уголовной карѣ. Чрезвычайно кстати напомнилъ объ этомъ дѣлѣ и объ участіи въ немъ А. Н. Турчанинова г. Недзвѣцкій. Мы узнаемъ изъ его замѣтки, напечатанной въ „Рѣчи“ (№ 268), что на польскомъ языкѣ существуетъ цѣлая книга („Proces Krożan“), посвященная крожскому процессу — книга, разошедшаяся во многихъ тысячахъ экземпляровъ и встрѣчающаяся въ каждомъ польскомъ книгохранилищѣ. Въ этой книгѣ А. Н. Турчаниновъ и его товарищи по защитѣ—кн. А. И. Урусовъ, В. И. Жуковскій, С. А. Андреевскій—названы „свѣточами русской адвокатуры, которыми всякій народъ могъ бы гордиться“. И дѣйствительно, имъ удалось облегчить участь подсудимыхъ, несмотря на совокупность условій, до крайности неблагопріятныхъ. Дѣло разсматривалось не присяжными, а коронными судьями, съ участіемъ сословныхъ представителей—разсматривалось въ столицѣ сѣверо-западнаго края, все управленіе котораго, съ генералъ-губернаторомъ во главѣ, было заинтересовано въ возможно бо̀льшей строгости приговора [1]). Съ такими воспоминаніями въ прошедшемъ, съ вѣрностью имъ въ настоящемъ, наша присяжная адвокатура можетъ не бояться мелко-тенденціозныхъ нападеній.

Скончавшійся на дняхъ Ю. Г. Жуковскій принадлежалъ, почти полвѣка тому назадъ, къ числу видныхъ сотрудниковъ „Современника“. Его статья: „Вопросъ молодого поколѣнія“ послужила поводомъ, въ 1866-мъ году, къ одному изъ первыхъ у насъ процессовъ печати. Вмѣстѣ съ А. Н. Пыпинымъ (какъ однимъ изъ редакторовъ „Современника“), онъ былъ оправданъ с.-петербургскимъ окружнымъ судомъ, но обвиненъ судебною палатою и присужденъ къ трехнедѣльному аресту на гауптвахтѣ. Послѣ разрыва съ Некрасовымъ, ознаменованнаго выходомъ въ свѣтъ нашумѣвшей въ свое время брошюры: „Литературное объясненіе съ Н. А. Некрасовымъ“ [2]), и послѣ неудав-

[1]) Когда судебная палата, подъ вліяніемъ всего раскрытаго и ярко освѣщеннаго защитой, постановила ходатайствовать о смягченіи наказанія однимъ подсудимымъ (съ десяти лѣтъ каторги до одного года тюрьмы) и о совершенномъ помилованіи другихъ, генералъ-губернаторъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою способствовать отклоненію ходатайства. Ходатайство, тѣмъ не менѣе, было уважено—такъ горячо вступился за него старшій председатель палаты, въ обращеніи котораго къ министру юстиціи ясно слышится крикъ наболѣвшаго чувства.

[2]) Въ составленіи этой брошюры принялъ участіе М. А. Антоновичъ.

шейся попытки основать журналъ („Космосъ"), Ю. Г. Жуковскій сосредоточился на научныхъ занятіяхъ, которымъ и раньше посвящалъ много времени. Кромѣ трехъ отдѣльно изданныхъ книгъ („Политическія и общественныя теоріи въ XVI вѣкѣ", „Прудонъ и Луи Бланъ", неоконченная „Исторія политической литературы XIX-го вѣка"), онъ написалъ немало статей для нашего журнала („Вопросъ народонаселенія", 1871, № 1; „Пища, какъ предметъ экономіи", 1871, № 9; „Желѣзныя дороги, какъ предметъ экономіи", 1872, № 1; „Кэри и его теорія", 1872, № 10; „Карлъ Марксъ и его книга о капиталѣ", 1877, № 9; „Прямые налоги въ Россіи", 1881, № 2; „Вліяніе бумажныхъ денегъ на лажъ и цѣны", 1881, № 4; „Нашъ вексельный курсъ и товарныя цѣны", 1884, № 7). Послѣдніе годы жизни Ю. Г. Жуковскій отдалъ государственной службѣ: онъ былъ управляющимъ государственнымъ банкомъ, потомъ—сенаторомъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1907.

I.

— А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изданіе второе, съ дополненіями и примѣчаніями. Книгоиздательство „Колосъ". С.-Петербургъ. 1908.

Старая, добрая книга, — какъ странно видѣть ее въ этой новой одеждѣ большихъ свѣжихъ страницъ и крупнаго шрифта! Такъ уютны были ея два небольшихъ томика съ ихъ старой мелкой печатью, съ пожелтѣвшей бумагой, съ робкими иниціалами, вмѣсто именъ Герцена, Бакунина, Огарева! За тридцать лѣтъ существованія, эта книга много читалась; она была одною изъ тѣхъ немногихъ книгъ, на которыхъ воспитывалась мысль русскаго образованнаго человѣка. Изъ этихъ немногихъ книгъ цѣлыхъ три написаны Пыпинымъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что всѣмъ, что до послѣдняго времени знала наша интеллигенція по исторіи русской общественной мысли въ XIX вѣкѣ, она, прямо или косвенно, обязана тремъ его работамъ: „Общественному движенію при Александрѣ I", „Характеристикамъ литературныхъ мнѣній" и этой книгѣ о Бѣлинскомъ. Но это были несходныя книги: послѣдняя кореннымъ образомъ разнилась отъ первыхъ двухъ, и то, что она вносила въ сознаніе читателей, было во многомъ противоположно дѣйствію остальныхъ его книгъ. Тамъ, ученикъ и преемникъ Чернышевскаго, онъ продолжалъ дѣло, начатое „Очерками гоголевскаго періода": онъ ставилъ себѣ задачей свести къ единству многосложную картину развитія нашей общественной мысли, и предметъ этого единства видѣлъ въ политическомъ самосознаніи. Теперь, черезъ тридцать лѣтъ, мы иначе смотримъ на дѣло. Мы перестали раціонализировать понятіе общества, мы знаемъ, какъ рискованно сводить къ формулѣ всю духовную жизнь поколѣній, и задачу об-

общенія мы замѣняемъ другою: детальнымъ и конкретнымъ изученіемъ умственныхъ движеній въ ихъ живыхъ представителяхъ. Намъ нужно прежде всего добросовѣстно изучить все многообразное содержаніе *личнаго* сознанія въ прошломъ, какъ того требуютъ элементарные законы научности; обобщеніе само собою явится потомъ, и заранѣе можно предвидѣть, что оно будетъ шире всякой чисто-политической формулы. Тѣ двѣ книги Пыпина лежатъ внѣ этой новой сферы интереса. Онѣ сыграли свою роль, немаловажную по условіямъ времени, и онѣ еще долго сохранятъ свою цѣнность, какъ мастерская обработка обширнаго матеріала; но онѣ устарѣли съ точки зрѣнія общихъ идей и построенія.

Другое дѣло—книга о Бѣлинскомъ: она теперь, можно сказать, свѣжѣе и нужнѣе, чѣмъ тридцать лѣтъ назадъ. По самому своему содержанію, она какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ новому историческому интересу, и среди новѣйшихъ изслѣдованій этого рода нѣтъ ни одного, которое могло бы сравниться съ нею по обилію и важности матеріала. Здѣсь, въ оправѣ богатѣйшаго историческаго комментарія, дана полная нравственная біографія одного изъ самыхъ выдающихся представителей русскаго общества, данъ историко-психологическій портретъ изумительной яркости. Здѣсь передъ нами весь человѣкъ, раскрытый до глубочайшихъ тайниковъ своего духа,—точно горная расщелина, по которой геологъ изучаетъ исторію земной коры. Никакая исторія русской общественной мысли не дастъ намъ такого нагляднаго представленія о ходѣ духовной жизни въ нашемъ обществѣ, какъ эта частичная картина, гдѣ индивидуальное воочію становится историческимъ, гдѣ въ нѣдрахъ отдѣльнаго духа, изъ личныхъ тяжкихъ переживаній, рождается сознаніе, типичное для цѣлой эпохи. Величайшая заслуга Пыпина заключается въ томъ, что онъ не урѣзалъ этой картины соотвѣтственно *своимъ* умственнымъ интересамъ. Его самого, вѣроятно, мало интересовали тѣ пространныя разсужденія о безсмертіи личнаго духа, о женщинахъ и любви, объ условіяхъ и задачахъ личной жизни, которыми переполнены письма Бѣлинскаго. И однако онъ далъ намъ все это,—матеріалъ безцѣнный съ нашей точки зрѣнія, не только всего глубже вскрывающій и личность Бѣлинскаго, и характеръ эпохи, но и безотносительно первоклассный, по глубинѣ мыслей и пламенному волненію духа, отличающимъ какъ-разъ эти мѣста писемъ. Его заслуга въ томъ, что онъ не втиснулъ Бѣлинскаго въ схему, а удовольствовался скромной ролью вожатая, который показываетъ, но не поучаетъ.

Новое изданіе книги не оставляетъ желать ничего лучшаго. Редакція правильно поняла свою задачу—пополнить и обновить книгу такъ, какъ это сдѣлалъ бы, если бы успѣлъ, самъ Пыпинъ. Въ нее

внесены двоякаго рода дополненія изъ писемъ Бѣлинскаго, сохранившихся въ бумагахъ Пыпина: одни—въ текстъ, гдѣ это предполагалъ сдѣлать самъ Пыпинъ, судя по его размѣткамъ на одномъ изъ экземпляровъ стараго изданія, другія — послѣ текста; доведенъ до 1907 года списокъ литературы о Бѣлинскомъ, кончавшійся въ первомъ изданіи 1876 годомъ; наконецъ, приложены въ концѣ книги обширныя, очень дѣльныя примѣчанія, гдѣ на основаніи новѣйшей литературы о Бѣлинскомъ пополнены или исправлены свѣдѣнія, заключающіяся въ книгѣ. Такимъ образомъ, работа Пыпина осталась неприкосновенной, и въ то же время книга обновлена.

Нечего и говорить, съ какимъ интересомъ читаются новыя выдержки изъ писемъ Бѣлинскаго. Нѣкоторыя изъ нихъ были опущены Пыпинымъ явно по несвоевременности или цензурнымъ условіямъ; таковы, напримѣръ, въ концѣ книги великолѣпная характеристика молодого Каткова и разсужденіе о письмахъ Герцена изъ „Avenue Marigny“. Таковы же и нѣкоторыя дополненія, вошедшія теперь въ текстъ. Страстная тирада о „гнусной рассейской дѣйствительности“, вставленная теперь на стр. 341, безъ сомнѣнія—одна изъ самыхъ пламенныхъ страницъ, написанныхъ Бѣлинскимъ. Еще выше, еще вдохновеннѣе тѣ неизвѣстныя доселѣ строки въ одномъ письмѣ къ Боткину, гдѣ вылилась страстная вѣра Бѣлинскаго въ будущее царство разума. Не можемъ устоять противъ соблазна привести ихъ здѣсь: краснорѣчивѣе еще никогда не высказывалась эта вѣра... И „настанетъ время—я горячо вѣрю этому,—настанетъ время, когда никого не будутъ жечь, никому не будутъ рубить головы, когда преступникъ, какъ милости и спасенія, будетъ молить себѣ казни, и не будетъ ему казни, но жизнь останется ему въ казнь, какъ теперь смерть; когда не будетъ безсмысленныхъ формъ и обрядовъ, не будетъ договоровъ и условій на чувство, не будетъ долга и обязанностей, и воля будетъ уступать не волѣ, а одной любви; когда не будетъ мужей и женъ, а будутъ любовники и любовницы, и когда любовница придетъ къ любовнику и скажетъ: „я люблю другого“, любовникъ отвѣтитъ: „я не могу быть счастливъ безъ тебя, я буду страдать всю жизнь; но ступай къ тому, кого ты любишь“, и не приметъ ея жертвы, если по великодушію она захочетъ остаться съ нимъ, но подобно Богу скажетъ ей: хочу милости, а не жертвы... Женщина не будетъ рабою общества и мужчины, но, подобно мужчинѣ, свободно будетъ предаваться своей склонности, не теряя добраго имени, этого чудовища—условнаго понятія. Не будетъ богатыхъ, не будетъ бѣдныхъ, ни царей и подданныхъ, но будутъ братья, будутъ люди, и, по глаголу апостола Павла, Христосъ дастъ свою власть Отцу, и Отецъ-Разумъ снова воцарится, но уже въ новомъ небѣ и надъ новою землею“.

Есть и для свѣтскихъ учителей жизни такой моментъ неоспоримой извѣстности, когда подъ каноническимъ ореоломъ меркнутъ и каменѣютъ живыя черты, и набожный поклонникъ съ равнодушнымъ почтеніемъ смотритъ на освященный ликъ, не ощущая жара, который когда-то воспламенялъ этотъ взоръ и согрѣвалъ эту застывшую маску. Таковъ до извѣстной степени у насъ и Бѣлинскій. Онъ канонизированъ, и молодежь къ нему равнодушна. Въ книгѣ Пыпина онъ опять живой встанетъ передъ нею, и его страстныя исканія, его любовь и ненависть, вся мятежная мудрость его духа снова огненной струею опалятъ сердца. Еще долго суждено ему стоять передъ нами безпримѣрнымъ зрѣлищемъ того, какъ боролись въ одномъ человѣкѣ пожирающая жажда догмата съ врожденнымъ стремленіемъ все къ большей истинѣ,—символъ вѣчной трагедіи человѣчества.

II.

— Michael Pokrowskij. Puschkin und Shakespeare. Separat-Abdruck aus dem „Jahrbuch der Deutschen Shakespeare-Gesellschaft“. 43-ter Jahrg. Berlin. 1907.

Эта брошюра, принадлежащая перу извѣстнаго московскаго латиниста, проф. М. М. Покровскаго, ставитъ себѣ цѣлью выяснить вліяніе Шекспира не только на драматическую технику Пушкина (что̀ дѣлалось неоднократно), но и на общее его художественное міровоззрѣніе— и въ этомъ ея главная цѣнность. Покойный Н. И. Стороженко болѣе четверти вѣка назадъ мелькомъ коснулся этого вопроса въ своей университетской рѣчи объ „отношеніи Пушкина къ иностранной словесности“ [1]), но обстоятельнаго изслѣдованія по этому предмету до сихъ поръ нѣтъ въ нашей литературѣ. Г. Покровскому надо зачесть въ заслугу уже то, что онъ въ полномъ объемѣ поставилъ этотъ вопросъ. Обычное представленіе ограничиваетъ вліяніе Шекспира на Пушкина узкою сферою драмы; слѣдовъ этого вліянія ищутъ въ „Борисѣ Годуновѣ“, „Скупомъ рыцарѣ“ и пр. — но дальше этихъ чисто-литературныхъ, техническихъ разысканій не идутъ. Между тѣмъ, вліяніе Шекспира на Пушкина, какъ показываетъ г. Покровскій, было несравненно глубже.

Авторъ исходитъ изъ той мысли, что врожденный Пушкину реализмъ прошелъ чрезъ три стадіи литературныхъ вліяній: французской поэзіи, Байрона и Шекспира. Путемъ мастерского анализа онъ пока-

---

[1]) Она перепечатана въ книгѣ: Н. Стороженко, „Изъ области литературы“. М. 1902 г., стр. 327—338.

зываетъ, какъ Пушкинъ чрезъ Байрона освобождался отъ влiянія французской школы, и какъ, далѣе, Байронъ уступилъ мѣсто Шекспиру, на которомъ, такъ сказать, окончательно освободился и окрѣпъ Пушкинскій реализмъ. Изученіе Шекспира—говоритъ онъ—послужило для Пушкина не только стимуломъ къ драматическому творчеству, оно не только дало ему матеріалъ для выработки самостоятельной теоріи драмы: оно повлекло за собою цѣлый переворотъ въ его взглядахъ на искусство и явилось для него однимъ изъ важнѣйшихъ этаповъ на пути къ самосовершенствованію. Пушкинъ какъ бы научается смотрѣть глазами Шекспира, и въ этомъ новомъ освѣщеніи все получаетъ для него иной характеръ: Байронъ и французскій классицизмъ, современная русская литература и даже современныя событія. На Шекспирѣ онъ научился правильно оцѣнивать трагедіи Байрона; теперь ему смѣшны эти трагическіе герои, которые и глотка воды требуютъ трагически, эти однообразно-ходульныя фигуры, какихъ нѣтъ въ дѣйствительности; для него образецъ — Шекспиръ, который не боится уронить своихъ героевъ, который заставляетъ ихъ держаться непринужденно, со всей беззаботностью жизни, такъ какъ увѣренъ, что въ нужный моментъ съумѣетъ вложить въ ихъ уста рѣчь, сообразную ихъ характеру. Теперь Пушкинъ цѣнитъ въ искусствѣ одно—художественную правду; характеренъ его отзывъ о „Мазепѣ“ Байрона: великое созданіе—„но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла... Байронъ и не думалъ о немъ (о Мазепѣ): онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе — вотъ и все“. Самъ онъ въ своей „Полтавѣ“ ставитъ себѣ закономъ Шекспировскій реализмъ: „Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь-въ-точь какъ и въ исторіи, а рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ“. И этотъ реализмъ онъ вноситъ теперь во все; чрезвычайно мѣтко г. Покровскій цитируетъ въ этой связи слѣдующія строки Пушкина о процессѣ декабристовъ (изъ письма къ Дельвигу, январь, 1826 г.): „Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія заговора... Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни—какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира“.

Изъ этихъ общихъ Шекспировскихъ началъ Пушкинъ развиваетъ свою теорію драмы. Правдоподобіе—говоритъ онъ—считается главнымъ условіемъ драматическаго искусства. Но вопросъ въ томъ, что называть правдоподобіемъ. Если искать его въ вѣрности костюма, подробностей быта и пр., то такого правдоподобія мы не найдемъ даже у величайшихъ драматическихъ писателей. Но есть другой, высшій реализмъ: „истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предлагаемыхъ обстоятельствахъ“. Таковъ именно Шекспиръ, и потому намъ не странно, если его герои выражаются иногда какъ конюхи, „ибо мы

чувствуемъ, что и знатные должны выражать простыя понятія какъ простые люди".

И вотъ, слѣдуя этимъ принципамъ, Пушкинъ пишетъ своего „Годунова". Онъ самъ съ полной ясностью указываетъ, чему онъ научился у Шекспира: „По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохи и историческихъ личностей, не гоняясь за сценическими эффектами, романическимъ паѳосомъ и проч."; и въ другомъ мѣстѣ: „Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и въ простотѣ". Ради этого Шекспировскаго правдоподобія, ради вѣрности характеровъ и эпохи, онъ изучаетъ Карамзина и лѣтописи.

Мы не будемъ слѣдить за авторомъ въ его анализѣ драматическихъ произведеній Пушкина, имѣющемъ цѣлью наглядно выяснить этотъ ихъ реализмъ историческій и психологическій; насъ интересуетъ здѣсь только его общій выводъ. Этотъ общій выводъ съ несомнѣнностью устанавливаетъ наличность въ творчествѣ Пушкина особаго *шекспировскаго* періода, смѣнившаго періодъ байронизма. Вліяніе Шекспира надо признать даже гораздо болѣе глубокимъ и существеннымъ, нежели вліяніе Байрона, такъ какъ чрезъ Байрона Пушкинъ только прошелъ, а въ Шекспирѣ онъ нашелъ себя, чрезъ него достигъ художественнаго самосознанія. И сравнительно съ этимъ общимъ вліяніемъ Шекспира на его міровоззрѣніе — отступаютъ на задній планъ тѣ *прямыя* заимствованія у Шекспира, перечисленіемъ которыхъ обыкновенно ограничиваются изслѣдователи. Но съ точки зрѣнія чисто-литературной, разумѣется, и эта сторона дѣла представляетъ большой интересъ, и относящіяся сюда страницы г. Покровскаго даютъ рядъ мѣткихъ наблюденій. Онъ указываетъ, прежде всего, на самый выборъ темы: эпоха, хронологически совпадающая съ временемъ жизни Шекспира, эпоха смуты, глубокихъ государственныхъ потрясеній, сдвигающихъ съ мѣста всѣ органы власти и всѣ слои населенія; такія темы любилъ и Шекспиръ: таковы „Юлій Цезарь", „Антоній и Клеопатра" и большинство хроникъ. Близки къ Шекспиру и основныя подробности темы: Борисъ—узурпаторъ, насильственно устранившій законнаго царя и мучимый совѣстью — напоминаетъ Макбета, „Генриха IV" и пр. Вообще, все положеніе Бориса, какъ оно изображено Пушкинымъ, находитъ себѣ полную аналогію во всѣхъ сходныхъ драмахъ Шекспира — въ „Генрихѣ IV", „Юліѣ Цезарѣ" и др.: у него нѣтъ сторонниковъ между боярами, онъ не можетъ опереться на шаткую вѣрность народной массы, онъ знаетъ, что „живая власть для черни ненавистна, они любить умѣютъ только мертвыхъ" (мысль, встрѣчающаяся и у Шекспира). Самый характеръ Бориса, исторически-вѣрный у Пушкина, — одинъ изъ любимыхъ типовъ Шекспира,

честолюбецъ, какъ Генрихъ IV или Цезарь. Что знаменитое наставленіе Бориса Ѳеодору очень близко напоминаетъ соотвѣтствующую сцену въ „Генрихѣ IV“, это указывалось неоднократно. Непосредственное вліяніе Шекспира сказывается у Пушкина и въ манерѣ характеризовать различные классы общества (особенно придворныхъ), съ полнымъ соблюденіемъ индивидуальности каждаго отдѣльнаго ихъ представителя, и во введеніи сценъ изъ боевой жизни, и въ смѣшанномъ этнографическомъ составѣ воюющихъ сторонъ, — причемъ Пушкинскій капитанъ Маржеретъ представляетъ собою почти сколокъ съ капитана Флюэллена въ „Генрихѣ V“,—и во введеніи трактирной сцены (въ корчмѣ на литовской границѣ), какихъ много у Шекспира. Наконецъ, истинно-Шекспировскимъ духомъ проникнута у Пушкина характеристика народной массы, глубоко-реальная, ярко-окрашенная національно — и вмѣстѣ индивидуализирующая отдѣльную личность изъ толпы, какъ это мастерски умѣетъ дѣлать Шекспиръ.

Изслѣдованіе г. Покровскаго — несомнѣнно одна изъ самыхъ выдающихся работъ по изученію Пушкина, какія мы имѣемъ. Оно далеко не исчерпываетъ своей темы, но оно выдвигаетъ новый вопросъ, а главное—оно цѣнно своимъ методомъ, раскрывающимъ самыя основы міровоззрѣнія и творчества поэта, уясняющимъ букву ихъ духа.

III.

— Въ Катковскомъ лицеѣ. Записки стараго пансіонера (1875—1882). Выпускъ I. Москва. 1907.

Эта небольшая, въ сто слишнимъ страницъ, книжка представляетъ собою такой цѣнный историческій документъ, что ее не слѣдуетъ пройти молчаніемъ. Это—непритязательный разсказъ о внутреннемъ бытѣ Катковскаго лицея въ концѣ семидесятыхъ годовъ, и прежде всего—рядъ характеристикъ учительскаго персонала. Самъ по себѣ лицей не интересенъ, но разсказъ автора отличается такой живостью, его характеристики такъ мѣтки, что получается любопытнѣйшая картина школьныхъ нравовъ. Главный интересъ книжки, однако, не въ этомъ. Бòльшая ея половина удѣлена характеристикѣ Каткова, и авторъ съумѣлъ дать такое художественное изображеніе этого газетнаго властелина, которое надо признать лучшимъ изъ всего, что написано у насъ о Катковѣ. Историческіе дѣятели бываютъ двухъ родовъ: одни, ничтожные сами по себѣ, пріобрѣтаютъ право на біографію въ силу особыхъ историческихъ условій, когда эти условія находятъ себѣ пищу въ какомъ-нибудь особенно-развитомъ свойствѣ ихъ мелкой личности и тѣмъ выдвигаютъ ихъ на передній планъ; таковы

у насъ Булгаринъ, Гречъ, Магницкій и пр. Но бываютъ другіе, люди сильнаго духа: тотъ же законъ совпаденія личныхъ свойствъ съ требованіями времени остается въ силѣ и для нихъ, но они и сами накладываютъ свою печать на эпоху и до извѣстной степени видоизмѣняютъ историческія условія. Катковъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ ко второй категоріи, и потому онъ заслуживаетъ *личной* біографіи и *личной* характеристики. Послѣднюю и даетъ въ своей книжкѣ, и даетъ, повторяемъ, мастерски, авторъ названной книжки.

Этотъ портретъ Каткова тѣмъ живѣе, что онъ весь составленъ изъ черточекъ, подмѣченныхъ непредубѣжденнымъ и зоркимъ дѣтскимъ взглядомъ. Здѣсь предъ нами не Катковъ-политикъ, а только оригинальная фигура, своей необычностью поразившая воображеніе мальчика, и эта фигура вышла настолько живою, что въ ней, повидимому, сполна заключены всѣ основныя качества Каткова, которыя сдѣлали его въ общественной жизни тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ, художественность которыхъ утратилась бы въ пересказѣ.

Вотъ, напримѣръ, Катковъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты смотрителей, экономовъ и пр., обходитъ зданіе лицея, внимательно все осматривая, спрашивая разъясненій и т. д. „Ему разсказывали, объясняли, и онъ покорно слушалъ, дѣлалъ свои замѣчанія и возраженія. Впечатлѣніе оставлялъ о себѣ какъ о мужественномъ, строгомъ старикѣ, любознательномъ хозяинѣ, прилагающемъ стараніе точно уяснить себѣ и запомнить наблюдаемое. На ногахъ держался твердо, прямо и стойко. Говорилъ глухимъ голосомъ, отрывисто и не совсѣмъ внятно, бормоча иногда по-стариковски. Въ манерахъ проявлялъ много достоинства и увѣренности въ себѣ. Насмотрѣвшись, сколько нужно, круто поворачивался корпусомъ и продолжалъ шествіе“...

Или вотъ посѣщеніе пансіона во время репетиціи. Воспитанники за нѣсколькими столами заняты приготовленіемъ уроковъ подъ присмотромъ тутора. „Встрѣченный подошедшимъ къ нему туторомъ, угрюмо поздоровавшись съ нимъ, Катковъ останавливался по срединѣ комнаты и вполголоса велъ съ нимъ бесѣду. Постоявъ нѣсколько времени и какъ бы надумавшись, онъ сумрачно и разсѣянно направлялся къ какому-нибудь столу.

— „Чѣмъ, господа, занимаетесь?“—не очень дружелюбно обращался онъ къ сидѣвшимъ, и на предупредительный въ нѣсколько голосовъ отвѣтъ бралъ подаваемую книгу, отставлялъ ее отъ глазъ—онъ былъ дальнозорокъ, — „а! Титъ Ливій! знаменитый римскій историкъ!“—и, удовлетворивъ любопытство, тотчасъ возвращалъ ее обратно“. Въ пансіонѣ жилъ и одинъ изъ его младшихъ сыновей, Андрей, большой шалунъ, причинявшій отцу много огорченій. Когда, обходя пан-

сіонъ и справившись у тутора о поведеніи сына, онъ получалъ мало утѣшительный отвѣтъ, имъ мгновенно овладѣвала ярость. „Катковъ едва сдерживался, чтобы тутъ же не разразиться бѣшенымъ воплемъ. Губы его синѣли, фигура цѣпенѣла. Черты лица зловѣще вытягивались. Богъ вѣсть, какъ обращался онъ съ дѣтьми дома; ходили слухи, что въ семьѣ онъ совершенный тиранъ; на глазахъ всѣхъ онъ сдерживался... Напряженной походкой направлялся онъ къ сыну, вскочившему передъ нимъ и вспыхнувшему какъ былинка, останавливался за нѣсколько шаговъ и сдавленнымъ, глухимъ рокотомъ произносилъ только ему одному понятныя слова какой-то неслыханной угрозы.— „Опять?!“ — Казалось, онъ готовъ былъ предать его самой лютой казни“. Туторъ старался успокоить его, и Катковъ, „нехотя, какъ раненый звѣрь, ретировался“. Когда сыновья его были въ юномъ возрастѣ, онъ расправлялся съ ними на глазахъ у всѣхъ: „какимъ-то особеннымъ тискомъ дралъ имъ уши, стараясь сдѣлать это наименѣе замѣтно. Но свирѣпость его взгляда въ такія минуты не ускользала отъ присутствовавшихъ“.

Натура страстная и замкнутая въ себѣ, Катковъ не зналъ середины между угрюмой холодностью и рѣзкими вспышками, въ которыхъ, повидимому, всегда было что-то судорожное, почти дикое—даже когда это были вспышки скорби или вдохновенія. Авторъ разсказываетъ, что ежегодно, въ день поминокъ Леонтьева, весь лицей вмѣстѣ съ Катковымъ отправлялся на кладбище служить панихиду по покойномъ; какъ извѣстно, Катковъ былъ связанъ съ Леонтьевымъ тѣснѣйшей многолѣтней дружбой. И вотъ тутъ, по окончаніи службы, Катковъ обыкновенно пытался говорить. „Губы его приходили въ судорожное движеніе. Онъ выпрямлялся, оборачивался къ окружающимъ, бросалъ зажигающіе взоры. Но въ захватывавшей его обстановкѣ справиться со своимъ волненіемъ онъ былъ не въ силахъ. Голосъ измѣнялъ ему. Слышались отдѣльныя слова, всхлипыванія и заглушенныя рыданія. Окружающіе его успокоивали, отвлекали отъ его попытки“. Въ другой сценѣ, которую рисуетъ авторъ, уже во весь ростъ встаетъ передъ нами Катковъ-политикъ. Это—рѣчь, которую говорилъ Катковъ лицейскимъ абитуріентамъ послѣ выпускного акта гдѣ-нибудь въ углу залы, когда оффиціальныя лица уже разъѣхались. „Онъ обращался сначала къ нѣсколькимъ лицамъ, вступившимъ съ нимъ въ бесѣду, но нароставшая кучка людей заставляла его говорить уже для всѣхъ... И теперь рѣчь его звучала бо́льшимъ темпераментомъ, чѣмъ оффиціальная его рѣчь. Слышались въ ней отдаленные громовые раскаты. Онъ постепенно воодушевлялся и, минутами, поднимался до большой высоты чувства. Нервно напряженное лицо его блѣднѣло, глаза бросали сухой блескъ, губы приходили въ судорожное движеніе.

Рѣчь его стремилась каскадами: говорилъ онъ невнятно, отрывистыми и порывистыми фразами; издали ихъ совсѣмъ нельзя было разобрать, но было ясно, что говоритъ человѣкъ страстно взволнованный. Это были тѣ же призывы къ долгу, вѣрности и преданности, политическій катехизисъ Каткова, но онъ вносилъ въ нихъ уже элементъ предостерегающій, угрожающій. Онъ угрожалъ какому-то невидимому, злѣйшему своему врагу, собирающемуся отнять у него его дѣтей. Онъ защищалъ какъ бы свое личное дѣло. Подъ конецъ онъ готовъ былъ расчувствоваться: слезы проступали на его глазахъ".

Въ заключеніе нашихъ длинныхъ выписокъ, приведемъ еще одно мѣсто, гдѣ авторъ художественно изобразилъ внѣшность Каткова: эта страница стоитъ Рѣпинскаго портрета.

„Физіономія Каткова носила большею частью печать озабоченности, сумрачности. Рѣдко и скупо появлялась на его лицѣ улыбка. Она не была лишена своей очаровательности. Благодаря желтизнѣ лица, Катковъ казался нездоровымъ человѣкомъ. Въ иные дни физіономія его принимала даже совсѣмъ больной землистый колоритъ и являла признаки изнуренія. Fatum, написанный на ней, застывалъ въ мертвенную маску; глаза смотрѣли тускло, ротъ расползался, раскисалъ. Апатично ходилъ онъ по обширнымъ лицейскимъ палатамъ, двигался какъ сомнамбулъ. Приближенные шепоткомъ и съ удрученіемъ замѣчали, что онъ слишкомъ много работаетъ по ночамъ. Характеренъ былъ для Каткова его трагическій видъ. Эту черту сохранялъ онъ въ себѣ постоянно, и, повидимому, она была отъ него неотъемлема. Какое-то внутреннее вдохновеніе, вѣра въ себя, въ свое высокое назначеніе, сказывались въ его обличьи и фигурѣ. И вмѣстѣ проступали на его лицѣ черты страданія. Для всякаго, впервые видѣвшаго Каткова, не могло быть сомнѣнія, что передъ нимъ человѣкъ не заурядный... Въ привѣтливости Катковъ ни для кого особо щедръ не былъ. Доминирующій тонъ его былъ властный, наставительный, притомъ чаще недовольный; когда же онъ публично обращался съ рѣчью, тонъ этотъ принималъ оттѣнокъ пророческій, громящій. Послѣдній казался ему особенно любъ, и въ немъ находилъ онъ себя всего полнѣе, видѣлъ себя на наибольшей высотѣ призванія и долга. Превосходно служилъ ему голосъ, глухой, замогильный, исходившій какъ бы изъ пещерныхъ нѣдръ, роковой, предостерегающій. Голосу своему онъ, вѣроятно, не въ послѣдней степени былъ обязанъ своей карьерой въ высшихъ сферахъ. Онъ, несомнѣнно, импонировалъ и поражалъ своей оригинальностью. По крайней мѣрѣ автору не случалось въ жизни слышать подобнаго другого. Устами Каткова вѣщалъ дельфійскій оракулъ".

Нашими выписками мы далеко не исчерпали интереснаго содержанія этой книжки. Съ тѣмъ же художественнымъ мастерствомъ, ко-

торое читатели могли оцѣнить по приведеннымъ строкамъ, авторъ изображаетъ еще цѣлый рядъ лицъ, въ томъ числѣ нѣсколько такихъ, которые пріобрѣли позднѣе мѣстную или всероссійскую извѣстность: здѣсь—В. А. Грингмутъ, тогда еще молодой, способный преподаватель греческаго языка, съ вкрадчивой улыбкой и бархатнымъ голосомъ передъ лицомъ Каткова; и В. В. Н—ій, извѣстный своей дѣятельностью въ качествѣ цѣнзора, позднѣйшій директоръ Катковскаго лицея, Станишевъ и др. Надо съ интересомъ ждать продолженія этихъ интересныхъ воспоминаній о нашей недавней старинѣ.

IV.

— Г. Цыперовичъ. За полярнымъ кругомъ. Десять лѣтъ ссылки въ Колымскѣ. С.-Петербургъ. 1907.

О колымской ссылкѣ у насъ писали неоднократно, но книга г. Цыперовича не будетъ лишней. Она особенно цѣнна чрезвычайной обстоятельностью и подробностью свѣдѣній о бытѣ ссыльныхъ, а многочисленныя иллюстраціи еще увеличиваютъ ея наглядность. Книга написана просто, безъ притязаній на паѳосъ и безъ художественныхъ замашекъ, и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ до конца.

Когда-нибудь эти воспоминанія русскихъ ссыльныхъ будутъ производить на читателей такое же впечатлѣніе ужаса и недоумѣнія, какое производятъ на насъ разсказы о средневѣковыхъ пыткахъ, о дыбѣ, колесѣ и четвертованіи. Въ насъ, современникахъ и очевидцахъ, это страшное дѣло будитъ только тупую боль,—мы притерпѣлись и къ худшему. Но стоитъ только подойти поближе, стоитъ вслушаться въ одинъ изъ этихъ скорбныхъ разсказовъ, и весь ужасъ явленія встанетъ передъ вами въ своей потрясающей правдѣ. Она притягиваетъ, какъ бездна; не отрываясь, читаешь все дальше и дальше, съ какою-то болѣзненной жадностью, точно стремясь заглянуть на самое дно страданій. Дочитавъ книгу г. Цыперовича, испытываешь такое чувство, точно пережилъ тяжелый кошмаръ. Она разсказываетъ о недавнемъ прошломъ; десять лѣтъ, проведенныхъ авторомъ въ ссылкѣ, кончились только въ 1905 году. И она разсказываетъ о чудовищной неправдѣ и неимовѣрныхъ лишеніяхъ въ такомъ обыденномъ тонѣ, отъ котораго „паѳосъ дѣйствительности" выступаетъ еще вдесятеро ярче.

Ихъ везли десять мѣсяцевъ отъ Одессы до Колымска, и только на седьмомъ мѣсяцѣ имъ сказали, куда ихъ везутъ. За мирную пропаганду, т.-е. за мысль и слово, ихъ ссылали въ заполярную тундру, о которой чиновникъ департамента полиціи сказалъ одному изъ ссы-

лаемыхъ: „О Средне-Колымскѣ мы ничего больше не знаемъ, кромѣ того, что тамъ жить нельзя. Поэтому мы туда и отправляемъ васъ". Это циничное заявленіе вполнѣ соотвѣтствовало истинѣ: начальство дѣйствительно ничего не знало о Колымскѣ, и тамъ дѣйствительно нельзя жить. Эта часть россійской имперіи впервые была изслѣдована, по остроумному замѣчанію автора, на *американскія* деньги русскими *государственными преступниками* (гг. Богоразомъ и Іохельсономъ, въ экспедиціи Jesup'a, 1899 г.), не только безъ поддержки, но при активномъ противодѣйствіи русскихъ властей. Авторъ приводитъ эти оффиціальныя бумаги, заслуживающія мѣста на страницахъ исторіи. Одна—открытый листъ за подписью Сипягина и Трепова, выданный гг. Богоразу и Іохельсону, отправляющимся въ составъ экспедиціи нью-іоркскаго музея естественныхъ наукъ на сѣверо-западъ Америки и сѣверо-востокъ Азіи для изученія инородцевъ и составленія этнографическихъ коллекцій для музея Императорской Академіи Наукъ; этимъ листомъ предписывалось „мѣстамъ и лицамъ, подвѣдомственнымъ министерству внутреннихъ дѣлъ, оказывать предъявителю всякое законное содѣйствіе къ исполненію возложенныхъ на него порученій". Это былъ приказъ явный; а въ то же время сибирскимъ властямъ былъ посланъ другой—конфиденціальный приказъ по этому же дѣлу, гдѣ министръ, сообщая о предстоящей поѣздкѣ гг. Богораза и Іохельсона, присовокуплялъ, что, въ виду прежней ихъ противоправительственной дѣятельности, „оказаніе имъ какого-либо содѣйствія по возложеннымъ на нихъ ученымъ трудамъ представляется совершенно несоотвѣтственнымъ".

Для того употребленія, которое власть дѣлала изъ этого края, ей и въ самомъ дѣлѣ довольно было знать, что тамъ жить нельзя,—и она широко пользовалась этимъ удобствомъ мѣстности. Не одинъ десятокъ молодыхъ жизней былъ на долгіе годы похороненъ здѣсь. Здѣсь точно нельзя было жить: объ этомъ свидѣтельствовала уже пустынность края, равнаго королевству, и заселеннаго едва десятью тысячами полудикихъ якутовъ, юкагировъ и др.; объ этомъ свидѣтельствовали и тяжелыя нервныя болѣзни, эндемически свирѣпствующія среди туземцевъ, особенно женщинъ (такъ-назыв. эмиряченье). Авторъ разсказываетъ о четырехъ скопцахъ, которые, будучи сосланы въ Верхне-Колымскъ, всѣ четверо тамъ одновременно повѣсились. Сюда, въ царство полярной зимы, бросали людей съ юга, выросшихъ въ культурной обстановкѣ, полныхъ энергіи. Это было хуже тюрьмы, хуже могилы. Жалкій городокъ, состоящій изъ сотни деревянныхъ лачугъ и юртъ; жалкая лачуга съ камелькомъ вмѣсто печи, съ льдиной, вмѣсто стекла въ окнѣ, согрѣвающаяся лишь пока топится камелекъ и остывающая за ночь до нуля; отсутствіе всякаго живого дѣла,

мертвое, убивающее душу, однообразіе жизни, неизмѣримая отдаленность отъ всего, что дорого,—и все это при развитомъ сознаніи, при острой потребности дѣла, живыхъ впечатлѣній, при сильномъ умственномъ интересѣ: это ли не пытка! И эта пытка длилась годы. Почта приходила разъ десять въ годъ, и шла она изъ Якутска зимою мѣсяцъ, лѣтомъ—три и четыре мѣсяца. Ссыльные были почти поголовно люди безъ средствъ. Изъ казны имъ выдавалось по 18 руб. въ мѣсяцъ, а они платили за пудъ отвратительнаго хлѣба отъ четырехъ до шести рублей, за фунтъ сахара—отъ полтинника до рубля, и т. д.; семейные получали только на *одинъ* рубль больше. Заработковъ на мѣстѣ, разумѣется, нельзя было найти; начальство зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы ссыльные не вступали въ общеніе съ мѣстнымъ населеніемъ, и, напримѣръ, врачу-ссыльному, пожелавшему устроить чтеніе о тифѣ, было отказано въ разрѣшеніи. Не всѣ выносили эту жизнь; но такъ сильна надежда въ человѣкѣ, что изъ тридцати-девяти колымскихъ политическихъ ссыльныхъ, которыхъ перечисляетъ авторъ, покончили съ собою на мѣстѣ только четверо. По сравненію съ Колымскомъ даже страшный Шлиссельбургъ кажется сноснымъ; но были и такіе, которые вкусили того и другого: Яновичъ былъ присланъ въ Средне-Колымскъ послѣ двѣнадцати лѣтъ шлиссельбургской жизни, Суровцевъ—послѣ четырнадцати. Яновичъ и былъ одинъ изъ тѣхъ четырехъ, что не вынесли ссылки.

V.

— С. Караскевичъ (Ющенко). Повѣсти и разсказы. С.-Петербургъ. 1907.

Неизвѣстное имя, банальное заглавіе, сѣро и неряшливо изданная книга—не хочется и раскрыть. Такіе сборники разсказовъ появляются теперь десятками. Журналы какъ-то замерли, и беллетристы—особенно тѣ, которымъ нѣтъ доступа въ аристократическіе альманахи „Знанія“ и „Шиповника“,—пошли издаваться отдѣльно. Это бываетъ полосой, какъ непогода лѣтомъ; бывали у насъ полосы стихотворныхъ сборниковъ, а нынѣшняя осень оказалась урожайной по части художественной прозы.—Вотъ серьезный томъ въ обложкѣ кирпичнаго цвѣта, на которой имя автора выведено автографомъ: Екатерина Экъ, а подъ нимъ—краснорѣчивое, особенно въ устахъ дамы, заглавіе: „На досугѣ“. Это еще только томъ I. Раскройте: тутъ съ десятокъ разсказовъ, и почти каждый—съ рекомендаціей: гдѣ былъ напечатанъ, и даже при какихъ обстоятельствахъ (одобренъ Чеховымъ!). Вотъ суровая, темно-сѣрая обложка и на ней шрифтомъ, безстрастно-жесто-

кимъ, какъ рокъ, изображено: Петръ Пильскій, „Разсказы",—какъ бы въ ознаменованіе тѣхъ грозныхъ тайнъ, о которыхъ, если вѣрить предисловію, разсказываетъ книжка (она разсказываетъ „о тайнахъ вѣчности и гроба"). Вотъ ярко-красная обложка, на ней бѣлой краской начертано: Александръ Шеръ. „Разсказы",—и это тоже „томъ I". И сколько ихъ еще: Олигеръ, Корчемный, Муйжель, и проч., и проч. Есть даже цѣлые романы. Передъ нами сейчасъ ихъ два, діаметрально противоположныхъ. „Бюрократы" („Окольный путь" тожъ) г. Милина изданы очень сѣро, зато какая идея! Предисловіе развиваетъ ту мысль, что если бы всѣ наши бюрократы сдѣлались добросовѣстными работниками, въ Россіи воцарилось бы благоденствіе; какъ видно, авторъ—либералъ. Напротивъ, г. Шуфъ издалъ свой романъ изящнѣйшимъ образомъ: въ шестнадцатую долю, на великолѣпной бумагѣ, прекраснымъ шрифтомъ, и снабдилъ его интригующимъ заглавіемъ: „Кто идетъ?" Но что дѣлать! Г. Шуфъ—консерваторъ. Онъ убѣжденъ, что революціи деньгами помогала та же Японія, и что „главную роль въ нашемъ освободительномъ движеніи играло еврейство" (и масоны, какъ поясняется далѣе); все это подробно изъяснено великолѣпной печатью на изящнѣйшей бумагѣ.

Въ этомъ морѣ беллетристики, конечно, не все плохо—попадаются и дѣльныя вещи, но ихъ такъ мало, что читать все сплошь нѣтъ никакой возможности. Опасность здѣсь не велика; ни младенческое прекраснодушіе г. Милина, ни ядовитая злобность г. Шуфа не принесутъ большого вреда, потому что публика не станетъ читать ни того, ни другого: они заранѣе обезврежены собственной бездарностью. Но есть другая опасность, и противъ нея обязана бороться критика: въ этомъ морѣ беллетристики легко можетъ утонуть и навѣки заглохнуть настоящее дарованіе, если оно не граничитъ съ геніальностью или не склонно рекламировать себя эксцентричностью. Вотъ почему, между прочимъ, намъ хотѣлось бы обратить вниманіе на невзрачную книгу г-жи Карaскевичъ. Было бы слишкомъ жаль, если бы она прошла незамѣченной.

Съ глубокимъ наслажденіемъ читали мы, страница за страницей, эти благоуханныя, нѣжныя, чарующія повѣсти, въ которыхъ нѣтъ ничего ослѣпительнаго, но гдѣ каждая строка насыщена поэзіей. И странное дѣло: читая эту книгу, вамъ совсѣмъ не придетъ на мысль спрашивать, какой вѣры авторъ,—реалистъ ли онъ старой школы, или вкусилъ и новѣйшаго символизма. Онъ просто художникъ, на свой манеръ, и онъ рисуетъ жизнь, какъ это дѣлалъ Чеховъ; вѣдь и о Чеховѣ символисты подъ-конецъ—и совершенно правильно—признали, что его реализмъ символиченъ въ высшемъ смыслѣ слова. Одна изъ самыхъ драгоцѣнныхъ особенностей дарованія г-жи Карaскевичъ

заключается въ необыкновенномъ богатствѣ и отчетливости ея художественной памяти. Она знаетъ и отчетливо помнитъ массу конкретныхъ вещей—технику рыболовства и малороссійскую кулинарію, огородничество и постройку лодки; она знаетъ бытъ, нравы, одежду, суевѣріе своихъ дѣйствующихъ лицъ до мелочей, какъ Чеховъ, и даетъ все это легко, не справляясь въ записной книжкѣ и не перегружая деталями, свободно черпая изъ богатаго запаса зоркихъ наблюденій; можно съ увѣренностью сказать, что любой изъ своихъ крестьянскихъ разсказовъ со всѣми подробностями быта она была способна написать гдѣ-нибудь въ Петербургѣ или Парижѣ. Благодаря этой счастливой особенности все внѣшнее у нея такъ мѣтко и наглядно, что уже само по себѣ доставляетъ наслажденіе, какъ мастерское произведеніе живописца-жанриста.

Съ этимъ тѣсно связана другая черта творчества г-жи Караскевичъ. Въ ея разсказахъ совсѣмъ нѣтъ „слѣпыхъ пятенъ". Въ противоположность большинству беллетристовъ, она не ограничивается тщательной вырисовкой основной фабулы и героевъ своего разсказа: она съ полнымъ вниманіемъ выписываетъ и каждую эпизодическую фигуру, совершенно сохраняя перспективу, и тѣмъ не менѣе съ такой сосредоточенной силой, что каждая такая фигура, мелькомъ появляющаяся на сценѣ, стоитъ передъ читателемъ во всей своей самодовлѣющей значительности, во всемъ своеобразіи своихъ индивидуальныхъ чертъ и судебъ, какъ нѣкій маленькій міръ, полный въ себѣ и неповторяемый. Въ этомъ любовномъ вниманіи къ жизненному прохожему есть что-то необыкновенно-трогательное. Это не болѣе, какъ элементарное требованіе художественности, и оттого, что каждая фигура на картинѣ живетъ своей жизнью, главный узоръ выступаетъ тѣмъ выпуклѣе, и тѣмъ полнѣе жизненность всей картины. Такой интересъ ко всему, что попадаетъ въ поле зрѣнія, и такую способность немногими чертами обрисовать случайное, мимоидущее,—въ данную минуту направить именно на него всю силу художественнаго созерцанія, какъ бы забывъ обо всемъ,—мы видѣли до сихъ поръ только у Толстого и Чехова. И это опять-таки свидѣтельствуетъ о сильномъ художественномъ дарованіи.

Разсказы г-жи Караскевичъ лишены всякой „идеи". Она ничего не доказываетъ,—она только разсказываетъ о жизни, какова она есть. Изъ тринадцати разсказовъ, помѣщенныхъ въ книжкѣ, одиннадцать имѣютъ мѣстомъ дѣйствія Подолье, приднѣстровскую Украйну. Здѣсь есть разсказы чисто-жанровые, изъ крестьянской жизни, есть бытовыя повѣсти трагическаго содержанія, есть историческій разсказъ изъ эпохи послѣдняго польскаго возстанія. Въ центрѣ всего стоитъ человѣкъ, индивидуальность; ее, эту живую личность, любитъ и съ лю-

бовью рисуетъ авторъ. Г-жа Караскевичъ часто кончаетъ словами о томъ, что такого-то „поглотило человѣческое море". Она точно хочетъ вырвать изъ этой ужасной пустынности людского хаоса отдѣльную живую личность, и приласкать ее, и спасти отъ забвенія. Она объективна въ своихъ разсказахъ, но, помимо ея сознанія, каждая ея строка проникнута скорбной лаской къ человѣку. У нея есть любимцы между людьми: это, прежде всего, женщина, та „святая женская душа", которая, „любя, прощая, чуть дыша", томится и гаснетъ въ нашемъ душномъ мірѣ. Разсказы, посвященные ей,—лучшіе въ книгѣ („Новобрачная", „Дьяконица"). Невозможно передать, какъ чисты и прекрасны эти скорбные образы, какой поэзіей дышитъ простая повѣсть ихъ тайныхъ страданій и невыплаканныхъ слезъ. Ни одного лирическаго отступленія, ни одного поясняющаго слова, все—живопись и только живопись, но такой подборъ художественныхъ чертъ и такая чудная нѣжность колорита, что впечатлѣніе властно охватываетъ васъ и образъ остается незабвеннымъ.

И тотъ же чарующій колоритъ—во всемъ бытовомъ, въ сценахъ и типахъ изъ крестьянскаго быта и пр. Это не Тургеневская грусть, сладко-щемящая, вѣчная грусть о юности и женской любви; это скорѣе меланхолія подолянина, въ ней есть ширь и тишина и врожденная нѣжность. Эта книга не только по содержанію своему рисуетъ Приднѣстровье: она—областная по самому характеру обвѣвающей ее поэзіи, она—въ высшемъ смыслѣ слова „Heimatkunst", какъ говорятъ теперь нѣмцы. Тѣмъ дороже она намъ, какъ новая струна въ русской поэзіи. Россія слишкомъ бѣдна областнымъ творчествомъ; гдѣ и возникаетъ поэтъ—въ Литвѣ, на Кавказѣ, въ еврействѣ,—онъ пишетъ на своемъ языкѣ и слишкомъ сепаратиченъ. Это имѣетъ свои глубокія историческія причины, какъ и вообще духовный сепаратизмъ русскихъ окраинъ. Но фактъ остается печальнымъ фактомъ, и русской литературѣ это, конечно, не на пользу. Въ этомъ отношеніи талантливая книга г-жи Караскевичъ—одно изъ немногихъ счастливыхъ исключеній.

Тѣмъ немногимъ, что мы сказали о ней, далеко не исчерпываются ея художественныя достоинства. Прежде всего, авторъ мастерски владѣетъ искусствомъ разсказывать; не ища эффектовъ, онъ умѣетъ сдѣлать интереснымъ всякій сюжетъ, и, сохраняя всюду свою мягкую манеру, умѣетъ и увлечь, и потрясти. На протяженіи всей книги есть только одно лирическое мѣсто, но вся книга проникнута тѣмъ высшимъ, имманентымъ лиризмомъ, которому имя—поэзія. Авторъ простъ во всемъ, между прочимъ и въ языкѣ; его фабулы, психологія дѣйствующихъ лицъ и ихъ рѣчь—сама правда, и самое сложное, самое тонкое онъ даетъ безъ подчеркиваній, съ той цѣломудренной, застѣнчивой строгостью, которая роднитъ автора съ его героями.

Въ этой книгѣ виденъ большой и законченный художникъ. Въ ней есть недочеты, но о нихъ не хочется говорить; человѣкъ, *такъ* вступающій въ литературу, самъ найдетъ свой вѣрный путь. Только одинъ разсказъ показался намъ слабымъ, но и тотъ искупается великолѣпными послѣдними двумя страницами („Первая картина"). Лучшія же ея вещи, какъ „Зиновій Голубь", „Дьяконица" и др., принадлежатъ къ замѣчательнѣйшему, что̀ появилось въ нашей художественной литературѣ за послѣдніе годы.—М. Г.

VI.

— М. Г. Диканскій. Квартирный вопросъ и соціальные опыты его рѣшенія. Спб. 1908 г. Ц. 2 р.

Г. Диканскій издалъ свою книгу, потому что замѣтилъ признаки возникновенія въ нашемъ отечествѣ борьбы съ неблагопріятными жилищными условіями, а въ такой борьбѣ „блестящій опытъ нашихъ старшихъ по культурѣ братьевъ является цѣннымъ руководителемъ". Условія для возникновенія у насъ такой борьбы авторъ видитъ въ нарожденіи молодой русской демократіи и въ томъ, что „у насъ имѣется на лицо немалое количество среднихъ горожанъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ и постояннымъ заработкомъ, готовыхъ уже въ достаточной мѣрѣ къ неотложной борьбѣ съ жилищной нуждою, путемъ организаціи строительныхъ товариществъ на началахъ самопомощи". А что мы дѣйствительно вступаемъ на этотъ путь—доказательствомъ служитъ рядъ строительныхъ предпріятій, возникающихъ въ самое послѣднее время въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ. Но хотя, издавая свой трудъ, авторъ преслѣдуетъ практическую цѣль — эта послѣдняя не имѣетъ у него узкаго характера. Онъ предназначаетъ свою книгу не для спеціалистовъ, которые и безъ него съумѣютъ отыскать необходимыя практическія указанія въ матеріалахъ богатаго опыта соціальнаго домостроительства на Западѣ. Онъ имѣетъ въ виду лицъ, заинтересованныхъ въ практическомъ разрѣшеніи даннаго вопроса своими соціальными симпатіями или принадлежностью къ тому слою „среднихъ горожанъ", которые уже выступаютъ на путь борьбы съ жилищною нуждою. Такія лица естественно будутъ стремиться получить общее понятіе о постановкѣ даннаго вопроса въ различныхъ цивилизованныхъ государствахъ, и книга г. Диканскаго имѣетъ въ виду удовлетвореніе этой любознательности. Практическія задачи автора не лишили, поэтому, его трудъ общаго характера; онѣ только придали изложенію болѣе жизненный, такъ сказать, характеръ.

Борьба съ неблагопріятными жилищными условіями ведется въ цивилизованныхъ государствахъ при помощи законодательныхъ мѣръ и путемъ сооруженія новыхъ домовъ, удовлетворяющихъ требованіямъ гигіены, художественнаго вкуса и дешевизны. Изъ мѣръ перваго рода укажемъ на англійскій законъ 1890 г., предоставившій суду „самое широкое право принудительнаго отчужденія домовъ, оказавшихся вредными для общественнаго здоровья", и обязывающій муниципалитеты, пріобрѣтающіе такіе дома, строить взамѣнъ ихъ „новые, отвѣчающіе санитарно-гигіеническимъ требованіямъ и непремѣнно для тѣхъ же самыхъ обитателей, которые жили тамъ до экспропріаціи; или на нѣмецкій законъ, согласно которому территорія города дѣлится на нѣсколько поясовъ, съ тѣмъ, что въ центральномъ поясѣ допускается сооруженіе 4—5-ти-этажныхъ зданій (главнымъ образомъ, для различныхъ помѣщеній, а не для жилья), въ слѣдующемъ—однимъ этажемъ ниже и т. д., а на самой окраинѣ зданія должны быть не выше двухъ этажей. Главнымъ предметомъ рѣчи автора служатъ, однако, попытки сооруженія удовлетворительныхъ помѣщеній для малодостаточнаго населенія. Первоначально такія попытки имѣли чисто филантропическій характеръ, и всѣмъ извѣстно имя Жоржа Пибоди, на деньги котораго въ Лондонѣ построено пять тысячъ удобныхъ и дешевыхъ квартиръ, вмѣщающихъ 20.000 малосостоятельныхъ жильцовъ. Другую категорію попытокъ этого рода представляютъ полу-филантропическія строительныя общества, довольствующіяся небольшимъ процентомъ на затрачиваемый ими на это дѣло капиталъ. Хотя въ Англіи въ разное время было основано до трехъ тысячъ такихъ обществъ, но въ общемъ филантропическія затѣи не получили широкаго распространенія, благодаря „скаредности континентальнаго буржуа", какъ выражается Энгельсъ, и не частному капиталу предстоитъ великое дѣло оздоровленія городскихъ жилищъ. Гораздо бóльшіе результаты достигнуты въ этой области дѣятельностью строительныхъ товариществъ, состоящихъ изъ заинтересованныхъ лицъ. Капиталъ товариществъ составляется изъ взносовъ его членовъ; какъ только составится сумма, достаточная для сооруженія дома, она ссужается одному изъ членовъ на постройку дома или затрачивается на такое сооруженіе самимъ товариществомъ, а его членамъ передается готовый домъ или квартира. Наибольшимъ распространеніемъ такія общества пользуются въ Англіи и Америкѣ. Въ первой странѣ, въ 1903 г., ихъ было болѣе 2.000, владѣвшихъ капиталомъ въ 500 милліоновъ руб.; во второй—въ 1893 г.—насчитывалось до 6.000 товариществъ, имѣвшихъ до двухъ милліоновъ членовъ. Какъ показываютъ данныя 900 обществъ, до 70% членовъ ихъ принадлежатъ къ классу чиновниковъ, приказчиковъ и т. п. Другой типъ союзовъ задается цѣлью сооруженія обще-

ственныхъ домовъ, сдаваемыхъ не въ собственность, а въ пользованіе его членовъ.

Но „строительныя товарищества на началахъ самопомощи имѣютъ наибольшее значеніе для людей, прикрѣпленныхъ къ мѣсту и имѣющихъ болѣе или менѣе опредѣленный и постоянный заработокъ: чиновниковъ, мелкихъ торговцевъ, лицъ свободныхъ профессій, нѣкоторыхъ квалифицированныхъ рабочихъ и т. д.". Да и въ предѣлахъ названныхъ группъ населенія обезпеченіе, путемъ указанныхъ средствъ, добропорядочныхъ жилищъ было достигаемо при широкомъ содѣйствіи (кредитъ) муниципалитетовъ и государства. Что касается простыхъ рабочихъ, то здоровыя и дешевыя для нихъ жилища строятся муниципалитетами; но дѣло это находится лишь въ зародышѣ, и сколько-нибудь значительнаго улучшенія ихъ жилищныхъ условій, по мнѣнію автора, можно ожидать только отъ демократизированнаго государства.

Очень интересную часть разсматриваемаго нами труда составляютъ страницы, посвященныя технической и архитектурной части сооруженныхъ дешевыхъ квартиръ. Этому предмету отведено въ книгѣ довольно много мѣста, и онъ поясняется множествомъ плановъ фасадовъ и перспективныхъ рисунковъ зданій. Усовершенствованіе архитектурныхъ образцовъ построекъ для различныхъ слоевъ населенія г. Диканскій считаетъ даже главной заслугой строительныхъ обществъ, о которыхъ шла рѣчь выше. И надъ разрѣшеніемъ техническихъ и архитектурныхъ вопросовъ въ домахъ для малоимущихъ классовъ работали лучшіе архитекторы Германіи. Они задавались цѣлью создать типы зданій, гдѣ при возможно малыхъ затратахъ были бы достигнуты наибольшіе результаты въ отношеніи солнечнаго ихъ освѣщенія и вентиляціи. Для достиженія этихъ цѣлей стараются строить дома съ возможно большимъ числомъ обвѣтриваемыхъ стѣнъ, сооружаютъ очень большія окна, закругляютъ углы потолковъ, противоположные окну, уничтожаютъ углы комнатъ (недоступные прямому освѣщенію солнечными лучами), заполняя ихъ вентилируемыми шкафами для платья, не отдѣляютъ лѣстницы отъ улицы и тѣмъ предупреждаютъ образованіе плохо провѣтриваемыхъ помѣщеній; вмѣсто закрытыхъ дворовъ устраиваютъ скверы, провѣтриваемые наружнымъ воздухомъ, и т. д. Внутренность квартиръ въ свою очередь устраивается такимъ образомъ, чтобы возможно лучше оберечь жилыя комнаты отъ газовъ, даваемыхъ кухней, и т. д. Въ послѣднее время стремятся еще индивидуализировать постройки въ отношеніи внѣшняго вида, матеріала и т. п., „придавать дешевымъ домамъ привѣтливый и красивый видъ и этимъ избѣжать жестокаго подчеркиванія разницы между жилищами богача и бѣдняка".

Послѣднія страницы своей книги авторъ посвящаетъ квартирному вопросу и строительнымъ обществамъ въ Россіи. Квартирный вопросъ не поставленъ въ Россіи достаточно остро лишь по причинѣ ея малокультурности, потому что условія обитанія несостоятельныхъ классовъ у насъ гораздо хуже, чѣмъ въ Западной Европѣ. „Даже такія богатѣйшія фабрики, какъ, напр., извѣстная Богородско-Глуховская Мануфактура, держатъ тысячи рабочихъ въ условіяхъ, исключающихъ всякую возможность достойнаго человѣческаго существованія". Въ мелкихъ же заведеніяхъ жилищныя условія прямо отвратительны и на горныхъ промыслахъ, напр., представляютъ „скорѣе звѣриное логовище, чѣмъ человѣческое жилье".

Объ условіяхъ обитанія массы населенія нашихъ городовъ почти не имѣется изслѣдованій, и этого одного достаточно для того, чтобы оцѣнить всю степень равнодушія общества къ квартирному вопросу, какъ соціальному, а не личному. Соотвѣтственно сказанному въ самомъ примитивномъ положеніи находится у насъ и вопросъ о борьбѣ съ жилищной нуждой. Авторъ насчиталъ всего нѣсколько десятковъ строительныхъ обществъ — благотворительныхъ и взаимопомощи—на всю Россію, но и эти общества не отличаются особенно энергичной дѣятельностью. Подробнѣе авторъ останавливается на „Товариществѣ борьбы съ жилищной нуждой", основанномъ въ 1902 г. по иниціативѣ Д. А. Дриля и прекрасно устроившемъ такъ-называемый Гаваньскій Городокъ въ Петербургѣ. Но и это общество жалуется на равнодушіе къ его дѣлу и публики, способной оказать ему содѣйствіе, и того слоя населенія, въ интересахъ котораго дѣйствуетъ общество. Авторъ не находитъ удивительнымъ такое отношеніе общества къ „Товариществу". „Не только въ Россіи, но и повсюду въ Европѣ и Америкѣ строительныя учрежденія такого типа не привлекли къ себѣ ни большихъ капиталовъ, ни широкаго общественнаго сочувствія... Повсемѣстно строительныя предпріятія только тогда проникаютъ въ толщу народныхъ массъ, когда они являются дѣломъ рукъ нуждающихся. Все, что дѣлается *для* народа, должно быть сдѣлано *черезъ* народъ—вотъ принципъ, положенный въ основу строительныхъ организацій на Западѣ".

VII.

— В. В. Краинскій. Община и кооперація. Очерки по исторіи крестьянскаго хозяйства въ Западной Европѣ и Россіи. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Разсматриваемая книга читается съ большимъ интересомъ, такъ какъ, при хорошемъ изложеніи, она трактуетъ очень интересный во-

просъ о значеніи общины и соотношеніи между общиной и кооперацiей и содержитъ интересныя мысли и сопоставленія. Авторъ построилъ цѣлое ученіе о происхожденіи земельной общины въ исторіи и соціальномъ ея значеніи въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Къ сожалѣнію, ученіе это не было результатомъ тщательнаго разбора матеріаловъ, касающихся соотвѣтствующихъ предметовъ. Въ части, болѣе или менѣе доступной компетенціи автора настоящей замѣтки, ученіе г. Краинскаго оказывается построеннымъ безъ фактовъ, вопреки фактамъ или путемъ самыхъ грубыхъ логическихъ пріемовъ, вродѣ аналогіи и заключенія отъ факта сосуществованія двухъ явленій къ ихъ причинной связи. Самые передѣлы общинной земли рисуются въ этомъ ученіи какъ послѣдствіе чуть ли не простого недоразумѣнія, и оказывается совершенно непонятнымъ, почему милліоны земледѣльцевъ въ Западной Европѣ упорно до сихъ поръ держатся старой системы мелкой черезполосицы или пополоснаго расположенія своихъ владѣній, относимой авторомъ къ категоріи общиннаго устройства. Авторъ спеціально трактуетъ объ общинѣ и исторіи крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Русская же научная литература объ общинѣ выяснила самыя мелкія детали этого учрежденія какъ въ ихъ statu quo, такъ и нерѣдко въ историческомъ развитіи. Авторъ же разсматриваемаго нами труда не только незнакомъ съ этой литературой, но и не знаетъ о ея существованіи. Г. Краинскій судитъ о русской литературѣ даннаго вопроса по иностраннымъ произведеніямъ и притомъ 60-хъ—70-хъ годовъ (какъ, напримѣръ, сочиненіе Мэна—„Древнѣйшая исторія учрежденій"), когда фактической матеріалъ о русской общинѣ былъ дѣйствительно очень скуденъ. Только этимъ предположеніемъ можно объяснить утвержденіе г. Краинскаго, что „въ русской литературѣ вопросъ о крестьянскомъ и общинномъ землевладѣніи имѣетъ исключительно полемическій характеръ", и что „со времени реформы 1861 г. мы имѣемъ лишь крестьянскую деревню, какъ поселеніе и пополосное пользованіе землей, числящейся при ней. Это все то, на чемъ построены всѣ дебаты, проекты и идеи о русской земельной общинѣ" (стр. 7, 9). При такой освѣдомленности въ вопросѣ, неудивительно, если авторъ основывается въ своихъ сужденіяхъ о фактическомъ состояніи общины на законодательныхъ нормахъ и оффиціальныхъ запискахъ.

Г. Краинскому неизвѣстна, повидимому, не только русская община, но и русская жизнь вообще. Ибо какъ иначе объяснять его положеніе, что поземельная община „доказала совершенную неспособность выдѣлять изъ себя элементы для колонизаціи и переселенія... и что въ Россіи переселеніе не имѣетъ характера естественнаго крестьянскаго движенія" (стр. 29); или что „площадь культивируемой земли

при трехпольи и общинныхъ угодьяхъ составляетъ едва 40% крестьянскихъ владѣній“ (стр. 131); что наши земскіе склады (сельскохозяйственныхъ принадлежностей) „имѣютъ главную и почти исключительную кліентуру среди помѣщиковъ“ (стр. 113); или что введеніе института земскихъ начальниковъ, т. е. „установленіе особаго административнаго института, замѣнившаго упраздненную власть помѣщиковъ“, было „вполнѣ логическимъ послѣдствіемъ желанія сохранить общинное землевладѣніе“ (стр. 135).

Г. Краинскій берется рѣшать такіе вопросы, какъ происхожденіе пополоснаго землепользованія и передѣловъ земель. Въ этомъ отношеніи ему могла сослужить большую службу богатая литература о сибирской общинѣ, образующейся, такъ сказать, на нашихъ глазахъ. Но изъ богатаго русскаго опыта онъ ссылается только на примѣръ терскихъ казаковъ и строитъ ученіе, находящееся въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что извѣстно о происхожденіи общинныхъ распорядковъ изъ наблюденій эволюціи сибирской общины. Авторъ утверждаетъ, что задачей первоначальныхъ поселеній была главнымъ образомъ расчистка новинъ, что расчистка совершалась коллективнымъ трудомъ, что это создавало коллективное право общинъ на землю, и „отвоеванный у природы участокъ дѣлился по числу рабочихъ семей“, такъ какъ отдѣльный общинникъ „не могъ указать на участокъ расчистки, отвоеванный у природы его личнымъ трудомъ“. „Такимъ образомъ, поземельная община представляется намъ первобытной ассоціаціей, созданной для захвата земли, и, какъ ассоціація, она имѣетъ основную цѣль—развитіе заимочнаго владѣнія“ (стр. 31). Полезная роль общины продолжается до тѣхъ поръ, пока расширеніе ея землевладѣнія не достигнетъ естественныхъ предѣловъ. Но община послѣ этого не упраздняется, какъ было бы желательно автору, а „переноситъ парцелляцію на общественныя земли и производитъ передѣлы всякій разъ, когда, при прежнихъ условіяхъ, пріобщала къ своимъ землямъ новый участокъ. Слѣдовательно, процессъ парцелляціи является здѣсь только сохраненіемъ обычая и примѣненіемъ нормъ первобытнаго права къ совершенно новымъ условіямъ производства“ (стр. 29). „Съ этого момента общины теряютъ физіономію ассоціаціи и становятся слабыми, косными хозяйственными организмами. Онѣ легко подпадаютъ подъ власть внѣшней силы и власти“ и служили „основнымъ базисомъ для развитія феодализма съ полнымъ порабощеніемъ населенія, неспособнаго оріентироваться въ новыхъ условіяхъ производства“ (стр. 31). Въ этой гипотезѣ, высказываемой безъ тѣни сомнѣнія, авторъ почерпаетъ основаніе для возраженія тѣмъ, „кто отождествляетъ понятіе о земельной общинѣ съ понятіемъ уравнительнаго землепользованія“. Такъ какъ введеніе передѣловъ было лишь

распространеніемъ обычая, выросшаго на почвѣ коллективнаго захвата земель, „вопреки новымъ условіямъ производства“ и въ основѣ ихъ лежитъ „не трудовое начало, а лишь традиціонное право участія въ общемъ наслѣдственномъ имуществѣ“, то они и „не имѣютъ въ себѣ ничего общаго съ уравнительнымъ землепользованіемъ“ (стр. 31—32).

Излишне, кажется, распространяться о томъ, что и факты колонизаціи лѣсныхъ территорій Европейской Россіи, и факты эволюціи общиннаго землевладѣнія въ Сибири приводятъ какъ разъ къ обратнымъ заключеніямъ. Заимка новыхъ пространствъ и приведеніе ихъ въ культурное состояніе совершаются, какъ общее правило, индивидуально; а общинное регулированіе пользованія суммою всѣхъ окультуренныхъ отдѣльными семьями участковъ введено въ видахъ уравненія малоземельныхъ членовъ общины съ многоземельными.

Къ произвольнымъ предположеніямъ, вмѣсто изученія и анализа фактовъ, авторъ прибѣгаетъ и для объясненія современныхъ явленій соціальной жизни Западной Европы. Основная мысль г. Краинскаго заключается въ томъ, что при существованіи общиннаго или только пополоснаго землевладѣнія невозможно ни улучшеніе крестьянскаго хозяйства, ни распространеніе сельско-хозяйственной коопераціи, играющей такую важную роль въ процессѣ развитія мелкаго земледѣлія. „Нѣтъ такой науки, которая допускала бы улучшеніе и интенсификацію земледѣлія при пополосномъ владѣніи“ (стр. 141). Пополосное владѣніе „порождаетъ антагонизмъ между парцельными владѣльцами и ведетъ къ узкому эгоизму въ борьбѣ за сохраненіе своихъ имущественныхъ интересовъ“ (стр. 103), препятствующему образованію союзовъ земледѣльцевъ для преслѣдованія разнаго рода хозяйственныхъ цѣлей. Первое положеніе опровергается, впрочемъ, самимъ авторомъ. Хотя Франція есть типическая страна мелкаго пополоснаго владѣнія, тѣмъ не менѣе крестьянское хозяйство здѣсь „процвѣтало и прогрессировало“ и превратило Францію „въ цвѣтущій садъ“. Можно было бы указать и на южно-германскія государства, гдѣ наблюдается одновременно и пополосность крестьянскаго землевладѣнія, и высокое состояніе крестьянскаго хозяйства. Второе утвержденіе г. Краинскаго находится въ бо̀льшемъ согласіи съ фактами. Наивысшее развитіе сельскохозяйственной коопераціи наблюдается въ странѣ (Даніи) съ отрубными крестьянскими участками, а во Франціи кооперація гораздо менѣе распространена, чѣмъ въ Германіи. Объясненіе перваго явленія завело бы насъ очень далеко; что же касается слабаго развитія сельскохозяйственной коопераціи во Франціи, объясняемаго г. Краинскимъ тѣмъ, что „въ силу борьбы за сохраненіе парцеллированныхъ угодій французскій крестьянинъ былъ индивидуалистомъ въ крайней степени и вся его энергія по-

глощалась этой борьбой“ (стр. 97), то мы прежде всего напомнимъ о маломъ развитіи коопераціи въ этой странѣ и внѣ области сельскаго хозяйства, причины чего, по мнѣнію французскихъ писателей, нужно искать въ слабой способности французовъ къ ассоціаціи... Много разъ поднимался даже вопросъ о томъ, „способна ли вообще французская раса понять и приспособиться къ какой бы то ни было другой формѣ ассоціаціи, кромѣ той, которая именуется государствомъ“ (Жидъ). Кромѣ того, самъ г. Краинскій указываетъ на то, что продукты французскаго земледѣлія поглощаются главнымъ образомъ льнопрядильнями, сахарными заводами и предпріятіями по выдѣлкѣ растительнаго масла; а эти „дорого стоющія предпріятія не могли, конечно, быть организованы на кооперативныхъ началахъ“ (стр. 97). Автору можно было бы указать, что и въ Германіи сельско-хозяйственная кооперація распространена особенно въ областяхъ (южныхъ) съ парцеллированными крестьянскими владѣніями.

Излишне, кажется намъ, пояснять, что отношеніе г. Краинскаго къ русской общинѣ—безусловно отрицательное. „Уничтоженіе общиннаго землевладѣнія является насущной демократической реформой настоящаго момента“ — такъ заканчиваетъ авторъ свою книгу. Но послѣ всего изложеннаго выше читатель, надѣемся, не признаетъ этотъ новый походъ на русскую общину особенно для нея опаснымъ.

VIII.

— Статистическій Справочникъ. Выпускъ I. Населеніе и землевладѣніе Россіи по губерніямъ и сравнительныя данныя по нѣкоторымъ европейскимъ государствамъ. Спб. 1906. Ц. 25 к.—Выпускъ II. Финансы. Спб. 1906. Ц. 30 к.—Выпускъ III. Промышленность добывающая и обрабатывающая въ Россіи и нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ. Спб. 1906. Ц. 40 к

Недавно въ нашемъ журналѣ данъ былъ отзывъ о трудѣ г. Зака: „Соціально-политическія таблицы“, заключающемъ статистическіе матеріалы по вопросамъ преимущественно хозяйственной жизни населенія различныхъ цивилизованныхъ государствъ. Изданіе этого труда, который обѣщаетъ повторяться ежегодно, казалось бы, дѣлаетъ излишнимъ „Статистическій Справочникъ“, посвященный въ общемъ тѣмъ же предметамъ. Въ дѣйствительности, однако, это не такъ, потому что послѣднее изданіе даетъ гораздо болѣе подробныя свѣдѣнія о хозяйственной жизни Россіи. Въ вышедшихъ трехъ выпускахъ „Справочника“ помѣщены данныя о населеніи, землевладѣніи, финансахъ, земледѣліи и индустріи; въ слѣдующемъ выпускѣ будутъ закончены таблицы промышленности и приведены свѣдѣнія о кредитѣ,

транспортѣ, торговлѣ, народномъ образованіи, преступности населенія и т. п.

Авторы „Статистическаго Справочника", гг. Дядиченко и Чермакъ, задались цѣлью „дать по возможности больше цифрового матеріала" и этимъ по возможности избавить читателя отъ необходимости искать мало доступные оффиціальные источники. Руководствуясь этой идеей, авторы включили въ свои таблицы такіе, напр., спеціальные предметы, какъ средній высѣвъ на десятину зерна или вѣсъ четверти различныхъ хлѣбовъ урожая опредѣленнаго періода; такія разновременныя и частью отрывочныя свѣдѣнія, какъ доходность крестьянской земли; такія сомнительной точности данныя, какъ вознагражденіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ старые годы, о которыхъ самъ источникъ, откуда заимствованы эти свѣдѣнія, говоритъ, что многообразные примѣнявшіеся имъ „искусственные пріемы для пополненія пробѣловъ въ извлеченныхъ изъ источниковъ матеріалахъ имѣли единственной цѣлью — возможность сочетанія однородныхъ губернскихъ данныхъ въ *раіонные итоги*"; между тѣмъ какъ въ „Справочникѣ" приводятся именно погубернскія, т.-е. наиболѣе сомнительныя цифры.

Преслѣдуя такъ настойчиво цѣль полноты содержанія „Справочника", авторы все-таки не достигли (да и не могли достигнуть) того, чтобы освободить читателя отъ необходимости обращенія къ первоисточникамъ, причемъ въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ вина этого лежитъ на составителяхъ. Въ вопросахъ сельско-хозяйственной промышленности, напр., авторы сами пользовались не первоначальными матеріалами, заключающимися въ періодическихъ изданіяхъ министерства земледѣлія и центральнаго статистическаго комитета, а сводными работами, вышедшими нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, по такимъ важнымъ предметамъ, какъ площадь посѣва, сборъ хлѣбовъ, количество домашняго скота, вознагражденіе труда и др., свѣдѣнія для пятидесяти губерній, сообщаемыя въ „Справочникѣ", не идутъ далѣе 1900 г., между тѣмъ какъ давно уже опубликованы данныя за послѣдующія пять лѣтъ (а теперь и за 1906 г.). Въ отдѣлѣ о занятіяхъ (вып. I) нѣтъ рубрики общественной службы (и даже не сказано, куда зачислены служащіе по выборамъ), не выдѣлены особо строительные рабочіе и прислуга; территорія Кавказа не раздѣлена на сѣверный и южный, составляющіе два совершенно различныхъ раіона, и т. д.

Составители „Справочника" задались, какъ намъ извѣстно, цѣлью сгруппировать какъ можно больше цифръ изъ различныхъ оффиціальныхъ источниковъ. Этимъ они слагаютъ съ себя отвѣтственность за вѣрность сообщаемыхъ ими данныхъ и какъ бы отказываются отъ критическаго отношенія къ послѣднимъ. Между тѣмъ, помимо оффи-

ціальныхъ сборниковъ, заключающихъ первоначальные матеріалы, которыми, независимо отъ того или другого ихъ достоинства, приходится пользоваться, потому что они — единственные въ своемъ родѣ, — авторы „Справочника“ извлекали для себя цифры изъ изданій, имѣющихъ совершенно особый характеръ, изданій, подобныхъ извѣстнымъ матеріаламъ коммиссіи объ оскудѣніи центра, — устанавливающихъ самостоятельно различныя цифры, не имѣя для этого прямыхъ данныхъ, а прибѣгая къ сложнымъ и подчасъ—какъ они сами сознаются—„искусственнымъ“ пріемамъ вычисленія. Такого рода цифры не должны бы попадать въ „Справочникъ“ иначе, какъ по спеціальной ихъ провѣркѣ и съ особой о томъ оговоркой. Нѣкоторыя таблицы разсматриваемаго изданія заставляютъ предполагать, что его составители, кромѣ того, недостаточно были внимательны къ матеріаламъ, которыми они пользовались. Такъ, въ таблицѣ о занятіяхъ (вып. I), въ отдѣлѣ сельскаго хозяйства заносятся безъ всякихъ поясненій цифры (перепись 1897 г.), относящіяся—что касается мелкихъ землевладѣльцевъ—не къ числу занятыхъ въ этой отрасли лицъ, а къ хозяйствамъ участковъ. Въ выпускѣ II „Справочника“, на стр. 69, стоитъ заголовокъ: „Общій ходъ выкупной операціи къ 1 января 1904 г.“; между тѣмъ какъ данныя этой таблицы относятся не ко всей операціи, а лишь къ выкупу земель бывшими помѣщичьими крестьянами, и источникъ, изъ котораго они заимствованы, даетъ возможность составить подобную же таблицу (безъ одной сравнительно не важной графы) для всѣхъ разрядовъ крестьянъ.

Сдѣланныя выше замѣчанія не должны служить препятствіемъ тому, чтобы признать трудъ гг. Дядиченко и Чермака весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ нашей бѣдной популярной статистической литературы. Мы называемъ это изданіе популярнымъ, потому что его цѣль заключается въ приближеніи къ читателю того матеріала, который очень мало ему доступенъ, но болѣе и болѣе привлекаетъ его, какъ статистическая основа для различныхъ общественно-экономическихъ соображеній и выводовъ. Въ „Справочникѣ“ заключено, дѣйствительно, очень много цифръ, а указанные выше его промахи—отъ каковыхъ, прибавимъ кстати, не свободны и многія оффиціальныя изданія—не обезцѣниваютъ всего труда. Эти недостатки, къ тому же, могутъ быть исправлены, а если въ послѣдующихъ выпускахъ будутъ, кромѣ того, сообщены новѣйшія данныя по важнѣйшимъ предметамъ (посѣвы, урожаи, переселенія, финансы и т. п.), то разсматриваемое изданіе пріобрѣтетъ ту свѣжесть матеріаловъ, какая нынѣ не во всемъ ему свойственна. Будемъ надѣяться, что составители выполнятъ и свое обѣщаніе приложить къ „Справочнику“ пояснительныя замѣчанія къ таблицамъ,—безъ которыхъ читатель, не привыкшій къ обращенію со

статистическими матеріалами, запутается въ массѣ цифръ,—и дадутъ, кромѣ того, оглавленіе, которое облегчило бы отысканіе нужнаго предмета и замѣнило бы отсутствіе во многихъ таблицахъ общихъ заголовковъ. — В. В.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Ананьинъ, С. А. — Софистъ, діалогъ Платона. Переводъ съ греческаго, съ истор.-лит. введеніемъ и замѣчаніемъ къ діалогу. Кіевъ. 907.

Анатолій, архимандритъ.—Индіане Аляски, бытъ и религія ихъ. Од. 907.

Анучинъ, В.—Сказанія. Спб. 907. Ц. 50 к.

Бальмонтъ, К.—Три расцвѣта. Драма. Театръ юности и красоты. Спб. 907.

Берендтсъ, Э. Н. — О государствѣ. Бесѣды съ юнкерами Николаевскаго кавалерійскаго училища въ 1906–7 учебномъ году. Вып. I. Спб. 908.

Берсъ, А. — Нравственность, какъ неминуемый продуктъ общественныхъ инстинктовъ (Дарвинизмъ въ этикѣ и роль религіи въ эволюціи этики). Спб. 908. Ц. 40 к.

——— Естественная исторія чорта, его рожденіе, жизнь и смерть. Спб. 908. Ц. 30 к.

Билимовичъ, Ал. — Землеустроительныя задачи и землеустроительное законодательство Россіи. Кіевъ. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Бородкинъ, М.—Исторія Финляндіи. Время императора Александра II. Съ портретами и иллюстраціями. Спб. 908.

Бруэръ.—Обыденныя явленія природы и жизни. Съ англ. Л. Богушевскій. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій, въ двѣнадцати томахъ, подъ ред. и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. VIII. Спб. 907. Стр. 535. Ц. 1 р. 25 к.

Бюхеръ, Карлъ.—Возникновеніе народнаго хозяйства. Публичныя лекціи и очерки. Перев. съ 5-го нѣм. изд. подъ ред. І. М. Кулишера. Вып. 2-й. Спб. 907. Ц. 75 к.

Варлаамъ, архим. — Ренанъ и его „Жизнь Іисуса“. 2-е изд. Полт. 907. Ц. 75 к.

Ватсонъ, М.—Библіотека итальянскихъ писателей: № 5. Джакомо Леопарди, съ его портретомъ. № 6. Витторіо Альфіери, съ его портр. Спб. 908. Всего 10 выпусковъ; отдѣльно выпускъ 50 к.

Ведекиндъ, Фр. — Фейерверкъ. Избранные разсказы. Съ нѣм. А. Ф. Л. Москва. 907. Ц. 60 к.

Владиміровъ, проф., Л. Е.—Курсъ уголовнаго права. Ч. I: Основы нынѣшняго уголовнаго права. М. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Германъ, Густавъ.—На высотѣ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Съ нѣм. О. Попова. Спб. 908. Ц. 50 к.

Головановъ, В. — Земельный вопросъ во второй Государственной Думѣ. Спб. 907. Ц. 20 к.

Горемыкинъ, И. Л.—Аграрный вопросъ. Нѣкоторыя данныя къ обсужденію его въ Государственной Думѣ. Спб. 907.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Томъ девятый: Начала русскаго

государственнаго права. Ч. III: Органы мѣстнаго управленія. Въ приложеніи біографическій очеркъ съ портретомъ автора. Спб. 907. Ц. 4 р.

Грановскій, Л. Б.—Общественное здравоохраненіе и капитализмъ. Туберкулезъ, алкоголизмъ, венеризмъ, нервность—и условія борьбы съ ними. М. 907. Ц. 35 к.

Данилевскій, М. Г.—Историческій романъ (1853—56 гг.). По неизданнымъ документамъ. Спб. 908. Ц. 1 р.

Денисюкъ, Н.—Гр. А. К. Толстой, его время, жизнь и сочиненія. М. 907. Ц. 30 к.

——— Критическая литература о произведеніяхъ гр. А. К. Толстого. Съ портр. и біограф. очеркомъ. Вып. 1 и 2. М. 907. Ц. 1 р.

Діонео.—На темы о свободѣ. Сборникъ статей. Съ иллюстраціями. Ч. I и II. Спб. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Дружининъ, А. Н. — Промысловый налогъ и акціонерныя предпріятія. Кіевъ. 907.

Загоскинъ, Н. П., заслуж. проф. — Исторія Имп. Казанскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія. 1804 — 1904. Т. IV. Окончаніе части третьей (1819—1827). Каз. 1904.

Зудерманъ, Г.—Розы. Четыре одноактныя пьесы. Перев. О. Н. Чюминой. Спб. 908. Ц. 75 к.

Елпатьевскій, К. В.—Учебникъ русской исторіи съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя именъ. 11-ое изд. Спб. 908. Ц. 1 р. 40 к.

Жбанковъ, Д. Н.—Библіографическій Указатель по общественной медицинской литературѣ за 1890—1905 гг. М. 907. Ц. 2 р. 25 к.

Каблуковъ, Н.—Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Очерки по экономіи землевладѣнія и земледѣлія. М. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Клеманъ-де-Грандпре.—Паденіе Портъ-Артура. Переводъ съ франц. и примѣчанія Генер. Штаба полковника Хвостова. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Клингеръ, Максъ.—Живопись и рисунокъ. Съ нѣм. перев. Е. Л. Спб. 907. Ц. 50 к.

Кондратьевъ, д-ръ, А. П. — Краткій курсъ военной гигіены, со включеніемъ правилъ подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и на полѣ сраженія. Съ 167 рис. Изд. 4-е. Спб. 907. Ц. 1. р. 25 к.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. I: Введеніе и Общая часть. Изд. 6-е. Подъ ред. и съ дополн. Э. Авалова. М. Горенберга и К. Соколова. Спб. 908. Ц. 3 р. 50 к.

Кремлевъ, Ан. Н.—Давидъ, царь Іудейскій. Историческая хроника въ 5 д. Спб. 908. Ц. 75 к.

Кульманъ, Н. К. Къ исторіи масонства въ Россіи. Кишиневская ложа. Спб. 907.

Левитскій, В. — Къ вопросу объ экономическомъ значеніи крупныхъ и мелкихъ заводско-земледѣльческихъ хозяйствъ. Харьк. 907. Ц. 30 к.

Лозинскій, С.—Національный вопросъ и политическія партіи въ Австріи. Книгоиздательство „Серпъ". Спб. 907. Стр. 83. Ц. 20 к.

Лютинау, Францъ.—Естественная и соціальная религія. Спб. 908. Ц. 1 р.

Мельгуновъ, С. — Гдѣ выходъ? Крушеніе надеждъ и междоусобная война. Спб. 907. Ц. 15 к.

Мельшинъ, Л. (П. Ф. Якубовичъ).—Н. А. Некрасовъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Съ портретомъ Н. Некрасова. Спб. 907. Ц. 25 к.

Мережковскій, Д.—Вѣчные спутники. Маркъ Аврелій и Плиній Младшій. 3-е изд. Спб. 907. Ц. 30 к.

Михаилъ, архим., редакторъ-издатель. — Свобода и христіанство. Т. I: „Христосъ въ вѣкъ машинъ". Вопросы религіи и общественной жизни. Спб. 907.

Моритцъ, М.—Сборка и установка морскихъ паровыхъ машинъ. Перев. М. Кудреватаго. Спб. 907. Ц. 1 р. 40 к.

Наживинъ, Ив.—Въ долинѣ скорби. М. 907. Ц. 1 р.

Неводничанскій, И.—Матеріалы къ выясненію взаимоотношеній уральскихъ казаковъ и киргизъ-кайсаковъ. Спб. 907.

Озеровъ, П. Я. — Что такое общество потребителей, какъ его основать и вести. 2-е изд. М. 908. Ц. 35 к.

Пеніонжкевичъ, К. — Систематическій сборникъ задачъ по элементарной физикѣ. Курсъ средн. учебн. заведеній. Вып. II: Теплота, свѣтъ, звукъ, магнетизмъ, электричество. Од. 907. Ц. 1 р.

Полієвктовъ, М. — Балтійскій вопросъ въ русской политикѣ, послѣ Ништадтскаго мира. 1721—1725. Спб. 907. Ц. 2 р.

Прокоповичъ, С.—Рабочее движеніе въ Германіи. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Пыпинъ, А. Н.—Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изд. 2-е, съ дополн. и примѣч. Спб. 908. Ц. 3 р. 50 к.

Ромакришно, Т.—Падмини. Разсказъ изъ индійской жизни. Перев. подъ ред. С. Сыромятникова. Спб. 907. Ц. 40 к.

Саводникъ, В.—Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка. Ч. I и II. Изд. 3-ье. М. 907. Ц. 1 р. 35 к. и 1 р. 25 к.

Слонимскій, Л.—О монархіи. Изд. „Политической энциклопедіи". Спб. 907. Стр. 89. Ц. 40 к.

Сорель, Жоржъ.—Соціальные очерки современной экономіи. Дегенерація капитализма и дегенерація соціализма. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Съ итальян. Г. Кирдецовъ. М. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Станюковичъ, Вл.—Путевой Альбомъ. Спб. 907. Ц. 75 к.

Терешинъ, С. Я.—Курсъ физики для студентовъ-медиковъ. Съ 588 рис. и съ таблицею спектровъ. Спб. 908. Ц. 5 р.

Тормазовъ, С. — Загадка куренія: I — II. Объясненіе куренія. III. Вредъ. IV. Борьба съ нимъ и его эволюція въ будущемъ. Спб. 907. Ц. 30 к.

Фейербахъ, Л. — О дуализмѣ и безсмертіи. Съ нѣм. Н. Алексѣева. Спб. 908. Ц. 50 к.

Фойницкій, И. Я. — Курсъ уголовнаго права. Часть особенная: Посягательства личныя и имущественныя. 5-ое изд. Спб. 907. Ц. 3 р.

Штильманъ, Г.—Внѣ-парламентское законодательство въ конституціонной Россіи. Ст. 87-ая Осн. Гос. Зак. Спб 908. Ц. 25 к.

Өедоровъ, А.—Стихи. Спб. 908. Ц. 1 р.

— Sprawa gubernii Chełmskiej. Dokument Urzędowy. Krakow. 907. Ц. 50 к.

— *Troubetzkoï*, prince Grégoire. La politique Russe en Orient. Le schisme bulgare. (Extrait de la Revue d'histoire diplomatique). Paris. 907. Стр. 71.

— Библіографическій Сборникъ. Обзоръ литературы по новѣйшей исторіи Западной Европы. Вып. I: Франція. И. Бороздинъ.—Англія, М. Берданосовъ.— Германія, В. Перцовъ. № 2. М. 907. Ц. 35 к.

— Вліяніе колонизаціи на киргизское хозяйство. Спб. 907.

— Декабристы. Матеріалы для характеристики. Подъ ред. П. М. Головачева. Изд. М. Зензинова. М. 907. Ц. 1 р.

— Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. 1906—1907 гг. Годъ 12-ый. Кіевъ. 907.

— Журналы засѣданій Совѣта Имп. Новороссійскаго университета за весеннее полугодіе 1907 года. Одесса. 907.

— Журналы Тверского очередного губернскаго земскаго собранія, сессіи 1906 года. Тв. 907.

— Законодательные проекты и предположенія партіи народной свободы. 1905—1907 гг. Подъ ред. Н. Астрова, Ѳ. Кокошкина, С. Муромцева, П. Новгородцева и кн. Д. Шаховского. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

— Золотое Слово вселенскаго учителя нынѣшнему вѣку. Избранныя бесѣды св. Іоанна Златоуста. Къ 1500-лѣтію со дня кончины Святителя, съ изображеніемъ Святителя. Спб. 907. Ц. 60 к.

— Извѣстія Спб. Политехническаго Института. Т. VII: Отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ. Вып. 1 и 2. Спб. 907.

— Изданіе Товарищества „Знаніе":—1) С. Юшкевичъ, Король, пьеса въ 4-хъ дѣйств. Ц. 60 к. — 2) Густавъ Флоберъ, Искушеніе св. Антонія, съ франц. Б. Зайцевъ. Ц. 30 к.—3) С. Найденовъ. Т. I: Пьесы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.— 4) П. Кропоткинъ, Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. Съ англ. В. Батуринскій. Спб. 907. Ц. 1 р.

— Матеріалы для оцѣнки земель Саратовской губерніи. Вып. III: Сѣвообороты и системы полеводства. Ч. I: Крестьянское хозяйство. Сар. 906.

— Матеріалы для оцѣнки земель Харьковской губерніи. Старобѣльскій уѣздъ. Вып. III: Доходность крестьянской пашни. Харьк. 907.

— Московское Общество народныхъ университетовъ. Секція народной средней школы. 1906—7 учебный годъ. М. 907. Ц. 40 к.

— Особый Наказъ Судебнымъ установленіямъ Спб. Столичнаго мирового округа 1907 г. Спб. 907.

— Отчетъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея имени имп. Александра III въ Москвѣ за 1906 годъ. М. 907.

— Отчетъ Общества попеченія о молодыхъ дѣвицахъ въ С.-Петербургѣ. 1906 годъ (девятый). Спб. 907.

— Отчетъ Тверской губернской земской управы за 1905 г. Тв. 907.

— Памяти декабристовъ, съ 40 фотографіями и рисунками. Ц. въ бумажной папкѣ 3 р., въ коленкор.—4 р.

— Религія и Церковь въ свѣтѣ научной мысли и свободной критики. Вып. 1: В. Вреде, Павелъ (ап.). Вып. 2: Изъ исторіи ранняго христіанства. Сборникъ статей Гарнака, Велльгаузена, А. Юлихера. Съ нѣм. Н. Никольскій. М. 907. Ц. 35 и 90 к.

— Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся переговоровъ по заключенію Рыболовной Конвенціи между Россіей и Японіей. Августъ 1906—іюль 1907. Изд. мин. иностр. дѣлъ. Спб. 907.

— Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губерніи за 1906 г. Вып. 2. Сарат. 907.

— Статистическій Справочникъ. Вып. III: Промышленность добывающая и обрабатывающая въ Россіи и нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ. Спб. 908. Ц. 40 к.

— Таинственныя приключенія Шерлока Холмса, знаменитаго сыщика. Вып. 1: Поимка Джека, убійцы женщинъ. М. 907. Ц. 15 к.

— Факты и мысли. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1907 г.

Начало парламентской сессіи въ Пруссіи.—Новый законопроектъ противъ польскаго землевладѣнія.—Узко-національная политика и ея результаты.—Вопросъ о прусской избирательной реформѣ.—Засѣданія имперскаго сейма.—Проектъ германскаго закона о союзахъ.—Пребываніе императора Вильгельма II-го въ Англіи.

Прусскій парламентъ очень похожъ на нашу третью государственную думу: онъ также состоитъ главнымъ образомъ изъ помѣщиковъ и капиталистовъ, имѣетъ также подавляющее консервативно-реакціонное большинство, подобранное искусственно при помощи односторонней избирательной системы, и также относится отрицательно или по меньшей мѣрѣ равнодушно къ соціально-политическимъ интересамъ и требованіямъ трудящихся массъ.

Но какая разница, однако, въ общемъ положеніи дѣлъ! Прусское правительство не потерпѣло никакого „Седана“, а напротивъ, продолжаетъ успѣшно пользоваться плодами прежнихъ побѣдъ; политическій режимъ Пруссіи не подвергалъ государства случайностямъ придворной авантюристской политики, не доводилъ его до позора внѣшнихъ пораженій и катастрофъ, до разгрома арміи и гибели флота. Прусское правительство не имѣетъ за собою Мукдена и Цусимы; оно не является въ роли подсудимаго предъ лицомъ страны, не носитъ на себѣ тяжкой отвѣтственности за ея разореніе, и потому оно не лишено права говорить съ авторитетомъ отъ имени государственной власти, которая въ общемъ дѣйствовала разумно, осторожно и разсчетливо. Консерватизмъ прусскаго парламента и правительства не вызванъ желаніемъ извратить смыслъ событій и подавить общественное мнѣніе; онъ не явился результатомъ спеціальныхъ мѣръ, связанныхъ съ нарушеніемъ основныхъ законовъ, а установился естественно, подъ вліяніемъ общаго довѣрія къ честности и добросовѣстности правящихъ. Прусское правительство не нарушало никакихъ торжественныхъ обѣщаній и обязательствъ; оно не измѣняло избирательнаго закона для того, чтобы обезпечить себѣ большинство въ парламентѣ, а напротивъ, законъ этотъ остался въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ изданъ болѣе полувѣка тому назадъ. Оттого политическая жизнь въ Пруссіи протекаетъ спокойно, безъ потрясеній и безпорядковъ, несмотря на несоотвѣтствіе между устарѣлымъ государственнымъ строемъ и назрѣвшими потреб-

ностями народа, и внутренняя борьба происходитъ мирно, на почвѣ строгой законности.

Послѣдняя сессія прусскаго земскаго сейма, полномочія котораго кончаются весною будущаго года, открылась 26-го ноября (нов. ст.) чтеніемъ тронной рѣчи, заключающей въ себѣ мало утѣшительнаго для прогрессивныхъ партій. „Вся сущность этой рѣчи—какъ говоритъ умѣренный „Berliner Tageblatt"—сводится къ лозунгу: больше налоговъ и меньше народныхъ правъ! Правительство хочетъ брать, но не давать. Если бы Пруссія имѣла дѣйствительное народное представительство, то такое притязаніе было бы встрѣчено презрительнымъ смѣхомъ. Нынѣшняя „chambre introuvable" найдетъ вполнѣ естественнымъ это распредѣленіе правъ и обязанностей, — а именно, чтобы правительству даны были всѣ права, а народу—всѣ обязанности. Могутъ ли либеральныя партіи измѣнить что-нибудь въ этомъ печальномъ положеніи вещей—остается спорнымъ; тѣмъ болѣе должны онѣ стремиться къ тому, чтобы обстоятельства измѣнились въ Пруссіи, и чтобы подобная палата не возвращалась вновь".

Между прочимъ, правительство дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ въ узконаціональной борьбѣ противъ поляковъ и польскаго землевладѣнія. „Какъ показываетъ развитіе мѣстныхъ условій въ восточныхъ провинціяхъ монархіи, — сказано въ концѣ тронной рѣчи, — законныя полномочія правительства недостаточны для дѣйствительной охраны и укрѣпленія нѣмецкаго населенія въ этихъ областяхъ. Правительство вынуждено поэтому требовать расширенія своихъ полномочій и предложить на ваше разсмотрѣніе возвѣщенные въ этомъ смыслѣ еще въ прошлую сессію законопроекты. Оно убѣждено, что можетъ разсчитывать на полное содѣйствіе обѣихъ палатъ сейма въ этомъ серьезномъ національномъ вопросѣ". Внесенный вслѣдъ затѣмъ въ палату депутатовъ „проектъ закона о мѣрахъ къ укрѣпленію нѣмецкаго элемента въ восточной Пруссіи и Познани" отличается необыкновенною суровостью и находится въ прямомъ противорѣчіи съ основными началами гражданскаго права. Дѣло идетъ о принудительномъ отчужденіи имуществъ не для пользы всего государства и не для передачи земель крестьянамъ, а для замѣны существующихъ туземныхъ владѣльцевъ другими, пришлыми, единственное преимущество которыхъ заключается въ принадлежности ихъ къ господствующей національности. Прусскіе подданные польскаго происхожденія не признаются полноправными гражданами, и правительство ставитъ себѣ цѣлью вытѣснить ихъ изъ числа землевладѣльцевъ, поставивъ на ихъ мѣсто истинно-нѣмецкихъ людей. Коммиссія для устройства нѣмецкихъ поселеній среди польскихъ земель, учрежденная въ 1886 году по проекту Бисмарка, предназначалась для покупки продаваемыхъ польскихъ имѣ-

ній въ видахъ перепродажи ихъ по участкамъ въ руки нѣмецкихъ крестьянъ, для чего образованъ былъ особый фондъ изъ средствъ государственнаго казначейства;—въ этомъ не было еще ничего обиднаго для поляковъ или несправедливаго по существу, такъ какъ успѣхъ предпринятаго дѣла зависѣлъ отъ состоянія земельнаго рынка и отъ доброй воли продавцовъ; теперь же пускается въ ходъ принудительная сила государства, чтобы заставить польскихъ владѣльцевъ очистить мѣсто для нѣмцевъ. Поселенческій фондъ усиливается сразу на триста милліоновъ марокъ; сверхъ того, ассигнуется пятьдесятъ милліоновъ на пріобрѣтеніе болѣе крупныхъ помѣстій съ тѣмъ, чтобы продавать ихъ цѣликомъ въ нѣмецкія руки въ видѣ рентныхъ имѣній. Право принудительнаго отчужденія дается государству королевскимъ указомъ въ предѣлахъ точно обозначенныхъ мѣстностей; въ указѣ же назначается срокъ, въ теченіе котораго это право должно быть осуществлено. Вопросъ объ опредѣленіи мѣстностей, къ которымъ примѣняется право отчужденія, рѣшается для каждой провинціи при участіи совѣта изъ пяти довѣренныхъ лицъ, избранныхъ на три года провинціальнымъ собраніемъ; право быть избраннымъ въ этотъ совѣтъ имѣетъ всякій самостоятельный и полноправный обыватель германской имперіи, достигшій тридцати лѣтъ,—кромѣ только мѣстныхъ административныхъ и полицейскихъ чиновниковъ. Послѣ того какъ совѣтъ той или другой изъ обѣихъ провинцій разсмотрѣлъ заключеніе поселенческой коммиссіи, предсѣдатель послѣдней назначаетъ тотъ участокъ земли, который подлежитъ отчужденію въ силу предоставленныхъ коммиссіи правъ; это рѣшеніе доводится до свѣдѣнія собственника особой повѣсткою и публикуется въ оффиціальной правительственной газетѣ. Собственникъ и всякій, имѣющій какое-либо право по отношенію къ данному имѣнію, можетъ оспаривать рѣшеніе предсѣдателя поселенческой коммиссіи; предъявленный споръ разрѣшается министрами земледѣлія, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Отчужденіе распространяется не только на самое имѣніе, но и на его принадлежности, если не постановлено иначе. Собственникъ отчуждаемой земли получаетъ полное вознагражденіе наличными деньгами; оцѣнка производится на основаніи общихъ правилъ объ отчужденіи частныхъ имуществъ для государственныхъ надобностей.

Мотивы этого законопроекта, изложенные въ длинной вступительной рѣчи прусскаго министра-президента, князя Бюлова, производятъ тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ, не ослѣпленныхъ узкимъ національзмомъ. Государство, имѣющее въ своемъ составѣ милліоны подданныхъ разныхъ національностей, не можетъ и не должно превращаться въ орудіе спеціальныхъ корыстныхъ стремленій и интересовъ господствующей народности; оно не должно отнимать какія-либо права у

одной части населенія для доставленія несправедливыхъ выгодъ другой, болѣе многочисленной его части, если оно не желаетъ ослабить внутреннюю силу и единство страны; оно не можетъ и не должно становиться на почву національной нетерпимости и угнетенія, если оно претендуетъ на самостоятельную роль въ міровой политикѣ. Узко-національное государство, отвергающее всякіе инородные элементы или осуждающее ихъ на безправіе, закрываетъ для себя путь къ широкому свободному развитію, ставитъ свою будущность въ тѣсныя рамки и заранѣе лишаетъ себя права распространять свою власть на чужія племена и территоріи. Германская имперія, построенная на такихъ началахъ, никогда не достигнетъ мірового значенія Великобританіи и останется лишь ограниченною, національною, а не міровою державою; она не будетъ оказывать притягательное дѣйствіе на сосѣднія страны, каковы бы ни были успѣхи ея культуры, и не привлечетъ симпатій чужихъ народовъ, какъ не избѣгнетъ и внутренней національной борьбы, глухого недовольства и взаимнаго раздраженія среди различныхъ элементовъ своего населенія. Нынѣшняя прусско-германская политика, опирающаяся на традиціи великой эпохи національнаго объединенія, находится, очевидно, на ложномъ пути; она въ данномъ случаѣ оказывается слишкомъ мелочною, недальновидною и неразсчетливою.

Объясненія князя Бюлова по польскому вопросу были, вѣроятно, убѣдительны для большинства нѣмецкихъ патріотовъ; они указывали, съ одной стороны, на достигнутые уже благопріятные результаты, а съ другой—на крайнюю необходимость новыхъ, болѣе рѣшительныхъ шаговъ въ томъ же направленіи. Поселенческою коммиссіею до конца прошлаго года было пріобрѣтено всего около 326 тысячъ гектаровъ и изъ нихъ роздано 134 тысячи; устроено 315 новыхъ нѣмецкихъ поселковъ съ сотней тысячъ жителей; ежегодно прибавляется около 50 вновь основанныхъ деревень и населеніе увеличивается приблизительно на двѣнадцать тысячъ душъ. Только за послѣднія шесть лѣтъ прибавилось до 9.000 нѣмецкихъ крестьянскихъ и рабочихъ семействъ. Срочные платежи вносятся поселенцами исправно; такъ, за послѣдній годъ осталось за ними въ недоимкѣ менѣе одного процента общей суммы рентныхъ взносовъ. Поселенческіе участки твердо держатся въ рукахъ пріобрѣтателей; съ 1886 года только десятая доля этихъ хозяйствъ перемѣнила владѣльцевъ, въ томъ числѣ естественнымъ путемъ наслѣдованія. Однако, польскій элементъ въ Познани возросталъ еще въ большей степени, вопреки всѣмъ преградамъ, и въ общемъ соперничество обѣихъ народностей было не въ пользу нѣмцевъ. Польское населеніе росло сильнѣе нѣмецкаго; польское землевладѣніе не сокращалось въ своемъ составѣ, и то, что теря-

лось въ одномъ мѣстѣ, возмѣщалось новыми покупками въ другомъ. Крупнымъ успѣхомъ для нѣмцевъ считалось уже поддержаніе равновѣсія въ дальнѣйшемъ ростѣ обѣихъ народностей; правительство оказывало нѣмецкимъ поселенцамъ всякія льготы, устраивало для нихъ ипотечные и ссудные банки, способствовало урегулированію долговыхъ обязательствъ и поддерживало постепенное культурное развитіе и упроченіе старыхъ и новыхъ нѣмецкихъ хозяйствъ. Такое же спеціальное покровительство предполагается въ будущемъ распространить и на нѣмецкое населеніе городовъ въ обѣихъ польскихъ провинціяхъ. Эта задача охраны и поддержанія своей національности, по словамъ канцлера, все болѣе входитъ въ общее сознаніе нѣмцевъ не только въ восточныхъ областяхъ, не только въ Пруссіи, но и во всей имперіи. Чувствуется—продолжалъ князь Бюловъ,—„что это дѣло касается цѣлой націи. Если бы правительство отказалось отъ этой политики, оно встрѣтило бы рѣшительный протестъ крупнѣйшей и далеко не худшей части нѣмецкаго народа... О системѣ истребленія по отношенію къ полякамъ не можетъ быть и рѣчи. Острое орудіе отчужденія будетъ служить намъ не для нападенія, а для обороны. Не съ нѣмецкой, а съ польской стороны ведется политика вытѣсненія... По статистическимъ даннымъ, за одиннадцать лѣтъ, съ 1896 по 1906 годъ, въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, не менѣе ста тысячъ гектаровъ перешло изъ нѣмецкихъ рукъ къ полякамъ. Мы должны непрерывно идти впередъ, чтобы доставить перевѣсъ нѣмецкому землевладѣнію надъ польскимъ и разъ навсегда уничтожить надежды на отторженіе этихъ провинцій отъ прусскаго государства“.

Само собою разумѣется, что ссылка Бюлова на опасныя будто бы мечты о возстановленіи Польши сдѣлана лишь для подкрѣпленія аргументовъ другого рода, не имѣющихъ ничего общаго съ заботами внѣшней политики. Въ дѣйствительности патріотическія традиціи и мечтанія прусскихъ поляковъ замѣтно подчинялись вліянію нѣмецкой культуры и постепенно утрачивали свою активную силу и энергію, пока ихъ не задѣвали и не раздражали нѣмецкіе патріоты; польскій патріотизмъ въ Познани возродился и окрѣпъ только послѣ того какъ нѣмецкое національное чувство приняло боевой наступательный характеръ. Политика принудительнаго отчужденія, примѣненная спеціально къ полякамъ, неизбѣжно заставитъ ихъ ненавидѣть Пруссію, усилитъ ихъ сплоченность и внутреннюю солидарность въ борьбѣ противъ угрожающихъ имъ опасностей и приведетъ къ обостренію племенного антагонизма въ странѣ, гдѣ существовала полная возможность мирнаго внутренняго развитія и культурнаго сліянія равноправныхъ народностей.

Передовыя либеральныя партіи и весь сознательный рабочій классъ въ Пруссіи единодушно высказываются противъ политики правительства по польскому вопросу; но оппозиція безсильна при дѣйствіи старой извращенной системы представительства, дающей незначительному меньшинству населенія обезпеченное большинство въ прусскомъ парламентѣ. При нынѣшнихъ условіяхъ прусскій земскій сеймъ вовсе не отражаетъ собою господствующаго настроенія страны. Коренная реформа избирательнаго права является поэтому настоятельною потребностью современной Пруссіи и служитъ предметомъ постоянныхъ разсужденій въ прогрессивной нѣмецкой печати; между тѣмъ объ этомъ насущномъ вопросѣ ничего не сказано въ тронной рѣчи, и правительство, конечно, не думаетъ добровольно отрекаться отъ великихъ преимуществъ, связанныхъ съ возможностью всегда располагать послушнымъ большинствомъ въ палатѣ депутатовъ. Нѣмецкіе либералы и свободомыслящіе горько жалуются иногда на судьбу, но неспособны предпринять что-либо для достиженія желательной перемѣны; могущественная въ народѣ соціалъ-демократическая партія долго ограничивалась пропагандою своихъ идей и общими теоретическими спорами, уклоняясь отъ активнаго участія въ текущихъ законодательныхъ вопросахъ, и между прочимъ упорно бойкотировала прусскіе парламентскіе выборы, — но въ послѣднее время она все сильнѣе переходитъ на сторону реальной политики, направленной прежде всего къ реформѣ прусскаго избирательнаго права. Это тяготѣніе къ реальнымъ политическимъ цѣлямъ особенно ясно сказалось на недавнемъ партійномъ съѣздѣ прусской соціалъ-демократіи въ Берлинѣ. Вопросъ о созданіи въ Пруссіи правильнаго народнаго представительства, къ которому открытъ былъ бы свободный доступъ пролетаріату, вызвалъ горячія пренія, закончившіяся 22 ноября принятіемъ слѣдующей резолюціи: „Прусская палата депутатовъ есть исключительное представительство владѣющихъ классовъ. Дѣятельность ея до сихъ была въ преобладающей мѣрѣ зловредна, реакціонна и враждебна народу. Основаніе этого классоваго господства заключается главнымъ образомъ въ существующей трехъ-классной системѣ, въ силу которой 85 процентовъ избирателей изъ низшихъ классовъ имѣютъ только половину правъ, принадлежащихъ 15 процентамъ высшихъ классовъ. Плодотворная, содѣйствующая культурѣ и прогрессу, разсчитанная на участіе рабочихъ классовъ дѣятельность прусскаго парламента возможна только послѣ введенія всеобщаго, равнаго, прямого избирательнаго права и тайнаго голосованія всѣхъ гражданъ старше двадцати лѣтъ, безъ различія пола, на основахъ пропорціональности. Партійный съѣздъ требуетъ отъ прусскихъ товарищей, чтобы они неустанно вели энергическую агитацію для

отмѣны существующаго избирательнаго права, составляющаго позоръ для прусскаго народа. Члены партіи обязываются всѣми доступными организованному пролетаріату цѣлесообразными средствами бороться противъ ничтожнѣйшей и постыднѣйшей изъ избирательныхъ системъ и не успокоиться до тѣхъ поръ, пока эта цѣль не будетъ достигнута". Съѣздъ принялъ также резолюцію протеста противъ всякаго ограниченія правъ поляковъ и инородцевъ.

Въ имперскомъ сеймѣ, несмотря на консервативный составъ его большинства, преобладаетъ другой, болѣе свободный духъ, чѣмъ въ прусской палатѣ депутатовъ, и это замѣтно отражается не только на характерѣ преній и тонѣ министерскихъ рѣчей, но и на содержаніи вносимыхъ правительствомъ законопроектовъ. Присутствіе боевой фаланги представителей рабочаго класса, которыхъ нѣтъ въ прусскомъ сеймѣ, даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу; они вносятъ въ парламентскія занятія убѣжденную страстность партійной борьбы и заставляютъ правительство внимательно прислушиваться къ требованіямъ и нуждамъ трудящагося населенія.

Въ засѣданіи 25 ноября обсуждался, напримѣръ, запросъ соціалъ-демократовъ о средствахъ противодѣйствія непомѣрному возвышенію цѣнъ на предметы первой необходимости. Мотивируя этотъ запросъ, депутатъ Шейдеманъ представилъ въ своей рѣчи цѣлый обвинительный актъ противъ экономической политики правительства и солидарныхъ съ нимъ промышленно-землевладѣльческихъ группъ. Первые предвѣстники хозяйственнаго кризиса — говорилъ Шейдеманъ — имѣются на лицо. „Пищевые продукты вздорожали за послѣднее десятилѣтіе болѣе чѣмъ на 30 процентовъ, а нѣкоторые, какъ мясо, — даже на 60 процентовъ. Консерваторы утверждаютъ, что въ этомъ виноваты либеральные мясники и мясные торговцы, а либералы обвиняютъ консервативныхъ сельскихъ хозяевъ, владѣльцевъ свиней и убойнаго скота. Но дороговизна есть несомнѣнное послѣдствіе преступной аграрной политики. Тѣ самые господа, которые стараются какъ можно шире открыть границы для привлеченія иностранныхъ рабочихъ, дѣлаютъ эти границы какъ можно болѣе тѣсными, когда дѣло идетъ о ввозѣ дешеваго мяса. Здѣсь практикуется систематически организованный грабежъ относительно нѣмецкаго населенія для пользы и наживы крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ странѣ, вынужденной питаться иноземнымъ хлѣбомъ, даются еще преміи тѣмъ, которые вывозятъ хлѣбъ, — это — скандальное положеніе вещей! Совершенно невѣрно, что аграрныя таможенныя пошлины полезны для сельскаго хозяйства: послѣднее терпитъ отъ нихъ только ущербъ, а выгоды имѣетъ только крупное

землевладѣніе. Это хищничество аграріевъ даетъ хорошую иллюстрацію къ ихъ словамъ о любви къ отечеству или высокомъ патріотизмѣ. Они просто грабятъ нѣмецкій народъ и посылаютъ хлѣбъ за-границу, чтобы съ жадностью проглатывать вывозныя преміи. Такъ же точно поступаютъ и промышленники, продающіе свои пушки подешевле иностраннымъ государствамъ, чтобы наши солдаты удобнѣе разстрѣливались въ случаѣ войны. Умѣренные либералы соединились съ консерваторами для лучшаго обезпеченія совмѣстнаго грабежа; а гдѣ мы видимъ грабежъ, тамъ должны быть и грабители. Этихъ господъ можно назвать шайкою разбойниковъ. Если политика новѣйшаго „блока“ сводится къ соединенію либераловъ съ аграріями для облегченія грабежа, то весь этотъ блокъ есть не что иное, какъ лучше одѣтая шайка разбойниковъ. Вся разница между нами и пресловутымъ блокомъ заключается въ томъ, что блокъ видитъ свою задачу въ требованіи новыхъ средствъ на пушки и броненосцы, или на орудія убійства, тогда какъ мы требуемъ средствъ для жизни. Слѣдовало бы немедленно пріостановить взиманіе всѣхъ пошлинъ на продукты, необходимые для питанія“.

Рѣзкіе отзывы оратора о „грабителяхъ“ и о „разбойничьей шайкѣ“ нисколько не безпокоили президента, графа Штольберга, и вызывали какъ будто веселое настроеніе на скамьяхъ правой и центра; никто не раздражался суровыми нападками соціалъ-демократическаго оратора, и споръ принялъ чисто-дѣловое, серьезное направленіе, при послѣдовательномъ участіи представителей разныхъ парламентскихъ группъ. Новый имперскій министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Бетманъ-Голльвегъ, въ подробной отвѣтной рѣчи, имѣвшей характеръ весьма содержательнаго и обстоятельнаго доклада, изложилъ разнообразныя фактическія данныя объ условіяхъ земледѣльческаго и промышленнаго хозяйства, которыми поддерживается дороговизна пищевыхъ продуктовъ, и добросовѣстно разобралъ всѣ доводы и заключенія интерпеллянта, безъ малѣйшаго оттѣнка предвзятой партійности; онъ доказывалъ, что экономическая политика правительства охраняетъ интересы не только крупнаго, но и мелкаго землевладѣнія и земледѣлія, и что въ частности пріостановка взиманія таможенныхъ пошлинъ доставила бы наибольше выгодъ спекулянтамъ и причинила бы огромный вредъ всему народному хозяйству, безъ прочнаго облегченія потребителей. Депутатъ Резике, одинъ изъ руководителей знаменитаго „союза сельскихъ хозяевъ“, подкрѣпилъ указанія министра категорическимъ заявленіемъ, что насущные интересы крестьянства безусловно требуютъ сохраненія высокихъ таможенныхъ пошлинъ на сельскохозяйственные продукты и что объ отмѣнѣ или пониженіи этихъ пошлинъ не можетъ быть и рѣчи. Прогрессисты и свободомыслящіе по-

очередно выступали съ возраженіями одновременно противъ доводовъ соціалъ-демократіи и противъ экономической политики правительства и аграріевъ; наиболѣе интересную рѣчь въ этомъ смыслѣ произнесъ извѣстный пасторъ Науманъ. Продолжительныя пренія не привели, конечно, ни къ какому непосредственному результату, но выяснили вопросъ съ различныхъ сторонъ и только лишній разъ подчеркнули то обстоятельство, что принципіальный антагонизмъ между соціалъ-демократіей и передовыми либералами является важнѣйшей преградой на пути плодотворныхъ внутреннихъ реформъ; между тѣмъ этотъ антагонизмъ кажется иногда чѣмъ-то искусственнымъ и могъ бы во многихъ случаяхъ уступить мѣсто соглашенію для совмѣстнаго дѣйствія по отдѣльнымъ практическимъ вопросамъ, если бы духъ компромисса не отвергался такъ рѣшительно и безплодно теоретиками и проповѣдниками соціализма.

Въ засѣданіи 28 ноября, при обсужденіи имперскаго бюджета, затронуты были тѣ же спорные вопросы внутренней политики, и не только либералы, но и консерваторы развивали такіе взгляды, которымъ не могли не сочувствовать и соціалъ-демократы. Предводитель партіи центра, депутатъ Шпанъ, выразилъ пожеланіе, чтобы въ Пруссіи установилась по меньшей мѣрѣ такая же политическая свобода, какая существуетъ въ государствахъ южной Германіи, и чтобы прусское правительство не прибѣгало къ мѣропріятіямъ, подобнымъ законопроекту противъ поляковъ. „Принудительное отчужденіе — говорилъ депутатъ Шпанъ — представляетъ собою недопустимое вмѣшательство въ область частныхъ правъ, противорѣчащее гражданскому кодексу. О польскомъ движеніи можно думать какъ угодно, но видѣть въ немъ опасность для цѣлости имперіи, для цѣлости Пруссіи, нельзя“. Нѣкоторыя замѣчанія оратора о процессѣ Мольтке-Гардена, о распущенности аристократіи и о придворной камарильѣ дали канцлеру поводъ коснуться этихъ щекотливыхъ темъ. Князь Бюловъ энергически заступился за высшее сословіе, отрицалъ существованіе извращенныхъ нравовъ въ арміи и совѣтовалъ не вѣрить преувеличеннымъ и злостнымъ выдумкамъ; „я самъ—прибавилъ онъ—сдѣлался предметомъ позорныхъ клеветъ и нелѣпыхъ, возмутительныхъ подозрѣній“. Искорененіе пороковъ, по его словамъ, больше всего озабочиваетъ монарха, который по чистотѣ своей семейной жизни можетъ служить образцомъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Что касается камарильи, то въ прошломъ она несомнѣнно играла большую и нерѣдко пагубную роль при германскихъ дворахъ, но „по отношенію къ современности— къ эпохѣ императора Вильгельма II—было бы несправедливо говорить о кружкѣ безотвѣтственныхъ закулисныхъ совѣтниковъ“. Конечно,— продолжалъ канцлеръ,—„попытки отдѣльныхъ лицъ пріобрѣсть влія-

ніе встрѣчаются повсюду, въ каждой фракціи, въ каждой семьѣ, въ каждой фирмѣ; но каковъ долженъ быть монархъ, чтобы около него могла развиться камарилья, которая оказывала бы вліяніе на ходъ дѣлъ? Ибо камарилья безъ вліянія не есть вообще камарилья. Первое условіе успѣшнаго насажденія этого ядовитаго цвѣтка—несамостоятельность монарха и отчужденность его отъ общества. Нашему монарху дѣлались разные упреки, такъ какъ всякаго человѣка можно въ чемъ-либо упрекать. Но что онъ избѣгаетъ сношеній съ людьми и что онъ не имѣетъ своей собственной воли,—этого еще никто о немъ не сказалъ. Пора уже отбросить всѣ эти сплетни и толки о камарильѣ и отнести ихъ всецѣло къ прошлому"...

Впрочемъ, для каждаго ясно, что опроверженія канцлера не устраняютъ общеизвѣстныхъ фактовъ и не ослабляютъ ихъ значенія. Понятно, что монархъ съ самостоятельной волей и съ собственнымъ умомъ, часто мѣняющій свое мѣстопребываніе и привыкшій встрѣчаться съ людьми разнаго ранга и положенія, будетъ имѣть другую камарилью, чѣмъ тотъ, кто живетъ уединенно, тщательно оберегаемый отъ соприкосновенія съ своимъ народомъ; но камарилья можетъ процвѣтать въ обоихъ случаяхъ, ибо для нея нужно одно только условіе—исключительно высокое положеніе и могущество центральной фигуры, къ которой имѣютъ свободный доступъ только немногія избранныя личности или фавориты. Въ теченіе многихъ лѣтъ роль такого фаворита при Вильгельмѣ II игралъ князь Филиппъ Эйленбургъ, и группировавшійся около него интимный кружокъ имѣлъ всѣ признаки вліятельной и прочной камарильи. Эйленбургу приписывалось рѣшающее участіе въ канцлерскихъ и министерскихъ перемѣнахъ еще со временъ Бисмарка; онъ же, какъ говорятъ, способствовалъ возвышенію самого Бюлова, и канцлеръ не могъ забыть объ этомъ обстоятельствѣ, если оно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Камарилья всегда приспособляется къ личности монарха, къ его достоинствамъ и слабостямъ;—самостоятельность его воли скажется въ прочности его привязанностей и привычекъ, въ упорствѣ его заблужденій и ложныхъ взглядовъ, тогда какъ безхарактерность и замкнутость жизни приводятъ къ неустойчивости всей придворной политики, къ частымъ внезапнымъ перемѣнамъ и къ господству необъяснимыхъ случайностей и противорѣчій. Опасность этихъ условій для государства парализуется лишь свободными парламентскими учрежденіями и отвѣтственнымъ предъ ними министерствомъ,—какъ показываетъ примѣръ Англіи, гдѣ приближенные друзья и фавориты короля Эдуарда VII могутъ вліять только на его личныя развлеченія, а никакъ не на его оффиціальныя дѣйствія и заявленія.

Въ германскій имперскій сеймъ внесенъ правительствомъ 25 ноября проектъ закона о союзахъ, который можно назвать весьма либеральнымъ. „Всѣ принадлежащіе къ имперіи—какъ гласитъ первый параграфъ—имѣютъ право образовывать союзы и собираться для цѣлей, не противорѣчащихъ уголовнымъ законамъ". Никакихъ ограниченій относительно числа участниковъ, ихъ пола и возраста, не предполагается, и это составляетъ важное нововведеніе сравнительно съ дѣйствующими до сихъ поръ правилами. По мѣстнымъ законамъ Пруссіи и многихъ другихъ германскихъ государствъ женщины не допускаются къ участію въ союзахъ политическаго характера и не могутъ присутствовать на собраніяхъ такихъ союзовъ; теперь признается въ этомъ отношеніи принципъ равноправности для лицъ обоего пола. Устраненіе несовершеннолѣтнихъ предоставляется родителямъ, опекунамъ и учебному начальству, и такимъ образомъ полиція избавляется отъ необходимости контролировать возрастъ участниковъ союзовъ и ихъ собраній. Каждый союзъ, имѣющій своимъ предметомъ дѣятельность въ области общественныхъ дѣлъ, долженъ имѣть правленіе и опредѣленное помѣщеніе; правленіе обязано въ теченіе недѣли со времени основанія союза сообщить мѣстному полицейскому вѣдомству списокъ своихъ членовъ и адресъ союза; о каждой перемѣнѣ состава и мѣстопребыванія правленія слѣдуетъ также сообщать въ теченіе недѣли. Кто желаетъ устроить публичное собраніе для обсужденія общественныхъ дѣлъ, долженъ заявить объ этомъ полиціи по крайней мѣрѣ за 24 часа до начала собранія, съ указаніемъ мѣста и времени; при выборахъ въ политическія корпораціи срокъ для заявленія сокращается до двѣнадцати часовъ. Центральное управленіе страны или области можетъ установить, при какихъ условіяхъ не требуется предварительныхъ заявленій для собраній, о которыхъ своевременно доведено до свѣдѣнія публики, съ соблюденіемъ указанныхъ сроковъ. Публичныя собранія подъ открытымъ небомъ допускаются не иначе какъ съ письменнаго разрѣшенія полиціи; тоже самое примѣняется къ процессіямъ, имѣющимъ проходить по улицамъ и площадямъ. Разрѣшеніе должно быть испрошено по меньшей мѣрѣ за 48 часовъ до начала собранія или процессіи, съ указаніемъ времени и мѣста; обычныя похоронныя или свадебныя шествія не нуждаются въ разрѣшеніи. Каждое собраніе должно имѣть своего руководителя; послѣдній или, при его отсутствіи, устроитель отвѣчаетъ за спокойствіе и порядокъ въ собраніи и уполномочивается объявить собраніе закрытымъ. Никто не долженъ являться на общественное собраніе или публичную процессію съ оружіемъ, если онъ не имѣетъ на это права или обязанности по службѣ. Самый спорный пунктъ законопроекта касается языка, обязательнаго для публичныхъ собраній: всѣ разсужденія и пренія должны вестись по-нѣмецки; исклю-

ченія допускаются только съ разрѣшенія центральнаго вѣдомства страны или государства. Это ограниченіе будетъ особенно чувствительно для поляковъ, польскихъ ремесленниковъ и рабочихъ, которые окажутся такимъ образомъ фактически лишенными права, принадлежащаго всѣмъ нѣмецкимъ обывателямъ; здѣсь чувствуется тотъ же духъ національной нетерпимости и недовѣрія, которымъ проникнутъ законопроектъ о польскомъ землевладѣніи. Полиція можетъ посылать двухъ уполномоченныхъ на каждое публичное собраніе; уполномоченные имѣютъ право предъявить руководителю или, при отсутствіи его, устроителю собранія требованіе о закрытіи его, съ указаніемъ законныхъ къ тому основаній, а именно: если нужное разрѣшеніе не было получено; если отказано въ допущеніи уполномоченныхъ отъ полицейскаго вѣдомства; если не удалены вооруженные, незаконно присутствующіе на собраніи, и наконецъ, если по требованію уполномоченныхъ не отнято слово у ораторовъ, въ заявленіяхъ которыхъ усмотрѣнъ составъ преступленія или проступка, или которые, вопреки запрещенію, говорятъ на чужомъ языкѣ. За нарушеніе изложенныхъ правилъ назначается денежный штрафъ въ размѣрѣ до 600 марокъ, замѣняемый арестомъ для неимущихъ, или же арестъ на извѣстные сроки.

Можно предвидѣть заранѣе, что нѣкоторые параграфы этого законопроекта возбудятъ серьезныя пререканія и возраженія въ имперскомъ сеймѣ, особенно по вопросу объ обязательности нѣмецкаго языка; но въ общемъ выработанныя правительствомъ постановленія въ достаточной мѣрѣ обезпечиваютъ свободу союзовъ и собраній въ предѣлахъ Германской имперіи, тѣмъ болѣе, что, при свойственной нѣмецкимъ административнымъ властямъ добросовѣстности, нельзя ожидать произвола или личнаго усмотрѣнія въ истолкованіи отдѣльныхъ статей закона.

Нѣмецкая печать придавала большое значеніе недавней поѣздкѣ императора Вильгельма II въ Англію и связывала съ этимъ путешествіемъ разные политическіе планы въ смыслѣ взаимнаго сближенія и соглашенія обѣихъ странъ; но англійскія газеты, повидимому, не раздѣляли подобныхъ ожиданій и относились къ событію довольно равнодушно, такъ какъ онѣ отлично знаютъ, что британская политика не зависитъ отъ разъѣздовъ и свиданій царственныхъ особъ. Германскій императоръ съ супругой прибылъ въ Портсмутъ 11-го ноября на яхтѣ „Гогенцоллернъ", въ сопровожденіи выѣхавшаго ему на встрѣчу принца Уэльскаго; въ Виндзорскомъ замкѣ и затѣмъ въ Лондонѣ имъ былъ устроенъ торжественный пріемъ, состоялись обычные парадные обѣды и банкеты, произносились застольные спичи

болѣе или менѣе дипломатическаго содержанія, и остальное свободное время посвящалось различнымъ празднествамъ и главнымъ образомъ охотѣ. Оба монарха по обыкновенію обмѣнивались оффиціальными фразами о мирѣ и дружбѣ обѣихъ націй, причемъ Вильгельмъ II отличался особымъ краснорѣчіемъ и обнаруживалъ спеціальный интересъ къ общимъ вопросамъ культуры и просвѣщенія; спеціальная депутація отъ оксфордскаго университета, съ лордомъ Керзономъ во главѣ, поднесла ему почетный дипломъ на степень доктора гражданскаго права, что̀ дало императору поводъ произнести довольно интересную рѣчь о великомъ значеніи умственныхъ и научныхъ успѣховъ для политическаго могущества и процвѣтанія народовъ. На банкетѣ у лондонскаго лорда-мэра онъ выразился, между прочимъ, что считаетъ своею главною заслугою твердое сохраненіе мира между государствами, и что для этой цѣли онъ всегда старался поддерживать добрыя взаимныя чувства между націями; особенную же важность онъ придаетъ довѣрчивымъ отношеніямъ между Англіею и Германіею, въ чемъ безусловно солидаренъ съ нимъ нѣмецкій народъ.

Въ сношеніяхъ съ иностранными державами Вильгельмъ II всегда говоритъ и дѣлаетъ именно то, что̀ нужно для интересовъ Германской имперіи, и съ этой точки зрѣнія его новѣйшія миролюбивыя манифестаціи заслуживаютъ полнаго вниманія; но англичане не упускаютъ изъ виду его настойчивыхъ и неустанныхъ стремленій къ созданію сильнаго военнаго флота, и они помнятъ также, что главными противниками проектовъ сокращенія вооруженій на Гаагской конференціи мира были германскіе уполномоченные. Поэтому было бы слишкомъ наивно дѣлать серьезные практическіе выводы изъ успокоительныхъ увѣреній и заявленій, относящихся къ будущему; одно только несомнѣнно, что въ настоящее время прочный дружескій миръ съ Великобританіею составляетъ безусловную необходимость для Германіи, съ точки зрѣнія Вильгельма II.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— *Octave Mirbeau.* „La 628. E. 8“. Paris, 1908. (E. Fasquelle).

Октавъ Мирбо, авторъ „Дневника горничной“ и „Дурныхъ пастырей“—рѣзкій обличитель современной Франціи. Врагами французской буржуазіи были, казалось бы, въ достаточной мѣрѣ, Зола̀ и Мопассанъ. Но Октавъ Мирбо вноситъ нѣчто новое въ свое отношеніе къ нравамъ культурной Франціи и къ идейному міру, опредѣляющему эти нравы. Онъ не скорбитъ объ утраченныхъ добродѣтеляхъ добраго стараго времени, о плохомъ патріотизмѣ буржуа, о разлагающемся семейномъ началѣ, о паденіи нравственности во всѣхъ отношеніяхъ, какъ писатели натуралистической школы, которые въ своихъ общественныхъ идеалахъ стояли за твердые принципы гражданственности и возмущались только нарушеніемъ этихъ принциповъ въ нравахъ буржуазнаго общества. Самобытность Октава Мирбо—въ томъ, что онъ подвергаетъ критикѣ самые эти принципы и въ своихъ идеалахъ склоняется къ анти-общественности, къ анархическому индивидуализму, понимая это слово, конечно, не въ политическомъ, а въ идейно-нравственномъ смыслѣ. Октавъ Мирбо—одинъ изъ немногихъ убѣжденныхъ враговъ общественности въ современной Франціи, и въ этомъ смыслѣ онъ ближе къ анархистамъ, чѣмъ, напримѣръ, Зола̀, примыкавшій скорѣе къ соціализму. Октавъ Мирбо обличаетъ не только буржуазное общество, но касается того, что̀ до сихъ поръ считалось неприкосновеннымъ: національная гордость, историческое прошлое, патріотизмъ—все это подвергается въ его произведеніяхъ необычайно смѣлой разрушительной критикѣ.

Октавъ Мирбо хорошо знаетъ свою Францію. Онъ уже не молодъ. Ему 64 года, и за нимъ долгое административное прошлое: онъ былъ су-префектомъ при Наполеонѣ III и знаетъ, какъ живетъ и какъ управляется страна. Несмотря на свои годы, Мирбо кажется молодымъ, благодаря своей необычайной живости. Высокій, стройный, съ умнымъ, нѣсколько сухимъ лицомъ, съ холодными, но часто вспыхивающими негодованіемъ глазами, съ быстрыми движеніями, онъ производитъ въ личной бесѣдѣ впечатлѣніе не столько художника, какъ вѣчно негодующаго борца. И таковъ онъ въ своей литературной и общественной дѣятельности. Мирбо стоитъ всегда въ рядахъ общественныхъ протестантовъ, всегда ведетъ противъ кого-нибудь рѣзкую полемику и считается однимъ изъ самыхъ талантливыхъ современ-

ныхъ публицистовъ. Его острое, безпощадное въ нападкахъ перо создало ему не мало враговъ; но при возникающихъ у него часто столкновеніяхъ по разнымъ общественнымъ вопросамъ, онъ почти всегда выходитъ побѣдителемъ, обладая всѣми качествами, нужными для литературной борьбы, въ особенности даромъ тонкой ироніи.

Послѣ длиннаго ряда литературныхъ произведеній, романовъ, въ которыхъ критика нравовъ („Дневникъ горничной"), изобличеніе французскаго духовенства („Себастьянъ Рокъ") чередовались съ анализомъ современной психологической извращенности („Садъ пытокъ"), послѣ сатирическихъ драмъ, каковы его знаменитая пьеса „Рабы наживы" (Les affaires sont les affaires) и „Дурные пастыри", гдѣ сказалось критическое отношеніе автора къ вожакамъ соціализма, вышла теперь въ свѣтъ новая, очень оригинальная книга Мирбо подъ заглавіемъ „628. E. 8". Это заглавіе—нумеръ автомобиля, на которомъ Мирбо совершилъ путешествіе по Бельгіи, Германіи и Голландіи. Книгу эту нельзя причислить къ литературѣ путевыхъ замѣтокъ или путевыхъ дневниковъ, потому что въ ней гораздо больше личнаго элемента, общихъ разсужденій автора по разнымъ поводамъ, чѣмъ объективныхъ свѣдѣній о странахъ, по которымъ онъ путешествовалъ. Но это именно и составляетъ очень большой интересъ книги Мирбо. Въ непринужденной передачѣ смѣняющихся впечатлѣній Мирбо говоритъ объ основахъ французской національной жизни, сравнивая ее съ жизнью другихъ странъ, и высказываетъ истины о Франціи, быть можетъ впервые высказываемыя съ такой смѣлостью и откровенностью устами француза. Чрезвычайно интересны именно эти сравнительныя сужденія о французахъ, нѣмцахъ, бельгійцахъ и голландцахъ, затѣмъ очень рѣзкая характеристика бельгійскаго короля Леопольда, а также нѣмецкаго „сверхъ-императора" Вильгельма, интересна глава о погромахъ въ Россіи, въ которой старый еврей, отплывающій изъ Антверпена въ Америку, разсказываетъ Мирбо о пережитыхъ имъ ужасахъ.

Мирбо—восторженный сторонникъ научнаго прогресса. Одно изъ завоеваній науки, или, вѣрнѣе, примѣненій науки къ удобствамъ жизни, особенно его восхищаетъ—это автомобиль. Его радуетъ возможность путешествовать со скоростью желѣзныхъ дорогъ, но безъ ихъ неудобствъ, и дѣйствительно знакомиться со странами, чрезъ которыя проѣзжаешь, а не мчаться по нимъ въ загороженныхъ клѣткахъ, не входя въ соприкосновеніе съ людьми и жизнью. Мирбо мечтаетъ о демократизаціи этого способа передвиженія, пока еще доступнаго лишь очень богатымъ людямъ, и думаетъ, что въ изобрѣтеніи автомобиля лежитъ залогъ будущаго дѣйствительнаго сближенія между народами, истиннаго космополитизма, который долженъ разрушить національную замкнутость и національные предразсудки всѣхъ странъ.

На него самого автомобиль, очевидно, уже произвелъ желанное дѣйствіе, хотя, вѣроятно, тутъ дѣйствовали, помимо автомобиля, причины болѣе внутренняго свойства, т.-е. самая природа писателя, его образъ мыслей. Но во всякомъ случаѣ—фактъ, что Мирбо, судя по этой книгѣ, совершенно свободенъ отъ узкаго патріотизма и слѣпого націонализма. Онъ говоритъ, что причина этому—автомобиль. Въ такомъ случаѣ автомобиль—дѣйствительно мощное орудіе духовной культуры.

Мирбо полонъ благодарности къ этому изобрѣтенію. Въ очень остроумномъ предисловіи онъ посвящаетъ книгу фабриканту Шарону, у котораго пріобрѣтена его машина. Онъ какъ бы извиняется за то, что своей книгой дѣлаетъ ему рекламу, и разсказываетъ по этому случаю, какъ собственникъ буржуазной газеты „Journal", въ которой онъ писалъ много лѣтъ, запрещалъ ему высказываться по поводу какихъ бы то ни было полезныхъ научныхъ открытій и изобрѣтеній—такъ какъ это дѣло платной рекламы и составляетъ доходъ газеты. А на вопросъ Мирбо, о чемъ же можно писать свободно, не лишая собственника газеты доходовъ за дорого оплачиваемую рекламу, издатель, подумавъ, сказалъ: „о порнографіи". Вотъ широкая область, въ которой онъ охотно предоставляетъ сотрудникамъ полную свободу. Эта пикантная подробность газетныхъ нравовъ очень интересна—и для Россіи. Мирбо возмущается тѣмъ, что можно хвалить сколько угодно скверныя книги и скверныя картины, но нельзя, безъ подозрѣнія въ корыстномъ рекламированіи, отдать дань благодарности практическому изобрѣтенію, увеличивающему удобство и радость жизни. Нарушая обычай, Мирбо открыто хвалитъ фабриканта за совершенство испробованной имъ въ далекомъ путешествіи машины, и заканчиваетъ свое восхищеніе перечисленіемъ всѣхъ благодѣяній автомобиля. „Я могу примириться съ мыслью—говоритъ онъ,—что у меня отнимутъ мои книги и картины,—но не съ тѣмъ, чтобы я лишился автомобиля". Автомобиль для Мирбо—вѣчно раскрытая новая книга, сокровищница знанія и удовольствія, которыя стоитъ только потрудиться воспринять,—вѣчно обновляющаяся галерея картинъ, живыхъ и неожиданныхъ, неизсякаемый источникъ для мысли и чувства.

Мирбо подробно и интересно разсказываетъ въ своей книгѣ исторію недавно развившагося автомобильнаго спорта. Онъ описываетъ среду темнаго дѣлового люда, въ томъ числѣ и опустившихся титулованныхъ аристократовъ, которые при возникновеніи автомобильнаго спорта эксплуатировали его на манеръ разныхъ другихъ темныхъ промысловъ. Онъ раскрываетъ любопытныя профессіональныя тайны, разсказываетъ, какъ въ гаражахъ обучали шоффёровъ ловко портить механизмъ съ цѣлью выгодныхъ для нихъ самихъ и для фабрикантовъ починокъ, какъ надували автомобильныхъ собственниковъ, пугая

ихъ техническими терминами, заставляя ихъ платить по фантастическимъ счетамъ—только для того, чтобы не сознаться въ своемъ невѣжествѣ и произносить передъ другими мудреныя автомобильныя слова, помощью которыхъ ихъ обирали. Мирбо разсказываетъ забавные анекдоты о чванствѣ богатыхъ буржуа, которые становятся рабами своихъ шофферовъ изъ желанья казаться опытными спортсменами. Очень потѣшна исторія французской семьи, которую Мирбо встрѣчаетъ на бельгійской границѣ. Семья ѣдетъ въ Брюссель на плохой машинѣ — и вдругъ шофферъ заявляетъ, что нельзя ѣхать дальше, такъ какъ „сцѣпленіе не дѣйствуетъ". Хозяинъ ничего не понимаетъ, жена его и взрослыя дѣти невѣжественны, а шофферъ сыплетъ терминами, говоритъ о „карбураторѣ", „скоростяхъ" и т. д., и заставляетъ взбѣшенныхъ хозяевъ остаться тутъ, на границѣ, — или поѣздить нѣсколько дней по желѣзной дорогѣ, пока онъ отправится въ Парижъ и починитъ автомобиль въ гаражѣ. Въ эксперты для рѣшенія вопроса, дѣйствительно ли машина не годится, призываютъ шоффёра Мирбо, Броссета, и онъ подтверждаетъ послѣ осмотра, что невозможно продолжать путешествіе, не поправивъ машину въ Парижѣ. А потомъ Мирбо узнаетъ отъ своего шоффёра, что вся эта исторія—выдуманная, что машина была въ полномъ порядкѣ, но шоффёръ—ревнивецъ, который хотѣлъ съѣздить въ Парижъ, чтобы накрыть свою жену—и надулъ съ этой цѣлью „своихъ буржуа". „Имъ подѣломъ,— прибавляетъ Броссетъ. — Нельзя же быть такими невѣжественными дураками". И про своего Броссета, и о его привычкахъ къ ловкому хозяйничанью бензиномъ и масломъ въ дорогѣ, а также о другихъ его профессіональныхъ уловкахъ Мирбо разсказываетъ много забавныхъ подробностей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ восхищается спеціальными качествами, выработанными его ремесломъ: остротой зрѣнія, умѣньемъ какъ птица оріентироваться въ пространствѣ и любовью къ машинѣ, къ которой онъ привязанъ, какъ къ живому существу. Онъ предпочитаетъ побѣды надъ пространствомъ побѣдамъ надъ женскими сердцами, и радости автомобилиста—всякимъ удовольствіямъ осѣдлой городской жизни. Броссетъ — новый типъ, созданный развитіемъ матеріальной культуры, типъ полуинтеллигента съ развитымъ и свободнымъ умомъ, но съ преобладаніемъ практичности и свободолюбія надъ совѣстливостью и сердечными эмоціями.

Психологія автомобилизма, описанія новой общественной касты, созданной имъ, различныхъ типовъ этой касты, типовъ эксплуататоровъ и жертвъ—составляютъ фабулу книги Мирбо, ея повѣствовательный элементъ,—очень интересный, такъ какъ эта сторона современной культурной жизни, сильно развивающаяся въ послѣднее время, если и не у насъ пока, то во всей западной Европѣ, еще не отразилась

до сихъ поръ въ литературѣ. А Мирбо такъ талантливо и живо изображаетъ вторженіе автомобиля въ жизнь, измѣнившіеся подъ его вліяніемъ нравы значительной части французскаго общества, что живо заинтересовываетъ своими описаніями и забавными бытовыми сценами.

Но преимущественное значеніе книги—не въ этомъ. Интересно главнымъ образомъ то, что̀ Мирбо разсказываетъ и высказываетъ по поводу разныхъ путевыхъ впечатлѣній. Въ книгѣ его много блестящихъ и смѣлыхъ сужденій о національной французской жизни и о народностяхъ, съ которыми онъ сталкивается въ путешествіи, и безпристрастность этихъ сужденій поражаетъ въ французскомъ писателѣ. Французы искони отличаются замкнутостью своего національзма, культомъ своей національной славы — и Мирбо является въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Его книга проникнута протестомъ противъ всѣхъ традицій исторической и національной гордости, и онъ говоритъ своимъ соотечественникамъ много горькихъ истинъ въ лицо.

Очень поучительна въ этомъ отношеніи глава, посвященная впечатлѣніямъ, которыя авторъ вынесъ изъ посѣщенія стариннаго города Рокруа. Это знаменитая крѣпость временъ Людовика XIV, городъ великаго Кондэ; тамъ Кондэ разбилъ испанцевъ. Но теперь Рокруа—забытое мѣсто, стоящее въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, и только капризъ автомобилиста завелъ Мирбо въ мертвый городъ, гдѣ ничто не напоминаетъ о великомъ прошломъ. Размышляя о времени величія Рокруа, Мирбо даетъ оригинальную характеристику „великой эпохи" и проводитъ столь же оригинальную параллель съ современной Франціей. Приводимъ эту страницу, заслуживающую особаго вниманія:

„Честные и проницательные историки — говоритъ Мирбо — начинаютъ теперь заново изучать исторію этого отвратительнаго вѣка, который продолжаютъ называть въ демократическихъ школахъ и либеральныхъ салонахъ великимъ вѣкомъ. Право, намъ нечего стыдиться нашего времени, хотя его стыдятся академіи, строгія хранительницы лжи минувшихъ вѣковъ. Что̀ представляютъ изъ себя наши пороки, наша развращенность, наша продажность, наши жалкія маленькія панамы, если сравнить ихъ съ пороками, развратомъ, продажностью, предательствами знаменитаго двора, который все еще выставляется какъ образецъ чести, патріотизма, изящества и добродѣтели? Дѣтскія шалости, не болѣе... Мысли мои перенеслись съ благодарнымъ умиленіемъ къ нашимъ славнымъ радикаламъ и радикаламъ-соціалистамъ, которые, какъ тогдашняя знать, составляютъ теперь привилегированное сословіе — то, которое во всѣ времена, подъ разными названіями, но съ одинаковыми аппетитами, тянется все къ той же приманкѣ—къ почестямъ и деньгамъ... Какіе они всѣ славные и какъ я ихъ люблю!.. Они учтивы, любезны, сдержанны въ

публичномъ проявленіи своихъ страстей, не любятъ скандаловъ, которые всегда уродливы, избѣгаютъ слишкомъ шумныхъ интригъ, зная, что онѣ иногда опасны. Они—превосходные патріоты, твердые капиталисты, ловкіе посредники между сбереженіями и банками, твердые въ своихъ принципахъ собственники, и потому кто бы лучше, чѣмъ они, могъ охранять безсмертные принципы общественной сохранности, распредѣлять съ большей справедливостью манну бюджета между крупными аферами, которымъ они покровительствуютъ, и мелкими потребностями бѣдняковъ? Кромѣ того, они благовоспитанны, благопристойны и добродѣтельны, обладаютъ среднимъ развитіемъ, которое дѣлаетъ ихъ способными ко всѣмъ блестящимъ и выгоднымъ среднимъ должностямъ; они обладаютъ и утонченностью манеръ, которая дѣлаетъ общеніе съ ними пріятнымъ и предохраняетъ отъ досадныхъ сюрпризовъ; привычка къ выборнымъ кампаніемъ сблизила ихъ съ народомъ и научила даже самыхъ хмурыхъ изъ нихъ относиться благожелательно и просто къ низшимъ... До чего они выигрываютъ, если сравнить ихъ, одѣтыхъ въ черные сюртуки, съ вельможами, разодѣтыми въ шолкъ и кружева, грубыми и наглыми, невѣждами и ворами, лакеями и сводниками, хваленое изящество которыхъ заключалось въ томъ, что они рыгали другъ другу въ лицо, давали аудіенціи, совершая интимныя подробности туалета, ѣли неопрятно, пачкая лицо соусами, разводили—занимаясь, сами того не зная, бактереологіей—грязь подъ своими париками, и были ходячими очагами нечистотъ, распространяющими по корридорамъ Версаля, Медона, Люксембурга неистребимый запахъ мускуса и неопрятнаго тѣла... Эти ревностные слуги монархіи и религіи только то и дѣлали, что торговали своими должностями, всячески грабили казну, плутовали въ карты, приводили своихъ женъ, своихъ дочерей, своихъ любовницъ въ альковъ короля, своихъ сыновей—къ знаменитымъ содомитамъ королевской династіи. Ихъ рыцарская гордость считала большей честью, чѣмъ сражаться на полѣ брани — сражались они, впрочемъ, какъ львы — оказывать комнатныя услуги королю... Чудовищное и зловонное царствованіе, которое своей неопрятностью и своимъ грубымъ развратомъ возбуждаетъ чувство дурноты... Ни великолѣпіе дворцовъ, ни прелесть садовъ и парковъ, ни слава Ларошфуко, Паскаля, Лабрюйера, Корнеля, Расина, Мольера, ни мощный созидательный геній Кольбера, ни — что выше и прекраснѣе всего этого — обличительная сила признаній и портретовъ безсмертнаго Сенъ-Симона не могутъ загладить позоръ и преступленія этого царствованія".

Въ этой исторической характеристикѣ и въ этой параллели ярче всего сказался разрывъ Мирбо съ прошлымъ его страны, а также его нѣсколько ироническое отношеніе къ современной французской по-

литикѣ. Въ своихъ общественныхъ теоріяхъ Мирбо стоитъ гораздо лѣвѣе господствующихъ радикальныхъ и даже соціалистическихъ партій, такъ какъ относится подозрительно ко всякой власти, даже сосредоточенной въ рукахъ самой крайней партіи. Всякій деспотизмъ—и единовластный, и партійный—его почти одинаково отталкиваетъ или, по меньшей мѣрѣ, не удовлетворяетъ. Онъ вѣритъ только въ созидательную силу духовно и нравственно свободной личности.

Національному чувству французовъ Мирбо наноситъ удары и во многихъ другихъ мѣстахъ своей книги. Онъ довольно зло смѣется надъ тѣмъ, до чего французы не знаютъ и не хотятъ знать ничего, что происходитъ за границами ихъ отечества, какъ недовѣрчиво они относятся къ сосѣдямъ, какъ они заранѣе презираютъ все не-французское. Онъ разсказываетъ въ комичномъ тонѣ о своемъ въѣздѣ въ Германію, о томъ, какъ его предупреждали объ ужасахъ, ожидающихъ его на границѣ, и какъ на самомъ дѣлѣ таможенный смотритель оказался добродушнѣйшимъ человѣкомъ, который даже не взглянулъ на кипу рекомендательныхъ писемъ, припасенныхъ путешественниками для огражденія отъ свирѣпости нѣмецкихъ властей; какъ онъ только съ интересомъ осмотрѣлъ ихъ автомобиль, разспросилъ про его скорость, ничего не досматривая, и показалъ имъ, какимъ путемъ проѣхать въ ближайшій нѣмецкій городъ. Мирбо много разъ смѣется надъ французскимъ чванствомъ, осуждающимъ заранѣе всякаго иностранца, — только за то, что онъ не французъ, и говоритъ, что, напротивъ того, слѣдовало бы многому учиться у иностранцевъ. Описывая семью, которой пришлось остановиться при въѣздѣ въ Бельгію по капризу шоффёра, онъ изображаетъ обрюзглую фигуру растеряннаго буржуа, его сварливую уродливую жену, затѣмъ худосочную молодую дочь и сына, мальчика съ явными признаками вырожденія.—Истинно французская семья!—прибавляетъ онъ, рекомендуя своимъ соотечественникамъ не презирать и не относиться съ высокомѣріемъ къ не-французамъ, а поучиться на примѣрахъ здоровой, упорядоченной жизни. За предѣлами Франціи замѣчанія Мирбо—большей частью вѣрныя—звучатъ смѣлыми признаніями въ устахъ французскаго писателя.

Но если Мирбо относится критически къ своимъ соотечественникамъ, то не большую нѣжность вызываютъ въ немъ и непосредственные сосѣди французовъ — бельгійцы, говорящіе ихъ же языкомъ, но съ провинціальнымъ акцентомъ. Мирбо раздѣляетъ антипатію Бодлэра къ Брюсселю и доказываетъ, что въ этомъ городѣ, гдѣ все дѣлается по иностраннымъ образцамъ, гдѣ дома какъ въ Лондонѣ, уличныя кафэ какъ въ Берлинѣ, гдѣ грузно ѣдятъ и много пьютъ — не переставая все время говорить о Парижѣ, — что въ этомъ городѣ не можетъ быть настоящей литературы, настоящаго искусства, что комич-

ный провинціализмъ Бельгіи и бельгійцевъ, то, что онъ называетъ „accent belge“, убиваетъ всякое свободное проявленіе духа. Всѣ тѣ бельгійцы, которые вошли въ ряды французскихъ писателей, покинули достаточно рано скучный, проникнутый насквозь бездарностью Брюссель. Мирбо иронически благодаритъ Брюссель за то, что онъ не пріютилъ изгнаника Гюго. Будь онъ гостепріимнѣе къ людямъ мощнаго духа, Викторъ Гюго поселился бы въ торговомъ Брюсселѣ, который Мирбо называетъ „царицей устричной торговли“, и утратилъ бы окрыленность своихъ вдохновеній. Тогда Франція лишилась бы одного изъ своихъ истинныхъ поэтовъ. За то Брюссель пріютилъ изгнанника себѣ по плечу—Буланже. Но и тотъ не выдержалъ сѣрости Брюсселя и застрѣлился. Конечно, Мирбо сознательно преувеличиваетъ гибельное вліяніе Брюсселя въ этомъ случаѣ. Самоубійство Буланже не имѣло никакой связи съ городомъ, въ которомъ онъ поселился. Но и это самоубійство, случайно происшедшее въ Брюсселѣ, кажется Мирбо символичнымъ. Брюссель отталкиваетъ Мирбо торгашескимъ характеромъ своей жизни и провинціальностью своего населенія, во всемъ подражающаго парижанамъ и достигающаго этимъ подражаніемъ только каррикатурныхъ эффектовъ. Онъ разсказываетъ анекдотъ—конечно, выдуманный, но довольно характерный—о томъ, какъ одинъ французъ, котораго судили въ Брюсселѣ за совершонное имъ убійство — онъ ограбилъ и задушилъ богатую старуху — во время разбирательства его дѣла и защитительной рѣчи адвоката, знаменитаго Пикара, все время неудержимо хохоталъ. Его приговорили къ сравнительно мягкому наказанію, но послѣ засѣданія адвокатъ сталъ его бранить за неприличное поведеніе на судѣ. Оказалось, что французъ принялъ судебное разбирательство за представленіе, на которое его повели, чтобы развлечь его. Онъ былъ въ восторгѣ отъ удачной комичной имитаціи суда и судей.—„А вы говорите, что это настоящій судъ?—спросилъ онъ.—Это настоящіе судьи?.. Вы настоящій адвокатъ? Bien vrai!..“ Эта каррикатурность Брюсселя и есть тотъ accent „belge“, который невыносимъ для француза не только во французскомъ говорѣ бельгійцевъ, но и во всемъ характерѣ ихъ провинціальной торгашеской жизни.

Самымъ типичнымъ выразителемъ торгашеской Бельгіи Мирбо считаетъ ея короля Леопольда, котораго изображаетъ съ чрезвычайной рѣзкостью, и прямо называетъ аферистомъ, превратившимъ тронную залу въ дѣловую контору, гдѣ совершаются самыя постыдныя сдѣлки.

Конечно, главнымъ предметомъ обличеній служитъ афера съ Конго, но и помимо этого Мирбо указываетъ на участіе короля во всѣхъ крупныхъ и коммерческихъ предпріятіяхъ въ Бельгіи — вплоть до остэндскаго казино, гдѣ процвѣтаетъ рулетка. Въ забавной главѣ подъ заглавіемъ: „Тутъ не безъ короля“ (Le Roi en est...) Мирбо раз-

сказываетъ, какъ при разныхъ обстоятельствахъ ему таинственно сообщали объ участіи короля въ разныхъ предпріятіяхъ.

„Тутъ не безъ короля!"—шепнулъ ему слуга въ только-что отстроенномъ великолѣпномъ отелѣ, въ которомъ фантастическіе счета превышали все, что гостинница представляла въ смыслѣ удобствъ. „Тутъ не безъ короля!"—сообщилъ ему съ гордостью тотъ же слуга, совѣтуя ему съѣздить въ Остэнде и побывать въ казино, открытомъ весь годъ, и гдѣ открыто стоятъ столы съ рулеткой, хотя игры оффиціально запрещены, и посмотрѣть также, какъ король съ демократической фамильярностью гуляетъ по пляжу подъ-руку съ Маркэ, знаменитымъ директоромъ цѣлаго ряда игорныхъ домовъ въ Европѣ. А когда Мирбо заглядывается на красивую молодую женщину, рѣзвящуюся со своими двумя очаровательными маленькими дочками на лужайкѣ передъ отелемъ, то швейцаръ, отвѣчая на его разспросы о томъ, кто она, даетъ нехотя объясненія и таинственно шепчетъ ему на ухо: „тутъ не безъ короля"... Конечно, всѣ столь распространенные разсказы о романтическихъ увлеченіяхъ стараго короля Леопольда, о Клео де-Меродъ, дополняютъ образъ жуира-дѣльца, какимъ Мирбо изображаетъ бельгійскаго короля, а со словъ бельгійскихъ дамъ онъ разсказываетъ еще и о возмущеніи дамъ высшаго круга, недовольныхъ тѣмъ, что король ищетъ развлеченій только за-границей, а у себя при дворѣ установилъ скучнѣйшій этикетъ и строго слѣдитъ за нравственностью придворнаго общества... Онъ пренебрегаетъ своими соотечественницами и очень нелюбезенъ, даже грубъ съ ними... Въ противовѣсъ всѣмъ этимъ обвиненіямъ, Мирбо приводитъ рѣчь одного апологета короля, который защищаетъ его довольно оригинальнымъ образомъ. Онъ хвалитъ короля за то, что онъ не замыкается въ своемъ королевскомъ достоинствѣ, а живетъ какъ всѣ, не скрывая своихъ слабостей и аппетитовъ, и, проявляя всѣ пороки—а также и качества—людей своего круга, оказываетъ услугу демократической Европѣ тѣмъ, что не хранитъ королевскаго престижа и болѣе похожъ на дѣльца,—напримѣръ, на предсѣдателя конкурса по дѣламъ бельгійскаго торговаго общества,—чѣмъ на царственную особу.—Можно его за это только поблагодарить,—заключаетъ этотъ сомнительный другъ и защитникъ короля-афериста.

И все-таки Мирбо заканчиваетъ главу о Бельгіи гимномъ нѣсколькимъ писателямъ, вышедшимъ изъ нея,—Метерлинку, Верхарну и Роденбаху. За любовь къ нимъ, надѣется онъ, ему простится ненависть къ ихъ провинціальной, плоской и торгашеской столицѣ. Не ко всей Бельгіи относится эта ненависть,—кружевной Брюгге, лихорадочно оживленный Антверпенъ и другіе фламандскіе и валлонскіе города онъ любитъ и цѣнитъ,—одинъ только Брюссель вызываетъ въ немъ враждебныя чувства—и это, можетъ быть, объясняется и чисто

литературными причинами. Въ Брюсселѣ много страдалъ Бодлэръ,— а Бодлэръ дорогъ сердцу Мирбо.

Кромѣ Бельгіи, Мирбо ѣздилъ по Голландіи, и видъ спокойныхъ, дѣятельныхъ, чистыхъ и красивыхъ голландскихъ городовъ съ ихъ музеями, каналами и разумной жизнью описанъ въ его книгѣ съ большимъ умиленіемъ и съ частыми размышленіями о томъ, какъ бы выиграла Франція, поучаясь на примѣрахъ трудолюбія этой маленькой страны, умѣющей упорствомъ отвоевывать у стихій благосостояніе своего народа.

Самое интересное въ книгѣ Мирбо—описаніе его путешествія по Германіи. Не въ примѣръ своимъ соотечественникамъ, пристрастно осуждающимъ все нѣмецкое, онъ восхищается благоустройствомъ жизни, и по поводу, напримѣръ, удобныхъ и чистыхъ нѣмецкихъ гостинницъ даже въ небольшихъ городахъ говоритъ объ ужасахъ путешествія по французской провинціи, гдѣ въ лучшихъ гостинницахъ не соблюдаются самыя элементарныя правила гигіены. Но если ему нравится многое въ нѣмецкихъ нравахъ и въ практично приспособленной къ потребностямъ населенія нѣмецкой культурѣ, то къ оффиціальной Германіи онъ относится съ меньшей нѣжностью. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи глава подъ заглавіемъ: „Сверхъ-императоръ“, въ которой онъ, влагая свои сужденія въ уста нѣкоего фонъ-Б., будто бы приближеннаго императора, даетъ чрезвычайно рѣзкую характеристику „короля-фанфарона“, какъ онъ называетъ Вильгельма II. Нынѣшній германскій императоръ изображается въ этой характеристикѣ типичнымъ выразителемъ „Gründerzeit“, наступившаго послѣ побѣды надъ Франціей, когда началось сооруженіе на скорую руку „міровой столицы“ по чужимъ образцамъ. Вильгельмъ II съ его характеромъ выскочки, который хочетъ ослѣпить всѣхъ внѣшнимъ блескомъ, болѣе подходитъ къ своему времени, чѣмъ его мудрый, тихій по натурѣ отецъ,—къ которому онъ относится къ тому же съ нѣкоторой пренебрежительностью. Вильгельмъ II высокомѣрно возсѣдаетъ на тронѣ, который не онъ завоевалъ. Разбогатѣвшая послѣ войны нація, огрубѣвшая отъ побѣды, стремилась именно къ показному блеску—и его создалъ шумный Вильгельмъ. Въ частной жизни онъ „добрый малый“, но какъ императоръ онъ отталкиваетъ даже людей, относящихся къ нему съ искреннимъ дружескимъ чувствомъ. Онъ образованъ—но его знанія поверхностны, кромѣ одной области— географіи. Ее онъ знаетъ, потому что съ географіей связаны торговые интересы. Его лихорадочное тщеславіе все болѣе и болѣе портитъ его характеръ. Прежде онъ интересовался литературой, искусствомъ, теперь онъ весь поглощенъ своими честолюбивыми планами и сдѣлался невыносимъ въ обращеніи, раздражителенъ и нетерпимъ. Въ

этомъ, по словамъ фонъ-Б., будто бы въ значительной степени виновата императрица, ограниченная женщина, которая въ своемъ піэтизмѣ доходитъ до того, что сама просматриваетъ пьесы, принимаемыя королевскими театрами,—и вычеркиваетъ изъ нихъ слово „любовь". Берлинскій дворъ—самый скучный въ Европѣ. Безвкусіе императрицы повліяло и на императора, который въ достаточной степени насмѣшилъ Европу своими притязаніями на художественное творчество — и проявляетъ свой деспотическій дурной вкусъ, загромождая Берлинъ неуклюжими, уродливыми памятниками... И результатъ суетливости Вильгельма во внѣшней политикѣ и внутреннемъ управленіи—тотъ, по словамъ собесѣдника Мирбо, что его теперь не любятъ въ Германіи... Онъ утомляетъ, раздражаетъ всѣхъ—даже своихъ министровъ, заставляя ихъ вести политику постоянной лжи; раздражаетъ Европу, дѣлаясь для всѣхъ какимъ-то кошмаромъ. Нѣмцы—работящій, спокойный народъ; они начинаютъ теперь приходить въ себя отъ опьяненія показнымъ процвѣтаніемъ Германіи. Выработалась огромная организація промышленности, но чтобы пользоваться ею, нужно спокойствіе, а страна живетъ въ страхѣ постоянныхъ политическихъ осложненій, создаваемыхъ вѣчно суетливымъ императоромъ, который не умѣетъ сдерживать своей нервности... Молодое поколѣніе недовольно Вильгельмомъ за то, что онъ слишкомъ взвинтилъ жизнь, не сообразуясь съ національнымъ характеромъ, и за то, что въ сущности процвѣтаніе Германіи—только показное, и что въ политикѣ императоръ одержимъ маніей величія, которая можетъ дорого обойтись странѣ.

Эта характеристика германскаго императора умышленно вложена въ уста нѣмца, приближеннаго Вильгельма II, и какъ будто отражаетъ мнѣніе страны; но, конечно, въ ней сказывается крайне пристрастный судья—изъ враждебной страны. Во всякомъ случаѣ, она интересна и, можетъ быть, встрѣтитъ подтвержденіе и во мнѣніяхъ нѣкоторыхъ соотечественниковъ выведеннаго въ книгѣ Мирбо друга императора.

Изъ другихъ главъ русскіе читатели прочтутъ съ особымъ интересомъ ту, въ которой описана встрѣча Мирбо съ старикомъ-евреемъ, потерявшимъ всю свою семью во время погромовъ на югѣ Россіи и разсказывающаго съ глубокой искренностью и простотой о пережитыхъ имъ ужасахъ. Сцены погромовъ описаны съ захватывающимъ паѳосомъ.

Интересная, какъ видно по передачѣ содержанія, книга Мирбо появляется одновременно съ французскимъ изданіемъ въ разрѣшенномъ авторомъ русскомъ переводѣ съ рукописи въ изданіи „Шиповника".—З. В.

ПОЛУВѢКОВОЙ ЮБИЛЕЙ
К. К. АРСЕНЬЕВА

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, 15 ноября, многочисленные почитатели и друзья Константина Константиновича Арсеньева чествовали исполнившееся пятидесятилѣтіе его литературной и общественной дѣятельности. Къ этому чествованію присоединились и различныя учрежденія, въ лицѣ своихъ представителей: Академія Наукъ, ея разрядъ изящной словесности, университеты: с.-петербургскій, поднесшій юбиляру дипломъ доктора государственнаго права „honoris causa"; московскій университетъ и юридическое ярославское общество, избравшіе его своимъ почетнымъ членомъ; за симъ послѣдовали многочисленныя депутаціи съ адресами въ честь юбиляра: отъ политехникума, литературнаго фонда, спб. юридическаго общества, совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, отъ Городской Думы — городской голова Н. А. Рѣзцовъ, отъ коммиссіи по народному образованію—П. А. Потѣхинъ, отъ столичнаго мирового съѣзда, спб. губернскаго и лужскаго земства, отъ Вольнаго Экономическаго Общества и мн. др. Сверхъ того, было получено нѣсколько сотъ привѣтствій по почтѣ и по телеграфу со всѣхъ концовъ Россіи; на юбилеѣ присутствовало всего свыше 200 лицъ. Отъ с.-петербургской печати привѣтствовали юбиляра редакціи „Права", „Русскаго Богатства", „Руси", „Товарища", „Рѣчи", „Русскихъ Вѣдомостей" и мн. друг.

Редакція „Вѣстника Европы" обратилась къ своему ветерану-сотруднику съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

„Нашъ дорогой и высокочтимый Константинъ Константиновичъ! Начало изданія „Вѣстника Европы" — первый годъ его существованія—1866-й годъ—было вмѣстѣ и началомъ Вашего сотрудничества въ журналѣ: въ этомъ самомъ году появилась на его страницахъ Ваша первая статья (т. III, Истор. Хроника, стр. 83). Такимъ образомъ, изъ пятидесятилѣтія Вашего служенія литературѣ, сорокъ лѣтъ, можно сказать, принадлежатъ, значительною частью, „Вѣстнику Европы" (1866 — 1907 гг.): въ первыя пятнадцать лѣтъ (1866—1880 гг.) Ваши очерки и этюды, въ области исторіи, политики и литературы, были настолько многочисленны, что, изданные вмѣстѣ, составили бы хорошій томъ; въ послѣднія же двадцать-пять лѣтъ (1881—1906 гг.) — цѣлая четверть вѣка! — Вы отдались вполнѣ журналу, войдя въ составъ Редакціи и избравъ для себя важный его отдѣлъ, а именно, ежемѣсячныя обозрѣнія журнала въ области нашей

жизни, государственной и гражданской; вмѣстѣ взятое, все это составило бы свыше пятисотъ печатныхъ листовъ, помимо многочисленныхъ отдѣльныхъ этюдовъ и очерковъ, помѣщенныхъ Вами въ то же самое время въ журналѣ.

„Но не обширность Вашихъ трудовъ по журналу составляетъ ихъ главное достоинство: читатели его, безъ сомнѣнія, могутъ признать, что въ Вашихъ обозрѣніяхъ они всегда находили отзвукъ своего внутренняго чувства и отголосокъ своихъ мыслей о необходимости у насъ широкихъ государственныхъ реформъ; въ ту эпоху, еще недалекую отъ насъ, этотъ предметъ представлялся особенно труднымъ для трактата о немъ въ печати,—и Вы всегда находили возможность преодолѣвать такія трудности. Вотъ что составляетъ вашу заслугу уже не предъ журналомъ, а предъ самимъ обществомъ, и вотъ теперь какая выпала на Вашу долю награда: Вы дожили до дней осуществленія того, что еще очень недавно казалось рискованною мечтою! Это наилучшимъ образомъ завершило пятидесятилѣтіе Вашей литературной дѣятельности и дало Вамъ великую отраду увидѣть воочію всходы того, что Вы сѣяли, съ великими усиліями и трудомъ, многіе годы, оставаясь всегда неуклонно на избранномъ Вами пути чести, правды и добра.

„Примите же, глубокоуважаемый Константинъ Константиновичъ, сердечное и дружеское поздравленіе Редакціи съ душевнымъ пожеланіемъ Вамъ здравія и новыхъ силъ для новыхъ трудовъ на пользу дальнѣйшаго, прочнаго и успѣшнаго развитія нашей новой политической и гражданской жизни" [1]).

---

[1]) Изъ массы телеграммъ и писемъ, полученныхъ Редакціею для передачи К. К. Арсеньеву, мы не успѣли, за позднимъ временемъ, передать одно изъ такихъ писемъ, а потому помѣщаемъ его здѣсь, а именно, отъ редактора „Педагогическаго Сборника", А. Н. Острогорскаго: „Многоуважаемый Константинъ Константиновичъ! Лично Вы меня едва-ли помните. Я одинъ изъ тѣхъ, что въ неясныхъ формахъ рисуется Вамъ, когда Вы говорите: „мой читатель". Болѣе 25 лѣтъ я читаю „Вѣстникъ Европы" и при полученіи каждой его книжки прежде всего берусь за чтеніе Внутренняго Обозрѣнія. За мѣсяцъ пережито много впечатлѣній, много передумано, и хочется провѣрить себя, разъяснить непонятое, оттого и ждешь дорогого собесѣдника, который въ свое время придетъ и дастъ отвѣты на твои вопросы и недоумѣнія, а иной разъ поставитъ тебя на такую точку зрѣнія, о какой ты и не думалъ, заставитъ задуматься и перерѣшить свои заключенія. У этого заочнаго собесѣдника я, а со мной, вѣроятно, и многіе другіе читатели многому научились. Научились прежде всего корректному отношенію къ своему противнику, уваженію къ законности, нераздѣльному съ критическимъ отношеніемъ къ закону, участливому и вдумчивому отношенію къ явленіямъ общественной жизни, признанію необходимости серьезныхъ, основательныхъ знаній для сужденія объ этихъ явленіяхъ. Заочная бесѣда съ Вами всегда просвѣтляла и вразумляла. Большое Вамъ спасибо за это.—Искренно Васъ уважающій—Алексѣй Острогорскій".

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1907.

Открытіе Думы и общія впечатлѣнія первыхъ трехъ недѣль.—Рѣчь Ѳ. И. Родичева и устраненіе его на пятнадцать засѣданій. — Опасный прецедентъ. — Приговоръ по дѣлу г. Гурко.—Дѣло крестьянскаго союза.—Постановленіе вологодскаго губернатора.—Юбилеи И. Е. Забѣлина и Н. Н. Златовратскаго.

„Я присутствовалъ на первомъ засѣданіи третьей Думы и могу резюмировать мои впечатлѣнія двумя словами: мнѣ казалось, что я нахожусь въ царствѣ призраковъ... Громовые раскаты „ура", но безъ дѣйствительнаго подъема духа, пѣніе народнаго гимна при отсутствіи національнаго чувства; „единодушное" избраніе предсѣдателя при полномъ разномысліи; фраза о „единствѣ и цѣлости Россіи", столь рѣзко контрастировавшая съ внутренней рознью и взаимной ненавистью собравшихся въ залѣ депутатовъ,—вотъ что приходилось видѣть и слышать 1 ноября въ Таврическомъ дворцѣ... Среди этихъ призраковъ, о дѣйствительности напоминали только безчисленныя перегородки въ залѣ: особая клѣтка для журналистовъ, лишенныхъ возможности сообщаться съ депутатами, непроходимые барьеры между депутатами и публикой, между мѣстами для публики и ложами Государственнаго Совѣта; наконецъ, невидимыя, но еще болѣе непреодолимыя внутреннія, психическія преграды между отдѣльными группами депутатовъ"...

Таковы впечатлѣнія, вынесенныя изъ перваго засѣданія княземъ Е. Трубецкимъ („Московскій Еженедѣльникъ", № 44). Три недѣли существованія Думы не изгладили этихъ тяжелыхъ впечатлѣній. Напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше раскрывается штриховъ, подтверждающихъ ихъ вѣрность. Громовое „ура" и звуки народнаго гимна не разъ затѣмъ оглашали стѣны Таврическаго дворца — и всегда вѣяло отъ криковъ и пѣнія чѣмъ-то казеннымъ, искусственно взвинченнымъ въ себѣ кричавшими и пѣвшими. „Фраза" о единствѣ и цѣлости Россіи повторялась затѣмъ чуть не въ каждомъ засѣданіи— и тоже всегда какъ фраза безъ реальнаго содержанія. Рознь и взаимная ненависть депутатовъ уже имѣютъ за собою безчисленные факты. Факты же засвидѣтельствовали поразительную нетерпимость къ чужому мнѣнію, грубость по адресу противниковъ и склонность каждую минуту произвести скандалъ — со стороны наиболѣе яркихъ представителей третьей Думы.

„Горе побѣжденнымъ!“ Этотъ побѣдный кличъ чувствовался прежде въ поведенiи крайнихъ лѣвыхъ первой Думы. Онъ уже не чувствуется, а открыто всякiй день заявляетъ о себѣ въ поведенiи крайнихъ правыхъ въ третьей Думѣ. Въ оффицiозной прессѣ послѣ выборовъ усиленно подчеркивалось, насколько повысился процентъ депутатовъ съ среднимъ и высшимъ образовательнымъ цензомъ въ третьей Думѣ, сравнительно со второй и съ первой, и насколько больше трети выборы дали представителей верхняго культурнаго класса—дворянства. На основанiи этихъ данныхъ, забывавшiе выходки во второй Думѣ *писателя* Пуришкевича, *профессора* Созоновича и крупнѣйшаго землевладѣльца и *аристократа* по рожденiю графа Бобринскаго—и ихъ „работоспособность“ по производству безпорядковъ—доказывали, что третьей Думѣ будутъ присущи дѣловитость и внѣшняя корректность. О первомъ пока судить преждевременно, но нельзя не замѣтить, что еще и тѣни не было того, что опровергало бы неоднократно высказывавшiяся нами предположительныя сужденiя о „правой“ и „послушной“ Думѣ. Въ энергiи же не давать говорить лѣвымъ ораторамъ и какого-то дикаго изступленiя „господа“ третьей Думы далеко оставили позади себя сѣрыхъ мужиковъ и обладателей малаго имущественнаго и большого „тюремнаго ценза“ — первой и второй.

Въ iюльской хроникѣ 1906 г. мы писали: „Государственная Дума точно отражаетъ не одну идейную разноголосицу политическихъ воззрѣнiй. Наблюдая Думу, видишь передъ собой правдивое отраженiе всей русской общественности—ея настроенiя и даже ея поведенiя“. И далѣе, по поводу грубыхъ выходокъ противъ министровъ:—„Грубость и брань недостойны уважающихъ свое высокое званiе и свои высокiя обязанности представителей народа. И она не нужна: логика въ связи съ горячимъ, но сдержаннымъ чувствомъ гораздо сильнѣе и вѣрнѣе бьютъ парламентскаго противника. Но развѣ грубость поведенiя вообще и особенно въ отношенiи людей иного образа мыслей не является одной изъ характерныхъ чертъ нынѣшняго состоянiя общества?“ [1]). Наблюдая третью Думу, приходится признать, что и она правдиво отражаетъ только не всю русскую общественность, а тѣ классы, изъ которыхъ по волѣ закона 3 iюня вышло ея большинство. И по поводу выходокъ противъ лѣваго меньшинства приходится поставить тотъ же вопросъ, конечно, съ оговоркой, что онъ касается состоянiя крупно-землевладѣльческаго и вообще реакцiонныхъ классовъ общества. Маятникъ общественнаго настроенiя и поведенiя широко качнулся слѣва направо. Высокомѣрный, надменный и гру-

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1906 г., iюль, стр. 420 и 424.

бый тонъ голосовъ снизу вверхъ не несется. Онъ несется сверху внизъ—отъ верхнихъ слоевъ общества къ низшимъ. Онъ несется не изъ массъ къ численно ничтожнымъ слоямъ и потому раздается негромко, но побѣдныя ноты въ немъ звучатъ еще болѣе пронзительно...

Реакція не ломала головы надъ опредѣленіемъ своей „линіи поведенія". Реакція заимствовала линію поведенія лѣвыхъ общественныхъ группъ—только наоборотъ—и стала повторять ихъ ошибки и эксцессы. Въ дѣйствіяхъ и поведеніи третьей Думы это получило полное выраженіе. Лѣвое большинство первыхъ двухъ Думъ не давало мѣстъ въ президіумѣ правымъ; правое большинство третьей—не дало мѣстъ лѣвымъ. Трудовики и соціалъ-демократы въ первой Думѣ отказывались считаться съ основными законами и входили на каѳедру, чтобы черезъ Думу апеллировать къ народу,—крайніе правые въ третьей поставили своей главной задачей ниспроверженіе основныхъ законовъ, а когда ниспровергнуть конституцію внутри Думы имъ не удалось, составили и отправили свой особый адресъ. Большинство первой Думы третировало министерство и бурно апплодировало словамъ В. Д. Набокова: „власть исполнительная да подчинится власти законодательной",—большинство третьей съ восторгомъ принимало каждое слово деклараціи правительства, насквозь проникнутой требованіемъ подчиненія законодательной власти руководительству власти исполнительной, и шумной оваціей отвѣтило П. А. Столыпину на вырвавшееся у Ѳ. И. Родичева рѣзкое сопоставленіе. И такъ во всемъ, вплоть до распредѣленія занятій. Первыя двѣ Думы, уже когда коммиссіи были завалены работой, засѣдали по четыре дня въ недѣлю—третья еще до начала коммиссіонныхъ работъ ограничила свои засѣданія до двухъ дней. Третья Дума есть Дума „наоборотъ". Но если не можетъ быть иного отношенія, кромѣ отрицательнаго, къ прямымъ эксцессамъ въ дѣйствіяхъ и поведеніи законодательнаго учрежденія, то что̀ сказать объ обратныхъ? Подражательность въ злобѣ и мстительности обнажаетъ въ человѣкѣ природу раба. „Я былъ слабъ—меня давили, съ моими воззрѣніями, желаніями, требованіями не хотѣли считаться. Я силенъ — я буду давить, я не буду считаться ни съ чѣмъ, чего я не хочу". Можно ли найти другой, болѣе антисоціальный и антигосударственный стимулъ дѣятельности?...

„Въ основу новой системы выборовъ—говорилъ въ Думѣ 16 ноября соціалъ-демократъ г. Покровскій 2-ой—положенъ принципъ обратно пропорціональнаго представительства". Многое, очень многое наводитъ на мысль, что обратно пропорціонально представившая населеніе Дума тотъ же принципъ положитъ въ основу своихъ законо-

дательныхъ трудовъ. П. А. Столыпинъ обращался въ декларации къ членамъ третьей Думы, какъ къ „посланнымъ сюда страною (?) для ея успокоенія и упроченія ея могущества“. На это гр. В. А. Бобринскій отвѣчалъ: „Мы *поможемъ* правительству подавить анархію и прекратить безсмысленное и жестокое пролитіе крови, которое породили и наши уродливо сложившіяся семьи, и наши уродливыя школы. Мы *постараемся* обезпечить честнымъ и трудящимся людямъ спокойное житье и возможность трудиться. Мы *постараемся* довести страну до мира и порядка“.—Бурные апплодисменты въ центрѣ и справа—значится далѣе въ стенографическомъ отчетѣ. Конечно, полицейскій порядокъ странѣ необходимъ. Конечно, давно, давно пора положить конецъ „безсмысленному и жестокому пролитію крови“. Конечно, нужно и возрожденіе внѣшняго могущества Россіи. Но развѣ отъ отсутствія полицейскаго порядка страдаетъ всего болѣе страна,—страна не помѣщичьихъ усадебъ, а крестьянскихъ деревень, и не богатыхъ домовладѣльцевъ и стригущихъ купоны рантьеровъ въ городахъ, а городского пролетаріата—людей интеллектуальнаго и физическаго труда? Развѣ массы населенія забыли свой голодъ и свое безправіе? Развѣ въ ихъ глазахъ пролитіе крови породили семьи и школы? Развѣ по сознанію „честныхъ и трудящихся людей“ отсутствіе полицейскаго спокойствія есть то главное и основное, что препятствуетъ ихъ труду и спокойной жизни? Развѣ массы населенія въ силахъ сейчасъ приносить въ жертву внѣшнему могуществу нужды просвѣщенія и поднятіе экономическаго благосостоянія страны? Развѣ они не остались при формулированномъ освободительнымъ движеніемъ убѣжденіи, что отъ Думы должны идти самостоятельное творчество и созиданіе, а не готовность и стараніе помогать правительству?... Зачѣмъ конституція, зачѣмъ выборы, зачѣмъ Дума? Это забыто въ центрѣ и среди правыхъ третьей Государственной Думы, какъ выкинуто изъ мыслей ихъ избирателями. Но населеніемъ это не забыто. И Думѣ, избранной не страною, тѣмъ болѣе слѣдовало бы поступать прямо пропорціонально волѣ и мучительно наболѣвшимъ нуждамъ народа. Только тогда она могла бы не оправдать, какъ сказано въ адресѣ, а *заслужить* довѣріе страны....

Рѣчь Ѳ. И. Родичева, въ засѣданіи 17 ноября, по единодушному отзыву, какъ его сторонниковъ, такъ и политическихъ противниковъ, была образцомъ ораторскаго искусства. „Можно соглашаться или не соглашаться съ содержаніемъ его рѣчи—пишетъ думскій хроникеръ „Новаго Времени“,—но необходимо признать, что она была произнесена съ выдающимся темпераментомъ, съ необычайнымъ подъемомъ

той высшей энергіи, которою отмѣчены прирожденные ораторы. Можно спорить съ пониманіемъ національнаго вопроса и патріотизма, развитымъ ораторомъ; но нельзя не признать, что ни самъ Родичевъ, ни какой бы ни было другой депутатъ во всѣхъ трехъ Думахъ никогда не захватывалъ парламента съ равною силою. Родичева прерывали, но его слушали съ болѣзненнымъ вниманіемъ"... Въ чтеніи рѣчь Ѳ. И. Родичева не производитъ исключительно-сильнаго впечатлѣнія. Но, читая ее, нельзя не чувствовать, какъ сильна она была въ устномъ изложеніи передъ аудиторіей, въ которой наканунѣ подъ апплодисменты прославлялась сила, а только-что проповѣдывалось человѣконенавистничество. Ораторъ билъ и убивалъ своихъ враговъ ужасными въ ихъ простотѣ и ясности вопросами. „Стала ли правдой—спрашивалъ онъ—старая статья основного закона, говорящая, что Русская Имперія управляется на точномъ основаніи законовъ? Можетъ ли каждый изъ насъ быть увѣренъ, что право его не можетъ быть нарушено ради государственной пользы, ради мгновеннаго пониманія случайнымъ носителемъ власти этой пользы? Можемъ ли мы сказать: „домъ мой—замокъ"? Можемъ ли мы ручаться за то, что представителями власти, ради государственной цѣли, домъ этотъ не будетъ сожженъ"?... „Намъ указали на то, что съ преступленіями будутъ бороться силой. А кто же объявитъ будущихъ побѣжденныхъ преступниками"?... „Намъ говорятъ: мы признаемъ за извѣстной категоріей русскихъ подданныхъ права, равныя съ другими, въ тотъ день, когда они насъ возлюбятъ. Я задаю себѣ вопросъ: что же, нарушеніемъ правъ достигается любовь народа"?... „Что же, убавится правъ у русскихъ гражданъ, если въ этихъ правахъ будутъ сравнены съ ними поляки"?...

По мѣрѣ того какъ Ѳ. И. Родичевъ гвоздь за гвоздемъ вбивалъ въ душу слушателей эти уничтожающіе вопросы, атмосфера въ правой половинѣ залы повышалась. Его прерывали, отъ него требовали немедленно приводить доказательства словъ, называть имена, ему кричали: „довольно"! Душевная подавленность злобно настроенной людской толпы всегда проявляется раздраженно, бурно, рѣзко и грубо. Подходя къ концу рѣчи, Родичевъ сказалъ: „когда русская власть находитъ въ борьбѣ съ эксцессами революціи только одно средство, видитъ только одинъ палладіумъ — (жестъ въ воздухѣ, образно показывающій вѣшаніе и висѣлицу)—въ томъ, что г. Пуришкевичъ назвалъ Муравьевскимъ воротникомъ, и то, что потомки, быть можетъ, назовутъ Столыпинскимъ галстукомъ"... Тутъ произошелъ взрывъ, оборвавшій фразу. Накопившееся раздраженіе разразилось безобразнымъ скандаломъ. Сотни голосовъ справа закричали: „Долой! Вонъ! Выбросить его! Долой! Вонъ его!"—По отчетамъ газетъ,

въ воздухѣ повисли „трехъ-этажныя" ругательства. Депутаты повскакали съ мѣстъ, бросились къ каѳедрѣ. Стали мелькать сжатые кулаки, кто-то схватилъ стаканъ, чтобы бросить его въ оратора. Предсѣдатель собралъ бумаги и ушелъ. Только черезъ двадцать минутъ шумъ утихъ, и члены Думы разошлись по фракціямъ.

По возобновленіи засѣданія, Н. А. Хомяковъ предложилъ Думѣ примѣнить къ Ѳ. И. Родичеву высшую мѣру взысканія и удалить его на пятнадцать засѣданій, „въ виду того, что онъ былъ виновникомъ всего того, что случилось, въ виду того, что онъ позволилъ себѣ оскорбить высшаго представителя правительства Его Императорскаго Величества и позволилъ себѣ оскорбить его въ стѣнахъ этого почтеннаго собранія". Большинство всѣхъ присутствовавшихъ противъ 96 приняли предложеніе предсѣдателя. Передъ голосованіемъ Родичевъ сказалъ: „Я беру свои слова назадъ. Я не имѣлъ намѣренія оскорблять ни Государственную Думу, ни депутата Пуришкевича, ни тѣмъ болѣе предсѣдателя совѣта министровъ. Я принесъ свои личныя извиненія предсѣдателю совѣта министровъ и настаиваю въ настоящую минуту только на одномъ: въ мои намѣренія никакихъ оскорбленій не входило и слова мои должны быть возстановлены въ стенограммѣ въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ произнесъ. Я думаю, что со временемъ вы сами убѣдитесь въ томъ, что то, что я сказалъ, не только было сказано совершенно искренно, но и соотвѣтствуетъ полной объективной правдѣ"... „Это не извиненіе!"—раздались голоса справа.

Остановимся на примѣненіи къ Ѳ. И. Родичеву 38-ой статьи учрежденія Государственной Думы. Законъ гласитъ: „Въ случаѣ нарушенія порядка членомъ Государственной Думы, онъ можетъ быть удаленъ изъ засѣданія или устраненъ на опредѣленный срокъ отъ участія въ собраніяхъ Думы". Текстъ закона совершенно ясенъ: членъ Думы можетъ быть устраненъ отъ участія въ собраніяхъ только за „нарушеніе порядка". За злоупотребленіе свободой слова онъ можетъ быть остановленъ предсѣдателемъ, можетъ быть лишенъ слова и можетъ получить отъ предсѣдателя замѣчаніе. Но никогда за сказанное съ каѳедры онъ не можетъ быть подвергнутъ ни удаленію изъ даннаго засѣданія, ни устраненію на опредѣленный срокъ. И такая постановка вопроса очевидно представляется единственно нормальной. Одинъ предсѣдатель занимаетъ въ Думѣ надпартійное положеніе, и потому ему одному возможно предоставленіе ограниченій драгоцѣннѣйшаго права членовъ Думы—права свободнаго слова. Съ другой стороны, никакой эксцессъ слова не создаетъ условій не-

терпимости для того, кто нарушилъ предѣлы свободы, и также условій необходимости его удаленія. Кто говоритъ съ мѣста, кто прерываетъ ораторовъ, кто не исполняетъ распоряженій предсѣдателя, кто шумитъ или стучитъ, тотъ долженъ быть удаленъ, ибо онъ мѣшаетъ занятіямъ. Въ случаяхъ особенно рѣзкаго нарушенія порядка, законъ предоставляетъ Думѣ—къ удаленію изъ даннаго засѣданія, т.-е. къ мѣрѣ пресѣкающей, присоединить устраненіе — мѣру карательную. Но обѣ эти мѣры тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собой, какъ по существу, такъ и формально, въ текстѣ закона. Нѣтъ смысла удалять изъ засѣданія того, кто произнесъ съ каѳедры грубое, бранное или оскорбительное слово: онъ его произнесъ, занятія же могутъ продолжаться безпрепятственно. Какую реакцію это слово вызвало въ слушателяхъ — сказавшаго не касается. Если же нѣтъ смысла его удалять, то нѣтъ ни логическаго, ни юридическаго основанія устранять его отъ участія въ будущихъ засѣданіяхъ.

Въ практикѣ первой Думы ст. 38-ая не имѣла примѣненія ни разу. Въ практикѣ второй — она примѣнялась дважды: одинъ разъ къ г. Пуришкевичу и другой разъ—къ гг. Пуришкевичу, Созоновичу и Келеповскому. И оба раза именно за нарушеніе порядка: за обращеніе къ Думѣ съ предложеніемъ, которое не было заявлено предсѣдателю, и за послѣдующее неподчиненіе предсѣдательской власти; во второй разъ — за крикъ, шумъ и отказъ добровольно удалиться послѣ состоявшагося о томъ рѣшенія Думы. Съ нарушеніемъ порядка желалъ связать и Н. А. Хомяковъ свое предложеніе объ устраненіи Ѳ. И. Родичева. Во главу мотивовъ онъ положилъ, что г. Родичевъ „былъ виновникомъ всего того, что случилось“. Да, за словами г. Родичева послѣдовали шумъ и безобразный скандалъ. Да, если бы онъ не говорилъ своей рѣчи, г. Крупенскій не расшибъ бы руки о каѳедру, гр. В. Бобринскій не сломалъ бы пюпитра и предсѣдателю не пришлось бы просить Думу дать ему возможность предсѣдательствовать и „умолять“ депутатовъ помнить, „что въ ихъ руки Высочайшею волею данъ священный сосудъ, чистоту и неприкосновенность котораго каждый изъ нихъ долженъ блюсти, какъ самого себя“ — по крайней мѣрѣ въ тотъ день и въ ту минуту, когда ему пришлось просить и умолять. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что слова г. Родичева, а не несдержанность правыхъ депутатовъ были причиной безпорядка? „Не смѣй говорить непріятныхъ намъ словъ, а то мы нарушимъ порядокъ!“ — вотъ, въ сущности, что сказали своимъ голосованіемъ г. Родичеву двѣсти слишкомъ депутатовъ,—если оцѣнить голосованіе подъ угломъ зрѣнія точнаго смысла 38-й статьи. Въ Китаѣ, если сынъ позоветъ отца, тотъ побѣжитъ, упадетъ, сломитъ ногу и потомъ отъ зараженія крови умретъ—сына признаютъ отце-

убійцей и подвергнутъ смертной казни. Въ Европѣ пока еще иначе понимаютъ виновность.

Устраненіе Ѳ. И. Родичева создало чрезвычайно опасный прецедентъ, а нѣкоторыя подробности устраненія дали характерную иллюстрацію для „Думы наоборотъ". Путемъ устраненія оппозиціонныхъ членовъ за злоупотребленіе свободой слова большинство можетъ совсѣмъ заглушить голоса несогласно съ нимъ мыслящаго меньшинства. Роль цензоровъ правые депутаты стремились на себя взять даже во второй Думѣ. Но тамъ они были въ меньшинствѣ и потому могли только отмѣчать цензуру рѣчей — криками съ мѣстъ, доносительными отвѣтами съ каѳедры и производствомъ безпорядка. Въ третьей же Думѣ они хозяева положенія, и если останутся на почвѣ создавшагося прецедента, то будутъ цензуровать рѣчи властно. Партійная цензура парламентскихъ рѣчей — путь скользкій. Отъ устраненія за рѣзкую форму одинъ незамѣтный шагъ до устраненія за рѣзкое содержаніе, а отсюда еще менѣе замѣтный — до устраненія за содержаніе рѣчи, не раздѣляемое партіями большинства. Въ рѣчи П. Н. Милюкова по поводу деклараціи была такая фраза: „Послѣ всего сказаннаго, вы поймете, что правительствомъ руководитъ не звѣзда, а тѣ самые блуждающіе огни, которые руководили политикой Александра III и благодаря которымъ государство вошло въ трясину". Эта фраза была встрѣчена справа выразительнымъ шиканьемъ и прервана замѣчаніемъ г. Крупенскаго: „Я думаю, надо воздержаться отъ критики Императора".

Послѣднія слова рѣчи г. Родичева не заключали въ себѣ ни бранныхъ, ни рѣзкихъ выраженій. Въ нихъ заключалось рѣзкое и обидное сопоставленіе. Рѣзкой и обидной была мысль оратора, образно выраженная, но не слова сами по себѣ. Изъ примѣровъ злоупотребленія свободой слова во второй Думѣ всего ближе подходитъ къ настоящему случаю вопросъ, съ которымъ г. Шульгинъ обратился съ каѳедры къ фракціи соціалистовъ-революціонеровъ: „А что, господа, нѣтъ ли у васъ съ собой бомбы?"—Тогда этотъ вопросъ тоже вызвалъ шумъ, крики и требованіе удаленія г. Шульгина. Центръ Думы, однако, удаленію воспротивился. Въ случаѣ 17 ноября октябристскій центръ поступилъ иначе. По газетнымъ отчетамъ, именно октябристы особенно настойчиво потребовали, чтобы къ г. Родичеву была примѣнена высшая мѣра парламентскаго взысканія. Какъ легко догадаться, исключительная грандіозность скандала была при этомъ лишь внѣшнимъ поводомъ, нужнымъ для установленія формальной связи требованія съ закономъ. Въ дѣйствительности же оно основывалось на томъ, что г. Родичевъ „позволилъ себѣ оскорбить высшаго представителя правительства". Въ первой Думѣ говорили: „по-

зволилъ себѣ", или „осмѣлился"—про министровъ. Въ этомъ, конечно, проявлялось совершенно ненормальное воззрѣніе на отношенія между членами Думы и министрами. Но и противоположное воззрѣніе столь же ненормально. Какъ ни высоко положеніе предсѣдателя совѣта министровъ, — положеніе члена Думы тоже высокое: законъ 3 іюня все-таки сохранилъ фикцію о народномъ избраніи и о народномъ представительствѣ. И правые члены третьей Думы твердо стоятъ на этой фикціи. Они говорятъ отъ имени народа, называютъ себя народными представителями и только самые крайніе изъ нихъ хотятъ снять—по выраженію г. Плевако—величественную тогу законодателей и замѣнить ее рубашкой безвластныхъ совѣтчиковъ. Ни министры не подчинены членамъ Думы, ни члены Думы не подчинены министрамъ. Въ Думѣ они равноправны. А потому равноцѣннымъ же представляется оскорбленіе и тѣхъ и другихъ. Если сопоставленіе, сдѣланное Ѳ. И. Родичевымъ, большинство Думы сочло оскорбленіемъ П. А. Столыпина и если за это оскорбленіе оно устранило его отъ участія въ пятнадцати засѣданіяхъ, то оно должно было одинаково реагировать на слово „цареубійцы", брошенное цѣлой группѣ членовъ Думы, и на слово „клятвопреступникъ", брошенное нѣсколько дней раньше Ѳ. И. Родичеву.

Большинство Думы 17 ноября отдалось всецѣло партійной страстности и раздраженію и, утративъ спокойствіе, утратило чувство мѣры. Ѳ. И. Родичевъ сдѣлалъ все, что самая придирчивая, но разумная цензура могла отъ него потребовать: онъ заявилъ, что беретъ свои слова назадъ, поскольку они были лично оскорбительны для предсѣдателя совѣта министровъ, ибо въ его намѣренія не входило оскорблять кого бы то ни было. Но его объясненія не удовлетворили правыхъ. Они кричали: „Это не извиненіе!"—Чего же они хотѣли? Чтобы онъ, какъ ребенокъ передъ педагогомъ, принесъ раскаяніе въ своихъ мысляхъ, и чтобы мысли свои, а не форму ихъ выраженія, онъ взялъ назадъ?.. Правительство въ оффиціальномъ сообщеніи „Освѣдомительнаго бюро" выпукло подчеркнуло неслужебный характеръ инцидента. Передъ фамиліями министровъ въ сообщеніи нѣтъ обозначенія чиновъ и званій, а стоятъ имена и отчества. Но тутъ же рядомъ еще болѣе выпукло подчеркнута высота положенія П. А. Столыпина сравнительно съ положеніемъ члена Думы, Ѳ. И. Родичева.

Вотъ текстъ сообщенія: „Въ засѣданіи Государственной Думы 17 ноября членъ Государственной Думы Родичевъ, въ рѣчи по поводу правительственнаго заявленія, позволилъ себѣ оскорбительное выраженіе по отношенію къ Петру Аркадьевичу Столыпину. *По требованію,* предъявленному ему отъ имени Петра Аркадьевича Столыпина—

Петромъ Михайловичемъ фонъ-Кауфманомъ, княземъ Борисомъ Александровичемъ Васильчиковымъ, Петромъ Алексѣевичемъ Харитоновымъ, Дмитріемъ Александровичемъ Философовымъ и Иваномъ Григорьевичемъ Щегловитовымъ, присутствовавшими при произнесеніи Г. Родичевымъ упомянутой рѣчи,—извиниться *въ присутствіи свидѣтелей* до возобновленія засѣданія Государственной Думы и независимо отъ рѣшенія ея по этому вопросу,—г. Родичевъ явился въ кабинетъ предсѣдателя совѣта министровъ и въ присутствіи Николая Алексѣевича Хомякова и Николая Николаевича Львова принесъ *требуемое* извиненіе". Больно ударили по достоинству Думы эти „позволилъ себѣ", „по требованію", „въ присутствіи свидѣтелей"; „принесъ требуемое извиненіе" и эта буква „Г" передъ фамиліей вмѣсто имени и отчества Ѳ. И. Родичева. Больно ударила тоже не по Ѳ. И. Родичеву и форма принятія П. А. Столыпинымъ извиненія. Какъ писали газеты, предсѣдатель совѣта министровъ сказалъ: „я васъ прощаю"—и отвернулся...

Если (не вѣрнѣе ли сказать: когда?) третья Дума обратится въ департаментъ законодательныхъ дѣлъ,—что возможно и безъ измѣненія основныхъ законовъ,—то она перестанетъ заслонять собою интересъ ко всѣмъ другимъ общественнымъ явленіямъ. Но пока она еще только собирается стать департаментомъ, интересъ къ ней естественно настолько великъ, что и крупные явленія и факты проходятъ почти незамѣченными. Даже судебная ликвидація дѣла Гурко-Лидваля, которое менѣе года назадъ было предметомъ толковъ вездѣ и всюду, не остановила на себѣ общественнаго вниманія въ той мѣрѣ, какъ этого можно было ожидать. А при разборѣ закончившагося 21 ноября въ петербургской судебной палатѣ процесса крестьянскаго союза, вмѣсто отчетовъ, газеты сообщили, когда дѣло началось, и затѣмъ воспроизвели наиболѣе красивыя слова изъ рѣчей защитниковъ и одну голую сущность приговора.

Что касается дѣла г. Гурко, то малое вниманіе къ нему проявила, впрочемъ, только, такъ называемая, большая публика. Въ слояхъ же высшей бюрократіи за нимъ слѣдили съ напряженіемъ, результатъ процесса до сихъ поръ обсуждается, и горячее отношеніе къ дѣлу чиновничьихъ круговъ нашло яркое отраженіе въ излюбленныхъ этими кругами органахъ печати—въ „Новомъ Времени" и въ „Гражданинѣ". Но и усилія „распространенной" газеты не создали вокругъ приговора широкаго общественнаго интереса. Нельзя отрицать, что одна изъ причинъ коренится въ томъ, что скандальная сторона дѣла не

нашла подтвержденія на судѣ. Но главное въ другомъ. Главная причина та, что при все еще лихорадочномъ темпѣ общественной жизни, разъ фактъ становится прошлымъ, онъ съ поразительной быстротой забывается. Общественная мысль, занятая споромъ, есть въ Россіи конституція или нѣтъ, раньше, чѣмъ судъ, ликвидировала забвеніемъ лидвалевскую эпопею. При другихъ условіяхъ, и безъ скандальной стороны, дѣло г. Гурко было бы рельефно отмѣчено, какъ завѣренная безстрастнымъ судомъ кричащая иллюстрація самовластія и произвола, возведенныхъ въ государственный принципъ.

Реакціонная печать, конечно, отмѣтила дѣло подъ діаметрально противоположнымъ угломъ зрѣнія. Г. Бодиско въ „Гражданинѣ" объяснилъ обвинительный приговоръ тѣмъ, что совѣсть сенаторовъ „была придавлена жидовско-революціонно-освободительной прессой". Г. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени", также усмотрѣвъ причину всѣхъ причинъ въ евреяхъ и въ еврейской прессѣ, блеснулъ, по его мнѣнію, повидимому, чрезвычайно оригинальной и уничтожающей постановкой вопроса. „Въ лицѣ энергическаго товарища министра—писалъ онъ—на скамьѣ (точнѣе креслѣ) подсудимыхъ сидѣло не только правительство, но весь старый порядокъ, все наше прошлое, т.-е. живая часть исторіи нашей,—скажите скверной, но единственной, какую намъ Богъ послалъ". И далѣе: „Сѣвъ на скамью подсудимыхъ добровольно (ибо, какъ выяснилось, въ судебномъ процессѣ не было серьезной нужды),—правительство, несмотря на формально обвинительный приговоръ, вышло изъ суда оправданнымъ—по крайней мѣрѣ въ сознаніи общества, внимательно слушавшаго это дѣло. Было несчастье, была ошибка, оплошность,—но *преступленія* въ процессѣ Гурко не было, если не считать преступленіемъ двѣнадцатимѣсячную пытку надъ несчастнымъ подсудимымъ со стороны газетныхъ гарпій".

Что въ лицѣ г. Гурко на креслѣ подсудимаго сидѣли „не только правительство, но весь старый порядокъ, все наше прошлое, т.-е. живая часть нашей исторіи",—г. Меньшиковъ правъ. И именно такъ ставился вопросъ съ самаго начала возникновенія дѣла тѣми, на кого ополчается г. Меньшиковъ. Считать свое „я" выше закона и потому переходить за предѣлы власти—обычный у насъ пріемъ дѣятельности чиновниковъ на всѣхъ ступеняхъ административной лѣстницы. Этотъ пріемъ дѣйствительно есть „весь нашъ старый порядокъ" и если не все наше прошлое, то большая его часть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и часть живой исторіи. Но что это единственная исторія, „какую намъ Богъ послалъ", — въ этомъ монополистъ патріотизма глубоко заблуждается. Разъ старый порядокъ сталъ прошлымъ, значитъ, исторія была не сплошь скверная, — значитъ, въ ней были зародыши того, что̀ старый порядокъ не смогъ вытравить, что̀ одержало уже

побѣду въ возвѣщенныхъ словахъ и что готовится къ побѣдѣ въ осуществленіи словъ на дѣлѣ. Столь же глубоко онъ заблуждается въ дальнѣйшемъ разсужденіи.

Какъ печально было бы состояніе русскаго общества, если бы въ его сознаніи правительственная система самовластія и произвола вышла изъ суда надъ г. Гурко оправданною! Какъ оно низко стояло бы въ своемъ правопониманіи, если бы, подобно г. Меньшикову, считало, что въ признанныхъ сенатомъ фактахъ процесса г. Гурко было несчастіе, но не было преступленія! „Я не юристъ“ — заявляетъ г. Меньшиковъ и оцѣниваетъ процессъ по слѣдующей упрощенной схемѣ: сенатомъ не установлено ни корыстной цѣли у осужденнаго, ни связи между сдачей подряда Лидвалю и знакомствомъ осужденнаго съ г-жей Эстеръ и съ хозяйкой кафе-шантаннаго хора; съ другой стороны, не установлено отсутствія у г. Гурко служебнаго усердія; а потому преступленія въ его дѣйствіяхъ не было. Общественныя массы тоже не посвящены въ тонкости юриспруденціи. Но развѣ нужно быть юристомъ по образованію, чтобы видѣть всю нелѣпость и искусственную фальшь приведенной схемы? Вручая агентамъ власти управленіе государственными и общественными интересами, государство предъявляетъ къ нимъ требованія гораздо бо̀льшія, чѣмъ думаетъ г. Меньшиковъ. Правовое государство не можетъ отказываться и не отказывается отъ объективной регламентаціи дѣятельности своихъ агентовъ. Оно создаетъ для ихъ дѣятельности опредѣленныя законныя рамки, переходъ за которыя, независимо отъ мотивовъ, воспрещается подъ страхомъ наказанія, т.-е. составляетъ преступное дѣяніе. Опытъ жизни давно научилъ, что неограниченныя диктаторскія полномочія чиновничества къ добру не приводятъ, особенно въ дѣлахъ денежныхъ и хозяйственныхъ. А потому, на ряду съ запретомъ личной стяжательности, законъ запрещаетъ нарушеніе формъ, которыми обставлено совершеніе хозяйственныхъ операцій. И дѣло г. Гурко блестящимъ образомъ подтвердило реальное значеніе этихъ формъ и мудрость закона, ограничивающаго чиновничье самомнѣніе.

Еще два слова — о размѣрѣ назначеннаго г. Гурко наказанія. Статья 341-я уложенія о наказаніяхъ предоставляетъ суду въ нормальныхъ случаяхъ превышенія власти, „смотря по важности дѣла и сопровождавшимъ оное обстоятельствамъ“, избирать одну изъ слѣдующихъ каръ: отрѣшеніе отъ должности, или исключеніе изъ службы, или заключеніе въ крѣпости на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Въ случаяхъ же особенно важныхъ виновный — говоритъ законъ — подвергается лишенію правъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Г. Гурко—какъ видно изъ этого перечня—присужденъ къ низшему изъ положенныхъ въ законѣ

наказаній. Если его дѣяніе не относить къ случаямъ особенно важнымъ, то мы согласны, что сенатъ имѣлъ основаніе остановиться на отрѣшеніи отъ должности вмѣсто исключенія изъ службы или заключенія въ крѣпости. При опредѣленіи индивидуальной виновности лица, обычность совершенія однородныхъ правонарушеній въ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился, не можетъ не служить обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину и уравновѣшивающимъ другое указаніе закона — „важность дѣла". Но какъ могъ сенатъ „случай" г-на Гурко—случай, имѣвшій слѣдствіемъ милліонный убытокъ казны и замедленіе въ доставленіи продовольственнаго хлѣба голодающимъ, не отнести къ категоріи *особенно* важныхъ—это намъ представляется совершенно непонятнымъ.

Процессъ 27 лицъ, обвинявшихся по 126 ст. новаго уголовнаго уложенія за принадлежность къ „всероссійскому крестьянскому союзу", есть актъ грандіозной судебной драмы, которой общее названіе—„судебная ликвидація дней свободы" и которая долго еще, повидимому, будетъ развертываться. Это не рядъ отдѣльныхъ процессовъ, а именно одна общая судебная драма.

Въ „дни свободы" уголовный законъ, предусматривающій образованіе и дѣятельность преступныхъ сообществъ и политическую пропаганду, не дѣйствовалъ, и захваченная революціоннымъ настроеніемъ общественная мысль считала его умершимъ. Но въ дѣйствительности онъ былъ живъ и только спалъ. Кончились „дни свободы"—онъ проснулся, и совершонное стало оцѣниваться подъ угломъ зрѣнія нормъ, составленныхъ тогда, когда господствовали условія, не только ничего не имѣющія общаго съ фактическими условіями конца 1905 г., но весьма далекія даже отъ условій современнаго момента. Передъ изданіемъ манифеста 17 октября и въ первое время послѣ—вся русская общественная жизнь была сплошнымъ преступленіемъ. Что̀ было совершено до манифеста, то покрыла амнистія. А что̀ было совершено послѣ манифеста, то нѣтъ-нѣтъ и выплываетъ на свѣтъ, какъ предметъ судебнаго разбирательства для назначенія живымъ людямъ уголовныхъ каръ. Непримиримое противорѣчіе между реальной правдой жизни и формальной правдой утратившаго внутренній смыслъ закона составляетъ первый глубоко драматическій моментъ во всѣхъ подобнаго рода процессахъ.

Въ то же время всякій разъ встаютъ давящіе вопросы: почему судятъ по 126 статьѣ крестьянскій союзъ и соціалъ-демократовъ и почему не судятъ кадетовъ и октябристовъ? Почему въ процессѣ „всероссійскаго крестьянскаго союза" на скамьѣ подсудимыхъ сидѣло 27 лицъ, а не тысячи, не сотни тысячъ? По обвинительному акту нѣ-

которымъ изъ этихъ 27 лицъ предъявлялись, среди другихъ, такія, напримѣръ, обвиненія: въ томъ, что въ концѣ ноября 1905 г. въ такихъ-то селахъ и уѣздахъ петербургской губерніи они „на собраніяхъ уговаривали крестьянъ присоединиться къ всероссійскому крестьянскому союзу и произносили рѣчи, возбуждающія къ ниспроверженію существующаго въ Россіи общественнаго строя“; или одному изъ подсудимыхъ въ томъ, что тогда же онъ „уступилъ свой домъ подъ собраніе, на которомъ шла завѣдомо для него преступная агитація, а затѣмъ, составивъ преступный приговоръ о присоединеніи къ всероссійскому крестьянскому союзу, уговорилъ мѣстныхъ крестьянъ подписать таковой“; или другому—въ томъ, что онъ „уговорилъ мѣстныхъ крестьянъ подписать приговоръ, въ коемъ заключались заявленія—объ отказѣ въ уплатѣ податей, о необходимости федеративнаго устройства россійскаго государства и другія, явно преступныя“. Развѣ все это были, въ ноябрѣ 1905 г., единичныя явленія? Развѣ не по всей Россіи тогда на крестьянскихъ сходахъ и собраніяхъ произносились „возбуждающія“ рѣчи? Развѣ не со всей Россіи летѣли тогда въ газеты, въ партійныя организаціи и, случалось, въ присутственныя мѣста—летѣли совершенно открыто, за полными подписями—крестьянскіе приговоры съ „явно преступными“ заявленіями? Развѣ въ петербургской губерніи были тогда устраиваемы только занесенныя въ обвинительный актъ крестьянскія „преступныя“ собранія, на которыхъ и т. д., а не устраивались такія собранія каждый день и въ каждой деревнѣ? Развѣ власть, если бы она хотѣла и могла, лишена была юридической возможности предать суду всѣхъ участниковъ крестьянскаго союза и другихъ столь же преступныхъ по буквѣ закона организацій?.. Сдѣлать это она фактически не могла: всю Россію сажать на скамью подсудимыхъ нельзя. Но съ фактической невозможностью совѣсть не можетъ мириться, когда изъ-за невозможности судить всѣхъ—судятъ и подвергаютъ карамъ нѣкоторыхъ. Случайность въ выборѣ лицъ при отправленіи правосудія есть второй, не менѣе драматическій моментъ въ судебной ликвидаціи дней свободы.

Третій—заключается въ томъ, что цѣль первой части ст. 126 уголовнаго уложенія—борьба съ „вредными ученіями соціализма и коммунизма“, въ которыхъ законъ не различаетъ элементовъ ученій ни по степени вреда, ни по степени радикализма въ ниспроверженіи существующаго въ государствѣ общественнаго строя. По смыслу 126-й ст., все, что клонится къ ниспроверженію установленныхъ закономъ взаимныхъ отношеній общественныхъ классовъ, сообщаетъ преступный характеръ союзу, партіи или обществу, которые завѣдомо поставили цѣлью своей дѣятельности таковое ниспроверженіе. А потому, какъ преступна по 126-й ст. дѣятельность, направленная къ со-

ціализаціи земли, такъ равно преступна и направленная къ рѣшенію аграрнаго вопроса на началахъ принудительнаго отчужденія; какъ преступна дѣятельность, направленная къ обобществленію орудій производства, такъ преступна и направленная къ установленію восьмичасового рабочаго дня и уголовной охраны труда въ его борьбѣ съ капиталомъ. Если же такъ, то по 126 ст. или должно карать, вмѣстѣ съ соціалистами,—октябристовъ и кадетовъ, или нельзя карать ни тѣхъ, ни другихъ.

Наконецъ, четвертый драматическій моментъ собственно въ процессахъ крестьянскаго союза—политическая роль, сыгранная союзомъ въ дни свободы. „Гдѣ работали мѣстныя организаціи крестьянскаго союза, тамъ не было погромовъ". Это говорили въ первой Думѣ С. В. Аникинъ и князь П. Д. Долгоруковъ. „Въ нашей курской губерніи,—сказалъ въ рѣчи 15-го іюня кн. Долгоруковъ,—въ моемъ суджанскомъ уѣздѣ, я содѣйствовалъ этой организаціи, и тамъ эта организація довольно широко развилась на югѣ уѣзда и имѣла совершенно мирный характеръ. Когда весь сѣверъ нашего уѣзда былъ объятъ пожарами, погромами и разными эксцессами, за которые поплатились всѣ классы населенія очень больно, у насъ на югѣ въ это страшное и трудное время все прошло мирно". Таково и общее впечатлѣніе, оставленное союзомъ. Онъ далъ исходъ метавшейся мысли въ деревнѣ и тѣмъ способствовалъ умиротворенію, а не разжиганію страстей. „Страшныя" слова на бумагѣ казались для крестьянъ дѣломъ, сдѣлавъ которое, они уже не шли жечь и грабить.

Судебная палата вынесла сравнительно мягкій приговоръ. Десять подсудимыхъ приговорены къ крѣпости (высшій срокъ 1 годъ 3 мѣсяца) съ зачетомъ предварительнаго заключенія. Остальные оправданы.

Заимствуемъ изъ газеты „Сѣверъ" слѣдующее постановленіе вологодскаго губернатора: „1907-го года октября 23-го дня, разсмотрѣвъ представленный мнѣ рапортъ полиціймейстера гор. Вологды, отъ 20-го сего октября за № 2.138, изъ коего видно, что 18-го октября, по окончаніи литургіи въ Спасо-Всеградскомъ соборѣ въ гор. Вологдѣ, когда крестный ходъ съ иконами и хоругвями, въ томъ числѣ и хоругвью союза русскаго народа, миновалъ „Каменный мостъ" и продолжалъ шествіе къ каѳедральному собору, при исполненіи народнаго гимна,—противъ магазина Гусева по бульвару проходилъ инженеръ-технологъ Алексѣй Васильевичъ Скрябинъ, не пожелавшій, войдя въ соприкосновеніе съ названной выше процессіей, снять шапку, вслѣдствіе чего неизвѣстнымъ лицомъ шапка была сбита съ г. Скрябина, и послѣдній, по заявленію его, получилъ нѣсколько ударовъ, и при-

нимая во вниманіе: 1) что означенный демонстративный поступокъ г. Скрябина могъ вызвать со стороны религіозно настроенной и возбужденной оскорбительнымъ неуваженіемъ къ ея вѣрованіямъ и убѣжденіямъ громадной толпы дальнѣйшія избіенія лицъ, почему-либо заподозрѣнныхъ въ несочувствіи процессіи; 2) что предположеніе о неумышленности поступка г. Скрябина отпадаетъ вслѣдствіе отказа его дать полиціи какія-либо по сему поводу объясненія; 3) что пострадавшими лицами до прибытія достаточной воинской силы ранѣе всего могли бы оказаться многочисленные въ гор. Вологдѣ политическіе ссыльные, представители городского самоуправленія (какъ это было 1-го мая 1906 года), евреи, а также нѣкоторые извѣстные въ городѣ по своему участію въ такъ-называемомъ освободительномъ движеніи присяжные повѣренные, и 4) что главной задачей администраціи является предупрежденіе возможности какихъ-либо погромовъ и безпорядковъ, съ какой бы стороны они ни исходили,—я признаю демонстративный поступокъ г. Скрябина провокаторской попыткой нарушить мирное торжество большей части населенія и вызвать безпорядки, вслѣдствіе чего и на основаніи 1-го пункта обязательнаго постановленія отъ 15-го іюня 1907 года, основаннаго на Высочайшемъ указѣ 3-го іюня 1907 года, постановилъ: инженеръ-технолога Алексѣя Васильевича Скрябина подвергнуть аресту при тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ, считая срокъ со дня заарестованія. О настоящемъ постановленіи объявить г. Скрябину и приведеніе въ исполненіе этого постановленія поручить вологодскому полиціймейстеру. Подлинное подписалъ: и. д. губернатора А. Хвостовъ".

Постановленіе такъ много само говоритъ за себя, что, думаемъ, оно не нуждается въ разборѣ... И что за безпокойный человѣкъ г. Скрябинъ! Побили—ну, и бѣги скорѣй домой, радуйся, что ножемъ не пырнули и съ миромъ отпустили. А онъ—права искать, жаловаться, начальство, озабоченное безопасностью политическихъ ссыльныхъ, евреевъ и извѣстныхъ по своему участію въ такъ-называемомъ освободительномъ движеніи присяжныхъ повѣренныхъ,—безпокоить!...

Въ Москвѣ происходило недавно чествованіе *семидесятилѣтней* дѣятельности И. Е. Забѣлина, одного изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ отечественной исторіи, автора замѣчательныхъ изслѣдованій о домашнемъ бытѣ русскихъ царей и царицъ, о русской жизни съ древнихъ временъ, о прошломъ города Москвы. Въ „Вѣстникѣ Европы" И. Е. помѣстилъ двѣ обширныя статьи: „Древности Москвы" (1867 г., №№ 1 и 2) и „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ" (1871 г., №№ 1 и 2). Несмотря на свой преклонный возрастъ, И. Е.

продолжаетъ неутомимо трудиться, и русская наука можетъ ожидать отъ него еще многаго.—Съ большой задушевностью былъ отпразднованъ въ Москвѣ и юбилей Н. Н. Златовратскаго, превосходно изучившаго крестьянскую жизнь и изобразившаго ее въ цѣломъ рядѣ талантливыхъ произведеній. Во многомъ расходясь съ Г. И. Успенскимъ, онъ не меньше любилъ народъ и не меньше сдѣлалъ для освѣщенія „мужицкой" психологіи.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ душеприказчиковъ В. Д. Спасовича.

Душеприказчики по духовному завѣщанію бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета, присяжнаго повѣреннаго Владиміра Даніиловича *Спасовича*, объявляютъ во всеобщее свѣдѣніе, что ст. 6 означеннаго завѣщанія гласитъ слѣдующее: „Авторскими правами на сочиненія мои на польскомъ и русскомъ языкахъ я распоряжаюсь такимъ образомъ, что они прекращаются съ момента моей смерти. Предоставляю право перепечатыванія моихъ произведеній каждому желающему".

Душеприказчики покорнѣйше просятъ редакціи другихъ изданій не отказать въ перепечатаніи настоящаго сообщенія.

II. — Отъ Комитета по оказанію помощи голодающимъ, состоящаго при И. В. Э. Обществѣ.

Голодная деревня доживаетъ передъ новымъ урожаемъ наиболѣе тяжкіе свои мѣсяцы. Все съѣдено, все, что можно было продать, продано, и въ то самое время, когда необходимо чрезвычайное напряженіе силъ для полевыхъ работъ, изнуреніе послѣ долгихъ мѣсяцевъ голода дошло до крайней степени. Отовсюду идутъ тревожныя вѣсти о растущей нуждѣ и объ увеличившейся заболѣваемости населенія, а изъ Уфимской, Самарской и Оренбургской губерній, кромѣ того, объ огромномъ распространеніи тифа и цынги. Цынга начала свое ужасное дѣло теперь въ Казанской губерніи и коснулась уже Саратовской. И при недостаточности и неурядицахъ продовольственнаго дѣла совершенно необходима для наиболѣе обезсиленной части населенія помощь общественная.

Состоящій при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ Комитетъ оказываетъ помощь голодающимъ черезъ образованныя изъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей Отдѣленія, которыя въ настоящее время дѣйствуютъ въ 11 губерніяхъ: Самарской, Уфимской, Казанской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Нижегородской, Воронежской, Пензенской, Костромской и Области Войска Донского. Отдѣленія организуютъ помощь главнымъ образомъ на средства, собираемыя Комитетомъ В. Э. Общества (нѣкоторыя изъ нихъ также частью на средства Комитета Московскаго Пироговскаго Общества). Къ работѣ привлечены наиболѣе живые мѣстные люди; они коллективно вырабатываютъ правильные пути и раціональныя формы помощи, опредѣляя предварительными изслѣдованіями болѣе всего нуждающіяся въ помощи мѣста. Создана такимъ образомъ обширная организація общественнаго характера, у котораго лежитъ на рукахъ большое дѣло.

Силами этой соединенной организаціи прокармливается въ настоящее время свыше 118 тысячъ человѣкъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Казанскимъ Отдѣленіемъ (совмѣстно съ мусульманскимъ его подотдѣломъ) открыто 180 столовыхъ и 105 пекаренъ, которыя кормятъ 32 тысячи чел.; въ 75 столовыхъ Самарскаго Отдѣленія продовольствуется до 20 тыс. чел., у Саратовскаго Отдѣленія 122 столовыхъ съ 20.500 тыс. столующихся, у Нижегородскаго—32 столовыхъ съ 6.160 чел., Уфимскаго—194 столовыхъ и 9.613 кормящихся, и кромѣ того, Уфимское Отдѣленіе прокармливаетъ въ Оренбургской губ. до 8.000 чел., Симбирское продовольствуетъ свыше 6 тыс. чел., въ Пензенскомъ 19 столовыхъ и 1.542 чел., и кромѣ того—20 столовыхъ въ Керенскомъ у. Въ Области Войска Донского продовольствовалось до 13 тыс. чел. (въ настоящее время помощь администраціей прекращена); въ Задонскомъ уѣздѣ Ворон. губ. 1 столовая съ 400 чел. кормящихся; кромѣ того, въ Орловской губ. 1 столовая на 100 чел. О числѣ получающихъ помощь въ Воронежскомъ уѣздѣ и Костромской губерніи, гдѣ дѣло организовано недавно, свѣдѣній у Комитета пока еще нѣтъ.

Дѣло помощи вездѣ расширяется подъ давленіемъ растущей нужды. И для того, чтобы его поддержать, необходимы большія средства. Между тѣмъ, въ настоящее время кромѣ тѣхъ по большей части незначительныхъ суммъ, которыя имѣются въ Отдѣленіяхъ, Комитетъ располагаетъ всего лишь около 17 тыс. рублей. Положеніе создалось чрезвычайно тревожное. Если не увеличится значительно притокъ пожертвованій въ Комитетъ, то придется закрывать дѣйствующія теперь столовыя и пекарни, отказывая въ помощи въ самое тяжелое время самой вопіющей нуждѣ. Поэтому Комитетъ снова обращается съ призывомъ къ обществу о пожертвованіяхъ для поддержанія дѣятельности организаціи, работающей исключительно на общественныя средства и общественными силами и осуществляющей въ себѣ чисто общественныя начала.

Съ благодарностью Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ отмѣтить слѣдующія наиболѣе крупныя пожертвованія единовременныя, поступившія къ нему: изъ Нью-Іорка отъ американскаго комитета по оказанію помощи голодающимъ въ Россіи 103.750 франковъ, изъ Норвегіи черезъ ред. газеты „Morgenblaten" 2.250 р., отъ 2-го Спб. Общества Взаимнаго Кредита 12.453 р., отъ А. Н. Пушечникова 5.200 р., съ вечера въ Одессѣ 5.439 р., г-жи Панкѣевой изъ Херсона 5.000 р., г. Гофмана съ концерта 4.888 р., отъ Одесскаго Взаимнаго Кредита 3.000 р., Торговаго дома Нейшеллеръ 3.000 р., служащихъ въ Спб. Технологич. Институтѣ 2.200 р., Спб. скотопромышленной и мясной биржи 2.000 р., Одесскаго Гор. Кредитнаго Общества 2.000 р., гг. Мотовиловыхъ 2.000 р., Тов. бр. Нобеля, кромѣ 9 тыс. пуд. керосина, 2.000 р., отъ Кіевской конторы сахарозаводчиковъ два вагона сахара и др.

Пожертвованія принимаются въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ (Спб., Забалканскій, 33) ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 час. утра и до 6 час. вечера.

Предсѣдатель *Л. Ю. Явейнъ*.—Казначей *А. М. Безбородовъ*.

III.—Отъ Международнаго Комитета для помощи безработнымъ рабочимъ Россіи.

Международный Комитетъ для помощи безработнымъ Россіи предпринялъ изданіе литературно-художественнаго сборника, посвящаемаго въ Россіи памяти Александра Ивановича Герцена.

Обращаясь къ художникамъ и литераторамъ всѣхъ странъ, Комитетъ пытается образовать цѣнный вкладъ въ сокровищницу всемірной литературы и искусства и создать этимъ памятникъ великому борцу за соціальное освобожденіе—рабочему классу всѣхъ странъ.

Сборникъ этотъ будетъ, конечно, безпартійнымъ, но объединяющимъ произведенія какъ свободной отъ партійности художественной, критико-публицистической и научной литературы, такъ и произведенія партійныхъ литераторовъ, посвященныя нуждамъ рабочаго класса и объективнымъ вопросамъ политической и соціальной жизни.

Сборникъ будетъ издаваться въ Россіи и за-границей.

Питая глубокую надежду, что многіе придутъ на помощь Международному Комитету въ осуществленіи этой цѣли, Правленіе Комитета проситъ обращаться за справками и высылать рукописи по адресу: M-r N. Herzen, prof., Lausanne. Suisse. Avenue de Rumine 57.

Между прочимъ, въ сборникѣ будутъ напечатаны неизданная статья А. И. Герцена „Мѣсто человѣка въ природѣ“ и письма къ нему Карла Фогта, Карлейля и польскихъ повстанцевъ 1862 г.

Предсѣдатель проф. *Н. Герценъ.*
Секретарь *К. Злинченко.*

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1907 году.

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь. — Положеніе дѣлъ на рубежѣ новаго года. — Историческія параллели. — Вопросъ о чрезвычайной охранѣ. — „Легализація" партій и ея результаты. — Допустимо ли оставленіе „внѣ закона" хотя бы самыхъ крайнихъ лѣвыхъ партій? — Новая инструкція о выборахъ. — Новое сенатское „разъясненіе". — Выборы и духовенство (стр. 346). — Февраль. — Можетъ ли Россія считаться конституціоннымъ государствомъ? — Бюджетное право Думы. — Отвѣтственность министровъ. — Конституціонализмъ и парламентаризмъ. — Государственный Совѣтъ. — Недостатки основныхъ законовъ. — Министерская декларація. — „Истинно-русскіе люди" и Дума. — Странные совѣты. — Начало выборовъ въ Государственную Думу (стр. 794). — Мартъ. — Ультра-реакціонные рецепты. — Подкопы подъ избирательный законъ. — Значеніе всеобщей подачи голосовъ. — Реальные недостатки нашей избирательной системы. — Вѣроятная группировка партій во второй Государственной Думѣ. — Своеобразныя черты нашего народнаго представительства. — Безцѣльность насилія (стр. 318). — Апрѣль. — Пренія въ Государственной Думѣ о военно-полевыхъ судахъ. — Формальныя возраженія противъ законопроекта, внесеннаго партіей народной свободы. — Рѣчь П. А. Столыпина по существу спорнаго вопроса. — Заявленіе сорока-одного депутата. — Агитація реакціонной печати. — Роспускъ Думы или перемѣна министерства? — К. П. Побѣдоносцевъ †. — Убійство Г. Б. Іоллоса (стр. 754). — Май. — Государственный Совѣтъ и Сенатъ. — Высшее дисциплинарное присутствіе и партіи. — Письмо проф. Мартенса въ газ. „Times", съ упреками по адресу Государственной Думы. — Личный составъ Думы. — Опасные совѣты. — Свѣдущіе люди и думскія коммиссіи. — Временное устраненіе членовъ Государственной Думы. — Больной вопросъ. — Э. В. Фришъ † (стр. 336). — Іюнь. — Правительственное сообщеніе 7-го мая и резолюція Государственной Думы. — Московскій съѣздъ „объединеннаго русскаго народа". — Рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ по аграрному вопросу. — Аграрные проекты трехъ думскихъ партій. — Роль думскаго центра. — Ошибка 15-го мая и ея послѣдствія. — Было ли бы цѣлесообразно порицаніе террористическихъ актовъ, и окончательно ли упущено для того время (стр. 747). — Іюль. — Высочайшій манифестъ 3-го іюня. — Новый избирательный законъ. — Его формальная сторона. — Измѣненія въ числѣ и въ распредѣленіи выборщиковъ. — Исключеніе мѣстныхъ крестьянъ изъ состава избирателей-землевладѣльцевъ. — Новыя полномочія министра внутреннихъ дѣлъ. — Новый порядокъ избранія членовъ Думы. — Выборы на окраинахъ имперіи. — Выборныя коммиссіи. — Графъ П. А. Гейденъ † (стр. 334). — Августъ. — Начало избирательной кампаніи. — „Истинно русскіе люди" въ прошедшемъ и настоящемъ. — Іезуитская программа. — Итоги реакціонной мудрости. — Союзъ 17-го октября въ его отношеніи къ лѣвымъ и правымъ сосѣдямъ. — А. С. Ермоловъ и „великая всероссійская партія". — Земская реформа и земскій съѣздъ. — Дѣятельность „Попечительства о слѣпыхъ" и ея современные размѣры (стр. 745). — Сентябрь. — Теоретикъ обскурантизма и конституція 1906-го года. — Реформа, революція или государственный переворотъ? — Мнимая вина „кодификаторовъ". — Возможна ли неизмѣняемость верховной власти? — Сложная верховная власть и ея факторы. — Предстоящій процессъ о выборгскомъ воззваніи. — Движеніе законодательныхъ работъ прежде и теперь. — В. А. Половцовъ † (стр. 347). — Октябрь. — Ретроспективный взглядъ на истекшіе полтора года. — Новое изданіе, бросающее яркій свѣтъ на первую Государственную Думу. — Историческая роль партіи „народной свободы". — Избирательныя платформы „союза 17-го октября" и партіи „мирнаго обновленія". — Архипастырское посланіе и близкія къ нему газетныя стихіи. — Второй общеземскій съѣздъ. — Задачи третьей Думы. — Успокоительные факты. — Рижскій процессъ. — Клевета на умершаго (стр. 777). — Ноябрь. — Результатъ выборовъ въ третью Государственную Думу. — Комментаріи услужливой прессы. — Предстоящій „экзаменъ русскаго консерватизма". — Мѣстная реформа и московское дворянство. — Историческія параллели. — Ближайшія задачи третьей Государственной Думы. — Выборы въ Петербургѣ и Москвѣ. — Выборы отъ крестьянскихъ курій. —

Новые террористическіе акты.—Статистика репрессій. — В. А. Грингмутъ † (стр. 354).—Декабрь.—Первыя засѣданія третьей Государственной Думы. — Адресъ Думы и пренія о немъ.—Результатъ, достигнутый соглашеніемъ между союзомъ 17-го октября и партіей народной свободы.—Министерская декларація. —„Россія" и адвокатура.—А. Н. Турчаниновъ и Ю. Г. Жуковскій † (стр. 807).

II. Литературное Обозрѣніе.—Январь.—I. „Очерки и разсказы", М. П. Чехова. — II. „Повѣсти и разсказы", Б. Лазаревскаго.—**А. К.**—III. Агафоновъ, В. К., Наука и жизнь.—IV. Котляревскій, Н., Декабристы. — V. Лемке, Мих., Политическіе процессы.—**Евг. Л.**—VI. И. И. Янжулъ, Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. —VII. А. Скворцовъ, Аграрный вопросъ и Государственная Дума.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 361).—Февраль. —I. Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки. — II. Айхенвальдъ, Ю., Силуэты русскихъ писателей, вып. I.—III. Львовъ-Рогачевскій, В., Борьба за жизнь. Сборникъ статей, —IV. Герценъ, А. И., Проблемы культуры, съ франц. – V. Г. Джорджъ, Общественныя задачи, съ англ. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого.—VI. Мультатули. Повѣсти, сказки и легенды. – VII. Eranos, Сборникъ статей по литературѣ и исторіи.—**Евг. Л.**—VIII. Петръ Вейнбергъ, Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ. — **З. В.** — IX. Н. Карѣевъ, Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. — **П. Ш-ій.** — X. Д. Менделѣевъ, Къ познанію Россіи. — XI. Статистическія свѣдѣнія по земельному вопросу въ европейской Россіи. — XII. Храневичъ, В., Очерки экономическаго быта въ Царствѣ Польскомъ.—Бр. И. и П. Лопатины, Очерки исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ.—XIII. Какъ устраиваются городскія общественныя работы. (Опытъ германскихъ городовъ). Переводъ съ нѣмецкаго и предисловіе В. А. Гагена.—**В. В.** —Новыя книги и брошюры (стр. 812).— Мартъ.—I. Щеголевъ, П. Е., Изъ исторіи „конституціонныхъ" вѣяній въ 1879-1881 гг. „Былое". Декабрь, 1906.—II. Щукинскій сборникъ, вып. VI. — III. Рубакинъ, Н. А., Чистая публика и интеллигенція изъ народа.—IV. Ивановъ-Разумникъ, Исторія русской общественной мысли, т. I-II.—V. Тургеневъ, Н., Россія и русскіе. Ч. I.—Бар. А. Розенъ, Записки декабриста. — Собраніе стихотвореній декабристовъ.—VI. Армянская муза. — **Евг. Л.**—VII. Библіотека великихъ писателей. В. I: Пушкинъ.—**W.**—VIII. Вопросы колонизаціи. — IX. П. Мижуевъ, Документальная исторія одной стачки.— X. Статистика землевладѣнія 1905 г.— **В. В.** — Новыя книги и брошюры (стр. 335).—Апрѣль.— I. Кириллъ, Одиннадцать дней на „Потемкинѣ". — II. Соціализмъ въ Англіи. Состав. С. Веббъ.— III. А. В. Погожевъ, Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи.—**В. В.**— IV. Сочиненія Пушкина: Переписка. П. р. В. Саитова.—V. Соперники христіанства, проф. Ѳ. Зѣлинскаго.—VI. Сочиненія А. Щапова, т. I-II.—**Евг. Л.** — VII. Р. Трейманъ, Тираноборцы, перев. съ нѣм. п. р. М. Рейснера. — **П. Ш-ій.** — VIII. Г. И. Бобриковъ, Государственность въ современности.—**Л. С.**—Новыя книги и брошюры (стр. 772). — Май.— I. Полное собраніе писемъ М. И. Глинки, т. I.—II. Н. А. Лейкинъ, въ его воспоминаніяхъ и перепискѣ. — III. П. Хельчицкій, Сѣть вѣры, съ чешскаго Ю. Анненковъ. — IV. Галерея шлиссельбургскихъ узниковъ.—**М. Г.**—V. Литературно-художественные Альманахи, изд. „Шиповникъ", кн. 1-я.—**З. В.**—VI. Т. Шевченко, „Кобзарь", русск. перев. п. р. И. Бѣлоусова.—**Ж-кій.** — VII. И. Озеровъ, Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги. VIII. Рене Штурмъ, Бюджетъ, перев. А. Изгоева. — IX. М. Загряцковъ, Соціальная дѣятельность городск. самоуправл. на Западѣ, вып. 1. — X. А. Кафодъ, Борьба съ черезполосицею въ Россіи и за-границею. – XI. Статистическій ежегодникъ Москов. губ. за 1906. Часть I. —**В. В.** - Новыя книги и брошюры (стр. 356).—Іюнь.—I. П. Кропоткинъ, Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Съ англ. В. Батуринскій.—II. Записки И. Пущина о Пушкинѣ.—III. Евг. Бобровъ, проф., Дѣла и люди, сборникъ статей.—IV. Ник. Поярковъ, Поэты нашихъ дней.—V. Н. Романовъ, А. А. Ивановъ и значеніе его творчества.—VI. М. Чайковскій, Катерина Сіенская.—**М. Г.** —VII. Сервантесъ, перев. „Донъ-Кихота" съ исп. М. В. Ватсонъ.—**Л. Ш.** — VIII. Я. М. Бѣлый, Изъ недавней старины. — IX. А. Коровинъ, Опытъ анализа главныхъ факторовъ личнаго алкоголизма.— X. Кн. П. Долгоруковъ и П. Петрункевичъ, Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права. — XI. Статистика землевладѣнія 1905 года. Изд. Мин. Вн. Дѣлъ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 768). — Іюль.—I. Н. Барсуковъ, Жизнь и Труды М. П. Погодина, кн. 21-я. — II. А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ, Побѣдоносцевъ.—III. Н. Крашенинниковъ, Угасающая Башкирія. — IV. В. Стефаникъ, Разсказы, съ украинск.

В. Козиненко. — V. Ѳедоръ Сологубъ, Истлѣвающія личины. Книга разсказовъ. —**М. Г.**—VI. А. И. Воейковъ, Распредѣленіе населенія земли. — VII. М. И. Боголѣповъ, Финансы, правительство и общественные интересы. — VIII. М. С. Уваровъ и П. М. Лялинъ, Охрана жизни и здоровья работающихъ. — **В. В.** — Новыя книги и брошюры (стр. 359). — Августъ. — I. Старина и Новизна. Кн. XII. — II. Валерій Брюсовъ, Лицейскіе стихи Пушкина. — III. Новое слово, Товарищескіе сборники. Кн. I. — IV. Помощь голоднымъ. Изд. М. Зензинова. — V. Ѳедоръ Страховъ, По ту сторону политическихъ интересовъ. — VI. Отчетъ Моск. Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1906 годъ.—VII. Шаломъ Ашъ, Городокъ. Перев. Б. Бурдеса.—**М. Г.**—VIII. Миклашевскій, Арбитражъ и соглашеніе въ промышленныхъ спорахъ.—IX. В. Святловскій, Къ вопросу о судьбахъ землевладѣнія въ Россіи.—X. А. Аловъ, О травматическихъ поврежденіяхъ рабочихъ на сельскохозяйственныхъ машинахъ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 774).— Сентябрь. — I. Н. Котляревскій, Старинные портреты.—II. Литературно-художественные альманахи, изд. „Шиповникъ". Кн. II. – III. Петрашевцы, Изд. В. М. Саблина. — IV. Д-ръ Н. Г. Котикъ, Эманація психофизической энергіи. — V. С. Рафаловичъ, Отвергнутый Донъ-Жуанъ.— **М. Г.** — VI. Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ, П. Гёре.—VII. Н. Новомбергскій, Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси.—VIII. Н. И. Сувировъ, Безработица и страхованіе отъ ея послѣдствій въ западной Европѣ.— **В. В.** — Новыя книги и брошюры (стр. 365).—Октябрь.—I. Н. Павловъ-Сильванскій. Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.—II. С. М. Степнякъ-Кравчинскій, Собраніе сочиненій. Ч. III.—III. Влад. Станюковичъ, Пережитое.—Н. Троцкій, Туда и обратно. —А. Нѣмоевскій, Изъ-подъ пыли вѣковъ. I. Сократъ.—**М. Г.**—VI. В. Святловскій, Профессіональное движеніе въ Россіи.— VII. А. Тобинъ, Аграрный строй материковой части Лифляндской губерніи.— В. Земцевъ, Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи.—VIII. С. Закъ, Соціально-политическія таблицы всѣхъ странъ міра. Годъ первый. 1907-1908.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 795).—Ноябрь. —I. Библіотека великихъ писателей, п. р. С. А. Венгерова. Пушкинъ, т. I, изд. Брокгауза-Ефрона.—II. Н. М. Гутьяръ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. — III. Н. Денисюкъ: 1) Гр. Алексѣй Толстой, его время, жизнь и сочиненія; 2) Критическая литература о произведеніяхъ гр. А. К. Толстого. Вып. I.— IV. А. Алферовъ и А. Грузинскій, Русская литература XVIII вѣка.—**М. Г.**—V. „Чудеса и притчи Господни". К. Конаржевскаго.— VI. „Пѣсни человѣка". Ѳ. Смородскаго. —**Z.** — VII. Проф. А. И. Чупровъ, Мелкое земледѣліе и его основныя нужды.— VIII. А. Н. Анцыфоровъ, Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи.—IX. Проф. В. В. Есиповъ, Привислянскій край.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 370).—Декабрь.—I. А. Н. Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, изд. 2-ое. — II. Michael Pokrowskij, Puschkin u. Shakespeare. — III. Въ Катковскомъ лицеѣ. Записки стараго пансіонера, вып. 1. — IV. Цыперовичъ, За полярнымъ кругомъ. Десять лѣтъ ссылки въ Колымскѣ.—V. С. Карaскевичъ (Ющенко), Повѣсти и разсказы. — **М. Г.** — VI. М. Г. Диканскій, Квартирный вопросъ и соціальные опыты его рѣшенія.—VII. В. В. Краинскій, Община и кооперація. – VIII. Статистическій Справочникъ, вып. 1, 2 и 3. — **В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 826).

III. Иностранное Обозрѣніе.—Январь. — Международное положеніе въ Европѣ за истекшій годъ.—Марокская конференція и ея результаты. — Колоніальные вопросы въ германскомъ парламентѣ.—Роспускъ имперскаго сейма и внутренняя политика.—Политическія дѣла во Франціи, въ Англіи и Австро-Венгріи. — Русско-японскіе переговоры (стр. 399).—Февраль. — Парламентскіе выборы въ Германіи.—Особенности нѣмецкой политической жизни.—Прусскіе порядки и либерализмъ.—Избирательныя заявленія князя Бюлова. — Упадокъ старыхъ либеральныхъ партій.—Вопросъ о личномъ режимѣ.—Общіе результаты выборовъ. — Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи. — Перемѣна царствованія въ Персіи (стр. 857). — Мартъ. — Новый германскій парламентъ.—Заявленіе Вильгельма II и его канцлера.—Побѣда правительства надъ „внутреннимъ врагомъ". — Положеніе соціалъ-демократической партіи.—Рѣчи Бебеля и Бюлова.—Взаимныя обвиненія и недоразумѣнія. — Вопросъ о верхней палатѣ въ Англіи. — Французскія дѣла. — Реформы въ Македоніи (стр. 375). — Апрѣль. — Отзывы иностранной печати о русскихъ дѣлахъ. —„Times" о министерской деклараціи нашего премьера. — Причины возможныхъ недоразумѣній. — Проектъ новой Гаагской конференціи.—Замѣчанія проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса.—Вопросъ о сокращеніи военныхъ бюджетовъ.—Новое правительство въ Трансваалѣ. — Волненія въ Ру-

мыніи (стр. 804).—Май.—Заграничные отзывы о русскихъ дѣлахъ.—Защита Государственной Думы въ лондонскомъ „Times“.—Новыя международныя комбинаціи.—Тройственный союзъ и Италія.—Вопросъ о сокращеніи вооруженій.—Политическія дѣла въ Англіи и Германіи (стр. 403).—Іюнь.—Парламентскія пренія во Франціи.— Семидневный ораторскій турниръ.—„Митинговыя“ рѣчи и ихъ значеніе.— Французскіе соціалисты въ роли государственныхъ людей.—Внутреннія реформы въ Англіи.—Результаты всеобщаго голосованія въ Австріи (стр. 815).—Іюль.—Событія въ южной Франціи.—Палата депутатовъ и министерство Клемансо.—Новый австрійскій парламентъ и императоръ Францъ-Іосифъ. — Внутреннія дѣла Германіи и Пруссіи (стр. 392).—Августъ. — Свиданіе двухъ императоровъ и вызываемыя имъ опасенія.—Вторая Гаагская конференція мира. — Защита „подвластныхъ расъ“.—Вопросъ о палатѣ лордовъ въ Англіи. — Новѣйшая политика Японіи. — Судьба Кореи (стр. 804).—Сентябрь.—Новыя международныя соглашенія.—Двѣ конвенціи—русско-японская и англо-русская.— Дипломатія короля Эдуарда VII. — Македонскій вопросъ и марокскія дѣла.—Международный съѣздъ соціалистовъ. — Болгарскій юбилей (стр. 397).—Октябрь.— Англорусская конвенція.—Отдѣльныя соглашенія относительно Персіи, Афганистана и Тибета.—Нѣкоторыя особенности договора о „сферахъ вліянія“ въ Персіи.—Значеніе конвенціи съ точки зрѣнія либеральныхъ принциповъ.—Странные проповѣдники англо-русскаго союза. — Конецъ парламентской сессіи въ Англіи (стр. 835).—Ноябрь.—Нѣкоторыя особенности внутренняго политическаго положенія Германіи.—Процессъ Либкнехта и германское правосудіе. — Вопросъ о борьбѣ съ милитаризмомъ предъ имперскимъ судомъ въ Лейпцигѣ.—Придворно-военная камарилья.—Дѣло графа Мольтке съ Максиміліаномъ Гарденомъ.—Конецъ Гаагской конференціи (стр. 403).—Декабрь.— Начало парламентской сессіи въ Пруссіи. — Новый законопроектъ противъ польскаго землевладѣнія.—Узко-національная политика и ея результаты.—Вопросъ о прусской избирательной реформѣ.—Засѣданія имперскаго сейма.—Проектъ германскаго закона о союзахъ.—Пребываніе императора Вильгельма II въ Англіи (стр. 856).

IV. Новости Иностранной Литературы.—Январь.—I. Hugo von Hofmannsthal. Kleine Dramen. — II. Jules Sageret. Les grands convertis. — **З. В.** (стр. 415). — Февраль. — I. H. Bahr, Ringelspiel, in drei Akten. — II. Emile Zola, von Michael-Georg Conrad.—III. G. Darien et M. Lauras, „Biribi“, drame en trois actes. — **З. В.** (стр. 870).—Мартъ. — I. Edouard Maynial, La Vie et l'oeuvre de Guy de Maupassant.—II. Gerhardt Hauptmann, Die Jungfern vom Bischofsberg. — **З. В.** (стр. 388). —Апрѣль. — I. Gabriele d'Annunzio, Piu che l'amore.—**З. В.**—II. Geschichte der „Frankfurter Zeitung“, von 1856 bis 1906.—**Н. К. П-въ** (стр. 826).—Май.—Maurice Maeterlinck. L'Intelligence des fleurs. — **З. В.** (стр. 415). — Іюнь. — I. Oscar Wilde, Trois Comédies.—II. Karl von Levetzow. Louise Michel (la Vierge rouge). Eine Charakterskizze. — **З. В.** (стр. 826).—Іюль.—I. Hermann Esswein, August Strindberg. Ein psychologischer Versuch.—II. Schalom Asch. Der Gott der Rache. Drama.—**З. В.** (стр. 406).—Августъ.—Léon Seché, Alfred de Musset.— Correspondance (1827—1857) (стр. 819). — Сентябрь. — Bernard Shaw, „John Bull's other Island“ and „Major Barbara“.—**З. В.** (стр. 411).—Ноябрь.—Charles Baudelaire, Lettres, 1841—1866.—J. Crepet, Charles Baudelaire.—**З. В.** (стр. 416). — Декабрь. — Octave Mirbeau. „La 628. E. 8“. (стр. 869).—**З. В.**

V. Изъ Общественной Хроники.—Январь. — За мѣсяцъ до выборовъ. —„Октябристы“ и „кадеты“.—Чрезвычайная охрана. — Отношеніе „деревни“ къ оказаннымъ ей благодѣяніямъ.—Еврейскій вопросъ и „патріотизмъ“ реакціонной печати.—Петербургское юридическое общество (стр. 429).—Февраль.—Политическое настроеніе момента и начавшіеся выборы.—Откуда можетъ явиться опасность для второй Государственной Думы. —Черносотенная организація и администрація.—Дѣло священника от. Григорія Петрова. — Д. И. Менделѣевъ и Н. А. Меншуткинъ † (стр. 883). — Мартъ. — Выборы во вторую Государственную Думу.—Правительственная подготовка ихъ и общіе результаты.—Впечатлѣнія и наблюденія избирателя.— Предстоящая повѣрка правильности выборовъ. — Трудность задачи.—Открытіе Думы и избраніе предсѣдателя (стр. 417).—Апрѣль.—Общій характеръ настроенія второй Государственной Думы. — Перемѣна ролей въ борьбѣ Думы съ министерствомъ.—Поведеніе и грубыя выходки крайнихъ правыхъ. — Походъ „союза русскаго народа“ противъ Думы.—Показатели нравовъ.—Къ увольненію отъ службы генерала Суботича.—Проф. Н. П. Вагнеръ †.— П. М. Ковалевскій † (стр. 836).—

Май. — Два мѣсяца подъ угрозой „разгона“.—Условія работы Думы.—Сужденія по законопроекту о контингентѣ новобранцевъ.—Инцидентъ, вызванный г. Зурабовымъ.—Положеніе предсѣдателя Думы.—Два слова о средней школѣ.—Новый приказъ ген. Думбадзе.—В. Ю. Скалонъ † (стр. 423). — Іюнь. — Партіи и партійность внѣ Думы и въ Думѣ.—Численный составъ и общая характеристика думскихъ фракцій. — Думскія коммиссіи. — Трагическое положеніе въ Думѣ православныхъ священниковъ. — Ликвидація чрезвычайныхъ законодательныхъ мѣръ (стр. 853).—Іюль.—Роспускъ второй Государственной Думы.—Послѣдніе два дня передъ роспускомъ.—Требованіе правительства объ устраненіи соціалъ-демократической фракціи.—Оборванная роспускомъ работа думскихъ коммиссій.—Впечатлѣнія роспуска.—Ближайшія перспективы.—Земскій съѣздъ.—Новыя правила о печати.—Изъ рѣчи костромского губернатора (стр. 420). — Августъ. — „Сперва успокоеніе—потомъ реформы“. —Внутренняя противорѣчивость тэзиса. —Что значитъ успокоеніе? — Практическое совпаденіе лозунга октябристовъ съ лозунгомъ боевой реакціи.—Основная задача минуты. — Какая въ Россіи форма правленія? — Разоблаченія объ убійствѣ Г. Б. Іоллоса.—А. А. Мухановъ † (стр. 835). — Сентябрь. — О политическомъ утомленіи и политическомъ отдыхѣ. — Вѣрно ли опредѣленіе: „страна отдыхаетъ“? — Неуспѣшность проведенія въ жизнь закона о самоуправленіи крестьянской общины. — Перемѣна ролей въ вопросѣ объ общинѣ. — Неудачныя усилія землеустроительныхъ коммиссій. — Циркуляръ о раздѣленіи избирательныхъ съѣздовъ (стр. 421).—Октябрь.—Начало выборовъ въ третью Думу.—Роль православнаго духовенства на выборахъ и вѣроятная—въ Думѣ.—Дѣйствительно ли вторая Дума была неработоспособна? — Составъ предстоящаго церковнаго собора.—Л. Н. Толстой объ убійствахъ.—PS. (стр. 863).—Ноябрь.—Вторая годовщина манифеста 17-го октября. — Что позади и что рисуется въ ближайшемъ будущемъ? — Своеобразная юридическая аргументація возврата къ абсолютизму.— Загадочное толкованіе избирательнаго закона и избраніе г. Шмида.—Новая иллюстрація къ старой темѣ о законѣ и законности (стр. 438). — Декабрь.— Открытіе Думы и общія впечатлѣнія трехъ недѣль.—Рѣчь Ѳ. И. Родичева и устраненіе его на пятнадцать засѣданій. — Опасный прецедентъ.—Приговоръ по дѣлу г. Гурко.—Дѣло крестьянскаго союза.— Постановленіе вологодскаго губернатора. —Юбилеи И. Е. Забѣлина и Н. Н. Златовратскаго (стр. 882).

VI. Извѣщенія. — I. Отъ „Попечительства Трудовой Помощи“ (янв., 445; февр., 896; мар., 432; апр., 852).—II. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія (янв., 445; февр., 896; мар., 432; іюнь, 868).—III. Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра (янв. 445).—IV. Положеніе о преміи имени почетнаго академика Императорской Академіи Наукъ Анатолія Ѳедоровича Кони (мар., 432; апр., 852; май, 439).—V. Отъ Комитета Литературнаго фонда (іюнь, 868). — VI. Отъ Международнаго Комитета для помощи безработнымъ рабочимъ Россіи (авг., 850; окт., 880; нояб., 456; дек., 901). — VII. Отъ Комитета по оказанію помощи голодающимъ, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ обществѣ (окт., 880; дек., 899).— VIII. Отъ душеприказчиковъ В. Д. Спасовича (окт., 880; нояб., 456; дек. 899).

VII. Библіографическій Листокъ. —Январь. — Переписка Пушкина, изд. Академіи Наукъ, подъ редакціей В. Саитова, т. I.—Пушкинъ и его современники, вып. IV.—Церковь и государство въ Россіи, С. Мельгунова.—Князь Серебряный, пов. гр. А. К. Толстого, 40-ое изданіе.— Февраль. — Русскіе портреты XVIII и XIX стт. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича. Т. II, вып. 4. — А. Брикнеръ, Смерть Павла I.—М. Сервантесъ, Донъ-Кихотъ Ламанчскій; съ испанскаго М. В. Ватсонъ, ч. I.—Зѣлинскій, Ѳ., Соперники христіанства.—Павловъ, Е., На Дальнемъ Востокѣ въ 1905 году. — Мартъ. — Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи, по донесеніямъ пословъ имп. Александра и Наполеона. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича.—Изъ эпохи освободительнаго движенія, вып. II. Н. Д. Кузьмина-Караваева.—Исторія русской литературы. Т. IV. А. Н. Пыпина.—Исторія „чартизма“. Р. Гамшеджа.—Апрѣль.— Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VII, ч. 1-ая.—Судьба капиталистической Россіи, В. В. — Босфоръ и Дарданеллы, С. Горяинова.—Политическая Энциклопедія, п. р. Л. З. Слонимскаго, т. I, вып. 4-й.—Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи, Н. Карѣева, 9-ое изданіе.—Май.—Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изд. Великаго Князя Николая Михаиловича, т. III, вып. I.— Ал. Веселовскій, Этюды и харвктеристики. — „Письма темныхъ людей“, перев. И. Куна, п. р. Д. Егорова.—Морозовъ, Н., Откровеніе въ грозѣ и бурѣ.—Митрофа-

новъ, П., Политическая дѣятельность Іосифа II, ея сторонники и ея враги.—Денисюкъ, Н., Начала политической экономіи.—Іюнь.—Жизнь и труды М. П. Погодина, книга XXI-ая, Н. Барсукова.—Умственное и нравственное воспитаніе дѣтей, Е. Водовозовой.—Учебная книга древней исторіи, Н. И. Карѣева.—Осада и сдача Портъ-Артура, Элл. Бартлеттъ, съ англ., п. р. полковн. Хвостова.—Іюль.—И. Е. Ивановъ, Военно-походныя впечатлѣнія.—Интернаціоналъ (Международное общество рабочихъ). Соч. Г. Іекка. Перев. съ нѣм. А. А. Полянскаго. Библіотека „Просвѣщенія".—Проф. Дм. Петрушевскій, Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства.—Проф. Л. В. Ходскій, Государственное хозяйство. Курсъ финансовой науки. Изданіе 3-е. Выпускъ 1-й.—Августъ.—Письма І. Ф. Беккера, І. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и другихъ къ Ф. А. Зорге и др. Съ письмами и біографіей Зорге Евг. Дицгена. Перев. съ нѣм. Политикуса. Съ предисл. Н. Ленина.—Послѣднее политическое движеніе въ Персіи. Съ рисунками и документами. М. А. Вып. I—II.—Е. Пфеннигсдорфъ, Іисусъ Христосъ въ современной духовной жизни. Перев. съ нѣм. С. П. Никитскаго.—Іосифъ Редлихъ, Англійское мѣстное управленіе. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Ельяшевича. Съ вступительною статьею проф. П. Г. Виноградова. Т. I.—Сентябрь.—Собраніе сочиненій кн. Сергѣя Николаевича Трубецкого. Т. I. Публицистическія статьи.—Лампосъ, Идеальная система управленія.—С. А. Венгеровъ, Очерки по исторіи русской литературы. Н. М. Гутьяръ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.—Октябрь.—Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича. Тт. I, II и III, перев. А. Рѣдкинъ.—Около политическихъ, Вл. Беренштама.—Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Т. VIII, ч. 2-я: Органы управленія.—Осада Портъ-Артура, перев. М. Иностранцева.—Ноябрь.—А. Паршинъ, Что такое государство?—Сборникъ педагогическихъ статей, въ честь А. Н. Острогорскаго, п. р. П. В. Петрова.—Московскій Некрополь. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича.—Введеніе въ изученіе соціологіи, Н. Карѣева.—У приволжскихъ инородцевъ. Путевыя замѣтки, С. Чичериной.—Декабрь.—Русскіе портреты XVIII-го и XIX столѣтій. Изданіе В. Кн. Николая Михаиловича. Т. III, вып. 3.—Бородкинъ, М., Исторія Финляндіи. Время имп. Александра II.—Цытовичъ, Н. М. Принудительное отчужденіе и аграрный вопросъ.—Наказъ Государственной Думы, съ объясненіями. Состав. В. Маклаковъ и О. Пергаментъ.—Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Т. IX.

СОДЕРЖАНІЕ
ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь—Декабрь, 1907.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь. стр.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь. стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

— Русскіе портреты XVIII-го и XIX-го столѣтій. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Т. III, вып. 3. Спб. 1907. Цѣна за каждый томъ—изъ 4-хъ выпусковъ—10 рублей.

Новый выпускъ, третій—предпослѣдній въ III-мъ томѣ за текущій годъ; наступающимъ 1908-мъ годомъ должно закончиться это богатѣйшее собраніе „русскихъ портретовъ“ изъ эпохи царствованія Екатерины II, Павла I и Александра I. Всего портретовъ въ новомъ выпускѣ—свыше 50-ти, и во главѣ ихъ помѣщенъ портретъ Ад. Ад. Чарторискаго, извѣстнаго польскаго дѣятеля и въ то же время друга имп. Александра I, при которомъ онъ, одно время, занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, а впослѣдствіи былъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа. Въ нынѣшнемъ выпускѣ преобладаютъ женскіе портреты работы лучшихъ мастеровъ конца XVIII-го и первой половины XIX-го вѣка; по нимъ можно представить себѣ самую подробную исторію дамскихъ костюмовъ и модъ въ тѣ эпохи.

Бородкинъ, М. — Исторія Финляндіи. Время императора Александра II. Спб. 907.

Имя автора настоящаго обширнаго труда давно уже извѣстно, благодаря многочисленнымъ его этюдамъ и очеркамъ изъ исторіи Финляндіи. Исходя изъ точки зрѣнія, по которой „силу государства создаетъ внутренняя его цѣльность“, авторъ приходитъ въ своемъ новомъ трудѣ къ заключенію, что для того, чтобы прочно установить эту внутреннюю связь на общечеловѣческихъ, юридическихъ и этическихъ основахъ и достичь солидарности духовныхъ и практическихъ интересовъ на всемъ пространствѣ имперіи, „сознается необходимость точнаго изученія областныхъ народныхъ индивидуальностей, т.-е. всѣхъ тѣхъ силъ и элементовъ, которые введены въ составъ нашего государственнаго организма, а для того необходимо изучать разработки мѣстной исторіи нашихъ окраинъ“. Именно это и составляетъ задачу предпринятаго авторомъ труда для одной изъ важнѣйшихъ нашихъ окраинъ, Финляндіи. Авторъ въ настоящемъ случаѣ ограничился эпохою имп. Александра II, въ которой слѣдуетъ искать объясненія всего, что и нынѣ совершается въ Финляндіи на нашихъ глазахъ. Самая же исторія этой нашей окраины излагается въ порядкѣ сеймовъ: послѣ краткаго очерка досеймовой эпохи Финляндіи (1855—1863 г.г.), авторъ начинаетъ свое изложеніе съ перваго сейма 1863 года, которымъ начались при Александрѣ II реформы княжества; затѣмъ слѣдуютъ сеймы 1867, 1872, 1877—1878 г.г. Книга заключается описаніемъ „положенія русскаго дѣла въ Финляндіи“ и изслѣдованіемъ, почему въ 1880 году, когда исполнилось 25-лѣтіе царствованія имп. Александра II, — почему торжествованіе этого „царскаго юбилея“ носило въ Россіи и въ Финляндіи совершенно различный характеръ: „19-ое февраля 1880 года—говоритъ авторъ—прошло въ Россіи при тревожныхъ обстоятельствахъ; въ Финляндіи, напротивъ, двадцать-пятую годовщину вступленія императора Александра II на престолъ встрѣтили и проводили спокойно и радостно“. Авторъ даетъ посильныя объясненія такому, какъ будто, ненормальному явленію, печальному по отношенію Россіи; но едва-ли съ нимъ можно согласиться. Разница заключалась скорѣе въ различіи характера реформъ въ Финляндіи и въ Россіи: въ Финляндіи реформы Александра II призвали страну къ политической жизни, чего нельзя никакъ сказать о реформахъ въ Россіи, при всей ихъ важности и благодѣтельности для страны; во главѣ всѣхъ ихъ стоитъ уничтоженіе крѣпостного права. Но при всемъ томъ, Россія въ политическомъ отношеніи и до сихъ поръ далеко не догнала Финляндіи.

— Цытовичъ, Н. М.—Принудительное отчужденіе и аграрный вопросъ. Кіевъ, 907.

Новая брошюра касается вопроса, вызывающаго прямо противоположныя рѣшенія, и авторъ ея, разсмотрѣвъ главнѣйшія изъ такихъ рѣшеній, какъ отрицательнаго, такъ и утвердительнаго характера, и подвергнувъ ихъ критикѣ, съ своей точки зрѣнія, пришелъ къ слѣдующему окончательному выводу, а именно, что функціи собственности преимущественно поземельной „таковы, что принудительное отчужденіе, предпринимаемое съ цѣлью устраненія т.-наз. малоземелья, угрожаетъ этимъ функціямъ серьезнымъ разстройствомъ, между тѣмъ какъ другіе, обычно практикуемые случаи принудительнаго отчужденія не влекутъ за собою ихъ разстройства“,—какъ, напримѣръ, отчужденіе земли подъ желѣзную дорогу и т. п.

— Наказъ Государственной Думы, съ объясненіями. Составили В. А. Маклаковъ и О. Н. Пергаментъ. Спб. 907. Ц. 1 р. въ переплетѣ.

Хотя это изданіе неоффиціальное,—да оно и не можетъ быть оффиціальнымъ уже и потому, что Дума, какъ перваго состава, такъ и второго, не могла успѣть разсмотрѣть проектъ его до конца,—но, тѣмъ не менѣе, издаваемый нынѣ „Наказъ“ является не личной работой или результатомъ личныхъ взглядовъ составителей: тутъ собраны всѣ работы какъ второй думской коммиссіи, такъ и самой Думы второго состава. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣщены выписки изъ отчетовъ Думы.

— Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Т. IX: Начала русскаго государственнаго права. Ч. III: Органы мѣстнаго управленія. Изд. 2-е. Спб. 908. Ц. 4 р.

Девятый томъ собранія сочиненій покойнаго профессора А. Д. Градовскаго (скон. 1889 г.) содержитъ въ себѣ третью часть курса русскаго государственнаго права; его первое изданіе было сдѣлано самимъ авторомъ въ 1883 году. Этотъ трудъ былъ тогда первою у насъ попыткою привести въ научную систему наши разнообразныя мѣстныя установленія; впрочемъ и теперь онъ не утратилъ своего значенія. Настоящій томъ снабженъ весьма обширными приложеніями изъ различныхъ монографій А. Д. Градовскаго: „Системы мѣстнаго управленія на Западѣ Европы“, „Проектъ губернской реформы“ и „Реформа губернаторской должности“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
на **1908** г.
(Сорокъ-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 27 до 28 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;

— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжн. маг. К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ" Н. П. Карбасникова.

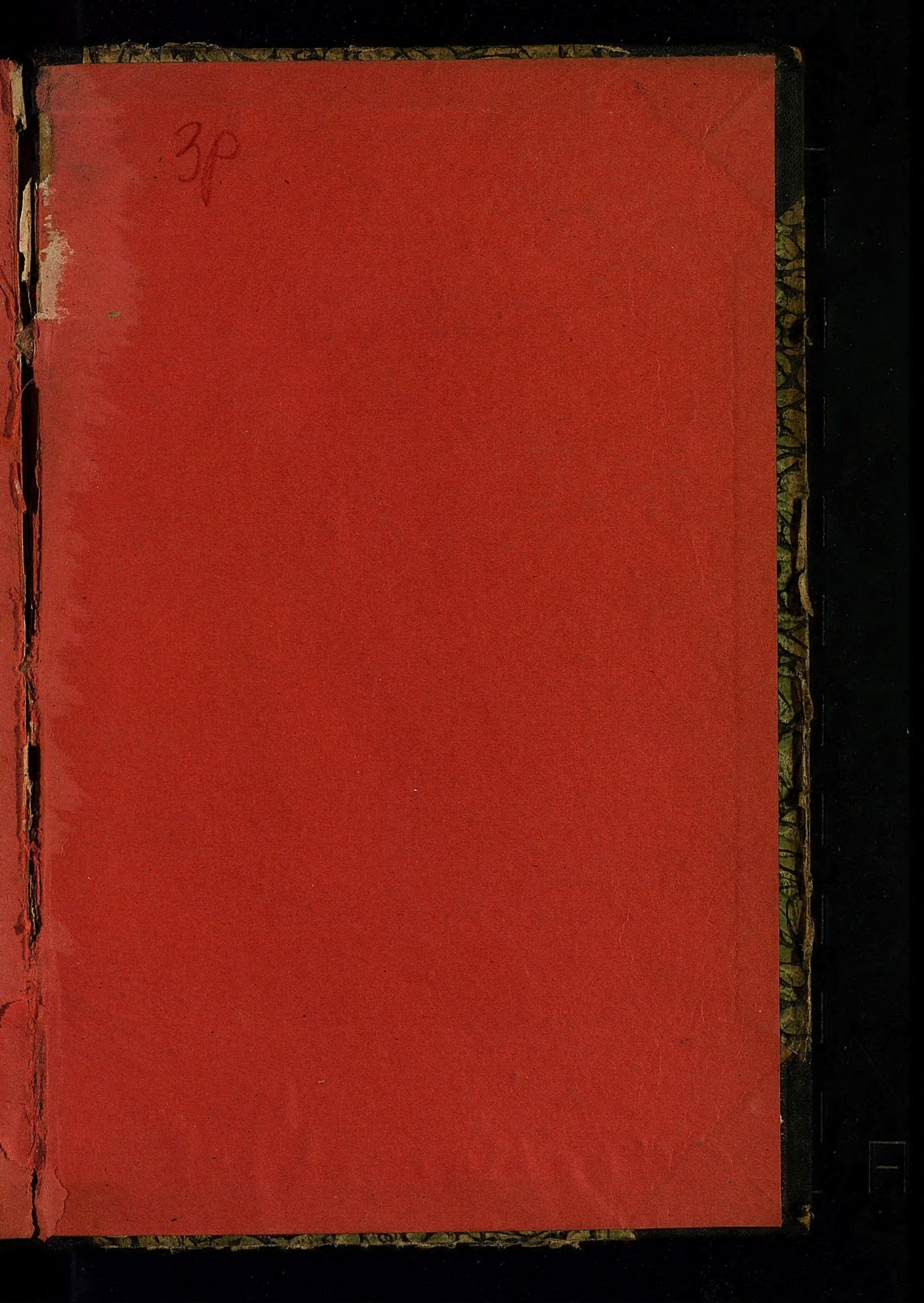
Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Петербургская-Сторона, Кронверкская ул., 21.

3P

